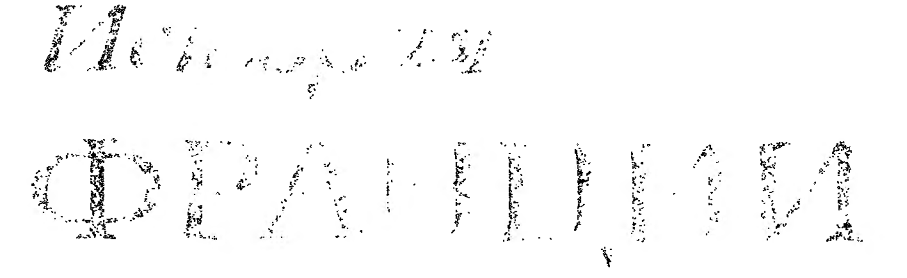
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт всеобщей истории



В ТРЕХ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1973

История
ФРАНЦИИ

ТОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1973

I $\frac{0163-0504}{042(02)-73}$ Подписное издание

1

ФРАНЦИЯ И ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Великая Октябрьская социалистическая революция в корне изменила исторические судьбы человечества. «Октябрьская революция ознаменовала начало революционного перехода от капитализма к социализму во всем мире» [1].

Французский капитализм, как и весь мировой капитализм, вступил в годы первой мировой войны в стадию общего кризиса. Причем, если для всего буржуазного мира это означало обострение внутренних противоречий и рост классовой борьбы, то для Франции, с присущими ей остротой социальных антагонизмов и особым накалом классового противоборства, наступление общего кризиса принесло особо значительные потрясения. По сути дела вся история этой страны после Октября была отмечена настолько сильным влиянием нашей революции, что, видимо, вне этого фактора невозможно понять основные ее события,— такие, как Народный фронт, «странная война», Сопротивление и т. д.

Непрерывные классовые бои, неуклонный, хотя и далеко неравномерный, рост влияния левых сил, активное участие французских революционеров в битвах международного пролетариата, солидарность с первой в мире страной социализма, с национально-освободительным движением наложили неизгладимый отпечаток на всю внутреннюю и внешнюю политику французского капитализма, предопределили ее антикоммунистическую направленность и вместе с тем ее весьма заметные и подчас весьма неожиданные повороты.

[1] «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы Центрального Комитета КПСС. М., 1967, стр. 49.

Война вызвала существенные сдвиги в экономике страны, усилила процесс ее индустриализации. Но вместе с тем война нанесла народному хозяйству огромный урон. Прямой ущерб составил 12% общего богатства страны. 9300 предприятий были полностью разрушены или повреждены. Франция потеряла 1851 тыс. человек [2].

В 1919 г. появились специфические симптомы послевоенного экономического кризиса. Восстановительные работы несколько оттянули его наступление, но падение производства наметилось уже в первый послевоенный год. Страна испытывала острый топливный кризис. В 1920 г. из-за недостатка топлива закрывались многие заводы. Производство железа и стали упало на 33%, хотя оставалось выше довоенного.

Большой урон война нанесла сельскому хозяйству. Почти 2 млн. га были непригодны к обработке. Сократилась посевная площадь под основными культурами, упала урожайность. В сельском хозяйстве не хватало рабочих рук: убыль составила 1,1—1,3 млн. человек [3].

Тяжелым было финансовое положение страны. Окончание войны не привело к значительному сокращению военных расходов. Французские правящие круги тратили крупные суммы на антисоветскую интервенцию, на субсидии белогвардейским главарям Колчаку и Деникину. М. Кашен вспоминал позднее, что когда он спросил главу правительства Клемансо, сколько это стоило, тот ответил: «Не знаю. Миллиарды!» [4]. Агрессивная внешняя политика, борьба с рабочим движением внутри страны, подавление национально-освободительного движения в колониях требовали средств. Государственный долг, который к концу войны составил 170 млрд. фр., к февралю 1920 г. вырос до 300 млрд. фр. [5].

И все же с окончанием войны французская экономика получила новый толчок для своего развития. Большое значение в этом смысле имели работы по восстановлению хозяйства в десяти освобожденных департаментах, где было разрушено 80—90% производственных построек и оборудования. Присоединение Эльзас-Лотарингии значительно расширило промышленную базу. Запасы железной руды увеличились более чем на 45%. Производственная мощность сталелитейной промышленности выросла на 80%. Осо-

[2] *A. Fontaine.* L'Industrie française pendant la guerre. Paris, p. 87—88; *M. Bouju, H. Dubois.* La Troisième république (1870—1940). Paris, 1957, p. 86; «Statistique du mouvement de la population 1914—1919», p. XIV.

[3] См. *B. Lacour-Gayet.* La France au XXe siècle. Paris, 1954, p. 165, 167; *М. Оже-Ларибе.* Французский крестьянин после войны. М.—Л., 1925, стр. 23.

[4] *M. Cachin.* Le problème de la paix et les dettes extérieures. Paris. 1925, p. 38.

[5] *G. Bonnefous.* Histoire politique de la Troisième république, t. II. Paris, 1957, p. 454; «L'Humanité», 9.II 1920.

бенно быстро росли металлургия и химия. Эти отрасли превзошли довоенный уровень по мощности двигателей. Индустриальное развитие стимулировалось получением репараций с Германии. До 1 мая 1921 г. сумма их составила 3,1 млрд. золотых марок; большая часть репараций поступала в виде натуральных поставок, главным образом в виде угля [6].

Изменилось соотношение между мелким и крупным производством. Если в 1906 г. на мелких предприятиях (от 1 до 10 человек) работало 58,1% от общего числа занятых в промышленности, то в 1921 г.— 45,6%. Процент занятых в крупных предприятиях (с числом рабочих более 100 человек) вырос с 24,8 до 32,5%, в средних — с 17,1 до 21,9% [7]. Концентрация делала рабочий класс более сплоченным и восприимчивым к революционным идеям.

В. И. Ленин, рассматривая в 1916 г. особенности развития французского империализма, указывал на его ростовщический характер, на особенно быстрый рост финансового капитала. В силу ряда причин французские капиталисты предпочитали вкладывать капиталы не столько в промышленность, сколько в ценные бумаги, преимущественно за границей. Однако за время войны заграничные инвестиции сильно сократились, а в последующие годы были восстановлены лишь частично. В результате значительно усилился приток капиталовложений в промышленность.

Резко возросла мощь монополий. В химическом производстве господствующее положение заняли фирмы Сен-Гобен и Кюльман. Компании «Ситроен», «Пежо», «Рено» сконцентрировали в своих руках 75% автомобильного производства. Укрепил свои позиции «Комите де форж» — объединение предпринимателей тяжелой промышленности. Представители монополистических кругов занимали многочисленные должности в государственном аппарате.

Развитие промышленного капитала не означало ослабления финансового. Быстрый рост государственной задолженности способствовал обогащению финансовых магнатов, позволял им во все большей мере воздействовать на политику правительства. Только кредиты Французского банка правительству выросли с 3900 млн. фр. в 1914 г. до 20 676 млн. фр. в 1918 г. [8] В свою очередь государство авансировало ряд новых крупных кредитных учреждений, финансировавших промышленность и торговлю.

[6] «Мировые экономические кризисы 1848—1935 гг.», т. 1. М., 1937, стр. 367, *А. И. Шнеерсон.* Финансовый капитал во Франции. М., 1937, стр. 40. Союзники намеревались получить от Германии 132 млрд. марок. Франция должна была получать 52% репараций.

[7] «Bulletin de la statistique générale de la France et du service d'observation des prix», t. XXII, fasc. III, avril — juin 1933, p. 423.

[8] *G. Lucout, G. Damougeot-Perron.* Le franc devant la crise. Paris, 1934, p. 103.

Тесное переплетение промышленного и финансового капитала, государственных и крупнокапиталистических интересов благоприятствовало перерастанию капитализма в государственно-монополистический. Многие буржуазные политические деятели и представители деловых кругов видели лишь в объединении мощи государства и монополий силу, способную упрочить политические позиции капитала. Так, один из руководящих деятелей реакционной организации «Аксьон франсез», Ж. Валуа (впоследствии отошедший от нее), считал необходимым слияние органов «новой экономической жизни с новым государством» в качестве единственного средства «преодоления коммунизма»[9]. Все настойчивее становились усилия, направленные на внутреннюю консолидацию крупного капитала в такую организацию, которую можно было бы противопоставить профсоюзному объединению — ВКТ[10]. С этой целью в 1919 г. была создана Всеобщая конфедерация французского производства, куда вошло 1500 предпринимательских объединений.

Все более углублялись социальные противоречия. Буржуазия, неслыханно обогатившаяся за годы войны, продолжала наживаться на субсидиях, отпускаемых государством на проведение восстановительных работ, умножала свои капиталы путем всевозможных злоупотреблений. Но основным средством наживы была эксплуатация трудящихся своей страны и колониальных стран.

Жизненный уровень рабочего класса был ниже довоенного. Хотя заработная плата номинально и выросла — результат упорной борьбы пролетариата, этот рост никак не поспевал за повышением цен. Так, индекс зарплаты рабочих Парижа составил в 1920 г. 354 по сравнению с довоенным временем (100), а индекс розничных цен подскочил до 452[11]. В стране не хватало продуктов. В особенно тяжелом положении находилось население освобожденных областей Севера, где от голода страдали не только рабочие, но и крестьяне.

В послевоенные годы в связи с частичной демобилизацией и свертыванием военного производства росла безработица. Предприниматели проводили массовые увольнения женщин-работниц (которые в середине 1917 г. составляли более 40% общего числа занятых на производстве). К октябрю 1919 г. Бюро по подысканию работы для демобилизованных получило 90 тыс. предложений, но устроило на работу всего лишь 2 тыс. человек[12]. Фак-

[9] G. *Valois.* L'homme contre l'argent. Souvenirs de dix ans 1918—1928. Paris, 1928, p. 14.

[10] *R. Priouret.* Origines du patronat français. Paris, 1963, p 231.

[11] *R. Picard.* Le mouvement syndical pendant la guerre. Paris, 1927, p. 109.

[12] См. «Правда», 23. X 1919.

тически число безработных было намного большим — многие из них не регистрировались в Бюро, а переходили с места на место в поисках работы. В промышленности и сельском хозяйстве широко применялся труд военнопленных и колониальных рабочих. Приток этой дешевой рабочей силы предприниматели использовали для разжигания конкуренции между пролетариями.

Рабочие испытывали острую нужду в жилье. За годы войны жилищное строительство почти прекратилось. Пролетарии вынуждены были ютиться в заводских поселках, где предприниматели, сдавая жилье, ставили определенные условия (например, не выписывать революционных газет и др.). В случае невыполнения их или увольнения рабочие должны были освободить помещение. Изнурительная работа, постоянное недоедание, тяжелые жилищные условия вели к массовым заболеваниям.

Углубление социального неравенства обусловило нарастание недовольства трудящихся масс политикой «священного единения», проводившейся буржуазией и оппортунистами. Банкротству ее способствовала и откровенно реакционная политика правящих кругов.

Сразу же после победы Октябрьской революции Советское правительство в своем Декрете о мире предложило всем воюющим народам и их правительствам начать немедленные переговоры о справедливом демократическом мире, мире без аннексий и контрибуций. Предложение Советского правительства нашло горячий отклик среди трудящихся всех стран, в частности Франции.

В этот момент французская буржуазия, обеспокоенная растущим влиянием революционных событий в России и ходом войны с Германией, призвала к власти одного из виднейших своих деятелей, Жоржа Клемансо, имевшего богатый опыт борьбы с рабочим движением. Став 16 ноября 1917 г. во главе правительства, Клемансо объявил главным принципом своей программы ведение войны [13]. По существу Клемансо продолжал политику предшествующих правительств, но еще более жесткими методами.

Весной 1918 г. германские империалисты, собрав все имевшиеся у них силы, сделали отчаянную попытку выиграть войну. Обстановка на фронте сложилась для союзников крайне неблагоприятно. Немецкие войска, начав наступление на р. Эн, вновь как и в 1914 г., вышли на р. Марну и начали обстреливать Париж из артиллерийских орудий. Наступление развивалось стремительно, и 8 июня немцы находились всего в 70 км от Парижа. Дальнейшее их продвижение было остановлено контратакой французских войск, но положение оставалось критическим. Правительство Франции обратилось к президенту США Вильсону с настоятельной просьбой

[13] См. *G. Clemenceau*. Discours de guerre Paris, 1934, p. 160, 197.

ускорить высадку американских войск. Американские подкрепления появились на фронте в первые дни июля. Немецкое наступление к этому времени уже выдохлось; силы Германии были истощены. В конце июля союзные войска под командованием генерала Фоша перешли в контрнаступление и 8 августа нанесли немцам сильнейший удар. В конце сентября развернулось генеральное наступление войск Антанты. Германия вынуждена была капитулировать.

Правительство Клемансо установило режим военной диктатуры. Аресты и штрафы, строжайшая цензура, отправка на фронт активистов рабочего движения, смертные приговоры стали обычным явлением повседневной жизни. Любые пацифистские выступления рассматривались как измена. В январе 1918 г. начался судебный процесс над Жозефом Кайо, бывшим председателем совета министров. Кайо, известный своими пацифистскими настроениями, обвинялся в дипломатических интригах, имевших целью обеспечить Германии выгодный для нее мир [14]. Тогда же правительство Клемансо дало ход обвинению (выдвинутому лидерами «Аксьон франсез») бывшего министра внутренних дел радикал-социалиста Жана Луи Мальви в шпионаже [15]. Процессы Мальви и Кайо, так же как и другие процессы того времени, проводились с целью терроризировать население, подавить всякую оппозицию.

Режим военной диктатуры создавал благоприятную почву для активизации реакционных сил и организаций. Правые элементы участили свои нападки на парламентаризм под предлогом его «полного бессилия во всех странах служить общественному спасению». Активизировалась также деятельность католической церкви. Действие декретов 1904 г. о конгрегациях, отсроченное в начале войны, не было возобновлено. И хотя Клемансо воздерживался восстанавливать официальные отношения с Ватиканом, представители власти присутствовали на важнейших религиозных церемониях. В свою очередь духовенство предложило официальным лицам свое содействие в решении многих вопросов, например в распространении займов [16].

Церковь стала претендовать на роль опоры правящих кругов в осуществлении политики классового сотрудничества. В 1919 г. под идейным руководством церкви был образован новый профсо-

[14] *J. Caillaux.* Devant histoire. Mes prisons. Paris, 1925, p. 114. В апреле 1920 г. Кайо был приговорен к трем годам тюрьмы и лишению активного и пассивного избирательного права на 10 лет.

[15] *A. Ribot.* Lettres à un ami. Souvenirs de ma vie politique. Paris, 1924, p. 349, 350. В августе 1918 г. Мальви был приговорен к ссылке на пять лет. (*L J Malvy.* Mon crime. Paris, 1921).

[16] *P. Raphael.* Vingt-cinq ans d'histoire. La République et l'Eglise Romaine. De l'esprit nouveau à l'union sacrée. Paris, 1948, p. 339.

юзный центр — Французская конфедерация христианских трудящихся (ФКХТ).

Победа над Германией способствовала распространению шовинистических настроений. Это обстоятельство в полную меру было использовано буржуазией и оппортунистическими лидерами рабочего класса, выдвинувшими, в частности, лозунг «Немец за все заплатит». В. И. Ленин в марте 1919 г. писал: «В странах Согласия сейчас наблюдается пробуждение масс, которое их правительства всячески стараются затушить. В этих целях все внимание несознательных еще масс направляется в сторону «патриотизма». Массы кормятся обещаниями и прельщаются выгодами победоносного мира, им обещаются неисчислимые выгоды после заключения мира. Их питают иллюзиями» [17].

Французская буржуазия, вышедшая из войны победительницей, всячески стремилась укрепить свои политические позиции. Она не довольствовалась тем, что еще в феврале 1918 г. Клемансо специальным декретом ограничил действенность парламентского контроля над исполнительной властью [18]. Правящие круги принимали меры, чтобы превратить парламент в послушное орудие своей политики.

В ноябре 1919 г. должны были состояться выборы в палату депутатов. В июле того же года через парламент был проведен закон, формально вводивший пропорциональную избирательную систему. Казалось, это отвечало требованиям трудящихся, выступавших против мажоритарной системы (которая позволяла буржуазным партиям захватывать абсолютное большинство мест в парламенте). Но одна из статей нового закона во многом аннулировала принцип пропорционального представительства, ибо допускала получение той или иной партией (или их блоком), получившей наибольшее число голосов в данном округе, «премии» в виде ряда дополнительных депутатских мест.

21 октября 1919 г. началась избирательная кампания. Правящие круги предложили всем партиям, группам и ассоциациям, которые ставили превыше всего «национальный интерес» (а на деле — интересы крупного капитала), сплотиться в широкую коалицию. Из этой идеи «республиканского, национального и социального объединения» и родился Национальный блок, в который вошли почти все буржуазные организации.

Основной силой блока, его вдохновителем был «Демократический союз», возглавляемый с момента своего основания в 1889 г. Адольфом Карно. В руках союза находилась вся крупная буржу-

[17] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 4.

[18] *P. Renouvin.* Les formes du Gouvernement de Guerre. Paris, [1925], p. 146.

азная пресса — «Тан», «Пти паризьен», «Матен», «Эко де Пари», не считая многочисленных газет в провинции. «Демократический союз» был тесно связан с деловыми и финансовыми кругами, в частности с «Комите де форж».

К Национальному блоку после долгих колебаний примкнули в основной своей массе и радикалы. Только небольшая часть их выставила самостоятельные списки. В политической жизни страны радикалы занимали место между социалистами и правыми. Но, оставаясь принципиальными противниками революционной борьбы масс, радикалы оказывались в лагере правых.

В сентябре 1919 г. съезд радикалов определил линию поведения партии в избирательной кампании, отвергнув всякую возможность союза с теми, кто «афиширует свое намерение осуществить насильственным путем социальную реорганизацию», и запретив создавать общие избирательные списки с социалистами, если они не порвали публично со своей партией[19]. Такая позиция в конечном счете обусловила присоединение радикалов к Национальному блоку, объединившему все буржуазные партии под флагом борьбы с большевизмом. В октябре 1919 г. лидер партии радикалов Э. Эррио принял предложение «Демократического союза».

Радикалы поддержали программу Национального блока, которая некоторыми положениями была близка к их собственной. Она требовала, в частности, строгого выполнения всех статей Версальского договора, объединения всех граждан «в рамках социального и религиозного мира». В последний пункт были включены требования «защиты цивилизации против большевизма», причем большевизм трактовался как «отрицание всякого социального прогресса». Этот же пункт содержал и требование сочетать светский характер государства с правами и свободами всех граждан, к какой бы вере они ни принадлежали. Фактически это означало признание правомерности существования религиозных конгрегаций. Радикалы, в прошлом решительно выступавшие против католической реакции, оказались теперь фактически среди ее сторонников.

В экономической и социальной части программы Национального блока говорилось о необходимости установить сотрудничество буржуазии и пролетариата, «облегчить приобретение рабочими капитала». Предполагалось также провести ряд административных реформ, повышающих ответственность чиновников, включить в конституцию основные принципы Декларации прав граждан.

Демагогический характер многих программных положений Национального блока был рассчитан на трудящиеся массы, особенно на мелкую буржуазию города и деревни. В то же время общие

[19] «Le Temps», 25—27. IX 1919.

положения программы давали возможность объединиться буржуазным организациям самого разного толка. «Аксьон франсез» тоже получила приглашение участвовать в блоке и отказалась, надеясь усилить свое влияние, выставив самостоятельные списки.

Национальный блок развернул активнейшую избирательную борьбу. Его лидеры использовали все возможности, создаваемые новым избирательным законом, согласно которому партии, объединившие свои усилия, получали дополнительные места. В обстановке ожесточенной погони за голосами, которую обострил новый избирательный закон, исключительно велика была роль прессы, находившейся, как уже отмечалось, в значительной мере в руках Национального блока. Был создан «Союз экономических интересов», взявший на себя расходы по выборам.

Осью избирательной кампании Национальный блок сделал шовинистическую пропаганду и борьбу с «угрозой большевизма». По всей стране расклеивались плакаты с изображением человека с ножом в зубах как символа большевизма. Широко распространялись всякие ужасы и небылицы о Советской России.

В результате шовинистического неистовства, демагогических обещаний, пропаганды лозунга «Немец за все заплатит», запугивания «коммунистической опасностью» крупной буржуазии удалось повести за собой крестьянство, мелкую буржуазию, даже какую-то часть рабочих. Действуя подкупом, ложью, угрозами, Национальный блок одержал на выборах 16 ноября 1919 г. победу, получив $^{2}/_{3}$ мандатов. Новая палата депутатов была палатой ставленников крупной буржуазии.

Национальный блок смог добиться успеха в условиях развивающегося во Франции революционного движения и потому, что в стране не было массовой революционной пролетарской партии, которая сумела бы противопоставить объединению реакционных сил союз рабочего класса с крестьянством, средними слоями. Избирательная платформа СФИО базировалась отнюдь не на революционной основе. Социалистическим федерациям предписывалось при выдвижении кандидатов обеспечить «сохранение традиционных социалистических принципов... духа братской терпимости и социалистического единства» [20]. Несколько правых социалистов выставили свой отдельный список, пойдя на прямое соглашение с реакцией. Все это способствовало поражению СФИО на выборах. Социалистическая партия потеряла 32 места по сравнению с выборами 1914 г., хотя собрала на 219 тыс. голосов больше.

После выборов правительство ушло в отставку. Клемансо не оправдал многих надежд буржуазии, в частности не смог справиться с революционным движением, потерпел неудачу в войне

[20] «L'Humanité», 15.IX 1919.

против Советской России. В этих условиях наилучшей кандидатурой на пост премьера считался ренегат социализма А. Мильеран — один из главных лидеров Национального блока, который заслужил доверие реакционных сил еще с момента своего вступления в кабинет Вальдека-Руссо, и в годы войны как человек «твердой руки» являлся военным министром.

Мильеран продолжил курс на усиление исполнительной власти и ограничение функций парламента, покровительствовал созданию организаций для борьбы с рабочим движением. Об одной из них — «Гражданской лиге» — «Юманите» писала, что она ставит себе целью формировать отряды «дополнительной полиции» для подавления забастовок [21]. Поощрялась деятельность «Аксьон франсез», которая старалась вовлечь в свои ряды всех, «кто боится коммунизма».

Правительство пыталось разрешить финансовые затруднения за счет трудящихся. Мильеран объявил главной задачей своего кабинета отыскание источников налогов везде, где это не будет мешать «духу предприимчивости» [22]. Вскоре после своего прихода к власти Национальный блок ввел новые налоги на сумму 8 млрд. фр.; 7/8 этой суммы должно было принести косвенное обложение, в то время как крупная буржуазия, несказанно обогатившаяся за счет военных прибылей, должна была уплатить лишь 4 млрд. фр. На душу населения приходилось в 1919 г. 252 фр. налогов, в 1920 г.— 470 фр. [23]

Таким образом, по своему существу политика правящих кругов осталась прежней. Но формы ее явно изменились. Мильеран широко использовал свой опыт демагогической обработки общественного мнения, хитроумного обмана трудящихся масс. Французская буржуазия, как и английская, отмечал В. И. Ленин, лучше всего разработала один из способов удержания народа в угнетении —«способ обмана, лести, фразы, миллиона обещаний, грошовых подачек, уступок неважного, сохранения важного» [24]. Эта способность французской буржуазии особенно наглядно проявилась в деятельности правительства Мильерана.

Мильеран стремился любым путем ослабить классовую борьбу. В своей программной речи 22 января 1920 г. он говорил о необходимости «гарантировать рабочим их законную долю в прибылях и в самой организации труда», укрепить «солидарность» труда

[21] «L'Humanité», 22.X 1920.

[22] «Annales de la Chambre de députés. Débats parlementaires (далее — «Débats parlementaires»). Session ordinaire de 1920», t. 1, p. 10.

[23] «L'Humanité», 30.VII 1920; *M. Augé-Laribé.* Le paysan français après la guerre. Paris, 1923, p. 41.

[24] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 158

и капитала, превратить арбитражные комиссии в средство предупреждения и полюбовного разрешения конфликтов между рабочими и предпринимателями [25]. Были несколько повышены пенсии, создан Совет по вопросам труда и найма рабочих.

Возродить политику «священного единения» времен войны Мильерану не удалось. Но умелая защита интересов империализма лично ему принесла немалые плоды: на президентских выборах в сентябре 1920 г. Мильеран стал президентом республики. Клемансо, также выставивший свою кандидатуру, потерпел поражение, на этот раз последнее, вскоре он ушел из политической жизни. Пост премьер-министра занял Лейг.

КЛАССОВЫЕ БОИ ПРОЛЕТАРИАТА

Рабочее движение во Франции с конца 1917 г. развивалось под огромным влиянием Октябрьской революции. О победе социалистической революции в России трудящиеся Франции узнали в тот же день. Гастон Монмуссо, видный деятель революционного крыла профсоюзного движения, впоследствии коммунист, вспоминал, что 7 ноября 1917 г. молниеносно распространилась весть: «Русские большевики взяли власть и призвали к миру во всем мире» [26]. И хотя единственной формой официальной «информации» трудящихся были фальсификация и клеветнические измышления, во Францию все же проникала правда о Советской России.

Широкое распространение получили письма Жака Садуля к Ромену Роллану, Альберу Тома. В сентябре 1917 г. социалист Ж. Садуль, работавший в военном ведомстве, был назначен атташе при французской военной миссии в Петрограде. Садуль был честным человеком. Сообщения о России, которые он посылал во Францию, были объективны, во всем противоречили тому, что сообщала буржуазная пресса. Его письма читались на рабочих собраниях, печатались социалистической прессой, а позднее были изданы отдельной книгой [27]. В защиту Советской России от яростных нападок буржуазии и ее подручных выступили такие общественные организации, как АРАК (Республиканская Ассоциация ветеранов войны) и «Кларте» («Ясность»), создан-

[25] «Débats parlementaires... 1920», t. I p. 10.

[26] «Le Bon Combat de Gaston Monmousseau». Paris, p. 16.

[27] *J. Sadoul.* Notes sur la révolution bolcheviste. Paris, 1920. В конце ноября 1919 г. Ж. Садуль вступил в ряды Красной Армии, за что был заочно приговорен правительством Клемансо к смертной казни.

ная по инициативе Анри Барбюса в 1917 г. Активную деятельность в защиту Октябрьской революции вел Комитет по восстановлению международных связей, объединивший часть левых социалистов и синдикалистов.

Воздействие Октябрьской революции на развитие рабочего движения во Франции, как и в других странах, стало фактором важнейшего значения. Но, конечно, Октябрьская революция не могла бы оказать столь глубокого влияния, если бы в самой Франции не было соответствующих объективных условий, создаваемых крайним обострением классовых противоречий. Массовое движение приобрело бы еще больший размах, если бы не тормозящее влияние социалистических лидеров. Даже после того как СФИО (в 1917 г.) формально перешла в оппозицию, ее руководство фактически оставалось союзником правящих кругов. В марте 1918 г. социал-шовинисты вступили в Республиканскую коалицию, образованную буржуазными пацифистами, недовольными «крайностями» политики Клемансо. Коалиция требовала проведения «социальной политики доверия к рабочему классу», которая должна была «ослабить конфликты, вместо того чтобы их обострять» [28]. В руках буржуазии она являлась орудием осуществления политики классового сотрудничества, укрепления позиций капитала; в то же время создание Республиканской коалиции свидетельствовало о растущем недовольстве масс.

Октябрьская революция дала мощный толчок забастовочному движению во Франции. В конце 1917 — начале 1918 г. оно приобрело ярко выраженный антивоенный характер. В декабре 1917 г. началась стачка металлистов бассейна Луары. Поводом к забастовке явились арест и отправка на фронт за «пораженческую» пропаганду секретаря союза металлистов Андриё. Металлисты требовали освободить его и других арестованных активистов, немедленно заключить мир без аннексий и контрибуций, протестовали против политических репрессий, приветствовали русскую революцию. В борьбу включились рабочие электростанций, военных заводов, шахт и других предприятий. Забастовки переплетались с волнениями, возникшими на почве дороговизны. Ввиду широкого распространения антивоенных настроений конференция профсоюзных организаций, состоявшаяся 23 декабря 1917 г. в Клермон-Ферране, включила в свою резолюцию пункт, осуждающий тайную дипломатию, и потребовала от правительства опубликования условий, на которых мог быть заключен «всеобщий, справедливый и длительный мир» [29].

[28] См. «La Bataille», 6. IV 1918.

[29] «L'Humanité», 23, 26, XII 1917.

Клемансо старался сломить массовое движение репрессиями и одновременно — расколоть ряды рабочих мелкими уступками. В начале 1918 г. только на подавление забастовки в Сент-Этьенне были направлены конный полк и 3 тыс. жандармов. В результате столкновений многие бастующие были убиты и ранены. «Закончилась история,— вспоминал английский посол лорд Берти,— отправкой молодых забастовщиков на фронт и повышением заработной платы старшей категории рабочих» [30].

В 1918 г. требование демократического мира становится главным лозунгом рабочего движения. За мир без аннексий и контрибуций высказались съезд горняков, союз рабочих-механиков, строительные рабочие департамента Сены. В резолюции, принятой последними, наряду с протестом против дороговизны и преследования революционных активистов, содержалось требование заключить мир на основе принципов, изложенных «Советом комиссаров русского народа» [31].

Огромной популярностью пользовалась антивоенная литература. Роман А. Барбюса «Огонь» переходил из рук в руки. Тираж пацифистского журнала «Ла Ваг», систематически помещавшего письма с фронта, превысил в 1918 г. 50 000 экземпляров [32]. В действующей армии распространялись листовки с призывами бороться против империалистической войны. Правительство неоднократно пыталось пресечь антивоенную пропаганду. Пацифистская пропаганда была объявлена (так же как и все забастовки) делом рук «немецких шпионов». Активисты, распространявшие антивоенную литературу, квалифицировались как «оплачиваемые изменники».

Антивоенное движение сочеталось с борьбой за демократические свободы. 14 апреля 1918 г. делегаты ряда военных заводов, собравшиеся в Доме синдикатов в Париже, приняли резолюцию, в которой отмечалось: «Рабочие считают, что главный вопрос, для решения которого надо приложить все силы,— это мир без аннексий и контрибуций, основанный на праве народов самим распоряжаться своей судьбой. Рабочие протестуют против преследований и арестов пацифистов, требуют, чтобы руководители пролетариата выступили в защиту свободы мысли» [33]. Борьба за демократические свободы имела большое значение для развития классового сознания пролетариата.

[30] *Лорд Берти*. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914—1919 гг. М.—Л., 1927, стр. 178.

[31] «L'Humanité», 17, 20, II; 24.III 1918.

[32] *M. Dommanget*. Histoire du Premier mai. Paris, 1953, p. 259.

[33] «L'Humanité», 15.IV 1918.

Резолюции, принимавшиеся на многочисленных собраниях, свидетельствовали о стремлении французского пролетариата провести 1 Мая под лозунгом защиты мира и демократии. И хотя сторонникам «священного единения» удалось сорвать всеобщую забастовку, 1 Мая бастовали тысячи рабочих Парижа, Марселя, Лиона, Гавра, Сент-Этьенна и других городов. Всего в майских забастовках, по официальным, явно преуменьшенным, данным, участвовало 37 657 человек[34]. Стачки на военных заводах статистикой не учитывались.

Хотя забастовки были не такими многочисленными, как в 1917 г., но их значение для развития рабочего движения было не менее велико: движение было более организованным, выступления носили в большинстве случаев политический характер, о чем свидетельствовали требования рабочих — обнародовать цели войны, начать переговоры о мире, прекратить отправку на фронт молодых призывников. «Эта манифестация,— писал о майских забастовках 1918 г. историк-социалист Поль Луи,— была наиболее значительной за весь период войны»[35]. Майские забастовки усилили революционные настроения рабочих, содействовали их политическому воспитанию. В борьбе за мир выковывались будущие кадры коммунистической партии.

Выступления рабочих на предприятиях проходили в это время в основном под руководством цеховых делегатов. По замыслу А. Тома, эти делегаты должны были препятствовать развитию революционных настроений среди рабочих; однако рабочие выбирали своими представителями активистов, известных антивоенной деятельностью. Цеховые делегаты стали выразителями интересов пролетариата и сыграли большую роль в рабочем движении 1918 г.[36]

Забастовки часто возникали в ответ на призыв Комитета защиты профсоюзов и проходили под его влиянием. Существенную поддержку движению оказал съезд профсоюзного меньшинства, находившегося в оппозиции к руководству ВКТ. На этой встрече революционных синдикалистов, состоявшейся 19—20 мая 1918 г. в Сент-Этьенне, присутствовало 100 делегатов от 150 организаций. Съезд призвал весь городской пролетариат присоединиться к бастующим. На призыв съезда откликнулись рабочие ряда городов департаментов Луары, Гар и др. В большинстве случаев, однако, забастовки возникали стихийно.

Лидеры социалистической партии и ВКТ в этих условиях ма-

[34] *Л. П. Кожевникова.* Рабочее и социалистическое движение во Франции в 1917—1920 гг. М., 1959, стр. 70.

[35] *P. Louis.* Le syndicalisme français d'Amiens à Saint-Etienne. Paris, 1924, p. 13.

[36] «Historie du Parti communiste français (Manuel)». Paris, 1964, p. 66—67.

неврировали. В ноябре 1918 г. руководство ВКТ обнародовало «программу-минимум», которая в сентябре 1919 г. была принята съездом ВКТ как программа действий французского рабочего класса. Она включала в себя основные экономические и политические требования, выдвинутые рабочим классом,— увеличение заработной платы, 8-часовой рабочий день, признание прав профсоюзов, восстановление конституционных свобод, амнистия арестованным активистам и др. Но главным содержанием ее были меры по «усиленному развитию национального производства». С этой целью предполагалось создать Национальный экономический совет [37]. В обстановке, когда рабочее движение носило наступательный характер, программа ВКТ пыталась направить его по реформистскому пути.

Большой вред рабочему классу приносила и соглашательская проповедь социалистических лидеров, считавших своей главной задачей добиваться «участия рабочих в прибылях». Под руководством А. Тома возобновилась деятельность «Комитета по предупреждению безработицы» (основанного еще до войны); здесь с участием представителей капитала рассматривались проблемы, связанные с восстановлением хозяйства, но основное внимание уделялось поискам путей «более тесного сотрудничества предпринимателей и рабочих» [38]. Деятели Комитета подметили в среде рабочих новую тенденцию — «желание участвовать в управлении промышленностью, чтобы улучшить условия труда, избежать безработицы и т. п.» [39]. И хотя эта тенденция только намечалась, лидеры СФИО поспешили направить ее по руслу классового сотрудничества, а не борьбы.

Оппортунисты поддерживали в массах шовинистические настроения, насаждаемые империалистами, активно пропагандировали лозунг «Немец за все заплатит». Не менее настойчиво социалистические лидеры рекламировали «вильсоновский мир» и Лигу наций, хотя им было ясно, что Вильсон «создал заговор против ленинской России» [40].

Однако буржуазии и проводникам ее политики в рабочем движении не удалось заменить «священное единение» первых лет войны «социальным миром» в послевоенные годы. Уже в первые месяцы 1919 г. забастовочная борьба значительно превысила уровень 1918 г.

[37] «L'Oeuvre», 2.XII 1918; «L'Humanité», 25.XI 1918.

[38] «Comité permanent d'études relatives à la prévision des chômages industriels. Compte rendu des travaux». Années 1917—1920. Paris, 1920, p. 7, 56, 59, 1*, 184*.

[39] Ibid., p. 56.

[40] «Le Populaire de Paris», 5.I 1919; «L'Humanité», 26.XI 1918.

На борьбу поднялись пролетарии самых различных профессий: металлисты, текстильщики, горняки, докеры и др. Наряду с экономическими часто выставлялись и политические требования. Повсеместно выдвигался лозунг установления 8-часового рабочего дня.

В январе 1919 г. прекратили работу транспортники Парижа — работники метро, автобусов, трамваев, требовавшие увеличения заработной платы, 8-часового рабочего дня, выплаты пособий при увольнении. Движение транспорта в столице возобновилось только после правительственного декрета о реквизиции, который ставил все транспортное хозяйство в распоряжение военных властей [41]. 25 января примеру парижан последовали железнодорожники линии Париж — Лион — Средиземное море, добивавшиеся составления шкалы окладов, национализации железных дорог, прекращения произвола хозяев. Это выходило за рамки экономических требований.

После же того как были арестованы многие профсоюзные активисты, в том числе Л. Мидоль — генеральный секретарь объединения профсоюзов этой линии, движение приняло ярко выраженный политический характер: рабочие выступили в защиту демократических свобод, требовали освобождения арестованных.

Правительство обещало рассмотреть требования рабочих и не применять санкций, Л. Мидоль был временно освобожден. Ссылаясь на обещания Клемансо, руководство федерации отдало распоряжение возобновить работу.

Бурное волнение среди трудящихся вызвало оправдание судом Виллена, убийцы Жореса. 29 марта 1919 г. десятки тысяч рабочих приняли участие в манифестациях протеста. 6 апреля более 300 тыс. парижан требовали ухода правительства Клемансо в отставку, прекращения интервенции в Россию, приветствовали Ленина, Советы, большевиков [42].

Подъем революционной борьбы вынудил буржуазию пойти на уступки. Некоторым категориям рабочих была повышена заработная плата. 23 марта 1919 г. был принят закон, по которому профсоюзы получали право заключать от имени рабочих коллективные договоры с предпринимателями. Это было большим успехом трудящихся, ибо предприниматели в течение десятилетий упорно отказывались вести с представителями синдикатов переговоры, отвергали какие-либо коллективные соглашения с рабочими. Теперь был достигнут существенный прогресс в деле признания прав профсоюзов.

[41] «Очерки рабочего движения во Франции (1917—1967)». М., 1968, стр. 17.
[42] «Коммунистический Интернационал», 1919, № 2, стр. 214—215.

Еще более значительной победой рабочего класса было введение законодательным путем 8-часового рабочего дня. Избегать решения этого вопроса далее было невозможно, и 23 апреля 1919 г. парламент почти без дебатов вотировал соответствующий закон. Рабочий класс вырвал эту уступку упорной борьбой, длившейся десятилетия. Выступление министра труда Коллиара в палате депутатов 16 апреля 1919 г. свидетельствовало, что правящие круги действовали в данном вопросе отнюдь не добровольно, что у них попросту не было другого выхода. Министр довольно откровенно объяснил причины исключительно быстрого — в течение 15 дней — утверждения закона: «Когда... стало ясно, что Франция не может избежать этого, промышленники хладнокровно рассмотрели проблему и с присущей нашему французскому гению изворотливостью ума постарались приспособиться к новой ситуации» [43].

Буржуазия намеревалась использовать новый закон в своих интересах, надеясь, в частности, что он отнимет у надвигавшейся первомайской манифестации «ее главную движущую силу» [44]. Эти расчеты не оправдались: успех лишь стимулировал рабочее движение. Первомайскую забастовку предотвратить не удалось.

Рост революционных настроений рабочих повлиял и на политику официальных лидеров рабочего движения. Руководство ВКТ, помимо экономических требований, выдвинуло к 1 Мая и политические лозунги из числа тех, что выставлялись рабочими на тысячах собраний,— полная демобилизация, амнистия, осуждение интервенции в Россию. При этом лидеры ВКТ вместе с руководителями межфедерального объединения, созданного для борьбы за 8-часовой рабочий день (федерации горняков, докеров, моряков), старались притупить революционное острие движения. Однако же их усилия не могли вселить в правящий класс уверенность. Буржуазные деятели запугивали население «большевизацией страны», провозглашая «отечество в опасности». С 20 апреля вокруг Парижа были сконцентрированы войска.

1 Мая во всех крупных городах была проведена всеобщая забастовка. В Париже, несмотря на осадное положение, состоялась грандиозная манифестация, в которой участвовало 500 тыс. человек. Колонны проходили по улицам с красными знаменами, пением «Интернационала». Во главе их шли бывшие участники войны, члены АРАК. Рабочие, прорвав полицейские заслоны и обезоружив двинутую против них воинскую часть, побратались

[43] «Débats parlementaires. Session ordinaire de 1919», tome unique, partie II, p. 1802.

[44] «La Feuille», 29.IV 1919.

с солдатами [45]. В отдельных местах возникли баррикады. «По донесениям французской полиции, пришлось прибегнуть в широких размерах к помощи американских солдат, находившихся в Париже, для усмирения французских демонстрантов...» [46] Во время стычек с полицией был убит рабочий Шарль Лорн. Хоронить его пришло 100 тыс. парижан. Это был грозный протест против политики правительства.

25 мая 1919 г. состоялась грандиозная манифестация парижских трудящихся в ознаменование памяти коммунаров. Во главе демонстрантов шли ветераны Коммуны. Всюду слышались возгласы: «Да здравствует Коммуна!», «Да здравствуют моряки Севастополя!», «Да здравствует русская революция!», «Амнистия! Амнистия!». Полиция не могла справиться с задачей «обеспечить порядок». Правительство создало в Париже и других городах муниципальную гвардию.

В июне 1919 г. забастовочное движение усилилось. 2 июня забастовали 50 тыс. горняков Па-де-Кале. В каждом рудничном поселке были созданы стачечные комитеты, установившие связь с объединением синдикатов департамента. Против бастующих были посланы войска и жандармерия, но стачка продолжалась. Движение распространилось на бассейны Нор и Анзэн. Одновременно с горняками бастовали металлисты Парижского района, затем прекратили работу парижские транспортники; на этот раз они добились победы. По признанию буржуазной прессы, стачки грозили «парализовать общую активность нации» [47]. Они охватили и новые слои пролетариата, до тех пор принимавшие слабое участие в рабочем движении,— рабочих обувной промышленности, резчиков по дереву, сельскохозяйственных рабочих окрестностей Парижа.

Всего в 1919 г. произошло 2206 стачек, бастовало 1 160 178 человек, было потеряно 15 478 312 рабочих дней [48]. Начало 1920 г. тоже не сулило буржуазии «успокоения».

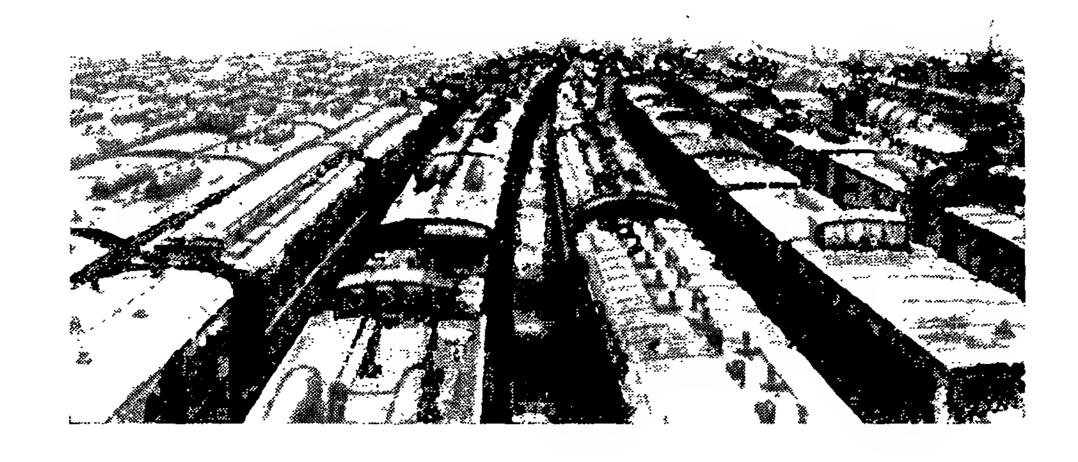
Движение получило сильный толчок благодаря новому выступлению железнодорожников линии Париж — Лион — Средиземное море. 19 февраля один из них был уволен за участие в заседании дорожного комитета без разрешения компании. В тот же день

[45] *Г. Жеррам.* Революционная Ассоциация бывших участников и жертв войны Франции. М., 1932, стр. 6. Предисловие П. Вайян-Кутюрье.

[46] *А. Виктор.* Письма из Франции.— «Коммунистический Интернационал», 1919, № 2, стр. 216.

[47] «Le Temps», 4. VI 1919.

[48] «Direction du travail. Statistique des grèves survenues pendant l'année 1919». Paris, p. 333.



В дни забастовки железнодорожников в феврале 1920 г.

рабочие мастерских, где работал уволенный, объявили забастовку в защиту профсоюзных прав. Администрация ответила локаутом. Тогда забастовали все рабочие этой линии, а также парижских вокзалов других железнодорожных линий. Правительство, встревожившись, предложило компании пойти на уступки — несколько увеличить зарплату, не применять санкций к участникам забастовки. И хотя компания вновь ограничилась лишь обещаниями, реформистские лидеры ВКТ распорядились возобновить работу. Они обвинили революционных синдикалистов, возглавляемых Л. Мидолем и Г. Монмуссо, в стремлении превратить забастовку в политическое выступление [49].

Однако вскоре железнодорожники возобновили борьбу, ибо компания так и не выполнила своих обещаний. Тогда правительство Мильерана провело закон о милитаризации важнейших видов транспорта, что позволило рассматривать бастующих как дезертиров и предавать их военному суду. Был введен обязательный арбитраж на предприятиях общественного значения. На всех участников забастовки обрушились репрессии. Собравшийся в Париже 22 апреля 1920 г. съезд федерации железнодорожников извлек уроки из опыта этой борьбы. Он отклонил отчет реформистского руководства федерации, избрал новое руководство, во главе которого стали революционные синдикалисты, в их числе Г. Монмуссо и Л. Мидоль, и решил провести 1 мая всеобщую забастовку железнодорожников.

[49] «L'Humanité», 24, 29.II 1920; «Histoire du Parti communiste français (Manuel)», p. 89.

Движение транспортных рабочих было поддержано десятками тысяч пролетариев других отраслей производства — металлистами, горняками, докерами. Общее число рабочих дней, потерянных за время этих забастовок, составило 3 млн., т. е. примерно столько же, сколько за все четыре года мировой войны [50].

Во многих случаях рабочие выражали стремление к более активным действиям. 50 тыс. текстильщиков, собравшись в Рубе, подтвердили свою готовность к решительной революционной борьбе против буржуазии и правительства. В Страсбурге бастующие выражали солидарность с революционерами России, Германии, Венгрии. Рабочие департамента Сены заявили, что будут добиваться амнистии для борцов, подвергшихся репрессиям, всеми средствами, включая всеобщую стачку [51]. Французских пролетариев вдохновляла героическая борьба трудящихся Советской России. Буржуазная пресса признавала, что на рабочее движение во Франции большое влияние оказали примеры России и Германии, что «французский народ не доверяет руководителям ВКТ» [52].

В революционное движение втягивались все более широкие слои сельскохозяйственных рабочих, беднейшего и частью среднего крестьянства. Росту их недовольства способствовала политика правительства, увеличившего налоги. В марте 1920 г. на юго-востоке Франции возникло серьезное крестьянское движение, в котором большое участие приняли арендаторы. Крупные забастовки сельскохозяйственных рабочих имели место в департаментах Гар, Восточных Пиренеев. Требуя повышения заработной платы, забастовали сельскохозяйственные рабочие в окрестностях Монпелье. В начале марта возникла общая стачка сельскохозяйственных рабочих в районе Перпиньяна. Здесь произошли внушительные манифестации; бастующие демонстрировали по улицам города с красными знаменами [53].

В апреле 1920 г. первый съезд Национальной федерации сельскохозяйственных рабочих, созданной в 1919 г., сформулировал свои требования: земельная реформа, создание коллективных земельных владений в опустошенных войной областях, уравнение в правах сельскохозяйственных рабочих с рабочими промышленных категорий (8-часовой рабочий день, гарантированный минимум заработной платы, регламентация вербовки иностранных рабочих) и др. В качестве конечной цели борьбы съезд провозгла-

[50] С. С. *Бантке*. Массовое рабочее движение во Франции в 1920 г.— «Французский ежегодник 1958». М., 1959, стр. 433.

[51] «L'Humanité», 16, 17, 22.III 1920; «Le Journal du peuple», 22.III 1920.

[52] «La Feuille», 6, 31.III 1920.

[53] «L'Humanité», 18.III, 7.IV 1920; «La voix paysanne», 1920, N 7, p. 107.

сил полное освобождение труда посредством передачи в общее пользование всех средств производства. Было послано приветствие русским Советам и революционерам Германии [54].

Многие сельскохозяйственные рабочие и наиболее сознательная часть трудящихся крестьян приняли участие в праздновании 1 Мая. Состоявшийся в апреле 1920 г. съезд сельскохозяйственных рабочих, мелких собственников, фермеров и мелких арендаторов обязал членов федерации бастовать 1 мая. Октябрьская революция, забастовочное движение французских рабочих, деятельность левых социалистов помогли части крестьянства освободиться от шовинистического угара и понять общность своих интересов с интересами рабочих.

Трудящиеся Франции активно готовились к 1 Мая 1920 г. В авангарде революционного движения страны шла федерация железнодорожников. Выполняя решение своего съезда, 250 тыс. железнодорожников объявили 1 мая всеобщую забастовку, требуя национализации железных дорог, восстановления на работе всех уволенных за участие в стачках, прекращения репрессий, признания профсоюзных прав. Лидеры ВКТ заявили о своей поддержке железнодорожников при условии, если руководство забастовкой будет передано конфедеральному бюро. Получив согласие руководителей федерации железнодорожников, которые еще раз поверили в стремление лидеров ВКТ действовать в интересах рабочих, они выдвинули в качестве основного лозунга борьбы требование национализации железнодорожного транспорта и согласились провести всеобщую забастовку солидарности, но предложили тактику «последовательных волн» — постепенного включения различных отраслей промышленности в забастовочное движение.

В результате металлурги, которые бастовали вместе с железнодорожниками с 1 мая, должны были возобновить работу, чтобы ждать своей очереди. 3 мая прекратили работу горняки, моряки, докеры, 8 мая — металлисты, строители, транспортники, 10 мая — электрики, 11 мая — рабочие газовой и мебельной промышленности. Однако тактика «последовательных волн» создавала наилучшие условия для подавления стачек, подставляя их под удары правительства. Посредством репрессий и использования на предприятиях солдат вместо бастующих рабочих удалось ограничить размах движения. К тому же 15 мая, когда забастовка железнодорожников была в самом разгаре, лидеры ВКТ, следуя своей порочной концепции, дали указание возобновить работу. Руководство федерации считало необходимым продолжать борьбу, но вскоре большая часть его была арестована по обвинению в уча-

[54] «L'Humanité», 18.IV 1920, см. также *G. Walter.* Histoire des paysans de France. Paris, 1963, p. 443.

стии в заговоре против государственной безопасности [55]. 29 мая работа была возобновлена, хотя требования железнодорожников остались неудовлетворенными. Более 20 тыс. транспортных рабочих были репрессированы.

Всего в 1920 г. бастовало 1 316 559 человек; число потерянных дней составило 23 112 038 [56] — намного больше, чем в прошлые годы. Но практические результаты столь массового движения были невелики. Одна из причин этого состояла в том, что революционные синдикалисты слишком доверчиво отнеслись к руководству ВКТ. Г. Монмуссо отмечал, что основными ошибками революционного меньшинства ВКТ в мае 1920 г. были: непонимание роли реформистских руководителей и их «левых» маневров, неумение критически оценивать экономическую и политическую обстановку, состояние массового движения, эмпиризм и импровизация в вопросах стратегии стачечной борьбы. «Не владея революционной теорией,— писал Монмуссо,— руководители этого меньшинства накануне забастовки попали в тупик и в поисках выхода из него неизбежно оказались в плену реформистской путаницы и обмана» [57].

Отсутствие твердого революционного руководства позволило лидерам ВКТ стать во главе движения, навязать ему реформистские цели и привести к поражению. Тем не менее забастовки 1920 г. сыграли большую роль в развитии французского рабочего движения. Революционные выступления рабочих, рост их политической сознательности сорвали планы империалистов, пытавшихся перейти к открыто террористическим методам сохранения своей диктатуры. В огне классовых боев выковывались кадры будущих профсоюзных и политических руководителей рабочего класса. Активно участвовали в забастовках Гастон Монмуссо, Пьер Семар, Бенуа Фрашон, Леон Мовэ, Бартелеми Рамье и другие активисты рабочего движения.

В дальнейшем стачки приобрели оборонительный характер, проходили разрозненно. В течение шести месяцев, с мая по декабрь 1920 г., из Всеобщей конфедерации труда ушли тысячи рабочих; она потеряла половину членов. Причиной этому было не разочарование рабочих к революционной борьбе, а утрата веры в революционность официальных лидеров. Подавление майских забастовок и жестокие репрессии не сломили боевого духа рабочих, наиболее ярким свидетельством чему было движение в защиту Советской России.

[55] *J. Brécot.* La grande grève de mai 1920. Paris, 1920, p. 28, 59, 62.

[56] «Statistique des grèves... 1920», p. 265.

[57] См. *Ж. Фревиль.* Рождение Французской коммунистической партии. М., 1951, стр. 80.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦУЗСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА. ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Основные направления внешней политики Франции в первые послевоенные годы в значительной мере определились до того, как наступил мир. Подготовленная правительством Клемансо программа возмещения ущерба и гарантий безопасности предполагала максимальное экономическое, военное и политическое ослабление Германии.

Заблаговременно составлялись наметки требований и их обоснования. Исследовательский комитет, объединивший группу ученых во главе с крупным историком Эрнестом Лависсом, занимался географическим, этнографическим, историческим и политическим аспектами возможных территориальных изменений в Европе и на Ближнем Востоке. Другой комитет, под руководством сенатора Жана Мореля, изучал состав и объем экономических претензий Франции. Координация их работы была возложена на специальное совещание под председательством А. Тардье, политика, наиболее близкого к Клемансо.

Французское правительство не хотело связывать себя и считало, что даже самые смелые планы могут оказаться недостаточными в условиях, когда победа будет достигнута. Уже на этом этапе исходили из того, что Франция должна добиваться господства в Европе.

В конце 1917 г., немедленно после победы Великого Октября, определилась роль французского империализма как одного из активных организаторов и участников антисоветской интервенции. Поскольку до окончания мировой войны о посылке крупных вооруженных сил в Советскую Россию не могло быть и речи, правительство Клемансо было вынуждено ограничиться злобной антисоветской пропагандой и оказанием финансовой помощи силам внутренней контрреволюции. При этом преследовалась двоякая цель: во-первых, затруднить доступ правдивой информации о событиях в России, а во-вторых, дезориентировать общественное мнение Франции, представив дело так, будто единственной заботой французского правительства является сохранить Россию в числе воюющих стран и тем приблизить победу над Германией.

Правящие круги Франции многократно выражали уверенность в непрочности и недолговечности советского строя. Буржуазная пресса пыталась представить социалистическую революцию в России как малозначительный эпизод, результат деятельности кучки заговорщиков. «Было бы удивительно, если бы переворот, совершенный в Петрограде небольшой группой смельчаков, окончательно изменил судьбы России»,— безапелляционно заявляла 9 нояб-

ря газета «Матен», сообщая о победе революции. Буржуазная пресса Франции, сообщая своим читателям тысячи пугающих небылиц о жизни Советской страны, утверждала, что под властью большевиков Россия движется вспять к «пещерному веку» [58].

В гигантской кампании клеветы активно участвовали лица, занимавшие в Третьей республике официальные посты. Так, Ж. Клемансо, беседуя 6 декабря 1917 г. с директорами парижских газет, сообщил им, что руководители Советской России якобы получили от германского правительства 70 млн. рублей за выход из войны.

В то же время делались первые шаги по пути антисоветской интервенции. 23 декабря 1917 г. было подписано соглашение с Англией о разделе территории России на зоны влияния; французская зона включала Украину, Бессарабию и Крым. Через несколько дней министр иностранных дел С. Пишон, обвиняя Россию в нарушении союзнических обязательств, откровенно заявил в палате депутатов, что Франция не намерена признать новое правительство этой страны, но будет поддерживать любые группы, ведущие борьбу против большевизма [59]. В телеграмме, посланной генералу Франше д'Эспре, глава правительства предлагал рассмотреть возможность «экономической изоляции русского большевизма», т. е. установления блокады [60].

Во главе одного из основных центров, занимавшихся организацией внутренней контрреволюции, встал бывший французский посол Ж. Нуланс, оставшийся на территории России, несмотря на то что Советское правительство настойчиво требовало его отзыва. Он передал эсеру Б. Савинкову более 2 млн. рублей на организацию контрреволюционных заговоров [61], к нему тянулись нити и от заговора Локкарта, и от мятежа чехословацкого корпуса в Сибири.

Весной 1918 г. отряд французских войск был высажен вместе с англичанами и американцами в Мурманске. Французские солдаты входили и в состав войск 15 наций, посланных тогда же во Владивосток. В августе 1918 г. сформированное в Париже «чешское правительство» назначило французского генерала Жаннена командующим чехословацкой армией в Сибири.

Правительство Франции, так же как и правительства других

[58] См. *Ж. Дюкло.* Октябрь 17 года и Франция. М., 1967, стр. 118, 123, 141; *Ж. Садуль.* Доклад на Первом конгрессе Коммунистического Интернационала.— «Коммунистический Интернационал», 1919, № 3, стр. 382.

[59] «Débats parlementaires. Session ordinaire de 1917», tome unique, partie III, p. 3794.

[60] *H. Slovès.* La France et l'Union Soviétique. Paris, 1935, p.81.

[61] «Известия», 31.VIII 1924.

стран, участвовавших в интервенции, неоднократно выступало с заявлениями, в которых объясняло свои действия военной необходимостью. «Все, что мы сделали против большевиков, на самом деле было направлено против немцев» [62],— утверждал С. Пишон, выступая 29 декабря 1918 г. в палате депутатов. В официальных заявлениях подчеркивалось также, что целью интервенции якобы было «восстановление порядка в России» и что Франция лишь откликнулась на призыв «здоровых элементов русского народа, оставшихся верными союзным обязательствам...» [63]

Действительные причины и цели интервенции были совершенно иными. Французская буржуазия, как и империалистическая буржуазия других стран, испытывала панический страх перед социалистической революцией в России и ее влиянием на пролетариат всего мира. «Большевизм проникает повсюду,— с тревогой сообщала газета «Тан» 31 декабря 1918 г.— Надо вести с ним вооруженную борьбу, использовать русских патриотов, снабжая их оружием и продовольствием».

Однако особая настойчивость и активность французских правительств, упорство, с которым они цеплялись за интервенционистские методы даже тогда, когда неудача стала очевидна, объяснялись не только общей для империалистов всех стран ненавистью к первому в мире пролетарскому государству. Французские банки предоставляли на ростовщических процентах крупные займы царизму, инвестировали капиталы в России [64].

Все это в известной мере объясняло ту роль, которую взял на себя французский империализм в деле организации антисоветской интервенции. Правительства Франции ставили условием помощи контрреволюционным силам России возмещение убытков, понесенных французскими подданными из-за революции.

После окончания мировой войны стало сказываться еще одно обстоятельство. Во Франции десятки тысяч средних и мелких буржуа — держатели акций предприятий, находившихся на территории России, вкладчики банков, экспортирующих капитал, рантье или обладатели облигаций военных займов — с тревогой и неприязнью воспринимали сообщения из России. Правящая финансовая олигархия, перекладывая на плечи этих слоев значительную часть тягот, порожденных войной и послевоенной агрессивной,

[62] «Débats parlementaires. Session ordinaire de 1918», tome unique, partie III, p. 3334.

[63] С. *Пишон*. Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. М.— Л., 1925, стр. 73.

[64] См. *И. И. Минц*. История Великого Октября, т. I. М., 1966, стр. 166; *П. И. Лященко*. История народного хозяйства СССР, т. II. М., 1948, стр. 652; *H. Slovès*. La France et l'Union Soviétique, p. 148—149.

авантюристической политикой, получила возможность объяснять их разорение национализацией, проведенной Советским правительством. Весь аппарат буржуазной пропаганды твердил, что беды, обрушившиеся на среднего буржуа, порождены двумя причинами: последствиями нападения со стороны Германии и революцией в России.

Таким образом, интервенцию стремились представить походом в защиту мелких собственников, актом «национальной политики», требующим и «национального единения». К такому единению призывали во имя заключения мирного договора, который обеспечил бы возрождение великой Франции и заставил немцев «заплатить за все».

Мирная конференция открылась 18 января 1919 г. в Париже. Французскую делегацию возглавлял Ж. Клемансо, всю свою политическую жизнь являвшийся воплощением идеи реванша в борьбе с Германией. Его правой рукой был реакционный политический деятель А. Тардье. В состав делегации вошли наиболее значительные буржуазные политики Третьей республики: Л. Буржуа, С. Пишон, Л. Клоц, Ж. Камбон, Л. Лушер и др.

Первоначально французская делегация выступала с программой «карфагенского мира», предполагавшей полное сокрушение и расчленение Германии. Ссылаясь и на необходимость создать прочные гарантии против новой германской агрессии, и на принципы «справедливости» и «воздаяния», Клемансо и его коллеги поднимали вопросы об отделении Баварии и превращении ее в самостоятельное государство, о создании Рейнской республики под французским протекторатом, об установлении государственной границы Франции по левому берегу Рейна, о передаче ей не только Эльзаса и Лотарингии, но и Саарского угольного бассейна и т. д. Особо большое значение придавалось вопросу о репарационных платежах.

В первых же выступлениях Клемансо была выдвинута идея, согласно которой взимание репараций должно было рассматриваться в качестве средства ослабления Германии и, следовательно, создания гарантий безопасности Франции. Таким образом, дело было не во взыскании ущерба, причиненного во время войны, а в установлении режима постоянного ограбления Германии, что привело бы к уничтожению ее экономического потенциала. Клемансо настаивал на том, что репарационные требования неотделимы от военных и политических и только по мотивам технического удобства могут обсуждаться отдельно. «Право компенсации,— говорил он,— не должно быть ограничено»[65]. Опираясь

[65] G. *Samné*. Raymond Poincaré. Paris, 1933, p. 258.

на это, французские эксперты во главе с Лушером определяли размеры репараций фантастической суммой в 200 млрд. долларов, с тем чтобы 58% ее получала Франция, доля же Англии не должна была превысить 25%[66]. Заведомо завышенные требования позволяли добиваться наибольших уступок от партнеров по конференции.

Позиция Франции в немалой степени диктовалась и внутриполитическими соображениями. Правительство Клемансо считало необходимым поддерживать в стране, охваченной революционным движением, большие надежды на блага, которые принесет мир. Оно надеялось убедить население, что от успеха Франции на Парижской конференции зависит решение всех животрепещущих проблем, и тем самым внести хотя бы некоторое успокоение. К тому же было очевидно, что часть французских требований останется невыполненной или будет принята не полностью, а это позволило бы в дальнейшем объяснять трудности и бедствия трудящихся несовершенством мирного договора (подобные демагогические доводы действительно использовались позже при наступлении на трудящихся, они сыграли важную роль в победе Национального блока на выборах в ноябре 1919 г.).

По Версальскому договору, подписанному Германией 28 июня 1919 г., Франции были возвращены Эльзас и Лотарингия. Левый берег Рейна и 50-километровая полоса по правому берегу Рейна подлежали демилитаризации. Ряд пунктов этой зоны в течение 15 лет подлежал оккупации союзными войсками. Франция на 15 лет вступала во владение угольными копями Саара, причем в течение этого времени управление Саарской областью должно было осуществляться комиссией Лиги наций во главе с представителями Франции. Удалось также добиться решения о назначении представителя Франции председателем репарационной комиссии. В договоре было торжественно провозглашено, что Германия должна оплатить все убытки, нанесенные войной, но сумма репараций осталась неназванной, и каждая страна получила возможность по-своему толковать принятое решение. Франция получила часть германских колоний в Африке — Того и Камеруна, а позже, по Севрскому договору, заключенному с Турцией в августе 1920 г., мандат на Сирию и Ливан.

Экономические, военные и другие постановления Версальского договора и дополнивших его договоров с бывшими союзниками Германии — Австрией, Венгрией, Болгарией и Турцией способствовали превращению Франции в сильнейшую державу Европы. Она обладала самой многочисленной и хорошо вооруженной континен-

[66] *К. Новак.* Версаль. М., 1930, стр. 82.

тальной армией. На востоке Европы образовалась линия государств (Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия), реакционные правительства которых связали себя союзническими отношениями с Францией не только с целью противодействия возможной германской агрессии, но и для участия в антисоветской интервенции.

«Мы получили все, что требовали, и даже больше» [67],— уверенно заявил Тардье 2 сентября 1919 г., предлагая палате депутатов ратифицировать Версальский мир. Эти слова, сказанные в оправдание политики Клемансо, в известной мере свидетельствовали о том, как правящие круги Франции представляли себе положение в первые послевоенные годы. Действительность была значительно сложнее. Хотя Франции и удалось многого достигнуть, она вынуждена была пойти на уступки, которые впоследствии оказали значительное влияние на ее судьбу, как и на будущее всей Европы.

Возникшая в годы войны зависимость Франции от Англии и США, государственный долг этим странам (он достиг в 1919 г. огромной суммы — 27 млрд. фр. [68]), необходимость сохранить союз с ними с целью сокрушения Советской России, наконец, то обстоятельство, что правительство Клемансо еще в феврале 1918 г. связало себя согласием с 14 пунктами Вильсона, на которые опирался Версальский договор,— все это вынуждало французскую делегацию идти на уступки.

Отказ Франции от требования присоединения к ней левого берега Рейна был обусловлен обещанием Англии и США заключить договор, который создал бы дополнительные гарантии ее безопасности. Но США не ратифицировали Версальский мир, так как не желали связывать себя участием в Лиге наций, поэтому и трехсторонний договор не был подписан. Сохранился лишь компромисс, на основании которого территории по обе стороны Рейна остались в составе Германии и под ее суверенитетом. Не удалось Франции добиться создания сильной Польши, которая могла бы играть роль ее основного союзника в Восточной Европе. Раздираемая классовыми и национальными противоречиями, внутренне слабая и непрочная послеверсальская Польша ни в какой мере не соответствовала первоначальным планам французских буржуазных политиков.

Переговоры, которые велись на Парижской мирной конференции, долгое время сохранялись в тайне. Пресса не публиковала никаких сообщений, парламент не получал информации, Клемансо

[67] *Б. Е. Штейн.* А. Тардье и его книга.— В кн. *А. Тардье.* Мир. М., 1943, стр. VII.

[68] «Annuaire statistique», vol. 54. Paris, 1938, p. 201.

отклонял все запросы депутатов. Лишь в середине апреля две парламентские делегации получили кое-какие пояснения, а 9 мая было опубликовано краткое содержание основных положений договора. Это немедленно вызвало бурную реакцию. Критика раздавалась со всех сторон. «Ни одно политическое мероприятие не подвергалось более страстным нападкам, чем Версальский договор...» [69],— писал А. Тардье.

Наибольшее возмущение правых вызвало соглашение о левом береге Рейна и гарантийном пакте с Англией и США, который многие из них считали не более чем «клочком бумаги». Депутат от пограничного департамента Мёрт-и-Мозель Луи Марен утверждал, что Версальский мир не обеспечил ни уплаты репараций, ни безопасности страны [70].

Версальский договор подвергся критике и со стороны фракции СФИО в парламенте. Депутаты-социалисты осуждали стремление к расчленению или полному уничтожению Германии. Угроза миру, справедливо подчеркивали они, определяется тем, что этой страной правит союз аристократических и империалистических сил. Однако, требуя переустройства Германии, французские социалисты имели в виду только буржуазно-демократические преобразования, не связанные с коренной ломкой социального и экономического строя. Осуществление этой программы не ликвидировало бы причин германской агрессии и, следовательно, не решило бы проблемы безопасности Франции.

Несмотря на жаркие споры, вызванные Версальским договором, он был ратифицирован абсолютным большинством в 372 голоса. Против голосовали лишь 53 депутата (из них 51 социалист), воздержавшихся было 74. Исход голосования определялся и убеждением, что Франция добилась весьма выгодных условий, и надеждами на получение компенсации за ущерб, нанесенный войной, и большим авторитетом Клемансо.

Изменения, которые претерпела позиция Франции во время подготовки мирного договора, во многом вызывались ее участием и ролью в интервенции в Советскую Россию. Как только закончилась мировая война, антисоветский курс французского правительства резко активизировался. Его проводники были уверены, что прямое вмешательство вооруженных сил Антанты в короткий срок приведет к свержению Советской власти и вернет французской буржуазии как вложенные капиталы, так и союзника на востоке Европы. Достижение подобной цели с лихвой компенсиро-

[69] *А. Тардье*. Мир, стр. 340.

[70] *A. François-Poncet*. Notice sur la vie et les travaux de Louis Marin (1871—1960). Paris, 1966, p. 20; *G. Clemenceau*. Grandeur et misère de la victoire. Paris, 1930.

вало бы все, чего не удалось добиться в ходе мирной конференции, и оправдало бы уступки союзникам, на которые пошел «непримиримый» Клемансо.

В ноябре 1918 г. Англия и Франция подтвердили заключенное в декабре 1917 г. соглашение об интервенции и приступили к его осуществлению. Французские корабли, входившие в состав объединенной эскадры, введенной в черноморские воды, стали на рейдах Одессы и Севастополя. Началась высадка войск. Однако сильное брожение среди солдат привело к тому, что на юге России вместо предполагавшихся 10—15 дивизий было высажено всего 2 французские и 1,5 греческие дивизии, усиленные польским, сербским и румынским отрядами. Объединенное командование осуществлял французский генерал д'Ансельм.

В январе и феврале 1919 г. эти войска заняли Херсон и Николаев и продвинулись на 100 километров севернее Одессы. Франция взяла на себя содержание польской армии, навязала кабальный договор правительству Украинской Директории, направила военную миссию в ставку генерала Деникина, заключила соглашение об объединении войск интервентов под командованием генерала Жаннена. Французские власти принуждали русских солдат, посланных во Францию еще царским правительством, вступать в контрреволюционные формирования Деникина и Юденича.

На мирной конференции французские делегаты всемерно сопротивлялись установлению каких бы то ни было контактов с Советским правительством. В то же время они высказывались против заключения соглашений, направленных на закрепление территориальной раздробленности России. Так, в январе 1919 г. правительство Франции отвергло предложение президента США Вильсона о созыве на Принцевых островах конференции представителей Антанты и всех правительств на территории бывшей Российской империи, в том числе Советского правительства.

Антисоветская политика французского правительства с самого начала вызвала осуждение со стороны широких слоев трудящихся. Уже в 1918 г. рабочие начали активно выступать против вмешательства в дела России. В «Юманите» стали появляться статьи в защиту Советской Республики. На сторону Октябрьской революции решительно встал Марсель Кашен, энергично выступивший против тех, «кто клевещет на русскую революцию, даже не попытавшись понять ее истинный характер» [71]. Деятельность Кашена существенно способствовала подъему движения в защиту Советской России.

Массовые выступления в защиту Советской Республики побудили руководство социалистической партии объявить 26 января

[71] «L'Humanité», 5.III 1918.

1919 г. днем протеста против интервенции. Но французские рабочие не удовлетворились этим; выступления против интервенции стали повседневными. На многочисленных собраниях и митингах требование немедленного отказа от антисоветских акций сочеталось с лозунгами демобилизации армии и заключения справедливого мирного договора. Рабочие восторженно встречали ораторов, выступавших в защиту Советов, и не желали слушать тех, кто пытался оправдать политику правительства. Лидер ВКТ Л. Жуо, социал-шовинист П. Ренодель и др. столь часто сталкивались с такой обструкцией, что были вынуждены отказываться от выступлений [72].

В защиту Октябрьской революции выступали и крестьяне, которые, как писала «Юманите», только что заплатили «огромный налог войне» и «инстинктивно поняли, что там, в России, народ применил хорошее средство, чтобы покончить с империалистической войной». В марте 1919 г. группа крестьян-социалистов департамента Об заявила, что отказывается дать своих сыновей для преступной экспедиции против русской революции, и призвала всех социалистов, весь французский народ к систематическим выступлениям протеста [73].

С осуждением интервенционистской политики выступила парламентская фракция социалистов, которую Национальный совет партии в феврале 1919 г. обязал голосовать против военных кредитов.

Движение недовольства стало распространяться и в оккупационных войсках. Когда солдат и матросов отправляли в экспедицию против Советской страны, им всячески пытались внушить, что союзники хотят только «восстановить порядок» в России и не преследуют никаких корыстных целей, что они не намерены посягать ни на территориальную неприкосновенность, ни на свободу этой страны. К тому же солдатам обещали, что после нетрудной и недолгой экспедиции их ждет демобилизация. В течение некоторого времени эти посулы пользовались доверием. Но вскоре среди солдат и матросов началось брожение, вызванное тем, что цели интервенции стали обнаруживаться все более явно. Солдаты и моряки постепенно убеждались, что война направлена против революции. В армии и во флоте назревало возмущение, перераставшее в неповиновение приказам и открытое сочувствие борьбе русского народа.

В письме группы солдат, оглашенном социалистом Э. Лафоном в палате депутатов, говорилось: «Мы не хотим идти в Россию

[72] «Le Populaire du Centre», 10.XII 1918, 22.I, 22.II 1919; «L'Humanité», 2, 13, 27.I 1919; «Коммунистический Интернационал», 1919, № 7—8.

[73] «L'Humanité», 18, 19.III 1919.

для того, чтобы вести братоубийственную войну. Мы были втянуты в войну с Германией. Добровольно согласившись на эту жертву, мы стояли до последнего. Но теперь вы не сможете превратить нас в агентов реакционного дела и отправить в армию Деникина...» [74]

Мобилизованные члены социалистической партии и ВКТ помогали солдатам и матросам разобраться в происходящем. Они разъясняли, с какой целью правительство Клемансо посылает в Россию вооруженные силы, распространяли вести о революционном движении во Франции, читали или пересказывали заявления фракции социалистической партии в парламенте и речи депутатов-социалистов, осуждающие политику интервенции. Особенное впечатление производили речи М. Кашена, который с трибуны парламента призывал солдат к участию в массовом движении протеста. Обращаясь к правительству, М. Кашен говорил: «Вы должны немедленно отозвать войска из европейской части России. Вы должны отказаться от соглашений с соседями русского государства, которых вы заставили выступить против русской революции. Вы должны признать власть Советов!» [75]

Большую работу среди французских солдат и матросов развернул Одесский подпольный комитет КП(б)У. При нем была создана специальная агитационно-пропагандистская группа «Иностранная коллегия», в составе которой важную роль играла француженка-коммунистка Жанна Лябурб. Дочь участника Парижской Коммуны, она в юности попала в принадлежавшую России часть Польши, в 1905 г. вступила в ряды большевиков, а в 1918 г. была избрана секретарем Французской коммунистической группы в Москве.

В феврале 1919 г. Ж. Лябурб, направленная в Одессу, участвовала в издании на французском языке и распространении газеты «Коммунист», а также листовок «Сынам французской революции», «Детям Парижской Коммуны» и др. «Приезд Жанны Лябурб,— писала 14 мая 1920 г. газета «Ви увриер»,— сильно укрепил дело пропаганды. Солдаты и моряки с энтузиазмом приветствовали эту француженку, члена Российской Коммунистической партии, которая пришла к ним, чтобы рассказать, как строит социалистическую республику русский пролетариат и какая позорная роль палачей возложена Антантой на рабочих и крестьян Франции».

По доносу предателя оккупанты арестовали 11 членов «Иностранной коллегии», 10 из них, в том числе и Жанна Лябурб, были расстреляны. Эта расправа вызвала возмущение как в окку-

[74] «Débats parlementaires Session ordinaire de 1919» tome unique, partie I. p. 1245.

[75] Ibid., p. 1246.

пационных войсках, так и в самой Франции. Имя Жанны Лябурб, как отмечал В. И. Ленин, стало лозунгом борьбы против антисоветской политики французского империализма [76].

Признаки нарастающего недовольства в оккупационных войсках стали проявляться уже в декабре 1918 г.— январе 1919 г. Первым открыто не подчинился командованию 58-й пехотный полк, который после поражения под Тирасполем отказался выполнить приказ о вторичном наступлении на этот город. Его пример нашел последователей: отказались подчиниться приказу солдаты 7-го инженерного полка, вспыхнуло возмущение в 11-м артиллерийском и в 8-м инженерном полках, в 156-й дивизии и др. Солдаты коллективно отказывались идти в бой и требовали возвращения на родину [77].

Восстали солдаты 7-го пехотного полка, расквартированного в Одессе. Они братались с рабочими, выражали готовность перейти на сторону Красной Армии. Всюду раздавалось пение «Интернационала», возгласы «Да здравствуют большевики!», «Долой войну!» Французское командование было вынуждено поспешно эвакуировать полк. Покидая город, солдаты передали рабочим военное снаряжение и боеприпасы.

В середине апреля революционное движение охватило и корабли французской эскадры в Черном море. Решение о выступлении принял 15 апреля революционный комитет моряков на эсминце «Протэ». Подобные же комитеты стали создаваться на других кораблях. 19 апреля движение распространилось на линкоры «Жан Бар», «Франс», «Мирабо», «Верньо» и другие суда, стоявшие на севастопольском рейде.

На митингах звучали лозунги «В Тулон!», «Долой войну с Россией!» Матросы пели «Интернационал» и русские революционные песни. Сошедшие на берег моряки с кораблей «Жан Бар» и «Франс» присоединились к демонстрации севастопольских трудящихся. Когда по приказу французского командования греческий отряд открыл огонь по мирной демонстрации, восстание на кораблях приняло еще больший размах. К концу апреля оно охватило также корабли, стоявшие в Одессе, в том числе крейсер «Вальдек-Руссо».

Аресты, которые командование предприняло в первые же дни, не только не остановили возмущение матросов, но лишь усилили его. Выступления в защиту арестованных, а позже — осужденных

[76] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 344—345.

[77] См. *А. И. Гуковский.* Французская интервенция на юге России 1918—1919 гг. М.— Л., 1928; *Л. М. Зак.* Разгром интервенции Антанты на юге России. М., 1949; *Н. В. Кузнецова.* Революционная борьба французского народа в защиту Советской России в 1917—1920 гг. М., 1955.

французских моряков стали одной из самых распространенных форм выражения сочувствия русской революции и симпатии к тем, кто защищал ее от интервентов. Борьба за амнистию для участников восстания на Черном море стала составной частью рабочего движения. Так, на протяжении нескольких лет трудящиеся Франции добивались освобождения брошенного в каторжную тюрьму механика с эсминца «Протэ», одного из активных участников восстания, Андре Марти[78].

На многочисленных митингах, происходивших во Франции, рабочие самых разных профессий требовали вывода войск с территории России. Они горячо приветствовали моряков и солдат, которые «отказались выполнять роль убийц рабочего класса, борющегося за свое освобождение»[79].

Уже в конце марта Клемансо был вынужден заявить в палате депутатов, что вооруженные силы Франции будут отозваны из России. Вскоре после этого была демобилизована бо́льшая часть французских моряков. Отзыв войск и кораблей не был, однако, показателем изменения в политике Франции по отношению к Советскому государству. Изменились лишь ее формы. Теперь французское правительство, как и правительства других стран Антанты, уже не рассчитывало собственными силами добиться сокрушения Советской России. Все надежды возлагались на внутреннюю контрреволюцию, и помощь белогвардейщине деньгами, оружием и снаряжением резко возросла.

Осенью 1919 г. Клемансо провозгласил политику блокады и создания «санитарного кордона» вокруг Советской России. Вступив в острое соперничество с Англией, французское правительство добивалось объединения под своей эгидой ряда стран Восточной Европы (Румынии, Югославии, Чехословакии, Польши), а также новообразованных государств Прибалтики. Франция стремилась не только стать основным руководителем антисоветских сил, но и создать предпосылки для установления своей гегемонии в Европе. После победы Национального блока на выборах тот же политический курс продолжало новое правительство Франции во главе с А. Мильераном.

Лето и осень 1919 г. были отмечены широким движением трудящихся Франции в защиту Советской страны. На собраниях и митингах рабочие повсеместно требовали от своих профсоюзных организаций практических мер для оказания помощи русской революции. Так, 6 июня митинг железнодорожников Парижского района единодушно высказался за то, чтобы предпринять немедленные

[78] «Histoire du Parti communiste français (Manuel)», p. 75.
[79] «L'Humanité», 6, 8, 9, 19.VI 1919.

действия — остановить движение поездов с войсками, военными материалами и продовольствием, предназначенными для антисоветских войск. Во многих городах — Тулоне, Бресте, Рошфоре, Лионе, Тулузе — в демонстрациях солидарности с Советской Республикой участвовали вернувшиеся из России солдаты и моряки [80].

Реформистские лидеры ВКТ, многих национальных федераций и департаментских объединений профсоюзов прилагали все силы, чтобы сдержать и ослабить это мощное движение. Они обрекли на провал всеобщую забастовку в защиту русской и венгерской революций, которая по призыву Коммунистического Интернационала должна была состояться 21 июля. Французские трудящиеся горячо поддержали идею такой международной демонстрации. Под их давлением ВКТ приняла решение об участии в этом выступлении и заявила, что его цели — добиться прекращения интервенции в Россию и Венгрию, проведения демобилизации, объявления амнистии и восстановления конституционных свобод. Однако вслед за тем лидеры ВКТ изменили свое решение и, ссылаясь на «пассивность» трудящихся, вообще отказались от проведения всеобщей забастовки [81].

Во многих районах страны и отраслях промышленности это вызвало возмущение, и трудящиеся начали бастовать вопреки решению ВКТ. Прекратили работу металлисты Верхней Вьенны, докеры Бреста, углекопы бассейна Гар, землекопы Парижа. И все же срыв всеобщей забастовки нанес существенный вред борьбе рабочего класса.

Требования прекращения интервенции в Россию, как и амнистии политическим заключенным, фигурировали во всех выступлениях трудящихся, чем бы они ни вызывались. Защищая свои права, протестуя против нарушения закона о 8-часовом рабочем дне или роста дороговизны, рабочие неизменно выдвигали и эти требования. В Бордо более 2 тыс. портовых рабочих отказались грузить военное снаряжение для врагов русской революции. Их поддержало объединение профсоюзов департамента Жиронда. Аналогичные выступления имели место в Гавре, Нанте, Марселе и ряде других портов. В Бресте демонстрация рабочих прошла под лозунгами поддержки русской революции и сопровождалась пением «Интернационала». Рабочие заняли мэрию, перед зданием которой состоялся грандиозный митинг [82].

[80] «L'Humanité», 7—19.VI 1919.
[81] «L'Humanité», 15—18.VII 1919; «XX Congrès national corporatif (XIVe de la CGT) tenu à Lyon de 15 à 21 septembre 1919. Compte rendu des travaux», partie II. Villeneuve-Saint-Georges, 1920, p. 160.
[82] «La vie ouvrière», 9, 23, 26.I 1920.

Мужественная борьба французских трудящихся была поддержана лучшей частью творческой интеллигенции: писателями, деятелями искусства, учеными. В протесте, подписанном 71 человеком, имена которых были широко известны и во Франции, и за ее рубежами, говорилось, что любая форма участия в политике, направленной против русской революции, противоречит традициям Франции. Среди тех, кто поднял свой голос в защиту Советской страны, были Анатоль Франс, Ромен Роллан, Жорж Дюамель, Поль Ланжевен, Поль Синьяк, Анри Барбюс, Жан Ришар Блок и многие другие [83].

К январю 1920 г. обнаружился полный провал блокады Советской России. Верховный совет Антанты был вынужден принять решение о прекращении блокады. Ряд капиталистических стран начал отходить от интервенционистской политики. Но правительство Национального блока продолжало упорно за нее цепляться, организуя все новые силы для сокрушения Советского государства. К Франции перешла главная роль в продолжении интервенции. Антисоветский поход, начатый Польшей и белогвардейскими войсками под командованием Врангеля, направлялся французскими политиками и советниками, поддерживался и финансировался главным образом французским крупным капиталом. «Французское правительство создало эту армию,— говорил М. Кашен.— Оно расточало миллиарды, чтобы поддерживать в России гражданскую войну» [84]. В августе правительство Мильерана признало Врангеля «правителем юга России».

В активной борьбе с этой политикой развивалось движение трудящихся Франции весной и летом 1920 г. Особого размаха оно достигло в апреле, когда началось нападение белополяков на Россию. Революционные выступления французских рабочих были не только большой моральной поддержкой трудящимся России, они оказали им и огромную реальную помощь. Белополяки недополучили из Франции десятки тысяч предназначенных для них комплектов военного снаряжения.

Под знаком протеста против поддержки антисоветских сил и участия в интервенции прошли демонстрации 1 Мая 1920 г. и многочисленные забастовки и выступления в мае — июне.

В июле 1920 г. президиум II конгресса Коминтерна обратился к членам Французской социалистической партии, ко всем сознательным пролетариям Франции. «Буржуазия Франции,— отмеча-

[83] См. *А. З. Манфред.* Традиции дружбы и сотрудничества. Из истории русско-французских и советско-французских связей. М., 1967, стр. 236—237; *Л. Ланжевен.* Французская интеллигенция и Октябрьская революция.— «Французский ежегодник 1967». М., 1968, стр. 19—30.

[84] *М. Кашен.* Франция — организатор интервенции. М., 1931 стр. 27.

лось в этом обращении,— стала оплотом мировой реакции»[85]. Коммунистический Интернационал подчеркивал, что в сложившейся обстановке на долю французских трудящихся выпала историческая задача дать решительный отпор антисоветской политике буржуазии. Французский народ достойно откликнулся на этот призыв. В августе 1920 г. в Париже и в провинции прошли многочисленные митинги и демонстрации с участием десятков тысяч трудящихся. На каждом собрании, на каждой манифестации выдвигались требования мира с Россией.

14 августа Анатоль Франс в обращении к трудящимся своей родины призвал их на защиту Советской Республики. «Спасение Франции, спасение Европы, спасение всего мира находится сейчас в руках пролетариата,— писал он.— И я с глубоким волнением, своим слабым, старческим голосом, которому придает силу стремление к общему благу, кричу вам: «Французы! Спасите мир во всем мире!»»[86].

11 октября в парижском зале Ваграм 8 тыс. человек требовали освобождения заключенных и мира с Россией. Большие народные манифестации под теми же лозунгами состоялись в Сент-Этьенне. «Все мысли, желания, надежды этих рабочих направлены к русской революции»,— писал М. Кашен, требуя немедленных, решительных мер в защиту Советской России[87].

Французские рабочие усилили борьбу за прекращение производства и перевозки военной продукции, предназначенной для войны с Советской Россией. Синдикат металлистов департамента Сены потребовал «полного прекращения производства и перевозки военного снаряжения для убийц русского народа». Объединение профсоюзов департамента Буш-дю-Рон выразило протест против реквизиций в Марселе с целью снабжения войск Врангеля и высказалось за немедленное заключение мира с Россией. Моряки отказались перевозить снаряжение для врагов России и потребовали снять военный груз с кораблей. Их поддержали марсельские рабочие. Местные власти вынуждены были обещать, что перевозка солдат, боеприпасов, военных материалов будет прекращена. В городах, где производилось военное снаряжение, распространялись афиши, брошюры, устраивались собрания, велась агитация за приостановку производства и перевозки военного снаряжения.

Солидарность французских трудящихся с Советской Россией была одним из важных факторов, способствовавших поражению

[85] «Второй конгресс Коммунистического Интернационала». М., 1934, стр. 566—567.

[86] *А. Франс.* Призыв к пролетариату.— Собр. соч. в 8 томах, т. 8. М., 1960, стр. 752.

[87] «L'Humanité», 5.X 1920.

интервентов. В революционном движении этого периода с большой силой проявились пролетарский интернационализм, готовность к активным действиям ради спасения завоеваний Октябрьской революции, ради спасения дела международного пролетариата — боевые черты французского пролетариата, которые затем воплотились в созданной им Коммунистической партии.

БОРЬБА ТЕЧЕНИЙ В РАБОЧЕМ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ. ОБРАЗОВАНИЕ ФКП

Объективные условия развития классовой борьбы вели к усилению революционной тенденции, к падению влияния оппортунистов — в первую очередь социал-шовинистов, в дальнейшем и центристов.

Социал-шовинисты продолжали сотрудничать со «своей» буржуазией. Некоторые из них поддерживали интервенцию в Россию. «Надо найти в России элементы сопротивления,— говорил Самба,— которые позволят союзникам эффективно вмешаться» [88]. Уже в начале 1918 г. стало ясно, что социал-шовинисты теряют доверие масс. Так, когда А. Тома прибыл в бассейн Луары к бастующим, он был, по словам свидетелей, «крепко обруган» рабочими [89]. Аналогичный прием оказывался и единомышленникам А. Тома, лидерам СФИО П. Ренаделю, М. Самба, А. Варенну и др. Группа рабочих из Оверни писала: «Мы только что прочли письмо Ленина. Мы тоже за раскол. Мы не можем больше сожительствовать с буржуазным социализмом Варенноз» [90].

Политическое банкротство социал-шовинистов использовали центристы, группировавшиеся вокруг Ж. Лонге. Их тактика в какой-то степени отражала полевение масс. Формально центристы объявили себя противниками интервенции в Россию, ибо прекрасно понимали, что по отношению к Октябрьской революции рабочие судят о том, кто их враг и кто друг. Но их политика по своей сущности была оппортунистической.

Революционные элементы в СФИО, возглавляемые Ф. Лорио, активно выступали против империалистической войны, за возобновление интернациональных связей пролетариата, горячо защищали Октябрьскую революцию, но были очень нерешительны в

[88] «L'Humanité», 10.V 1918.

[89] «La Vague», 12.I 1918.

[90] «La Vague», 31.I 1918. Возможно, здесь имеется в виду «Открытое письмо к Борису Суварину» В. И. Ленина (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 261—272).

борьбе с центризмом, шли на уступки лонгетистам, заключали с ними ненужные компромиссы и тем самым невольно действовали на руку опытному противнику — социал-шовинистам. Сам Лорио впоследствии отошел от политической борьбы.

На съезде СФИО в октябре 1918 г. социал-шовинисты потерпели поражение, получив 1212 голосов против 1528, поданных за резолюцию Лонге[91]. Лонгетистам удалось убедить партийные массы в том, что они стремятся преобразовать СФИО в революционную партию. Они характеризовали свою политику, как возвращение к «старой, испытанной» доктрине классовой борьбы, и требовали мира с Россией. Лонге зачитал известное письмо Ж. Садуля Ромен Роллану, в котором автор клеймил интервенцию Антанты, разоблачал попытки империалистов задушить русскую революцию. Делегаты выслушали письмо с большим вниманием и сочувствием.

Поражение социал-шовинистов на съезде СФИО означало первый успех в борьбе передовых французских рабочих за революционную партию. Он был результатом обострения классовой борьбы и влияния идей Октябрьской революции.

Большое значение имел процесс размежевания сил внутри оппозиционного меньшинства ВКТ. Мерргейм, Дюмулен, Бурдерон и некоторые другие профсоюзные активисты, стоявшие во время войны на пацифистских позициях, перешли на сторону реформистского руководства ВКТ. Революционные синдикалисты, сгруппировавшиеся вокруг Г. Монмуссо, признали необходимость диктатуры пролетариата, о чем решительно заявили на съезде железнодорожников в мае 1919 г. Монмуссо предложил резолюцию протеста против отправки войск в Россию, Венгрию и Польшу; она содержала требование национализации железных дорог и обязывала делегатов поставить на национальном съезде ВКТ вопрос о всеобщей стачке против реакционного режима. Резолюция отражала пережитки анархо-синдикализма, но провозглашала готовность поддержать революции в других странах и призывала к решительным действиям в борьбе против интервенции[92].

Съезд железнодорожников выявил те изменения, которые происходили в профдвижении. Деление на анархистов и социалистов изжило себя. Старые разногласия — о признании или непризнании государства — потеряли смысл; во главу угла теперь стало отношение к диктатуре пролетариата и Советской власти.

На очередном съезде ВКТ, состоявшемся в сентябре 1919 г. в Лионе, представители революционного меньшинства ВКТ —

[91] «L'Humanité», 7—9.X 1918.
[92] «L'Humanité», 17.V 1919.

Монмуссо, Томмази, Дежонкер, Перика и другие — резко критиковали деятельность конфедерации. Монмуссо подчеркнул важность работы по подготовке масс к революции. «Нам говорят,— отмечал он,— что масса еще не готова. Не знаю. Но я требую, чтобы ее подготовили. Ее подготовят путем постоянной систематической деятельности те борцы, которые не теряют веры и не являются скептиками» [93].

Стремление революционных синдикалистов разобраться в опыте Октябрьской революции, в опыте большевиков, их настойчивая борьба за упрочение связей с массами — все это свидетельствовало об усилении революционной тенденции в профсоюзном движении. Но влияние оппортунистического руководства сохранялось: за одобрение отчета было подано 1393 мандата, против — 588, воздержалось 42. Под давлением масс лидеры ВКТ вынуждены были обещать развернуть активные действия против перевозок военных материалов для врагов русской революции.

Влияние революционных синдикалистов было наибольшим среди новых членов ВКТ, основную массу которых составляли демобилизованные солдаты. Численность ВКТ быстро росла. В 1919 г. число членов конфедерации достигло 1200 тыс., а в 1920 г. — 2400 тыс. человек [94]. «Новые члены профсоюзов,— писал историк французского профсоюзного движения Гарми,— рекрутировались не среди рабочей аристократии, а в слоях наиболее эксплуатируемых. Их воинственный дух, направляемый революционными активистами, воздействовал на ориентацию движения» [95].

Несмотря на серьезные успехи меньшинства, некоторые революционные синдикалисты все еще придерживались ошибочных взглядов на роль политической партии пролетариата. Майские события 1920 г. заставили их пересмотреть свои воззрения в этом вопросе. На очередном конфедеральном съезде в Орлеане (сентябрь 1920 г.) представители революционного меньшинства ВКТ впервые выразили готовность сотрудничать с политической организацией, которая будет действовать революционно. Впоследствии Г. Монмуссо писал, что сближение с политическими элементами революционного движения началось на почве солидарности с Октябрьской революцией. Революционные синдикалисты в своем большинстве не знали марксизма, но классовое чутье заставило их примкнуть к делу Октябрьской революции, уяснение же принципов революционной партии происходило в процессе самой борьбы, в огне

[93] «XXe Congrès national corporatif...», p. 54.

[94] *Ж. Брюа, М. Пиоло.* Очерки истории Всеобщей конфедерации труда Франции. М., 1959, стр 77.

[95] *R. Garmy.* Histoire du mouvement; syndical en France de 1914 à nos jours, vol. 1. Paris, 1934, p. 54.

сражений[96]. Г. Монмуссо, П. Семар, П. Монатт и их сторонники все определеннее эволюционировали к коммунизму.

Профсоюзное меньшинство пыталось объединить свои силы, создав после Орлеанского съезда комитеты революционного профсоюзного движения, действия которых координировались Центральным комитетом. Они вели революционную пропаганду, систематически разоблачали реформизм. Однако в состав комитетов входили и анархисты из группы «Либертэр», и «чистые синдикалисты», отрицавшие необходимость политической организации.

В условиях революционного подъема все больше рабочих сочувствовало идеям III Интернационала. Их распространению среди трудящихся Франции способствовала, в частности, пропаганда образованной в августе 1918 г. французской секции при Российской Коммунистической партии (большевиков), куда вошли Инесса Арманд, Жанна Лябурб, Жак Садуль и др. Выходивший в Москве журнал французской секции решительно разоблачал оппортунизм, разъяснял задачи нового Интернационала; журнал распространялся во Франции. Французские коммунисты, находившиеся в Советской России, активно участвовали в подготовке I конгресса Коминтерна. Их представителем на конгрессе был Ж. Садуль. Вокруг провозглашенных Коммунистическим Интернационалом принципов стали собираться все подлинно революционные силы, борющиеся за освобождение пролетариата от капиталистического ига.

С созданием III Интернационала в социалистическом движении еще более обострилась борьба оппортунистической и революционной тенденций. Вначале за присоединение к новому, революционному Интернационалу выступал только Комитет по восстановлению международных связей, созданный в годы войны. В разгар майских забастовок 1919 г. после предварительных переговоров с группой революционного меньшинства ВКТ он был преобразован в Комитет борьбы за присоединение к III Интернационалу (Комитет III Интернационала). Своей главной задачей он считал пропаганду коммунистических идей.

Правые социалисты требовали восстановления II Интернационала. Центристы выступали за «реконструкцию» последнего путем очищения его от всех «несоциалистических» элементов. Фактически позиция центристов была близка социал-шовинистской. Центристы выработали программу, приуроченную к выборам в парламент в ноябре 1919 г. Революционный подъем заставил авторов программы включить в нее пункт о диктатуре пролетариата[97],

[96] «Cahiers du communisme», 1949, N 9, p. 1072.

[97] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 208.

но они запутывали этот вопрос — ничего не говорили о необходимости слома буржуазного государственного аппарата, имея в виду полностью сохранить буржуазный парламентаризм. «Французские социал-шовинисты и «центристы»,— писал В. И. Ленин в июле 1919 г.,— подписываются под резолюцией за диктатуру пролетариата! Доверия они не заслуживают ни на волос. Не словесное признание нужно, а полный разрыв *на деле* с политикой реформизма, с предрассудками буржуазной свободы и буржуазной демократии, проведение на деле политики революционной классовой борьбы» [98].

В 1919 г. демагогические речи лидеров СФИО о диктатуре пролетариата казались многим социалистам очень революционными; избирательная программа принималась большинством голосов на съездах социалистических федераций, проходивших в марте — апреле 1919 г. Тем не менее уже тогда значительная часть делегатов высказывалась за присоединение к III Интернационалу; так было, в частности, в департаментах Сены, Нор, Верхней Вьенны и др.

Основным уроком избирательной кампании, как и всех классовых боев, которые французский пролетариат вел после окончания мировой войны, был вывод о необходимости разрыва с оппортунизмом, со II Интернационалом [99]. К этому выводу уже в конце 1919 г. пришли многие революционно настроенные активисты рабочего движения. «Социалистическая партия,—писал впоследствии Ж. Дюкло,— такая, какой я видел ее в ходе избирательной кампании, не отвечала моим представлениям о политической организации, вдохновляющейся принципами, которые привели к победе Октября 1917 года. Поэтому я и поддержал идею вступления в Коммунистический Интернационал. Этот вопрос уже стоял на повестке дня» [100].

Руководство СФИО вынуждено было включить вопрос об отношении к III Интернационалу в повестку дня чрезвычайного съезда, открывшегося 20 апреля 1919 г. Выступления делегатов сопровождались бурным проявлением симпатий аудитории к русской революции, к партии большевиков и ее вождю Ленину, критикой по адресу лидеров II Интернационала. Учитывая обстановку, лонгетисты предложили резолюцию, которая приглашала все социалистические партии созвать международный съезд и произвести «необходимую чистку» в руководстве II Интернационала и его секций с тем, чтобы «ориентировать Интернационал немедленно и

[98] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 107.
[99] «Histoire du Parti communiste français (Manuel)», p. 78.
[100] *Ж. Дюкло.* Октябрь 17 года и Франция, стр. 273.

решительно на путь социальной революции». Одновременно изъявлялось желание войти в «братские отношения с Интернационалом Москвы» [101]. Эта резолюция собрала 894 голоса. Резолюция о безусловной поддержке II Интернационала получила 757 мандатов. За резолюцию о присоединении к III Интернационалу было подано 270 мандатов (воздержалось 53, отсутствовало 19). Таким образом, предложения центристов пока еще находили поддержку основной массы членов партии. Но идеологическая и политическая борьба по вопросу об отношении к III Интернационалу продолжалась.

На волне революционного подъема социалистическая партия быстро увеличивала свои ряды. В октябре 1918 г. она насчитывала 34 тыс. человек, к 15 апреля 1919 г.— 57 149; к 30 июня в партии было 84 567 человек, с 1 по 10 июля вступило еще 3410 человек [102]. Среди новых членов партии было много демобилизованных, перенесших на своих плечах все тяготы империалистической войны, и много революционно настроенной молодежи, готовой к решающим социальным битвам. В марте 1919 г. в СФИО вступил молодой рабочий Морис Торез, будущий генеральный секретарь Французской компартии. Вместе с тем из СФИО вышли несколько правых социалистов, мотивировавших свой уход тем, что события в России «фанатизировали» рабочих и «какие-либо возражения стали невозможными», что партия «все более и более погружается в большевизм» [103].

Широкое массовое движение лета 1919 г. сопровождалось дальнейшим ростом влияния коммунистических идей, популярности большевиков. Этому помогало распространение во Франции работ В. И. Ленина. Комитет III Интернационала, готовясь отметить вторую годовщину Октябрьской революции, опубликовал несколько произведений В. И. Ленина, которые затем переходили из рук в руки. Были изданы также письма Ж. Садуля об Октябрьской революции, статьи Р. Лефевра, конституция Республики Советов и др. Активное участие в движении за присоединение к III Интернационалу принял Комитет защиты профсоюзов, который еще в мае 1919 г. объявил о своем присоединении к III Интернационалу. По инициативе Комитета была создана «Коммунистическая партия (французская секция III Интернационала)». Эта организация, возглавляемая Р. Перика и его сторонниками, приняла манифест, в котором провозглашала возможность одним ударом, при помощи всеобщей стачки, покончить с буржуазией, армией,

[101] «L'Humanité», 24.IV 1919.
[102] «L'Humanité», 3.III; 20.IV; 12.VII 1919.
[103] «Le Matin», 29.VIII 1919.

полицейскими, чиновниками и ввести самоуправление корпораций[104].

В пропагандистской деятельности «Коммунистической партии» Перика полуанархистские догмы сочетались со взглядами «левых» коммунистов, распространенными в этот период в рабочем движении многих стран. Эти установки были типичны для целого ряда групп, возмущенных оппортунистической политикой лидеров СФИО и решительно выступавших в защиту Советской России, требовавших активных революционных действий, но вместе с тем отрицавших необходимость политической партии пролетариата, участия в парламенте и т. п. И все же в среде анархо-синдикалистов неудержимо росло стремление к принятию идей Коммунистического Интернационала, обладавших могучей притягательной силой.

Во многих городах возникали секции Комитета III Интернационала, часто их организаторами выступали члены АРАК. В Национальной федерации молодежи заметным влиянием пользовался созданный в ноябре 1919 г. «Комитет защиты автономии социалистической молодежи и присоединения к III Интернационалу». По инициативе группы «Кларте» проводились конференции и собрания, требующие от СФИО вступления в Коммунистический Интернационал[105]. Однако движение еще не было достаточно массовым. Значительная часть социалистов, в принципе солидарных с Комитетом III Интернационала, боялась своим присоединением к нему вызвать раскол, которым усиленно запугивали правые. На дальнейшее развитие борьбы значительное влияние оказал выход из II Интернационала ряда крупных социалистических организаций Европы.

Огромную помощь движению принесли советы В. И. Ленина. В октябре 1919 г. было опубликовано его обращение «Привет итальянским, французским и немецким коммунистам», в котором В. И. Ленин охарактеризовал пути завоевания масс на сторону идей коммунизма. 28 октября 1919 г. он направил письмо членам Комитета III Интернационала во Франции. Ленин писал, что на пути коммунистического движения встают и будут вставать большие трудности. Коммунистам Франции придется еще долго бороться с оппортунизмом, особенно утонченным, в духе Лонге. Еще будет много попыток со стороны опытных парламентариев и политиканов отделываться признанием революционной тактики и дикта-

[104] «Le Titre Censuré!!!», 1919, N 10, p. 4; *С. С. Бантке.* Из истории борьбы за образование коммунистической партии во Франции.— «Французский ежегодник 1961». М., 1962, стр. 307.

[105] *V. Brett.* Henri Barbusse. Sa marche vers la clarté. Son mouvement Clarté. Prague. 1963, p. 194.

туры пролетариата, а на деле продолжать старую оппортунистическую политику, вредить и мешать революции, а не помогать ей. В конце письма Ленин высказывал уверенность, что коммунистам, работающим в тесной связи с массой пролетариата, удастся преодолеть эти попытки. «Чем тверже и решительнее будут выступать коммунисты,— писал В. И. Ленин,— тем скорее будет за ними полная победа»[106]. Ленинский анализ сильных и слабых сторон развивающегося во Франции коммунистического движения помогал революционным силам в их борьбе с оппортунизмом.

Между тем оппортунистические лидеры продолжали упорно пропагандировать лозунг реконструкции II Интернационала. К предстоявшему в феврале 1920 г. в Страсбурге съезду социалистической партии «реконструкторы» представили две резолюции, в которых, на словах вновь признавая диктатуру пролетариата, заявляя об отказе от классового сотрудничества, пытались сгладить непримиримую противоположность между оппортунистическим II и Коммунистическим III Интернационалами, оправдать оппортунизм.

Подробный анализ обеих резолюций дал В. И. Ленин в работе «Заметки публициста», написанной 14 февраля 1920 г. Ленин указывал, что резолюции лонгетистов иллюстрируют самое опасное зло для рабочего движения на Западе, которое состоит в *словесном* признании оппортунистами диктатуры пролетариата и Советов. На деле лонгетисты, писал В. И. Ленин, продолжают вести себя по-старому, «продолжают и в резолюциях своих защищать и в жизни осуществлять старую политику мелких уступочек социал-шовинизму, оппортунизму, буржуазной демократии, колебаний, нерешительности, уклончивости, уверток, умолчаний и тому подобное», что в сумме своей дает неизбежно *измену* диктатуре пролетариата[107]. Ленин говорил о необходимости разоблачать оппортунистическую сущность лонгетизма как политического направления, разъяснять рабочим, что для вступления в Коммунистический Интернационал Французская социалистическая партия должна в корне изменить свою политику.

Комитет III Интернационала выставил резолюцию, которая давала правильную оценку итогам избирательной кампании и выдвигала в качестве основной задачи социалистической партии подготовку пролетариата к революции. Резолюция предлагала выход СФИО из II Интернационала и присоединение ее к III Интернационалу.

Представленные съезду резолюции предварительно обсуждались в социалистических федерациях. Почти 90% их высказалось

[106] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 252.
[107] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 132.

за выход из II Интернационала, решительно осудив его деятельность, многие требовали присоединения к III Интернационалу. В федерации Сены — ведущей среди других — резолюция о присоединении к III Интернационалу получила 9930 голосов, резолюция «реконструкторов» — 5999, резолюция правых социалистов — 616 голосов [108]. Федеральный съезд социалистов Сены свидетельствовал о резком увеличении влияния сторонников Коминтерна.

Страсбургский съезд СФИО работал с 25 по 29 февраля 1920 г. Он должен был обсудить проблемы общей политики партии и решить вопрос об отношении к II и III Интернационалам. Съезд проходил в напряженной обстановке: стачка на железнодорожной линии Париж—Лион—Средиземное море стала почти всеобщей, бастовали металлисты, шоферы Парижского района, угрожали всеобщей забастовкой шахтеры. Забастовочная борьба и успехи движения за присоединение к III Интернационалу оказали решающее влияние на ход рассмотрения проблем, стоявших перед съездом. Абсолютное большинство делегатов высказалось за выход СФИО из II Интернационала (4330 мандатов против 337 при 53 воздержавшихся и 109 отсутствующих). Это решение было серьезным успехом революционного течения в СФИО. В то же время съезд отразил колебания большинства социалистов: 3031 мандат был подан за реконструкцию Интернационала и 1621 — за присоединение к III Интернационалу [109]. «Реконструкторам» вновь удалось сохранить влияние на массы, ибо они, учитывая настроения рабочих, поспешили предложить выход СФИО из обанкротившегося II Интернационала и выдали себя за сторонников Коммунистического Интернационала. Совершенный под давлением революционного движения рабочих выход из II Интернационала не означал сам по себе изменения политики социалистической партии, но безусловно свидетельствовал о росте сознательности передовых рабочих и являлся большой победой движения за присоединение к III Интернационалу.

Выполняя решения Страсбургского съезда, социалистическая партия направила в Англию, Италию, Германию, Швейцарию делегатов с целью договориться о сроках созыва международной социалистической конференции и получить согласие на реконструкцию Интернационала (из этого проекта так ничего и не вышло). В то же время в Россию были посланы М. Кашен (с октября 1918 г.— главный редактор «Юманите») и Л. Фроссар (генеральный секретарь СФИО). Им поручалось установить контакт с руководящими органами Коммунистического Интернационала. Делегаты пробыли в Советской России свыше 2 месяцев, присутствова-

108 «L'Humanité», 23.II 1920.

109 «Parti Socialiste (SFIO). 17e Congrès national» Paris, 1920, p. 156, 157, 559.

ли на многочисленных митингах рабочих, солдат, крестьян и всюду видели твердую решимость народа преодолеть трудности. Пребывание посланцев СФИО в России совпало со II конгрессом Коминтерна. Еще до его открытия французские делегаты 19 июня 1920 г. встретились с Лениным.

Беседуя с ними, В. И. Ленин подчеркнул необходимость создания во Франции дисциплинированной, единой партии, руководствующейся в своей деятельности марксистской теорией. «Вы говорите, что у Вас нет людей!—вспоминал Кашен слова Ленина.— У нас тоже. Но мы идем вперед, и люди появляются. То, что нужно иметь прежде всего,— это безграничную веру в неисчерпаемые ресурсы пролетариата». Ленин говорил: «Дело не в том, чтобы изгнать только некоторых лиц... важно изменить саму работу партии». 28 июля В. И. Ленин вновь беседовал с французскими социалистами. «Он был убежден,— писал М. Кашен,— что методы Коммунистического Интернационала будут иметь во Франции большое будущее, поскольку они являются продолжением ее подлинно революционных традиций»[110].

II конгресс утвердил 21 условие приема в Коммунистический Интернационал. Президиум конгресса 29 июля 1920 г. принял (уже упоминавшееся выше) специальное обращение ко всем членам Французской социалистической партии, ко всем сознательным пролетариям Франции. Условия приема в Интернационал были выработаны коллективно революционерами различных стран на основе обобщенного опыта международного рабочего движения. Они предусматривали коренную перестройку всей партийной работы в духе революционной теории марксизма. То были, как отмечал В. И. Ленин, «условия отделения на деле от центристов, от прямых и косвенных агентов буржуазии внутри рабочего движения»[111]. Только так можно было создать партию, способную руководить борьбой пролетариата и привести его к победе. В Обращении конгресса перечислялись меры, которые необходимо было принять в первую очередь для вступления в Интернационал. Президиум конгресса отмечал, что от СФИО требуется разрыв с реформистской традицией.

По возвращении на родину М. Кашен принял активнейшее участие в движении за присоединение к III Интернационалу, за образование Коммунистической партии. Он посетил многие города Франции, участвовал в бесчисленных митингах, вселяя в трудящихся уверенность в победе большевиков, разъясняя существо

[110] «Cahiers du communisme», 1949, N 1, p. 42; см. также *М. Кашен*. Встречи с Лениным.— «Коммунистический Интернационал», 1939, № 1, стр. 37, 38; «Новая и новейшая история», 1957, № 4, стр. 26—29.

[111] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 96.

принципов коммунизма. В этой компании участвовал и Л. Фроссар; однако намерения Фроссара были противоположны целям Кашена: он рассчитывал, оставшись секретарем партии, сохранить ее оппортунистические традиции, о чем свидетельствует вся его дальнейшая биография.

13 августа 1920 г. в парижском цирке состоялся многотысячный митинг, на котором делегаты-социалисты выступили с отчетом о поездке в Россию. Их появление было встречено долго не смолкавшей овацией, возгласами: «Да здравствует Ленин!», «Да здравствуют Советы!» Присутствовавшие приняли резолюцию, в которой обязались всеми средствами, включая революционные, противостоять войне с Советской Россией, добиться ее признания Францией [112]. Рассказы делегатов, вернувшихся из Москвы, сыграли решающую роль в том, что подавляющее большинство французских социалистов высказались за Коммунистический Интернационал.

В движении за присоединение к III Интернационалу все большую роль играла молодежь, сгруппировавшаяся вокруг журнала «Авангард». Война просветила и закалила многих молодых рабочих. Жак Дюкло, Флоримон Бонт и другие активисты, демобилизовавшись, энергично включились в революционную борьбу. В Руане работал Франсуа Бийу, среди студентов Лиона — Жорж Коньо, в Тоннере — Раймон Гюйо. Габриэль Пери, первый главный редактор «Авангарда», выражал революционные настроения молодых пролетариев, их возмущение реакционной политикой правителей Франции [113]. В среде молодежи особенно сильны были симпатии к русской революции, к III Интернационалу. Собравшийся 30 октября 1920 г. съезд Союза социалистической молодежи большинством голосов (5443 против 1958 при 350 воздержавшихся) высказался за Коммунистический Интернационал и вынес решение о преобразовании организации в Союз коммунистической молодежи [114].

В 1920 г. намного возросло влияние Республиканской ассоциации ветеранов войны. Она насчитывала уже 500 секций, объединивших 20 тыс. человек, и пользовалась большим авторитетом среди трудящихся Парижа и провинции. Деятельность АРАК имела существенное значение для развития коммунистического движения во Франции [115]. Распространению революционных идей спо-

[112] «L'Humanité», 14.VIII 1920.

[113] *J. Freville*. Né du feu. De la faillite de la IIe Internationale au Congrès de Tours. Paris, 1960, p. 153.

[114] «L'Humanité», 2.XI 1920.

[115] См. *Г. Жеррам*. Революционная Ассоциация..., стр. 9, 15.

собствовали также члены «Кларте», ставившей себе целью привлекать интеллигенцию на сторону рабочего класса, разоблачать и раскрывать «все гнусности, все проступки и все провинности теперешнего общественного строя» [116].

25 декабря 1920 г. собрался Национальный съезд СФИО в Туре. В процессе его подготовки почти 90% всех федераций высказалось за немедленное и безусловное присоединение к III Интернационалу, дав своим делегатам императивные мандаты. На съезде были представлены делегаты от 180 тыс. членов СФИО. Выступления делегатов с отчетами об итогах федеральных съездов раскрыли причины их решения. Л. Коллиар от федерации Кальвадос выразила убеждение, что партия должна быть партией действия: «Тот, кто хочет остаться в партии, должен будет подчиниться дисциплине». Делегат от федерации Шер сказал: «Довольно с нас социалистической партии, занимающейся только избирательной кампанией, мы хотим революционную социалистическую партию» [117].

Делегат от Уазы ясно выразил стремление социалистов: «Мы хотим возвращения не старого единства, которое объединяет реформистов и революционеров, а единства в революционной деятельности, которое объединяет только тех, кто хочет работать для дела революции... И это единство может быть осуществлено только через III Интернационал» [118]. Ту же мысль высказал представитель Жиронды: «Вспомните пример Германии. В момент революции там существовало единение. Но едва только Шейдеманы и Носке пришли к власти и увидели, какой размах приняла революция, они схватились за пулеметы, чтобы удержаться у власти и стрелять в спину революционерам. Такого единства нам не нужно» [119].

Представитель Индокитая Нгуен Ай Куок (Хо Ши Мин) рассказал о тяжелом положении своего народа и отметил необходимость для партии вести социалистическую пропаганду во всех французских колониях. «В присоединении к III Интернационалу,— говорил он,— мы видим торжественное обещание социалистической партии придать наконец колониальным вопросам то значение, которого они заслуживают» [120]. Речь его прерывалась аплодисментами и возгласами: «Очень хорошо!», «Браво!».

[116] *А. Барбюс.* Свет из бездны. Харьков, 1923, стр. 90.

[117] «Parti Socialiste (SFIO). 18e Congrès national tenu à Tours les 25, 26, 27, 28, 29 et 30 décembre 1920». Paris, 1921, p. 28 (в дальнейшем — «18e Congrès national du SFIO»).

[118] Ibid., p. 70.

[119] Ibid., p. 48—49.

[120] Ibid., p. 135.

Выступление Хо Ши Мина на съезде в Туре

Среди выступавших с отчетами о решениях федераций были и противники III Интернационала. Но их увещевания встречали резкие протесты большинства делегатов.

Ход съезда показал огромное влияние Октябрьской революции, ленинских идей на развитие революционной сознательности французского пролетариата. На примере Октября многие социалисты убеждались, что главным вопросом революции является завоевание государственной власти и что основным содержанием деятельности партии, если она действительно хочет быть авангардом пролетариата, должна быть подготовка масс к революционному преобразованию общества. Реформистские и анархо-синдикалистские идеи, ранее господствовавшие в рабочем движении, потерпели на съезде полное банкротство, их заменяло подлинно революционное учение — марксизм-ленинизм.

Однако дебаты носили острый характер. Жаркие споры были вызваны прежде всего попытками социал-шовинистов и «реконструкторов» извратить значение условий приема в Коммунистический Интернационал, оклеветать сторонников присоединения к нему и, используя то обстоятельство, что для многих делегатов еще не были вполне ясны цели и задачи коммунистов, повлиять на их решение.

Правые социалисты и центристы — М. Самба, Л. Блюм, Ж. Лонге, П. Фор и др.— пытались убедить участников съезда,

что признание ими диктатуры пролетариата толкнет партию на путь авантюр. Первый же оратор от правого крыла — М. Самба — начал с запугиваний, утверждая, что решение съезда о присоединении к III Интернационалу поставит партию под удар, так как буржуазия только и ждет повода, чтобы расправиться с пролетариатом [121]. Самба пытался отрицать международное значение Октябрьской революции, настаивал на неприменимости «русских методов во Франции».

Центрист П. Фор защищал «единство» партии, основанное на союзе с социал-шовинистами [122]. Его выступление отражало эволюцию лонгетистов от скрытой поддержки правых социалистов к более тесному сближению с ними. Еще более ярко этот процесс отразила речь Л. Блюма. Л. Блюм появился на политической сцене в 1919 г., став депутатом парламента. Но и до этого он сотрудничал с М. Самба, когда тот входил в правительство «национальной обороны». Блюм был идейным вдохновителем сопротивления созданию партии нового типа во Франции. Его выступление на Турском съезде до сих пор используется правыми социалистами в идеологической борьбе с коммунистами [123].

Л. Блюм выступил против основных принципов марксистской теории. Особенно старался он запутать вопрос о диктатуре пролетариата, сводя ее только к насилию. Он настойчиво доказывал, будто спор на съезде идет не между реформистской и революционной концепциями, а между «двумя революционными концепциями, которые радикально отличаются друг от друга» [124]. В партии, утверждал Блюм, «каждая тенденция должна иметь свое место, свое пропорциональное представительство». Нельзя отказать в справедливости его следующему заявлению: «Эти идеи (оппортунистические идеи прежней СФИО.— *Ред.*) составляет существо нашей партии, и мы не можем отказаться от них, не изменяя саму партию в ее основе» [125]. Заканчивая свое выступление, Блюм обратился к аудитории с вопросом: «Может ли кто-нибудь сказать, что я не социалист?» — и получил с места резонный ответ: «Вы путаник» [126]. Но какой бы путаной ни была речь Блюма, в ней совершенно недвусмысленно отражалось стремление опорочить Октябрьскую революцию, извратить принципы Коммунистического Интернационала, сохранить господство оппортунистической идеологии, оппортунистических организационных принципов.

[121] «18e Congrès national du SFIO», p. 167.
[122] Ibid., p. 227.
[123] См. «La Revue Socialiste», 1964, N 170—171, février — mars.
[124] «18e Congrès national du SFIO», p. 269, 256.
[125] Ibid., p. 249, 250.
[126] Ibid., p. 275.

Оппортунисты получили поддержку секретаря партии Л. Фроссара. «Вы не имеете права нас покинуть,— говорил Л. Фроссар, обращаясь к Блюму и его единомышленникам,— вы не можете этого сделать. Мы нуждаемся в вас, как вы нуждаетесь в нас» [127]. Л. Фроссар был готов пойти на недопустимые уступки в принципиальных вопросах, чтобы сохранить Лонге, Блюма и др. в партии. Позднее он признавался: «Выгоднее было остаться с рабочим классом и противодействовать Москве изнутри» [128].

Речь Л. Фроссара была прервана появлением Клары Цеткин, посланницы Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. Несколько раньше на съезде было оглашено письмо Цеткин, которой французское правительство отказало в визе; она подчеркивала, что идеологическое и организационное единство партии — непременное условие, чтобы слова превращались в дела, и что основу такого единства создают 21 условие приема в Коминтерн [129]. Замечательной немецкой коммунистке удалось проскользнуть сквозь полицейские заставы и прибыть в Тур. Делегаты съезда горячо приветствовали пламенную революционерку, с большим вниманием слушали ее выступление. Речь К. Цеткин была призывом покончить с реформистской, оппортунистической политикой. Ж. Дюкло писал впоследствии: «То был великий голос Ленина, подчеркивающий, что отказ от марксизма привел бы пролетариат к поражению, и призывающий рабочие массы объединиться под знаменем Маркса—Энгельса» [130].

Большую яркую речь произнес М. Кашен. Выступив сразу после М. Самба, он говорил о широких исторических перспективах, открытых победой социалистической революции в России, разоблачал попытки оппортунистов представить победу социализма в России как необъяснимое и неожиданное явление. «Социалистическая республика основана прочно и окончательно» [131],— говорил М. Кашен. Он отметил роль партии большевиков, централизованной и дисциплинированной силы, и подчеркивал необходимость и для французских социалистов создать крепкую революционную организацию.

Резкой критике подверг тактику центристов П. Вайян-Кутюрье. Он показал, что центристы закономерно сблизились с правыми. Задача, заявил Вайян-Кутюрье, состоит в том, чтобы изжить мел-

[127] «18e Congrès national du SFIO», p. 385.

[128] См. *Ж. Фревиль*. Рождение Французской коммунистической партии, стр. 111.

[129] «18e Congrès national du SFIO», p. 319—320.

[130] «Cahiers du bolchevisme», 1936, N 1—2, p. 19.

[131] «18e Congrès national du SFIO», p. 186, 190.

кобуржуазный оппортунизм, которым проникнута вся деятельность Лонге [132].

Смысл борьбы в Туре заключался в решении вопроса — будет ли пролетариат Франции иметь свою революционную, коммунистическую партию.

Выступления правых полностью раскрыли их истинные намерения. Необходимость разрыва с оппортунизмом стала ясной для многих из тех, кто еще колебался. Делегаты огромным большинством голосов высказались за немедленное и безусловное присоединение к III Интернационалу (более 3 тыс. мандатов против тысячи с небольшим) [133]. Результаты голосования были встречены пением «Интернационала». Правые и «реконструкторы», отказавшись подчиниться принятому решению, покинули съезд, осуществив тем самым на деле свою угрозу раскола.

Турский съезд обратился к французскому народу с манифестом. Этот документ возвестил о возрождении под знаменем марксизма-ленинизма революционных боевых традиций французского пролетариата. «Принятие принципов Коммунистического Интернационала,— писал В. Роше,— знаменовало разрыв большинства французских социалистов с реформистской и оппортунистической политикой правых и центристов, с «военным социализмом», означало возвращение на новой основе к историческому наследию и традициям революционной Франции» [134].

Решения съезда означали рождение Французской коммунистической партии, создание которой было закономерным результатом революционной борьбы французских трудящихся против империалистической войны, против колониальных войн французского империализма, против интервенции в Россию, в защиту демократических свобод.

«Влияние Великой Октябрьской социалистической революции имело решающее значение для судеб французского рабочего движения,— писал М. Торез.— Она вывела его из того состояния разброда и бессилия, в котором оно находилось в период империалистической войны 1914—1918 гг. Она его пробудила и возродила, результатом чего, в соответствии со специфическими чертами пролетарского движения и политической обстановки во Франции, явилось создание рабочей партии нового типа — Французской коммунистической партии, основанной в декабре 1920» [135]. Французская коммунистическая партия возникла как партия массовая — она насчитывала 180 тыс. членов, имела в своем распоряжении центральный печатный орган — «Юманите», сохранила тесные свя-

[132] Ibid., p. 407, 408, 419.
[133] Ibid , p. 478.
[134] *В. Роше.* Сорок лет Коммунистической партии Франции.— «Новая и новейшая история», 1961, № 1. стр. 4
[135] «Cahiers du communisme», 1957, N 10. p. 1461.

зи с рабочими организациями. Но Французской коммунистической партии предстояло пройти долгий путь борьбы с оппортунизмом, за единство своих рядов и чистоту революционной теории, чтобы стать действительно партией нового типа. Начало этому процессу было положено решениями Турского съезда.

Оценивая в свете накопленного с тех пор опыта историческое значение этого события, Центральный Комитет КПСС писал в своем приветствии французским коммунистам по поводу 50-летия ФКП: «ФКП образовалась на волне мощного подъема освободительной борьбы трудящихся, вызванного влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Ее создание неотделимо от имени великого Ленина, который хорошо знал и высоко ценил французский рабочий класс, внимательно следил за первыми шагами молодой партии, оказывал французским товарищам братскую помощь.

Рождение вашей партии было подготовлено ходом развития французского рабочего движения, накопившего богатый опыт классовой борьбы.

Образование ФКП означало разрыв большинства французских пролетариев с реформизмом и переход их на революционные позиции. ФКП объединила французское рабочее движение с теорией научного социализма, с марксизмом-ленинизмом»[136].

В ходе революционной борьбы 1917—1920 гг., развивавшейся под влиянием идей Октября, трудящиеся Франции добились ряда серьезных успехов — они заставили буржуазию признать права профсоюзов, ввести 8-часовой рабочий день. Рабочий класс Франции, создав Коммунистическую партию, становился мощным фактором внутриполитической жизни.

[136] «В борьбе за интересы трудящихся Франции. 50 лет французской коммунистической партии» М., 1971, стр. 3.

2

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЛОК У ВЛАСТИ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ В 1921—1922 ГОДАХ

Кризис, поразивший в 1920—1922 гг. экономику капиталистического мира, во Франции был менее длительным и острым, чем в других странах-победительницах (Англии, США, Италии). Восстановительные работы в районах, подвергшихся вражеской оккупации, освоение Эльзаса и Лотарингии, задержка правительствами Национального блока демобилизации армии и свертывания военной промышленности — все это предотвратило стремительное сокращение производства и позволило избежать массовой безработицы, а огромные людские потери в войне создали на много лет нехватку мужских рабочих рук во всех отраслях хозяйства.

Общий индекс промышленного производства (1913 г. = 100), сократившийся с 62 в 1920 г. до 55 в 1921 г., уже в 1922 г. возрос до 88. Подобная же тенденция обнаруживается во всех основных отраслях промышленности [1]:

	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Машиностроение	58	63	60	79
Металлургия	29	41	41	61
Добывающая промышленность	44	52	58	67
Текстиль	69	66	52	84

[1] Данные из кн.: «Мировые экономические кризисы 1848—1935», т. I. М., 1937, стр. 368—369.

Однако статистика не отражает всей серьезности экономических трудностей, перед которыми оказалась страна. Показатели, использованные при исчислении индексов, включали с 1920 г. данные о промышленном производстве в Эльзасе и Лотарингии, а также о тех предприятиях северной и северо-восточной Франции, которые в первый год после освобождения от оккупации бездействовали и лишь потом начали постепенно вступать в строй. В результате спад производства в 1920—1921 гг. оказался несколько преуменьшенным, а его рост в 1922 г.— преувеличенным.

Наиболее остро экономика Франции ощущала нехватку топлива. Внутренние ресурсы и в довоенное время не покрывали ее потребностей. За годы войны индустриализация шагнула далеко вперед; нужда в топливе значительно возросла и в связи с присоединением Эльзаса и Лотарингии, добыча же сократилась, так как большинство шахт в департаментах Нор и Па-де-Кале были выведены из строя. Топливный голод тяжело сказался на промышленности и транспорте. На протяжении 1920—1921 гг. в газетах постоянно появлялись сообщения о перебоях в работе предприятий, вызванных недостатком сырья, а также о скоплениях готовой продукции, которую не могли вывезти. В катастрофическом положении находились те отрасли легкой промышленности, которые работали преимущественно на экспорт; в условиях царившей в Европе разрухи вывоз резко сократился. В первом полугодии 1921 г. текстильные предприятия простаивали по 6—9 недель, а остальное время работали с неполной нагрузкой. Хлопчатобумажные фабрики Лилля функционировали 27 часов, Рубе и Туркуэна — 20 часов, а шерстоткацкие предприятия Фурми — лишь 12 часов в неделю[2].

В целом по стране безработица была невелика. Но в ряде районов и отраслей производства, в особенности работавших на экспорт и производивших товары широкого потребления, имела место значительная безработица. Вопрос этот стал в январе—феврале 1921 г. предметом обсуждения в палате депутатов.

Особенно тяжелы были проявления экономического кризиса в многочисленных маленьких городках и поселках с узкой специализацией производства. Когда, например, закрывались мебельные фабрики в Клермоне, ковровые в Бове, бумажные в Мези, шерстяные в Фурми, то большинство населения оказывалось в безвыходном положении. «Множество рабочих здесь находится на грани голодной смерти,— говорил в парламенте депутат Обри, описывая положение в Фужере, где из 10 тыс. рабочих обувных

[2] «Annales de la Chambre des députés. Débats parlementaires (далее — «Débats parlementaires»). Session ordinaire de 1921», t. I, partie I, p. 388.

фабрик 9 тыс. остались полностью без работы.— Дети падают на улицах от истощения, их родители вынуждены продать последнее, чтобы купить хлеба»[3].

Не лучшим было положение портовых городов. В Ла-Рошели без заработка остались 90% докеров, в Руане — 87,7%; в Гавре из 5 тыс. докеров сохранили работу только 2 тыс., а судоремонтные заводы «Вестингауз» перешли на 6-часовой рабочий день при пяти рабочих днях в неделю. Общее число безработных в Гавре увеличивалось с такой быстротой, что пособие (от муниципалитета) стали выдавать только тем семьям, которые прожили в черте города не менее 6 месяцев (таким образом, жители окрестностей, т. е. почти половина рабочих, оставались без средств к существованию). По данным обьединения профсоюзов департамента Сены, в Париже безработными были 40% металлистов, 50 — каменщиков, 65 — обувщиков, 70— рабочих швейных мастерских, 87% рабочих деревообрабатывающих предприятий[4].

Основным методом, которым пользовалось правительство, чтобы покрывать увеличивающийся бюджетный дефицит и финансировать восстановительные работы, стала инфляция. К 1921 г. золотое содержание франка составляло лишь 31% довоенного, а масса находящихся в обращении бумажных денег в 4 раза превысила золотой запас государства. Это разоряло широкие слои мелкой буржуазии, держателей государственных займов и рантье; номинально они получали столько же франков, как и раньше, но фактически потеряли 2/3 своего дохода[5].

Неуклонно росла дороговизна. Цены на продукты питания с 1913 по 1921 г. выросли в среднем в 5 с лишним раз, на промышленные товары — почти в 7 раз; стоимость жилой постройки возросла в 10 раз, квартирная плата увеличилась в 3—4 раза. В то же время зарплата трудящихся составляла не более 175—255% довоенной[6].

Финансовая олигархия широко использовала сложившееся положение, чтобы укрепить свое господство и расширить позиции в экономической жизни. Огромные возможности для обогащения открывали восстановительные работы. «Для капиталистов, владельцев предприятий, хозяев прессы, депутатов парламента — это новый Клондайк, драгоценные россыпи, которые стремятся монополизировать и тщательно охраняют»,— писала «Юманите» 11 апреля 1921 г.

[3] Ibid., p. 134—135.
[4] «L'Humanité», 1.II, 12.III 1921.
[5] *Ch. Gide, W. Oualid.* Le bilan de la guerre pour la France. Paris, 1931, p. 81—83.
[6] *Collinet.* Essai sur la condition ouvrière. Paris, 1951, p. 27.

Из-за состава комиссий, призванных определять объем убытков, понесенных владельцами, и стоимость восстановительных работ, кипела ожесточенная борьба. Невероятный ажиотаж царил вокруг распределения кредитов и заказов. Крупные фирмы или компании дельцов скупали развалины зданий или предприятий, чтобы потом с помощью взяток или через посредство «своих» людей добиться их оценки, в 3—4 раза превышающей действительную стоимость. Торговля руинами баснословно обогащала шайки спекулянтов.

В результате среди получивших ассигнования на восстановительные работы оказались 32 фирмы, предприятия которых не пострадали вовсе. В апреле 1921 г. им было выплачено в качестве аванса 1112 млн. фр. Объединения «О Фурно» и «Форж д'Анзен» получили 99 млн. фр., «Мезон Лепутр» (Рубе) — 67 млн., «Мезон Мазюрель» (Туркуэн) — 25 млн. В числе урвавших наиболее крупные суммы была и фирма «Сосьете д'антреприз», контролировавшаяся финансовой группой Жиро—Лушер, глава которой Лушер занимал пост министра по восстановлению разрушенных войной районов [7].

В то же время мелким собственникам, крестьянам, рабочим было очень трудно добиться возмещения убытков и помощи на восстановление разрушенных жилищ или хозяйств. Закон предусматривал, что в деревне каждому хозяйству должна быть выдана определенная сумма в зависимости от численности семьи и размера земельной площади, с учетом утраченного скота, инвентаря. Но при этом все преимущества предоставлялись более состоятельным крестьянам.

Выгоды, которые извлекали монополистические объединения и группы спекулянтов, побуждали их искусственно затягивать восстановительные работы и раздувать их объем. При этом вся буржуазная пресса убеждала читателей, что главной причиной промедления является саботаж выплаты репараций со стороны Германии; официальная пропаганда бесконечно требовала взять Германию «за шиворот», «заставить немца платить» и т. п.

Однако при всех несправедливостях, которые им сопутствовали, восстановительные работы влекли за собой не только обогащение монополий и рост концентрации капитала и производства, но и развитие крупной промышленности, переоборудование ее в соответствии с передовым для того времени уровнем техники, превращение Франции из аграрно-индустриальной, какой она была до войны, в индустриально-аграрную страну.

[7] «L'Humanité», 25.IV 1921.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА БРИАНА. СПАД РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

К началу 1921 г. антисоветские интервенционистские планы французских империалистов потерпели полное крушение. Находившееся у власти с сентября 1920 г. министерство Лейга было вынуждено уйти в отставку, и 16 января 1921 г. было сформировано новое правительство, во главе которого стал Аристид Бриан. Его назначение было показателем перегруппировки сил в составе Национального блока. В отличие от своих предшественников, представлявших правое крыло правительственной коалиции, Бриан принадлежал к одной из «левых» буржуазных организаций — партии «Республиканских социалистов». Назначение Бриана казалось самым различным группам населения обещанием удовлетворить их запросы.

Приверженность идеям Лиги наций и декларативный пацифизм Бриана воспринимались как отказ от военных авантюр и залог нормализации отношений с другими странами, а его шовинистическая позиция во время войны казалась гарантией настойчивости в вопросах о германских репарациях или о долгах царского и Временного правительств России. Прошлое социалиста будто бы сулило реформы, которых с нетерпением ждали мелкие собственники, а ненависть к большевикам служила свидетельством надежности в глазах крупного капитала.

Основой внешней политики Национального блока оставался антисоветский курс. Новый кабинет намеревался лишь совершить переход от прямого участия в вооруженной интервенции к методам изоляции и блокады Советской Республики. Этот поворот французская буржуазия совершала куда медленнее и нерешительнее, чем правящие круги других стран (например, Англии и Италии). Она не могла примириться с крахом интервенции, то и дело пытаясь так или иначе возвратиться к ней. Правительство Бриана продолжало оказывать поддержку всем силам, враждебным Советской России, и добиваться создания у ее границ зависимых от Франции военных блоков. Оно тормозило заключение (а потом выполнение) советско-польского договора, в феврале 1921 г. подписало с Польшей договор о союзе. Франция завершила начатое в 1920 г. сколачивание Малой Антанты и так называемого Прибалтийского блока (гарантийный договор Польши с Латвией, Эстонией и Финляндией); в марте 1921 г. заключило секретное соглашение с Японией, продолжавшей антисоветскую интервенцию, о переброске на Дальний Восток осколков разбитых врангелевских войск. Так создавалась целая система, с помощью которой рассчи-

тывали либо вновь организовать вооруженное вторжение, либо вынудить Советскую Республику принять условия, которые привели бы ее к экономическому закабалению и реставрации капитализма.

Французское правительство пыталось использовать трагическое положение, сложившееся в Поволжье, и в обмен на помощь голодающим добиться признания Советской Республикой всех долгов царского и Временного правительств. Созданный под эгидой Лиги наций «Комитет экспертов по оказанию помощи России», во главе которого стоял Нуланс, должен был стать главным центром контрреволюционной и разведывательной деятельности на советской территории. Чтобы достигнуть этого, во Франции были приняты меры, препятствующие частным лицам и благотворительным организациям оказывать помощь голодающим в Поволжье иначе чем через комитет Нуланса.

Позже, когда планы удушения Советской России рухнули, а кольцо блокады начало распадаться, требование уплаты долгов царского и Временного правительств стало использоваться французской дипломатией с целью недопущения каких-либо переговоров с Советским правительством. Оно стало главным аргументом для оправдания политики непризнания Советской России.

Бриан выступил как поборник смягчения разногласий с Англией, обострившихся накануне его прихода к власти, и противник односторонних действий по отношению к Германии. «Недостаточно, чтобы Франция одна решила выполнить заключенный договор в соответствии со своими интересами,— говорил он.— Необходим постоянный обмен мнениями с союзниками... В противном случае все может рухнуть» [8].

Идея Бриана состояла в том, чтобы связать требования выплаты репараций с проблемой гарантий безопасности французских границ. На конференциях союзников в Париже (январь) и Лондоне (март 1921 г.) была достигнута договоренность об общей сумме репараций и о порядке взимания платежей, а также о санкциях, вплоть до оккупации немецкой территории, которые могут быть применены в случае отказа или саботажа со стороны Германии. В порядке реализации этого соглашения союзнические войска в марте 1921 г. были введены в города Дуисбург, Рурорт и Дюссельдорф.

Однако результаты, достигнутые в ходе переговоров, и совместные англо-французские действия лишь на короткое время удовлетворили французских империалистов. Подлинные их цели вовсе не ограничивались репарационными претензиями. Речь шла о том, чтобы, установив контроль над добычей угля в Руре, соединить его с лотарингской рудой и таким образом обеспечить

[8] «Débats parlementaires. Session extraordinaire de 1921», p. 17—18.

Франции гегемонию в Европе. Соглашения с Англией подверглись поэтому резкой критике со стороны наиболее воинственных элементов правящего лагеря во Франции. Так, А. Тардье резко критиковал уступки Англии на Ближнем Востоке, на которые пошло французское правительство, и утверждал, что все, чего Бриан якобы добился, уже по сути дела содержалось в Версальском договоре [9].

Реакционность внешней политики кабинета Бриана четко проявилась и в настойчивости, с которой он добивался завершения начатых еще в 1920 г. переговоров о восстановлении дипломатических отношений с Ватиканом. Тщетно часть радикалов, возглавляемая Э. Эррио, противилась этому, ссылаясь и на позицию папы Бенедикта XV во время войны, и на речи самого Бриана, относящиеся к началу XX в., и на необходимость сохранить симпатии протестантской части населения Эльзас-Лотарингии и мусульман в Сирии [10]. Глава правительства лицемерно заявил, что необходимо «иметь представительство повсюду, где обсуждаются большие международные проблемы» [11]. Но сторонник правящей коалиции депутат Фаршо был более откровенен: «Мне кажется, что католицизм... это серьезное оружие против большевизма. Чтобы эффективно применить это оружие, нужно быть в согласии с руководством католицизма. Я не католик... но я вижу, что на протяжении двух тысяч лет католицизм почти во всем мире защищает семью, порядок» («И собственность»,— крикнули из зала.— «Да, и собственность»,— подтвердил оратор) [12]. Парламентские битвы по этому вопросу заняли почти целый год, и лишь в декабре 1921 г. сенат утвердил решение о восстановлении дипломатической миссии в Ватикане.

Известный поворот совершило правительство Бриана и в области внутренней политики. В годы бурного революционного подъема французская буржуазия была вынуждена не только щедро раздавать обещания, но и удовлетворять некоторые требования трудящихся. Начавшийся спад рабочего движения открывал для Национального блока возможность отказаться от политики уступок и перейти в наступление. В декларации, оглашенной Брианом 20 января 1921 г., обещания были минимальными. Речь шла лишь об увеличении пенсий инвалидам войны и семьям погибших. Намеченные правительством расширение восстановительных работ и обширная программа строительства портовых и мелиоративных

[9] «Le Temps», 8.II 1921.

[10] *Э. Эррио.* Из прошлого. Между двумя войнами. 1914—1936. М., 1958, стр. 137—140.

[11] «Débats parlementaires. Session ordinane de 1921», t. I, partie I, p. 44.

[12] Ibid., p. 125.

сооружений вдоль р. Роны сулили выгоды в первую очередь монополистическим компаниям и банкам.

Главным в правительственной декларации были требование строжайшей экономии, предвещавшее ликвидацию ряда экономических завоеваний трудящихся, и заверение в намерении утвердить «законность и порядок» [13], что на языке буржуазии всегда означало подавление рабочего класса.

Все силы карательного аппарата государства были брошены против только что созданной ФКП. Начались многочисленные аресты активистов коммунистического движения. Полиция врывалась в квартиры партийных работников, обыскивала редакции журналов и газет, здания, принадлежавшие партии и революционным профсоюзам. Печать раздувала фантастические сообщения о «тайных агентах Москвы», о чеках на астрономические суммы, якобы найденных в редакционных столах, о несуществующих «инструкциях Коминтерна», будто бы предписывавших немедленное свержение правительства Французской республики.

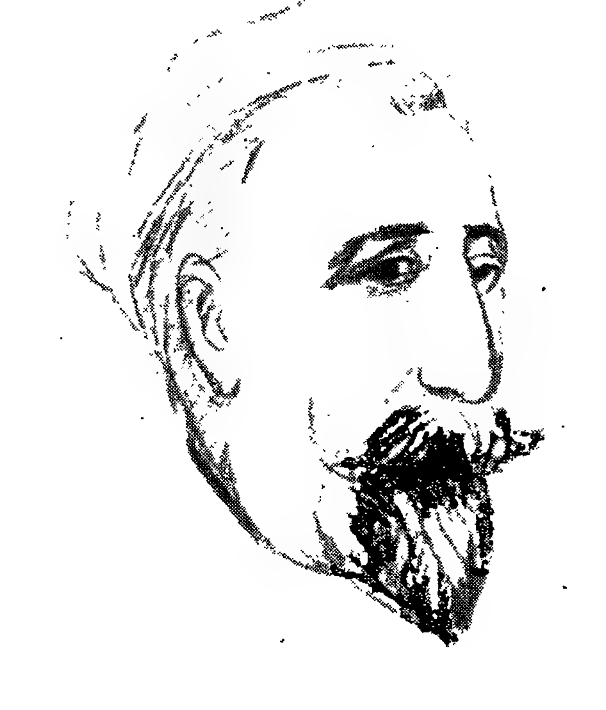
В палате депутаты правых партий изобретали сотни предлогов, добиваясь лишения депутатов-коммунистов парламентской неприкосновенности. Были наскоро перекроены обвинения против участников стачки железнодорожников, арестованных еще осенью 1920 г., но теперь представленных общественному мнению в качестве организаторов опаснейшего «заговора против государства». Впрочем, судебный процесс, организованный по этим обвинениям, позорно провалился. Он вызвал грандиозные демонстрации протеста со стороны рабочих, видевших в железнодорожниках не преступников, а борцов против антисоветской интервенции. «Осудить их,— писал А. Франс,— значит осудить право мыслить, писать, осудить свободу мнения, воплощающую достоинство человека» [14].

Искусственно созданная атмосфера подозрительности и страха перед «коммунистической опасностью» использовалась реакцией для попыток ликвидации демократических свобод и республиканских институтов, для установления режима президентской диктатуры. В прессе и кулуарах парламента обсуждались проекты расширения круга избирателей президента [15], сокращения числа членов парламента, продолжительности его сессий, ограничения законодательной инициативы парламента и его права интерпелляции, а также устранения принципов пропорционального представительства, имевшихся в избирательной системе.

[13] «Débats parlementaires. Session ordinaire de 1921», p. 44.

[14] «L'Humanité», 9.III 1921.

[15] На основании конституции 1875 г. президент избирался совместным заседанием обеих палат. Расширение круга избирателей, которого добивалась реакция, поставило бы его вне парламентского контроля.



Анатоль Франс.
Рисунок Т. Стейнлена

Была также совершена попытка ликвидировать свободу печати при помощи законопроекта о судебном преследовании за антивоенные выступления. Система штрафов, предусмотренная законопроектом, была такова, что только кампания «Юманите» против призыва резервистов 1919 г. должна была, по подсчету М. Кашена, обойтись газете в 10 млн. фр. [16] Однако дружный протест общественности, поддержанный лучшими представителями интеллигенции — А. Барбюсом, Р. Ролланом, А. Оларом и др., помешал принятию этого «архипреступного закона», который грозил, по выражению А. Франса, «отбросить страну к законам о печати времен Карла X» [17].

Резко усилилась кампания против права рабочих на стачку. Буржуазная пресса и объединения предпринимателей горячо подхватили предложение Мильерана о введении принудительного арбитража на транспорте, электростанциях, газовых заводах и шах-

[16] «L'Humanité», 25.VI 1921.
[17] «L'Humanité», 1.VII 1921.

тах с тем, чтобы неподчинившиеся подвергались высоким штрафам и даже тюремному заключению. Первым шагом к запрещению стачек был декрет о мобилизации рабочих трех возрастов и введении военного положения на железнодорожной магистрали Париж — Лион — Средиземное море. Специальная комиссия парламента одобрила проект закона о реквизиции помещений, сырья и персонала предприятий коммунального обслуживания; тем самым создавалось положение, при котором стачка могла рассматриваться как антигосударственное выступление.

С особым ожесточением развернула буржуазия борьбу против самого важного из завоеваний рабочего класса — закона о 8-часовом рабочем дне. Не решаясь прямо отменить его, правительство пыталось сделать это, поставив на обсуждение вопросы «толкования» и «применения» закона [18]. После длительных маневров была наконец найдена иезуитская формула, установившая различие между часами «эффективной работы», которых не должно было быть более 8 (закон-де остается в силе), и часами «присутствия», число которых было признано не поддающимся регулированию. Первое практическое применение подобного толкования закона ликвидировало 8-часовой рабочий день на транспорте, где решением правительства было введено 300 дополнительных часов работы для железнодорожников и установлено 12 часов «присутствия» для матросов и рабочих торгового флота. Таким образом, был создан прецедент, на основании которого предприниматели получили возможность нарушать закон. По меткому выражению газеты «Юманите», буржуазия добилась того, «чтобы принцип закона о 8-часовом рабочем дне был правилом, но само его применение — исключением» [19].

Обстановка, сложившаяся в стране, снижала боеспособность рабочего класса и усиливала разочарование, охватившее значительные его слои уже со времени поражения забастовок 1920 г. Множество рабочих покидало профсоюзы, и к концу 1921 г. ВКТ потеряла около 70% своих членов. Более чем в 3 раза сократилось число забастовок и их участников. Изменился и характер стачек, которые в большинстве вспыхивали лишь в ответ на снижение зарплаты. Наступательные требования фигурировали лишь в 47 из 475 стачек, происшедших за год.

Однако ослабление стачечного движения и частые поражения вызывали не только настроения упадка. Они помогали наиболее сознательной части рабочих понять несостоятельность соглашательской тактики профсоюзного руководства и правоту револю-

[18] «Le Temps», 3.IV 1922.
[19] «L'Humanité», 11.IV 1922.

ционных синдикалистов. Освобождаясь от влияния реформистов, рабочие искали новые средства и методы борьбы. Так, во время стачки в апреле 1921 г. во Вьенне (департамент Изер) бастующие заняли четыре фабрики фирмы «Берне» и удерживали их в течение 24 часов. Несмотря на то что реформисты на этот раз сумели сорвать выступление, новый метод приобрел популярность. В ночь с 9 на 10 октября над девятью фабриками взвились красные флаги. Занявшие их рабочие проявили такую сплоченность и организованность, что патронат был вынужден отступить: было отменено ранее объявленное снижение зарплаты, освобожден арестованный секретарь местного профсоюзного объединения и т. п.

В течение пяти недель упорно боролись рабочие транспортных предприятий в Труайе и Ромини-сюр-Сен, неоднократно вступавшие в уличные бои с полицией. Они не только отстояли свою зарплату, но и добились ее повышения на 6%. Вопреки реформистским руководителям профсоюзов в тяжелой борьбе добились победы и металлисты в департаменте Верхний Рейн и строители в Париже [20].

Характерно, что там, где руководство стачками осуществляли революционные синдикалисты и борьба велась решительно, авторитет профсоюзов возрастал. Там же, где реформистам удавалось убедить рабочих сложить оружие, отлив из профсоюзов продолжался. Так, после провала стачки в Эпинале местный профсоюз текстильщиков, насчитывавший 18 тыс. членов, фактически распался.

Стремление к революционным методам борьбы проявилось в стачке текстильщиков Севера в 1921 г. Начатая рабочими Рубе и Туркуэна против вторичного за год понижения зарплаты, эта забастовка переросла во всеобщую, охватив промышленный район Севера целиком. Не дожидаясь указаний руководителей ВКТ, а иногда и вопреки им, в нее включились рабочие всех специальностей. Было созвано собрание делегатов и избран единый стачечный комитет, в состав которого, наряду с 11 представителями реформистского крыла ВКТ, вошло и 7 посланцев революционного меньшинства [21].

Героическая борьба рабочих Севера, продолжавшаяся около трех месяцев, вызвала многочисленные стачки солидарности в Париже и его предместьях, Лионе, Нанте, Страсбурге и других промышленных центрах. Рабочие многих городов собирали средства в помощь бастующим, организовывали эвакуацию детей из района событий и окружали их заботой и вниманием. Денежную

[20] *R. Garmy.* Histoire du mouvement syndical en France de 1914 à nos jours. Paris, 1934, p. 57.

[21] «l'Humanité», 26.VIII 1921.

помощь оказывали французским текстильщикам и рабочие других стран. Так, советские профсоюзы собрали и перевели более 10 тыс. фр.[22]

Сочувствие участникам стачки выражали крестьяне и часть городской мелкой буржуазии Севера. В ряде городов они организовали общественные кухни или бесплатную раздачу продуктов для бастующих. Симпатии к стачечникам проявляли и солдаты, посланные в район борьбы.

Несмотря на стойкость и мужество участников, забастовка на Севере не привела к победе. Только в некоторых пунктах или отраслях производства рабочим удалось отстоять зарплату на прежнем уровне и добиться отдельных уступок.

Напуганная буржуазия мобилизовала все свои силы, правительство, лицемерно предлагая посредничество, стянуло на Север крупные воинские соединения с артиллерией и танками, возложив на них охрану штрейкбрехеров. Отрицательно сказалась на движении недостаточная сплоченность рабочих; многие прислушивались к реформистским лидерам, призывавшим к соглашению. И все же забастовка убедительно показала рабочим наличие у них сил и возможностей для борьбы, а также острую необходимость организации.

К весне 1921 г. оппозиция реформистскому руководству ВКТ достигла такого влияния, что название «меньшинство» сохранялось лишь как условное. В действительности к комитетам революционных синдикалистов примыкало почти 50% членов Конфедерации, причем число их неуклонно росло. В ряде местных объединений профсоюзов (департаменты Сена, Па-де-Кале, Шер, Луара, Шаранта, Рона, Вогезы, Кальвадос), а также во многих национальных федерациях (пищевиков, металлистов, строителей, швейников, работников государственных железных дорог и др.) меньшинство фактически превратилось в большинство. При этом оно изменилось и качественно; влияние синдикалистов-коммунистов, выступавших за сотрудничество с ФКП, резко увеличилось.

Пытаясь затормозить этот процесс, лидеры ВКТ выдвинули угрозу исключения из Конфедерации тех профсоюзов, которые присоединятся к комитетам революционных синдикалистов, обвиняя их в подчинении «коммунистическому влиянию» и нарушении традиционной «независимости» от политических партий. Но попытки привести эту угрозу в исполнение в некоторых национальных федерациях (текстильщиков, горняков и др.) вызвали взрыв возмущения и лишь ускорили присоединение многих ранее колебавшихся профсоюзов к революционному крылу.

[22] «L'Humanité», 17.X 1921.

Понимая, что дни их господства в ВКТ сочтены, реформистские лидеры начали подготовку к расколу. Она затянулась почти на год, ибо сторонники Жуо хотели переложить ответственность за раскол на других, осуществив его в наиболее выгодном для себя варианте. Об этом свидетельствовало решение, принятое в феврале 1921 г. руководством ВКТ, в котором революционные профсоюзы признавались «поставившими себя вне ВКТ» [23].

По мере усиления левого крыла росло стремление реформистов к расколу. «Медлить нельзя... Чем раньше произойдет распад, тем большая часть останется под руководством Жуо»,— писала газета «Попюлер» 12 февраля 1921 г. «Необходимо использовать последнюю представившуюся ВКТ возможность избавиться от микроба, который ее разрушает»,— вторила другая газета социалистов — «Прогрэ де Лион» [24].

Первый шаг к расколу был сделан в федерации железнодорожников — самой крупной и революционной в ВКТ. На ее съезде в июне 1921 г. значительным большинством, включавшим делегатов от 330 профсоюзов, было избрано бюро, в состав которого вошли революционные синдикалисты во главе с П. Семаром. Однако бывший лидер федерации Бидэгаре («император», как его иронически называли рабочие) отказался подчиниться этому решению. Покинув съезд, он вместе с оставшимися на его стороне руководителями 213 профсоюзов объявил о создании отдельной федерации, которую руководство ВКТ поспешило признать «законной» [25].

Решительная борьба развернулась на съезде ВКТ в Лилле, открывшемся 25 июня 1921 г. Чтобы удержать руководство в своих руках, лидеры реформистов не останавливались ни перед чем. Они отказались признать действительными мандаты делегатов, представлявших революционное большинство федерации железнодорожников, а также мандаты тех профсоюзов, которые были исключены федерациями за принадлежность к левому крылу.

Пользуясь положением устава о том, что каждый профсоюз имеет право на один голос на съезде, реформисты на скорую руку создали более 700 новых союзов; большинство их объединяло всего один-два десятка членов, многие были вообще фиктивными. В первый же день работы реформисты открыто попытались сорвать съезд, развязав в зале заседания побоище при помощи вооруженных дубинками молодчиков, которых специально доставили в Лилль в качестве делегатов фиктивных союзов.

[23] «La vie ouvrière», 18.II 1921; «L'Internationale», 2.III 1921.

[24] См. «La vie ouvrière», 18.II 1921.

[25] *P. Semard*. Histoire de Fédération de Cheminots. Paris, 1934, p. 39—40.

Однако подобные методы вызвали энергичный протест даже у тех представителей рабочих, которые оставались на стороне «большинства». В Лилле революционное крыло ВКТ еще раз продемонстрировало численный и идейный рост, выдержку и волю к единству. Убедительно критикуя политику руководства, его сторонники доказывали, что присоединение к Профинтерну отвечает интересам классовой борьбы французского пролетариата и никак не нарушает автономии профдвижения, провозглашенной в Амьенской хартии [26]. «Москва — это солнце, притягивающее лучшие элементы всех пролетарских движений...— заявил делегат объединения профсоюзов Сены и Уазы.— Я знаю, что русская революция открыла путь интеллектуальному и моральному возрождению трудящихся... и поэтому голосую за резолюцию меньшинства» [27]. Съезд завершился моральным поражением реформистов, которые сохранили руководство лишь потому, что их резолюция собрала 1572 мандата, в то время как меньшинство получило 1325, т. е. 45,7%; однако численный состав провсоюзов, представленных меньшинством, намного превышал 50% рабочих, объединенных в ВКТ.

Соотношение сил, обнаружившееся на съезде, лишало реформистских лидеров возможности пойти на раскол немедленно. Но обстоятельства заставили их торопиться, ибо в результате стачечных боев осени 1921 г. их авторитет еще более упал, особенно в департаменте Нор, до этого считавшемся оплотом реформизма. «Было бы смешно продолжать руководить ВКТ, опираясь на несуществующее большинство»,— писал с циничной откровенностью один из вождей реформистов Реи на страницах «Энформасион сосиаль» [28].

Осенью 1921 г. бюро ВКТ приступило к массовым исключениям революционных профсоюзов из состава Конфедерации. К концу ноября число исключенных профсоюзов достигло 400 [29]. Тревога за судьбу профдвижения побудила многие департаментские объединения (в том числе Сены, Сены и Уазы, Об, Нижней Шаранты) и национальные федерации профсоюзов (в том числе железнодорожников, пищевиков, швейников) взять на себя инициативу созыва съезда единства. В чем приняли участие посланцы 1564 профсоюзов, представляющих 60% состава ВКТ, в числе которых было и 125 профсоюзов, принадлежавших к «большин-

[26] См. «Красный Интернационал профсоюзов», 1921, № 1, стр. 32.
[27] «L'Humanité», 30 VII 1921.
[28] См. «Bulletin communiste», num. spécial, 10.XI 1921.
[29] «Очерки рабочего движения во Франции (1917—1967)». М., 1968, стр. 41.

ству»[30]. Но бюро ВКТ отвергло предложенные этим съездом меры, отказалось от созыва Административной комиссии или сессии Национального комитета Конфедерации и объявило об исключении всех профсоюзов, участвовавших в съезде единства.

Таким образом, раскол совершился. Исключенные союзы были вынуждены создать временное объединение и избрать его руководящие органы, а в начале 1922 г., убедившись в безрезультатности попыток восстановления единства, организовать новый профсоюзный центр — Унитарную всеобщую конфедерацию труда (УВКТ). Раскол ВКТ, вина за который лежит на реформистах, причинил большой вред боеспособности рабочего класса Франции.

ФРАНЦУЗСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ПОСЛЕ ТУРА

Организационное оформление Французской коммунистической партии проходило в крайне неблагоприятных условиях. С первых же дней она подвергалась ожесточенной травле и полицейским преследованиям, отражать которые было особенно трудно в связи с общим ослаблением массового движения и усиливающимся расколом в рядах пролетариата. Создание организаций на местах протекало в напряженной борьбе с оппортунистами, которые использовали занимаемые ими посты, чтобы захватить в пользу СФИО помещения, имущество и деньги, по праву принадлежавшие революционному большинству, образовавшему ФКП. Потеряв возможность претендовать на «Юманите», после того как старейший революционер-коммунар Камелина отдал контрольный пакет акций этой газеты коммунистам, руководители СФИО организовали подлинный налет на типографию, пытаясь вывезти оборудование. Правда, в Париже рабочие сумели дать им отпор, но во многих федерациях (Мэн и Луары, Нижнего Рейна, Верхней Гаронны и др.) оппортунистам удалось таким образом завладеть и редакциями газет, и партийными кассами.

Большие трудности были связаны и с положением в самой ФКП. «Преобразование старого типа европейской парламентской, на деле реформистской и лишь слегка подкрашенной в революционный цвет партии в новый *тип* партии, в действительно революционную, действительно коммунистическую партию это — вещь чрезвычайно трудная,— писал В. И. Ленин.— Пример Франции показывает эту трудность, пожалуй, всего нагляднее»[31].

Вышедшая из Тура партия получила тяжелое организационное и идейное наследство. Она сохранила чисто территориальную

[30] «Красный Интернационал профсоюзов», 1922, № 1, стр. 31.
[31] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 420.

структуру, удобную для избирательной деятельности, но непригодную для руководства повседневной борьбой рабочего класса. Она была оторвана от профсоюзов и других массовых организаций трудящихся. Пролетарское большинство партии состояло из рабочих, полных решимости бороться, преданных делу партии, воодушевленных примером Великого Октября; но одного «энтузиазма ее членов, их желания найти правильный путь было недостаточно, чтобы с сегодня на завтра обновить политику, структуру и методы партии» [32].

В составе партии были и старые борцы, вышедшие из различных течений довоенного рабочего движения, и молодежь, прошедшая революционную школу в окопах мировой войны, и рабочие, познавшие необходимость политической партии в годы послевоенного революционного подъема. Одни еще не вполне освободились от навыков и представлений, усвоенных в прошлом, другие не имели достаточного опыта и теоретической подготовки. Все это объясняет, почему в ФКП «некоторые слабости социал-демократических партий были в годы, последовавшие за Турским съездом, весьма живучи» [33].

Партия была многочисленна, но в ней имелось и немало случайных мелкобуржуазных элементов, занесенных в ряды рабочего движения революционной волной послевоенных лет. В центральном руководстве и в местных федерациях, в прессе и парламентской фракции окопались перекрасившиеся оппортунисты, враждебные Коминтерну, но признавшие турские решения, когда предотвратить их не удалось, только для того, чтобы сохранить свое влияние и положение в партии. Их лидером был Л. Фроссар, удержавшийся при помощи лжи и демагогии на посту генерального секретаря.

При таких условиях преобразование партии могло начаться лишь с участия в массовом движении, цели которого пользовались бы единодушной поддержкой ее членов и имели бы первостепенное значение для всех трудящихся. Именно поэтому первыми шагами в идейном и организационном сплочении пролетарского большинства ФКП, упрочении связей с массами и изучении опыта партии большевиков было активное участие в борьбе против военной опасности и в защиту Советской России. «Борьба за мир, борьба против войны, как ближайшая цель, проходила в истории нашей партии на каждом этапе ее развития, от ее образования до настоящего времени» [34],— писал позднее М. Торез.

[32] «Histoire du Parti communiste français (Manuel)». Paris, 1964, p. 115.
[33] Ibidem.
[34] «Cahiers du communisme», 1950, N 4, p. 39.

Поль Вайян-Кутюрье

В прессе ФКП, и особенно на страницах «Юманите», ее лучшие журналисты (М. Кашен, П. Вайян-Кутюрье, Г. Пери) систематически выступали со статьями о жизни Советской страны, разъясняли сущность ее миролюбивой политики, разоблачали интервенционистские замыслы империалистов, доказывали, что установление франко-советских экономических и политических отношений соответствует самым глубоким и жизненным интересам французского народа.

С этой же целью французские коммунисты широко использовали парламентскую трибуну. Особенно убедительными были запросы и выступления М. Кашена. Обращаясь к реакционному большинству палаты, он говорил: «Вы полагали, что устранили из своих решений великий народ, но установленный таким образом мир (имеется в виду Версальский.— *Ред.*) обречен на непрочность, ненадежен, всегда находится под угрозой. То, что вы затеяли,— это пустой труд» [35].

[35] «Débats parlementaires Session ordinaire de 1921», t. II, p. 23.

Французские трудящиеся горячо поддержали коммунистов. Не было митинга, собрания, демонстрации, где требование нормализации отношений с Советской Республикой не фигурировало бы в качестве главного. Требование мира и признания Советской Республики было выдвинуто и на массовом митинге в Париже 3 февраля 1921 г., и на митинге 30 тыс. трудящихся парижских предместий в Сент-Уэне, и во время традиционной демонстрации в день Парижской Коммуны, и в первомайских выступлениях, и на многочисленных собраниях, выражавших солидарность с коммунистами, преданными суду за антиинтервенционистские выступления [36].

В начале августа 1921 г. ФКП призвала пролетариат к политическим забастовкам против вооружения стран, входящих в антисоветские блоки. «Кто прямо или косвенно участвует в производстве или отправке снаряжения для Польши и Румынии, бесчестит себя. Кто работает для одной из фирм, выполняющих подобные заказы, вооружает контрреволюцию и сражается против русской революции. Кто не протестует против вооружения врагов Советов, изменяет своему долгу, предает свою партию, своих товарищей, жен и детей» [37],— говорилось в воззвании.

Ежедневно газеты ФКП «Юманите» и «Энтернасиональ» публиковали список фирм, выполняющих правительственные заказы на вооружение. В некоторых промышленных районах по инициативе коммунистов были начаты забастовки. 9 августа 1921 г. рабочие завода «Фосс-о-Шен» (Гавр) отказались выполнять заказ на производство ручных гранат. Подобные же забастовки были объявлены на автомобильных и авиастроительных заводах Парижского района, металлообрабатывающих предприятиях в Париже, Рубе и некоторых других городах.

В стачках против производства вооружения ФКП выступала совместно с революционными синдикатами, Федерацией коммунистической молодежи, Республиканской ассоциацией ветеранов войны, Рабоче-крестьянской федерацией инвалидов. Приобретенный опыт имел важное значение для развития партии. Он подтверждал необходимость перестройки всей работы и структуры ФКП.

ФКП сыграла ведущую роль в организации массового движения против попыток Национального блока использовать голод в Поволжье и навязать Советскому правительству кабальные соглашения. В прессе и парламенте коммунисты энергично протестовали против подобного «шейлоковского торга». Благодаря энергии, самоотверженности и настойчивости французских коммунис-

[36] «L'Humanité», 4.II; 7. 24.III; 3.V 1921.
[37] «L'Humanité», 10.VIII 1921.

тов организация помощи голодающим Поволжья переросла в массовое движение за нормализацию франко-советских отношений.

Коммунистическая партия, единственная в стране, выступила против претензий французского империализма на гегемонию в Европе и связанных с этим планов расчленения Германии и отторжения от нее Рура, против гонки вооружений, сохранения огромной армии и увеличения сроков военной службы. С позиций пролетарского интернационализма коммунисты разъясняли общность интересов французских и германских трудящихся и необходимость их совместных действий. «Французские и германские коммунисты будут вместе бороться против капиталистической олигархии обеих стран» [38],— заявил ЦК ФКП в декларации по германскому вопросу. Особенно энергично повела партия борьбу против насаждавшихся буржуазией шовинистических настроений в районах, разрушенных в годы войны.

По инициативе ФКП для борьбы против военной опасности была создана сеть комитетов действия, в состав которых вошли представители всех прогрессивных организаций. Эти комитеты провели многочисленные выступления против призыва в армию резервистов 1919 г., против пропаганды милитаризма в связи с торжествами, организованными правительством к 100-летию со дня смерти Наполеона I, и др. Наиболее крупные антивоенные митинги и демонстрации состоялись в Париже, Сен-Назере, Марселе, Ниме, Клермон-Ферране, Крезо, Гавре. В Орлеане ветераны войны шествовали с укрепленными на древках вместо знамен гирляндами орденов и медалей [39].

Продолжая лучшие традиции французского социалистического движения, ФКП приступила к работе среди призывников и солдат, сочетая при этом легальные методы борьбы с нелегальными. Большую помощь партии оказала Федерация коммунистической молодежи, члены которой распространили более 100 тыс. экземпляров листовок, расклеили на улицах и в казармах свыше 2 тыс. антивоенных плакатов. Эффективность деятельности коммунистов подтверждали многочисленные выступления солдат и новобранцев в Сен-Жюльене, Орлеане, Сент-Этьенне, Вандоме, Люневиле и на призывных пунктах Парижа. «Марсель Кашен и его друзья сделали все, чтобы вызвать недисциплинированность среди солдат» [40],— заявил военный министр Л. Баргу, косвенно признавая успех ФКП.

[38] «L'Humanité», 4.V 1921.
[39] «La vie ouvrière», 7. V 1921.
[40] «Débats parlementaires. Session ordinaire de 1921», t. II. p. 25.

Решительная и последовательная борьба против милитаризма в защиту Советской страны привлекла к ФКП симпатии трудящихся. Но тем более очевидной становилась необходимость очистки от случайных и оппортунистических элементов, сближения с профсоюзами, выработки аграрной программы, которая открыла бы партии путь к крестьянству.

Стремление рабочих-коммунистов к перестройке работы обнаружилось уже весной 1921 г., когда при обсуждении проекта устава ряд низовых организаций (например, 9-я и 14-я секции Парижа) потребовали четкого определения революционных целей партии, установления в ней строгой дисциплины, а также постоянного контроля над прессой со стороны ЦК. Хотя оппортунистам, входившим в состав руководства, удалось тогда оттянуть принятие соответствующих решений, на так называемом административном съезде в Париже 15—17 мая 1921 г. большинство сумело настоять на замене старого названия «Социалистическая партия. Французская секция Коминтерна» новым — «Французская коммунистическая партия» [41].

В июле 1921 г. III Всемирный конгресс Коминтерна, опираясь на опыт, уже накопленный международным и французским рабочим движением, поставил перед ФКП задачу борьбы за завоевание масс. Поражение мощной стачки текстильщиков Севера и раскол ВКТ воочию убедили коммунистов Франции в необходимости претворения советов Коминтерна в жизнь. На I съезде ФКП, состоявшемся в декабре 1921 г. в Марселе, были приняты решения, которые ИККИ охарактеризовал как «важные опорные пункты для деятельности партии среди рабочих масс в городе и деревне» [42].

Одно из этих решений — «Тезисы о «национальной обороне» и по вопросу о войне» — определяло позицию партии по отношению к агрессивной внешней политике французского империализма и провозглашало непоколебимую верность делу защиты завоеваний пролетарской революции, Советского государства. В тезисах порицались центристские элементы, которые под видом «абсолютного антимилитаризма» и пацифизма пропагандировали мир на основе сотрудничества классов, гарантированный Лигой наций. Столь же решительно осуждались в тезисах и левацкие ошибки (план предотвращения войны путем массовой неявки на призывные пункты и т. п.), которые распространялись среди «революционно нетерпеливых, политически неопытных элементов» [43], глав-

[41] «L'Humanité» 17.V 1921.

[42] «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, стр. 277.

[43] Там же, стр. 186.

ным образом в Федерации коммунистической молодежи. Принятые решения требовали совершенствования устной и печатной пропаганды, неуклонного разоблачения пацифистских маневров буржуазии, за которыми скрывалась подготовка новой войны, решительной защиты принципа независимости народов всех стран, в том числе и потерпевших поражение в минувшей войне.

Тезисы не были лишены недостатков: в них все войны эпохи империализма признавались захватническими, а вопрос об антиколониальном движении не был вовсе поставлен, хотя делегат съезда Хо Ши Мин настаивал на этом. Однако в целом принятие тезисов было шагом вперед и открывало возможность упрочения связей партии с массами.

Второе из важнейших решений Марсельского съезда касалось деятельности партии в профсоюзах. Оно было принято вопреки сопротивлению оппортунистов, которые пытались удержать партию от борьбы за руководство массовым движением при помощи «теории разделения функций» и призывов к сохранению «независимости» профсоюзов. Принятые съездом тезисы предполагали установление тесного сотрудничества ФКП с профсоюзами. «Впервые съезд партии отчетливо заявил, что «независимость» профсоюзов не может означать ничего иного, кроме независимости по отношению к идеологии и политике буржуазии».

Решение обязывало всех коммунистов — рабочих и служащих вступать в профсоюзы, активно участвовать в их работе, пропагандируя идеи и решения партии. Хотя тезисы и были сформулированы несколько общо, что позволяло оппортунистам саботировать их применение, сам факт их принятия был предвестием перемен, назревавших в партии.

Марсельский съезд также обсудил и принял «Тезисы по аграрному вопросу». В этой первой аграрной программе ФКП подчеркивалось, что только союз с пролетариатом может спасти крестьянство от разорения, к которому оно неизбежно идет при капитализме. Защита интересов трудящихся крестьян провозглашалась одной из важнейших задач партии [44].

Исходя из основных положений марксизма-ленинизма, специфики аграрных отношений в стране и опыта партии большевиков, ФКП сформулировала принцип: «Земля тем, кто ее обрабатывает». Вместе с тем в программе был поставлен вопрос о путях обобществления сельскохозяйственного производства на основе строгой добровольности и как следствие терпеливой воспитательной работы среди крестьян.

[44] См. *Ю. Г. Трунский.* В. И. Ленин и Марсельская аграрная программа Французской коммунистической партии.— «Французский ежегодник 1970». М., 1972, стр. 110, 122.

В статье «О тезисах по аграрному вопросу Французской коммунистической партии» В. И. Ленин дал им положительную оценку, подчеркнув, что основные мысли в них правильные и выражены вполне удачно[45]. Одновременно В. И. Ленин указал на ошибочность недооценки проникновения капитализма в сельское хозяйство и посоветовал конкретизировать отдельные положения.

Решения Марсельского съезда свидетельствовали об определенном идейном росте партийных рядов. Но этот процесс был еще далек от завершения. Не сумев помешать принятию важных решений, оппортунисты прилагали все силы, чтобы сорвать их осуществление. Особенно упорно сопротивлялись они применению выдвинутой Коминтерном тактики единого фронта, которая привела бы к окончательному разрыву с парламентским прошлым и к превращению партии в боевой авангард пролетариата.

Намеренно извращая смысл создания единого фронта, они сумели внести путаницу в важнейшие вопросы теории и тактики, развязать острую борьбу фракций. Одни из них выдавали единый фронт за беспринципное объединение со СФИО и фактическую ликвидацию ФКП, другие пытались с псевдореволюционных позиций поколебать доверие рядовых членов партии к Коминтерну и отвергнуть его решения[46]. Враги Коминтерна, окопавшиеся в околопартийной печати (типа издававшейся А. Фабром газеты «Журналь дю пёпль»), развернули против него ожесточенную кампанию, распространяя всякого толка дезинформацию. Наконец, так называемые левые своими тенденциями к сектантству, грубо административными методами руководства и фракционностью лишь отталкивали от себя рабочих.

Внутрипартийный кризис затянулся до конца 1922 г. и принес вред как партии, так и всему французскому рабочему движению. Преодолеть его можно было лишь «обращением партии к массовым выступлениям в защиту рабочего класса»[47]. Обстановка, сложившаяся в стране и на международной арене, настойчиво требовала этого.

ПУАНКАРЕ У ВЛАСТИ

К осени 1921 г. оппозиция правительству Бриана возросла и активизировалась. Особенно резкую критику встретила идея заключения гарантийного пакта, который призван был обеспечить

[45] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 274.
[46] «Histoire du Parti communiste français (Manuel)», p. 124, 126.
[47] Ibid., p. 124.

безопасность Франции. В серии статей, опубликованных в августе в газете «Тан», Пуанкаре обрушился не только на «миротворца» Бриана, но и на таких воинствующих националистов, как Клемансо и Тардье, участвовавших в переговорах с Англией. Он назвал пацифизм средством разоружения Франции, утверждал, что гарантийный пакт поставит ее в зависимость от Англии, и требовал обеспечить получение репараций при помощи «продуктивных залогов», как дипломатично именовали оккупацию Рура.

Ряд действий, предпринятых правительством Бриана в конце года, обострил положение. Франция потерпела неудачу на Вашингтонской конференции, где, согласившись на условия, ограничивавшие ее морскую мощь, не сумела добиться каких-либо серьезных гарантий своих сухопутных границ. Бриан явно переоценил остроту англо-американских противоречий. Оказался неосуществимым выдвинутый им план создания англо-французского банковского консорциума для контроля над финансами Германии [48]. Правительство США решительно отвергло попытку поставить расчеты по межсоюзническим долгам в зависимость от получения репарационных платежей Германии.

Особенно яростную критику со стороны правого крыла Национального блока вызвал выдвинутый Брианом на декабрьских переговорах с Англией план создания такого «эластичного союза», к которому впоследствии можно было бы привлечь и Германию. Разногласия в правящей коалиции предвещали кризис, который в начале 1922 г. разразился в связи с так называемым русским вопросом.

В буржуазном лагере после провала интервенции с возрастающей настойчивостью стали раздаваться голоса в пользу изменения политики по отношению к Советской России. В них звучали и разочарование в попытках насильственно изменить ход истории, и боязнь того, что другие державы опередят Францию, закрепив за собой обширный русский рынок, и понимание того, что никакой мир, никакая стабилизация экономики Европы невозможны без участия такой страны, как Россия, и надежда на то, что под влиянием сотрудничества изменятся сами большевики.

Некоторые буржуазные политики руководствовались одними из этих соображений, некоторые — другими. В пользу торговли с Советской Россией выступил в парламенте П. Пенлеве. Созданная внутри партии радикал-социалистов в октябре 1921 г. «Республиканская лига» (их шутливо называли «радикал-социалистскими младотурками») прямо высказалась за разрыв с Национальным блоком и переход в оппозицию. На организованном ею банкете Г. Думерг заявил, что «великая республика Востока необходима

[48] *M. Baumont*. La Troisième République. Lausanne, 1968, p. 456.

для экономической жизни мира», а Э. Эррио потребовал на заседании исполкома партии радикалов полного пересмотра политики по отношению к Советской России [49].

Воздействие этих настроений и реалистическая оценка ситуации побудили Бриана высказаться в пользу более гибкого, маневренного курса и принять участие в обсуждении условий созыва конференции в Генуе, на которую предполагалось пригласить и советскую делегацию.

Но для наиболее влиятельных групп буржуазии даже это казалось неприемлемым. В газетах «Матен», «Тан», «Журналь де деба», «Эко де Пари» началась ожесточенная кампания против Бриана и его политики. Президент республики Мильеран в телеграмме, посланной Бриану, выразил «сожаления и опасения» по поводу решения созвать конференцию с участием Советской России. Кабинет Бриана пал, и во главе нового правительства, сформированного в январе 1922 г., стал Раймон Пуанкаре [50], представлявший наиболее агрессивные круги крупной буржуазии.

Его приход к власти предвещал отказ от всех ранее намеченных переговоров и вступление на путь односторонних действий, рассчитанных на то, чтобы при помощи силы решить вопрос о гегемонии в Европе в интересах французского империализма. Эти намерения и скрывались за содержавшимся в правительственной декларации обещанием сделать все, чтобы «вернуть себе свободу действий» [51]. В те дни «Правда» писала: «Париж является в настоящее время центром капиталистической реакции... наглая шайка биржевых дельцов, владеющая парламентским большинством, не желает порывать с политикой удушения Советской России и срывает европейский мир» [52].

Прежде всего активизировалась антисоветская политика Национального блока. Не имея возможности открыто отказаться от участия в Генуэзской конференции, глава нового правительства упорно повторял, что намерен следовать курсу своего предшественника и даже готов «признать Советы», но лишь в том случае, если это произойдет на «прочной реалистической основе» [53], т. е. при условии признания долгов царского и Временного правительств и возвращения национализированной собственности иностранцам. После того как французская дипломатия долго изощря-

[49] «Bulletin communiste», 1922, N 8.

[50] *J. Ollé-Laprune.* La stabilité des ministres sous la Troisième République. 1879—1940. Paris, 1962, p. 164.

[51] «Débats parlementaires. Session ordinaire de 1922», t. I, p. 18.

[52] «Правда», 8.I 1922.

[53] «Débats parlementaires. Session ordinaire de 1922», t. I, p. 123.

лась, изобретая предлоги для отсрочки конференции и добиваясь привлечения к подготовительным работам представителей зависимой от Франции Малой Антанты, глава французской делегации в Генуе Л. Барту предложил проект соглашения, который по сути дела предполагал закабаление Советской России и неминуемо должен был быть ею отвергнут. Последовавший срыв Генуэзской, а потом и Гаагской конференций не способствовал, однако, сплочению европейских стран под эгидой Франции, а лишь усугубил ее политическую изоляцию и усилил стоявшие перед ней экономические трудности.

С первого дня своего существования правительство Пуанкаре начало готовиться к решающей схватке за гегемонию в Европе. Усилилась гонка вооружений. В проекте бюджета на 1923 г. предполагалось истратить только на военное снаряжение более 5 млрд. фр., в то время как на нужды народного здравоохранения ассигновывалось лишь 283 млн. фр. Если за четыре года (1919—1922 гг.) военный бюджет составлял в сумме 22 млрд. фр., то на один 1923 г. предназначалось 9,5 млрд. фр. [54]

В июне 1922 г. был принят закон, установивший срок военной службы в 18 месяцев. Это увеличивало контингенты французской армии по сравнению с первоначальными планами на одну треть и доводило ее численность в мирное время до 700 тыс. человек. По длительности срока военной службы Франция выходила на первое место в Европе (разделяя его лишь со своей союзницей Польшей) [55]. При этом были отменены все льготы по семейным обстоятельствам, значительно увеличивались штаты кадровых военнослужащих, задерживалось увольнение уже отслуживших свой срок возрастов.

Выдвинутые правительством Пуанкаре шовинистические лозунги привлекали значительную часть буржуазии кажущейся простотой достижения господства Франции в Европе. Однако на протяжении всего 1922 г. внутри Национального блока усиливалось расхождение между правыми партиями, составлявшими основу правительственной коалиции, и радикалами, выступавшими за более гибкий курс. Уже при формировании своего кабинета Пуанкаре не смог продемонстрировать «национальное единство», так как Эррио отказался войти в состав правительства. В марте «Республиканская лига» выработала первый вариант программы будущего Левого блока. На кантональных выборах в мае Национальный блок увеличил число завоеванных мест всего на 8, в то время

[54] «Bulletin communiste», 1922, N 15.

[55] *E. Bonnefous*. Histoire politique de la Troisième République, t. III. L'après-guerre (1919—1924). Paris, 1959, p. 309—310.

как оппозиция получила 52 новых места [56]. В июне 1922 г. между радикалами и социалистами было достигнуто соглашение о совместном протесте против продления срока военной службы и о поддержке законопроекта, предполагавшего создание единой средней школы [57].

Наибольшей остроты противоречия внутри правящей коалиции достигли в связи с проблемой отношений с Советской Россией. Многие влиятельные лидеры радикалов с возрастающей настойчивостью требовали поворота к «примирению». В пользу этого после заключения в апреле 1922 г. советско-германского договора в Рапалло стал решительно высказываться Э. Эррио. «Меня преследовал страх увидеть Францию, оставшуюся в одиночестве» [58],— позже признавался он.

В сентябре—октябре 1922 г. Э. Эррио в сопровождении Э. Даладье совершил, формально в качестве частного лица, поездку в Советскую Россию. Он посетил Москву, Петроград, Нижний Новгород, получил возможность обстоятельно ознакомиться с жизнью и настроениями трудящихся и убедиться в прочности нового строя, опирающегося на поддержку многомиллионных масс. «Когда я вернулся во Францию,— вспоминал он,— я имел смелость утверждать... что старая Россия умерла навсегда и что новый режим устойчив» [59]. Во многом из увиденного в Советской стране Эррио разобраться не смог, но его главный вывод был неоспорим: франко-советское сотрудничество необходимо для установления прочного мира в Европе и соответствует глубоким, постоянным интересам Франции.

Позиция Эррио резко противоречила той, которой придерживалось руководство Национального блока. Статьи Эррио, публиковавшиеся во время его путешествия в «Пти паризьен», а позже составившие книгу «Новая Россия», вызвали яростные нападки в прессе, поддерживающей правительство. Пуанкаре в беседе с Эррио на все его аргументы ответил вопросом: «А долги?» [60]. Казалось, что правящий блок находится накануне полного раскола.

Пуанкаре видел выход в усилении борьбы за господство Франции в Европе. С середины 1922 г. внешняя политика французского правительства стала приобретать все более провокационный и угрожающий характер. Она была явно рассчитана на то, чтобы завести в тупик переговоры об урегулировании репарацион-

[56] *E. Bonnefous.* Histoire politique..., t. III, p. 303—304.

[57] Ibid., p. 314—315.

[58] *А. З. Манфред.* Традиции дружбы и сотрудничества. Из истории русско-французских и советско-французских связей. М., 1967, стр. 240.

[59] *Э. Эррио.* Из прошлого, стр 154.

[60] *M. Sulié.* La vie politique d'Edouard Herriot. Paris, 1962, p. 112.

Эдуард Эррио

ной проблемы и развязать себе руки для односторонних действий. Выступая в июне 1922 г. в палате депутатов, Пуанкаре откровенно угрожал, что, если «союзники не согласятся на применение санкций, то Франция будет действовать самостоятельно» [61]. На Лондонской конференции в августе он потребовал «продуктивных залогов» как гарантии уплаты репараций, что по сути дела означало установление неограниченного контроля над германской металлургией. Однако еще в течение трех с лишним месяцев длилось маневрирование. Дело в том, что между монополистами Франции и Германии в это время шел напряженный торг вокруг создания крупнейшего угольно-металлургического концерна, который мог обеспечить полное экономическое и военное преобладание Франции в Европе. Представители «Комите де форж» всеми силами добивались согласия магната германской металлургии Г. Стиннеса на предоставление французским монополиям не менее 60% акций планируемого концерна.

[61] «Débats parlementaires Session ordinaire de 1922», t. II, p. 234.

Срыв этих переговоров в декабре 1922 г. был воспринят французской буржуазией и военщиной как сигнал к атаке. Опираясь на обеспеченное большинство в репарационной комиссии, Франция добилась 26 декабря решения о том, что Германия преднамеренно не произвела поставки лесоматериалов в счет репараций. 9 января 1923 г. последовало новое решение о преднамеренном недовыполнении поставок угля.

Было очевидно, что вторжение в Рур — дело дней. Подготавливая акт агрессии, правительство Пуанкаре старалось отодвинуть все внутриполитические проблемы на второй план. Уже в декларации, с которой оно впервые предстало перед парламентом в январе 1922 г., на эти темы было сказано лишь несколько туманных фраз. Позднее в речах самого премьера и его ближайших сотрудников — министра юстиции Л. Барту, министра внутренних дел М. Монури, министра общественных работ И. Ле Трокера и др.— постоянно варьировалась мысль о необходимости сплочения всей нации против тех, кто хочет лишить Францию плодов ее победы. Распространялась также идея, что получение репараций — главное условие для повышения уровня жизни всех французов, к каким бы социальным группам они ни принадлежали.

Однако, несмотря на словесные призывы к примирению, буржуазия и ее правительство широко использовали ослабление и спад рабочего движения. Участились локауты и случаи снижения заработной платы, началась кампания в пользу отмены надбавки на дороговизну, предпринимались попытки взимания налога на зарплату, установленного законом еще в июле 1917 г., но не введенного в действие ранее из-за боязни осложнений.

Усилились репрессии против революционных профсоюзов, особенно против профсоюзов учителей и почтовых служащих. Вместо обещанной амнистии был принят закон, освободивший из тюрем уголовников, осужденных во время войны, но не коснувшийся участников революционного движения. С особым ожесточением преследовали и активистов ФКП. П Вайян-Кутюрье и Г. Пери привлекли к суду за антивоенную статью. По требованию властей палата лишила М. Кашена парламентской неприкосновенности.

Несмотря на усилившиеся полицейские репрессии, коммунисты мужественно выступали против агрессивной политики правительства Пуанкаре. Они разъясняли, что защита Советской страны неразрывно связана с борьбой трудящихся Франции за свои права и интересы. «Мы не должны забывать того, что, когда наши русские товарищи защищаются против наскоков и агрессии, они борются за пролетариат всего мира в такой же мере, как за себя»[62],— писал М. Кашен.

[62] «L'Humanité». 22. IV 1922.

ФКП вместе с профсоюзами УВКТ организовала многочисленные митинги и собрания в промышленных предместьях Парижа — Сент-Уэне, Клиши, Бийянкуре, в портах Марселе, Тулоне, Бресте, Нанте, Кале, в центре металлургии Крезо, в районе текстильных предприятий Рубе — Туркуэна и в других местах. Рабочие повсеместно выражали готовность единодушно подняться на защиту Советской страны, посылали приветствия Советскому правительству и В. И. Ленину.

ФКП активно боролась против гонки вооружений и продления сроков военной службы, издавала сотни антивоенных брошюр и листовок, приступила к выпуску газеты «Ле конскри» («Новобранец») для антивоенной пропаганды среди молодых солдат, выступила в поддержку германских рабочих, бастовавших на оккупированной Францией прирейнской территории. Французские коммунисты призывали противопоставить «интернационалу наживы военщины и правителей союз и солидарность рабочих обоих берегов Рейна»[63]. Для переговоров с КПГ в Берлин была послана делегация ФКП во главе с М. Кашеном. Участники встречи приняли обращение «К рабочим Франции и Германии», в котором намечались совместные действия обеих партий в защиту Советской страны и против военной опасности[64].

Однако связи ФКП с массами были все еще непрочными. Их основной формой оставались призывы и обращения, недостаточно подкрепленные организационной работой на предприятиях[65].

Между тем положение в рабочем движении продолжало усложняться. Создание после раскола ВКТ двух параллельных структур профсоюзов, каждая из которых выдвигала свои лозунги, устанавливала свои сроки начала или прекращения стачек, вело к ослаблению рабочего класса. Даже такие мощные выступления, как забастовка металлистов в Лилле в мае—августе или гаврская стачка в июле—октябре 1922 г., закончились поражениями. Наиболее поучительным М. Торез считал урок всеобщей 24-часовой политической забастовки, назначенной УВКТ на 28 августа 1922 г. Она должна была выразить протест против действий правительственных войск, которые 26 августа открыли огонь по демонстрантам в Гавре, убив трех и ранив многих рабочих. Поспешность, с которой была назначена забастовка, исключала необходимую организационную подготовку и объяснялась анархо-синдикалистскими надеждами на стихийное воодушевление масс. В результате рабочие

[63] «L'Humanité». 8.II 1922.

[64] «Bulletin communiste», 1922, N 6.

[65] См. «Parti communiste. 3 Congrès national tenu à Lyon les 20, 21, 22, 23 janvier 1923. Adresses et résolutions». Paris, 1924, p. 281, 282.

многих районов страны с опозданием узнали о призыве УВКТ, и движение, которое могло бы стать массовым и грозным, окончилось неудачей [66].

В ходе антивоенных выступлений и стачек все больше рабочих-коммунистов приходили к пониманию правильности тактики единого фронта; они требовали ее принятия руководством ФКП и прекращения бесплодной борьбы фракций. Об этом свидетельствовали выступления делегатов федераций Нор, Дордонь и Нижней Сены на Национальном совете ФКП в апреле 1922 г., решения съезда Федерации коммунистической молодежи в мае [67]. Важное значение имело преодоление внутрипартийного кризиса в крупнейшей в ФКП федерации Сены, где на съезде в сентябре 1922 г. было принято решение о применении тактики единого фронта и выработана программа действий, объединявшая все основные течения. Таким образом, к осени 1922 г. были достигнуты дальнейшие успехи в сплочении партии. Однако, пока оппортунисты, возглавляемые Фроссаром, оставались на руководящих постах и сохраняли возможность саботировать применение неугодных им решений, полностью преодолеть внутрипартийный кризис было невозможно. Дело дошло до того, что, когда на II съезде ФКП в Париже в октябре 1922 г. большая группа делегатов выступила в защиту тактики единого фронта, фроссаровцы спровоцировали искусственный конфликт и сорвали работу съезда, не дав ему принять никаких решений [68].

В исправлении сложившегося положения большую помощь оказал Коммунистический Интернационал. Решения IV конгресса Коминтерна по вопросу о едином рабочем фронте усилили позиции его сторонников в ФКП. Большинство коммунистов одобрили их. Это заставило Фроссара и его окружение открыто порвать с партией. Другие оппортунисты, надеявшиеся помешать принятию тактики Коминтерна, были исключены из рядов ФКП. Началось освобождение партии от засорявших ее враждебных элементов. На заседании Национального совета ФКП, созванного на правах съезда 21 января 1923 г., было сформировано новое руководство партии, утверждена «Боевая и рабочая программа», принято решение о сотрудничестве с УВКТ и о регулярной работе в реформистских профсоюзах.

Значительную роль в укреплении партии сыграло вступление в нее синдикалистов-коммунистов. Это течение, сложившееся вокруг газеты «Ви увриер», еще в 1921 г. высказалось в пользу

[66] *M. Thorez.* Oeuvres, livre 2, t. I. Paris, 1951, p. 20—21.

[67] «L'Humanité», 24.IV 1922; «L'Avant-Garde», 1.VI 1922.

[68] «Очерки рабочего движения во Франции (1917—1967)», стр. 52.

сотрудничества с ФКП. Весной и летом 1922 г. синдикалисты-коммунисты впервые практически применили тактику единого рабочего фронта, организовав успешное сопротивление попыткам правительства взимать налог на зарплату. По их инициативе были проведены забастовки в Нанте, Марселе, Бресте, Тулоне, Туркуэне, в которых шли плечом к плечу члены обеих профсоюзных конфедераций.

В июне 1922 г. на съезде УВКТ в Сент-Этьенне синдикалисты-коммунисты получили поддержку большинства, и их лидеры Г. Монмуссо и П. Семар возглавили новоизбранное конфедеральное руководство. Сближение с ФКП долго тормозилось пережитками анархо-синдикалистских представлений о «независимости» профдвижения, а также влиянием замаскированных оппортунистов в руководстве ФКП, что отталкивало рабочих. Однако к осени 1922 г. синдикалисты-коммунисты превратились в проводников тактики единого фронта, в опору Коминтерна, по своим целям и стремлениям фактически стали частью ФКП, лишь формально еще не вступившей в ее состав.

В ноябре 1922 г. В. И. Ленин в беседах с делегатами II конгресса Профинтерна Г. Монмуссо и П. Семаром подчеркивал, что вступление синдикалистов-коммунистов в ФКП поможет им избавиться от пережитков анархо-синдикалистских взглядов и вместе с тем усилит пролетарское влияние в партии и даст ей кадры, имеющие опыт руководства повседневным движением рабочих [69]. Советы В. И. Ленина и преобразования, начавшиеся в ФКП, помогли синдикалистам-коммунистам пересмотреть свои взгляды. Их приход в ФКП способствовал умножению ее связей с массами. Это было особенно важно потому, что Франция вступала в полосу обострения классовой борьбы.

ОККУПАЦИЯ РУРА И МАССОВОЕ АНТИВОЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

11 января 1923 г. французская армия под командованием генерала Дегута вступила в Эссен. К началу февраля вся Рурская область была оккупирована французскими и бельгийскими войсками, численность которых достигала 60 тыс. человек. Правительство Пуанкаре всеми силами старалось представить свои действия как невинную «полицейскую акцию», вызванную отказом Германии от уплаты репараций. Глава правительства утверждал, что задача солдат состоит только в том, чтобы обеспечить безопасность французских и бельгийских инженеров из «Международной миссии контроля над металлургическими заводами и шахтами», которой

[69] «Cahiers du communisme», 1951, N 11.

было поручено наладить производство в Руре; обе страны «имеют лишь одно намерение — обеспечить поставки угля, который принадлежит им по праву» [70].

Хотя развитие событий опровергало эту версию, лидеры Национального блока упорно продолжали на ней настаивать. «Чего мы хотим? Только компенсации за разрушения... В Руре, как и на Рейне, мы не ищем ничего иного...» [71],— публично заверял Пуанкаре. «Нас обвиняют в империализме! Это ложь и клевета! — возмущался он в палате.— Мы вступили в Рур, чтобы заставить заплатить нам, и ничего более» [72].

Буржуазная пресса Франции всех оттенков и направлений настойчиво внушала своим читателям, что оккупация Рура соответствует интересам всего французского народа; на все лады твердили, что бедствия рабочих, разорение мелкой буржуазии и обнищание крестьянства, инфляция и дороговизна вызваны саботажем выплаты репараций «бошами». «Нужно отложить все столкновения партий и помочь своему правительству...— призывала 30 января газета «Тан».— Речь идет лишь о том, чтобы быть французом и хотеть для Франции победы справедливости».

При помощи подобных обращений Национальному блоку удалось добиться известного сплочения. За кредиты на оккупационные нужды высказывались не только все группы парламентского большинства, но и значительная часть радикалов во главе с Шотаном; выступавшие ранее весьма оппозиционно Э. Эррио и П. Пенлеве ограничились тем, что воздержались от голосования [73]. За военные ассигнования подали свои голоса и лидеры СФИО Блюм и Поль-Бонкур; немного позже, в феврале, на съезде социалистов в Лилле было принято двусмысленное решение, в котором осуждение оккупации сочеталось с признанием справедливости репарационных требований [74].

Между тем в действиях правительства Пуанкаре все более отчетливо проявлялось стремление расчленить Германию. Были установлены таможенные барьеры, отделявшие Рур от остальной территории Германии, введены ограничения на ввоз и вывоз товаров; управление железными дорогами стали осуществлять мобилизованные французские чиновники и специалисты.

В то же время предоставлялись денежные субсидии и оказывалась разнообразная поддержка рейнским сепаратистам, добивав-

[70] «Le Temps», 12.I 1923.

[71] «La politique française en 1923» Paris, 1924, p. 24.

[72] «Débats parlementaires. Session ordinaire de 1923» t. II, partie I, p. 301.

[73] *E. Bonnefous*. Histoire politique..., t. III, p. 348.

[74] «Le Temps», 3.II 1923.

Вступление французских войск в Эссен

шимся создания «буферной» Рейнской республики [75]. С их лидером Дортеном и с обер-бургомистром Кёльна К. Аденауэром велись переговоры о проведении в Рейнско-Вестфальской области сепаратной денежной реформы, которая явилась бы первым шагом к разрушению единства Германии [76]. Секретные связи поддерживались и с сепаратистскими кругами Баварии.

Французские империалисты добивались объединения рурского угля со своей рудой, чтобы превратить Францию в страну, диктующую свои требования всей Европе. Столь далеко идущие цели, конечно, предполагали не временную оккупацию, а аннексию Рура, и весьма близкий к монополистическим кругам и один из самых информированных журналистов, Пертинакс, откровенно признавал это. «Изоляция Рура (т. е. отторжение от Германии.— *Ред.*) — это долговременное дело,— писал он.— Мы строим не на месяцы, а на годы» [77].

[75] *E. Bischof.* Rheinischer Separatismus. 1918—1924. Bern, 1969.
[76] «L'Humanité», 22.X 1923.
[77] «Echo de Paris», 27.I 1923.

Угроза, созданная политикой французского правительства, вызвала обострение международных отношений. Англия, ранее провоцировавшая Францию на вторжение из стремления изолировать ее, а также вызвать обострение топливного кризиса (выгодного английским экспортерам угля), как только оккупация началась, оказалась в состоянии острого конфликта с Францией. Соединенные Штаты Америки также не собирались допустить утверждения Франции в Руре, хотя перед началом событий они и подталкивали ее на решительные действия, считая, что обострение кризиса в Европе позволит им выступить в роли арбитра.

Захватнические цели французского империализма и провокационная позиция так называемых великих держав в создавшемся кризисе получили должную оценку в заявлении Советского правительства. От имени ВЦИК СССР М. И. Калинин писал: «Промышленное сердце Германии захвачено иностранными поработителями. Германскому народу нанесен новый тягчайший удар, Европа поставлена перед угрозой новой и жестокой международной бойни... В этот критический момент... рабоче-крестьянская Россия снова поднимает голос негодующего протеста против безумной политики империалистической Франции... против подавления права германского народа на самоопределение. Снова и с особой энергией предостерегает она народы мира от нависшей над Европой угрозы кровопролития» [78].

Вторжение в Рур вызвало назревание политического кризиса в Германии. Правительство Куно, выражавшее интересы ведущих рурских монополий, ответило на оккупацию отзывом своих дипломатических представителей из Парижа и Брюсселя, выдвинуло лозунг «отечество в опасности» и призвало народ к «пассивному сопротивлению», т. е. к прекращению добычи угля и производства продукции, предназначенной для Франции и Бельгии, к отказу выполнять распоряжения оккупационных властей. Начатая таким образом «рурская война» вызвала дезорганизацию всей экономики страны. Инфляция привела к такому падению заработной платы, что в феврале 1923 г. германский рабочий получал почти вдвое меньше, чем в ноябре 1922 г. Все это способствовало стремительному росту революционного движения в Германии.

Но последствия оккупации Рура тяжело сказались и на экономике Франции. Почти полное прекращение добычи угля в Руре привело к свертыванию ряда отраслей французской промышленности, к безработице и дороговизне. Уже к концу января 1923 г. из 116 доменных печей были потушены 13, а к концу апреля — 46. Выплавка чугуна за то же время упала на 33%, а стали —

[78] «Документы внешней политики СССР», т. VI. М., 1962, стр. 150—152.

на 24% [79]. Цены на уголь стремительно росли; его единственным поставщиком оказалась Англия. «Наша интервенция в Рур приносит ей более 10 млн. фр. в день» [80],— сообщал корреспондент газеты «Энформасьон» В. Камбон.

Попытки правительства Национального блока изменить положение, вводя в Рур новые контингенты войск и применяя жестокие методы подавления стачек, привели лишь к увеличению расходов на оккупацию и росту налогов. «Рурская операция осуждает себя уже первыми своими итогами» [81],— отмечал Э. Эррио.

Свидетельством неудачи были франко-бельгийские переговоры в апреле 1923 г., на которых впервые был поднят вопрос о целесообразности оккупации. Оправдывая свои действия, союзники заявляли, что отвод их войск из Рура станет возможным лишь тогда, когда Германия не только выплатит репарации, но и покроет связанные с оккупацией расходы. Минимальный расчет показывал, что это означает 10 лет оккупации.

Внешнеполитическая агрессия закономерно вела к усилению реакции внутри страны. Под предлогом борьбы с противниками рурской авантюры правительство пыталось расправиться со всеми боевыми организациями рабочего класса, и прежде всего с ФКП и УВКТ. Накануне вторжения, 10 января, были созваны совещания у главы кабинета и у генерального прокурора с целью принятия «превентивных мер» [82]. Были брошены в тюрьму участник Эссенской конференции (на которой коммунисты ряда стран обсуждали, как не допустить оккупации Рура) Г. Монмуссо, секретарь УВКТ П. Семар, секретарь Федерации коммунистической молодежи Г. Пери, руководящие работники ФКП Гурдо, Марран и др. Арестовывали за выступления на митингах, за распространение брошюр, за расклейку афиш. В Гавре секретарь профсоюза моряков был брошен в тюрьму за нарушение статьи морского устава, изданного еще в XVII в.; в Марселе был введен предварительный просмотр газет супрефектом; местными властями было запрещено издание газеты «Пролетер дю Нор».

По всей стране шли повальные обыски. Полиция вскрыла кабинет находившегося в отъезде М. Кашена, грубо нарушив его права депутата. Едва он успел вернуться, палата санкционировала его арест. Началась поспешная подготовка нового судебного процесса по обвинению в «заговоре против безопасности государства». В поход реакции включились многочисленные монархи-

[79] «Le Temps», 2.IV 1923.
[80] «L'Information», 12.II 1923.
[81] «Le Temps», 3.II 1923.
[82] «Le Matin», 11.I 1923.

ческие и фашистские организации: «Королевские молодчики», «Лига патриотов», «Гражданская лига». Шайки фашистов, вооруженных дубинками и револьверами, врывались в здания учебных заведений и общественных организаций, громили редакции и типографии газет левого направления, нападали на демонстрантов. Представители финансовой олигархии в правительстве явно покровительствовали монархо-фашистским бандам, видя в них резерв в борьбе против пролетариата и его революционных организаций. Президент Мильеран принял делегацию «Лиги патриотов» и разразился перед нею речью, полной националистической и антикоммунистической истерии. Между премьер-министром Пуанкаре и главарями «Аксьон франсез» состоялись конфиденциальные переговоры [83].

Несмотря на оглушительную шовинистическую пропаганду и жестокие репрессии, вторжение в Рур вызвало массовое движение протеста со стороны французских трудящихся. Во главе его встала ФКП, выступавшая в тесном содружестве с УВКТ. Был опубликован совместный манифест ЦК ФКП и исполнительной комиссии УВКТ, проведены сотни митингов и демонстраций; они большей частью завершались созданием местных комитетов действия с участием представителей секций или федераций ФКП и региональных или департаментских объединений профсоюзов. Эти комитеты стали центрами не только антивоенного движения, но и борьбы за повседневные нужды рабочих (8-часовой рабочий день, еженедельный день отдыха и т. д.). Вокруг комитетов действия сплачивались значительные массы рабочих, в том числе тех, кто принадлежал к реформистским организациям. Так, о присоединении к ним заявили принадлежавшие к ВКТ федерация рабочих портов и доков, федерация рабочих местного транспорта, биржа труда в Лилле, профсоюз железнодорожников в Руане и др. [84] Эти факты, хотя и единичные, являлись все же важными показателями роста доверия к ФКП и УВКТ, эффективности тактики единого фронта. Стремясь развить успех, Национальный комитет действия неоднократно обращался к ВКТ, предлагая ей сотрудничество или организацию отдельных совместных выступлений. В феврале 1923 г. ЦК ФКП также обратился с подобным предложением к съезду СФИО в Лилле. И хотя эти призывы остались без ответа, они еще раз показали массам, что путь к единству может быть найден.

Серьезная угроза миру и обострение классовой борьбы во Франции и Германии требовали совместных действий коммуни-

[83] «L'Humanité», 9.VI 1923.

[84] «Международное рабочее движение», 1923, № 1—3.

стов обеих стран. Коммунистическая партия Франции — страны, буржуазия которой являлась непосредственным виновником событий, взяла на себя инициативу этого сотрудничества и стала подлинным «знаменосцем пролетарской солидарности», как справедливо охарактеризовал ее в своем письме ЦК КПГ [85]. Совместные действия стали особенно необходимы после того, как правительство Франции, столкнувшись с ростом революционного движения в Руре, взяло на себя, несмотря на продолжающуюся ожесточенную грызню монополий обеих стран, роль жандарма по отношению к рурским рабочим. Оно стало использовать французских солдат против забастовок и демонстраций немецких горняков.

Координация действий заняла центральное место на Международной конференции коммунистических партий и революционных профсоюзов 15—18 марта 1923 г. во Франкфурте-на-Майне. Были созданы Международный комитет действия во главе с К. Цеткин и А. Барбюсом, а также международные комитеты профсоюзов транспортников, горняков и металлистов. В решениях конференции подчеркивалось, что важнейшие задачи ФКП — защита революционного движения германского пролетариата и организация работы среди солдат оккупационных войск в Руре [86].

События первых же дней после конференции показали своевременность принятых решений. 31 марта в Эссене французские войска расстреляли демонстрацию германских рабочих; 13 человек было убито, свыше 30 ранено. Уже 2 апреля по призыву Французской компартии состоялась многотысячная демонстрация в Париже под лозунгом «Долой оккупацию Рура! Да здравствует мир с германскими трудящимися!» Подобные же выступления происходили в Страсбурге, Марселе, Реймсе и других крупных городах. С большим успехом французские коммунисты провели с 15 по 22 апреля 1923 г. «неделю пропаганды» против оккупации Рура. Было выпущено и расклеено более 200 тыс. агитационных плакатов, около 380 тыс. листовок и брошюр. Еще 520 тыс. экземпляров различных агитационных изданий выпустила УВКТ. В «Юманите» ежедневно печатались длинные списки рабочих, вносивших деньги в фонд помощи бедствующим труженикам Рура. Под знаком солидарности с германским пролетариатом проходили и первомайские демонстрации.

Попытки пресечь это движение полицейскими мерами оказались безрезультатными и привели к многочисленным столкнове-

[85] «Известия ВЦИК», 16.I 1923.

[86] См. *Е. Л. Рабкин.* Братское единство французской и германской компартий в борьбе против милитаризма, фашизма и войны. М. 1962; *H. Köller.* Kampfbündnis an der Seine, Ruhr und Spree. Der gemeinsame Kampf der KPF und KPD gegen die Ruhrbesetzung 1923. Berlin, 1963.

ниям. «Я видел невероятные сцены грубых провокаций, полицейских, наносивших удары женщинам... расправы фашистских молодчиков над случайными прохожими» [87],— описывал майские дни в столице П. Вайян-Кутюрье. Только в Париже было ранено более 30 демонстрантов, причем один из них, член унитарного профсоюза Бердиа, умер от ран. Бесчинства властей вызвали гнев и возмущение всего пролетариата и новую грандиозную волну выступлений во всех крупных промышленных центрах. Похороны Бердиа 15 мая превратились в одну из самых мощных политических демонстраций, процессия из 12 тыс. человек с пением «Интернационала» проследовала через центр столицы.

Сплоченность и решительность рабочего класса заставили реакцию отступить. Сенат, преобразованный в Верховный суд, признал обвинения, выдвинутые против арестованных коммунистов, недоказанными и постановил прекратить дело о так называемом заговоре против безопасности государства.

Наиболее яркие страницы в борьбе против оккупации Рура связаны с работой ФКП среди солдат французской армии. При этом коммунисты проявили большое мужество и самоотверженность, подлинный интернационализм и преданность делу пролетариата. Неоценимую помощь партии оказала Федерация коммунистической молодежи.

В первые же дни после оккупации партия приступила к политической пропаганде в войсках. В «Юманите» был создан отдел «Трибуна солдата», начат выпуск листка «Юманите де сольда» и газеты «Казерн», налажено массовое издание листовок и брошюр, как-то: «Французские солдаты, братайтесь с немецкими рабочими!», «Против Куно и Пуанкаре!», «Безумная авантюра Пуанкаре — Рур!», «Почему ты здесь (т. е. в Германии.— *Ред.*), Жак Боном?» и др. Впервые ФКП развернула работу и среди колониальных войск, всегда использовавшихся буржуазией при подавлении революционных движений. Издаваемая ею на арабском языке газета «Казерн колониаль» разъясняла преступность политики Национального блока и призывала народы французских колоний к борьбе за свободу и независимость.

В короткий срок пресса ФКП завоевала популярность среди солдат. К апрелю 1923 г., несмотря на запреты, ее газеты читались по крайней мере в 150 полках. Немало способствовало этому умелое сочетание разоблачения захватнических целей империализма с выступлениями против плохого обращения с солдатами, за улучшение питания, предоставление отпусков, обеспечение и льготы их семьям [88].

[87] «L'Humanité», 1—2. V 1923.
[88] «La Caserne», 1.VIII 1923.

Большое воздействие на армию оказывала и деятельность КПГ, которая издавала газету «Рур эхо», печатавшую статьи и обращения на немецком и французском языках. Колонны демонстрантов выходили с лозунгами, написанными по-французски, приветствовали солдат пением «Интернационала» и возгласами: «Да здравствует Коммуна!», «Да здравствует Кашен!»

Факты свидетельствовали о пробуждении у солдат классового самосознания. Они, например, стали организовывать сборы средств в помощь бастующим французским рабочим. «Солидарность рабочих, призванных в армию, с продолжающими работать уже не мечта... она проявляется в ходе стачек, для продолжения которых солдаты проводят подписку в пользу бастующих»,— отмечала 17 октября 1923 г. газета «Травайер».

Уже с апреля имели место братание, а подчас и совместные выступления французских солдат и германских рабочих. В Дуисбурге и Дортмунде целые отряды солдат присоединялись к демонстрациям рабочих и вместе с ними пели «Интернационал» [89]. В Брехтене альпийские стрелки отказались выполнить приказ о разгоне демонстрации. В Витене французский солдат с башни танка приветствовал демонстрантов. В Хассене солдаты вмешались на стороне рабочих в схватку со штрейкбрехерами и полицейскими [90]. В Эссене, Дуисбурге, Дортмунде, Людвигсхафене, Мюльхейме солдаты то и дело отказывались выполнять приказы о применении насилия к бастующим, раздавали их детям свои пайки.

В расстановке политических сил во Франции происходили значительные изменения, вызванные ухудшением международной обстановки и обострением классовой борьбы внутри страны.

Вторжение в Рур и вызванная им волна шовинизма временно затормозили рост оппозиции, но к середине 1923 г. последствия этой авантюры уже принесли свои плоды. Возросли международная изоляция Франции и противодействие политике Национального блока со стороны Англии и США. Неуклонно ухудшалось положение трудящихся Франции и ширилось забастовочное движение. Дороговизна, рост налогов, инфляция вызывали не только протест рабочего класса, но и недовольство широких слоев мелкой буржуазии. В такой обстановке завершился отход от Национального блока «левых» партий французской буржуазии. В парламенте вновь заговорили о том, что нормализация отношений с СССР является важным средством преодоления экономических трудностей.

[89] *J. Duclos*. Mémoires 1896—1934. Le chemin que j'ai choisi. Paris, 1968. p. 208.

[90] «L'Avant-Garde», 15—30.VI 1923.

Выступавшие с критикой правительства группы радикалов и радикал-социалистов теперь стали настойчиво пропагандировать создание новой коалиции политических партий — Левого блока. Его оформлением явилось основание газеты «Котидьен». В редакционной декларации была провозглашена программа, включавшая некоторые уступки требованиям масс, политическую амнистию и, главное, «мирный» выход из кризиса путем отказа от оккупационной политики и соглашения с английским и американским империализмом. «В глазах наших соседей (имелась в виду Англия.— *Ред.*) оккупация Рура... это авантюра... Курс Национального блока — безумие, в результате которого мы останемся изолированными против возмущенной, потрясенной Европы» [91],— гласила декларация.

Пуанкаре не оставалось ничего иного, как признать свершившееся, заявить об исключении радикалов из правительственного большинства и обвинить их в «сговоре с врагами порядка» [92]. Неуклюжая попытка Мильерана вмешаться привела лишь к углублению разрыва. Его речь 14 октября 1923 г., содержавшая апологию Национального блока и программу ограничения власти парламента, названная в прессе «бомбой в Эврё», явилась грубым нарушением конституционных прав президента республики и положила начало конфликту, который в дальнейшем привел к отставке Мильерана.

По мере того как обнаруживался провал оккупационной политики, возрастала настойчивость, с которой правительство Пуанкаре добивалось сотрудничества с германским империализмом. Французское командование все чаще вмешивалось в борьбу против забастовщиков, осуществляло разгон демонстраций, массовые аресты и высылку организаторов революционных выступлений за пределы Рурской области. Оккупанты занимали предприятия и насаждали там свою администрацию. Была разрешена переброска немецких полицейских сил в зону оккупации, французские власти установили с ними контакт, снабжали оружием.

Это сотрудничество стало быстро развиваться после падения в Германии правительства Куно, которое в угоду Стиннесу, надеявшемуся сторговаться с «Комите де форж», продолжало цепляться за политику «пассивного сопротивления». Новое правительство во главе со Штреземаном, включавшее в свой состав социал-демократов, проводило курс, рассчитанный на урегулирование рурского кризиса с участием Англии и США; оно выражало готовность тесно сотрудничать с оккупантами в борьбе против революционного движения. Чем теснее становилось это сотрудниче-

[91] «Le Quotidien», 14.VI 1923.

[92] *M. Soulié.* La vie politique d'Edouard Herriot, p. 118.

ство, чем более возрастала тяжесть двойного гнета, давившая на пролетариат Германии, тем сильнее поднималась волна его революционного движения.

В этой обстановке движение протеста против оккупации Рура достигло апогея. ЦК ФКП обязал федерации начать вместе с органами УВКТ подготовку всеобщей стачки солидарности на случай революционных событий в Германии. Этот вопрос обсуждался в секциях, на собраниях, проводившихся на предприятиях, на митингах. «Французский пролетариат поддержит германский! — заявила газета федерации ФКП Сены и Марны.— Буржуазия узнáет, что международная рабочая солидарность не пустая фраза!» [93] Французские коммунисты подчеркивали, что установление единой демократической республики в Германии соответствует национальным интересам французского народа, так как создает почву для прочного мира в Европе. «Германская революция — это мир»,— назывался манифест, опубликованный Национальным советом ФКП [94].

К концу 1923 г. усилилось и движение среди солдат. Настойчивая, многообразная и терпеливая работа коммунистов и комсомольцев в армии давала свои плоды. Революционные ячейки теперь существовали в большинстве полков и батальонов. Братание приобрело массовый характер, всеобщим явлением стал отказ солдат от участия в репрессиях. Даже полк марокканцев в Нейштадте отказался от участия в разгоне демонстрации. Солдаты то и дело присоединялись к демонстрантам, и пение «Интернационала» на обоих языках сливалось воедино. Так было, например, в Дортмунде, где за гробом убитого полицией немецкого комсомольца шли французские солдаты 150-го пехотного полка, неся венок с надписью: «Нашему преданному товарищу — комсомольцу, убитому германской полицией по приказу французских генералов» [95].

Возглавив массовое общенациональное движение трудящихся в защиту мира, ФКП показала, по определению Коминтерна, «классический пример» [96] укрепления партии. Особо важную роль сыграла в этом процессе систематическая работа в армии.

Опыт большевиков, обобщенный В. И. Лениным, освещал путь французским коммунистам. «Мы первые во Франции последовали примеру русских революционеров... развернув широкую пропаганду, которая... привела к тому, что французская армия, самая сильная и организованная, оказалась пропитанной идеями брата-

[93] «Le Semeur», 18.VIII 1923.
[94] «L'Humanité», 16.X 1923.
[95] «La Caserne», 1. XI 1923.
[96] «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 394.

ния» [97],— писала газета «Авангард», орган Федерации коммунистической молодежи.

Борьба против оккупации Рура явилась важнейшей школой для руководства ФКП и ее кадров, воспитала когорту новых борцов. Окрепли связи партии с профсоюзами Унитарной ВКТ, Федерацией коммунистической молодежи, АРАК и другими массовыми организациями. Приобрела боевую революционную направленность центральная и провинциальная пресса партии. Выросло доверие к ФКП в массах.

Путь к преобразованию в партию нового типа был открыт. Важным шагом на этом пути явились решения Лионского съезда ФКП, состоявшегося в январе 1924 г. Проанализировав недостатки в работе партии, съезд пришел к выводу, что главной причиной их было отсутствие ясного понимания авангардной роли коммунистической партии [98]. Съезд принял меры к серьезной перестройке структуры и методов работы партии. В основу внутрипартийной жизни был положен принцип демократического централизма. В новый Центральный комитет вошли многие рабочие, в их числе Морис Торез, Пьер Семар. Съезд одобрил тактику единого фронта и наметил конкретную программу работы в различных слоях французского общества. Особое внимание было уделено борьбе за профсоюзное единство.

Банкротство политики Национального блока становилось все более очевидным. От некогда сильного объединения буржуазных партий отходили все новые группы. Теперь оккупационный курс поддерживала лишь та часть правых политиков, которая, несмотря ни на что, отказывалась признать свою неудачу. Вместе с тем катастрофическое экономическое положение Германии и возможность революционного взрыва там вызывали сильную тревогу у правителей империалистических стран. Это определило переход англо-американского капитала к закулисной, но решительной атаке против французской валюты на международных биржах (особенно на Лондонской).

[97] «L'Avant-Garde», 15—30.VI 1923.

[98] «Parti communiste. 3e Congrès national», p. 28.

3

ОТ ЛЕВОГО БЛОКА К «НАЦИОНАЛЬНОМУ ЕДИНЕНИЮ»

Годы 1924—1929, когда трагедия первой мировой войны уже как будто отходила в прошлое, а угроза второй еще не появилась на историческом горизонте, для капитализма в целом были периодом временной частичной стабилизации. Но Франция в эти же годы прошла через ряд кризисов во внутренней и внешней политике.

Экономика страны в общем находилась на подъеме. В 1925 г. Франция закончила послевоенное восстановление. Темп прироста промышленного производства составлял в среднем 5% [1]. Правда, до середины 1926 г. развитие экономики происходило в условиях нараставшей инфляции, которая отражала кризис государственных финансов; затем франк был стабилизирован, промышленность вступила в полосу рационализации производства. Однако в области сельского хозяйства уже в 1927 г. возникли кризисные явления.

Политическая история этих лет делится на две ярко выраженные части: пребывание у власти и распад Левого блока, союза радикал-социалистов с социалистической партией (1924—1926 гг.) и правление правоцентристской коалиции буржуазных партий во главе с Пуанкаре, взявшей на вооружение лозунг «национального единения» (1926—1929 гг.).

[1] *А. Sauvy.* Histoire économique de la France entre les deux guerres (1919—1931). Paris, 1965, p. 266

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1924 ГОДА И ОБРАЗОВАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЛЕВОГО БЛОКА

Выборы в палату депутатов 11 мая 1924 г. изменили политическое лицо Франции. Они принесли поражение стоявшему у власти Национальному блоку и победу — блоку радикал-социалистов, республиканцев-социалистов и социалистов, выступавшему под лозунгами демократии и пацифизма во внешней и внутренней политике. Незадолго до этого перемена сходного порядка произошла в Англии, где к власти пришло лейбористское правительство. Многим казалось, что переход Франции к мирной и демократической политике может остановить рост германского национализма и тогда, несмотря на существование фашистской Италии, в Европе наступит «эра пацифизма и демократии». Однако эти надежды не оправдались.

Места в палате распределялись по сложной мажоритарно-пропорциональной системе. Крайне правые получили 29 мандатов, бывший Национальной блок — 199, Левый блок завоевал 328 мест и коммунистическая партия (собравшая более 875 тыс. голосов) — 28 [2].

В составе Левого блока сильнейшей была партия радикал-социалистов, располагавшая 139 депутатами. За нею шли социалисты — 105 депутатов [3], а затем республиканцы-социалисты — 44; на правом фланге находилась группа из 41 депутата под названием «радикальная левая». Хотя и самая малочисленная, эта группа имела для Левого блока решающее значение: без ее поддержки он не располагал бы необходимым большинством. Таким образом, центристская группировка имела возможность навязывать большинству левобуржуазной коалиции свою программу.

Левый блок мог обойтись без подобного союзника, если бы его поддерживали коммунисты. Но в то время обе стороны не считали это возможным. Еще в 1919 г. съезд радикал-социалистов выдвинул лозунг «против реакционеров и против большевиков», а в феврале 1924 г. в резолюции «малого съезда» о тактике на выборах было объявлено, что «партия не допустит никакого соглашения с коммунистами...» [4]

Коммунисты со своей стороны считали, что в борьбе с реак-

[2] 11 мая 1924 г. было избрано 26 коммунистов; еще 2 коммуниста одержали победу на дополнительных выборах в Париже в марте 1926 г.

[3] Первоначально был избран 101 социалист. Вскоре в СФИО возвратились 3 депутата от союза коммунистов-социалистов, к которым присоединился 1 независимый социалист.

[4] «L'Humanité», 8.II 1924.

цией не приходится рассчитывать на помощь левых буржуазных партий. «Мы, коммунисты, знаем,— говорил в палате депутатов Рено Жан,— что вы представляете не что иное, как две фракции буржуазии, которые, как всегда, перегруппируются против пролетариата, когда буржуазия окажется в опасности. Нам нечего выбирать между правыми и левыми» [5]. Коммунисты высказывались за объединение всех сил пролетариата против всей буржуазии. III съезд ФКП, проходивший в январе 1924 г. в Лионе, принял предвыборную программу, в которой говорилось: «Долой Национальный блок, долой Левый блок, оба они — орудия капитала!» И тому, и другому коммунисты противопоставляли Рабоче-крестьянский блок, причем условием для вступления в него социалистов был полный и повсеместный разрыв с Левым блоком [6].

Когда французская компартия определяла свою тактику на выборах, новая полоса развития классовой борьбы еще не стала вполне ясна. Было трудно примириться с мыслью, что послевоенный революционный подъем окончился. Правда, уже III конгресс Коминтерна в 1921 г. констатировал спад революционного натиска европейского пролетариата и начало контрнаступления буржуазии. Но события в Германии в связи с оккупацией Рура, и особенно гамбургское восстание в октябре 1923 г., возродили надежды на новый революционный подъем [7]. В расчете на такой поворот событий и был создан Рабоче-крестьянский блок и выдвинут лозунг рабоче-крестьянского правительства.

Социалистическая партия, выступив на выборах в союзе с радикалами и став теперь второй партией большинства, получила право участвовать в правительстве. Старый довоенный спор между гедистами и жоресистами теперь возобновился в новых исторических условиях. 1—4 июня 1924 г. в Париже был созван чрезвычайный съезд СФИО для определения политики партии по отношению к правительству Левого блока.

В день открытия съезда лидер радикал-социалистов Э. Эррио направил на имя председателя парламентской группы социалистов Л. Блюма письмо, в котором приглашал их вступить в состав правительства. Однако съезд единогласно отклонил это предложение. Социалисты всех направлений отдавали себе отчет в слабости Левого блока, в том числе и радикал-социалистов. В этих условиях они, решая поставленный вопрос, опасались за

[5] «Annales le la Chambre des Députés. Débats parlementaires», 1923, t. II, partie I, p. 760.

[6] «Parti communiste français... 3e Congrès national tenu à Lyon 20—23 janvier 1924. Adresses et résolutions». Paris, 1924, p 46.

[7] См. Письмо ИККИ Лионскому съезду ФКП.— «Правда», 7. II 1924; «L'Humanité», 22.I 1924.

судьбу своей собственной партии. Причину отказа СФИО от «министериализма» хорошо сформулировал гедист Ж. Леба, депутат парламента и мэр города Рубе: «С вхождением нескольких социалистов в правительство у трудящихся появится большая надежда на скорое и полное осуществление реформ. Но когда эти реформы не осуществятся, появится разочарование, и социалистической партии будет нанесен смертельный удар, потому что массы... отойдут от нее» [8]. Эти соображения разделяли и правые социалисты.

Чрезвычайный съезд СФИО решил поддержать правительство Левого блока. Резолюция об этом была принята после переговоров делегаций социалистов и радикалов. Эррио направил на имя Блюма новое письмо с подробным изложением своей программы. Она включала: всеобщую политическую амнистию для всех, кроме изменников, возврат на работу железнодорожников, уволенных за участие в забастовке 1920 г., соблюдение 8-часового рабочего дня и прав профсоюзов, признание за государственными служащими права на создание профсоюзов, введение социального страхования, сокращение срока военной службы. Касаясь наиболее сложной проблемы — государственных финансов, Эррио обещал: в первую очередь с точностью выяснить состояние бюджета; проводить принцип его сбалансирования; бороться с утайкой крупными налогоплательщиками доходов, подлежащих обложению; сделать подоходный налог основой действительно демократической налоговой системы (имелось в виду последовательное применение прогрессивного обложения); снизить налоги на потребление, в особенности — налог на оборот. Внешнеполитическая часть программы включала: упразднение посольства при Ватикане, восстановление нормальных дипломатических отношений с СССР, временное сохранение оккупации Рура впредь до утверждения нового репарационного плана, мир при опоре на Лигу наций [9].

Принимая резолюцию о поддержке радикалов, социалисты сделали им важные уступки: они согласились с временным сохранением оккупации Рура и не настаивали на проведении в жизнь своего требования о налоге на капитал [10]. Депутатам-социалистам было разрешено голосовать за бюджет (тем самым официально ликвидировалась одна из традиций французского социалистического движения). Однако решение СФИО ограничиться под-

[8] «La Nouvelle revue socialiste», 1926, N 2, p. 16.

[9] «Parti socialiste (SFIO). XXII Congrès national 8—12 février 1925. Grenoble. Rapports...» Paris, 1925, p. 28—30.

[10] Налог на капитал — в отличие от подоходного — предусматривал обложение всего наличного состояния.

держкой правительства, не входя в его состав, указывало на непрочность соглашения.

Вскоре после выборов Левый блок одержал политическую победу, которая выявила и меру его силы, и меру слабости. 1 июня собрание левых групп палаты депутатов приняло резолюцию, в которой говорилось, что дальнейшее пребывание в Елисейском дворце Мильерана, против которого было выдвинуто обвинение во вмешательстве в избирательную кампанию в пользу реакционных сил, «нанесло бы удар республиканскому сознанию». Радикалы отказались формировать правительство, пока Мильеран оставался на своем посту [11]. Тогда было составлено правительство из представителей меньшинства — центра и правых — во главе с Франсуа Марсалем. Палата депутатов отказала в доверии этому правительству, и 11 июня Мильеран в соответствии с конституцией подал в отставку.

Сумев отстранить реакционного президента, Левый блок тем не менее оказался не в силах заменить его своим кандидатом. Когда 13 июня Национальная ассамблея (палата депутатов и сенат) собралась, чтобы избрать нового президента республики, победителем вышел не официальный кандидат Левого блока лидер республиканцев-социалистов Поль Пенлеве, а умеренный радикал сенатор Гастон Думерг. За Думерга было подано 515 голосов, за Пенлеве — 309 и за кандидата компартии ветерана Парижской Коммуны Зефирена Камелина — 22.

После выборов президента было, наконец, сформировано правительство из представителей радикал-социалистов (они заняли 13 министерских постов из 18) и республиканцев-социалистов. Посты председателя совета министров и министра иностранных дел получил Эррио. 18 июня, после двухдневных дебатов по программе правительства, оно получило вотум доверия палаты 313 голосами против 234.

Консервативная и реакционная печать, шантажируя умеренное крыло радикал-социалистов, обвиняла правительство Эррио в таких уступках социалистам, которые якобы делали его «пленником», готовым проводить социалистические реформы. На самом деле, как уже отмечалось, именно социалисты пошли на уступки.

Коммунисты доказывали, что правительство не сможет выполнить свои обещания, потому что оно находится во власти монополий. Считая, что трудящиеся могут добиться выполнения своих требований только путем организованных действий, компартия призывала рабочих к объединению и борьбе за рабоче-крестьянское правительство [12].

[11] См. *Э. Эррио.* Из прошлого. М., 1958, стр. 188.
[12] «L'Humanité», 3.VI 1924.

РАДИКАЛЫ У ВЛАСТИ

Менее чем за пять лет, прошедших со времени поражения радикал-социалистов на предыдущих выборах, эта партия восстановила свои силы настолько, что пришла к управлению страной. Этим возрождением она в значительной мере была обязана своему председателю Эдуарду Эррио, впервые избранному на этот пост в 1919 г.

В 1924 г. Эррио было 52 года. «Высокого роста, с квадратным лицом, ясным и сильным голосом, он был таким же прекрасным лектором на кафедре, как и популярным оратором; его трубка, его простодушие нравились и лионцам, и парижанам. Кажется, это он придумал вскоре после победы Левого блока выражение «средний француз» — он сам в большой мере обладал качествами среднего француза» [13],— так характеризовал его один из современников.

Эррио оставил в истории своей страны значительный след. Его советский биограф пишет: «В галерее политических деятелей буржуазной Франции Эррио был одной из наиболее колоритных фигур... Эрудит, знаток классической и французской литературы, тонкий ценитель музыки... Эррио ... оставался вместе с тем человеком, не забывшим, что он вышел из низов» [14]. Эррио разделял противоречия, присущие его партии и заложенные в самой ее социальной природе.

Сразу же после прихода к власти, 21 июня, Эррио отправился в Англию для переговоров с Макдональдом, а затем побывал в Брюсселе. Предметом обсуждения была проблема германских репараций и оккупации Рура, которая поставила Францию в трудное положение [15].

Франция пыталась поставить выплату своих военных долгов Америке и Англии в зависимость от поступления германских платежей, но это ей не удалось. Лондонская конференция союзных стран и Германии (16 июля — 16 августа 1924 г.) одобрила план комиссии экспертов по репарациям («план Дауэса»). Одновременно Франция обязалась эвакуировать Рур в течение одного года. Лондонские соглашения вывели Францию из состояния дипломатической изоляции. Но она уже не могла более диктовать свою волю побежденной Германии. С претензиями французского им-

[13] *J. Prévost.* Histoire de France depuis la guerre. Paris, 1932, p. 224—225.
[14] *А. З. Манфред.* Очерки истории Франции XVIII—XX вв. М., 1961, стр. 522—524.
[15] *См. Э. Эррио.* Из прошлого, стр. 191—199.

периализма на гегемонию в Европе было в значительной мере покончено. План Дауэса, подлинным вдохновителем которого был крупный капитал Соединенных Штатов, содействовал промышленному и военному возрождению германского империализма с его политикой реванша по отношению к Франции.

Важнейшей внешнеполитической акцией нового правительства было признание СССР и установление с ним дипломатических отношений. Эррио был одним из немногих политических деятелей Франции, которые уже в начале 20-х годов разглядели опасность германского реваншизма и считали необходимым условием для обеспечения безопасности своей страны сближение с Советским Союзом [16]. Кроме того, он учитывал, что торговые и промышленные круги Франции искали возобновления деловых отношений между обеими странами. Эррио указывал, что политика Франции привела лишь к тому, что она отстала и от Англии, и от Италии, и от других стран, уже пославших своих представителей в Москву.

Выступая за установление франко-советских отношений, Эррио хотел также помешать дальнейшему сближению СССР с Германией. Более того, он надеялся на «эволюцию» советской системы, наивно полагая, что можно подтолкнуть внутреннее развитие Советской России на буржуазный путь, аналогичный тому, по которому пошла Франция после революции XVIII в. Он думал, что нэп приведет к развитию частной собственности крестьян на землю [17].

В сентябре 1924 г. была назначена парламентская комиссия во главе с сенатором-радикалом А. де Монзи (как и Эррио, посетившим СССР) для изучения вопросов, связанных с признанием Советского Союза. Комиссия рекомендовала, чтобы спорные вопросы, существовавшие между обеими странами, были решены после установления дипломатических отношений, а не до него [18]. 28 октября Э. Эррио направил на имя Председателя Совета народных комиссаров СССР и наркома иностранных дел телеграмму с сообщением о том, что Франция признает де-юре правительство Советского Союза [19].

Пока кабинет Эррио был занят главным образом внешнеполитическими делами, Левый блок выглядел прочным; это была его лучшая пора. Когда же пришла очередь заняться внутриполитическими проблемами, начались основные трудности.

[16] См. *А. З. Манфред*. Очерки истории Франции XVIII—XX вв., стр. 536—537.

[17] «Parti républicain radical et radical-socialiste. 19me Congrès... tenu à Marseille les 16—18 novembre 1922». Paris, 1922, p. 96—111.

[18] *Ю. В. Борисов*. Советско-французские отношения. М., 1964, стр. 39.

[19] «Документы внешней политики СССР», т. 7, стр. 514—516.

Некоторые пункты своей программы правительство Эррио осуществило. Так, оно признало право государственных служащих на организацию профсоюзов, в чем им до сих пор отказывали. Но требование этих профсоюзов, чтобы за ними было признано право на забастовку, было отклонено. Таким образом, решение данного вопроса было половинчатым. Было удовлетворено требование чиновников о повышении минимума зарплаты в связи с ростом дороговизны.

В декабре 1924 г. после долгих обсуждений был принят закон об амнистии с ограничительными поправками, внесенными сенатом. На радикалов Ж. Кайо и Ж.-Л. Мальви она распространялась, на коммунистов Ж. Садуля и А. Гильбо — нет. Последним пришлось долго добиваться отмены приговора военного суда. Параллельно с амнистией было принято решение о возврате на работу железнодорожников, уволенных за участие в забастовке 1920 г. Но если на государственных дорогах осуществить эту меру было легко, то на частных она встретила сопротивление компаний, поддержанных реакционной печатью. Правительство согласилось с их точкой зрения, что возвращение рабочих не должно быть массовым и обязательным. К концу года на государственных железных дорогах было восстановлено 70% уволенных, а на частных только 5—8%. Между тем из 18 300 уволенных на государственную сеть приходилось всего 2300 человек.

Все осуществленные мероприятия, хотя и были важными, не коснулись главного вопроса внутренней политики: состояния государственных финансов, инфляции и налогов. Основные предвыборные обещания остались невыполненными, что вызвало в местных организациях СФИО (это показали проходившие в октябре съезды департаментских федераций партии) сомнения в целесообразности дальнейшей поддержки правительства. Этот вопрос рассматривался на очередном Национальном совете СФИО 1—2 ноября. Принятая резолюция отражала двойственность политики социалистов. В ней говорилось, что «обстоятельства предписывают» продолжать поддержку правительства, но это не должно ставить под сомнение классовый и самостоятельный характер партии. Учитывая настроения в низовых организациях, Национальный совет рекомендовал им развивать «классовую деятельность» и заявил, что политика поддержки «не должна ни в коем случае и ни в коей мере становиться постоянной и органической системой» [20]. Так в Левом блоке обнаружилась трещина, могущая повести к расколу. Но пока еще обе стороны старались продлить союз. Парламентская группа СФИО продолжала безусловно поддерживать

[20] «Parti socialiste (SFIO). XXII Congrès national...», p. 36—38.

Перенос праха Жореса в Пантеон

правительство и 14 ноября даже голосовала за ассигнования на секретные фонды полиции.

Радикалы со своей стороны решили продемонстрировать единство с социалистами. Еще в июле палата депутатов постановила перенести прах Жана Жореса в Пантеон — усыпальницу великих людей Франции. 23 ноября 1924 г. состоялась торжественная церемония и массовая манифестация по этому поводу. Отдавая должное памяти Жореса, имя которого стало символом борьбы за мир, радикалы и социалисты подтверждали свое сотрудничество.

Коммунисты в процессии, организованной партиями Левого блока, не участвовали; вечером они вышли на демонстрацию отдельно, под собственными лозунгами. Это шествие произвело внушительное впечатление и показало, что в Париже ФКП имела больше сторонников, чем СФИО. Реакция немедленно открыла атаку на правительство Эррио. Реакционный депутат Теттенже внес резолюцию недоверия, но палата отклонила ее. Правая пресса обвинила Эррио в попустительстве коммунизму и потребовала репрессий против ФКП. Чтобы отпугнуть от Левого блока средние слои, которые составляли его массовую базу, реакция вновь стала запугивать «коммунистической опасностью».

С осени 1924 г. реакционные партии и организации стали готовиться к муниципальным выборам, рассчитывая взять реванш. В ноябре под председательством отставного президента Мильерана была создана Национально-республиканская лига с целью координировать усилия различных консервативных группировок. С января 1925 г. Национально-республиканская лига начала широкую пропаганду против партий Левого блока, особенно в провинции. Была также образована Национальная католическая федерация во главе с генералом де Кастельно, которая должна была послужить зародышем массовой католической партии. 11 марта 1925 г. с манифестом против Левого блока выступили кардиналы и архиепископы Франции.

Именно к этому времени относится появление и активизация фашистских или близких к ним лиг, таких, как «Королевские молодчики» и «Молодые патриоты» Теттенже. Некоторые лиги были связаны со старыми националистическими организациями, большинство же составляли антирабочие группы, появившиеся в 1919 г. с целью борьбы против забастовок. Они стали ударной силой французского фашизма, вдохновлявшегося сначала примером итальянского, а затем германского фашизма [21].

Активно противодействовали политике Эррио крупные предприниматели. С этой целью они создавали специальные объеди-

[21] *Ж. Дюкло.* Фашизм во Франции. М., 1929; *Е. А. Кравченко.* Народный фронт во Франции. 1934—1938. М., 1972, стр. 11—16.

нения, в том числе «Союз национальных сил». Для общего наступления на правительство был использован тяжелый кризис государственных финансов, оставленный в наследство Левому блоку его политическими противниками. Состояние государственных финансов представляло собой резкий контраст с общим экономическим положением страны. В 1924 г. промышленное производство достигло довоенного уровня. Рабочих рук не хватало, и Франция приняла до миллиона рабочих-иммигрантов. Экспорт увеличивался, и торговый баланс страны был положительным. Но одновременно росли цены, франк обесценивался, инфляция усиливалась. Государственный долг превышал в два с лишним раза годовой национальный доход и составлял к 1924 г. более 300 млрд. фр.; большая его часть приходилась на внутренние долги (270 млрд. фр.). Налоги давали казне лишь 30 млрд.

Финансовая программа правительства Эррио была в сущности рассчитана на постепенное рассасывание государственного долга и стихийную стабилизацию франка в течение длительного срока спокойного развития. Но реакционные силы сделали финансовые трудности полем битвы против правительства Левого блока. Бюджет не был сбалансирован; на съезде радикал-социалистов в октябре 1924 г. Эррио заявил, что правительство не может отменить установленные правительствами Национального блока налог на оборот и 20%-ную надбавку на налоги. Речь даже шла о новых налогах. Эррио заверял, что они не коснутся малоимущих граждан [22].

Правительство прибегало к скрытой инфляции, продолжая, таким образом, курс своего предшественника. Миллионы держателей облигаций, бон и других государственных обязательств были непосредственно затронуты кризисом финансов. Именно их запугивали теперь предсказаниями о том, что правительство проведет конверсию займов или даже вовсе откажется от уплаты по ним, объявив государство банкротом. Пропаганда подействовала: увеличился экспорт капиталов, держатели бон предъявляли их к оплате; новый заем, выпущенный в конце года, не имел успеха. Правительство вынуждено было снова и снова прибегать к авансам Французского банка, который был волен и не предоставлять их. В конце концов управляющий банком Робино пригрозил министру финансов, что может прекратить операции с казначейством [23].

Социалисты потребовали от Эррио «покончить с политикой промедления и начать действовать», чтобы освободить государство

[22] «Le Temps», 20, 21.X 1924.

[23] *J. Prévost.* Histoire de France depuis la guerre, p. 235; *Э. Эррио.* Из прошлого, стр. 285.

«от помощи, а тем самым и от господства банков»[24]. 7 апреля депутаты-социалисты внесли законопроект о чрезвычайном и единовременном обложении капитала. В этот же день совет министров принял проект принудительного займа, который мог быть преобразован в налог на капитал. Этот проект был 11 апреля 1925 г. отклонен сенатом: за правительство было подано 132 голоса, против 156. Не поставив вопрос о доверии в палате депутатов, кабинет Эррио подал в отставку.

Сопротивление «извне» — со стороны правых партий и союзов предпринимателей — было не единственным препятствием для введения налога на капитал. Эта идея встречала сопротивление и в самой партии радикал-социалистов. После окончания мировой войны вопрос неоднократно обсуждался на партийных съездах, но каждый раз речь шла об обложении или частичном изъятии уже накопленного состояния, а не капитала, вложенного в производство и находившегося в процессе накопления; Эррио считал, что нельзя затрагивать «работающий» капитал. В 1922 г., на съезде в Марселе, где обсуждались программные вопросы, в особой резолюции было в осторожной форме записано, что партия предусматривает внесение в парламент предложения о чрезвычайном единовременном обложении приобретенного капитала в качестве крайней меры общественного спасения на случай, если проблема долгов вызовет угрозу краха французской валюты. Но и в таком виде введение налога на капитал уже тогда натолкнулось на сопротивление, как признал на съезде докладчик комиссии[25]. А когда весною 1925 г. настало время реализовать обещание, министр финансов Клементель подал в отставку, заявив, что не считает возможным ни ввести, ни взимать этот налог.

Отставка Эррио была победой могущественных финансовых сил, добивавшихся ликвидации Левого блока. Победа оказалась легкой, ибо радикалы добровольно отказались от борьбы. Эррио не посмел «взять деньги у тех, кто их имел». Но в глазах масс правительство выглядело лишь жертвой махинаций денежных тузов; его собственная политика уступок была ясна не всем.

Французская коммунистическая партия указывала как на роль банков и монополий в устранении кабинета Эррио, так и на слабость правительства радикалов и его отступления от предвыборных обещаний. Политбюро ФКП вновь предложило социалистам единство действий на основе программы, включавшей борьбу про-

[24] *Э. Эррио.* Из прошлого, стр. 278—279.

[25] «Parti républicain radical et radical-socialiste. 19me Congrès... tenu à Marseille... 1922», p. 126, 237.

тив реакционного сената, против господства банков, против инфляции путем обложения крупных капиталов [26].

На муниципальных выборах 3 и 10 мая 1925 г. компартия содействовала победе Левого блока, поддержав во втором туре социалистов [27] (СФИО вышла на первое место, обогнав радикалов по числу собранных голосов). Тактика ФКП на муниципальных выборах была определена IV съездом партии, состоявшимся в январе 1925 г. в Клиши. Коммунисты исходили из того, что в сложившихся условиях необходимо нанести поражение реакции и установить более тесные связи с массами. После первого тура выборов ЦК ФКП постановил, что всюду, где кандидаты партий Левого блока получили больше голосов, чем коммунисты, последние снимают свои списки в их пользу [28]. «Тактика Клиши» была продиктована трезвым пониманием соотношения классовых и политических сил. Это было первое совместное выступление на выборах партий, представлявших основные левые политические силы. Муниципальные выборы подтвердили, что в этом случае реакция терпит поражение.

РАСПАД ЛЕВОГО БЛОКА

17 апреля 1925 г. было сформировано новое правительство, где большинство главных постов получили республиканцы-социалисты и члены «радикальной левой». Возглавил кабинет П. Пенлеве. Как и его предшественник, Пенлеве был человеком двух профессий: политиком и ученым. Но в отличие от гуманитария Эррио, Пенлеве занимался точными науками. Это был известный математик, правда, значительно подорвавший свой научный авторитет попытками опровергнуть открытия Эйнштейна. Министром финансов стал Жозеф Кайо, министром иностранных дел — Аристид Бриан.

Во внешней и внутренней политике новое правительство пошло навстречу требованиям крупной буржуазии и консервативных партий. Было восстановлено посольство в Ватикане, сделаны уступки эльзасским клерикалам. В период пребывания у власти Пенлеве были заключены так называемые Локарнские соглашения, выработанные 5—16 октября 1925 г. на конференции семи европейских стран. Главными вопросами, занимавшими ее участников, были обе-

[26] «L'Humanité», 14.IV 1925.

[27] *П. Семар.* Муниципальные и кантональные выборы во Франции.— «Коммунистический Интернационал», 1925, № 7, стр. 109.

[28] «L'Humanité», 5.V 1925.

спечение безопасности границ для западных соседей Германии и установление системы союзов, направленной против Советской России.

В середине 20-х годов Германия, промышленная и военная мощь которой неуклонно восстанавливалась, вновь стала представлять для Франции потенциальную угрозу. Франция поставила вопрос о своей безопасности, потребовав, чтобы Великобритания гарантировала границы, установленные Версальским договором. Предварительные переговоры о гарантийном пакте были начаты еще правительством Эррио. В качестве министра иностранных дел он провел также секретные переговоры с германским министром иностранных дел Штреземаном[29]. Великобритания, стремясь покончить с притязаниями Франции на господство в Европе, воспользовалась требованием Франции о гарантиях и выступила инициатором созыва международной конференции.

Основной итог Локарнской конференции сводился к трем группам договоров: между Великобританией, Францией, Бельгией, Германией и Италией — о взаимной гарантии границ (Рейнский гарантийный пакт); двусторонние соглашения Германии с Францией, Бельгией, Польшей и Чехословакией об арбитраже в случае пограничных споров; двусторонние договоры Франции с Польшей и Чехословакией о взаимной помощи в случае нападения на одну из них[30].

Уступив давлению Англии, Франция отказалась от своего первоначального требования о гарантии западных границ Польши и Чехословакии, от объединения арбитражных договоров Германии с этими странами с Рейнским пактом. Таким образом, границы восточноевропейских союзников Франции не были гарантированы другими державами; договоры же о взаимопомощи не были достаточно действенными. Для германского империализма путь на Восток оставался открытым. По свидетельству одного видного польского дипломата, правительство Польши начиная с 1925 г. стало сомневаться в эффективности союза с Францией. К 1929 г. польские дипломаты осознали, что Франция все больше и больше зависела от Англии и что ее обязательства по Локарнским соглашениям нереальны[31].

С другой стороны, и для Франции система союзов с малыми странами — Польшей, Чехословакией, Румынией, Югославией и Бельгией — уже не могла служить надежной опорой и заменить, как полагала французская дипломатия, отсутствие союза с Рос-

[29] *В. М. Турок.* Локарно. М., 1949, стр. 188.

[30] «Локарнская конференция 1925 г. Документы». М., 1959, стр. 482—499.

[31] *P. Renouvin.* Les «Papiers Lipski».— «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», 1971, N 81, p. 117.

сией. «После принятия «плана Дауэса», после Локарно стало очевидно, что поддержки малых стран для Франции недостаточно и что, по мере того как позиции Франции ослаблялись, а силы Германии возрастали, эта поддержка становилась все более шаткой и ненадежной» [32].

Локарнские соглашения были серьезным внешнеполитическим поражением Франции. Они привели к изменению в расстановке сил в Европе в пользу Германии, ослабили континентальные союзы Франции и уменьшили ее политическое влияние среди малых стран [33]. В полной мере это, конечно, выявилось позже. В дни же, когда эти соглашения были подписаны, во Франции было не так уж много политических деятелей, отдававших себе отчет в их отрицательных последствиях [34]. Палата депутатов ратифицировала Локарнские соглашения 413 голосами против 71 при 68 воздержавшихся. Бриан высоко оценивал собственные достижения и говорил об итогах Локарно так: «Это, наконец, мир. Наша безопасность обеспечена лучше, чем когда-либо, поскольку неприкосновенность французской границы гарантирована...» [35] Даже французский посол в Москве Эрбетт, сторонник политики Эррио, считал, что «результаты Локарно дают нам возможность сделать по крайней мере первый шаг к разрядке напряжения» [36]. Среди многочисленных журналистов Локарнские соглашения вызвали не только одобрение, но даже ликование.

К этому времени во Франции наметились существенные внутриполитические сдвиги. Социалистическая партия заявила об отказе от политики поддержки правительства и порвала с Левым блоком. Социалисты были вынуждены принять соответствующее решение, ибо колониальная и финансовая политика правительства Пенлеве сделала для них невозможным дальнейшее сотрудничество с ним.

Весною и летом 1925 г. Франция начала колониальные войны против народов Марокко и Сирии, поднявшихся на борьбу за свое освобождение. Еще в 1921 г. в испанской зоне Марокко восстали племена рифов во главе с Абдель Керимом. Они поднялись как против колониального угнетения, так и против власти султана Марокко. Разгромив испанскую армию, они провозгласили образование независимой Республики Риф. Восстание рифов не было еди-

[32] *А. З. Манфред.* Очерки истории Франции, стр. 596.

[33] «Локарнская конференция 1925 г.», стр. 17.

[34] *Ю. В. Борисов.* Советско-французские отношения, стр. 60; *G. Bonnefous.* Histoire politique de la Troisième République», v. III. Paris, 1960, p. 94.

[35] «Le Temps», 21.X 1925.

[36] *Э. Эррио.* Из прошлого, стр. 304.

ничным событием в колониальном мире: оно перекликалось с одновременными освободительными движениями в Египте, Индии, Китае, Южной Америке.

Правящие круги Франции опасались, что восстание охватит и французскую зону Марокко. Маршал Лиоте, с 1912 г. генеральный резидент и фактический правитель этой зоны, был обеспокоен ростом престижа вождя рифов Абдель Керима. «Мы не должны,— говорил он,— позволить ему стать центром притяжения для всех тех, кто надеется на независимость мусульман Западной Африки»[37].

Подготовка к войне в Марокко была начата еще при правительстве Пуанкаре. Маршал Лиоте разработал план, имевший целью спровоцировать рифов на столкновение, и в мае 1924 г., пока метрополия была занята выборами и находилась под впечатлением победы Левого блока, начал его осуществление. Французские войска заняли плодородную долину реки Уэрги и к северу от нее построили линию укреплений. Рифы были отрезаны от продовольственных и людских ресурсов[38].

Война началась 13 апреля 1925 г., в дни, когда формировалось правительство Пенлеве. На первом этапе рифы оттеснили французские части на юг. Тогда против них объединились обе колониальные державы, угнетавшие Марокко,— Франция и Испания. Происходило сближение Французской республики с военно-монархической диктатурой в Испании[39]. В июле они подписали военно-политическое соглашение, в августе маршал Петен при личной встрече с диктатором Примо де Ривера уточнил детали совместного наступления, которое началось в сентябре. Главнокомандующим армией в Марокко был назначен Петен, а пост генерального резидента перешел к «гражданскому правителю» в лице правого радикала Стега. Франция направила в Марокко 200-тысячную армию, авиацию и военный флот.

Под давлением демократической общественности, особенно рабочего класса, французское правительство вступило в переговоры с Абдель Керимом, но (вместе с Испанией) выдвинуло неприемлемые для рифов условия мира. Когда вождь повстанцев Керим отклонил их, весной 1926 г. было предпринято решающее наступление. Абдель Керим, не желая попасть в руки испанцев, сдался французам. Сопротивление отдельных марокканских племен продолжалось еще длительное время[40].

[37] «Lyautey l'Africain. Textes et lettres du Maréchal Lyautey», t. IV. Paris, 1957, p. 246.

[38] Ibid., p. 268.

[39] См. Х. *Гарсиа*. Диктатура Примо де Ривера. М., 1963. стр. 217.

[40] О войне рифов за независимость см.: *Н. С. Луцкая*. Марокко вновь обретает независимость. М., 1958; *она же*. Республика Риф. М., 1959.

Буржуазная печать одобряла войну в Марокко; давно уже реакционные органы печати настойчиво требовали вооруженного вмешательства Франции и уничтожения Республики Риф силой. Печать радикалов оправдывала войну, изображая Францию жертвой нападения.

Только коммунистическая партия с самого начала выступила в поддержку Республики Риф и приветствовала ее победу. ФКП правильно оценила маневры маршала Лиоте как подготовку войны [41]. Коммунисты выступали против войны с лозунгами эвакуации французских войск, немедленного мира, независимости Республики Риф и братания французских солдат с повстанцами. Унитарная всеобщая конфедерация труда поддержала компартию и заявила, что в случае необходимости проведет забастовку протеста.

Социалистическая партия не требовала независимости и права на самоопределение ни для всего Марокко, ни для одних рифов. Она отказалась от выдвинутого еще Жоресом лозунга об эвакуации французских войск из Марокко; социалисты выступали лишь в пользу мирного урегулирования конфликта посредством переговоров с Абдель Керимом. Социалисты категорически отвергали лозунг коммунистов о братании с рифами. Позицию социалистов поддержала Всеобщая конфедерация труда. Она заявила, что руководитель повстанцев, будучи феодальным вождем нескольких племен, якобы не является представителем всего марокканского народа, и на этом основании отклонила предложение о совместном с УВКТ выступлении против колониальной войны.

Что касается рабочего класса Франции в целом, то он осуждал войну в Марокко: такова была традиционная позиция, укоренившаяся со времен Жореса. Старшее поколение пролетариев помнило, что именно конфликты из-за Марокко послужили одной из ступеней на пути к первой мировой войне. В рабочей среде отрицательно относились также к союзу с испанской диктатурой. Низовые организации социалистической партии и профсоюзов ВКТ высказывались против переговоров и соглашения с Примо де Ривера [42].

В этих условиях руководству СФИО все труднее было продолжать поддержку правительства, и после долгих колебаний парламентская фракция и постоянная административная комиссия СФИО приняли решение о разрыве с ним. Но реализация этого решения была отложена до голосования в палате депутатов финансовых проектов.

[41] «L'Humanité», 7.VII, 26.VIII, 4, 11.IX 1924.

[42] См. *С. Н. Гурвич*. Рабочее движение и Левый блок во Франции (1921—1926). М., 1966, стр. 107—115.

12 июля 1925 г. Кайо внес проект бюджета, основанный на увеличении косвенных налогов и продолжении инфляции. Проект предусматривал рост налоговых поступлений на 5 млрд. и дополнительный выпуск билетов казначейства еще на 6 млрд. фр. Депутаты СФИО внесли поправку, предлагая отменить налог на оборот мелких торговцев. Кайо отказался принять ее, и тогда социалисты проголосовали против бюджета.

С этого момента правительство Пенлеве опиралось на так называемую республиканскую концентрацию, непрочную из-за раскола среди депутатов-радикалов.

БОРЬБА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЗА ЕДИНЫЙ ФРОНТ РАБОЧЕГО КЛАССА

Распад Левого блока, казалось, создавал благоприятные условия для установления единого фронта рабочего класса, особенно в борьбе против колониальных войн. Летом 1925 г. Франция вела уже две такие войны. 18 июля 1925 г. началось восстание в Сирии, представлявшей собой французскую подмандатную территорию. После разгрома повстанцами войск генерала Мишо движение распространилось на всю территорию Сирии и перекинулось в Ливан; в нем приняли участие самые широкие слои населения [43]. 18 октября повстанческие отряды вступили в Дамаск, и тогда генерал Саррайль, считавшийся ставленником радикалов, подверг город артиллерийскому обстрелу. Эти действия вызвали протест не только в арабском мире, но и в самой Франции. Главные центры восстания были подавлены осенью 1926 г., остальные — через год.

Перед лицом этих событий ФКП обратилась с призывом к рабочим-социалистам противопоставить империализму единый рабочий фронт. Комитеты действия, созданные в 1923 г. против оккупации Рура, стали теперь организационными центрами борьбы против колониальных войн. Комитеты действия созвали рабочие съезды в самых больших городах страны: в Париже (4—5 июля 1925 г.), Лилле (12 июля), затем в Марселе, Лионе, Бордо. Делегаты приняли решение готовиться к забастовке против войны. Некоторые социалисты и члены профсоюзов, входивших в ВКТ, участвовали в съездах, несколько человек из их числа вошли в Центральный комитет действия, который возглавлял коммунист Морис Торез. Этот успех единого фронта «снизу» оказал-

[43] См. *В. Б. Луцкий*. Национально-освободительная война в Сирии (1925—1927). М., 1964.

ся, однако, кратковременным и дальнейшего развития не получил; съезд СФИО в августе 1925 г. обязал всех социалистов под угрозой исключения из партии выйти из комитетов действия.

Но компартия и после этого не перестала прилагать усилия, направленные на достижение единства действий. В письме Центрального комитета действия руководителям СФИО и ВКТ (Полю Фору и Леону Жуо) от 23 сентября 1925 г. говорилось, что комитет поддержит требование социалистов о немедленном досрочном созыве парламента (распущенного на летние каникулы) для обсуждения вопроса о войне. Со своей стороны он предлагал социалистам присоединиться к подготовке антивоенной забастовки.

Идя навстречу социалистам и профсоюзам ВКТ, Центральный комитет действия выдвигал в качестве условия совместных действий признание только одного, общего для всего рабочего класса, требования немедленного прекращения войны [44]. Тем не менее СФИО и ВКТ отклонили это предложение. Социалисты заявили, что, выступая против войны в Марокко, они «не имеют никакой связи и ничего общего с действиями и воззрениями коммунистов в колониальном вопросе» [45]. Уступая давлению руководства ВКТ, некоторые профсоюзы отказывались от участия в предполагаемой забастовке под предлогом, что она будет иметь политический характер [46].

Раскол профсоюзного движения затруднял проведение антивоенной забастовки, особенно на тех предприятиях, где существовало несколько параллельных профсоюзов, примыкавших к разным направлениям. К срыву забастовки приложили усилия предприниматели и правительство. Кое-где было объявлено о повышении зарплаты. Правительство выдало ордера на арест ряда членов комитетов действия и конфисковало номер газеты «Юманите» от 10 октября, в котором был напечатан призыв к забастовке.

В забастовке 12 октября 1925 г. участвовало около 900 тыс. рабочих: шахтеры, металлисты, текстильщики, строители, докеры, землекопы. Организованно выступали рабочие парижских предместий — «красного пояса» столицы. Однако некоторые профсоюзы УВКТ не присоединились к забастовке; остались на работе крупнейшие союзы железнодорожников и служащих. К движению присоединились отдельные местные профсоюзы ВКТ, но единого фронта добиться не удалось.

[44] «L'Humanité», 25.IX 1925.

[45] «Le Temps», 7.X 1925.

[46] «Международное рабочее движение», 1925, № 32, стр. 2.

Правительство стянуло крупные силы полиции и войск в Париж. Здесь происходили стычки с полицией. Большое возмущение вызвало убийство молодого рабочего из арсенала в Пюто под Парижем А. Сабатье; его похороны 17 октября превратились в массовую демонстрацию — за гробом шли несколько десятков тысяч рабочих.

Забастовка 12 октября 1925 г. была первой крупной битвой французского пролетариата, проведенной под руководством компартий в защиту освободительного движения народов колоний. Она имела важное значение и для выработки правильных методов борьбы за единство пролетариата в метрополии. Уроки забастовки обсуждались на конференциях ФКП в октябре и декабре 1925 г. В «Открытом письме ко всем членам партии» указывалось, что единый фронт должен создаваться в борьбе за насущные требования пролетариата и основываться на лозунгах, отвечающих пониманию и интересам масс [47].

Коммунистическая партия и УВКТ добивались единства действий и в ходе экономических забастовок. Летом 1925 г. произошло невиданное до тех пор выступление «пролетариев в белых воротничках» — служащих частных банков, потребовавших увеличения заработной платы. Забастовка длилась два с половиной месяца; она началась в конце июня в Марселе, охватила главные отделения банков во всех больших городах; в ней участвовали 40 тыс. человек [48].

Для координации действий был создан Национальный забастовочный комитет, в который вошли представители профсоюзов всех объединений — УВКТ, ВКТ, христианской и автономной конфедераций. В Марселе рабочие провели в поддержку служащих однодневную забастовку солидарности.

Забастовка служащих банков была значительным событием, и в дело вмешалось правительство. Пенлеве и Кайо вели переговоры с директорами банков, а министр труда радикал Дюрафур выступил посредником между администрацией и служащими. Согласительный протокол, принятый Национальным забастовочным комитетом в ходе переговоров, был дважды отклонен общими собраниями стачечников. В конце концов Национальный комитет под нажимом министра труда уступил, и 12 сентября служащие вернулись на работу. Представители банков обещали, что зарплата будет повышена, а участники забастовки не подвергнутся наказанию. Эти обещания были нарушены, представители революционных профсоюзов были уволены под тем предлогом, что они хо-

[47] «L'Humanité» 6.XII 1925.

[48] «Международное рабочее движение», 1925, № 21, 22, 23, 27, 29.

тели «лишить конфликт его трудового характера и направить на другие цели»[49].

Руководители ВКТ, подобно лидерам социалистической партии, делали все, чтобы не допустить возникновения единого фронта. Многие профсоюзные работники связывали большие надежды на преодоление раскола и восстановление единой конфедерации со съездами УВКТ и ВКТ, проходившими одновременно в конце августа 1925 г. в Париже. В 1925 г. силы обеих конфедераций были примерно равными: УВКТ насчитывала около 460 тыс. членов, ВКТ — около 500 тыс. Вопрос об единстве был главным в повестке дня съезда УВКТ, который постановил направить делегацию на съезд ВКТ с предложением провести общее заседание или хотя бы создать смешанную комиссию для разработки совместной программы экономических и политических требований[50].

В повестке дня съезда ВКТ вопрос о единстве даже не значился. Делегацию УВКТ выслушали, но ее предложения были отклонены; реформистские лидеры заносчиво объявили, что восстановление единства «возможно только в рамках ВКТ», путем вступления членов унитарных профсоюзов в параллельные организации ВКТ[51]. Они продолжали, таким образом, добиваться роспуска революционных профсоюзов и их поглощения.

Позиция, занятая съездом ВКТ, показала, что воссоздание единой конфедерации в ближайшее время невозможно. Унитарные профсоюзы поставили в центр своей деятельности борьбу за единый фронт на основе ближайших экономических требований. Коммунистическая партия также продолжала усилия в этом направлении, опираясь на тактику единого фронта и решения съезда в Клиши.

Конец 1925 г. и первая половина 1926 г. протекали в острой политической борьбе, вызванной продолжавшимся кризисом государственных финансов. Левое крыло радикалов предприняло попытку восстановить союз с социалистами и вернуть к власти Эррио. Съезд радикалов в октябре 1925 г. принял декларацию, в которой речь шла о необходимости ради восстановления финансов страны установить особый налог на все виды капитала и крупных состояний. Эррио выступил с критикой колониальной и финансовой политики Пенлеве и предупредил, что все его еди-

[49] «Parti radical et radical-socialiste. 22e Congrès tenu à Nice...» Paris, 1925, p. 86—90.

[50] «CGTU. Congrès national ordinaire. 26—31 août, 1925». Paris, 1925, p. 15—17.

[51] «CGT. Congrès confédéral 1925. Compte rendu des débats» Paris, 1925, p. 165.

номышленники будут голосовать против правительства, если оно согласится на поддержку со стороны хотя бы одного правого депутата [52]. Это вызвало министерский кризис; место кабинета Пенлеве заняло правительство А. Бриана, не имевшее уже ничего общего с Левым блоком.

Социалисты не пошли на восстановление Левого блока в его первоначальном виде, ибо союз с радикалами более не пользовался популярностью из-за тех разочарований, которые он принес массам. Только правое крыло СФИО во главе с Реноделем продолжало выступать за прежнюю политику. Представители большинства социалистической партии (центр и левые) вместе с парламентской группой заявили, что готовы сформировать правительство самостоятельно или согласиться на предоставление второстепенных постов в нем нескольким радикалам [53].

Коммунистическая партия, исходя из «тактики Клиши», готова была, как указывалось в манифесте ЦК партии, «защищать против всяких нападок реакции любое правительство Левого блока или чисто социалистическое», если оно будет выполнять такие требования рабочего класса, как введение прогрессивного налога на капитал, ликвидация финансового кризиса за счет крупных капиталистов, немедленное заключение мира в Марокко и Сирии, разоружение и роспуск фашистских лиг. Эти положения были вновь подтверждены накануне чрезвычайного съезда СФИО в обращении к рабочим-социалистам.

Оценивая политическую ситуацию в стране, расширенный пленум ЦК ФКП в феврале 1926 г. пришел к выводу, что «развивается борьба между крупной реакционной буржуазией и Левым блоком, который теряет почву», и что «правительство Бриана является переходным к правительству крупной буржуазии» [54]. В такой обстановке возник вопрос об избирательном блоке всех левых партий. Во время дополнительных выборов в палату депутатов в Бельфоре в феврале 1926 г. коммунисты, социалисты и радикалы выступали раздельно, и это привело к победе кандидата правых партий Тардье. Урок был учтен на аналогичных выборах в Париже, где после первого тура социалисты, а за ними и радикалы сняли своих кандидатов в пользу коммунистов, шедших впереди по числу собранных голосов. В результате левые партии добились успеха (были избраны Ж. Дюкло и Фурнье).

[52] «Le Temps», 18.X 1925; «Parti radical et radical-socialiste. 22me Congrès tenu à Nice...», p. 145—149, 286.

[53] «Parti socialiste (SFIO). XXIII Congrès national. 1926. Clermont-Ferrand. Rapports», p. 30.

[54] «L'Humanité», 25.XI 1925, 9.I 1926.

Вопрос о временных соглашениях с буржуазно-демократическими организациями рассматривался на V съезде ФКП в июне 1926 г. В отчетном докладе генеральный секретарь ЦК Пьер Семар высказался за установление связи между пролетарским единым фронтом и движением средних классов. «Мы находимся в такой конкретной ситуации, когда нужно, чтобы тактика единого фронта проводилась полностью,— не только единый пролетарский фронт, но и то, что (на мой взгляд неправильно) называют расширенным единым фронтом»,— говорил П. Семар, указывая при этом на необходимость строго соблюдать независимость партии, не допускать, чтобы она «утонула среди организаций мелкой буржуазии и пресловутого Левого блока» [55].

В резолюции, принятой съездом, было записано, что тактику единого фронта «нужно четко отличать от временных соглашений ради определенных целей (например, борьба против фашизма), позволяющих нам изложить нашу программу перед массами, в которых мы ищем союзника, завоевывая их на свою сторону или нейтрализуя. Партия должна привлечь колониальные народы, крестьянские массы и нейтрализовать средние слои, создавая организации ремесленников, мелких торговцев и влияя на уже существующие. Однако пролетариат должен сохранять свое руководство в общей борьбе» [56].

Переходные правительства Бриана несколько раз переформировывались из-за следовавших одна за другой отставок министров финансов. В июне 1926 г. Бриан снова призвал на этот пост Кайо, который составил финансовую программу в реакционном духе, предложив снижение ставок подоходного налога и налога на передачу наследства и, наоборот, увеличение косвенного обложения. Для проведения своего плана Кайо потребовал от парламента особых полномочий, но не получил их, и 17 июля 1926 г. министерство пало. Когда на следующий день стало известно, что президент поручил Эррио сформировать правительство, на бирже резко упал курс франка, а среди населения распространилась паника. Все, у кого были мало-мальски значительные вклады, бросились к сберегательным кассам, а оттуда — покупать вещи, ценность которых представлялась непреходящей: одежду, мебель и прочее.

«В этот момент Франция очутилась на грани краха, причем от воображаемой болезни»,— писал в своей книге Жан Прево, внимательно изучавший события, современником которых он был. Что «болезнь» (крах валюты) была воображаемой, Прево доказы-

[55] «V Congrès national du PCF tenu à Lille 20—26 juin 1926. Compte rendu sténographique». Paris, 1927, p. 19—20.

[56] Ibid., p. 642; «L'Humanité», 28.VI 1926.

вал прежде всего тем, что экономическое положение Франции было вполне удовлетворительным, торговый баланс положительным, золотой запас достаточным[57]. Мнение Прево подтвердил по прошествии более чем 30 лет автор капитального исследования экономической истории Франции 20-х годов А. Сови. Обесценение в первой половине 1926 г. французских ценностей по сравнению с иностранными было, по словам Сови, отражением необоснованного страха перед мнимой угрозой налога на капитал; состояние экономики не могло быть причиной указанного явления[58].

Хотя Эррио предложил программу, представлявшую значительные уступки правым (в частности, он был готов согласиться на снижение общего подоходного налога, что сам оспаривал в полемике с Кайо на съезде радикалов в 1925 г.), а в составе его нового кабинета было больше деятелей правого толка, против него были мобилизованы все силы реакции. 20 июля в палате депутатов была создана «группа общественного спасения», 21-го, когда Эррио предстал перед палатой, демонстранты кричали: «Долой Эррио!» Сови справедливо пишет по этому поводу, что для приверженцев Пуанкаре, почувствовавших, что настал их час, личности значили больше, чем программы[59].

Эррио не получил необходимого большинства в 264 голоса. За него высказалось 237 депутатов (в их числе были социалисты), против — 290. Коммунисты, которые накануне решили поддержать Эррио, если он проявит готовность к активным действиям, отказали правительству в доверии.

Позицию коммунистической партии Пьер Семар позднее охарактеризовал так: «В течение этих 48 часов... наша партия испытывала некоторые колебания... Она не сумела достаточно быстро оценить положение и своевременно выдвинуть надлежащие лозунги»[60]. Голосование коммунистов не было причиной падения кабинета Эррио, но в условиях наступления реакции нанесло партии некоторый моральный ущерб.

Рабочий класс оказался не в состоянии воспрепятствовать возвращению Пуанкаре к власти. Широкие слои населения поверили утверждениям консервативной печати, что Францию необходимо спасать и что он один может это сделать[61].

[57] *J. Prévost.* Histoire de France depuis la guerre, p. 252.

[58] *A. Sauvy.* Histoire économique de la France..., p. 98, 396.

[59] Ibid., p. 77—78.

[60] «VII расширенный пленум ИККИ. Стенографический отчет», т. I. М., 1927, стр. 219.

[61] *С. Н. Гурвич.* Рабочее движение и Левый блок во Франции стр. 178.

ПРАВИТЕЛЬСТВО «НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНЕНИЯ».

Пуанкаре «спасал Францию» от последствий инфляции, которая в значительной степени была делом его собственных рук. За два года, прошедших со времени отставки правительства Национального блока, позиция финансовой и промышленной буржуазии изменилась. Исчерпав выгоды дешевого инфляционного франка, который позволял выгодно экспортировать французские товары, буржуазия потребовала стабилизации валюты, притом — правым, а не левым правительством. Все же соотношение политических сил в стране и в парламенте было таково, что просто вернуться к Национальному блоку было невозможно, и Пуанкаре предпочел формулу «национального единения». Она позволила привлечь к правительственному большинству радикал-социалистов и создать довольно широкую коалицию буржуазных партий. Эррио принял предложение войти в состав правительства Пуанкаре в качестве министра просвещения. Свое решение он объяснил так: «При данном составе палаты мой отказ делал невозможным создание правительства или большинства в палате, тогда как положение ухудшалось с каждым часом. Я думал о том, что приостановка платежей банком может привести к гибели республики в результате обесценения национальной валюты, повышения цен и снижения реальной заработной платы» [62].

Вместе с Эррио в правительство «национального единения» вошли еще два деятеля Левого блока: Пенлеве (военный министр) и А. Кей (министр сельского хозяйства). Министерство иностранных дел было сохранено за Брианом. Деятелям центра и правых были предоставлены девять министерств из тринадцати, сам Пуанкаре, кроме председательского, занял также пост министра финансов. 27 июля правительство было утверждено палатой депутатов. Коммунисты и социалисты голосовали против, а часть радикал-социалистов воздержалась, выказав тем самым неодобрение позиции своего лидера.

Достаточно было создать министерство Пуанкаре, чтобы исчезли угроза краха французской валюты и призрак государственного банкротства. Если в «дни междуцарствия» курс франка упал до самой низкой точки — 250 за фунт стерлингов, то уже 24 июля он сразу повысился до 199 за фунт. После принятия парламентом в конце июля — начале августа финансовых законов курс франка продолжал повышаться и к концу 1926 г. достиг 120 за фунт. После этого он фактически стабилизировался, закон же о стабилизации франка на уровне $^1/_5$ его довоенной стоимости,

[62] *Э. Эррио.* Из прошлого, стр. 317.

установивший новое золотое содержание и курс по отношению к фунту и доллару, был принят позже, после выборов 1928 г.

Мероприятия, проведенные правительством Пуанкаре, включали налоговую реформу и создание автономной амортизационной кассы, сосредоточившей средства для уплаты по внутреннему государственному долгу. Налоговая реформа носила антидемократический характер, ибо предусматривала повышение косвенных налогов и единые, а не дифференцированные ставки обложения. Сумма косвенных налогов увеличивалась на 6 млрд. фр., ставка налога на оборот унифицировалась (в размере 2%), что означало увеличение налогового бремени для большого числа мелких и средних предпринимателей и торговцев, значительно повышалась ставка «квартирного налога». Ставка подоходного налога, напротив, снижалась, но так, что существенное облегчение получали состоятельные налогоплательщики. В то же время отдельные нововведения имели целью успокоить демократическую общественность. В частности, был установлен 7%-ный налог на первую передачу недвижимой собственности.

Закон об амортизационной кассе, принятый Национальным собранием (совместно палатой и сенатом), передавал в ее управление государственную табачную монополию и поступления от ряда налогов. Эти средства шли на погашение внутреннего долга по займам национальной обороны [63].

Вместе со стабилизацией франка стабилизировались цены и стоимость жизни, но на очень высоком уровне. Широкие слои мелкой буржуазии, крестьянства, служащих, интеллигенции сочувственно встретили конец инфляции и переход на стабильную валюту. Материальное облегчение ощущали и рабочие. Это обстоятельство, а также рост производства отразились на стачечном движении: в 1927—1928 гг. оно находилось на самом низком уровне за все десятилетие. Но для рабочего класса выгоды стабилизации снижались некоторыми отрицательными явлениями. Процесс рационализации производства сопровождался значительной интенсификацией труда.

Внешнюю политику правительства «национального единения» характеризовали попытки упрочить позиции Франции без развития отношений с СССР. Правительство Пуанкаре проявляло порою открытую враждебность к Советскому Союзу. Летом 1927 г. несколько французских коммунистов были отданы под суд по обвинению в шпионаже в пользу СССР, из Парижа был выслан корреспондент ТАСС. Переговоры о долгах по займам царского правительства и о предоставлении Советскому Союзу долгосрочных

[63] *A. Sauvy*. Histoire économique de la France..., p 85, 95.

Пьер Семар

кредитов (часть их должна была пойти на уплату указанных займов), которые велись до прихода Пуанкаре к власти, были заморожены [64]. После того как Великобритания порвала дипломатические отношения с СССР, французские реакционеры призывали последовать ее примеру. Однако правительство Пуанкаре не пошло на разрыв дипломатических отношений, заявив, что такой шаг не оправдан [65].

Франция попыталась, опираясь на США, укрепить свое международное положение, пошатнувшееся в результате Локарнских соглашений. В апреле 1927 г. Бриан предложил американскому государственному секретарю Келлогу подписать пакт о вечной друж-

[64] См. *Ю. В. Борисов.* Советско-французские отношения, стр. 61—81.

[65] Там же. стр. 79. Сторонники разрыва с СССР, подобные Альберу Сарро (автору лозунга «Коммунизм — вот враг!»), имелись и среди радикалов, но большинство этой партии все же сохранило приверженность линии Эррио в отношениях с Советским Союзом.

бе. Келлог ответил контрпроектом многостороннего договора, который позволил бы Соединенным Штатам, не входившим в Лигу наций, увеличить свое влияние в международной политике. 27 августа 1928 г. в Париже все участники Локарнских соглашений, а также США, Япония и британские доминионы подписали пакт Бриана—Келлога об отказе от войны как орудия национальной политики. Пышность и шумиха, которыми была обставлена процедура заключения этого договора, не могли замаскировать собой провала первоначального замысла правящих кругов Франции; вместо задуманного сближения с крупнейшей державой капиталистического мира, которое призвано было упрочить военно-политическое положение Франции, она стала лишь одним из участников многостороннего соглашения о соблюдении мира, заключенного уже незадолго до событий, которые привели мир к порогу новой войны.

Главной проблемой французской внешней политики оставались отношения с Германией, экономически значительно окрепшей с 1924 г. и добивавшейся эвакуации оккупационных войск со своей территории, а также помышлявшей о новом пересмотре (в сторону снижения) ее репарационных обязательств. Финансовые трудности Франции толкнули ее правящие круги на попытку вступить с Германией в сделку, чтобы ценой политических уступок заручиться ее помощью в стабилизации франка. С этой целью в сентябре 1926 г. была устроена тайная встреча Бриана с германским министром иностранных дел Штреземаном, состоявшаяся в местечке Туари на франко-швейцарской границе. Речь шла об очищении Рейнской области, о возвращении Саарской области Германии за соответствующую выкупную сумму, о возможном отказе от военного контроля над Германией. Собеседники обсуждали также перспективы «восстановления России». Хотя подробности переговоров Бриана с Штреземаном оставались неизвестными, они возбудили некоторые надежды на кардинальное разрешение франко-германских противоречий. Но «дух Туари», о котором осенью 1926 г. много писала западная печать, не возобладал. Наиболее агрессивные круги французского империализма выступили против планов Бриана, обвиняя его в «отступничестве от Версальского договора». Дальнейшие переговоры, обусловленные во время встречи в Туари, так и не состоялись[66].

Но вопросы, обсуждавшиеся там, не сошли с повестки дня. Прошло всего два года, и они вновь стали предметом дипломатических переговоров. Франция была заинтересована в превращении германских репараций из политического долга в чисто коммерческий, что позволило бы гораздо точнее определять размеры буду-

[66] «История дипломатии», т. III. М., 1945, стр. 351—355.

щих платежей, а кроме того, лишило бы их характера «контрибуции», на чем играли немецкие националисты. Поэтому правительство Пуанкаре согласилось на новый пересмотр репарационных обязательств Германии. Последняя, пользуясь активной поддержкой со стороны США, сумела включить в программу предстоявших переговоров и вопрос о досрочной эвакуации Рейнской области.

Новый репарационный план был разработан в первой половине 1929 г. международной комиссией экспертов, среди которых решающую роль играли представители американского крупного капитала во главе с О. Юнгом, его именем и был назван этот план. Окончательное утверждение его состоялось в начале 1930 г. на конференции в Гааге. Репарации были зафиксированы в несколько сниженном (по сравнению с «планом Дауэса») размере; они должны были выплачиваться в течение 59 лет. Коммерциализация, являвшаяся целью Франции, была осуществлена лишь частично. Зато отпали иностранный контроль над финансами Германии, а также возможность санкций в случае невыполнения ею обязательств. Но «план Юнга» по существу так и не вступил в силу из-за мирового экономического кризиса, с особенной силой обрушившегося на Германию, а вместе с ним ушли в небытие и выгоды, на которые рассчитывали правящие круги Франции и в обмен за которые им пришлось летом 1930 г. пойти на эвакуацию Рейнской области — «залога» выплаты репараций Германией.

Пуанкаре стремился придать своему режиму характер перемирия и соглашения между партиями, а не победы правых над левыми. Все же поражение последних было очевидным. Партии Левого блока понесли двойное поражение: и в области политики, где они, победив на выборах, уступили управление страной своим противникам, и в финансово-экономической области, где реформу провели не они, а консерваторы.

Естественно, что поражение вызвало глубокий кризис среди партий Левого блока, прежде всего в партии радикал-социалистов. Ведь именно она была правительственной партией, тогда как социалисты, не приняв участия в правительстве Левого блока, избегли прямой ответственности за его неудачи. Кризис радикал-социалистов усугублялся двойственной позицией их партии: радикалы перешли в лагерь противника и в то же время старались сохранить связь со своим бывшим союзником — социалистами.

В печати шумно спорили о причинах поражения Левого блока. Кто был виноват в его неудачах? Может быть, он сам являлся искусственным образованием, противоестественным союзом разнородных социальных и политических элементов, преследовавших противоположные цели (так утверждали критики спра-

ва)? В этом случае следовало признать, что у демократических сил нет перспективы на создание прочной коалиции. Выяснение причин распада Левого блока имело практическое значение для разработки программы на будущее, так как приближался срок новых парламентских выборов.

Радикалы обвиняли в слабости Левого блока социалистов. «Поддержки социалистов без их участия в правительстве было недостаточно, чтобы обеспечить энергичную и систематическую деятельность правительства»,— такой упрек в адрес бывших союзников высказал съезд радикалов, состоявшийся в Бордо 14—17 октября 1926 г. Сославшись на это, съезд оправдал вступление Эррио в правительство Пуанкаре.

Большинство радикалов, старых и молодых, продолжало считать союз с социалистами естественным, объясняя его общностью многих требований, в особенности касавшихся демократических реформ. Как и четверть века назад, при создании своей партии, большинство радикалов не считали препятствием для союза с социалистами расхождения относительно формы собственности на средства производства. Они утверждали, что лишь будущее покажет, уступит ли частная собственность свое место общественной или коллективной и в какой мере. Теперь же на очереди дня стояли такие политические и социальные реформы, которых требовали и радикалы, и социалисты. В этом, по мнению радикалов, и состояла основа парламентского союза с ними.

На съезде в Бордо был принят призыв к возобновлению Левого блока, «этой оси нашей предвыборной и парламентской деятельности». Правое крыло партии, голосовавшее против данной резолюции и поддерживавшее политику «национального единения» в противовес Левому блоку, оказалось в меньшинстве. На следующем съезде, проходившем в 1927 г. в Париже, правые потерпели решительное поражение, и их лидер Франклин-Буйон вышел из партии. Тенденция к возобновлению Левого блока проявилась и в смене председателя партии. На съезде 1926 г. вместо Эррио был избран издатель газеты «Депеш де Тулуз» Морис Сарро, а на съезде в 1927 г.— более молодой и занимавший тогда левые позиции Эдуард Даладье. Но и в это время в парламентской группе партии большинство поддерживало «национальное единение» и позицию Эррио.

Вопрос о Левом блоке не ограничивался для радикалов их отношением к социалистам. Как показал пережитый опыт, блок, чтобы стать действительно устойчивым, должен был быть расширен. В какую сторону, с чьей помощью? Радикал-социалисты продолжали рассматривать Левый блок не только как противовес правым, но и как средство борьбы против коммунистической партии; они наотрез отказывались от привлечения коммунистов к

избирательному блоку и правительственному большинству. Такая позиция неизбежно приводила к поискам союзников справа. Защищая идею широкой левоцентристской коалиции, радикал Ж. Морис в диссертации, посвященной истории своей партии, писал: «Союза с социалистами недостаточно, чтобы создать левое большинство. Нужна поддержка голосов центра, т. е. тех, кто правее радикалов» [67].

Так как одних пожеланий восстановить Левый блок было недостаточно, радикалы подкрепили их тем, что сформулировали ряд программных гребований в социально-экономической области. На съезде 1927 г. они высказались за установление контроля со стороны государства над монополиями, за повсеместное применение коллективных договоров, участие рабочих в прибылях предприятия, выпуск «трудовых акций», советы на предприятиях, рабочий контроль [68].

Социалистическая партия находилась в оппозиции к «национальному единению». Она подвергала критике финансовые мероприятия правительства Пуанкаре, но в целом придерживалась правила «laisser faire». СФИО и ВКТ поддержали рационализацию производства, считая, что сама по себе она является прогрессом и шагом на пути к социализму [69]. Социалисты не хотели делить с радикалами ответственность за неудачи Левого блока, полностью возлагая ее на последних. «После двух лет колебаний и непрерывных поражений, всегда отступая в тот момент, когда надо действовать, несмотря на неустанное давление социалистической партии, руководители радикалов полностью перешли на службу к тем, против кого они поднялись 11 мая 1924 г.»,— заявил съезд СФИО в апреле 1927 г.[70]

Учитывая постоянные колебания радикалов, причиной которых были присущие этой партии внутренние противоречия, социалисты надеялись на ее исчезновение и старались привлечь к себе ее избирателей. «Партия радикалов,— писал заместитель генерального секретаря СФИО неогедист Ж.-Б. Северак,— разделит судьбу средних классов. Стиснутая, как и они, между реакционным крупным капиталом и социалистическим рабочим классом, она будет поглощена этими враждебными силами. Уже сейчас внутри нее можно различить два противоположных течения, одно из которых обращено к нам, а другое — к реакции» [71].

[67] *G. Maurice.* La parti radical. Paris, 1929, p. 208—211.

[68] Ibid., p. 198—199.

[69] *J. Moch.* Socialisme et rationalisation. Bruxelles, 1927.

[70] «Parti socialiste (SFIO). XXV Congrès national, 1928, Toulouse. Rapports». Paris, 1928.

[71] *J. B. Severac.* Parti socialiste. Ses principes, ses tâches. Lettres à Brigitte 2e ed. Paris, 1933, p. 84.

Положение самих социалистов между тем имело сходство с положением радикалов. Радикалы колебались между консерваторами и социалистами, в рядах же самих социалистов шел непрерывный спор между сторонниками союза с радикалами и его противниками, учитывавшими влияние компартии и необходимость сближения с нею для преодоления раскола рабочего движения.

Вопрос о месте и роли СФИО в общедемократическом и рабочем движении Франции был поставлен на обсуждение 24-го съезда, собравшегося в Лионе 17—20 апреля 1927 г. В своем решении съезд заявил, что, несмотря на глубокую противоположность между социалистами и радикалами (первые — за переустройство нынешнего общественного порядка, вторые, наоборот,— за его сохранение), между ними возможно сотрудничество в борьбе за проведение некоторых демократических реформ, когда радикалы совершают поворот влево. Социалисты подчеркивали временный и ограниченный характер такого сотрудничества. В той части резолюции, где определялось отношение к коммунистической партии, съезд указывал на общность цели обеих партий (смена общественного строя путем революционного изменения социальных отношений) и на их общую социальную базу (рабочий класс). Но от установления единого фронта социалисты вновь отказались, сославшись на разногласия насчет методов борьбы, оценки революционной перспективы на ближайшее будущее и толкования диктатуры пролетариата.

Группа левых социалистов, пользовавшихся большим влиянием в федерации департамента Сены, вела борьбу за придание классового характера политике партии. Левые считали, что в результате роста социальных противоречий буржуазно-демократические партии все больше утрачивают свою популярность, влияние в массах и все больше выступают как консервативная сила. Левые требовали, чтобы социалистическая партия вернулась на позиции классовой борьбы и добивалась демократических реформ не путем сотрудничества с буржуазным правительством, а посредством постоянного давления на него со стороны рабочего класса. В связи с этим представители левого крыла предлагали отказаться от блокирования с радикал-социалистами в первом туре (или при выборах в один тур) и разрешить его только для второго тура выборов [72]. Однако и левые отклоняли единый фронт с компартией.

Окончательное решение о тактике и предвыборная программа СФИО были приняты на внеочередном съезде партии в декабре 1927 г. В первом туре выборов социалисты, как и все другие партии, сохраняли самостоятельность, а во втором должны были придерживаться «правила республиканской дисциплины», т. е. го-

[72] «La Nouvelle revue socialiste», 1927, N 16, p. 375—379.

лосовать за того из кандидатов левых партий, который набрал наибольшее число голосов в первом туре.

Коммунистическая партия и Унитарная всеобщая конфедерация труда резко выступали против политики правительства Пуанкаре и предпринимателей. Подчеркивая, что рационализация проводится за счет усиленной эксплуатации рабочего класса метрополии и народов колоний, ФКП и УВКТ призывали к борьбе против интенсификации труда и снижения жизненного уровня. В мае 1927 г. этому призыву последовали рабочие одной из крупнейших промышленных компаний Франции — автомобильных заводов «Ситроен», в апреле и июле того же года — текстильщики Севра и др.[73] Коммунисты были вдохновителями и многих массовых политических выступлений. В июле 1926 г. они организовали демонстрацию против султана Марокко, приехавшего в Париж вскоре после разгрома повстанцев и пленения Абдель Керима. В 1927 г. ФКП возглавляла кампанию в защиту американских рабочих Сакко и Ванцетти, была инициатором массовой демонстрации в Париже 23 августа в знак протеста против их казни.

В связи с приближением срока парламентских выборов пленум ЦК ФКП 9—10 ноября 1927 г. принял «Открытое письмо ко всем членам партии». В этом документе указывалось, что во Франции при поддержке СФИО произошла консолидация всех сил буржуазии, что рабочий класс должен противопоставить ей единый фронт под лозунгом «класс против класса». Отношение коммунистов к радикалам и социалистам было определено следующим образом: партия должна «разоблачать политику национального единения как политику наступления на рабочих и крестьян, указывая в то же время на лицемерие радикалов, этих агентов национального единения, которые пытаются обмануть массы с помощью демагогической программы»; партия должна также «разоблачать и антирабочую роль вождей социалистов, которые, не оказывая противодействия национальному единению, объективно укрепляют его».

Было решено выставить кандидатов от ФКП во всех округах и сохранить их во втором туре «против кандидатов буржуазии — и радикалов, и реакционеров»[74]. 24 ноября ФКП предложила социалистам единый фронт на выборах, чтобы «осуществить блок трудящихся против блока эксплуататоров». Коммунисты предлагали, чтобы во втором туре обе партии согласились поддержать того из их кандидатов, который получит наибольшее число голосов в первом туре[75]. Однако декабрьский съезд СФИО оставил это предложение ФКП без ответа.

[73] «Очерки рабочего движения во Франции. 1917—1967». М., 1968, стр. 90.

[74] «L'Humanité», 19.XI 1927.

[75] «Histoire du Parti communiste français (Manuel)». Paris, 1964, p. 202.

На выборах 1928 г. избиратели, особенно во втором туре, высказывались за или против политики правительства Пуанкаре. Таким образом, выборы приобрели значение плебисцита, главным образом по финансовой проблеме. Предвыборная программа партии Пуанкаре — Республиканско-демократического альянса — содержала ясно сформулированные антирадикальные и антирабочие пункты. К ним относились: «политика... реформ, исключающая всякие отклонения в сторону коллективизма», «профсоюзы, остающиеся на профессиональной почве и ориентирующиеся не на управление предприятиями, а на управление текущими социальными делами», «тесное сотрудничество хозяев и рабочих» [76].

Выборы 22—29 апреля 1928 г. проводились по новому избирательному закону, принятому в 1927 г.; он был направлен в первую очередь против коммунистической партии и содействовал партиям буржуазного центра. Отменялись выборы депутатов по департаментам, голосование по спискам и распределение мандатов с применением принципов пропорционального представительства, как это было в 1924 г. Теперь выборы производились по округам, каждый из 612 округов избирал одного депутата и каждая партия или блок партий выставляли по одному кандидату. Для избрания необходимо было абсолютное большинство голосов. Если такого не оказывалось, назначался второй тур выборов, здесь достаточно было относительного большинства, причем партии могли договориться о едином кандидате.

На первом туре выборов из девяти с лишним миллионов избирателей голосовали за:

коммунистическую партию	1 063 943
социалистическую —	1 698 084
радикал-социалистов —	1 655 427
Республиканско-демократический альянс	2 144 747
Республиканскую федерацию, консерваторов и «народных демократов» —	2 160 244

Остальные приходились на различные мелкие группировки.

Во втором туре во многих округах был образован блок радикалов, социалистов и республиканцев-социалистов, благодаря которому эти партии провели своих депутатов. Но значительная часть радикалов блокировалась со своими соседями справа.

Отсутствие единого фронта между коммунистами и социалистами привело к взаимным потерям. В одном из округов Парижа баллотировались Ж. Дюкло и Л. Блюм; победил коммунист Дюк-

[76] *Bourgin, Carrère et Guérin.* Manuel des partis politiques en France. Paris, 1928, p. 96—97.

ло. Как справедливо отмечал М. Торез, столько же социалистов потерпели поражение в результате борьбы с коммунистами, сколько коммунистов — из-за комбинаций социалистов [77].

Второй тур обеспечил победу партиям «национального единения». Коммунисты получили 14 мандатов; социалисты — 100; радикал-социалисты — 119, центр — 171, правые — 126 мест [78].

Правительство Пуанкаре осталось у власти. Но тот факт, что правое большинство могло сохраняться и без радикалов, давало последним свободу маневрирования. И когда финансовые вопросы были в основном урегулированы, требования радикалов отказаться от «национального единения» стали весьма настойчивыми. На очередном съезде партии в ноябре 1928 г. в Анжере был поставлен вопрос о выходе министров-радикалов из правительства. Председатель партии Даладье назвал «национальное единение» временным и переходным образованием и высказался за возврат к Левому блоку. Съезд принял резолюцию, содержавшую требования некоторых реформ и заявление о том, что радикалы будут поддерживать только такое правительство, которое примет эти требования: «Доверие партии по отношению к любому правительству будет подчинено осуществлению этой программы... Ни один радикал не может входить в правительство, которое не будет проводить эту программу» [79].

Подчеркивая свою приверженность к социальным реформам, к улучшению участи рабочих и к сотрудничеству на этой основе с ВКТ, радикалы, как и прежде, рассматривали реформы как средство борьбы против пролетарской революции. Характерно в этом смысле заявление одной делегатки, выступавшей в поддержку установления оплачиваемых отпусков: «С того дня,— сказала она,— как рабочие смогут проводить две или три недели в году в деревне, революционеры и коммунисты ничего не смогут поделать с ними» [80]. Результатом решений съезда в Анжере был выход Э. Эррио, А. Сарро, А. Кея и Л. Перрье из правительства и переход большинства парламентской группы радикал-социалистов в оппозицию. Это был конец политической системы «национального единения» Пуанкаре. Теперь — уже без прикрытия, которое создавали радикалы,— страной управляло правое большинство. В июле 1929 г. ушел в отставку и сам Пуанкаре — уже старый и больной.

[77] *M. Thorez.* Les élections législatives en France et la tactique du Parti communiste. Paris, 1929, p. 40.

[78] *G. Lachapelle.* Eléctions législatives 22—29 avril 1928. Résultats officieles. Paris, 1928, p. X—XII.

[79] *Jammy-Schmidt.* Les grandes thèses radicales. 2e ed. Paris, s. a., p. 252.

[80] Ibid., p 258.

После краткого пребывания у власти министерства Бриана в ноябре 1929 г. правительство возглавил А. Тардье, в свое время вместе с Пуанкаре основавший Республиканско-демократический альянс. Эти правительства ничем не ограничивали деятельность реакционных и фашистских лиг. В 1929 г. фашистскую организацию «Боевые кресты», созданную за два года до того на средства фабриканта Ф. Коти, владельца известной фирмы по производству духов, возглавил полковник де ла Рок. Лиги в это время реорганизовывались; в поисках массовой базы они обратились к средним слоям, разорявшимся под натиском монополий [81].

Зато в преследовании коммунистов Бриан и Тардье пошли еще дальше Пуанкаре. Использовав в качестве повода то обстоятельство, что ФКП призывала трудящихся отметить день 1 августа 1929 г.— 15-ю годовщину начала первой мировой войны — массовыми антивоенными выступлениями и демонстрациями солидарности с СССР, власти попытались обезглавить партию. В июле, во время собрания руководящих работников партии в Вильнёв-Сен-Жорж были арестованы почти все члены ЦК, некоторые руководители партийных организаций районов и УВКТ (они были освобождены только в апреле-мае 1930 г.). Полиция произвела обыски в здании ЦК ФКП и газеты «Юманите». Были блокированы операции Рабоче-крестьянского банка, где находились средства центрального органа партии [82]. Впервые ФКП фактически оказалась на нелегальном положении. Несмотря на репрессии и сосредоточение больших полицейских сил в столице, трудящиеся провели 1 августа антивоенные выступления, найдя для этого формы, соответствующие обстановке.

Преследования, которым подвергалась ФКП, сопровождавшиеся антикоммунистической пропагандой, а также внутренние разногласия по тактическим и политическим вопросам, в частности в связи с применением тактики «класс против класса»,— все это поставило Французскую коммунистическую партию в конце 20-х годов в трудное положение. С 1926 по 1930 г. число ее членов сократилось с 55 тыс. до 39 тыс., причем особенно сильная убыль приходилась на промышленные районы. Со второй половины 1929 г. партия переживала «один из самых тяжелых периодов в своей истории» [83]. От нее откололась группировка, назвавшаяся рабоче-крестьянской партией; после ареста членов ЦК руководство ФКП оказалось в руках сектантской группы Барбе — Селора. Перед партией, после того как она в трудной борьбе отстояла свои

[81] «Histoire du Parti communiste français (Manuel)», p. 207.

[82] Ibid. p. 210—211.

[83] Ibid., p. 215, 218.

идейные и организационные устои и избежала опасности превратиться во вспомогательную силу левого блока, чрезвычайно остро встала задача укрепления и расширения связей с массами. Осуществление этой задачи представляет собой новый этап в развитии ФКП, неразрывно связанный с именем Мориса Тореза, избранного в июле 1930 г. генеральным секретарем ЦК ФКП.

В 20-х годах Франция превратилась в индустриально-аграрную страну; быстрыми темпами развивались крупное производство и монополистический капитал. Это вызвало сдвиги в социальной структуре: соотношение численности городского и сельского населения изменилось в пользу первого; в составе самодеятельного населения численность рабочих и служащих все значительнее превышала число владельцев предприятий, и этот процесс шел за счет «вымывания» мелких собственников-тружеников. Рабочий класс с новой силой выдвинул перед нацией задачу преобразований в социальном и политическом устройстве и настоятельно требовал проведения прогрессивной политики. Союз действительно левых сил, который опирался бы на большинство избирателей, отныне уже не мог быть создан без партии рабочего класса, без коммунистов.

4

УГРОЗА ФАШИЗМА И НАРОДНЫЙ ФРОНТ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ПОЛИТИКА ПРАВЯЩЕГО КЛАССА

С осени 1929 г. капиталистический мир был объят сильнейшим кризисом перепроизводства. Миллионы безработных томились у бирж труда, миллионы тонн товаров и продуктов, не находивших сбыта, уничтожались. В этой обстановке невиданного упадка, банкротств и обнищания Франция, казалось, составляла исключение. В 1930 г. промышленное производство продолжало здесь увеличиваться, достигнув своей высшей точки. В следующем году произошло некоторое сокращение выпуска промышленной продукции, однако на фоне острейшего кризиса, поразившего экономику буржуазных стран, и этот уровень был необычен.

В условиях мирового капиталистического рынка с его сложной системой взаимозависимости такое положение не могло продолжаться долго. Франция «просто оказалась с запозданием втянутой в великую драму»,— констатирует французский экономист и социолог А. Сови [1]. К концу 1931 г. появились признаки серьезного падения производства, а уже к лету 1932 г. страну сотрясали промышленный и аграрный кризисы. Промышленное производство составляло 69% от уровня 1929 г.[2] Уменьшилась добыча угля и железной руды, сократилось производство чугуна и стали.

[1] *A. Sauvy*. Histoire économique de la France entre les deux guerres (1919—1931). Paris, 1965, p. 116.

[2] Общий индекс промышленной продукции (1913 г. = 100) составлял в 1929 г.— 139, в 1930 г.— 140, в 1931 г. — 124, в 1932 г.— 96 («Мировые экономические кризисы 1848—1935 гг.», т. 1. М., 1937, стр. 412—413).

Во второй половине 1932 г. кризис охватил все главные отрасли промышленности. Особенность его во Франции заключалась в том, что производство средств производства сократилось меньше, чем производство средств потребления. Особенно сильно были затронуты отрасли, выпускающие предметы роскоши — важную статью французского экспорта.

Занятость в производстве катастрофически сокращалась. В декабре 1932 г. было зарегистрировано 277 тыс. безработных, а к декабрю 1934 г. их насчитывалось, по официальным данным, 412 тыс.[3] Однако буржуазная статистика учитывала лишь безработных, состоявших на учете и получавших пособие. Действительное же число их было значительно выше[4] и по некоторым данным превышало 1 млн.[5], что составляло 10% от общего числа занятых на производстве. Кроме того, множество рабочих, особенно в горнодобывающей, текстильной промышленности, на строительстве, были частично безработными, т. е. работали неполный рабочий день и получали соответственно меньшую заработную плату. Вместе с ними число безработных достигало примерно 50% от числа лиц, работающих по найму. Еще в январе 1935 г. 48% рабочих были заняты неполную рабочую неделю[6].

Во многих отраслях промышленности происходило сокращение номинальной заработной платы. По некоторым данным, общая недельная зарплата, учитывая и неполную занятость, снизилась на 30%. Еще более значительным было падение реальной зарплаты в результате повышения цен на товары и роста налогов. Статистические данные свидетельствуют, что покупательная способность промышленных рабочих за 1931—1933 гг. снизилась на 30%. За годы кризиса сократилось обложение налогами почти всех видов доходов, кроме заработной платы. Это признавал орган «Комите де форж», который в феврале 1934 г. писал: «Именно налоги, падающие на рабочих, налоги с зарплаты неизменно растут»[7].

Кризис охватил и сельское хозяйство Франции. В 1932—1935 гг.

[3] «Annuaire statistique», vol. 51. Paris, 1936, p. 138.

[4] Депутат, бывший министр Б. Ногаро отмечал, что в 1931 г. безработных, получающих пособие (chômeurs), насчитывалось 44 644, а лиц без определенных занятий (personnes sans emploi) — 453 тыс. (*B. Nogaro*. La crise économique dans le monde et en France. Paris, 1936, p. 82). Известный историк Ж. Лефран считает, что цифры официальной статистики по безработице нужно удвоить, чтобы получить реальные (*G. Lefranc*. Histoire du Front populaire (1934—1938). Paris, 1965, p. 50).

[5] «Histoire du Parti communiste français (Manuel)». Paris, 1964, p. 233.

[6] «Confédération générale de la Production française. Allocution du Président M. Duchemin à L'Assemblée Générale du 20 mars 1936», p. 12.

[7] «Bulletin quotidien», 9.II 1934.

резко упали цены на ряд продуктов, особенно на пшеницу и вино[8]. Вместе с тем снижение жизненного уровня трудящихся масс привело к тому, что огромное количество продуктов не находило сбыта. Масса продовольственных товаров скармливалась скоту, уничтожалась, сжигалась. Летом 1933 г. правительство установило минимальную твердую цену на пшеницу, а год спустя запретило расширять ее посевы, увеличивать площади под виноградниками. Был ограничен ввоз ряда продовольственных товаров — мяса, сахара и других, введены повышенные пошлины на зерно. Однако эти меры не могли вывести сельское хозяйство из кризиса. Как и в промышленности, все его тяготы легли на плечи трудящейся бедноты. Объединения крупных землевладельцев скупали за бесценок не только сельскохозяйственные продукты, но и целые хозяйства.

Высокая арендная плата, большая ипотечная задолженность и налоги, политика цен, навязанная оптовиками, приводили к разорению и обезземеливанию крестьян, усиливали классовую дифференциацию в деревне. В распоряжении 70% хозяйств находилось лишь 20% всей обрабатываемой площади. Более 930 тыс. хозяйств были карликовыми — размер обрабатываемого надела не превышал 1 га[9]. Почти одну треть сельского населения Франции в начале 30-х годов составлял сельскохозяйственный пролетариат.

Сильно страдали от кризиса и средние слои городов. С 1932 г. значительно участились случаи банкротства мелких и средних предприятий, лавочек и кафе. Если в 1930 г. было зарегистрировано 9946 таких случаев, то в 1932 г.— 14 987, а в 1934 г.— 16 317[10].

[8] См. *Ю. Г. Трунский*. Основные тенденции экономической эволюции французской деревни (1862—1962).— «Проблемы всеобщей истории», сб. II. Казань, 1969, стр. 83.

[9] А. Сови приводит следующие данные за 1929 г.:

Размер участка	Число хозяйств в тыс.	Обрабат. пл. в тыс. га
Менее 1 га	931	674
от 1 до 10 га	1754	9 101
от 10 до 50 га	959	22 170
от 50 до 100 га	81	6 064
более 100 га	32	7 253
	3757	45 269

См. *A. Sauvy*. Histoire économique de la France..., p. 246

[10] «Annuaire statistique», vol. 52. Paris. 1937. p. 52*.

Это означало потерю десятками тысяч предпринимателей, главным образом мелких, их имущества (а нередко и средств существования). Под колесницу кризиса попадал тем самым большой социальный слой. Как писал Морис Торез, «исчезают... целые пласты средних слоев». С 1930 по 1932 г. число мелких торговцев сократилось на 100 тыс. [11] Финансовые и монополистические объединения приобретали за мизерную цену разорившиеся предприятия, диктовали свою волю мелким и средним собственникам. Тяготы кризиса в полной мере ощущала и интеллигенция.

Тяжелый урон понесла французская внешняя торговля. В 2½ раза сократился экспорт (с 52 750 млн. фр. в 1929 до 20 034 млн. в 1932 г.) и более чем вдвое — импорт (с 60 822 млн. фр. в 1929 до 30 235 млн. в 1932 г.) [12]. Отрицательное влияние на развитие торговли оказал и декрет французского правительства от 3 октября 1930 г. о так называемом советском демпинге. Этот декрет, имевший исключительно политическую подоплеку, серьезно подорвал экономические связи между двумя странами и вызвал ответные меры со стороны Советского правительства.

Французский экспорт продолжал падать и в последующие годы. В итоге за 1934—1936 гг. он составил менее 30% уровня трех предкризисных лет. Серьезным испытаниям подверглась французская денежная система. 1930/31 бюджетный год был закончен с огромным дефицитом в 2,5 млрд. фр. Количество денег в обращении увеличилось с 77,8 млрд. фр. в январе 1931 г. до 83,4 млрд. в январе 1932 г.[13]

Еще до начала кризиса во Франции правительство, пытаясь избежать общего для всех капиталистических стран развития, расширило финансовые льготы крупным банкам и предприятиям, снижая налоги на прибыли. Как писал бывший министр финансов Жермен-Мартен, ресурсы государства «таяли, не принося особой пользы стране» [14]. Правительство Тардье оказывало монополиям и прямую помощь. Так, «Банк насиональ де креди» без ведома парламента получил из казны более 2 млрд. фр. Тяжелым бременем на бюджет Франции легла и финансовая помощь иностранным государствам (Польше, Югославии, Венгрии), оказываемая нередко по политическим мотивам.

Франция, занимавшая видное место в финансовых связях капиталистического мира, в годы кризиса остро почувствовала их нарушение. Французское казначейство было одновременно и кредитором и должником. В 20-е годы выплаты по довольно значи-

[11] *М. Торез.* Современная Франция и Народный фронт. М., 1937, стр. 16.
[12] «Annuaire statistique», vol. 52, p. 73.
[13] Ibidem.
[14] «La Capital», 18.II 1932.

тельным военным долгам Соединенным Штатам Америки перекрывались поступлениями от побежденной Германии и стран-должников, причем правящие круги Франции упорно пытались поставить уплату долга Америке в зависимость от получения германских репараций. Но Германия, и ранее выполнявшая свои обязательства крайне неаккуратно, в годы кризиса вообще прекратила выплату репараций. Это неблагоприятно отразилось на финансовом положении и платежеспособности Франции.

В стране нарастало недовольство самых различных слоев населения. Рабочие прибегали к испытанному оружию — стачке. Почти 600 тыс. человек приняли участие в забастовочной борьбе в 1930 г. Правда, в 1931 г. число экономических стачек и их участников сильно снизилось, но затем оно вновь начало расти. По официальным данным, в 1931 г. в забастовках участвовало 35 тыс. человек, в 1932 г. — 54 тыс., в 1933 г. — 84 тыс.[15] Это были выступления против снижения зарплаты, массовых увольнений и т. п. В марте — апреле 1931 г. в ответ на попытку шахтовладельцев снизить зарплату всеобщую стачку объявили горняки. В 1932 г. особенно внушительными были забастовки металлистов завода «Рено» в Бийянкуре и текстильщиков во Вьенне. 8 тыс. рабочих текстильной промышленности в течение 52 дней мужественно защищали свои права; плечом к плечу с ними боролись и безработные.

Уменьшение количества экономических стачек и их участников отнюдь не означало, что кризис привел к затуханию классовой борьбы или притуплению революционного сознания трудящихся. Официальная статистика не учитывала политические забастовки, а они-то как раз и были наиболее распространенной формой борьбы. Происходило заметное изменение как содержания (т. е. целей и лозунгов движения), так и методов борьбы. Это отражало то обстоятельство, что под влиянием растущего нажима крупного капитала в начале 30-х годов ускорился рост классового сознания пролетариата, углубилось и противоречие между монополиями и широкими народными массами.

Важной чертой стачечного движения этих лет было установление единого фронта рабочего класса в ходе борьбы. Коммунисты и социалисты, унитарии и конфедераты, католики и беспартийные все чаще выступали совместно. Нередко стачки перерастали в ожесточенные столкновения с полицией и войсками[16].

Для кризисных лет характерны были и довольно многочисленные выступления крестьян, особенно на юге страны, где сель-

[15] «Annuaire statistique», vol. 51, p. 60*.

[16] См. «Очерки рабочего движения во Франции. 1917—1967». М., 1968, стр. 101.

ские труженики поднимались против дороговизны, растущих налогов, против эксплуатации деревни финансовым капиталом. 25 января 1933 г. 15 тыс. крестьян устроили в Париже демонстрацию против нищеты. В движение включались и городские средние слои. Мелкие торговцы закрывали свои лавочки и присоединялись к рабочим демонстрациям, протестуя против высоких налогов.

На характер классовой борьбы накладывали свой отпечаток важные события, происходившие в то время в мире. Экономический кризис резко обнажил противоречия Версальской системы и еще более увеличил опасность войны. В 1931 г. Япония напала на Китай и захватила Маньчжурию. Лига наций, бывшая не столь давно надеждой пацифистов всего мира, оказалась неспособной потушить дальневосточный пожар. Постепенно вырисовывалась и гораздо более близкая для Франции непосредственная опасность. По ту сторону Рейна окрепла и быстро расширяла свое влияние нацистская партия, сумевшая аккумулировать и использовать недовольство немецкого народа Версальским миром.

Демократические силы Франции — ее рабочий класс и прогрессивная интеллигенция — подняли свой голос в защиту мира. 22 мая 1932 г. Анри Барбюс и Ромен Роллан предложили созвать международный конгресс против войны, чтобы помочь объединению всех, кто согласен бороться, хотя и по разным мотивам, против подготовки новой империалистической войны. Этот призыв нашел широкий отклик в массах. По всей стране стали создаваться антивоенные и антифашистские комитеты, которые вели подготовку к международному антивоенному конгрессу, намеченному на август 1932 г. в Амстердаме. Одной из самых многочисленных на нем была французская делегация (585 человек).

По инициативе ФКП в мае 1933 г. в Париже была созвана антифашистская национальная конференция, в которой приняли участие помимо коммунистов представители СФИО, Лиги прав человека, ВКТ, радикал-социалисты. А в июне 1933 г. в зале «Плейель» в Париже собрался Европейский антифашистский конгресс, на который съехались свыше 3 тыс. человек. Так же как и в Амстердаме, был избран Международный комитет для координирования и организации борьбы против фашизма в европейских странах. Вскоре оба движения — антивоенное (Амстердамское) и антифашистское (Плейельское) — объединились сначала в масштабе Франции, а затем и в международном. Во французский национальный Комитет борьбы против войны и фашизма вошли А. Барбюс, Р. Роллан, П. Вайян-Кутюрье, М. Кашен, П. Ланжевен и др.

Движение «Амстердам — Плейель» играло важную роль в мобилизации трудящихся на борьбу с фашистской опасностью и войной, его комитеты были по существу первыми организациями,

где вместе с коммунистами и прогрессивной интеллигенцией работали рядовые социалисты (несмотря на то что лидеры СФИО запрещали совместные действия с коммунистами). В течение нескольких месяцев были достигнуты большие успехи, создано 400 комитетов, привлечены 3 федерации и 141 секция социалистической партии. Таким образом, движение «Амстердам — Плейель» пробило «брешь в стене непонимания и враждебности», разделявшей социалистов и коммунистов [17].

Экономические потрясения, переживаемые страной, значительный рост недовольства трудящихся, бурные антивоенные и антифашистские выступления не могли не отразиться на положении в буржуазных партиях, в их парламентских фракциях. Для Франции 30-х годов характерны частые правительственные кризисы; срок жизни некоторых кабинетов не превышал нескольких недель, а иногда — даже дней. За 2½ года, с ноября 1929 г. до парламентских выборов весной 1932 г., правительства менялись 9 раз. Их попеременно (с незначительными перерывами) возглавляли всего два политических деятеля — А. Тардье и П. Лаваль. Первый находился у власти в ноябре 1929 г.— сентябре 1930 г., а затем вновь с февраля по май 1932 г.; второй — с января 1931 г. по февраль 1932 г. Падение одних и формирование других правительств приводило, как правило, не к изменению политического курса, а лишь к перетасовке портфелей. Министерские посты помимо Тардье и Лаваля занимали постоянно Фланден, Пьетри, Бонне, Рейно, Лушер, Лейг и др. Министерство иностранных дел непрерывно (еще с 1925 г.) возглавлял А. Бриан.

Известная перегруппировка сил произошла после парламентских выборов, состоявшихся в мае 1932 г. Правые партии потерпели поражение, в настроениях масс обнаружился определенный сдвиг влево. Наибольшее число голосов собрала партия радикалов и радикал-социалистов, получившая 160 мандатов; значительного успеха добилась и социалистическая партия, занявшая второе место (131 мандат). Коммунистическая партия потеряла некоторое количество избирателей по сравнению с предыдущими выборами в парламент (она собрала около 800 тыс. голосов). Это было в значительной степени результатом вредной деятельности сектантско-заговорщической группы Барбе — Селора, последствия которой партия еще не сумела преодолеть полностью. Как отмечал М. Торез, и в начале 1932 г. в работе ФКП еще сказывались узкое сектантство и отрыв от масс [18]. На результаты выборов повлияла

[17] *G. Cogniot.* Le Front unique de la classe ouvrière, fondement du Front populaire.— «Cahiers de l'Institut Maurice Thorez», 1966, N 3-4, p. 37.

[18] «XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет». М., 1934, стр. 151.

Ромен Роллан

и крупная антисоветская и антикоммунистическая провокация, организованная реакцией накануне выборов. 6 мая русский белогвардеец Горгулов убил президента республики Поля Думера, избранного на этот пост в мае 1931 г.; Тардье немедленно объявил убийцу «агентом Коминтерна».

Новое правительство, как и в 1924 г., возглавил Э. Эррио. Кроме радикалов в него вошли представители некоторых мелких буржуазных групп. Президентом республики был избран буржуазный политический деятель сенатор А. Лебрен.

В области внутренней политики вновь образованный кабинет прежде всего столкнулся с трудной проблемой бюджетного дефицита. Не менее сложная задача стояла перед Эррио и во внешнеполитической области. Экономический кризис свел на нет вырабатывавшиеся в течение многих лет планы получения репараций с Германии. Летом 1931 г. по инициативе президента США Гувера был объявлен одногодичный мораторий на внесение всех платежей, вытекавших из первой мировой войны, а спустя год в Лозанне собралась международная конференция, посвященная вопросу о репарациях. Германский канцлер Папен, поддержанный

английскими представителями, требовал полного освобождения Германии от дальнейших платежей; французская делегация не соглашалась на это. Стремясь использовать желание французов добиться безопасности своих восточных границ, Папен прибег к ряду маневров. Он предложил Эррио заключить военный союз и установить постоянное сотрудничество генеральных штабов двух стран [19]. Подобный союз в условиях резкого усиления германского реваншизма и милитаризма был нереален.

Но план Папена преследовал и одну вполне определенную цель: воспрепятствовать наметившемуся улучшению франко-советских отношений [20]. Папен ловко играл на антисоветских настроениях реакционных политиков западных стран. Французские дипломаты не раз отмечали, что «предложение Папена о сговоре генеральных штабов объективно не может не иметь антисоветского острия» [21]. Эррио отклонил германские предложения, но в вопросе о репарациях вынужден был уступить. Было решено прекратить дальнейшее их взимание, ограничившись единовременным платежом в размере 3 млрд. марок.

Законную тревогу французских дипломатов вызывали требования Германии об отмене статей Версальского договора, запрещавших перевооружение Германии, и признании за Германией «равенства прав» в этой области. Подобные требования немцы выдвинули, в частности, на Женевской конференции по разоружению, открывшейся в феврале 1932 г. Они стремились убедить участников конференции, что добиваются указанных прав лишь «в принципе». Но на деле речь шла о том, чтобы наверстать упущенное в области вооружения. Эррио справедливо отметил в своем дневнике: «Равенство в правах, которого добивается рейх, является для него, очевидно, средством добиться фактического равенства» [22].

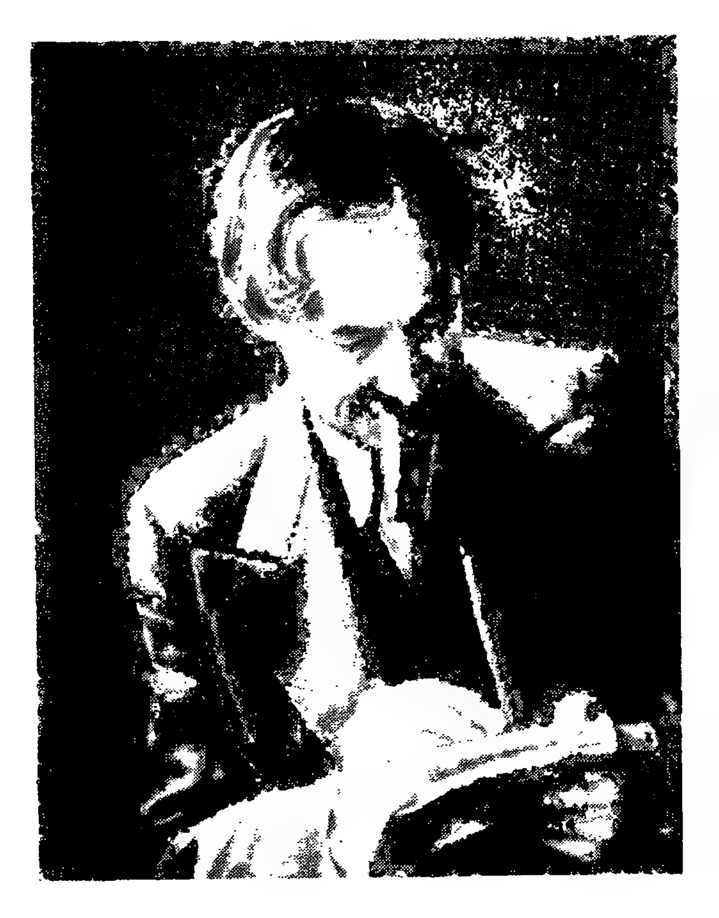
В эти годы под влиянием различных факторов — воздействия экономического кризиса, активизации германских реваншистов, обострения отношений с фашистской Италией — в политике Франции произошел поворот к сближению с Советским Союзом. Проводившаяся французскими правящими кругами политика дискриминации в отношении советских заказов нанесла ущерб прежде всего деловым кругам Франции. «Антидемпинговый» декрет 1930 г. обернулся против его инициаторов. В 1930—1931 гг. сократил-

[19] «Documents diplomatique français 1932—1939» (далее — DDF). 1re série (1932—1935), t. I. Paris, 1964, N 46; «Документы внешней политики СССР», т. 15. М., 1969, стр. 578.

[20] *Э. Эррио.* Из прошлого. Между двумя войнами. 1914—1936. М., 1958, стр. 426.

[21] «Документы внешней политики СССР», т. 15, стр. 528.

[22] *Э. Эррио.* Из прошлого, стр. 386.



Анри Барбюс

ся ввоз необходимого для французской экономики советского сырья, СССР прекратил закупки во Франции. Уже в феврале 1931 г. министр торговли и промышленности Роллен дал понять, что Франция хотела бы нормализовать экономические связи с Советским Союзом [23]. Одновременно генеральный секретарь МИД Франции Бертело в беседе с советским полпредом в Париже В. С. Довгалевским отметил, что, «по общему мнению, декрет не дал ожидаемого эффекта и нуждается в пересмотре» [24]. По мере обострения экономического кризиса все более широкие круги во Франции высказывались за возобновление торговых связей с Советским Союзом.

Но такого рода нормализация не могла не захватить и область политики. В марте 1931 г. французский посол в Москве в беседе с народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым затронул вопрос относительно возможности политических переговоров между обоими государствами. А примерно месяц спус-

[23] «Annales de la Chambre des députés. Débats parlementaires» (далее «Débats parlementaires»), 1931, t. I, p. 918—921.

[24] «Документы внешней политики СССР», т. 14. М. 1968, стр. 95.

тя Бертело предложил «приступить в целях выигрыша времени одновременно к переговорам, во-первых, о пакте о ненападении с согласительной процедурой и, во-вторых, о временном торговом соглашении» [25]. Это означало, что Франция, наконец, откликнулась на неоднократные советские предложения о заключении такого пакта, сделанные в 1926, 1927, 1928 гг. Политическая дальнозоркость подсказала Бриану необходимость сближения с СССР. Выбор момента определялся и личными соображениями Бриана, мечтавшего о кресле президента республики. Он рассчитывал путем устранения франко-советских трений упрочить свои позиции и преодолеть трудности внешнеполитического порядка. Как отмечал В. С. Довгалевский, «Бриан хочет превратить русскую карту в козырную» [26].

5 июня в министерстве торговли Франции открылись переговоры между французскими и советскими экспертами с целью выработки временного торгового соглашения [27]. 16 июля 1931 г. был отменен французский декрет от 3 октября 1930 г., и одновременно Советское правительство аннулировало свое постановление от 20 октября 1930 г., направленное против дискриминационных в отношении СССР мер. Но и после этого французские руководители отказывались предоставить Советскому Союзу кредиты, ставя условием урегулирование пресловутого вопроса о царских долгах. Правда, серьезные экономические трудности, вызванные кризисом, заставили французских промышленников и без официального договора активно вступать в деловые отношения с советскими организациями и предоставлять им кредиты [28]. Переговоры о заключении торгового соглашения завершились лишь в декабре 1934 г.

10 августа 1931 г. был парафирован советско-французский пакт о ненападении. Французская сторона более года оттягивала его подписание. Но обострение обстановки в Германии, резкое усиление реваншистских настроений и фашистских тенденций в этой стране, а также давление собственных торгово-промышленных кругов побуждали Францию к активизации переговоров с Советским Союзом. Сильное впечатление в Париже произвела речь, которую произнес германский военный министр фон Шлейхер 26 июля 1932 г. по радио; немецкий генерал заявил, что, если Германии будут продолжать отказывать в «равенстве прав» на вооружение, она сама позаботится о своих интересах. Месяц спустя французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсе из разговора с

[25] «Документы внешней политики СССР», т. 14, стр. 253.

[26] Там же.

[27] DDF, 1er série, t. I, p. 119.

[28] См. *Ю. В. Борисов.* Советско-французские отношения (1924—1945 гг.). М., 1964, стр. 147—163.

статс-секретарем МИД Германии фон Бюловом сделал немаловажный вывод: «Германия не будет ждать более благоприятного момента и более спокойной атмосферы, чтобы поставить перед нами проблему равноправия» [29]. 14 сентября 1932 г. германская делегация отказалась принимать участие в дальнейшей работе конференции по разоружению, пока не будут приняты ее требования.

Шантажируя этим своих западных коллег, немецкие представители добились на совещании Англии, США, Франции, Италии и Германии в декабре 1932 г. признания принципа «равенства прав» в деле вооружения. Хотя в соответствующем соглашении говорилось, что Германия получает равенство прав «в системе, дающей безопасность всем нациям» [30], тем не менее то была крупная дипломатическая победа Германии.

Реваншистские лозунги и практические шаги в сторону форсированного вооружения Германии не оставляли сомнений в агрессивных планах ее правящих кругов. В этой обстановке переговоры между Францией и СССР ускорились, и 29 ноября 1932 г. премьер-министр и министр иностранных дел Франции Э. Эррио и полпред Советского Союза В. С. Довгалевский подписали в Париже пакт о ненападении и конвенцию о согласительной процедуре. Статьи договора содержали обязательства не прибегать ни отдельно, ни совместно с другими державами к войне, уважать неприкосновенность территорий, находящихся под советским и французским суверенитетом, не оказывать ни прямо, ни косвенно помощи или поддержки агрессору, напавшему на одну из сторон, не участвовать в нападении, предпринятом третьим государством. Статья четвертая устанавливала, что в течение действия пакта ни СССР, ни Франция не будут участвовать в международных соглашениях, которые могли бы привести к запрету покупки или продажи товаров другой стороне, предоставления кредитов и т. п. Статья пятая запрещала создавать, поддерживать и субсидировать на своей территории военные организации, подготавливающие вооруженную борьбу против другого участника пакта. Стороны соглашались урегулировать и разрешать все спорные конфликты лишь мирным путем. Конвенция определяла компетенцию и состав согласительной комиссии, сроки ее созыва и т. д. 11 февраля 1933 г. договор был утвержден советом министров Франции, а 13 февраля — ЦИК СССР.

Подписание советско-французского договора о ненападении было важным этапом в развитии отношений между двумя великими державами. Но на пути к подлинному сотрудничеству еще

[29] DDF, 1er série, t. I, p. 221.

[30] «Сборник документов по международной политике и международному праву», вып. V. М., 1933, стр. 138.

оставалось много препятствий. Далеко не вся французская буржуазия была склонна одобрить и поддержать политику сближения с Советским государством. Влиятельные группировки монополистического капитала, политические круги, связанные с тяжелой индустрией и генеральным штабом, их органы печати вели шумную антисоветскую кампанию, выступая против наметившегося курса.

ФАШИСТСКАЯ УГРОЗА. КУРС НА СБЛИЖЕНИЕ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

С конца 1932 г.— начала 1933 г. экономическое положение страны стало особенно неустойчивым. Все более сокращалось промышленное производство, росли налоги, увеличивался государственный долг, падал курс франка, а вместе с ним уменьшались надежды на быстрое хозяйственное оздоровление.

В январе 1933 г. к власти в Германии пришла фашистская партия во главе с Гитлером. Ее внешнеполитическая программа была хорошо известна: фашисты не скрывали своих захватнических планов, своего стремления к насильственной ликвидации Версальского договора и к реваншу. Однако наиболее реакционные круги Франции рассматривали гитлеровский режим не как серьезнейшую угрозу безопасности Франции, а прежде всего как пример, достойный подражания.

Некоторые правые буржуазные партии и группировки призывали создать во Франции авторитарное государство, имея в виду заменить парламентский режим открытой диктатурой финансовой олигархии. А. Тардье, Ж. Барду, Э. Мерсье и другие реакционные деятели выдвинули проект реформы конституции — программу фактической фашизации Франции [31]. Эти выступления шли в русле хорошо организованной, тщательно продуманной политической кампании в пользу создания «сильной исполнительной власти». 28 ноября 1933 г. «Ле капиталь» писала, что «лучшие умы имеют в виду опыт авторитарного правительства по образцу правительства Италии и Германии» [32]. Все чаще раздавались призывы к установлению фашистской диктатуры путем мятежа.

Фашистское движение во Франции развивалось иным путем, чем в других странах, и имело свою специфику. Здесь не было единой фашистской партии, а насчитывалось множество групп,

[31] См. *А. Я. Гуральский*. Французский фашизм и его попытка захвата власти в 1934 г. — «Труды по новой и новейшей истории», т. I. М., 1948.

[32] Цит. по: *Cl. Willard*. Quelques aspects du fascisme en France avant le 6 février 1934. Paris, 1961 p. 201—202.

часто соперничавших друг с другом и не имевших общей программы и руководства. Основные из этих организаций — а к началу 30-х годов их было более 10 — возникли значительно позже, чем в Италии и Германии.

Наиболее крупная из фашистских лиг во Франции, «Огненные кресты», была создана в 1927 г. как военизированная организация бывших фронтовиков; ею руководил полковник де ля Рок. Откровенно националистические и монархические лозунги таких реакционных объединений, как «Аксьон франсез» и «Патриотическая лига», их борьба против демократии и республиканских институтов не встречали широкой поддержки в стране. Кажущаяся аполитичность «Огненных крестов», ловко использовавших этикетку «бывших фронтовиков», сильно отличала эту организацию от националистических лиг и привлекала к ней больше сторонников. Кроме того, «Огненные кресты» применяли социальную антикапиталистическую демагогию. Это не мешало им принимать субсидии от промышленных магнатов Коти и Мерсье, на чьи средства содержались хорошо вооруженные подразделения и группы «Огненных крестов».

Фашистские лиги старались использовать в своих интересах «Национальный союз бывших фронтовиков», насчитывавший в 1934 г. около 900 тыс. членов, и «Национальную федерацию налогоплательщиков» — 700 тыс. членов [33]. В отличие от германских и итальянских фашистов, отмежевавшихся от традиционных буржуазных партий, большинство фашистских группировок Франции открыто опирались на правые партии, а некоторые из них были связаны с клерикальными кругами.

Фашистские лозунги не находили поддержки и в кругах мелкой и средней буржуазии, с недоверием и даже страхом наблюдавшей за эксцессами гитлеровского режима.

Французское фашистское движение не имело таких важных рычагов воздействия на обывателя, какими обладали немецкие нацисты и последователи дуче в Италии. Этими рычагами были лозунги оголтелого национализма и реваншизма, использованные гитлеровцами для завоевания на свою сторону разоренных и недовольных слоев мелкой буржуазии, мечтавших «переиграть» закончившуюся для Германии поражением войну; в Италии такую же роль играли лозунги ирредентизма. Что же касается Франции, то экспансионистские планы ее восточного и южного соседей, угрожавшие безопасности этой страны, способствовали росту здесь антифашистских настроений. Поэтому фашистам во Франции было гораздо труднее завоевать массовую базу, чем их немецким и

[33] G. *Lefranc*. Histoire du Front populaire (1934—1938). Paris, 1965, p. 62.

итальянским единомышленникам. Большое значение имели в этом смысле давние революционные и демократические традиции французского народа.

Финансируемые крупными промышленными и финансовыми магнатами, фашистские лиги использовали любой повод для нападок на республиканский строй и парламентский режим. В конце 1933 г. такой повод они увидели в скандале, связанном с именем афериста и жулика Стависского. В его финансовые махинации оказались замешанными некоторые государственные и политические деятели (К. Шотан, Ж. Бонне, ряд сенаторов, депутатов, префект парижской полиции Кьяпп и др.). Вскрывшиеся в связи с аферой Стависского злоупотребления и коррупция вызвали бурю возмущения и недовольства различных слоев общества. Фашистские главари решили воспользоваться этим, рассчитывая увлечь за собой народ. В январе 1934 г. фашистские демонстрации были почти ежедневными. Группы молодчиков чинили беспорядки на улицах, бесчинствовали на бульварах и скверах, совершали нападения на редакцию «Юманите» и здание ЦК Французской коммунистической партии, угрожали существованию всех демократических институтов и свобод [34].

Французские коммунисты своевременно оценили всю серьезность опасности, которую нес с собой фашизм. Они правильно определили главную задачу момента — необходимость сплотить и организовать массы на борьбу с фашизмом, сумели извлечь уроки из печального опыта событий в Германии, где раскол рабочего класса, распри между коммунистами и социал-демократами обусловили слабость пролетариата перед лицом наступления фашизма. В эти годы французские коммунисты внесли чрезвычайно существенный вклад в разработку стратегии и тактики коммунистического движения. Их выводы о значении борьбы за демократию и мир в новых условиях, о новых формах ее связи с борьбой за социальный прогресс, о возможности сплочения на базе общедемократических лозунгов большинства нации имели большое значение для многих братских стран. Важно при этом, что сделанные ФКП выводы не остались лишь в сфере теории. Партия стала настойчиво искать реальные пути к сплочению всех антифашистских, демократических сил и прежде всего — к сближению с социалистами. Это была нелегкая задача.

На протяжении почти пятнадцати лет после Турского конгресса обе партии нередко выступали на политической арене как про-

[34] *В. И. Антюхина-Московченко.* Провал фашистского мятежа 6 февраля 1934 г. и зарождение Народного фронта во Франции.— «Новая и новейшая история», 1959, № 6, стр. 62.

тивники. Социалисты проводили политику классового сотрудничества с буржуазией и открыто объявляли ФКП «врагом № 1». Со своей стороны коммунистическая партия клеймила социалистов как пособников реакции. Сложившаяся в рабочем движении ситуация требовала от ФКП смелого поворота, отказа от некоторых укоренившихся положений.

Проблема единства рабочего класса особенно остро встала в начале 1934 г. 6 февраля фашисты организовали «поход» на Бурбонский дворец. В этот день в палате депутатов должен был выступить с правительственной декларацией новый премьер радикал Даладье (30 января — 7 февраля 1934 г.). Фашистские лиги надеялись, использовав возмущение народных масс коррупцией, спекуляцией, дороговизной, разогнать парламент, ликвидировать республиканский строй и установить фашистскую диктатуру. «Это была не стихийная демонстрация, а настоящее вооруженное восстание, тщательно подготовленное»,— отмечал в своем докладе председатель парламентской комиссии, расследовавшей события 1933—1945 гг. во Франции, Шарль Серр [35]. Однако фашистский путч провалился. Правильно определив грозящую Франции опасность, рабочие Парижа, отбросив партийные, религиозные и иные расхождения, выступили единым фронтом. Путь фашизму преградила политика единства действий, провозглашенная ФКП.

6 февраля 25 тыс. парижан вышли на улицы, чтобы оказать сопротивление мятежникам. На другой день в «Юманите» был опубликован призыв ФКП, УВКТ и Союза коммунистической молодежи ко всем трудящимся оказать сопротивление фашистским лигам, провести демонстрацию единого фронта под лозунгами: «Против фашизма!», «Против фашизации демократического государства!» 8 февраля совместные манифестации коммунистов и социалистов состоялись уже в 11 городах. ЦК ФКП призвал выйти 9 февраля на массовую антифашистскую демонстрацию. Лидеры ВКТ не поддержали эту инициативу; со своей стороны они назначили на 12 февраля всеобщую стачку. К ним примкнуло и руководство социалистической партии Франции. 8—10 февраля в «Попюлер» были опубликованы призывы к организации демонст-

[35] «Les Evénements survenus en France de 1933 à 1945. Rapport de M. Ch. Serre, député au nom de la Commission d'enquête parlementaire», t. I. Paris, 1954, p. 43. Тем не менее Р. Ремон утверждает, что в феврале 1934 г. не было ни путча, ни даже восстания (*R. Rémond*. La Droite en France. Paris, 1963. p. 217), Ж. Дюпё видит в событиях 6 февраля лишь демонстрацию (*G. Dupeux*. Le Front populaire. Paris, 1961, p. 58), Д. Герен пишет, что подлинной целью демонстрации было лишь «опрокинуть парламентское большинство и привести к власти правительство правых» (*D. Guérin*. Front populaire. Révolution manquée. Paris, 1963, p. 61).

раций в ответ на фашистские выступления, к объединению с профсоюзами и «всеми политическими группировками, которые публично присоединяются к всеобщей забастовке». Исходя из курса на единство действий рабочего класса, коммунисты решили поддержать назначенную на 12 февраля всеобщую забастовку, не отказываясь, разумеется, от проведения антифашистской демонстрации 9 февраля.

Эта демонстрация имела огромное значение для сплочения французского рабочего класса. Она подготовила и успех всеобщей стачки 12 февраля. Фактически в эти дни был сделан решающий шаг к созданию единого фронта рабочего класса против фашизма.

Особенностью массового движения в феврале 1934 г. было то, что под руководством коммунистической партии, под ее лозунгами действовали люди различных политических убеждений. Несмотря на заявление лидера ВКТ Л. Жуо, что забастовка 12 февраля не выльется в политическую демонстрацию, трудящиеся массы вышли на площади и улицы Парижа. В антифашистской борьбе приняли участие 4,5 млн. рабочих. Свыше 150 тыс. человек участвовало в совместной манифестации коммунистов и социалистов в Венсенском лесу, единые выступления рабочих происходили в предместьях Парижа Аржентей и Сен-Дени, а также во многих других местах, в том числе в 26 городах с населением свыше 50 тыс. человек [36]. А в общей сложности движение охватило 346 населенных пунктов. Корреспондент ВКТ из Перигё писал: «Рабочий класс нашего города понял, что перед лицом фашистской опасности борьба тенденций должна отступить. Час профсоюзного единства близок. Единство действий реализовано» [37].

Французскому пролетариату, вставшему на защиту демократии, победа далась нелегко. В результате столкновений имелись убитые, много раненых. Коммунистическая партия, учитывая опыт февральских выступлений, еще более утвердилась во мнении, что главная задача заключается в обьединении всех демократических сил в борьбе с фашизмом [38].

Правящий класс Франции, напуганный размахом антифашистской борьбы, стремился консолидировать свои силы. 7 февраля, даже не обратившись к палате депутатов, правительство Даладье ушло в отставку, и 10 февраля 1934 г. был сформирован новый

[36] *A. Prost.* Les manifestations du 12 février 1934 en province.— «Le Mouvement social», N 54, janvier — mars 1966. Автор насчитал 161 демонстрацию единого фронта.

[37] Ibidem.

[38] Подробнее см.: *J. Chambaz.* Le Front populaire pour le pain, la liberté et la paix. Paris, 1961; *М. Кунина, В. Маркова.* Коммунисты Франции в борьбе за Народный фронт. 1934—1936 гг. М., 1961, и др.

Антифашистская демонстрация 12 февраля 1934 г. в Париже

кабинет во главе с бывшим президентом 72-летним Г. Думергом. Ряд постов в правительстве заняли представители крайне правых и реакционных группировок: Петен — военный министр, Пьетри — министр военно-морского флота, Тардье — министр без портфеля, министерство колоний возглавил П. Лаваль, общественных работ — П.-Э. Фланден. Пост министра иностранных дел также занял политический деятель правой ориентации Л. Барту, но он проявил себя с неожиданной стороны.

Правительство Думерга проводило реакционную внутреннюю политику. Сам премьер-министр выступил с проектом реформы конституции, который предусматривал ограничение прав трудящихся, лишение парламента права смещать правительства и решать финансовые и бюджетные вопросы. Органы правой печати призывали к борьбе с растущим рабочим и антифашистским движением. «Момент благоприятный для того, чтобы против единого революционного фронта создать единый фронт партий правого порядка» [39],— писал один из журналов этого направления. Кабинет Думерга, окрещенный буржуазной публицистикой правительством «национальной консолидации», был призван осуществить эти намерения.

Внутриполитическая обстановка в стране оставалась весьма

[39] «Revue de France», 1934, N 24, p. 733.

напряженной. Угроза установления реакционной диктатуры была реальной и исключительно опасной. Фашисты объединяли свои силы. В мае 1934 г. «Патриотическая молодежь» и «Французская солидарность» слились, образовав «Национальный фронт» с печатным органом «Друг народа».

Внутренние трудности и противоречия продолжали обостряться в немалой степени под воздействием событий международной жизни. Когда весной 1933 г. Муссолини выдвинул свой проект «пакта четырех» — Англии, Франции, Италии и Германии,— не только левые круги, но и крайне правые, националистические элементы во Франции встретили его резко враждебно. Коммунисты осуждали замысел «пакта четырех» как попытку создания империалистическими державами директивного органа, призванного диктовать свою волю всем другим государствам Европы. Они показывали, как легко подобная директория может превратиться в антисоветскую коалицию [40]. Правые выступали против предложения Муссолини с националистических позиций, видя в нем угрозу империалистическим интересам Франции. В тот момент в рядах французской буржуазии еще очень сильны были антигерманские настроения. Она не хотела возрождения своего опасного противника и конкурента, активно боролась против перевооружения Германии, за сохранение и расширение военного преобладания Франции. Правые газеты подчеркивали, что участие в предполагаемом пакте приведет к ослаблению союзных отношений Франции с малыми странами, если не к разрыву с ними.

И все же «пакт о согласии и сотрудничестве» четырех держав 15 июля 1933 г. был подписан в Риме. Однако из-за острых противоречий между Францией, с одной стороны, Германией и Италией — с другой, он так и не вступил в силу. Правящие круги Франции даже не решились внести его на рассмотрение в парламент [41]. Но хотя «пакт четырех» не был ратифицирован, сама эта попытка, носившая в конечном счете антисоветский характер, показала наличие в правящих кругах западных стран стремления к сговору с фашистскими государствами. Тенденция к соглашению с гитлеровцами сталкивалась с иной внешнеполитической ориентацией некоторых группировок французской буржуазии, уповавших на Лигу наций и считавших необходимым укрепить отношения с Англией. Представители этих группировок уже задумывались над проблемами дальнейшего сближения с Советским Союзом.

[40] «Débats parlementaires», 1933, t. I, partie II, p. 1940.

[41] Подробнее см.: *З. С. Белоусова.* «Пакт четырех» 1933 г.— «Новая и новейшая история», 1972, № 2.

Новый министр иностранных дел Франции Барту был реально мыслящим и дальновидным политиком. Он понимал, какую угрозу для Франции представляет возрождающийся немецкий милитаризм. Поэтому он категорически выступал против требований гитлеровской Германии полностью легализовать ее вооружение. Французское правительство доказывало необходимость международного контроля над гражданской авиацией Германии, а также над полувоенными фашистскими организациями типа «СС», «СА» «Стального шлема». На заседании совета министров 17 марта 1934 г. Барту говорил, что Франция «не может согласиться ни с одним проектом, усиливающим разоружение Франции и в то же время предоставляющим Германии немедленную и практически неограниченную легализацию перевооружения»[42].

Стремясь обеспечить французскую безопасность и упрочить положение Франции в Европе, ряд буржуазных политических деятелей, в первую очередь Эррио, Поль-Бонкур и Барту, старались укрепить ее союзнические связи. Однако влияние Франции в таких странах-союзницах, как Югославия, Румыния, Польша, с начала 30-х годов, особенно после прихода Гитлера к власти в Германии, ослабевало. Германский капитал активно проникал в Центральную и Юго-Восточную Европу, захватывая там серьезные экономические позиции. Усиливался и политический нажим фашистской Германии на страны указанного района. В военном отношении эти союзы были для Франции малоэффективными, а главное — ненадежными.

Франции не приходилось рассчитывать и на поддержку большинства ее союзников по первой мировой войне. В США в связи с торговой конкуренцией и раздорами по вопросу о долгах военного времени еще более упрочили свое положение сторонники изоляционизма. Английское правительство вернулось к тактике «равновесия сил» и нередко занимало прогерманскую позицию. Что касается фашистской Италии, то ее правительство само стремилось к внешней экспансии. Анализируя обстановку, французские дипломаты все более убеждались, что единственным надежным союзником Франции против германской угрозы является Советский Союз. Дальнейшее сближение с СССР могло помочь укреплению позиций Франции на международной арене.

Впервые о политическом союзе между двумя странами речь зашла в конце октября 1933 г. Во время беседы в Париже с М. М. Литвиновым тогдашний министр иностранных дел Франции Ж. Поль-Бонкур предложил подумать о контрмерах в связи с вооружением Германии и ее подготовкой к войне. При этом он

[42] *Э. Эррио.* Из прошлого, стр. 481.

упомянул о возможности заключения соглашения о взаимной помощи, которое бы дополнило договор 1932 г. о ненападении [43]. В последующих беседах с Поль-Бонкуром В. С. Довгалевский от имени Советского правительства выдвинул идею заключения коллективного пакта о взаимной помощи. Это предложение, продиктованное стремлением обеспечить всеобщую безопасность в Европе, послужило отправной точкой переговоров. В связи с бурными внутриполитическими событиями во Франции они были временно прерваны и возобновились весной 1934 г.[44]

Советский проект пакта о взаимной помощи с участием ряда европейских держав нашел активную поддержку у Барту. Он понимал, что лишь общие усилия нескольких стран могут предотвратить германскую агрессию. Вместе с тем Барту рассчитывал, что в организуемой системе коллективной безопасности Франция займет ведущее место.

Естественно, что правящие круги Франции проводили линию на сближение с СССР весьма осторожно, лишь в тех размерах, которые отвечали их собственным интересам и целям. Среди руководящих французских деятелей имелась также очень влиятельная группа, выступавшая против франко-советского сближения. Эти элементы были представлены в «Комите де форж», в кругах химической и угольной промышленности. Тенденцию к сговору с Германией активно поддерживал французский посол в Берлине Франсуа-Понсе.

К апрелю 1934 г. канцелярия французского министерства иностранных дел разработала конкретный план Восточноевропейского пакта о взаимной помощи [45]. В качестве участников имелись в виду СССР, Германия, Польша, Чехословакия и Прибалтийские страны. Одновременно предполагалось заключить пакт о взаимной помощи между СССР и Францией. Это было несколько видоизмененное советское предложение относительно регионального пакта.

Переговоры с предполагаемыми участниками Восточноевропейского пакта обнаружили отрицательное отношение Германии и Польши к проекту. Серьезное значение для судьбы соглашения имела позиция Англии. Ее активная поддержка плана затруднила бы дипломатическое маневрирование гитлеровцев. Но отношение английских правящих кругов к Восточному пакту было по существ-

[43] «Документы внешней политики СССР», т. 16. М., 1970, стр. 595; DDF, 1er série, t. IV. Paris, 1968, p. 666; t. V. Paris, 1970, p. 165—168.

[44] «Документы внешней политики СССР», т. 17. М., 1971, стр. 279—280, 295—298; DDF, 1er série, t. VI. Paris, 1972, p. 376—378, 496—502.

[45] «Документы внешней политики СССР», т. 17, стр. 309—314; DDF, 1re série, t. VI, p. 133—135.

Убийство Луи Барту. Марсель 9 октября 1934 г.

ву враждебным[46]. В сентябре 1934 г. Германия, а за ней и Польша фактически отклонили Восточный пакт о взаимной помощи. А месяц спустя в Марселе был злодейски убит убежденный сторонник Восточного пакта Барту.

Это событие серьезно сказалось на внешней политике Франции. В октябре 1934 г. министерство иностранных дел возглавил будущий коллаборационист П. Лаваль, казненный в 1945 г. Первое время он не решался открыто отказаться от внешнеполитической линии Барту. Проведения политики сотрудничества с Советским Союзом настойчиво требовала французская общественность. В авангарде борьбы за отпор фашистским провокациям, за укрепление мира выступали Французская коммунистическая партия, а также многие социалисты. Усилилась тенденция к сближению с СССР и в рядах партии радикалов и радикал-социалистов. На ее 31-м конгрессе в октябре 1934 г. П. Кот в докладе о внешней политике раскрыл значение и необходимость франко-советского сближения, показал, что оно является главным элементом французской безопасности и наиболее важным фактором ми-

[46] «Documents on German Foreign Policy 1918—1945», series C, vol. II. London, 1959, p. 170—171, 902; *Э. Эррио.* Из прошлого, стр. 536; *В. И. Попов.* Дипломатические отношения между СССР и Англией. М., 1965, стр. 158—161.

ровой политики[47]. И когда Советское правительство, стремясь продвинуть вопрос о Восточном пакте и пресечь происки против него, предложило Франции заключить специальное соглашение по данному вопросу, Лаваль вынужден был согласиться.

5 декабря 1934 г. в Женеве было подписано франко-советское соглашение, в котором обе стороны брали на себя обязательство не вступать в переговоры о заключении многосторонних или двусторонних соглашений с правительствами, приглашенными участвовать в пакте, особенно с теми из них, которые еще не высказали своего принципиального согласия присоединиться к пакту, а равно и не вступать в переговоры, могущие нанести ущерб подготовке и заключению Восточного пакта[48]. Однако Лаваль и его единомышленники не собирались претворять в жизнь положения этого соглашения.

ОТ ЕДИНОГО ФРОНТА К НАРОДНОМУ ФРОНТУ. РОЛЬ ФКП В СПЛОЧЕНИИ АНТИФАШИСТСКИХ СИЛ

Вскоре после образования кабинета Думерга, в марте 1934 г., палата предоставила правительству чрезвычайные полномочия в области бюджета. Думерг издал серию декретов, на основании которых (под предлогом экономии) было уволено 85 тыс. государственных служащих, сокращены оклады железнодорожникам и пенсии бывшим участникам войны. Проведенная реформа налоговой системы уменьшила обложение крупных доходов, но в то же время увеличила прямые и косвенные налоги, ложившиеся на мелких и средних собственников.

Чрезвычайные декреты были использованы предпринимателями для снижения заработной платы различных категорий рабочих. В разных уголках страны развернулось движение протеста. Первыми начали забастовки почтовые служащие телефонного центра Парижа и железнодорожники депо Ля Шапель. 20 апреля в Париже была проведена 40-тысячная демонстрация трудящихся, десятки тысяч человек участвовали в аналогичных выступлениях в провинции. 1 мая 1934 г. 30 тыс. демонстрантов мужественно защищались против полицейских провокаций во дворе Венсенского замка. Волна протеста нарастала.

Забастовки, демонстрации и митинги, организованные коммунистами, синдикатами, антифашистским комитетом «Амстердам —

[47] «31e Congrès du parti républicain radical et radical-socialiste tenu à Nantes les 25, 26, 27 et 28 octobre 1934». Paris, 1935, p. 121.

[48] «Внешняя политика СССР. Сб. документов», т. III. М., 1945, стр. 762

Плейель» и другими массовыми организациями, заставили правительство Думерга отказаться от сокращения окладов служащим и пенсий инвалидам войны, а также от некоторых других мероприятий. Движение против чрезвычайных декретов способствовало сплочению рядов рабочих и образованию широкого антифашистского фронта.

В апреле 1934 г., несмотря на запрещение постоянной административной комиссии СФИО, многочисленные секции социалистической партии департаментов Сены, Сены и Уазы приняли участие в подготовке антифашистского собрания, созванного 20 и 21 мая руководством движения «Амстердам — Плейель». Коммунистическая партия старалась закрепить единый рабочий фронт, стихийно возникший в февральские дни 1934 г., и весной вступила в переговоры с социалистической партией с целью заключения пакта о единстве действий. На 31-м конгрессе социалистической партии, проходившем в конце мая в Тулузе, почти треть делегатов (1309 против 2754) высказалась за «единство действий на революционной основе с коммунистами» [49].

Размах антифашистского движения, действия рабочих-социалистов, позиция некоторых социалистических федераций (к этому времени уже было достигнуто соглашение о единстве действий между социалистами федерации Сены, возглавляемыми Жиромским, и коммунистами Парижского района) вынудили руководство СФИО пойти на переговоры с компартией.

14 июля 1934 г. в помещении социалистической партии на улице Мальзерб в Париже состоялась встреча делегаций двух партий для обсуждения проекта «Пакта борьбы против фашизма», представленного компартией. Леон Блюм и особенно Леба возражали против ряда пунктов, которые, по их мнению, мешали принятию предложения коммунистов (организация стачечного движения против чрезвычайных декретов, формы единого фронта, роль комитета по координации действий двух партий и др.). Тем не менее Блюм признал, что в массах имеется «очень большое желание единства действий».

М Торез подчеркнул, что соглашения об общих действиях одинаково желают и рабочие-коммунисты и рабочие-социалисты. Ради достижения этой цели коммунистическая партия приняла ряд поправок, внесенных социалистами. На другой день Национальный совет СФИО подавляющим большинством голосов (3471 против 366 и 67 воздержавшихся) высказался за совместные действия с компартией в масштабе всей страны. 27 июля

[49] «Parti socialiste. XXXIe Congrès national. 20—23 mai 1934. Toulouse. Rapports». Paris. 1934, p. 17.

1934 г. «Пакт о единстве действий» был подписан[50]. Это была крупная победа французского рабочего класса.

Впервые после Турского съезда две рабочие партии — коммунистическая и социалистическая — договорились выступать совместно. Пакт от 27 июля 1934 г. был значительным шагом на пути к преодолению раскола рабочих рядов. Он определил общие цели двух партий — борьба за роспуск и разоружение фашистских лиг, защита демократических свобод, борьба против чрезвычайных декретов, подготовки войны, фашистского террора в Германии и Австрии — и определил средства борьбы — совместные митинги и демонстрации. Предусматривалась также организация комитета по координации действий. Центральным пунктом соглашения было требование борьбы против фашизма и крупной буржуазии. 29 июля 1934 г.— впервые после 1920 г.— коммунисты и социалисты организовали общую демонстрацию, это была демонстрация в память Жореса, убитого за 20 лет до того.

Пакт о единстве действий «усилил тягу масс к профсоюзному единству, он дал возможность привлечь средние слои»,— писал М. Торез[51]. Активные совместные действия рабочих против антинародной империалистической политики правящих кругов облегчили подход к решению этой задачи. Чтобы противостоять реакции, помешать приходу фашизма, нужно было обеспечить союз рабочего класса с мелкой буржуазией, а этого нельзя было достичь без участия самой многочисленной партии средней и мелкой буржуазии — партии радикалов. Летом 1934 г. в связи с предстоявшими кантональными выборами ФКП обратилась к руководству этой партии с предложением выступить во втором туре совместно с коммунистами и социалистами. Предложение было повторено 10 октября 1934 г. на митинге в Париже М. Торезом, призвавшим к организации «Народного фронта борьбы за хлеб, за свободу и мир»[52]. 24 октября, выступая на митинге в Нанте, М. Торез вновь выдвинул лозунг Народного фронта. Большое значение для сплочения народных масс имело обращение ФКП к католикам (политика «протянутой руки»), которое значительно расширило массовую базу антифашистского движения.

Идея Народного фронта как развитие ленинских идей о возможности объединения масс вокруг рабочего класса на основе демократической платформы была новой в практике международного коммунистического движения. Призыв ФКП к единству всех демократов, к союзу рабочего класса со средними слоями означал рождение новой стратегии коммунистов.

[50] Текст см.: «Cahiers du bolchévisme», 1935, août, N 15—16.

[51] *М. Торез.* Единый и Народный фронт во Франции. М., 1937, стр. 50.

[52] *М. Торез.* Сын народа. М., 1960, стр. 86.

Жак Дюкло

Однако в то время руководство партии радикалов еще не поддержало идею Народного фронта, не подхватило предложения об объединении антифашистских сил. Идея участия радикалов в общих действиях с коммунистами и социалистами не нравилась и некоторым деятелям социалистической партии, стремившимся сохранить посредническую роль между радикалами и коммунистами [53], отмечал избранный в 1931 г. членом Политбюро и секретарем ЦК ФКП Жак Дюкло.

В рядах самих радикалов происходила острая борьба. Выступления делегатов чрезвычайного конгресса партии, созванного в мае 1934 г. в Клермон-Ферране для обсуждения положения, свидетельствовали о серьезных расхождениях. Раздавались голоса, требовавшие ухода радикалов из правительства Думерга. Лидеры партии, однако, отстаивали политику этого правительства. Эррио ссылался на решение, которым ему поручалось «оказать помощь Думергу в деле народного процветания» [54]. Эррио утверждал, что

[53] *J. Duclos*. Témoignage sur les origines et la victoire du Front populaire.— «Cahiers de l'Institut Maurice Thorez», 1966, N 2, p. 14.

[54] «Congrès extraordinaire du parti républicain radical et radical-socialiste tenu à Clermont-Ferrand les 11, 12, 13 mai 1934», p. 167—170.

«8 и 9 февраля ничего нельзя было сделать. Нельзя было образовать левое правительство, так как не было базы». А Даладье заявил, что «все было сделано, чтобы помешать восстанию... 6 февраля мы спасли республику» [55].

Рядовые члены партии и ее левое крыло все чаще высказывались против политики руководства. В партии резче обозначались грани между правым и левым крылом. Внутренние противоречия в рядах радикалов отражали растущее недовольство крестьян, мелкой и средней буржуазии правительственным курсом. Под влиянием движения народных масс ряд важных решений принял 31-й конгресс, проходивший в конце октября 1934 г. в Нанте. В частности, конгресс выступил против предоставления правительству права роспуска палаты депутатов, высказался за разоружение и роспуск фашистских лиг [56]. Однако предложение коммунистов о присоединении к Народному фронту было и на этот раз отклонено. Лишь спустя несколько месяцев благодаря широкому размаху движения и упорной борьбе компартии за сплочение всех антифашистских сил руководство партии радикалов вынуждено было согласиться на вступление в Народный фронт.

Буквально неделю спустя после закрытия 31-го конгресса радикалов Думерг вновь поставил вопрос о государственной реформе, добиваясь предоставления президенту или премьер-министру права роспуска парламента. Радикалы во главе с Эррио отказались поддержать этот проект. Они упрашивали Думерга отказаться от некоторых пунктов его программы, желая сохранить правительство «национальной консолидации». Но Думерг настаивал на своем. Тогда министры-радикалы подали в отставку, что повлекло за собой отставку всего кабинета.

Причиной падения правительства Думерга была его реакционная политика. Трудящиеся массы, разоренные кризисом, страдавшие от дороговизны и налогов, на собраниях и митингах настойчиво требовали ухода Думерга и его кабинета, надеясь на изменение политики.

Новое правительство возглавил лидер правобуржуазной партии «Демократический альянс» Фланден. Кроме правых (Марена, Лаваля, Пьетри и др.) министерские посты заняли и радикалы, в том числе Эррио. Кабинет Фландена по существу продолжал прежний политический курс. Премьер-министр заявил, что он отказывается «не от реорганизации государства, а от методов Думерга» [57]. Была издана серия экономических декретов, тяжесть ко-

[55] «Congrès extraordinaire du parti républicain radical et radical-socialiste...», p. 197, 203.

[56] «31e Congrès du parti républicain radical et radical-socialiste...», p. 243, 384.

[57] См. *Э. Эррио.* Из прошлого, стр. 579.

торых легла на плечи трудящихся, приняты законы об ограничении прав палаты при обсуждении бюджета, а также прав депутатов вносить поправки и дополнения к декретам.

Правительство Фландена — Лаваля покровительствовало фашистским лигам, предоставляло им помещения для собраний, разрешало их митинги и демонстрации. 6 февраля 1935 г., в годовщину фашистского путча, в Нотр-Дам состоялась панихида, посвященная памяти павших мятежников, на которой присутствовал и председатель совета министров Фланден.

Реакционная внутренняя политика сопровождалась попустительством фашистским державам на международной арене. Едва успев подписать Женевский протокол от 5 декабря 1934 г., министр иностранных дел Лаваль начал действовать в прямо противоположном направлении. В начале января 1935 г. он отправился в Рим. В ходе франко-итальянских переговоров Лаваль, как он сам рассказывал советскому полпреду, ««принципиально» договорился с Муссолини... на определенных условиях признать германские довооружения» [58]. Соглашением с Италией правительство рассчитывало помешать итало-германскому сближению. Но главный итог соглашения Муссолини — Лаваль заключался в том, что оно открыло дорогу агрессии фашистской Италии в Эфиопии [59].

Совещание английских и французских руководителей, состоявшееся спустя месяц в Лондоне, показало, что Франция все дальше отходит от курса на создание системы коллективной безопасности, в которой первостепенная роль отводилась Восточному пакту. Официальное англо-французское коммюнике открыто выдвигало задачу установления «непосредственного и эффективного сотрудничества с Германией». В телеграмме полпреду СССР в Париже от 4 февраля 1935 г. НКИД указывал, что это коммюнике «дает основание для пессимистических выводов относительно заинтересованности Франции и Англии в Восточном пакте» [60].

Во время переговоров в Лондоне руководители французской политики согласились вновь рассмотреть ту часть Версальского договора, которая касалась ограничения германских вооружений, участвовать вместе с Англией, Италией и Бельгией в воздушной конвенции с Германией. В коммюнике имелось упоминание о Восточном пакте, включенное по инициативе французских министров; они были вынуждены сделать это, чтобы не разобла-

[58] См. «Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1936 гг.».— «Международная жизнь», 1963, № 7, стр. 158.

[59] *P. Renouvin.* Histoire des relations internationales, t. VIII. Les crises du XX siècle. II. De 1929 à 1945. Paris, 1958, p. 79; *P. Reynaud.* Au coeur de la Mêlée. Paris, 1951, p. 103; *R. Albrecht-Carrié.* France. Europe and the Two World Wars. Geneve, 1960, p. 268, и др.

[60] Архив внешней политики СССР, ф. 059, 1935, п. 243, д. 2414, л. 58.

чить себя в глазах общественности, настойчиво требовавшей создания системы коллективной безопасности. Только что подписанное франко-советское соглашение от 5 декабря 1934 г. также заставляло, хотя бы на словах, выступить за Восточный пакт. Однако упоминание о нем было «лишь внешней данью лояльности Лаваля»,— как отмечал в письме в Москву советский полпред В. П. Потемкин [61], занявший этот пост после смерти В. С. Довгалевского в конце 1934 г.

Лондонские переговоры открыли двери для сговора с Германией относительно ее требований и облегчили ей легализацию своих вооружений. Через полтора месяца, 16 марта 1935 г., Гитлер объявил о введении всеобщей воинской повинности. «Закон о восстановлении вооруженных сил» устранял последние формальные препятствия на пути к неограниченной ремилитаризации гитлеровской Германии.

Односторонний разрыв Германией Версальского договора не встретил отпора со стороны правящих кругов Франции, Англии, и США. Поручая французскому послу в Берлине заявить протест, Лаваль одновременно просил «оставить открытыми двери для дальнейших переговоров» [62].

Французское правительство направило официальную жалобу в Совет Лиги наций, но вместе с тем договорилось обсудить вопрос на совещании с представителями Англии и Италии. Эта конференция открылась 11 апреля 1935 г. в итальянском городке Стреза. Ее участники вместо того, чтобы выработать программу, которая заставила бы агрессора отступить и отказаться от своих планов, лишь выразили «сожаление» по поводу нарушения Версальского договора и рекомендовали Совету Лиги наций также ограничиться резолюцией «морального порицания» Германии, не применяя к ней санкций. Стреза подтвердила, что точка зрения французского правительства в вопросе о Восточном пакте существенно изменилась.

В начале апреля 1935 г. в Париже, Монтре, Иври проходили многотысячные митинги, участники которых требовали скорейшего заключения договора о взаимной помощи с СССР. 19 апреля в парижском зале «Бюллье» состоялся митинг, организованный комитетом движения «Амстердам — Плейель»; присутствовавшие горячо приветствовали франко-советское сотрудничество и высказывались за подписание пакта о взаимной помощи [63].

[61] Архив внешней политики СССР, ф. 059, 1935, п. 88, д. 3, л. 171.

[62] *А. Furnia.* The Diplomacy of Appeasement: Anglo-French Relations and the Prelude to World War II. 1931—1938. Washington, 1960, p. 143.

[63] «L'Humanité», 14, 15, 20.IV 1935.

Твердая и решительная политика Советского Союза в деле организации коллективной безопасности в Европе в сочетании с требованиями французской общественности заставила правительство Фландена — Лаваля пойти на заключение франко-советского договора. Но на пути к нему необходимо было еще преодолеть немалые трудности[64]. Французская дипломатия стремилась свести будущий договор к пустой формальности. В противовес этому Советский Союз старался придать договору действительно эффективный характер. 18 апреля 1935 г. М. М. Литвинов писал из Женевы: «Вчера закончил согласование с Лавалем пакта. Он был туг на уступки... Всем своим поведением и разговором он подчеркнул свое полное равнодушие к пакту, которое стало у него еще заметнее после Стрезы, укрепившей солидарность Франции как с Англией, так и с Италией... Сделав некоторые уступки, он отказался парафировать их до утверждения правительством. Существенная уступка состоит в том, что помощь становится обязательной и в случае отсутствия единогласия при решении Совета Лиги. ...Отвергнута немедленная помощь до решения Совета... Не согласен Лаваль ни на какие гарантии в отношении Прибалтики. Взаимная помощь ограничивается только случаями нападения Германии на СССР и Францию»[65]. Правящие круги Франции не хотели тесного союза с СССР. Незадолго до подписания пакта Лаваль цинично заявил: «Я подписываю пакт для того, чтобы иметь больше преимуществ, когда я буду договариваться с Берлином»[66].

Франко-советский пакт о взаимной помощи был подписан 2 мая 1935 г. в Париже Лавалем и В. П. Потемкиным. Заключенный для взаимной защиты от возрастающей угрозы войны со стороны германского фашизма, он был горячо встречен демократическими кругами Франции и мировой общественности. Они видели в нем инструмент, могущий сдержать германскую агрессию, помешать развязыванию войны. Однако правящие классы не разделяли этих настроений. Они рассматривали договор с СССР лишь как козырную карту в крупной политической игре с Германией.

Этой цели было подчинено решение Лаваля, возглавившего в июне 1935 г. правительство, поставить франко-советский пакт на ратификацию Национального собрания. Решение было мотивирова-

[64] Подробнее см.: *А. З. Манфред.* К истории советско-французского договора о взаимной помощи 1935 г.— «Французский ежегодник. 1961». М., 1962; *З. С. Белоусова.* Из истории франко-советского договора 1935 г.— «Вопросы истории», 1962, № 6; *Е. С. Белоголовский.* Из истории подготовки советско-французского пакта о взаимной помощи.— «Французский ежегодник. 1963». М., 1964.

[65] «Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 гг.».— «Международная жизнь», 1963, № 10, стр. 155

[66] *Ж. Табуи.* Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960, стр. 289.

но стремлением придать одобрению пакта торжественный характер. На деле же оттяжка вступления договора в силу была призвана дать французским реакционерам время для поисков наиболее благоприятных условий сговора с гитлеровцами. Ничем иным нельзя было объяснить и нежелание французских правящих кругов заключить военную конвенцию с Советским Союзом, что СССР настойчиво предлагал на протяжении 1935—1937 гг.[67] Отказ от фиксирования точных военных обязательств сторон на случай агрессии лишал договор должной эффективности.

Несмотря на оттяжку ратификации и на имевшиеся в договоре слабые стороны, сам факт, что Франция и Советский Союз отныне были связаны обязательствами о взаимной помощи, имел большое положительное значение. Заключение договора было успехом прогрессивных демократических сил Франции, чье давление и активная борьба сыграли в этом деле немаловажную роль. Советско-французское сотрудничество отвечало национальным интересам Франции, оно могло сдержать агрессивные аппетиты германских милитаристов, которые больше всего боялись войны на два фронта, а также послужить гарантией безопасности малых европейских государств, соседей Германии. Укрепление отношений с Советским Союзом позволяло Франции проводить самостоятельную политику, не зависимую от позиции Англии. В то время рабочий класс и его союзники по Народному фронту проявили понимание не только своих насущных интересов, но и общеполитических проблем.

С весны 1935 г. по всей стране развернулось мощное движение в защиту демократических свобод. Возрастал авторитет коммунистической партии. Свидетельством этого явились муниципальные выборы в мае 1935 г. Восемь коммунистов были избраны в Парижский муниципалитет (до выборов ФКП имела лишь одно место). В департаменте Сены коммунисты возглавили 27 муниципалитетов (вместо 9); они были избраны в 26 муниципалитетов департаментов Нор и Па-де-Кале. Больших успехов добились и другие левые партии. Итоги этих выборов наглядно показали, что объединенные действия демократических сил гарантируют победу в борьбе с фашизмом и реакцией. Избирательная тактика коммунистической партии, призывавшей поддерживать кандидатов партии радикалов и других левобуржуазных группировок, получивших большинство в первом туре голосования, полностью оправ-

[67] См. запись Л. Блюма о переговорах с В. П. Потемкиным 17 февраля 1937 г. (DDF, 2ème série, t. IV. Paris, 1967, p. 787—788); секретную записку генштаба сухопутных войск, май 1937 г. (ibid., t. V. Paris, 1968, p. 825—828); докладную записку генштаба от 9 июня 1937 г. (ibid., t. VI, Paris, 1970, N 35).

дала себя. Как подчеркивал ЦК ФКП, начиная с майских выборов 1935 г. «Народный фронт стал реальностью» [68].

Коммунистическая партия настойчиво боролась за создание правительства из представителей левых партий. Но серьезные разногласия между последними, взаимное недоверие, страх некоторых из них перед коммунизмом помешали в то время созданию такого правительства. Между тем правящие круги вновь настойчиво добивались от парламента чрезвычайных полномочий. Фландену, в ноябре 1934 г. сменившему Думерга на посту премьер-министра, а затем Ф. Буиссону это не удалось. Тогда в начале июня 1935 г. был создан новый кабинет Лаваля, который сохранил за собой и портфель министра иностранных дел. В первый же день он потребовал от палаты чрезвычайных полномочий до конца 1935 г. Коммунисты выступили против этого. Однако голосование принесло кабинету Лаваля большинство в 324 голоса против 160 [69]. Уже в июле правительство обнародовало новую серию чрезвычайных декретов, предусматривавших сокращение пенсий инвалидам войны и вдовам погибших, повышение налогов и другие меры аналогичного характера.

В этих условиях в рабочем классе все более усиливалась тяга к профсоюзному единству, жизненно необходимому для организации решительного отпора наступлению монополий и правительства. Наличие двух профсоюзных центров — Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) и Унитарной всеобщей конфедерации труда (УВКТ) — серьезно затрудняло борьбу. Уже во второй половине 1934 г. значительно окрепло единение рабочих, принадлежавших к различным профцентрам; оно особенно наглядно проявлялось во время стачек (например, текстильщиков Лилля, металлистов Севера). В конце года образовался первый объединенный профсоюз — его создали железнодорожники Лиона. К лету 1935 г., несмотря на противодействие руководителей ВКТ, таких союзов было уже более 700; они объединяли около 120 тыс. человек [70]. 6 июня 1935 г. УВКТ опубликовала программу единых действий масс и декларацию о профсоюзном единстве. Ее одобрил пленум ЦК ФКП; съезд СФИО, происходивший в июне 1935 г. в Мюлузе, принял решение об ускорении объединения профсоюзных центров.

Единство действий рабочего класса и профсоюзное единство создавали хорошую основу для Народного фронта. Его органи-

[68] «Rapport au Comité central 1 juin 1935».— *M. Thorez.* Oeuvres, t. IX, p. 39.

[69] «Débats parlementaires», 1935, t. II, p. 1818.

[70] «Очерки рабочего движения во Франции», стр. 138; *A. Krasucki.* Les problèmes de l'unité syndicale.— «Cahiers de l'Institut Maurice Thorez», 1966, N 3-4, p. 53.

зационному оформлению решающим образом способствовал призыв движения «Амстердам — Плейель» провести 14 июля — в годовщину взятия Бастилии — мощную республиканскую демонстрацию. Откликнулись многочисленные организации [71]. Был создан комитет для организации празднования 14 июля (Комитет Народного фронта) во главе с Виктором Башем, президентом Лиги прав человека.

Неутомимая деятельность коммунистической партии и тяга низов к единству оказали решающее влияние на руководство социалистической партии. Мюлузский конгресс СФИО, выражая настроения трудящихся-социалистов, высказался за Народный фронт, за проведение совместной демонстрации. 3 июля исполнительный комитет партии радикалов единодушно решил присоединиться к ФКП и СФИО, чтобы превратить 14 июля в день антифашистской борьбы. Главными причинами, побудившими радикал-социалистов вступить в блок с рабочими партиями, были угроза со стороны гитлеровской Германии и фашистская опасность в самой Франции.

Мощная антифашистская манифестация 14 июля 1935 г. в Париже явилась крупнейшим событием политической жизни. То была подлинно народная демонстрация, объединившая людей самых различных политических и религиозных убеждений. Она проходила под лозунгом: «Да здравствует Народный фронт! Долой фашизм! Долой войну! За демократические свободы и разрушение всех Бастилий!» Эта демонстрация заложила основы Народного фронта. Многолюдные манифестации проходили 14 июля и в Марселе, Тулузе, Сен-Назере, Нанте, Тулоне, Ниме и других городах. По всей Франции создавались комитеты Народного фронта [72].

В Национальный комитет Народного фронта вошли представители ФКП, СФИО, партии радикалов, движения «Амстердам — Плейель», Лиги прав человека и других демократических организаций. Коммунисты пытались консолидировать достигнутое единство путем создания низовых комитетов Народного фронта; однако это предложение было встречено враждебно руководителями СФИО, боявшимися, что коммунисты благодаря этому установят непосредственную связь с рядовыми социалистами. Поэтому Народный фронт в немалой степени оставался соглашением верхов. Компартия стремилась укрепить его, добиваясь осуществления

[71] *L. Bodin, J. Touchard*. Front populaire 1936. Paris, 1966; *C. Lefranc*. Histoire du Front populaire; *G. Dupeux*. Le Front populaire et les élections de 1936. Paris. 1959; *idem*. Le Front populaire.— «Le Monde», 27, 28.IV 1966, и др.

[72] См. *Е. А. Кравченко*. Народный фронт во Франции. 1934—1938. М., 1972, стр. 106—108.

общей программы всеми входящими в Народный фронт политическими партиями и организациями. Опыт ФКП по созданию Народного фронта сыграл большую роль в выработке Коммунистическим Интернационалом новой стратегии и тактики в борьбе против наступления фашизма. На VII конгрессе Коминтерна, состоявшемся в июле — августе 1935 г., руководители французских коммунистов М. Торез, М. Кашен и др. рассказали о достигнутом, о существе курса партии, обеспечившего сплочение демократических сил.

Очередной, 32-й конгресс партии радикалов, проходивший в Париже 24—27 октября 1935 г., считаясь с требованиями своих избирателей, единодушно высказался за выработку общей программы действий всех левых партий и официально закрепил вхождение партии радикалов в Народный фронт. В декларации партии отмечалось, что ее программа может быть не выполнена, если партия останется изолированной. Поэтому ставился вопрос об ее отношениях с другими левыми партиями. «Этот союз, возможный в настоящее время, является главной гарантией республиканского порядка. Если мы его хотим, фашизм не пройдет»,— говорилось в этом документе [73].

Комитет Народного фронта и демократические силы требовали от правительства Лаваля запретить фашистские организации. Летом и осенью 1935 г. участились вылазки фашистов, кое-где походившие на репетицию гражданской войны. В первых числах августа 1935 г. фашистские молодчики устроили кровавые провокации в Бресте и Тулоне, в результате которых несколько рабочих были убиты и многие ранены. Партии Народного фронта требовали обсудить в парламенте вопрос о деятельности фашистских лиг. В руки комиссии по расследованию, созданной после февральских событий 1934 г., попал ряд важных документов «Огненных крестов», свидетельствовавших о подготовке государственного переворота. Осенью 1935 г. действия фашистов стали угрожать самому существованию республиканского режима. Но правительство Лаваля не реагировало на все это.

Сессия палаты депутатов открылась после летних каникул лишь 28 ноября. Председатель палаты Буиссон зачитал длинный список запросов правительству, большинство которых касалось деятельности фашистских организаций.

3 декабря 1935 г. началось обсуждение этого вопроса. Депутат-коммунист Артюр Раметт, выступивший в прениях первым, привел многочисленные секретные документы «Огненных крестов», инструкции де ля Рока за период с января 1934 г. по ноябрь

[73] «32e Congrès du parti républicain radical et radical-socialiste tenu à Paris les 24, 25, 26 et 27 octobre 1935», p. 425, 483.

1935 г., в которых он призывал своих единомышленников быть готовыми к захвату власти. Раметт требовал запрещения фашистских организаций. Разоблачению деятельности фашистских лиг, их военного характера было посвящено также выступление радикала Герню. 23 декабря радикал Лисбон от имени законодательной комиссии представил доклад, который явился настоящим обвинением против фашистских лиг и был одобрен большинством депутатов. На следующий день сенат 207 голосами против 84 принял законопроект, запрещавший деятельность военизированных отрядов фашистских лиг, 28 декабря законопроект был принят палатой депутатов 417 голосами против 104 [74].

Запрещение военизированных организаций было первым успехом Народного фронта. Его обеспечили внепарламентские действия масс, их решительная борьба с фашизмом. Однако этот закон не предусматривал роспуска фашистских партий, которые продолжали действовать, сменив старые вывески на новые.

НАРАСТАНИЕ УГРОЗЫ ВОЙНЫ

На декабрьской сессии парламента острые прения развернулись и по внешней политике правительства. Нападение Италии на Эфиопию (октябрь 1935 г.) поставило перед всеми государствами вопрос об их верности принципам коллективной безопасности и пакту Лиги наций. 7 октября 1935 г. Совет Лиги наций признал Италию агрессором и заявил о необходимости применить к ней финансовые и экономические санкции. Однако правительство Лаваля не спешило выполнять это решение. Несколько недель спустя Лаваль заявил германскому послу в Париже, что он сделает все, что в его власти, чтобы «применить санкции минимально» [75].

Позиция французского правительства вызвала решительный протест народных масс Франции и подверглась резкой критике со стороны партий Народного фронта. 11 октября в Сент-Этьенне состоялся 10-тысячный митинг Народного фронта; была принята резолюция протеста против итальянской агрессии. 12 октября в Париже на митинге в зале «Мютюалите» трудящиеся требовали прекратить войну в Эфиопии. Настойчивую и решительную борьбу за прекращение огня в Африке, за применение экономических и финансовых санкций к агрессору вели коммунистическая партия, а также левое крыло социалистической партии. Осуждение итальянской агрессии прозвучало и на конгрессе партии радикалов в октябре 1935 г.

[74] «Débats parlementaires», 1935, tome unique, p. 2869.

[75] «Documents on German Foreign Policy. 1918—1945». Series C, vol. IV. Washington, 1962, p. 820.

Марсель Кашен выступает на VII конгрессе Коммунистического Интернационала

Жизненные интересы Франции требовали помешать тому, чтобы итало-эфиопский конфликт привел к провалу политики коллективной безопасности. Призывы к последовательному проведению этой политики раздавались с различных скамей палаты. Особенное возмущение французской общественности вызвало соглашение Лаваля с английским министром иностранных дел С. Хором насчет «урегулирования» итало-эфиопского конфликта. По свидетельству А. Идена, это соглашение было достигнуто после консультации с Муссолини [76].

Правые партии и их пресса упорно противились применению нефтяных санкций к агрессору, запугивая рядового француза угрозой войны. Не переставал шантажировать войной и Муссолини, которому была известна соглашательская политика французских

[76] *Earl of Avon*. The Eden Memoirs. Facing the Dictators. London, 1962; *А. Иден*. Мы превратили Муссолини в значительную силу.— «Международная жизнь», 1963, № 2, стр. 108.

правящих кругов. Реакционеры вели шумную кампанию и за франко-германское сближение на антисоветской основе. 22 октября 1935 г. французский посол в Москве Ш. Альфан признал, что «в Париже замечается некоторый регресс в смысле отношения политических кругов к франко-советскому сотрудничеству». А неделю спустя Эррио сообщил советскому полпреду, что Лаваль стремится ускорить франко-германское сближение. Эррио не сомневался, что Лаваль ведет неофициальные переговоры с немцами[77].

Рабочий класс и его союзники по Народному фронту проявили понимание не только своих насущных интересов во внутриполитическом плане, но и значения международных событий. Профашистские интриги деятелей типа Лаваля наталкивались на решительный отпор трудящихся. Французский народ требовал от правительства борьбы против фашистских лиг, укрепления коллективной безопасности, дружбы и сотрудничества с Советским Союзом.

Главным вопросом декабрьской сессии парламента была проблема безопасности Франции. Направление и методы внешней политики страны стали предметом острой политической борьбы. Многочисленные запросы вызвала встреча французского посла в Берлине Франсуа-Понсе с Гитлером 21 ноября. Это объяснялось тем, что односторонние переговоры с гитлеровской Германией противоречили франко-советскому протоколу от 5 декабря 1934 г. При голосовании правительство получило большинство всего в 20 голосов. Дни кабинета Лаваля были сочтены. В январе 1936 г., после отставки министров-радикалов, Лаваль вручил президенту республики отставку всего кабинета.

Причиной падения правительства была его политика попустительства агрессии и отход от системы коллективной безопасности. По существу правительство опрокинула мощная волна народного недовольства, совместные действия демократических сил, объединенных в Народном фронте.

Одним из наиболее важных и назревших внешнеполитических вопросов, стоявших перед новым правительством, которое возглавил радикал А. Сарро, была ратификация франко-советского пакта. Дискуссия во французском парламенте по этому законопроекту началась 11 февраля 1936 г. Атака, которую крайне правые вели на франко-советский пакт в палате и в печати, в немалой степени объяснялась соображениями внутренней политики. Борьба с левыми, с Народным фронтом почти автоматически означала борьбу и против сотрудничества с СССР. Газета радикалов «Эвр» писала: «Для нас речь шла о том, останется ли Франция верной

[77] См. «Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 гг.» — «Международная жизнь», 1963, № 10, стр. 159.

идеалу коллективной безопасности, сумеет ли она выковать новое звено этой безопасности... Для других, к сожалению, речь шла о том, будет ли Франция на ближайших выборах голосовать за Народный фронт или же она будет голосовать «по-итальянски» и «по-немецки»»[78].

Противники коллективной безопасности и франко-советского пакта аргументировали свою позицию неуплатой Советской Россией царских долгов, отсутствием общих границ у Германии и СССР, пресловутой «коминтерновской пропагандой» и т. д. Несостоятельность этих доводов вскрыли в своих выступлениях представители партий Народного фронта и даже некоторые правые депутаты.

Коммунист Габриэль Пери напомнил, что отказ Германии и Польши от участия во всеобщем пакте взаимопомощи привел к переговорам о заключении тройственного договора Франции, СССР, Германии и только сопротивление последней придало пакту форму двустороннего соглашения, впрочем открытого для присоединения других держав[79]. Эррио в своей речи призвал депутатов исключить из дискуссии заботы о внутренней политике, распри различных партий и лиц. Он сказал, что франко-советское оборонительное соглашение является важным элементом мира и безопасности[80].

Группа промышленников — совладельцев французских предприятий, экспроприированных в России, в январе 1936 г. писала главе правительства: «Наша группа, имеющая к советскому правительству претензии более чем на миллиард франков золотом, считает своим долгом сказать, что ставка на применение этого (франко-советского.— *Ред.*) соглашения позволит в настоящий момент возместить все понесенные убытки. Это соглашение облегчит французской промышленности экспорт ее продукции в Россию; несмотря на критику, впрочем мало обоснованную, это соглашение отвечает истинным национальным интересам»[81]. Этот документ, зачитанный в палате Эррио, разбивал доводы многих противников пакта, подтверждал, что договор выгоден для Франции и с экономической точки зрения.

Возражения против пакта на деле диктовались антикоммунизмом, боязнью укрепления Народного фронта. После горячей двухнедельной дискуссии палата депутатов 27 февраля большинством в 353 голоса против 164 одобрила франко-советский пакт. Ее

[78] Цит. по: «Правда», 28.II 1936.
[79] «Débats parlementaires», 1936, t. I. Paris, 1936, p. 464.
[80] Ibid., p. 498.
[81] Ibid., p. 495.

решение опиралось на поддержку широких кругов. Политика коммунистической партии, направленная на объединение всех демократических сил в Народный фронт борьбы с фашизмом и войной, принесла свои первые плоды. Предстояла еще ратификация пакта сенатом. Но прежде чем там началась дискуссия, произошло событие, вошедшее в историю как серьезная капитуляция Франции перед германским милитаризмом.

7 марта 1936 г., нарушив Версальский и Локарнский договоры, немецкие войска перешли Рейн и заняли демилитаризованную зону. В качестве предлога они избрали ратификацию французской палатой франко-советского пакта о взаимопомощи. Предлог этот не только не имел юридических оснований, но и был начисто лжив, ибо план оккупации Рейнской зоны был разработан германским генштабом задолго до того; он был утвержден как раз в день подписания франко-советского пакта — 2 мая 1935 г.[82]

Гитлер избрал указанный предлог «только потому,— писал французский буржуазный публицист Владимир Д'Ормессон,— что он нашел в нашей чисто внутренней полемике аргументы, которые ему нужны. Он знал, что может разделить французов и ослабить Францию»[83]. Затяжка ратификации франко-советского пакта, превращение его в объект политической борьбы, яростные нападки правых на Советский Союз, деятельность фашистских групп ободряли и вдохновляли гитлеровцев.

События 7 марта 1936 г. не были неожиданными ни для французского правительства, ни для его генерального штаба. Это подтверждают многочисленные документы[84], свидетельские показания и мемуары бывших государственных и политических деятелей Франции. Юридически Франция имела все основания ответить на силу силой. Для этого даже не требовалось решения Совета Лиги наций. Сосредоточения вооруженных сил Германии в Рейнской зоне было достаточно, чтобы начать немедленные военные действия против нарушителя. Несмотря на то что у Франции были возможности оказать германскому милитаризму сопротивление и заставить Гитлера уважать международные договоры, правящие круги заняли иную позицию; это в конечном счете привело к легализации вторжения германских войск в Рейнскую демилитаризованную зону[85]. Бездействие имело для Франции

[82] См. «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов», т. II. М., 1957, стр. 62.

[83] Цит. по: «Les Evénements survenus en France de 1933 à 1945. Rapport de M. Ch. Serre, député au nom de la Commission d'Enquête parlementaire», t. I, p. 29.

[84] DDF, 2ème série, t. I. Paris, 1963.

[85] Подробнее см.: *З. С. Белоусова*. Французская дипломатия накануне Мюнхена. М., 1964, стр. 144—168.

LE PROGRAMME DU FRONT POPULAIRE

Revendications politiques

I. — Défense de la liberté

Désarmement et dissolution effective des formations paramilitaires, conformément à la loi.

Mise en vigueur des dispositions légales en cas de provocation au meurtre ou d'attentat à la sûreté de l'État.

Abrogation des lois scélérates et des lois restreignant la liberté d'opinion.

II. — Défense de la paix

Collaboration internationale, dans le cadre de la Société des Nations, pour la sécurité collective par la définition de l'agresseur et l'application automatique et solidaire des sanctions en cas d'agression.

... réduction générale, simultanée et contrôlée des armements.

Nationalisation des industries de guerre et suppression du commerce privé des armes.

... les États qui s'en sont écartés, sans porter atteinte aux principes constitutifs de la Société des Nations : sécurité collective et paix indivisible.

Assouplissement de la procédure prévue par le pacte de la Société des Nations pour l'ajustement pacifique des traités dangereux pour la paix du monde.

Extension ... du système des pactes ouverts à tous ...

Revendications économiques

I. — Restauration de la capacité d'achat supprimée ou réduite par la crise

... fonds national de chômage.

Réduction de la semaine de travail sans réduction du salaire hebdomadaire.

... plan de grands travaux ...

Revalorisation des produits de la terre, ... lutte contre la spéculation et la vie chère ...

... office national interprofessionnel des céréales.

Soutien aux coopératives agricoles ...

... développement du crédit agricole, réduction des baux à terme.

Suspension des saisies et aménagement des dettes.

II. — Contre le pillage de l'épargne, pour une meilleure organisation du crédit

Réglementation de la profession de banquier.

Réglementation du bilan des banques et des sociétés anonymes.

Réglementation nouvelle des pouvoirs des administrateurs des sociétés anonymes.

Suppression du conseil des régents.

Élargissement des pouvoirs du gouverneur sous le contrôle permanent d'un conseil ...

Transformation du capital en actions ...

III. — Assainissement financier

Révision des marchés de guerre ...

Réforme démocratique du système des impôts ...

... mesures atteignant les grosses fortunes ...

ADHÉREZ A RADIO-LIBERTÉ

LA RADIO

L'article de ...

Программа Народного фронта, «Юманите» 12 января 1936 г.

тяжелые стратегические и политические последствия. Заняв позиции на французской границе, германская армия ускоренными темпами возводила «линию Зигфрида». Создавалась непосредственная и реальная угроза для безопасности Франции.

Политика французских «умиротворителей» серьезно подорвала доверие к Франции в мире. Правящие круги малых европейских стран увидели, что не могут рассчитывать на помощь Франции, так как она не отстаивает даже свои собственные интересы. Встав на путь попустительства и поощрения агрессии, Франция все дальше отходила от идей коллективной безопасности, от опоры на франко-советское сотрудничество. Правда, когда 12 марта вопрос о ратификации договора с СССР был поставлен в сенате, члены верхней палаты значительным большинством (231 голос против 52) вотировали франко-советский пакт [86]. На какой-то момент угроза германского милитаризма отодвинула на второй план соображения внутриполитической борьбы. Тогда же договор был ратифицирован Советским Союзом, а 27 марта состоялся обмен ратификационными грамотами.

Вторжение немецких войск в Рейнскую демилитаризованную зону показало, что агрессивные устремления гитлеровской Германии направлены отнюдь не только на Восток. Становилось очевидным, что за криками гитлеровцев о «красной опасности» скрываются планы широкой экспансии. «Германия считает для себя более удобным поглотить Европу, утверждая, что она хочет уничтожить в ней большевизм» [87],— писал правый депутат и журналист Анри де Кериллис, враждебно относившийся к коммунизму. «Каждый раз, когда Гитлер произносит речь,— писал де Кериллис,— он разоблачает русскую опасность, но каждый раз, когда он перемещает пушку или солдата, он направляет их против нас» [88]. Однако большинство государственных и политических деятелей упорно закрывали на это глаза, а в ремилитаризации Рейнской зоны обвиняли... Народный фронт.

ПОБЕДА НАРОДНОГО ФРОНТА И СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАВОЕВАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ

Ремилитаризация Рейнской области совпала с предвыборной кампанией во Франции, придав ей еще большую остроту. Основная борьба развернулась между партиями Народного фронта и их

[86] «Annales du Sénat. Débats parlementaires», t. CXXIV, partie I. Paris, 1937, p. 267.

[87] «L'Echo de Paris», 22.XI 1936.

[88] «L'Echo de Paris», 18.XI 1936.

противниками. 10 января 1936 г. была опубликована программа Народного фронта, формулировавшая его важнейшие требования, а именно: создание национального фонда для безработных, введение пенсий для престарелых, сокращение рабочей недели без сокращения зарплаты, установление твердых цен на сельскохозяйственные продукты, снижение налогов и предоставление дешевого кредита крестьянам, суровые репрессии за утечку капиталов за границу, отмена чрезвычайных декретов, реорганизация Французского банка и др. В программу были включены также требования роспуска и разоружения фашистских лиг, всеобщей амнистии, отмены законов против свободы печати, уважения профсоюзных свобод. Программа предусматривала повышение жизненного уровня трудящихся, гарантирование демократических свобод, требовала преградить дорогу фашизму, обеспечить мир и безопасность страны, организовать коллективную безопасность, расширить систему пактов о взаимной помощи.

Народный фронт был первым в истории Франции новейшего времени блоком партий на основе четкой демократической программы. Его создание являлось большой победой рабочего класса и всех прогрессивных сил. Однако между тремя крупнейшими партиями Народного фронта — ФКП, СФИО и партией радикал-социалистов — существовали серьезные разногласия, в частности по экономическим вопросам. Ввиду этого была достигнута договоренность, что в избирательной кампании каждая из партий будет выступать со своей собственной платформой, но так, чтобы не наносить ущерба совместным действиям в деле антифашистской борьбы.

Правые партии не публиковали своих избирательных программ. Но незадолго до выборов они выпустили брошюру «За борьбу против Народного фронта», в которой запугивали избирателей коммунизмом, утверждали, что если победит Народный фронт, то правительство якобы будет образовано по «указке Советов» и т. д. Монополистическая буржуазия всеми средствами старалась расколоть Народный фронт, оторвать мелкобуржуазные массы от блока с рабочим классом. Обращаясь к собственническим интересам средних слоев, крупная буржуазия пыталась внушить торговцам и ремесленникам, что победа Народного фронта якобы приведет к ликвидации частной собственности во Франции и к «уравниловке».

Первый тур голосования в палату депутатов состоялся 27 апреля 1936 г. Он принес успех левым партиям. В первом туре каждая из партий Народного фронта выдвигала своего кандидата, а во втором туре, который состоялся 3 мая, все три партии поддерживали того кандидата, который получил больше голосов в первом.

Социалистическая партия собрала 1 964 384 голоса, ее фракция была наибольшей в палате — 146 мест. Коммунистическая

партия получила 1 468 949 голосов и 72 мандата, партия радикалов — 1 422 000 голосов и 116 депутатских мест. Еще 49 мандатов распределились между представителями других партий, входящих в Народный фронт. Большую победу одержала коммунистическая партия, которая уже в первом туре собрала около 1,5 млн. голосов (из общего количества в 10 млн.). Особенно значительного успеха ФКП добилась в промышленных центрах и прежде всего в Парижском районе, где были избраны 42 депутата-коммуниста. Это была единственная партия Народного фронта, сумевшая собрать почти на 700 тыс. голосов больше по сравнению с предыдущими выборами и увеличившая число мест в парламенте на 62. Социалисты потеряли 9 тыс. голосов, но их представительство в парламенте выросло. Партия радикалов потеряла 414 тыс. голосов, и число ее депутатов сократилось с 159 до 116. Как отмечает Поль Рейно, «Народный фронт победил благодаря союзу этих трех партий. Но если одна из них добилась триумфа, то вторая потеряла несколько тысяч голосов, а третья — более 400 тыс. Единственный триумфатор из трех — коммунистическая партия» [89]. Кандидаты Народного фронта получили 5421 тыс. голосов, правые партии — 4233 тыс. (женщины в то время в голосовании не участвовали).

Выборы свидетельствовали о том, что в стране произошел огромный политический сдвиг, они отразили готовность рабочего класса перейти в контрнаступление и защитить мир перед лицом фашистской агрессии, обеспечить сохранение демократических свобод, облегчить экономическое положение трудящихся. Но победа Народного фронта на выборах не означала, что реакционные силы сдались и не попытаются взять реванш. Поэтому необходимо было постоянно крепить единство, создавать комитеты Народного фронта на местах, добиваться осуществления общей программы, выработанной в январе 1936 г.

Народные массы все решительнее требовали ее выполнения. С середины мая 1936 г. пролетариат развернул решительную борьбу за улучшение своего положения [90]. Этому предшествовало объединение профсоюзов. В марте 1936 г. на объединительном съезде в Тулузе был, наконец, преодолен раскол профдвижения.

[89] *P. Reynaud.* Mémoires, t. II. Envers et contre tous. Paris, 1963, p. 48. Кстати, сам Рейно благодаря хорошо организованной пропаганде победил кандидата Народного фронта во 2-м округе Парижа большинством в 27 голосов (ibid., p. 35).

[90] См. «Очерки рабочего движения во Франции», стр. 141—158; *Е. А. Кравченко.* Народный фронт во Франции, стр. 146—168; *Ю. В. Егоров.* Народный фронт во Франции (Внутриполитическая борьба во Франции в 1934—1938 гг.). Л., 1972, стр. 120—140.

Демонстрация Народного фронта. Париж, июль 1936 г.

Создание единого профцентра — ВКТ — имело огромное значение не только для успеха стачечной борьбы, но и для судеб рабочего движения в целом. Единство рабочих рядов на антифашистской платформе, закрепленное профсоюзным единством в борьбе за экономические требования, во многом определило размах и успех майских и июньских стачек 1936 г. В ходе их быстро росла численность ВКТ и создавались новые профсоюзные организации.

Забастовки начались на авиационных заводах Гавра и Тулузы. Они вспыхнули также на крупных промышленных предприятиях Парижского района. 28 мая забастовкой за увеличение почасовой оплаты труда и коллективный договор, который гарантировал бы права профсоюзов, были охвачены все предприятия автомобильной промышленности. Бастовали 30 тыс. рабочих заводов Рено, вступили в борьбу рабочие заводов Ситроена, Гочкиса и других предприятий. Всеобщую забастовку объявили горняки департаментов Нор и Па-де-Кале. Оставили работу служащие крупных магазинов и ателье, рабочие, занятые на строительстве международной выставки в Париже. Министерство труда констатировало, что забастовки охватили 12 тыс. предприятий и в них участвуют 2 млн. человек. Основными требованиями бастующих были: увеличение зарплаты, 40-часовая рабочая неделя, заключение кол-

лективных договоров, оплачиваемые отпуска. Нередко забастовки сопровождались занятием предприятий рабочими до тех пор, пока их требования не удовлетворялись [91]. Это свидетельствовало о том, что соотношение сил стало весьма благоприятным для рабочих. Подобная форма была просто невозможна без единства действий и присоединения к движению всех рабочих того или иного предприятия.

3 июня забастовки охватили всю страну. Они проходили при соблюдении полного порядка: никакой порчи имущества, никакого саботажа. У ворот предприятий пикеты забастовщиков контролировали вход и выход. «Единый фронт социалистов и коммунистов профсоюзное единство, Народный фронт — таковы факторы, объясняющие размеры забастовок и быстроту их распространения» [92],— пишет французский историк-марксист Жак Шамбаз. Майско-июньские забастовки способствовали вовлечению в борьбу трудового крестьянства и мелкой буржуазии. Нередко с забастовщиками солидаризировалась и интеллигенция.

В условиях небывалой активности народных масс начались переговоры о создании нового правительства. Социалистической партии принадлежало право его формирования, ибо она располагала наибольшим числом мест в палате депутатов. Новое правительство, опиравшееся на Народный фронт, было сформировано 4 июня 1936 г. Премьер-министром стал Л. Блюм. В соответствии со своей теорией «исполнения власти» лидер СФИО четко определил и задачи нового кабинета: действовать в рамках существующего режима и не предпринимать каких-либо попыток проведения социальных преобразований или захвата власти [93]. Министерские посты заняли социалисты, радикалы, представители Республиканско-социалистического союза. Коммунистическая партия, отказавшись участвовать в правительстве, заявила о своей готовности поддерживать все его мероприятия, направленные на осуществление программы Народного фронта. Решение Политбюро ЦК ФКП о неучастии коммунистов в правительстве было принято после тщательного обсуждения всех «за» и «против» [94].

Мощный размах забастовочного движения заставил предприни-

[91] *B. Georges.* La CGT et la gouvernement Léon Blum.— «Le Mouvement social», N 54, janvier — mars 1966, p. 56. В июне 1936 г. было 12 142 забастовки, из них 8941 сопровождалась занятием заводов, в июле — 1751 забастовка, в 39 случаях с занятием предприятий (ibidem).

[92] *J. Chambaz.* Le Front populaire pour le pain, la liberté et la paix, p. 158.

[93] «Parti socialiste. XXXIII congrès national tenu à Paris Compte-rendu sténographique. Paris, 1936, p. 184—194.

[94] *J. Duclos.* Mémoires, t. II, 1935—1939. Aux jours ensoleillés du Front populaire. Paris, 1969, p. 147.

Руководители партий Народного фронта во время демонстрации 14 июля 1936 г.

мателей пойти на выполнение многих требований рабочих. Первый шаг сделала Всеобщая конфедерация французских предпринимателей. Через генерального секретаря «Комите де форж» Ламбер-Рибо она обратилась к главе правительства с просьбой организовать встречу с представителями ВКТ.

7 июня 1936 г. в отеле «Матиньон» в Париже под председательством Блюма состоялась эта встреча; здесь было подписано соглашение между ВКТ и предпринимателями, согласно которому увеличивалась, в среднем на 12%, зарплата, признавались профсоюзы и институт цеховых старост. Впервые весь рабочий класс добился улучшения условий своего существования. Предприниматели вынуждены были согласиться и на введение 40-часовой рабочей недели, на признание принципа коллективных договоров и предоставление оплачиваемых отпусков. Решительность и сплоченность рабочего класса впервые в истории профсоюзного движения во Франции заставили капиталистов в национальном масштабе принять требования рабочих синдикатов. А два дня спустя с поспешностью, которая объяснялась исключительно размахом забастовочного движения и отражала беспокойство правящих кругов, правительство внесло в палату депутатов законопроекты о введении 40-часовой рабочей недели, оплачиваемых отпусков, коллективных договоров, пересмотре чрезвычайных декретов и др.

За неделю с 7 по 14 июня число забастовщиков было самым многочисленным. Дело в том, что, когда многие предприниматели, несмотря на Матиньонское соглашение, отказались удовлетворить требования рабочих, забастовки вспыхнули с новой силой. Внушительным зрелищем стала традиционная демонстрация 14 июля, проходившая под знаком победы Народного фронта. В Париже вышли на улицы более 1 млн. человек. Они с энтузиазмом приветствовали М. Тореза, М. Кашена, Б. Фрашона, Л. Жуо, П. Фора и других руководителей организаций Народного фронта, шедших в одной из колонн, а на площади Нации поднявшихся на трибуну; здесь находился и Л. Блюм.

В этой обстановке депутаты поспешили вотировать законы в духе программы Народного фронта. Законопроект об оплачиваемых двухнедельных отпусках был принят палатой единогласно; 571 голосом против 5 был одобрен проект закона о коллективных договорах, но введение 40-часовой рабочей недели было утверждено лишь 408 голосами против 160. Острую полемику в палате депутатов вызвало обсуждение в середине июля 1936 г. проекта закона об изменении и дополнении статуса Французского банка. Он прошел большинством в 430 голосов против 111. За национализацию военной промышленности было подано 484 голоса, против — 85 [95].

Принятые палатой законы были серьезным успехом и завоеванием Народного фронта. Трудящиеся массы добились их принятия в упорной борьбе. И, несмотря на то что ряд требований программы Народного фронта не был осуществлен правительством Блюма, в целом победа блока левых партий на выборах привела к значительному улучшению жизни трудящихся. Кроме рабочих выиграли служащие, добившиеся отмены чрезвычайных декретов, которые ущемляли их интересы (а также интересы бывших фронтовиков), мелкие лавочники, для которых открылись благоприятные кредитные возможности, крестьяне, чьим интересам соответствовало введение твердых закупочных цен на пшеницу, и другие социальные слои.

Однако в дальнейшем правительство Блюма начало мало-помалу уступать давлению предпринимателей, организовавших саботаж на производстве и «бегство капиталов» за границу. Предприниматели тормозили подписание коллективных договоров, а в октябре 1936 г. начали борьбу против 40-часовой рабочей недели. Невыполнение важных пунктов программы Народного фронта привело к ослаблению народной поддержки правительству и к усилению позиций реакции.

[95] «Débats parlementaires», 1936, t. II, partie I, p. 1406—1409, 1457, 1965, 2001.

ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ ПО ВОПРОСАМ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Не прошло и двух месяцев с момента принятия перечисленных мер в пользу рабочих, безработных, трудового крестьянства и мелкой буржуазии, как в стране была проведена первая девальвация франка. Она сильно ударила по трудящимся, ибо привела к росту розничных цен. Девальвация франка свела на нет часть завоеваний рабочего класса и трудящегося крестьянства.

Хронический дефицит бюджета побуждал правительство вновь и вновь прибегать к займам, причем со все более высоким процентом. Быстро рос государственный долг. Выплаты по нему составляли 41% всех бюджетных расходов, в то время как расходы на просвещение равнялись лишь 6%, на социальное обеспечение — 7% [96].

Бюджетные затруднения ловко использовались финансовой олигархией для создания паники, спекуляции против франка, вывоза капиталов из Франции. В результате биржевых махинаций и саботажа производства предпринимателями финансовое положение страны серьезно ухудшилось. Намеренно усугубляя трудности, крупная буржуазия пыталась в то же время возложить ответственность за них на Народный фронт. На деле сложившаяся ситуация была следствием невыполнения программы Народного фронта. Так, не была проведена реформа налоговой системы, не были приняты меры против «бегства капиталов» за границу. В довершение ко всему в феврале 1937 г. правительство Блюма, капитулируя перед банкирами и промышленниками, объявило «паузу» в проведении программы Народного фронта, т. е. нарушило обязательства, данные народу и записанные в программе.

Весной 1937 г. наступило новое ухудшение финансового положения. Блюм потребовал от Национального собрания чрезвычайных полномочий. За предоставление правительству права издать чрезвычайные декреты голосовало 346 членов палаты депутатов, против — 247. Но в сенате этот законопроект 22 июня 1937 г. потерпел поражение. Вместо того чтобы вновь поставить данный вопрос в палате, как это позволяла французская конституция, обратиться к рабочему классу, ко всем трудящимся, опереться на Народный фронт, Блюм, как и Даладье в феврале 1934 г., подал в отставку.

Новое правительство возглавил радикал Шотан. Перед лицом контрнаступления крупной буржуазии компартия заявила, что она готова «принять на себя ответственность участия в правительстве

[96] См. *Ш. Беттельхейм.* Экономика Франции. 1919—1952. М., 1953, стр. 159.

Народного фронта», но Шотан отказал коммунистам в этом. Предложение ФКП оказалось невозможным воплотить в жизнь еще и потому, что массовая база Народного фронта в то время сильно сократилась.

Кабинет Шотана был еще правительством, опиравшимся на Народный фронт. Но он повел политику, означавшую отступление от программы Народного фронта. Министр финансов Жорж Бонне, тесно связанный с биржевыми и банковскими кругами, подготовил бюджет на 1938 г., который предусматривал сокращение на 15,5% расходов на общественные работы, осуществление которых должно было способствовать укреплению экономического положения страны и ликвидации безработицы; намечалось увеличить косвенные налоги, ущемлявшие в первую очередь материальное положение трудящихся. Наоборот, прямые налоги, затрагивающие интересы капиталистов, несколько снижались. В бюджете Шотана — Бонне налоги покрывали 66% расходной части против 73% в 1936 г., а это означало, что правительство вынуждено будет вновь прибегать к займам, к кабальной помощи крупного капитала [97].

Действуя в угоду финансовой олигархии, Бонне осуществил в июле 1937 г новую девальвацию франка, в результате чего его номинальная стоимость сократилась еще на 16,6%. В октябре 1937 г. ценность франка составляла 50% по сравнению с 1928 г. С мая 1936 г. по декабрь 1937 г. стоимость жизни в стране возросла на 40% [98].

Политика правительства Шотана вызвала новую волну забастовок, сопровождавшихся захватом предприятий рабочими. Внутреннее положение резко обострилось также в связи с новой активизацией фашистских элементов. В марте 1937 г. фашисты, пользуясь покровительством властей, спровоцировали кровавое столкновение в рабочем предместье Парижа — Клиши. ВКТ призвала трудящихся объявить 18 марта всеобщую забастовку протеста; в ней приняло участие около 2 млн. человек. Но фашистские молодчики не унимались.

Осенью 1937 г. был раскрыт крупный заговор реакции. Фашисты готовили государственный переворот, опираясь на поддержку крупных монополистических объединений и генерального штаба. Среди организаций, готовивших заговор, самой многочисленной была «Кагуль», поэтому его участники получили название «кагуляров». Путчисты создали по всей стране разветвленную, законспирированную организацию. Были раскрыты большие склады оружия и боеприпасов, где помимо винтовок и пулеметов

[97] *G. Politzer.* Le budget de 1938.— «Cahiers du bolchévisme», 1938, N 1—2, p. 1054.

[98] *M. Thorez.* Oeuvres, t. 14, p. 273.

хранились артиллерийские снаряды и противотанковые пушки. Сеть заговорщиков охватила кроме Парижа Тулузу, Марсель и ряд других городов. Все свидетельствовало о тщательной подготовке операции.

Следствие показало, что речь шла о большом вооруженном мятеже; однако правительство Шотана не проявило особой тревоги и оперативности. Полиция арестовала лишь некоторых руководителей заговора: члена торговой палаты Парижа Делонкля, генерала в отставке Дюсеньера и миллионера герцога Поццо ди Борго. Правительство не торопилось привлечь их к ответственности, а вскоре под давлением финансовых магнатов и вовсе замяло дело «кагуляров».

В июле 1937 г. бывший соратник де ля Рока по «Огненным крестам» Поццо ди Борго сделал заявление о том, что полковник ежемесячно получал от Тардье и Лаваля 20 тыс. фр. Когда де ля Рок обвинил герцога во лжи, последний привлек его к судебной ответственности за диффамацию [99]. Во время процесса интересные показания дал Тардье, который подтвердил, что он субсидировал де ля Рока: «Я ему давал деньги во время визитов. Это было раз двадцать пять, а не в конце каждого месяца, как говорилось. По просьбе г-на Лаваля я заведовал в течение трех месяцев после моего ухода с поста председателя совета министров секретными фондами. Я платил де ля Року. Когда фонды были исчерпаны, я передал клиента Лавалю» [100]. Процесс вскрыл глубокие и длительные связи фашистских элементов с правительственными кругами.

Политическая обстановка обострилась до крайности. Промышленники и банкиры расширяли саботаж производства, шантаж и спекуляции с целью ослабления франка, пытаясь прижать Народный фронт к «денежной стене». Они подрывали Народный фронт и изнутри, при помощи правых радикалов, старались оторвать мелкую буржуазию от союза с рабочим классом.

Первое серьезное столкновение между партиями Народного фронта произошло еще в 1936 г. в связи с проблемами внешней политики. Правительственная декларация, представленная на рассмотрение парламента в июне 1936 г., обнаружила серьезный отход от той программы, которая принесла социалистам и радикалам успех на выборах. И хотя в заявлении правительства был упомянут принцип коллективной безопасности, первые его шаги свидетельствовали о том, что оно не собирается решительно преградить дорогу экспансии фашистских держав.

[99] См. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1937, № 12, стр. 180.
[100] Там же.

Позиция, занятая французским правительством в испанском вопросе после начала фашистского мятежа 18 июля 1936 г., подтвердила эти опасения. С первых же дней мятежа на помощь Франко пришли германские и итальянские фашисты, направлявшие в Испанию не только оружие и военное снаряжение, но и своих инструкторов, а затем солдат и офицеров регулярных армий. Государственные деятели Франции не могли не понимать, какую серьезную опасность таит в себе итало-германская интервенция. Чтобы парировать эту угрозу, французскому правительству нужно было по меньшей мере соблюдать свои обязательства по отношению к Испанской республике. Всего лишь за полгода до этого, в декабре 1935 г., между обеими странами был подписан торговый договор, согласно которому во Франции размещались испанские заказы, в частности на военные материалы. Однако правящие круги Франции не собирались выполнять даже эти заказы. Попытка министра авиации П. Кота в соответствии с просьбой испанского правительства послать в Мадрид оружие и военную амуницию кончилась ничем. Германский посол в Париже Вельчек в конце июля докладывал в Берлин, что на Кэ д'Орсе его заверили: министерство «продолжает традиции французской дипломатии» не вмешиваться в гражданские войны [101]. Это было еще до провозглашения политики «невмешательства».

В 20-х числах июля Блюм отправился в Лондон. На совещании между ним и английскими руководителями было условлено придерживаться политики «нейтралитета» в испанских делах [102]. Как только Блюм вернулся в Париж, он немедленно созвал кабинет, на заседании которого было принято решение о запрещении экспорта военных материалов в Испанию и провозглашена политика «строгого нейтралитета». В первых числах августа совет министров Франции сформулировал свой призыв к другим великим европейским державам не вмешиваться в испанские события [103]. Так появилась на свет пресловутая политика «невмешательства».

Не дожидаясь реакции других держав, Франция 8 августа

[101] «Les archives secrèts de la Wilhelmstrasse», t. III. Paris, 1952, p. 12.

[102] Уже в записке политического отдела МИД Франции от 25 июля 1936 г. делался вывод, что снабжение иностранных государств оружием через правительственные каналы может квалифицироваться как вмешательство во внутренние дела другой страны. После начала мятежа в Испании прошла всего неделя, а французские дипломаты уже предупреждали правительство, что Германия и Италия могут признать мятежников законным правительством, и предостерегали о последствиях, которые вызовет в этом случае продажа оружия республиканской Испании (DDF, 2ème série, t. III. Paris, 1966, p. 58).

[103] DDF, 2ème série, t. III, p. 100—101.

1936 г. односторонним актом отказалась выполнять условия контракта с Испанией. По существу это было формой вмешательства, ибо решение Франции изменило соотношение сил на испанском поле битвы в пользу мятежников и в ущерб республиканцам. Предложив в качестве международной меры эмбарго на оружие, предназначенное для Испании, французское правительство должно было строго придерживаться условия: выполнения своего предложения *всеми* державами. Однако Франция *одна* приостановила свой экспорт в Испанию. Испанское правительство было лишено также возможности свободно распоряжаться своим золотым запасом, депонированным во Французском банке [104]. Между тем Италия и Германия продолжали оказывать мятежникам широкую военную помощь.

Министр иностранных дел радикал Ивон Дельбос, выступая в декабре 1936 г. перед депутатами, старался оправдать политику «невмешательства» ссылками на то, что она якобы не позволяет «внутреннему кризису» в Испании превратиться в международный конфликт. Заявив, что он симпатизирует республиканской Испании, Дельбос тут же добавил, что, когда речь идет о судьбах мира или войны, нельзя «уступать сентиментальным импульсам», которые могут «втянуть нас в ужасный конфликт» [105]. Но, как показали события, именно подобная политика, проводившаяся лидерами правых социалистов и радикалов, подрывала безопасность Франции и вела к развязыванию войны. Не удивительно, что речь Дельбоса вызвала большое удовлетворение гитлеровцев. В секретном послании Нейрату германский посол в Париже писал, что Дельбос «хотел этой речью начать кампанию в пользу соглашения» с Германией. В том же письме Вельчек сообщал, что предварительным условием для соглашения французы «считают совместные действия в вопросе о невмешательстве в испанские дела» [106].

Французские рабочие во главе с коммунистической партией с первых же дней гражданской войны и интервенции в Испании выступили против блокады республики. В сентябре 1936 г. 300 тыс. металлистов Парижского района объявили забастовку протеста против саботажа предпринимателями коллективного договора и социального законодательства, а также против правительственного

[104] В июле 1938 г. парижский апелляционный суд окончательно отказался выдать это золото представителям республиканской Испании. Позднее, в феврале 1939 г., весь испанский золотой запас был передан Франко.

[105] «Débats parlementaires...», 1936, tome unique, partie I, p. 3329.

[106] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II. М., 1948. стр. 265.

курса в отношении республиканской Испании. В принятой резолюции говорилось, что укрепление фашизма по ту сторону Пиренеев создает подлинную угрозу для безопасности Франции [107]. Коммунистическая партия, говорил М. Торез, выступая в декабре 1936 г. в палате депутатов, никогда не одобряла и никогда не одобрит гибельную инициативу правительства, фактически организовавшего блокаду республиканской Испании. Соглашение о «невмешательстве», отметил Торез, «противоречит интересам нашей страны и в то же время наносит страшный удар по Испанской республике» [108].

Против политики правительства в испанском вопросе выступали и многие социалисты, в особенности рядовые рабочие. Лидер левого крыла СФИО Ж. Жиромский с первых же дней войны в Испании требовал оказания республиканцам немедленной помощи. Он говорил, что политика «невмешательства» потерпела крах перед лицом фактов и на французском правительстве лежит большая доля вины за то, что германские и итальянские фашисты обосновались в Испании [109]. В сентябре 1936 г. в знак протеста против позиции в испанском вопросе, занятой социалистами, входившими в правительство, Жиромский сложил с себя обязанности члена бюро Сенской федерации социалистической партии.

Рабочие всех стран выражали свою братскую солидарность с героически боровшимся пролетариатом Испании, оказывали ему помощь продовольствием, одеждой, медикаментами. Многие из них отправлялись в Испанию, чтобы с оружием в руках бороться против фашистской агрессии. У стен Мадрида и Гвадалахары сражались и лучшие сыны французского народа, отстаивавшие на испанской земле демократию и мирную жизнь для всех людей, а также безопасность своей родины [110].

Политика правящих кругов Франции в испанском вопросе была проявлением их стремления к сговору с фашистскими державами, особенно с Германией. За соглашение с Гитлером французские политики, в том числе некоторые члены правительств, опиравшихся на Народный фронт, готовы были платить любую цену. Как правило, этой ценой являлись интересы и даже территории других стран. Правда, там, где были задеты собственные интересы французских монополий, например в колониальном вопросе, Франция не склонна была идти на уступки.

[107] См. «Правда», 17.IX 1936.

[108] «Débats parlementaires...», 1936, tome unique, partie I, p. 3365.

[109] См. *Р. С. Варфоломеева.* Реакционная внешняя политика французских правых социалистов. М., 1948, стр. 35.

[110] См. «Солидарность народов с Испанской республикой. 1936—1939». М., 1972.

Рабочая демонстрация в Париже

Ослепленные навязчивой идеей — во что бы то ни стало добиться примирения со все более крепнущим соседом на востоке, французские руководители настойчиво искали контактов с гитлеровцами. Осенью 1937 г. германский посол в Вене фон Папен, тайно прибывший в Париж, имел ряд бесед политического характера. Гитлеровский эмиссар встречался с Пьетри, Бонне, Рейно, некоторыми сенаторами и руководителями органов прессы («Тан», «Фигаро»). Как сообщал Папен в отчете Гитлеру, он заявил Бонне, что Германия гарантирует существующую границу между обеими странами, но взамен Франция не должна противодействовать реализации германских планов в отношении стран Дунайского бассейна. Папен встретился также с премьер-министром Шотаном. Из донесения фашистского дипломата Гитлеру стали известны слова Шотана, что он «очень желает» достигнуть разрешения всех франко-германских проблем [111]. Папен писал руководителю политического отдела МИД Германии Вейцзекеру 4 декабря 1937 г: «Из моих переговоров в Париже я вынес очень ясное впечатление, что нынешнее правительство пустит в ход все средства, чтобы добиться общего урегулирования с Германией» [112].

Секретные франко-германские переговоры были продолжены в Берлине. 13 декабря в германскую столицу прибыл бывший премьер-министр Фланден. В тот же день он встретился с Геббельсом и Нейратом. Затем состоялась беседа Фландена с Герингом, во время которой последний заявил, что «безопасность Франции будет намного лучше гарантирована прямым соглашением с Германией, чем хилой коллективной системой Женевы» [113].

Незадолго до поездки Фландена, 29—30 ноября 1937 г., Шотан и Дельбос побывали в Лондоне, где встретились со своими английскими коллегами. Их главная цель состояла в том, чтобы договориться относительно цены, которую требовали нацисты за общее соглашение.

Таким образом, Англия и Франция проявили желание вести переговоры с германским агрессором на основе его непомерных требований. В официальном коммюнике о лондонской встрече не было упоминания ни о Лиге наций, ни о коллективной безопасности. Английские и французские правящие круги открыто переходили к сговору с германскими милитаристами. Но чем более уступчивыми становились западные политики и дипломаты, тем агрессивнее были требования гитлеровцев. В секретной докладной записке высокопоставленный чиновник германского МИД Вейцзекер писал, что Германия до тех пор не вступит в «мирные

111 «Les archives secrèts de la Wilhelmstrasse», t. I. Paris, 1950 p. 16. 17.
112 Ibid., p. 66.
113 «Les Evénements survenus en France de 1933 à 1945...», t. II, p. 264.

Грузовые автомобили с продуктами для республиканской Испании

отношения» с Францией, пока последняя не откажется от своих восточных союзов [114], в том числе от пакта с СССР.

Поездка Дельбоса в страны Восточной и Юго-Восточной Европы в конце 1937 г. преследовала цель склонить правительства и общественное мнение этих стран к уступкам фашистскому агрессору. В ходе встреч с французским министром иностранных дел руководители государств Малой Антанты вынесли ясное впечатление, что Франция больше, чем когда-либо, расположена к соглашению с Германией.

Позиция правительства перед лицом наступления фашизма явилась одной из важнейших причин ослабления Народного фронта. Сползание французской внешней политики с позиций коллективной безопасности на позиции сговора с агрессором не могло не нанести сильнейший удар по Народному фронту. «Невмешательство» противоречило духу и букве его программы; оно пробило первую брешь в блоке демократических сил.

[114] «Les archives secrêts de la Wilhelmstrasse», t. I, p. 106.

Эта политика вызывала серьезную тревогу и недовольство трудящихся масс, всех левых, демократических сил. Французские коммунисты настойчиво требовали проведения курса, соответствовавшего программе Народного фронта. Решительно боролись за проведение политики коллективной безопасности и сотрудничество с Советским Союзом, за снятие блокады с Испанской республики и преграждение дороги фашизму и войне рабочий класс и профсоюзы. В своих резолюциях они отмечали, что проводимая правительством линия не ослабляет натиска фашистских государств, а лишь содействует распаду фронта мира.

Все громче раздавались голоса за пересмотр внешней политики и в рядах партии радикалов. На 34-м съезде партии, состоявшемся 27—31 октября 1937 г. в Лилле, впервые прозвучало разочарование внешнеполитическим курсом кабинета Шотана. Дельбос, правда, по-прежнему защищал политику «невмешательства», но признал, что интервенция «некоторых государств» в Испанию угрожает французской безопасности и путям сообщения Франции с Северной Африкой. На съезде никто активно и безоговорочно не выступал за продолжение «невмешательства». Эррио, в частности, выразил серьезное сомнение в возможности идти дальше по пути капитуляции перед агрессорами. В резолюции съезда говорилось об угрозе войны, об опасности, нависшей над французской территорией и ее коммуникациями, о необходимости отозвания всех иностранных войск из Испании.

Правая пресса не скрывала своего неудовольствия съездом радикалов, пыталась расколоть партию, изображая ее как якобы действующую «по указаниям интернационалов». Правобуржуазные группировки стремились вызвать раскол Народного фронта изнутри при помощи правых радикалов.

Классовая ненависть к Народному фронту, ко всем демократическим преобразованиям внутри страны толкала французскую буржуазию на путь национальной измены. Упорные поиски соглашений с фашистскими державами, политика попустительства агрессии серьезно ослабляли безопасность Франции и неизбежно приближали войну к ее границам.

5

ФРАНЦИЯ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ РЕАКЦИИ

Осенью 1937 г. крупная буржуазия предприняла новое наступление на рабочий класс, на его авангард и ведущую силу Народного фронта — ФКП. Предприниматели решительно саботировали социальное законодательство, грубо нарушали трудовые договоры, игнорировали профсоюзы, намеренно умножали финансовые затруднения, способствовавшие росту дороговизны и падению реальной зарплаты. Главной целью реакционной буржуазии было добиться окончательного раскола Народного фронта.

В конце декабря 1937 г. в Арле состоялся IX съезд ФКП. Он проходил в условиях, когда внутри Франции перешла в контрнаступление реакция, желавшая уничтожить Народный фронт, а извне надвигалась угроза германо-итальянской фашистской агрессии. Указав на эту двойную угрозу, генеральный секретарь ФКП М. Торез отметил, что война уже идет в некоторых районах земного шара; партия должна громко заявить о прогрессивной и мирной миссии Франции Народного фронта, для которой франко-советский пакт является самой серьезной гарантией мира в Европе. «Европа не будет фашистской!» — провозгласил Торез под аплодисменты делегатов съезда[1]. Съезд осудил полити-

[1] «IX congrès national du Parti communiste français tenu à Arles en 1937». Paris, 1938, p. 12.

ку потворства фашистским агрессорам в Испании и высказался за организацию системы коллективной безопасности в Европе.

Съезд предложил начать дискуссию между ФКП и социалистической партией в целях разработки политики, которую обе партии могли бы проводить сообща. Он вновь обратился с предложением созвать национальный съезд комитетов Народного фронта, в котором участвовали бы представители всех входивших в него организаций. Съезд поддержал законные требования колониальных народов: установление справедливой зарплаты и социального законодательства для рабочих, обеспечение феллахов, особенно алжирских, землей и водой, помощь ремесленникам, отмена закона об аборигенах и др.[2]

Коммунистическая партия завоевала к этому времени большой авторитет не только среди рабочего класса, но и среди передовой французской интеллигенции. Съезд ФКП получил приветственные послания от Ромена Роллана и известного кинорежиссера Жана Ренуара. На заседаниях присутствовал крупный прогрессивный писатель Жан-Ришар Блок.

Численность рядов партии со времени VIII съезда выросла с 254 тыс. до 341 тыс. членов, а число первичных организаций — с 8671 до 12 992[3].

Классовая борьба обострялась. В декабре 1937 г. в связи с грубым отказом предпринимателей выполнять принятые обязательства и решения арбитражной комиссии началась крупная забастовка на химических предприятиях Гудрича в Париже. Рабочие прибегли к занятию производственных помещений. По указанию правительства полиция попыталась силой изгнать бастующих, но по тревожному гудку на выручку товарищей прибыли пролетарии с соседних заводов. Забастовка расширялась. 29 декабря она охватила рабочих коммунальных предприятий: метро, автобусных парков, водопровода, газовой сети и т. д.[4] Правительство попыталось использовать солдат в качестве штрейкбрехеров. Одновременно Шотан выступил с новыми нападками на рабочих. Однако решительная позиция последних заставила правительство отступить и даже дать гарантию, что требования рабочих будут удовлетворены.

30 декабря работа возобновилась. Вскоре после этого Шотан выступил с резким заявлением, в котором предупредил, что правительство более не потерпит подобных выступлений. Шотан пригро-

[2] «Histoire du Parti communiste français. (Manuel)». Paris, 1964, p. 342.
[3] Ibid., p. 343.
[4] «L'Humanité», 24, 25, 29—31.XII 1937.

зил компартии применить в отношении нее «силу закона», если она не откажется от «своих тайных и упорных усилий вызвать смуту в стране» [5].

Представитель коммунистической группы в парламенте Раметт выступил с разоблачением действий предпринимателей; он назвал речь Шотана «несправедливой атакой против рабочего класса». Но, стремясь не допустить разрыва Народного фронта, ФКП решила воздержаться во время голосования доверия правительству. Министры-социалисты заявили, однако, что они выходят из правительства, так как «шокированы» речью Шотана. Это вызвало новый министерский кризис.

14 января 1938 г. ЦК ФКП обратился к народу с заявлением «Быть начеку против реакции и фашизма, за единство народа», в котором призвал массы к сплочению против врагов Народного фронта. 15 января с аналогичными заявлениями на большом митинге в Париже выступили представители ВКТ и Комитета Народного фронта. Митинги и собрания состоялись во многих департаментах Франции. На имя президента республики поступило свыше 80 тыс. телеграмм и резолюций, требовавших создания правительства Народного фронта с участием коммунистов и социалистов [6]. ФКП выражала готовность участвовать в таком правительстве. Ее главные усилия были направлены на сохранение и упрочение Народного фронта.

Но атаки крупного капитала усиливались. Ободренные позицией правых радикалов, «200 семейств» добивались прихода к власти правых партий. Однако реакция не смогла еще тогда добиться полного успеха, не помогло и предложение Блюма создать кабинет с участием партийных групп «от Мориса Тореза до Поля Рейно», т. е. вплоть до крайне правых групп. В конечном счете 18 января было сформировано новое правительство Шотана, состоявшее главным образом из радикалов (они заняли 26 министерских постов, 5 были предоставлены Социалистическому и республиканскому союзу и 3 — небольшим группам, входившим в Народный фронт).

Шотан 19 января вновь заявил, что он намерен сохранять верность Народному фронту и провести в ближайшее время законы о «хартии труда», о пенсиях для престарелых и другие мероприятия, соответствовавшие программе Народного фронта [7]. Эти обещания были сделаны под давлением массовых демонстраций под ло-

[5] «Annales de la Chambre des députés. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1938», t. I, p. 21—22.

[6] *J. Bruhat.* Le crise ministérielle et le PCF.— «Cahiers du bolchévisme», 1938, N 1—2, p. 1107, 1190—1191.

[7] Ibid., p. 1110.

зунгами Народного фронта. Компартия старалась сплотить трудящихся и добиться того, чтобы правящие круги считались с волей народных масс.

В феврале 1938 г. палата депутатов обсуждала проект нового трудового устава («хартии труда»); депутаты, представлявшие интересы Всеобщей конфедерации предпринимателей, встретили его яростными нападками. Они не ограничились этим, но потребовали отмены 40-часовой рабочей недели, заявляя, что никогда не согласятся с установлением подвижной системы оплаты труда и другими «нетерпимыми» требованиями ВКТ и Народного фронта[8]. Проект «хартии труда» был провален.

Вопреки программе Народного фронта второй кабинет Шотана подготовил новую девальвацию франка. Она не была осуществлена только из-за кратковременности его существования.

В эти месяцы еще яснее выявился раскол социалистов и радикалов, с одной стороны, с коммунистами — с другой. Во время обсуждения в палате проектов введения пенсий для престарелых, контроля за движением капиталов и других вопросов, соответствовавших программным требованиям Народного фронта, многие депутаты — радикалы и социалисты — солидаризировались с правыми, что определило негативный результат голосования.

Взятый правительством Шотана курс способствовал укреплению позиций крупного капитала. Долг государства Французскому банку быстро возрастал: с 341,4 млрд. фр. на 1 января 1936 г. он вырос до 420,5 млрд. фр. на 1 января 1938 г. Золотой запас казны сократился на 30%. В марте финансовое положение Франции стало критическим, финансовая зависимость правительства стала особенно ощутимой[9].

По отношению к развертывавшейся фашистской агрессии правительство Шотана заняло позицию непротивления, продолжая политику «невмешательства» в войну в Испании, что наносило огромный ущерб защитникам республики, вынужденным бороться против объединенных сил фашистов и итало-германских интервентов. Оно мирилось с саботажем со стороны предпринимателей на оборонных заводах, из-за чего даже ограниченная программа французского военного производства не выполнялась[10].

[8] «Débats parlementaires. Session ordinaire de 1938», t. I, p. 346—353.

[9] «Мировое хозяйство». Ежегодник АН СССР, 1938—1939, стр. 500; «Revue d'économie politique 1938». Paris, 1939, p. 994.

[10] По показаниям бывшего министра авиации Ги ля Шамбра, в сентябре 1938 г. Франция имела всего 20 современных боевых самолетов («Les evénements survenus en France de 1933 à 1945. Témoignages et documents...», t. II. Paris, 1951, p. 328).

Захват Австрии фашистской Германией не вызвал противодействия со стороны Франции. Этот новый акт гитлеровской агрессии, осуществленный 12 марта 1938 г., произошел в момент очередного правительственного кризиса во Франции. 10 марта Шотан демонстративно потребовал широких полномочий для проведения финансовых мероприятий, совершенно противоположных программе Народного фронта. Он заявил о невозможности сохранения 40-часовой рабочей недели, о необходимости отсрочить ассигнования на социальные нужды, об отказе от введения пенсий престарелым и т. д. Это был маневр, рассчитанный на резкое осложнение отношений с компартией, на ликвидацию Народного фронта.

13 марта 1938 г. Блюм сформировал правительство, составленное преимущественно из социалистов и радикалов, заместителем премьер-министра стал Даладье. Предложение компартии о сотрудничестве было отвергнуто [11]. Но крупная буржуазия хотела видеть у правительственного руля более решительного проводника ее политики и потому ждала лишь первого удобного случая, чтобы свалить новый кабинет.

Правительство Блюма приняло огромный государственный долг, сильно опустошенную казну. Растущая внешняя опасность настоятельно требовала мобилизации нации и увеличения расходов на нужды обороны страны от фашистской агрессии. К этому настойчиво призывала компартия, к этому стремились рабочий класс, широкие народные массы.

Уступая их требованиям, Блюм 1 апреля 1938 г. представил на рассмотрение палаты депутатов «Проект генерального плана восстановления» [12] и запросил чрезвычайные полномочия для его осуществления. В плане предусматривался 16-миллиардный расход на нужды обороны страны и 6,8 млрд. фр.— на проведение неотложных общественных (преимущественно военно-оборонительных) работ. Кроме того, намечалось ассигновать 8,7 млрд. фр. на покрытие дефицита железных дорог и 4 млрд. фр. на покрытие бюджетного дефицита [13]. Для изыскания необходимых средств предполагалось провести ряд мероприятий, соответствовавших требованиям Народного фронта, а именно: более высокий налог на капитал, превышающий 150 тыс. фр., увеличение налога на так называемые привилегированные предприятия (концессии, лицензии и др.), обложение сверхприбылей предприятий, работающих на оборону, контроль за валютными операциями, за импортом и т. п.

[11] *J. Duclos*. Mémoires, t. II. Paris, 1969, p. 292.
[12] «Revue d'économie politique», 1938, N 3, p. 992—993.
[13] Ibidem.

Однако правительство Блюма не намеревалось добиваться осуществления своих предложений. Позже Блюм признавал, что в тех условиях программа Народного фронта была ему «навязана» [14]. Правые социалисты знали, что для принятия их проекта необходима энергичная защита его, не говоря уже об абсолютном единодушии всех депутатов партий Народного фронта. Как и следовало ожидать, реакционные парламентарии набросились на внесенный в палату проект с резкими нападками. Правый радикал Монтиньи возложил, например, на правительства, пришедшие к власти под флагом Народного фронта, вину за тяжелый финансовый кризис [15]. К нему присоединились представители крупного капитала Крейсель, Гастон Жерар и другие, а также такие ревностные противники Народного фронта, как Фланден и Рейно, решительно отвергавшие проект финансового оздоровления страны за счет богачей.

Блюм явно отступал и по существу не настаивал на внесенном плане. Депутаты-коммунисты единодушно поддержали проект, но они не могли помешать правым силам провалить его. За проект было подано только 250 голосов [16]. Между тем партии Народного фронта имели в палате 375 депутатов. Если коммунисты все как один голосовали за принятие проекта, то более 100 социалистов, радикалов и представителей других партийных групп, входивших в Народный фронт, голосовали вместе с правыми. В сенате проект был встречен еще более отрицательно. Это голосование определило и судьбу самого кабинета Блюма, просуществовавшего всего 27 дней.

Блюм вновь не пожелал апеллировать к массам, а предпочел сразу же выйти в отставку. Тем самым вновь был расчищен путь к власти правым радикал-социалистам во главе с их лидером Даладье.

КРИЗИС НАРОДНОГО ФРОНТА И МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР

Новый премьер-министр, как справедливо отметил французский историк А. Зеваес, уже «не был тем Даладье, каким он был три года назад, когда его видели участвующим в различных демократических демонстрациях, проходящим от Бастилии до площади Нации с поднятой рукой, вместе с коммунистами... Он решитель-

[14] «L'Oeuvre de Léon Blum». Paris, 1955, p. 262.

[15] «Débats parlementaires. Session ordinaire de 1938», t. I, p. 1058.

[16] Ibid., p. 1101.

но порвал с коммунистами и с ВКТ, открыто сблизился с центром палаты депутатов и с крупными предпринимателями» [17].

Реакционная буржуазия требовала от Даладье покончить с Народным фронтом и его «непомерной программой», как писал в «Ревю де Пари» Фланден [18]. Орган «Комите де форж» газета «Тан» требовала от Даладье «изменения программы, методов и политического климата» [19]. Редактор «Эко де Пари» и депутат Анри де Кериллис выдвинул лозунг создания правительства «общественного спасения» из 5—6 человек, предоставления парламенту «отпуска» на один-два года, установления цензуры на печать, роспуска профсоюзов и пересмотра конституции.

Развитие международной обстановки — усиление германского и итальянского фашизма, особенно захват Австрии Германией, а также победы японского империализма в Китае— способствовало активизации французской реакции. Фашистские лиги распространяли массу листовок, расклеивали множество плакатов с призывами к походу против коммунистической партии и Народного фронта. Профашистские газеты «Аксьон франсез», «Гренгуар», «Же сюи парту» открыто пропагандировали гитлеровские идеи, насаждая их среди мелких торговцев, налогоплательщиков, деклассированных элементов и особенно в офицерском корпусе. Руководители французской армии — Петен, Вейган и другие симпатизировали фашизму и были кумирами «кагуляров». Уже в 30-х годах «пятая колонна» во Франции выдвигала Петена на пост главы государства, считая, что он лучше других сумеет найти общий язык с Гитлером [20].

Предприниматели сознательно обостряли положение. Они прибегали к массовым увольнениям активных профсоюзных деятелей, отказывались от возобновления коллективных договоров, от повышения зарплаты в соответствии с возросшими ценами на продукты питания и т. д. Эти действия вызвали крупную забастовку, которая началась еще в конце марта на заводе «Ситроен». К моменту сформирования 10 апреля 1938 г. кабинета Даладье в забастовку включились рабочие заводов Рено, Блока, Эриксона и других предприятий Парижа, в общей сложности 150 тыс. человек.

15 апреля 1938 г. промышленники были вынуждены уступить и согласиться на создание паритетной комиссии при министерстве труда, подписание коллективных договоров и на другие требования рабочих. Но буржуазия была крайне раздражена и с еще

[17] *A. Zévaès.* Histoire de la III-e Republique. Paris, 1947, p. 408.
[18] «Revue de Paris», 1. V 1938, p. 47.
[19] «Le Temps», 10.IV 1938.
[20] *Л. П. Лавров* История одной капитуляции. М., 1964. стр. 39

большей настойчивостью добивалась коренного поворота в области внутренней политики. И Даладье все более подчинялся воле реакции, идя на открытый разрыв с компартией и Народным фронтом.

Народный фронт, раздираемый серьезными внутренними противоречиями, переживал глубокий кризис. Местные комитеты его были малочисленны, а главное — они не были избраны демократическим путем на предприятиях и в населенных пунктах. Не существовало общенационального комитета Народного фронта, перед которым правительства социалистов и радикалов несли бы ответственность за свою деятельность. Все это позволяло им игнорировать важные пункты программы Народного фронта. Он становился все более непрочным, поскольку правые социалисты и правые радикалы все больше уступали давлению реакции.

Крупная буржуазия, стремившаяся уничтожить Народный фронт, искала поддержки вне страны. Она выдвинула предательский лозунг — «Лучше Гитлер, чем Народный фронт» [21]. Даладье, зарекомендовавший себя сторонником франко-германского примирения еще с начала 30-х годов, пошел и в этом вопросе навстречу домогательствам «200 семейств». Прибегая время от времени к торжественным заявлениям и делая жесты, создававшие впечатление о его готовности решительно защищать Францию и ее владения от всяких посягательств извне, Даладье на деле вел политику, обрекавшую Францию на изоляцию перед лицом усиливавшегося германского агрессора.

Согласно сообщению бывшего министра иностранных дел Поль-Бонкура, Даладье уже при формировании своего кабинета придерживался твердого убеждения, что Центральная Европа, на которую нацелился Гитлер, должна стать «сферой интересов» Германии и «Франции незачем этому мешать» [22]. Исходя из этого, Даладье поручил пост министра иностранных дел своему коллеге по партии Бонне, имевшему большие связи с банковскими кругами Берлина и открыто симпатизировавшему нацистам.

Бонне — один из наиболее бесчестных и коварных политиканов Третьей республики, особенно упорный проводник политики сговора с агрессором,— поддерживал связи с германскими министрами через прямого гитлеровского агента — графа де Бринона. Последний не раз ездил в Берлин с тайными поручениями Бонне, встречался с высокопоставленными чиновниками, был принят Гитлером [23]. Бонне часто посещал салон гитлеровского резидента

[21] «Очерки рабочего движения во Франции. 1917—1967». М., 1968, стр. 207.
[22] *J. Paul-Boncour.* Entre deux guerres, v. III. Paris, 1946, p. 100.
[23] Все это было установлено на судебном процессе де Бринона. («Le procès de Collaboration». Paris, 1948).

во Франции О. Абеца, где многие беседы проходили при закрытых дверях.

Бывший президент Чехословакии Бенеш писал, что Бонне обычно «имел в государстве, с которым вступал в переговоры, официального посланника для одной его политики и тайного посла — для другой... С союзными обязательствами Франции Бонне обходился как с бутафорией, подлежащей сдаче в архив»[24]. Такую же характеристику дали Бонне известный журналист Пертинакс, генерал Гамелен и др. Последний называл Бонне человеком «без принципов и морали»[25].

С самого начала своей деятельности на посту министра иностранных дел Бонне выступал за отказ Франции от военно-политических обязательств, могущих помешать гитлеровской вооруженной экспансии в восточном направлении и в Центральной Европе. Зная, в частности, о посягательствах Гитлера на Чехословакию, Бонне добивался отказа от обязательств по ее защите. С этой целью в апреле 1938 г. в Прагу для выполнения секретной миссии (в обход официального французского посла в Чехословакии) был направлен эмиссар Бонне Л. Ноель. Целью миссии, как признал сам Ноель, было привезти из Праги «материалы», доказывающие «слабость» Чехословакии и невозможность успешной ее обороны в случае германской агрессии[26]. Леон Ноель представил Бонне доклад с самой пессимистической оценкой оборонительных возможностей Чехословакии и перспектив помощи ей со стороны Франции. Доклад Ноеля, одобренный Бонне и Даладье, был тотчас использован ими на лондонском совещании премьер-министров Англии и Франции 28—29 апреля 1938 г. Судьба Чехословакии была предрешена, хотя Даладье и Бонне скрывали от парламента сговор с английскими правителями об отказе защищать Чехословакию в случае агрессии Гитлера.

Правительство Даладье стремилось договориться и с фашистской Италией, потворствуя ее агрессивным планам. Идя по стопам Чемберлена, достигшего 16 апреля 1938 г. соглашения с Муссолини по ряду вопросов, в том числе о признании захвата Эфиопии, Бонне в свою очередь поспешил вступить в переговоры с министром иностранных дел Италии Чиано. Их целью, писал в «Юманите» Габриель Пери, было возродить «пакт четырех» или «европейскую директорию»[27]. Бонне взял на себя миссию отстаивать интересы итальянского фашизма в Лиге наций. Вместе со

[24] *E. Benes.* The Memoirs. London, 1945, p. 39.
[25] *Général Gamelin.* Servir, v. II. Paris, 1946, p. 333.
[26] *L. Nöel.* L'Agression allemande contre la Pologne. Paris, 1944, p. 198—199.
[27] «L'Humanité», 20.IV 1938.

своим английским коллегой Галифаксом он протащил здесь резолюцию, в которой захват Эфиопии Италией получил признание Лиги.

Однако французскому правительству не удалось склонить Муссолини к политическому соглашению с Францией. Фашистский диктатор не желал связывать себе руки сговором с Францией, и переговоры Бонне с Чиано закончились ничем.

Тем не менее Даладье и Бонне упорно пытались найти общий язык с фашистскими державами. Идя по этому пути, они саботировали предложения Советского правительства об оказании совместного отпора агрессии Гитлера. Бонне решительно уклонился от сделанного в мае 1938 г. предложения наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова провести в Москве совещание французского, советского и чехословацкого генеральных штабов для уточнения конкретных взаимных военных обязательств в борьбе против агрессора [28]. Французское правительство не откликнулось и на заявление Литвинова, сделанное 21 сентября 1938 г. в Лиге наций, что советское «военное ведомство готово немедленно принять участие в совещании с представителями французского и чехословацкого военных ведомств для обсуждения мероприятий, диктуемых моментом» [29]. Вместо организации коллективного отпора гитлеровской агрессии правительства Франции и Англии предприняли беспрецедентное давление на Чехословакию, требуя от нее отказа от сопротивления домогательствам гитлеровской Германии.

13 июля 1938 г. правительство Даладье под предлогом «невмешательства» закрыло франко-испанскую границу, лишив доблестных защитников Испанской республики всякой поддержки оружием, продовольствием и добровольцами [30]. Для судеб республиканской Испании это имело крайне неблагоприятные последствия.

Французский историк Ж. Мадоль справедливо отметил, что правящие круги Франции сознательно избегали столкновения с фашистскими державами, так как боялись, что от этого выиграют демократия и коммунизм [31]. Раскрывая классовые цели политики правящих кругов Франции, редактор газеты «Пари суар» П. Лазарев признал, что они «предпочитали видеть Францию на долгое время обращенной в рабство — путем подчинения ее гитлеровскому господству в Европе или в результате ее военного поражения, чем переносить режим Народного фронта» [32]. Страх крупного капита-

[28] См. «Новые документы по истории Мюнхена». М., 1958, стр. 42.

[29] «Известия», 22.IX 1938.

[30] «L'Humanité», 14.VII 1938.

[31] *J. Madaule*. Histoire de France, v. II. Paris, 1945, p. 373—374.

[32] *P. Lazareff*. De Munich à Vichy. New York, 1944, p. 43.

Даладье подписывает Мюнхенское соглашение

ла перед рабочим классом и народом Франции, объединившимся в Народном фронте, взял верх над национальными интересами.

Кульминационным пунктом пагубной политики сговора с агрессором было Мюнхенское соглашение между Францией и Англией, с одной стороны, и Германией и Италией — с другой, заключенное 29 сентября 1938 г. Мюнхенский сговор означал не только выдачу Чехословакии Гитлеру и лишение Франции надежного союзника, но и открытый отказ ее от франко-чехословацкого и франко-советского пактов о взаимопомощи и, следовательно, подрыв самой основы коллективной безопасности и изоляцию Франции. Все это делалось во имя того, чтобы обеспечить Гитлеру спокойный тыл на Западе для войны против Советского Союза — в расчете разрешить за счет страны социализма свои противоречия с фашистскими Германией и Италией.

В своих мемуарах бывший премьер-министр Англии Черчилль писал, что в то время Франция даже одна могла пресечь гитлеровскую агрессию. Она имела возможность мобилизовать 100 дивизий против 13, которые Гитлер мог бы оставить у французской границы. Он подчеркнул, что потеря Чехословакии была серьезным ударом для Франции; чехословацкие заводы «Шкода» выпускали в 1938—1939 гг. почти столько же продукции, сколько все английские военные заводы, а чехословацкая армия состояла из 35 отлично вооруженных дивизий [33].

[33] *W. S. Churchill.* The Second World War, Vol. I. Boston. 1949, p. 325, 263.

Сговор в Мюнхене убил доверие к Франции со стороны дружественных государств. «Мюнхен,— писал французский историк Ридматтен,— укрепил германскую гегемонию в Европе. Французское влияние было разрушено, британское ослаблено. Россия, которая хотела ввести в действие армию против агрессора, чувствовала себя оскорбленной» [34].

Сговор в Мюнхене получил поддержку не только всех правых организаций Франции, но также радикал-социалистов и социалистической партии, формально еще участвовавших в Народном фронте. Солидаризируясь с лидером радикал-социалистов Даладье, подписавшим позорное соглашение с Гитлером, Л. Блюм с умилением писал: «Война устранена, бедствие предотвращено. Жизнь вновь вошла в норму. Можно возобновить свою работу и обрести спокойный сон» [35].

КАНУН ВОЙНЫ

Но французские демократы не соглашались с подобной оценкой. Уже 30 сентября 1938 г. Политбюро ФКП заклеймило сделку в Мюнхене как преступление. 7 октября М. Торез на большом митинге в Париже заявил, что Даладье совершил величайшую измену по отношению к Франции, делу мира и демократии [36]. Выступая в палате депутатов, Г. Пери воскликнул: «Не называйте это миром! Мир не имеет ничего общего с этим триумфом классового эгоизма» [37].

При обсуждении в палате депутатов вопроса о ратификации Мюнхенского соглашения только коммунисты высказались против. К ним присоединилось два депутата от других партий. Социалисты и радикалы голосовали за ратификацию. Тем самым они порвали с Народным фронтом и объединились с правыми.

Попустительство наглой агрессии гитлеровцев против Чехословакии, приведшее к расчленению этой страны, а затем — к потере ею независимости, вызвало замешательство и разброд в рядах социалистов и радикалов, а отчасти — и в других политических партиях. Многие рядовые социалисты и радикалы начали сомневаться в правильности политики своих лидеров. В социалистической партии укрепилось левое течение. Его глава Жиромский требовал отказа от поддержки правительства Даладье, организа-

[34] *Riedmatten*. La Tragédie française. Versailles, 1946, p. 90.
[35] «Le Populaire», 1.X 1938.
[36] *М. Торез*. Сын народа. М., 1960, стр. 138.
[37] «Journal Officiel» 5.X 1938, p. 1532.

ции коллективной безопасности, объединения всех демократов и сохранения франко-советского союза [38].

Блюм был вынужден прибегать к сложным маневрам, чтобы избежать глубокого раскола СФИО, и хотя удалось предотвратить его, многие рядовые социалисты покинули партию [39]. Сам Жиромский также не пошел на поводу у Блюма; в конечном счете он порвал с социалистической партией и во время войны вступил в ряды ФКП.

Мюнхенский сговор способствовал укреплению французской реакции, крушению уже основательно расшатанного и подорванного Народного фронта. Располагая отныне поддержкой правого большинства в парламенте, Даладье добился в октябре 1938 г. чрезвычайных полномочий. С их помощью он издал 15 ноября ряд антирабочих законов, предусматривавших, в частности, отмену 40-часовой рабочей недели и увеличение рабочего времени до 50 часов, насильственное закрепление рабочих на предприятиях, преследование бастующих, увеличение прямых и косвенных налогов и т. д. Эти декреты, подготовленные министром финансов Рейно, сводили на нет завоевания рабочего класса в период торжества Народного фронта. Даже буржуазный журнал «Ревю де Пари» назвал декреты Даладье «жестокими» [40].

На натиск реакционной буржуазии французский рабочий класс ответил новыми забастовками и митингами протеста. В ряде случаев рабочие, как и в 1936 г., занимали предприятия и брали их под свой контроль. Но эти выступления происходили в условиях, когда Народный фронт фактически распался и когда против коммунистической партии, поддерживавшей и направлявшей действия рабочего класса, выступал не только крупный капитал, но и вчерашние партнеры ФКП по Народному фронту — правые социалисты и радикалы.

21 ноября 1938 г. состоялся специальный пленум ЦК ФКП. Морис Торез выдвинул здесь программу национального и социального возрождения страны. Он призвал противопоставить правительству, «приведшему Францию на край пропасти, такое правительство, которое аннулировало бы чрезвычайные законы Даладье, сохранило и расширило социальные завоевания Народного фронта, национализировало основные отрасли экономики (железные дороги, рудники, электростанции, страховое дело), арестовало фашистских изменников — агентов Гитлера, организовало национальную

[38] *Р. С. Варфоломеева.* Реакционная внешняя и внутренняя политика правых социалистов. М., 1949, стр. 77—79.

[39] «Очерки рабочего движения во Франции», стр. 215.

[40] «Revue de Paris», 1938, N 16, p. 759.

оборону»[41]. Со всей силой Торез указал на смертельную опасность со стороны гитлеровской Германии и призвал всех трудящихся защищать Францию, ее независимость, социальные завоевания и мир[42]. ЦК ФКП заявил, что партия готова принять участие в экономическом оздоровлении страны, а также в руководстве делом всеобщего вооружения народа в целях обеспечения мира и демократии. Решения пленума отразили теснейшую связь между классовыми интересами пролетариата и национальными интересами Франции[43].

ФКП стояла во главе движения против чрезвычайных декретов и наступления крупных предпринимателей. В Париже и департаменте Нор прошли забастовки. 26 ноября под руководством ФКП и ВКТ был проведен Национальный день протеста против реакционных декретов. Поскольку правительство Даладье не изменило своего курса и открыто поддерживало предпринимателей, руководство ВКТ (вопреки сопротивлению Жуо и Дюмулена) призвало рабочих к проведению 30 ноября всеобщей 24-часовой забастовки[44].

В обстановке растущего возмущения масс политикой правительства руководство социалистической партии высказалось против антирабочих мероприятий Даладье[45]. Однако оно противодействовало сплочению рабочего класса, отвергало предложения ФКП об объединении сил обеих партий в борьбе против фашизма и войны, запрещало социалистам сотрудничать с коммунистами.

Даладье учитывал это, обрушивая на компартию, демократические профсоюзы и рабочих-активистов неслыханные репрессии. Газета «Тан» предлагала нанести удар «зачинщикам-коммунистам» и утверждала, что «страна стоит перед попыткой революции»[46]. Стремясь сорвать всеобщую забастовку, правительство заранее стянуло в Париж и ряд других промышленных центров крупные силы полиции, жандармерии и даже воинские части; префектам было отдано распоряжение решительно пресечь движение.

Несмотря на жестокие превентивные меры, всеобщая забастовка состоялась. Она охватила 4 млн. трудящихся Парижа и других городов. Рабочие занимали предприятия и оказывали решительное сопротивление полиции и жандармам, старавшимся из-

[41] *Ж. Фревиль*. Морис Торез. М., 1958, стр. 55—56.
[42] *M. Thorez*. Oeuvres, l. IV, t. XVI, p. 66.
[43] *G. Willard*. La drôle de guerre et la trahison de Vichy. Paris, 1960, p. 16.
[44] «Histoire du Parti communiste français (Manuel)», p. 356.
[45] *J. Duclos*. Mémoires, t. II, p. 417.
[46] «Le Temps», 26.XI 1938.

гнать их оттуда. Во многих местах произошли настоящие сражения. На заводе «Рено» против забастовщиков были применены слезоточивые газы [47]. Тюрьмы были переполнены, некоторые предприятия закрыты. Предприниматели мстили рабочим, объявляя локауты (заранее согласованные с властями), выбрасывая тысячи людей на улицы. 40 тыс. было уволено с авиационных заводов, 32 тыс.— с заводов «Рено»; лишились работы 100 тыс. трудящихся Марселя, 100 тыс. текстильщиков, 80 тыс. рабочих металлургической промышленности департаментов Нор и Па-де-Кале и т. д. [48] Нанося жестокие удары по пролетариату и его организациям, правительство ослабляло Францию и ее национальную оборону. Своими действиями оно способствовало моральному разоружению французского народа перед лицом фашизма, наступавшего внутри страны и извне.

Реакционная внутренняя политика, продиктованная Даладье крупной буржуазией, закономерно сочеталась с дальнейшими шагами по «умиротворению» фашистских агрессоров. В декабре 1938 г. Бонне и министр иностранных дел гитлеровской Германии Риббентроп подписали в Париже франко-германскую декларацию. В ней говорилось о признании их правительствами существующей границы между Францией и Германией «окончательной» и о решении тех же правительств «поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, интересующим обе их страны, и взаимно консультироваться...» [49] Сами вопросы не были названы в декларации, но, как доносил еще 30 ноября германский посол Вельчек, новое сближение Франции с Германией «с помощью... франко-германской декларации сделало бы бесполезной перестраховку на Востоке» [50]. Другими словами, речь шла об отказе Франции от союза с СССР и даже от союза с буржуазной Польшей. Л. Ноель отметил в своих мемуарах, что в то время по настоянию Бонне «было решено начисто и без промедления денонсировать все соглашения, заключенные Францией: под ними понимали франко-польские соглашения и советско-французский пакт о взаимопомощи» [51]. Характерна судьба заключенного с Польшей в мае 1938 г. военного протокола, предусматривавшего взаимную помощь в случае германской агрессии. Он был только парафирован, но так и не введен в действие, ибо это зависело от подписания полити-

[47] «Débats parlementaires. Session extraordinaire de 1938», p. 1654.

[48] «Histoire du Parti communiste français (Manuel)», p. 357.

[49] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I. М., 1948. стр. 334—335.

[50] «Les Archives secrètes de la Wilhelmstrasse», t. IV. Paris, 1961, p. 416.

[51] *L. Noël.* L'agression allemande.... p. 259.

ческого соглашения, от чего Бонне все время уклонялся. «Я считал поэтому,— писал генерал Гамелен,— что военный протокол... нисколько нас не связывал...» [52]

Что касается денонсации франко-советского пакта, то формально Бонне не прибегал к ней, на деле же, как и многие его предшественники, с этим пактом не считался. Он сам признал, что советско-французский договор в его представлении «не имел никакого практического значения», поскольку «между французским и советским генштабами никогда не было переговоров о том, как могла бы русская помощь быть практически оказана во время войны» [53]. Но он умолчал о том, что французские правительства неизменно уклонялись от неоднократных предложений Советского правительства провести такие переговоры.

Расчеты французских мюнхенцев были отлично известны Гитлеру. Через посла в Париже Вельчека он знал, например, о намерении правительства Даладье «образумить коммунистов» [54]. В январе 1939 г. Бонне зачитал Вельчеку отдельные абзацы своей предстоящей речи в палате депутатов, подчеркивая, что они предназначены «исключительно для внутреннего употребления», другими словами — для обмана общественного мнения. В этих абзацах речь шла о том, что Франция остается верна своим пактам с Польшей и СССР [55].

Французская коммунистическая партия не могла знать о закулисных махинациях правительства Даладье. Но она всеми силами стремилась предотвратить опасное развитие событий. 21 января 1939 г. ЦК ФКП провел Национальную конференцию партии. В эти дни в Испании республиканцы вели ожесточенные бои в защиту Мадрида и Барселоны, франкистские войска продвигались на север, создавая угрозу Франции.

Конференция ФКП выразила готовность «поддержать такую правительственную политику, которая могла бы оказать эффективную помощь Испании и обеспечить безопасность границ» самой Франции. Она призвала всех честных французов «объединиться вокруг программы национального возрождения, основные принципы которой содержатся в программе Народного фронта, принятой всеобщим голосованием в 1936 г.» [56]

Но Даладье даже не откликнулся на этот призыв. После того как войска испанских мятежников появились у французской гра-

[52] *Gamelin.* Servir, v. II, p. 423.

[53] *G. Bonnet.* Défense de la paix. Genève, 1948, p. 123—124.

[54] «Le livre jaune». Paris, 1939, p. 202—205.

[55] «Les Archives secrètes de Wilhelmstrasse», t. IV, p. 346.

[56] «Cahiers du bolchévisme», 1939, N 2, p. 261—262.

ницы, Бонне вступил в дипломатические переговоры с Франко [57]. А когда 28 февраля пал Мадрид, состоялось официальное признание французским и английским правительствами диктаторского режима в Испании. В Мадрид в качестве посла Франции был послан маршал Петен — «человек, который легко мог найти общий язык с испанским диктатором» [58].

Используя политику «невмешательства», Гитлер 15 марта 1939 г. полностью захватил Чехословакию. 22 марта Германия, угрожая Литве, заставила ее отказаться от Клайпедской области с портом Клайпеда (Мемель). На следующий день Германия навязала кабальное соглашение Румынии, превращавшее последнюю в сельскохозяйственный и сырьевой придаток Германии. Муссолини уже не ограничивался притязаниями на Корсику, Савойю, Ниццу; 7 апреля итальянская армия вторглась в Албанию.

В это время агрессивные действия фашистских государств начали вызывать беспокойство и у правящих кругов Франции. 22 марта 1939 г. между Францией и Англией состоялся обмен нотами, содержавшими обязательства об оказании взаимной помощи в случае агрессии против одной из сторон. Но и после этого их основные усилия направлялись не на организацию коллективного отпора агрессорам, а на сговор с ними, чтобы «канализировать» германскую и итальянскую экспансии в восточном направлении.

В обстановке надвигающейся угрозы большой войны Англия и Франция весной 1939 г. начали переговоры с СССР о совместной защите мира. Однако скоро выяснилось, что английское и французское правительства стремились не заключить с СССР действенный пакт, способный положить конец фашистской агрессии, а лишь заручиться советскими гарантиями, взамен чего Франция и Англия практически не давали ничего. Так, Франция и Англия отказались подписать предложенный СССР 17 апреля 1939 г. трехсторонний пакт, предусматривавший оказание немедленной взаимной помощи всеми средствами в случае агрессии против любой из трех договаривающихся стран и совместную помощь граничащим с СССР государствам Восточной Европы в случае агрессии против этих последних.

25 апреля правительство Франции предложило СССР такое соглашение, которое обязывало последний оказать немедленную помощь Англии и Франции в случае нападения Германии на одну из них, но не предусматривало помощь указанных стран Советскому Союзу, если бы СССР подвергся германской агрессии [59].

[57] «История дипломатии», т. III. М., 1945, стр. 653.

[58] «История международных отношений», т. I. М., 1961, стр. 559.

[59] Архив внешней политики СССР. Дело англо-французских переговоров, 1939, г. III, л. 3—35.

Переговоры с СССР по вине Англии и Франции затянулись почти на четыре месяца и зашли в тупик. Оба государства ограничивались присылкой в Москву третьестепенных представителей, неспособных самостоятельно решать рассматриваемые вопросы, что красноречиво свидетельствовало о нежелании достичь соглашения с СССР. Когда по предложению Советского правительства переговоры были 23 июля возобновлены на уровне военных миссий, правительства Англии и Франции продолжали начатую ими политическую игру. Если СССР брал обязательство выставить против агрессора 120 пехотных и 16 кавалерийских дивизий с 5 тыс. тяжелых орудий, 9—10 тыс. танков, от 5 до 5,5 тыс. боевых самолетов, то английский вклад намечался всего в количестве 5 пехотных и 1 механизированной дивизии. Хотя французский генерал Думенк и называл 110 дивизий, 4 тыс. танков и 3 тыс. орудий крупного калибра, которые Франция могла использовать в войне, но, как и глава английской военной миссии, уклонялся от принятия конкретного плана отпора агрессору[60]. Законное требование Советского командования, чтобы Франция и Англия воздействовали на Польшу и добились ее согласия на пропуск советских войск к германской границе, не нашло у Даладье и Бонне отклика.

Советское правительство еще не знало тогда многих фактов, характеризующих вероломство правительств Англии и Франции, но оно с каждым днем убеждалось в их недобросовестной политической игре. Советское правительство до самого последнего дня Московских переговоров убеждало английское и французское правительства подписать действенный и эффективный договор о коллективной защите мира в Европе. Но именно в последние дни переговоров (15—20 августа) полностью подтвердилась безнадежность попыток СССР договориться с Чемберленом и Даладье[61]. Вот почему Советский Союз вынужден был принять предложение Германии о заключении пакта о ненападении. 23 августа этот пакт, ставивший СССР в отношении Германии формально в такое же положение, какое уже установили с ней ранее Англия и Франция, был подписан. Однако, сорвав соглашение с СССР об отпоре агрессору, правительства Даладье и Чемберлена устранили для Гитлера опасность войны на два фронта, позволили ему бить своих противников поодиночке. Как известно, одной из первых на очереди оказалась именно Франция.

Внешняя политика правящих кругов Франции, таким образом, увлекла страну на гибельный путь. Она потеряла такого могу-

[60] См. «Переговоры военных миссий в Москве».— «Международная жизнь», 1969, № 2, стр. 141—151.

[61] «История внешней политики СССР», ч. I. М., 1966, стр. 348.

чего союзника, как СССР, что предопределило последующий ее разгром.

В канун второй мировой войны Франция уже намного отставала от Германии по производству стали, чугуна, алюминия, автомашин и многого другого, сильно уступала ей в выпуске боевых самолетов, особенно бомбардировщиков, в производстве танков, боеприпасов и т. д. Однако правительство Даладье принимало лишь ограниченные меры по усилению обороноспособности страны. Зато оно всячески старалось использовать возраставшую напряженность обстановки для дальнейшего нажима на рабочий класс. В марте 1939 г. Даладье понизил оплату за сверхурочную работу, установил закрепление рабочих за предприятиями и т. д. Новые декреты означали принуждение работать сверхурочно под угрозой увольнения без права поступить на другое предприятие или лишения пособия по безработице на 6 месяцев. Социальное законодательство Франции было отброшено назад на целое столетие [62].

В сложившихся условиях французские фашисты действовали все более нагло и уверенно. Как писал М. Торез, они «хотели войны, поражения Франции и вторжения (нацистов), рассчитывая, что это поможет им установить свое господство над французским народом» [63]. Коммунисты активно разоблачали подрывную деятельность гитлеровской «пятой колонны» во Франции, открыто обвиняя правительство Даладье в покровительстве фашистам. К этому времени по крайней мере два человека — сотрудник газеты «Тан» Обэн и Пуарье из «Фигаро» — были изобличены как платные агенты фашистской Германии; но следствие по их делу, как и по другим подобным делам, если они касались Германии, велось тайно и не предавалось огласке [64]. Выступая 15 мая 1939 г. на пленуме ЦК ФКП в Иври, М. Торез говорил: «Фландены, деа вдохновляют и направляют большинство в парламенте. Их друзья сидят в правительстве. Какое можно в этих условиях иметь доверие к тем, кто управляет страной?» [65]

По мере приближения войны коммунистическая партия все решительнее требовала укрепления обороны Франции, подчеркивая, что агрессии Гитлера не миновать. 19 мая 1939 г. на пленуме ЦК ФКП М. Торез говорил: «Становится все яснее, что в конечном счете наиболее непосредственная и серьезная опасность угрожает со стороны германо-итальянской коалиции именно Фран-

[62] «L'Humanité», 20.V 1939.
[63] *М. Торез.* Сын народа, стр. 144.
[64] *G. Willard.* La drôle de guerre et la trahison de Vichy, p. 20.
[65] «L'Humanité», 16.V 1939.

ции»[66]. Партия настойчиво призывала к заключению эффективного соглашения с СССР и проведению других мер, способных обеспечить оборону страны. Она заклеймила французское правительство, по вине которого были сорваны Московские переговоры, и показала, к чему это может привести. Парламентская группа ФКП потребовала, чтобы министерство иностранных дел использовало германо-советский договор о ненападении для созыва международной конференции с целью урегулирования нерешенных проблем[67]. Но правительство Даладье — Бонне не желало и слышать о конференции с участием СССР.

25 августа «Юманите» еще раз призвала к подписанию договоров, «не дающих свободы рук агрессору». Газета повторяла, что «в настоящей битве против фашистского агрессора коммунистическая партия займет свое место в первых рядах». В тот же день газета была запрещена; то же касалось и другого органа ФКП — «Се суар»; реакция развернула дикую травлю компартии. 27 августа правительство запретило издание и других коммунистических газет и журналов, лишив тем самым партию важнейшего орудия работы в массах.

Так правящие круги Франции политически и морально разоружали Францию, когда требовалось максимальное сплочение здоровых сил страны. Это была губительная политика «200 семейств» и всей французской реакции, видевших угрозу для своего господства не в германском фашизме, а в трудящихся массах.

Попытки сговора с агрессором отнюдь не прекращались, хотя война уже придвинулась вплотную. Бонне ухватился за сделанное 31 августа предложение Муссолини о созыве конференции Англии, Франции, Германии и Италии «для урегулирования возникших разногласий». Речь шла о новом Мюнхене, на этот раз за счет Польши. Однако в это время Гитлера уже не устраивало соглашение. Ему, по его же словам, была нужна война и только война. Пренебрегая всеми «мирными» предложениями, Гитлер отдал приказ о вторжении вооруженных сил Германии в Польшу, что означало полный крах политики «умиротворения» и сговора с агрессором. Нападение на Польшу, начавшееся утром 1 сентября 1939 г., положило начало второй мировой войне, через короткий срок всей своей силой обрушившейся на Францию.

[66] *Ж. Фревиль*. Морис Торез, стр. 57.
[67] Там же, стр. 58.

6

ПОРАЖЕНИЕ В ВОЙНЕ И ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ

«СТРАННАЯ ВОЙНА»

1 сентября 1939 г. гитлеровские полчища вторглись в Польшу. Поколебавшись два дня, французское правительство 3 сентября сделало Германии заявление о том, что с 17 часов 3 сентября «оно будет считать себя обязанным выполнить обязательства, взятые Францией в отношении Польши» [1].

На первых порах вступление Франции в войну не отразилось коренным образом ни на политике ее правящих кругов, ни на течении жизни в стране. По существу французское правительство продолжало мюнхенский курс, но уже в условиях войны. С легкой руки одного журналиста, подслушавшего это выражение у солдат на фронте, то время назвали «странной войной». Так окрестили ее потому, что на протяжении 10 месяцев сильные французские соединения, а также и английские части (они прибыли на французский фронт 12 сентября) практически в полной неподвижности стояли перед лицом противника, которого превосходили и в численности, и в материальном обеспечении [2]. Уклоняясь

[1] «Le livre jaune français. Documents diplomatiques 1938—1939». Paris, 1939, p. 413.

[2] В первые месяцы войны 110 французских и английских дивизий противостояли 23 немецким — главные силы вермахта в это время находились в Польше (см. «Вторая мировая война 1939—1945 гг.». М., 1951, стр. 39—40).

от боевых действий против врага, правящие круги Франции в эти месяцы усердствовали главным образом в двух направлениях: подавлении собственного народа и подготовке антисоветских авантюр.

Война началась в Европе как столкновение двух империалистических коалиций. Французская буржуазия, для которой гитлеровская Германия являлась опаснейшим империалистическим соперником, стремилась оградить от его посягательств свои позиции на континенте и свою колониальную империю. Но в то же время реакционеры всех капиталистических стран, в том числе и Франции, видели в Гитлере союзника в борьбе против рабочих и трудящихся масс, жандарма, на которого хотели бы возложить защиту своих классовых интересов. Для этих сил полный разгром гитлеризма был нежелателен, тем более что для победы над ним следовало опереться на те самые антифашистские и демократические элементы, обуздание которых было давнишней мечтой монополий.

В результате французское правительство и предпочло избрать тактику войны без военных действий, а ссылками на военное положение оправдывать репрессии против коммунистической партии и трудящихся. Среди правителей Франции была сильна также прослойка, считавшая, что только поражение позволит установить угодный ей режим, и потому всячески тормозившая любые военные усилия.

Уже 12 сентября 1939 г. командование отдало приказ не вести на некоторых участках «линии Мажино» артиллерийскую стрельбу, ибо... это могло вызвать ответный обстрел со стороны противника, а тем самым нанести ущерб железнодорожным линиям, проходившим вдоль Рейна. К концу месяца французские войска, продвинувшиеся было на несколько километров в глубь германской территории, были тайно отведены на первоначальные позиции [3].

В стране происходил процесс постепенной моральной демобилизации. Представители официальных кругов, в том числе министерства обороны, широко пропагандировали идею, будто «войну можно выиграть без кровопролития, достаточно лишь подождать, и победа сама упадет в руки, как зрелый плод» [4]. Пораженцы развернули настоящее «наступление в пользу мира». По словам генерала Гамелена, наибольшую активность в этом деле проявили

[3] «Les évenements survenus en France de 1933 a 1945. Témoignages et documents recueillis par la commission d'enquête parlamentaire», vol. II. Paris, 1951, p. 546, 415.

[4] *P. Mendès-France*. Liberté, liberté chérie. New York, 1943, p. 10—12.

Лаваль, Шотан, Фланден, поддерживаемые маршалом Петеном [5]. Одновременно правящие круги повели ожесточенную атаку на рабочий класс и всех трудящихся. 6 сентября были изданы декреты о реорганизации производства в соответствии с военным положением: на предприятиях военного значения была введена 60-часовая рабочая неделя, снижена заработная плата, на которую, помимо того, был введен налог в размере 15% [6]. За этими шагами последовало множество других мероприятий, имевших целью урезать социальные и политические права трудящихся.

Но свою первейшую задачу французская реакция видела в разгроме коммунистической партии. 26 сентября 1939 г. был издан декрет о ее запрещении. Затем одно за другим посыпались распоряжения о конфискации имущества партии и примыкающих к ней организаций, о смещении мэров-коммунистов и роспуске муниципальных советов, в состав которых входили коммунисты. После запрещения ФКП депутаты-коммунисты образовали «рабоче-крестьянскую группу»; она обратилась к председателю палаты депутатов с предложением начать переговоры с Советским Союзом, чтобы избавить Францию от участия в истребительной войне и добиться справедливого мира. В ответ правительство усилило преследование коммунистов, некоторые депутаты от ФКП были брошены в тюрьму, часть перешла на нелегальное положение.

30 ноября была созвана сессия палаты депутатов. В этот день член ЦК ФКП Флоримон Бонт, находившийся в подполье, пришел в парламент, чтобы огласить декларацию партии, разоблачавшую политику правительства. Однако его вытолкали из зала заседаний. Бонт был арестован у здания парламента. 9 января 1940 г. другие четыре депутата-коммуниста, призванные в армию, Раймон Гюйо, Фернан Гренье, Андре Мерсье и Шарль Мишель явились на заседание палаты депутатов. Реакционные члены парламента встретили их провокациями и оскорблениями. Коммунистов избили, а депутат от социалистической партии Шассень потребовал, чтобы им «всадили пулю в затылок». Через несколько дней на заседание палаты пробились прибывшие из армии депутаты-коммунисты Этьен Фажон и Мутон, причем первый смог произнести речь, в которой изложил позицию ФКП. В тот же день был утвержден закон о лишении всех членов парламента — коммунистов их прав [7].

[5] *Général Gamelin*. Servir. La guerre. Septembre 1939—19 mai 1940. Paris, 1947, p. 107.

[6] *Ж. Виллар*. «Странная война» и предательство Виши. М., 1962, стр. 31.

[7] См. *Ф. Бонт*. Дорога чести. М., 1949, стр. 27, 83, 91—92.

В марте 1940 г., подводя итоги антикоммунистических репрессий, министр внутренних дел Сарро сообщил, что разогнаны 300 коммунистических муниципалитетов и 675 общественных организаций, закрыты 2 ежедневные газеты и 159 других изданий в Париже и провинции, проведено 11 тыс. обысков, арестовано 3400 человек[8]. По сведениям же коммунистической печати, уже к январю 1940 г. в концентрационные лагеря было заключено 15 тыс. человек.

Буржуазия стремилась подавить и другие организации рабочего класса. В этом ей неоценимую помощь оказали правые социалисты и реформистское руководство профсоюзов. Леон Жуо добился исключения коммунистов из центральных и местных органов ВКТ. Было распущено 620 профсоюзных организаций, находившихся под влиянием коммунистов. В то же время правительство смотрело сквозь пальцы на происки фашистской «пятой колонны». Комитет «Франция — Германия» продолжал действовать, отдельные «кагуляры», еще находившиеся в тюрьме, были выпущены.

Начавшаяся в конце 1939 г. советско-финская война была воспринята правящими кругами как сигнал к реализации давно вынашивавшихся ими антисоветских планов. «Во французских политических кругах сразу же распространилось мнение,— писал впоследствии Гамелен,— что военное выступление против России не представило бы никакого серьезного неудобства, если бы оно было осуществлено либо через Финляндию... либо в направлении кавказской нефти с помощью авиации, базирующейся в странах французского Леванта или в Ираке, или же с помощью военно-морских сил через Черное море»[9]. Эту точку зрения разделяли и другие военные. Вейган, назначенный на пост главнокомандующего французскими войсками в районе Средиземного моря, писал Гамелену: «Со своей стороны я считаю чрезвычайно важным сломать хребет Советскому Союзу либо в Финляндии, либо в каком-нибудь другом месте»[10]. Командующий французским флотом адмирал Дарлан разработал проект военной операции через Северный Ледовитый океан против занятого советскими войсками финского порта Петсамо. Французское и английское правительства посылали в Финляндию самолеты, орудия, пулеметы и снаряды.

5 февраля 1940 г. на заседании Верховного союзного совета было принято решение отправить в Финляндию английские и французские войска, замаскированные под добровольцев. Отправка

[8] *М. Торез.* Избранные произведения, т. I. М., 1959, стр. 559—560.
[9] *Général Gamelin.* Servir, p. 194.
[10] Ibid. p. 199.

Марсель Кашен в качестве свидетеля на заседании военного трибунала, разбирающего «дело» депутатов-коммунистов

войск была назначена на середину марта. Однако осуществить эти планы не удалось. Между СССР и Финляндией начались переговоры о мире.

Хотя в середине марта 1940 г. генералу Вейгану были направлены инструкции относительно нападения на Кавказ с помощью авиации, базирующейся в районах Северной Сирии [11], французские антисоветчики не могли простить Даладье, что момент был упущен. Правительство Даладье подверглось в палате депутатов резкой критике за недостаточную расторопность в разработке военных акций против СССР [12] и 20 марта ушло в отставку. Новый кабинет возглавил Поль Рейно, который являлся одновременно министром иностранных дел. Рейно предложил Англии подписать соглашение, на основании которого правительства обеих стран обязывались не заключать с Германией сепаратного мира.

С первых же дней пребывания у власти Рейно поставил вопрос о нападении на СССР с юга на обсуждение Верховного союзного совета, а 11 апреля предложил Вейгану закончить под-

[11] *Weygand*. Mémoires. Rappelé au service. Paris, 1950, p. 71.

[12] См. *В. П. Смирнов*. «Странная война» и поражение Франции. М., 1964, стр. 148—150.

готовку операции за 15 дней. Она была намечена на конец июня или начало июля 1940 г.[13] Зимой 1939/40 г. французские власти организовали налеты и обыски в советском торговом представительстве и квартирах сотрудников торгпредства СССР, наложили арест на грузы, предназначенные для Советского Союза. Одной из первых акций правительства Рейно было требование об отзыве советского посла из Парижа[14]. Французский флот задержал в дальневосточных водах советские корабли.

В области внутренней политики новое правительство также продолжило курс своего предшественника. 20 марта в Париже начался суд над депутатами-коммунистами. После двух недель судебного разбирательства подсудимые — как те, кто присутствовал в зале суда, так и те, кого судили заочно,— были приговорены к пяти годам тюремного заключения каждый и к высокому денежному штрафу, а также к поражению в правах на пять лет. Вслед за тем был принят ряд новых декретов, направленных против коммунистов; они подлежали, в частности, увольнению из всех государственных и коммунальных учреждений. По декрету о «действиях, деморализующих армию и нацию с целью нанесения ущерба национальной обороне», всякая коммунистическая деятельность, в том числе изготовление, хранение и распространение коммунистических газет или листовок, могла быть расценена как измена и повлечь за собой смертную казнь[15].

Обрушившиеся на коммунистическую партию репрессии вынудили ее перейти на нелегальное положение. Партия и в подполье сумела создать прочное руководство, в которое входили Морис Торез, Жак Дюкло, Бенуа Фрашон, Гастон Монмуссо и др. ФКП начала воссоздавать сеть местных организаций и низовых ячеек, развернула энергичную работу по изданию нелегальных газет, брошюр и листовок. 26 октября 1939 г. вышел первый номер подпольной «Юманите», которая затем начала печататься регулярно. До конца года было выпущено 16 номеров «Юманите», а за первые месяцы 1940 г.— около 50. С 1940 г. нелегально выходили теоретический журнал «Кайе дю большевисм» и партийный бюллетень «Ви дю парти». Организации партии на местах также издавали свои печатные органы.

«Странная война, война против народа, не была справедливой войной, она не могла вызвать подъема масс на защиту родины,— отмечал М. Торез в своем докладе X съезду партии в 1945 г.— Поэтому ФКП видела свою главную задачу в том, чтобы возгла-

[13] *Weygand*. Mémoires, p. 71.

[14] «Внешняя политика СССР», т. 4. М., 1946, док. 409, стр. 498.

[15] *М. Торез*. Процесс депутатов-коммунистов во Франции.— «Коммунистический Интернационал», 1940, № 3—4, стр. 84.

вить борьбу народа против неспособных руководителей, которые придали войне реакционный характер, характер несправедливой войны»[16].

Коммунисты выступали против «управляющего делами страны правительства бесчестья, нищеты и войны»[17], призывали к образованию рабоче-крестьянского правительства, способного обеспечить прочный мир. Особенно решительно коммунистическая партия восставала против антисоветских авантюр, затеянных правящими кругами Франции. ФКП стремилась объединить все антифашистские силы. «Юманите» обращалась к рабочим: «Призывайте трудящихся-социалистов и искренних демократов протестовать вместе с вами! Объединимся сегодня, чтобы завтра вас не объединили в концентрационных лагерях»[18]. Такой союз, по мнению коммунистов, мог быть создан на основе совместных действий трудящихся различных убеждений за свои жизненные права, за демократические свободы. Разоблачая раскольников в профсоюзах, компартия настаивала на образовании единого профсоюзного центра для руководства борьбой трудящихся.

Коммунистам и прогрессивным профсоюзным работникам, получавшим поддержку трудящихся, удалось помешать полному удушению рабочего движения в стране. На многих заводах проходили стачки и демонстрации протеста против политики правительства. Однако репрессии, общая атмосфера замешательства, неистовая буржуазная пропаганда, политика правых социалистов делали свое дело. Поэтому в ходе «странной войны» компартия не смогла создать широкого антифашистского фронта для спасения страны от военного разгрома, хотя основы для сплочения в борьбе за освобождение родины закладывались уже в то время.

ПОРАЖЕНИЕ ФРАНЦИИ

А между тем тучи военной катастрофы уже сгущались. В гитлеровской ставке давно велась усиленная разработка планов наступательных операций на западном фронте. К весне 1940 г. на западных границах Германии было сосредоточено до 115 дивизий. К 24 февраля 1940 г. окончательный вариант нападения на Францию был утвержден[19]. 18 марта Гитлер и Муссолини встретились на перевале Бреннер, где договорились об участии Италии в войне.

[16] *M. Thorez.* Une politique de grandeur française. Paris, 1945, p. 288.
[17] См. *М. Торез.* Избранные произведения, т. I, стр. 453.
[18] «L'Humanité», 1939, N 14, sans date.
[19] См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза», т. 1. М., 1960, стр. 216.

В апреле Германия напала на Данию и Норвегию, а затем наступила очередь Франции. 10 мая в 5 часов 35 минут утра самолеты люфтваффе бомбардировали немецкий город Фрейбург; немцы обвинили в этом французскую авиацию. Гитлеровские войска, воспользовавшись этой провокацией как предлогом для агрессии, без объявления войны широким фронтом двинулись на Бельгию, Голландию и Люксембург, открывая себе путь во Францию.

Гитлеровское командование строило свои расчеты на том, чтобы заставить французские и английские войска вступить в Бельгию и окружить их там. Тем временем основное ядро немецких сил должно было осуществить глубокий прорыв через Арденны и Северную Францию к побережью Ла-Манша. Этот расчет оказался верным. Как только в Париже была получена просьба Бельгии о помощи, большой группе французских и английских соединений было приказано двинуться на территорию этой страны. Одновременно гитлеровские армии начали операции на «линии Мажино», чтобы задержать там войска противника. Главные же силы германского вермахта в это время форсированным маршем прошли по территории Люксембурга и 12 мая вышли на реку Маас. В течение трех дней они взломали фронт на протяжении 100 км. В прорыв хлынули немецкие танковые и моторизованные дивизии. В замешательстве французские армии начали отступать к Парижу и на запад, к морю. Бои велись только отдельными соединениями, причем в ряде случаев французские солдаты и офицеры проявляли подлинный героизм.

Как только началось наступление гитлеровских войск, правительство и командование впали в панику. Когда же 15 мая капитулировала Голландия, Рейно обратился к Черчиллю, который 10 мая сменил Чемберлена на посту премьер-министра Англии, с отчаянным призывом: «Вчера вечером мы проиграли битву. Дорога на Париж открыта. Пришлите нам все самолеты и войска, какими вы располагаете»[20]. Черчилль пообещал приехать в Париж, чтобы обсудить положение.

Французское правительство решило немедленно вызвать в Париж Вейгана, чтобы поручить ему пост главнокомандующего вместо Гамелена. Одновременно в Париж был приглашен Петен, находившийся в Испании в качестве посла. Рейно предложил ему должность вице-председателя совета министров[21]. Это означало существенное усиление сторонников капитуляции. Старый маршал, слывший национальным героем, уже давно принадлежал к числу лиц открыто прогерманской ориентации. Вейган тоже был после-

[20] *P. Reynaud.* La France a sauvé l' Europe. Paris, 1947, v. II, p. 94.
[21] *Pertinax.* Les fossoyeurs. Paris, 1946, p. 210.

довательным сторонником капитуляции. Вылетая из Бейрута, он, как рассказывал один из офицеров его штаба, уже считал, что война проиграна и нужно согласиться на «разумные» условия перемирия [22].

В столице тем временем воцарилась сумятица и неразбериха. Военный губернатор Парижа предложил вывезти правительство. В министерстве иностранных дел жгли документы. Был отдан приказ эвакуировать парламент. Черчилль вспоминает, что, когда он 16 мая беседовал с Рейно, Даладье и Гамеленом, «глубокое уныние было на всех лицах». На вопрос, имеются ли у Франции стратегические резервы, Гамелен ответил: «Их нет» [23].

На следующую ночь франко-английские армии начали отступать из Бельгии. Немецкие же войска вступили в Брюссель и 21 мая достигли побережья между рекой Соммой и Булонью, тем самым расчленив англо-французский фронт надвое.

22 мая на новом совещании с участием Черчилля и Рейно было решено предпринять контрнаступление, чтобы ликвидировать прорыв немецких войск к Ла-Маншу. Однако в ночь с 23 на 24 мая английское командование получило приказ сняться с позиций и отступать к Дюнкерку. Наутро немцы начали атаку против бельгийской армии и через день заняли Кале. Становилось все более очевидным, что последние надежды остановить гитлеровское наступление рухнули, да их, собственно, никто и не воспринимал всерьез.

На заседании военного комитета 25 мая Вейган утверждал, что «Франция совершила огромную ошибку, вступив в войну», и что ей «придется дорого заплатить за это преступное неблагоразумие». Колебавшийся до этого Рейно и президент республики Лебрен тоже заговорили о прекращении борьбы. «Если Германия предложит нам относительно выгодные условия, мы должны внимательно изучить и трезво обсудить их»,— заявил Лебрен. Вейган рекомендовал поставить перед Лондоном вопрос о сепаратном мире [24]. При этом он сослался на необходимость «поддержания порядка в стране». «Какие волнения произойдут,— горячился он,— если последняя организованная сила, то есть армия, распадется» [25].

В обстановке крайней спешки и паники происходила эвакуация английских и французских войск из Дюнкерка. Город горел.

[22] *Г. М. Ратиани.* Конец Третьей республики во Франции. М., 1964, стр. 77; *Pertinax.* Les fossoyeurs, p. 244.

[23] *W. Churchill.* The Second World War, vol. II. London, 1950, p. 42.

[24] *A. Kammerer.* La vérité sur l'armistice. Paris, 1944, p. 304, Annexe VII, p. 298.

[25] *Weygand.* Mémoires. Appendice, IX, p. 3—6.

Немецкая авиация почти непрерывно бомбила превратившиеся в руины дома и портовые сооружения. С лихорадочной поспешностью люди кидались на борт подходивших судов, бросая вооружение. К 31 мая было эвакуировано 150 тыс. англичан и лишь 15 тыс. французов. Когда 3 июня немецкие войска захватили полуразрушенный город, 40 тыс. французских солдат и офицеров попали в плен.

Пока развертывалась операция в Дюнкерке, в Париже продолжали обдумывать, как добиться от Германии перемирия. 27 мая совет министров снова вернулся к этому вопросу. И вновь разговоры о перемирии ставились в прямую связь с борьбой против революционного движения в стране. «На заводах говорят — нас предали,— пугал Фроссар, занимавший пост министра информации.— Самое срочное — уже сегодня вечером решить, как оградить общественное мнение от этой угрозы» [26].

Правящие круги Франции принялись искать посредника для начала переговоров о перемирии. 27 мая было принято решение обратиться к итальянскому правительству, чтобы выяснить его намерения, а также узнать, каких уступок оно может потребовать для себя. На следующий день Чиано заявил английскому послу, что Муссолини «будет воевать с Францией даже в том случае, если она предложит Италии Тунис, Корсику и Ниццу».

Вечером 5 июня в правительстве была проведена очередная перетасовка, в результате которой еще больше укрепились позиции профашистов и пораженцев. В то же время впервые официальный пост занял генерал де Голль, который стал заместителем военного министра [27]. Но в этот момент положение было уже угрожающим. 6 июня немецкие войска прорвали линию обороны, созданную французами на реке Сомме. На следующий день образовался прорыв и на реке Эн. Французские войска начали откатываться на юг. Сражения продолжались лишь в отдельных местах. К 9 июня гитлеровские армии подошли к правому берегу Сены. На следующий день, когда исход кампании был уже очевидным, Италия объявила Франции войну, нанеся ей удар в спину.

Хотя 7 июня Рейно возвестил начало «битвы за Францию», на самом деле правительство не проявляло готовности организовывать оборону.

За продолжение отпора врагу выступала лишь Французская коммунистическая партия. 6 июня подпольный ЦК ФКП передал

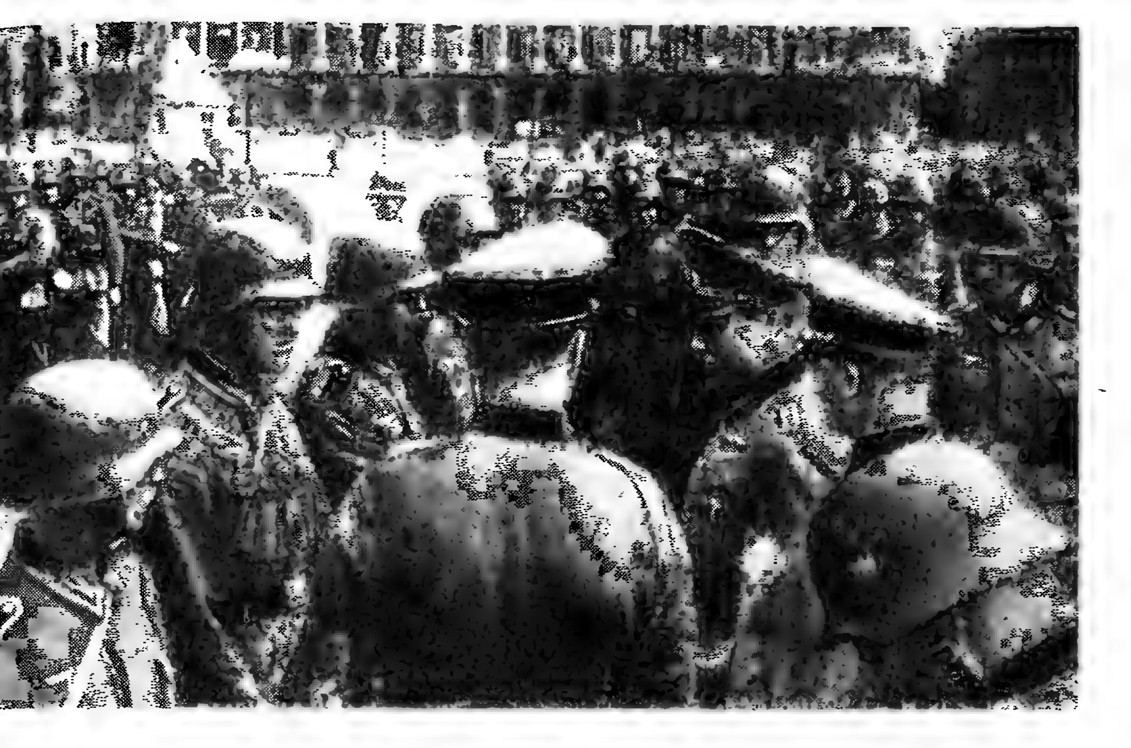
[26] *P. Reynaud.* La France a sauvé l'Europe, vol. II, p. 244.

[27] Биографию де Голля см *Н. Н. Молчанов.* Генерал де Голль М., 1972; *В. И. Антюхина-Московченко.* Шарль де Голль.— «Новая и новейшая история», 1971, № 3, 4, 5, 6.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В НИДЕРЛАНДАХ, БЕЛЬГИИ И ФРАНЦИИ. 10 мая–24 июня 1940 г.

- Укрепленные позиции: немецкая–„Линия Зигфрида", французская–„Линия Мажино"
- Выдвижение англо-французских войск в Бельгию и Нидерланды
- Положение сторон к началу военных действий
- Наступление немецких войск в Нидерландах к Бельгии 10-27.05
- Наступление и выход немецких войск к побережью Франции 10-27.05
- Линия фронта к 27.05
- Эвакуация англо-французских войск из Дюнкерка 27.05–4.06
- Линия фронта к 5.06
- Наступление немецких войск во Франции 5-25.06
- 10.06 — Бегство французского правительства в Тур 10.06
- Положение немецких войск на 12.06
- Положение немецких войск к началу переговоров о перемирии 17.06
- 22.06.40 — Подписание перемирия между Францией и Германией в Компьенском лесу
- Граница территории Франции, оккупированной Германией по соглашению от 22.06
- Положение немецких войск на 25.06

75 0 75 150 225 км



Немецко-фашистские оккупанты в Париже

правительству обращение, в котором предлагал защитить Париж. С этой целью ФКП считала необходимым:

1) изменить характер войны, превратив ее в народную войну за свободу и независимость родины;

2) освободить депутатов-коммунистов и активных работников коммунистической партии, а также десятки тысяч заключенных в тюрьмы и интернированных рабочих;

3) немедленно арестовать вражеских агентов, которыми кишат парламент, министерства и даже генеральный штаб, подвергнув их суровому наказанию;

4) эти первые мероприятия вызовут всенародный энтузиазм и позволят создать массовое ополчение, о чем следует объявить немедленно;

5) вооружить народ и превратить Париж в неприступную крепость»[28].

Но правительство Рейно не допускало и мысли о защите столицы народом. Париж был объявлен открытым городом. Поток машин, повозок, пешеходов затопил дороги, уходящие на юг страны. Беженцы смешивались с отступающими в беспорядке частями французской армии. Так «битва за Францию» превратилась в «великий исход».

[28] «Histoire de Parti communiste français (Manuel)». Paris, 1964, p. 380

В 8 часов утра 14 июня в столицу Франции парадным маршем вступили гитлеровские войска. Париж оказался во власти оккупантов.

А в это время президент республики, председатели палаты депутатов и сената, глава правительства и министры, главнокомандующий и его ставка мчались на юг, прокладывая себе дорогу среди великого множества людей и машин. В промежутках между переездами дважды были проведены совещания с английскими союзниками. Но эти встречи не дали никаких результатов. «Каждый из участников... действовал не в качестве партнера в игре, которая ведется сообща, а как человек, ориентирующийся только на себя и ведущий игру в своих личных интересах»[29]. Рейно просил англичан прислать во Францию авиацию, а Черчилль спрашивал, какова будет судьба французского флота: Англия боялась, что Германии удастся завладеть им, а это сделало бы ее еще более опасным противником.

Тем временем Вейган грозил, что, если Германии не будет послано предложение о перемирии, «произойдут беспорядки в армии, среди местного населения и беженцев». Во время одного из заседаний правительства, избравшего своим временным пристанищем замок Канже, неподалеку от Тура, министрам было сообщено, что в Париже якобы уже началось восстание, а Торез обосновался в президентском дворце на Елисейских полях. Хотя Мандель, справившись по телефону, тут же выяснил, что это — стопроцентная выдумка, министры продолжали упорно настаивать на перемирии. Все же было решено подождать ответа правительства США, которое Рейно, выступая в тот же день по радио, просил прислать во Францию «тучи военных самолетов»[30].

14 июня «министерский караван», как называли очевидцы колонну правительственных машин, прибыл в Бордо.

В эти тревожные дни коммунисты еще раз попытались добиться продолжения борьбы против гитлеровской Германии. Но делегация, которая была уполномочена ЦК ФКП отправиться в Бордо, чтобы установить контакт с правительственными организациями и парламентскими группами, была арестована.

Большинство министров настаивали, чтобы Германию запросили об условиях перемирия. 16 июня Рейно подал в отставку и рекомендовал назначить председателем совета министров Петена.

[29] *Ш. де Голль.* Военные мемуары, т. I. М., 1957, стр. 91.

[30] Ответ на это выступление и на телеграмму, которую Рейно наутро отправил в Вашингтон, был очень уклончив и пришел в момент, когда все было кончено. США обещали Франции материальную поддержку, но не военную помощь (см. «Documents on American Foreign Relations 1939—1940», vol. II. Boston, 1940, p. 426).

В тот же вечер, явившись по вызову Лебрена, Петен дал свое согласие на это предложение. Он «привычным жестом открыл свой бумажник», показал список и сказал: «Вот мое правительство» [31]. Новому кабинету понадобилось всего несколько минут, чтобы принять решение просить у Германии перемирия; обращение было направлено еще той же ночью через испанское правительство. Италии была послана аналогичная просьба.

Однако Гитлер не торопился с ответом, а немецкие войска продолжали продвигаться к юго-западу. Целью Гитлера было поставить Францию в такие условия, которые полностью исключили бы возможность ее дальнейшего участия в войне на стороне Англии. Германия добивалась нейтрализации французского флота и колоний, в то же время не упуская из виду перспективы сделать из Франции союзника в первую очередь против СССР.

Наконец, 20 июня немецкое радио передало, что германское верховное командование согласно заключить перемирие. На другой день французская делегация, возглавляемая генералом Хюнтцигером, была доставлена в Компьенский лес под Парижем. В том самом вагоне, где в 1918 г. маршал Фош продиктовал германским представителям условия перемирия, делегатов Франции встретил не скрывавший своего ликования Гитлер, которого сопровождали Геринг, Гесс, Риббентроп, адмирал Редер, генерал Кейтель и др. Кейтель зачитал документ, содержавший демагогические заявления о том, будто «Германия не хочет придавать унизительного характера условиям перемирия» и ставит целью «создать необходимые предпосылки для установления нового мира» [32]. После этого Гитлер удалился, и начались переговоры. Цветистые фразы были отброшены, и Кейтель предупредил французских представителей, что подготовленный германской стороной проект является окончательным и речь может идти лишь о разъяснении некоторых статей. По условиям перемирия французские вооруженные силы на земле, на море и в воздухе должны были прекратить сопротивление. Они подлежали разоружению и демобилизации. Оружие, снаряжение и оборонительные сооружения передавались Германии или ставились под германо-итальянский контроль. Две трети территории Франции подвергались оккупации. Военный флот, за исключением кораблей, которые оставлялись французскому правительству для охраны его интересов в колониальной империи, должен был быть демобилизован и разоружен под контролем Германии и Италии. Франция обязывалась вернуть немецких пленных и выдать политических эмигрантов, в то время

[31] *Э. Эррио.* Эпизоды 1940—1944. М., 1961, стр. 48; «Procès du maréchal Pétain. Haute Cour de justice», 1945, p. 47.

[32] «Un témoignage. Le dictat de Rethondes». Paris, 1945, Annexe I, p. 131—133.

как французские пленные (их число составляло 1,5 млн. человек) оставались в Германии «до заключения мира». Франции вменялась оплата расходов на содержание оккупационной армии [33].

Хюнтцигер сразу попросил дать правительству Петена право иметь 120—130 тыс. солдат, не считая полиции, жандармерии и мобильной гвардии. Ему была обещана возможность держать в неоккупированной зоне 100-тысячную армию, так называемую армию перемирия. В оккупированной же зоне поддержание «внутреннего порядка» брали на себя немецкие войска [34].

22 июня соглашение было подписано. Делегация отправилась в Рим. 25 июня перемирие с обеими странами вступило в силу.

Так за невиданно короткий срок — всего лишь каких-нибудь шесть недель — первоклассная мировая держава потерпела поражение и сдалась на милость победителя. И только из-за того, что у фашистских главарей имелись определенные расчеты, связанные с будущим французских колоний и военного флота, Франция не была превращена в колонию гитлеровской Германии, а ее реакционным правителям удалось сохранить призрачную видимость власти над небольшой южной частью страны.

Поражение Франции было обусловлено целым комплексом причин: отставанием военной подготовки от тех требований, которые предъявляла война в конце 30-х годов, неумеренными надеждами на «линию Мажино», которая изображалась неприступным барьером, способным отразить любую попытку нападения, ошибками в стратегическом планировании, плохой работой военной промышленности, неразберихой со снабжением, недостаточной помощью союзников и т. д.

Но разгром Франции явился прежде всего следствием классовой ограниченности крупного капитала, охваченного паническим страхом перед собственным народом, перед ростом могущества и влияния Советского Союза. Правящие круги надеялись с помощью иностранных штыков удержать в своих руках власть и установить во Франции фашистский режим, представлявшийся им единственным средством защитить и оградить свои интересы от народа.

Во второй мировой войне Франция встретилась с тем же противником, что и в первой,— милитаристской Германией, не располагая к началу войны русской помощью и опираясь только на союз с Англией [35]. В силу своей классовой слепоты французские правящие круги оторвали свою страну от того единственного союзника, который мог оказать ей действенную помощь

[33] «Un témoignage. Le dictat de Rethondes», Annexe III, p. 135—147.

[34] Ibid., p. 59.

[35] См. *А. З. Манфред.* Очерки истории Франции. М., 1961, стр. 598.

и избавить от разгрома и оккупации,— Советского Союза. По их вине франко-советский договор 1935 г., открывавший перспективу спасения для Франции, был сведен на нет. Правда, в момент наибольшей угрозы на фронте правительство Рейно обратилось к СССР с просьбой поставить Франции боевые самолеты, и СССР немедленно ответил согласием. Однако французская миссия, направленная в Москву, прибыла туда лишь 22 июня, когда уже было подписано перемирие [36].

Впоследствии, выступая в парламентской комиссии по расследованию событий второй мировой войны, Пьер Кот говорил: «Мы проиграли войну, вернее, битву в 1940 г. не по причинам технического характера, мы проиграли ее по причинам политического порядка... В 1939 г. мы не имели поддержки со стороны Советского Союза и ничем не могли заменить эту поддержку... Мы были побеждены не потому, что нам недоставало трех или четырех сотен самолетов, ведь после перемирия осталось больше тысячи вооруженных и оборудованных самолетов... Спросите себя, сделали ли мы перед Мюнхеном и после него все, что следовало, чтобы иметь поддержку Красной Армии и Советского Союза» [37].

Лишь коммунистическая партия, загнанная в подполье, подвергшаяся репрессиям и лишенная каких-либо прав, вела последовательную борьбу против капитулянтской политики французской буржуазии. Но в тех условиях она была не в состоянии предотвратить катастрофу. Поражения не могла предотвратить и мужественная борьба солдат и офицеров, сражавшихся на фронте вопреки капитулянтской политике правительства. 18 июня 1940 г. генерал де Голль выступил в Лондоне по радио и призвал к продолжению борьбы.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ВИШИ. НАЧАЛО ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Заключение перемирия послужило исходной точкой фактического расчленения и систематического ограбления Франции. Одним из первых мероприятий гитлеровцев было создание севернее Соммы так называемой запрещенной зоны, которая была поставлена под управление «военного губернаторства Бельгии и Северной Франции». Въезд в эту зону французам был запрещен. Осенью 1940 г. от Франции были отторгнуты Эльзас и Лотарингия, которые гитлеровцы включили в систему немецкой гражданской ад-

[36] «Histoire du Parti communiste français (Manuel)», p. 381.

[37] «Les événements survenus en France de 1933 à 1945», vol. I, p. 285.

министрации. Началось массовое изгнание французского населения из этих провинций. Из Лотарингии было выселено 500 тыс. человек, из Эльзаса — 120 тыс.

Не довольствуясь тем, что Франция возмещала огромные оккупационные расходы (сначала 400 млн., а затем 550 млн. фр. в день), гитлеровцы начали выкачивать из страны промышленные товары и продукты питания. К январю 1941 г. стоимость изъятого имущества составляла 25 млрд. фр. [38] Те отрасли производства, которые, по мнению оккупантов, могли составить конкуренцию германской промышленности, были свернуты, те же, в продукции которых была заинтересована Германия, поставлены под немецкий контроль и работали на полную мощность. Заводы по производству вооружения выполняли немецкие заказы.

Экономическое положение страны резко ухудшилось. Около 2 млн. рабочих были выброшены на улицу. Как пишет один из очевидцев, «бюджет рабочего никогда не стоял так далеко от жизненного уровня» [39].

Сразу же после своего появления во Франции гитлеровцы начали жестоко преследовать коммунистов и других прогрессивных деятелей; затем репрессии обрушились и на более широкие слои населения. К октябрю 1940 г. в Парижском районе был брошен в тюрьмы и концентрационные лагеря 871 коммунист, в том числе многие видные деятели партии. В феврале 1941 г. начальник немецкой полиции во Франции Кнохен доносил начальнику службы безопасности СС Гейдриху, что на 10 февраля этого года «за нелегальную коммунистическую пропаганду» было арестовано 1647 человек [40].

15 августа 1941 г. главнокомандующий немецкими оккупационными войсками Штюльпнагель в обращении к населению заявил: «Всякий, кто каким бы то ни было образом будет поддерживать действия коммунистов, будет рассматриваться как опасный враг. Виновный подлежит смертной казни, причем приговор будет выноситься немецким военным судом» [41]. В то же время гитлеровцы стремились не допустить укрепления среди французов патриотических чувств. «С немецкой стороны,— разъяснял гитлеровский «посол» во Франции Абец своим сотрудникам,— следует сделать все, чтобы добиться внутреннего разлада и ослабления Франции» [42].

[38] *Ж. Виллар*. «Странная война» и предательство Виши, стр. 143.

[39] *J. Quéval*. Première page, cinquième colonne. Paris, 1945, p. 223—224.

[40] «Recherches internationales à la lumière du marxisme», 1958, N 9—10, p. 76.

[41] *P. Bultin*. Bâtonnier. Le procès Pucheu. Paris, 1948, p. 171—172.

[42] *R. Aron*. Histoire de Vichy. Paris, 1954, p. 272.

Одним из орудий, с помощью которых гитлеровцы осуществляли эту цель, была печать, которую они держали под своим неослабным вниманием. В обязанности Абеца входило, в частности, «политическое руководство печатью, радио и пропагандой в оккупированной зоне и контроль над средствами формирования общественного мнения в свободной зоне» [43].

Правительство Петена вскоре после перемирия под охраной немецких войск выехало из Бордо в Виши. В тиши этого курортного городка, где не было крупных предприятий, а следовательно, рабочего движения, завершилось дело национального предательства. 10 июля в Виши состоялось заседание Национального собрания, на котором вся власть была передана Петену. В единственной статье утвержденного парламентом закона говорилось, что он «дает все полномочия правительству республики под руководством и за подписью маршала Петена ... для обнародования новой конституции французского государства... Эта конституция должна гарантировать права Труда, Семьи и Родины» [44]. В дальнейшем темы «Труда, Семьи и Родины», положенные в основу всей социальной демагогии правительства Петена и его пропагандистов, стали своеобразным девизом вишистского государства. Они должны были заменить лозунг «Свобода, Равенство, Братство».

Л. Блюм впоследствии говорил, что голосование 10 июля «было осуществлено под тройным нажимом: со стороны бесчинствовавших на улицах Виши банд Дорио, со стороны Вейгана, находившегося в Клермон-Ферране, и со стороны немцев, стоявших в 50 километрах, в Мулене» [45]. Очевидно, однако, что сенаторы и депутаты, совершившие 10 июля 1940 г. акт ликвидации республики, и сами стремились поскорее разделаться с демократическим строем. Большинство из них расценило поражение Франции как сигнал к новому наступлению на права народа. Закон был одобрен 569 голосами, и лишь 80 человек голосовали против.

Среди лиц, поддержавших закон 10 июля, было немало представителей радикал-социалистов и даже социалистов. Депутаты-коммунисты на заседании, разумеется, не присутствовали.

Через два дня были обнародованы первые «конституционные акты» Петена. Отменив должность президента республики, он возложил на себя «функции главы государства». В конституционном акте № 2 указывалось, что Петену принадлежит и «полнота правительственной власти». Третьим актом были отложены «вплоть до новых указаний» заседания сената и палаты депутатов.

[43] *J. Joubert*. La libération de la France. Paris, 1951, p. 23.

[44] *Э. Эррио*. Эпизоды 1940—1944, стр. 85.

[45] «Procés du maréchal Petain», p. 78.

Наконец, Петен назначил вице-председателя совета министров Лаваля своим преемником на случай, если он сам «не сможет выполнять функции главы государства». В следующем году были изданы конституционные акты, обязывавшие всех государственных чиновников и работников общественных учреждений, а также военнослужащих приносить клятву верности главе государства[46]. Даже Лаваль с присущим ему цинизмом утверждал, что полномочия Петена намного превышают права, которыми располагал Людовик XIV.

Таким образом, во Франции был фактически установлен режим фашистского типа; к власти пришли самые реакционные круги французской буржуазии. Членами правительства Петена стали люди, связанные с наиболее крупными банками и монополиями: Парижско-Нидерландским банком, банком Вормс и др. Методы прямого подавления вишистское правительство сочетало с широкой демагогией. В речах Петена, Лаваля и других высших сановников, на страницах газет, обосновавшихся в южной зоне, назойливо повторялась мысль, будто Виши совершает «национальную революцию». Под этим подразумевались «ликвидация засилья трестов», возврат к земле, прекращение классовой борьбы, «моральное и духовное обновление нации». Подобно гитлеровцам, вишисты с помощью этих лозунгов пытались отвлечь народные массы от борьбы за национальное освобождение, создать видимость, будто политические и социальные требования последних могут быть осуществлены лишь новым режимом. На деле, однако, выдвинутый Петеном призыв к «возврату к земле» и ряд других лозунгов вишистского правительства означали реализацию гитлеровского плана создания «нового порядка» в Европе, в котором Франции отводилась роль сельскохозяйственного придатка Германии.

Правительство Виши формально распустило такие объединения монополистов, как Центральный комитет угольной промышленности, «Комите де Форж», Генеральную конфедерацию французских предпринимателей. Наряду с этим были запрещены профсоюзные объединения — ВКТ, Французская конфедерация христианских трудящихся (ФКХТ) и др. Созданные же в августе 1940 г. «комитеты экономической организации», которым поручалось руководство промышленностью[47], фактически представляли собой средство закрепления господства финансового и промышленного капитала. Руководящие посты в этих комитетах были с первых же дней поручены представителям той же самой финансовой оли-

[46] *R. Aron.* Histoire de Vichy, p. 409.

[47] См. *И. С. Киссельгоф.* Капитуляция Франции и вишистский режим в 1940—1941 гг.— «Из истории Франции». Уфа, 1961, стр. 138—139.

гархии, против которой правительство Виши на словах вело борьбу: компании Шнейдера, химического треста Кюльмана и т. д. Общее руководство также было возложено на представителей трестов.

2 декабря 1940 г. правительство Виши провозгласило закон «о корпоративной организации французского сельского хозяйства». Он предусматривал образование местных синдикатов, объединявших сельскохозяйственных рабочих, арендаторов и собственников. Смысл закона заключался в том, чтобы ликвидировать классовые организации сельского пролетариата и союзы арендаторов, подавить крестьянское движение, поставить его под контроль государства.

Вишистское государство взяло на себя преследование неугодных оккупантам французских политических деятелей и полностью восприняло антисемитизм, который, наряду с клерикализмом, был возведен в ранг государственной политики. Были арестованы многие бывшие министры и другие общественные деятели Третьей республики. В государственных учреждениях, генеральных и муниципальных советах вишисты провели беспощадную чистку от всех лиц, которые могли быть заподозрены в оппозиции режиму. По примеру гитлеровцев правительство создало лагеря, куда направлялась вся молодежь призывного возраста и где она подвергалась идеологической обработке.

Вишистский режим поддержали различные фашистские организации во Франции. На сторону Петена перешли многие деятели правых довоенных партий, а также некоторые социалисты (Поль Фор, Спинасс, Белен и др.). Своеобразным идеологом вишизма стал монархист Ш. Моррас, глава «Аксьон франсез». В феврале 1941 г. было создано «Народно-национальное объединение», которое возглавил Марсель Деа, явный поклонник фашизма, автор нашумевшей перед войной статьи «Умереть за Данциг?» Центр новой фашистской организации находился в Париже, и издававшаяся Деа газета «Эвр» делала время от времени критические замечания в адрес Петена, но она, как и «Французская народная партия» Дорио, претендовала на роль массовой опоры французского фашизма [48]. По существу оккупанты использовали обе партии для оказания нажима на Виши. Дорио и Деа враждовали друг с другом, и это в значительной мере помешало образованию во Франции единой партии фашистского образца.

В южной зоне был образован «Легион бывших фронтовиков». Его руководитель Ксавье Валла говорил, что из-за отсутствия парламента правительство лишено «обширного источника инфор-

[48] *J. Plumyene. R. Lasierra.* Les fascismes français. Paris, 1963, p. 152.

мации, необходимого... для центральной власти», и поэтому легиону поручалось «улавливать все слухи на французской земле»[49].

24 октября 1940 г. во французском городке Монтуаре, где состоялась встреча Петена и Гитлера, была официально провозглашена политика коллаборационизма, т. е. «сотрудничества» побежденной Франции с гитлеровской Германией. Классовые интересы французской буржуазии толкали ее от Мюнхена к поражению, от поражения к коллаборационизму. Коллаборационизм означал дальнейшую капитуляцию французских правителей перед оккупантами, он обеспечивал Гитлеру возможность использования материальных и людских ресурсов Франции в готовившейся войне против Советского Союза.

Провозглашение политики коллаборационизма было с энтузиазмом воспринято представителями французских монополий и всеми поклонниками нацизма во Франции. Между немецкими и французскими промышленниками устанавливались непосредственные связи, особенно по линии военного производства. Союз горнорудных предприятий Севера и Юга вступил в контакт с угольными трестами Рейна и Вестфалии. Самолетостроительные и моторостроительные предприятия, образовавшие «группу по организации авиационной промышленности», были включены в германский авиастроительный картель. Трест Кюльмана вместе с «И. Г. Фарбениндустри» создали смешанное общество «Франколор»[50]. Тем не менее «сотрудничество» между властями Виши и гитлеровской Германией протекало отнюдь не гладко. Доказательством тому может служить «дворцовый переворот» в Виши 13 декабря 1940 г. В этот день Петен потребовал, чтобы Лаваль подал в отставку, а затем посадил его под домашний арест. Однако в дело вмешался Абец; он настоял на освобождении Лаваля и увез его в Париж. Петен назначил министром иностранных дел Фландена, а через несколько месяцев сделал адмирала Дарлана вице-председателем совета министров.

Разрыв Петена с Лавалем отражал противоречия в лагере французской буржуазии. Если той ее части, которая включилась в обслуживание военной машины гитлеровской Германии, «сотрудничество» было выгодным, то некоторые группировки буржуазии от поражения пострадали, а от коллаборационизма не выиграли.

Определенное значение имели и внешнеполитические соображения. Делая основную ставку на гитлеровскую Германию, Петен в то же время не хотел полностью порывать связей с США и Англией. Переизбрание Рузвельта на должность президента в

[49] *H. Amouroux.* La vie des Français sous l'occupation. Paris, 1961, p. 500.
[50] См. *Ж. Виллар.* «Странная война» и предательство Виши, стр. 160.

1940 г. делало более вероятной вооруженную поддержку Англии со стороны США. В предвидении подобной перспективы Петен и постарался избавиться от своего «наследника», представлявшего собой слишком одиозную политическую фигуру.

Расчеты Петена не были полностью беспочвенными. После подписания перемирия правительство Виши продолжало сохранять дипломатические отношения с США. Соединенные Штаты поставляли в неоккупированную зону Франции продовольствие (через Красный Крест)[51]. США рассчитывали, что оказание помощи Виши сделает Петена более сговорчивым и это облегчит реализацию давно задуманных американскими империалистами планов проникновения в колониальные владения Франции.

США начали действовать в этом направлении вскоре после военного разгрома Франции. Американское правительство вело переговоры с вишистскими властями, добиваясь размещения американских баз на Антильских островах, островах Мартиника, Сен-Пьер и Микелон, а также в Гвиане. В Северную Африку был направлен американский дипломат и разведчик Мерфи. В марте 1941 г. он заключил с генералом Вейганом, занимавшим в то время пост генерального уполномоченного правительства Виши в Северной Африке, соглашение, по которому США обязались поставлять туда некоторые товары за счет французских авуаров, замороженных в США.

Сложнее развивались отношения между правительством Виши и Англией. 23 июня по лондонскому радио было передано заявление английского правительства о том, что «условия перемирия... ставят правительство Бордо в полное подчинение врагу и лишают это правительство какой бы то ни было свободы, какого бы то ни было права представлять свободных французских граждан»[52]. 3 июля 1940 г. английские корабли напали на французскую эскадру в Мерс-эль-Кебире (Оран). Были выведены из строя три линкора и эсминец; только линкор «Страсбург» ушел в Тулон. Французы потеряли убитыми и ранеными свыше 1500 человек. В тот же день все французские суда, находившиеся в Портсмуте и Плимуте, были взяты англичанами под контроль.

Операция в Мерс-эль-Кебире вызвала бурю негодования в Виши. Правительство Петена объявило о разрыве дипломатических отношений с Англией. 31 июля Англия установила морскую блокаду Франции и ее владений в Северной Африке. И все же неофициальные связи между Виши и Лондоном продолжали су-

[51] Вишистский посол в США даже выражал недовольство ограниченными размерами этой помощи («Documents on American Foreign Relations», vol. III. p. 405).

[52] *Ш. де Голль.* Военные мемуары, т. I, стр. 334.

ществовать. Велись, в частности, переговоры об облегчении снабжения Франции морским путем[53].

Отстранение от власти Лаваля отнюдь не привело к отказу от коллаборационистского курса. Петен письменно заверил Гитлера, что политика сотрудничества будет продолжена[54]. Вскоре власти Виши дали конкретные доказательства этого. 6 мая 1941 г. они обязались передать Ираку, где начались антианглийские выступления, военные материалы, находившиеся на складах в Сирии. Гитлеровской армии было разрешено использовать порты и железные дороги Сирии, а также аэропорт Алеппо как базу снабжения самолетов, направлявшихся в Ирак.

В результате переговоров Дарлана с гитлеровскими властями 28 мая 1941 г. были подписаны «Парижские протоколы», согласно которым правительство Виши, помимо уже упомянутых обязательств, открывало гитлеровским войскам проход через Тунис, чтобы оказать помощь армии Роммеля, предоставляло Германии право пользоваться Бизертой для снабжения этих войск и разрешало построить в Дакаре базу для немецких подводных лодок[55]. Таким образом, Виши оказывало гитлеровской Германии важную для нее военную поддержку.

Вскоре после поражения как в самой Франции, так и за ее пределами начали складываться организации, которые повели борьбу за избавление от оккупантов и вишистов. Но предстоял еще долгий и трудный путь, прежде чем эти организации превратились в ту грозную силу, которую впоследствии с таким страхом вспоминали захватчики и предатели. Дело в том, что внезапное наступление гитлеровских войск, поспешное бегство правительства и населения из Парижа, смена властей, происшедшая в обстановке паники и замешательства, наконец, расчленение страны и установление оккупационного режима — все это не могло не породить настроений растерянности, подавленности, бесперспективности. Кроме того, многие простые люди (да и некоторые политические деятели) поверили в легенду, будто Петен — мудрый старец, взявший на себя роль спасителя Франции; он лишь для вида «сотрудничает» с Германией, а на деле изо всех сил старается защитить национальные интересы.

Положение усугублялось также тем, что в мрачные дни поражения довоенные политические партии практически развалились,

[53] См. *В. П. Смирнов*. Начало сотрудничества правительства Виши с фашистской Германией.— «Французский ежегодник», 1963, стр. 232—236; *L. Rougier*. Les accords Petain — Churchill. Histoire d'une mission secrète. Montréal, 1945; *Ш. де Голль*. Военные мемуары, т. I, стр. 364—366 и др.

[54] «Procès du maréchal Petain», p. 95.

[55] *R. Aron*. Histoire de Vichy, p. 428, 432, 434.

l'Humanité

ORGANE CENTRAL DU PARTI COMMUNISTE - S.F.I.C. - À FAIRE CIRCULER

Fondateur JEAN JAURES - REDACTEUR EN CHEF VAILLANT-COUTURIER -
DIRECTEUR MARCEL CACHIN

10 Juillet 1940

MAURICE THOREZ ET JACQUES DUCLOS S'ADRESSENT AU PEUPLE DE FRANCE

Depuis un mois que nous vivons sous la botte nazie, où tout s'est écroulé, il n'y a plus d'autre Parti Politique que notre Grand PARTI COMMUNISTE FRANCAIS.

Tous les autres se sont effondrés dans la honte de Munich, de l'occupation, de la trahison et de l'invasion.

DEUX HOMMES qui, sur le sol national représentent la FRANCE qui résiste à l'envahisseur vous adressent cet appel à la lutte :

" La France, encore toute sanglante,
" veut vivre libre et indépendante,
" Jamais, un grand peuple comme le
" nôtre ne sera un peuple d'esclaves
" La France ne deviendra pas une
" sorte de pays colonisé. La France
" au passé si glorieux ne s'agenouil
" lera pas devant une équipe de va-
" lets prêts à toutes les besognes.
" Ce ne sont pas les généraux battus
" ni les affairistes, ni les politi-
" ciens tarés qui peuvent relever
" la France. C'est dans le peuple
" que résident les grands espoirs
" de libération nationale et socia-
" le.

MAURICE ET JACQUES VOUS PARLENT (suite)

Et c'est autour de la classe ouvrière ardente et généreuse, pleine de confiance et de courage que peut se constituer le Front de la Liberté, de l'Indépendance et de la Renaissance de la France.

LIBEREZ LES INTERNES POLITIQUES

Voilà un mois que commence le tragique exode organisé par le gouvernement capitulard, qui n'est que la suite logique de la trahison de Munich.

Les internés de FRESNES, de la SANTE, du CHERCHE MIDI et d'ailleurs connurent un exode tragique. Les uns furent dirigés vers le camp des GROES à ORLEANS, les autres au camp de CEPOY.

Au départ de ces deux camps ils eurent de marche forcée de plusieurs dizaines de kilomètres et ceux qui ne pouvaient suivre étaient fusillés par les gardes mobiles et jetés ensuite dans le canal de TROUPES.

Обращение Мориса Тореза и Жака Дюкло. «Юманите» 10 июля 1940 г.

а многие из известных общественных деятелей оказали прямую поддержку диктатуре Петена. Но коммунистическая партия, несмотря на обрушившиеся на нее жестокие удары, и в новых условиях продолжала борьбу за свободу и независимость Франции. Показательно, что в момент, когда немецкие войска входили в Бордо, коммунисты распространяли листовку, осуждавшую измену и призывавшую к восстанию против оккупантов, к союзу трудящихся с целью сопротивления фашизму.

10 июля, как раз в тот день, когда в Виши предатели и реакционеры душили республику, в подпольной «Юманите» был опубликован манифест за подписью М. Тореза и Ж. Дюкло,

В нем говорилось: «Франция познала поражение, оккупацию, унижение. Истекающая кровью Франция хочет жить свободной и независимой. Никогда столь великий народ, как наш, не будет народом рабов. Франция не будет разновидностью колониальной страны. Франция с ее славным прошлым не станет на колени перед кучкой лакеев, готовых к любым услугам. Битым генералам, аферистам, политиканам с подмоченной репутацией не возродить Францию. Народ — вот с кем связывается великая надежда на национальное и социальное освобождение. Вокруг рабочего класса, пламенного и великодушного, полного веры и отваги, может быть создан фронт свободы, независимости и возрождения Франции» [56].

Однако ФКП отдавала себе отчет в том, что в обстановке разброда и уныния, когда партия загнана в подполье, когда многие ее опытные руководители брошены в тюрьмы, а актив в результате поражения разбросан по разным местам, подготовка борьбы потребует длительных и кропотливых усилий. Партия считала, что перед ней стоят следующие задачи: восстановить связи с массами и вовлечь их в борьбу, осуществить перегруппировку сил и подготовить кадры, способные руководить борьбой за национальную независимость.

Подпольной работой ФКП руководили Морис Торез, Жак Дюкло и Бенуа Фрашон. С целью приспособления к условиям подполья еще до поражения Франции в основу партийной структуры была положена группа из трех человек. Один из членов такой группы держал связь со следующим звеном. Вышестоящими организациями были ячейки (из трех групп), секции, секторы и районы, построенные по тому же принципу [57]. При подборе руководящих кадров ЦК ФКП рекомендовал прежде всего обращать внимание на то, есть ли у того или иного кандидата связи с трудящимися. Центральный комитет находился в северной зоне. В южной зоне деятельностью партийных организаций руководила делегация ЦК (Виктор Мишо, Гастон Монмуссо, Ален Синьор) [58].

Большое внимание ФКП уделяла нелегальной печатной пропаганде. К моменту поражения она уже накопила в этой области определенный опыт, в дальнейшем он значительно обогатился. Помимо «Юманите» выходил ряд местных и областных газет, продолжался выпуск партийных журналов. Партия издавала

[56] *М. Торез.* Сын народа. М., 1960, стр. 163; *J. Duclos.* Mémoires, v. III. Dans la bataille clandestine. Première partie, 1940—1942. Paris, 1970, p. 57.

[57] «Le Parti Communiste Français dans le Résistance». Paris, 1967, p. 104, 70.

[58] Ibidem.

много брошюр и листовок[59], которые расклеивались на стенах, разбрасывались по улицам, раздавались стоящим в очередях.

ФКП изыскивала различные формы объединения французского народа для борьбы за независимость родины. Печать компартии и «Ви увриер» рекомендовали рабочим вступать в профсоюзы, пока они существовали легально, чтобы превратить их в подлинные орудия народной борьбы. По призыву ФКП во многих городах и районах страны были образованы комитеты взаимопомощи, комитеты борьбы за освобождение политических заключенных, народные комитеты на предприятиях. Особо большое распространение получили последние, они часто выступали от имени рабочих, организовывали забастовки и демонстрации. В августе 1940 г. «Ви увриер» сообщала о существовании 70 народных комитетов, а в сентябре того же года в одном лишь Парижском районе их насчитывалось более 110.

С лета 1940 г. ФКП начала закладывать основы вооруженной борьбы против оккупантов. Французские патриоты начали добывать оружие. Многие старались достать взрывчатку, материал для зажигательных бомб. В январе 1941 г. гестапо сообщало в Берлин: «Коммунистическая партия организует сбор оружия из запасов французской армии». «В департаменте Гар... было обнаружено 36 детонаторов и три пакета динамита»[60]. Стали появляться и первые вооруженные группы. Они получили название «специальной организации». Гестапо доносило, что созданные коммунистами «ударные группы по 6—8 человек несут службу охраны, стоят на страже во время проведения пропагандистской работы, расклейки листовок и их распространения на рынках, в кино, театрах», что на них возложена обязанность предотвращать аресты и оказывать сопротивление полиции[61]. «Специальная организация» совершала акты саботажа на предприятиях, выводила из строя телефонную сеть, электростанции, гаражи и т. п. Весной 1941 г. была образована первая служба военной разведки ФКП.

Таким образом, коммунистическая партия подготовила почву для организованной и массовой борьбы за свободу и независи-

[59] Необходимо особо отметить брошюру Габриэля Пери «Нет, нацизм это не социализм», в которой разоблачалась демагогия фашизма, и брошюру Жоржа Политцера «Революция и контрреволюция в XX веке», написанную в ответ на разнузданное выступление гитлеровского министра Розенберга, призывавшего «покончить с идеями 1789 года» (см. *И. И. Зильберфарб*. Идеи и традиции Великой французской революции в борьбе сил демократии и фашизма. М., 1971, стр. 113—116; *J. Duclos*. Mémoires, v. III, p. 159).

[60] «Recherches internationales à la lumière de marxisme», 1958, № 9-10, p. 85.

[61] Ibid., p. 84.

мость Франции и заложила основу вооруженных сил движения Сопротивления. Однако в этот период гитлеровская Германия держала во Франции большие силы, а движение только зарождалось; переходить к массовой вооруженной борьбе было тогда преждевременно.

В среде, не связанной с коммунистами и рабочим классом (интеллигенция, мелкие служащие, младшие офицеры и нижние чины армии, владельцы некоторых мелких и средних предприятий), тоже стали постепенно вызревать настроения протеста против оккупантов, начались поиски каких-то форм сопротивления захватчикам. Но, как правило, эти поиски велись ощупью, весьма разобщенно и на протяжении длительного времени — без сколько-нибудь ощутимых результатов. Протест заключался в том что собирались вместе, слушали иностранное радио, оказывали помощь бежавшим из плена или евреям. Лишь в некоторых случаях подобные умонастроения претворялись в более активные действия — попытки издавать листовки и небольшие газеты.

Публикация нелегального органа служила иногда отправным пунктом к образованию подпольной организации[62]. Группа, занимавшаяся печатанием газеты, мало-помалу обрастала людьми, участвовавшими в ее распространении, снабжении бумагой и г. п. Возникала необходимость и в их вооруженной защите. Среди организаций, созданных кругами, не связанными с коммунистами, в первоначальный период борьбы наиболее заметной была группа «Резистанс», основанная молодыми учеными Борисом Вильде и Анатолием Левицким при Антропологическом музее Парижа. Однако она просуществовала недолго. Члены ее весной 1941 г. были арестованы и большинство из них приговорено к смертной казни.

Многие из организаций, образовавшихся в первые месяцы после поражения, сохраняли иллюзии в отношении Петена. В своих подпольных изданиях они писали о «честном маршале», верили, что Петен лично не уважает коллаборационистов. Все они видели надежду на спасение не в организованном отпоре захватчикам, а в победе союзников.

Единственной действовавшей открыто и находившейся вне досягаемости гитлеровцев и вишистов была организация, созданная генералом де Голлем в Лондоне и выступавшая за независимость Франции. Однако о массовом Сопротивлении на территории Франции он в ту пору не думал. Выступив 18 июня 1940 г. по лондонскому радио, де Голль призвал французских офицеров и солдат, инженеров и рабочих, специалистов по про-

[62] См. *Л. М. Видясова.* Подпольная печать движения Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны — «Французский ежегодник 1959».М., 1961.

изводству вооружения, находившихся на британской территории, установить контакт с ним и продолжать борьбу.

Первоначально его призыв особо широкого отклика во Франции не получил. Сами участники движения Сопротивления считали, что «лишь один француз из тысячи слышал по радио обращение 18 июня»[63].

Английское правительство поддержало инициативу де Голля. 28 июня оно признало его «главой всех свободных французов, которые, где бы они ни находились, присоединятся к нему для защиты дела союзников»[64]. 7 августа 1940 г. Черчилль и де Голль подписали соглашение о порядке формирования и финансирования французских вооруженных сил. Де Голль, ставший верховным главнокомандующим этими силами, заявил, что он принимает общие директивы английского командования.

Поначалу процесс набора добровольцев во французскую армию на территории Англии шел не слишком быстро. Часть французских эмигрантов в Лондоне не поддержала де Голля. Да и британские власти не оказывали ему особой помощи. Однако постепенно движение, принявшее название «Свободная Франция», стало расширяться. Если в июле 1940 г. общая численность сил, состоявших под командованием де Голля, не достигала и 7 тыс. человек, то в ноябре она возросла до 35 тыс. В распоряжении де Голля было 20 военных кораблей, 60 торговых судов, 1 тыс. летчиков. Стали складываться и зачатки руководящих органов движения.

Де Голль прилагал громадные усилия, чтобы добиться присоединения к его движению колоний Франции, рассчитывая таким путем укрепить свой авторитет и расширить базу для пополнения армии и ее материального обеспечения. В отношении Северной Африки он не мог питать больших иллюзий. Главнокомандующий французскими войсками в Северной Африке и генеральный резидент в Марокко Ногес еще в июне 1940 г. отказался поддержать де Голля. В Алжире и Тунисе власть Виши была еще более прочной. Поэтому де Голль сосредоточил главное внимание на колониях Франции в Экваториальной Африке. Туда была направлена группа представителей движения «Свободная Франция». На некоторых территориях им удалось сместить представителей прежней администрации (Камерун, Среднее Конго), на других местные власти сами заявили о присоединении к движению де Голля (территория Чад, Убанги). Кое-где пришлось применить силу, как, например, в Габоне. Но не все операции завершались успешно. Например, экспедиция в Дакар, которую де

[63] *Passy.* Missions secrètes en France. Paris, 1952, p. 390—391.

[64] *Ш. де Голль.* Военные мемуары, т. I, стр. 339.

Голль вместе с англичанами предпринял в сентябре 1940 г., окончилась неудачно.

27 октября де Голль провозгласил в Браззавиле образование совета обороны империи. В его состав были включены бывший генерал-губернатор Индокитая Катру, адмирал Мюзелье, генерал де Лармина, д'Аржанлье, Леклерк, губернатор территории Чад Эбуэ и др. В опубликованном тогда же манифесте де Голль изложил основы движения «Свободная Франция». В нем говорилось в частности: «Орган, находящийся в Виши и претендующий на то, чтобы называться правительством, является неконституционным и подчиняется захватчикам... Поэтому необходимо, чтобы новая власть взяла на себя задачу руководить военными усилиями Франции... Я буду осуществлять свою власть от имени Франции»[65]. Весной 1941 г. между движением де Голля и англичанами возникли трения в связи с военными действиями в Сирии, к которым были привлечены силы «Свободной Франции». Де Голль был крайне обеспокоен попытками Англии закрепиться в Сирии. Дело чуть не дошло до разрыва.

Между тем на территории самой Франции все более нарастал народный гнев и ширилась борьба против оккупантов. Настроения неуверенности сменялись стремлением к действию. Зимой 1940/41 г. неоднократно вспыхивали стачки и демонстрации, в которых участвовали представители самых различных слоев населения. Начался саботаж на предприятиях, выпускавших продукцию для гитлеровцев. В декабре 1940 г. на заводах «Рено» было произведено несколько сот непригодных моторов. На предприятиях фирмы «Гном-и-Рон» изготовлялись моторы, перестававшие действовать через несколько часов. В апреле 1941 г. на заводе «Исси-ле-Мулино», где делались маскировочные сетки для вермахта, бастовали 3 тыс. рабочих[66].

Участились случаи поджогов. В Париже в конце мая сгорел склад обмундирования оккупационных войск. В апреле были сожжены 12 товарных вагонов в Шампиньи, и движение остановилось на целый день. В июне в артиллерийском парке в Венсеннском лесу, где ремонтировались и собирались грузовики для гитлеровской армии, вспыхнул гигантский пожар, который уничтожил почти все автомашины.

Особо широкий отклик получили демонстрация студентов 11 ноября 1940 г. возле Триумфальной арки в Париже, а также патриотическая забастовка 100 тыс. шахтеров департаментов Нор

[65] *Ш. де Голль.* Военные мемуары, т. I, стр. 371—372.

[66] «Histoire du Parti communiste français (Manuel)», p. 392; «Recherches internationales a la lumière du marxisme», 1958, N 9-10, p. 89.

и Па-де-Кале в мае 1941 г., которую можно расценить как первый серьезный результат энергичной работы коммунистической партии по мобилизации масс на национально-освободительную борьбу. На Севере, где пролетариат мог гордиться долголетними революционными традициями, позиции компартии были особенно прочны. В городке Даше департамента Нор уже в августе 1940 г. под руководством коммунистов образовалась одна из первых подпольных организаций. Вслед за тем в других городах и поселках департаментов Нор и Па-де-Кале стали возникать организации Сопротивления. Они совершали налеты на немецкие склады и транспорт, организовывали стачки и манифестации.

Забастовка шахтеров продолжалась с 16 мая до 10 июня. В ходе ее активную роль сыграли группы Дебаржа и Аппио. Хотя на подавление волнений были брошены жандармерия и войска, предприниматели и оккупанты были вынуждены отступить и удовлетворить некоторые требования рабочих. Забастовка показала возможность массовых действий даже в условиях оккупации и полицейского террора. Рабочий класс продемонстрировал, что он не подписывал капитуляции и что захватчикам и предателям придется считаться с его волей.

В мае 1941 г. стало вполне ясно, что условия для решительной борьбы за независимость, основанной на объединении всех слоев населения, вполне созрели. Поэтому ФКП выступила с призывом создать Национальный фронт борьбы за свободу и независимость Франции. В своем обращении от 15 мая 1941 г. коммунистическая партия заявила о своей готовности, ставя превыше всего интересы страны, «во имя создания широкого фронта национального освобождения поддержать любое французское правительство, любую организацию и любых людей, которые будут бороться против национального гнета и против предателей, ставших на службу захватчикам».

Программа Национального фронта выдвигала следующие задачи: ликвидация демаркационной линии, отвод из Франции оккупационных войск, возвращение военнопленных, отмена военных контрибуций. В то же время в программе учитывались и насущные заботы различных слоев населения страны [67].

В начале июля 1941 г. состоялось заседание представителей групп и организаций, изъявивших желание участвовать в создании Национального фронта. Было принято решение образовать организационный комитет Национального фронта. В свою очередь он призвал повсюду создавать местные комитеты, перед которыми поставил следующие основные задачи: помешать использованию

[67] «Cahiers du bolchévisme», 2—3 trimestre 1941.

немцами ресурсов страны для гитлеровской военной машины, организовать отпор репрессиям, начать вооруженную борьбу против оккупантов [68].

Так цементировалось единство движения Сопротивления оккупантам и фашистским предателям, подготовлялся переход к более активным формам движения за свободу и независимость Франции. Сопротивление было продолжением острой борьбы, которая велась в довоенные годы между реакцией, чьим порождением был вишистский режим, и рабочим классом, сплотившим все прогрессивные силы в Народном фронте, который был прообразом объединения всех патриотических сил Франции для отпора гитлеровским оккупантам и их пособникам — французским коллаборационистам.

ФРАНЦИЯ ПОСЛЕ НАПАДЕНИЯ ГЕРМАНИИ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

22 июня 1941 г. гитлеровские полчища ринулись на Советский Союз, в результате чего коренным образом изменилась расстановка сил в мировом конфликте.

Положение во Франции также стало иным, значительно более благоприятным для патриотических сил. Само сознание того, что французский народ не одинок в борьбе против гитлеровских захватчиков, что он может рассчитывать на поддержку со стороны героического советского народа, рассеивало сомнения многих людей, охваченных в первые месяцы оккупации страхом и неверием в возможность освобождения. Уже в ходе подготовки к нападению на СССР, а особенно в последующем, когда их планы блицкрига стали рушиться, гитлеровцы вывели из Франции значительную часть своих войск, что заметно облегчило вооруженную борьбу против оккупантов. Возросшая нужда в сырье и готовой продукции резко усилила ограбление Франции, а вместе с тем еще более умножились насилия и репрессии со стороны гитлеровцев; соответственно и правительство Виши стало осуществлять свою политику подавления в еще более открытой форме. Все это способствовало стремительному подъему движения Сопротивления.

К тому времени главную роль в правительстве Виши начал играть Дарлан. Он сосредоточил в своих руках основные министерские посты и числился преемником Петена. Еще в начале февраля 1941 г. Дарлан изложил коллегам свое кредо: «Если мы прекратим политику сотрудничества, то утратим все преимущества, которые мы могли надеяться извлечь из него. Мой выбор сде-

[68] «Cahiers du bolchévisme», 2—3 trimestre 1941.

лан: я — за сотрудничество»[69]. 25 июня в секретном документе «о мерах против деятельности коммунистов во Франции и во французской империи» Дарлан поставил вопрос «об очень серьезном усилении наказаний» за участие в борьбе против гитлеровцев и правительства Виши «вплоть до смертной казни» и об учреждении исключительного судопроизводства[70].

Особенно усердствовал в выполнении предписаний Дарлана министр внутренних дел Пюше. Сообщая своему начальству о его назначении, Абец с удовлетворением писал, что от Пюше «можно ожидать эффективной борьбы с коммунистическими происками во Франции»[71]. Аресты стали повседневным явлением. К 1942 г. число заключенных составляло 50 тыс. человек, не считая лиц, находившихся в лагерях.

В августе 1941 г. специальный военный суд в Париже приговорил к смертной казни восемь патриотов; самому молодому из них было 18 лет. Десять дней спустя коммунист Пьер Жорж (известный под именем полковника Фабьена) застрелил на станции метро в Париже гитлеровского морского офицера. Гитлеровцы потребовали от вишистских властей, чтобы в ответ на это были расстреляны шесть коммунистов.

Государственный трибунал приговорил к смерти рабочего Гийо, молодого архитектора Воога и члена ЦК ФКП, депутата от г. Амьена Жана Катла. Через несколько дней были казнены еще три человека, к моменту покушения находившиеся в тюрьме, в том числе прибывший из Лондона сторонник де Голля Этьенн д'Орв.

Оккупанты, не ограничиваясь казнями лиц, обвиненных ими в участии в Сопротивлении, широко практиковали расправу с заложниками. 24 июля 1941 г. Штюльпнагель приказал расстрелять парижского рабочего Массерона, арестованного за то, что он пел «Марсельезу». А за убийство 20 октября 1941 г. военного коменданта Нанта Штюльпнагель приказал расстрелять 50 заложников; на следующий день гитлеровцы казнили там еще 16 человек. 22 октября было расстреляно 5 человек в Париже и 27 человек в лагере Шатобриан[72]. В числе последних были коммунисты Тембо, Пульмарш и сын коммуниста 17-летний юноша Ги Моке, арестованный за распространение листовок. В том же месяце 50 патриотов-коммунистов были расстреляны в Бордо.

По мере того как шло время, гитлеровцы действовали все более озлобленно. В декабре 1941 г. в Париже, в Мон-Валериане

[69] *R. Aron*. Histoire de Vichy, p. 366.
[70] Ibid, p. 415.
[71] «Международная жизнь», 1959, № 8, стр. 152—153.
[72] См. *Ф. Гренье*. Герои Шатобриана, М., 1962.

было расстреляно более 100 заложников. Среди них находился и редактор «Юманите» Габриэль Пери, который сидел в тюрьме с мая 1941 г. В тот же день в Кане был казнен ответственный секретарь «Юманите» Люсьен Сампе.

По требованию Гитлера Петен в 1941 г. затеял в Риоме процесс над Даладье, Блюмом, Рейно и другими министрами Третьей республики, на которых была возложена вся ответственность за поражение Франции. Целью Гитлера было при этом свалить с себя вину за развязывание войны, Петен же стремился лишний раз обвинить своих предшественников в несчастьях, обрушившихся на французский народ, возвести клевету на Народный фронт и развенчать республиканский строй.

Однако постепенно разбирательство сконцентрировалось не на том, кто повинен в возникновении войны, а кто несет ответственность за плохую подготовку к ней и неумелое руководство военными операциями. Гитлер был раздражен ходом суда, и в апреле 1942 г. Петен прекратил процесс под тем предлогом, что необходимо провести дальнейшее следствие. Однако в законе, изданном в этой связи, он достаточно прозрачно указывал, что Риомский процесс порождает «пропаганду, которая... искажает заявления обвиняемых» и угрожает «внешней безопасности Франции, наносит ущерб ее международным связям» [73].

Вишистские правители даже под прикрытием гитлеровских штыков чувствовали себя все более неуверенно. В августе 1941 г. Петен констатировал, что авторитет его правительства «оспаривается», что «беспокойство охватывает умы, сомнение — души», что «приказы плохо выполняются». Для того чтобы одолеть «всех противников нового порядка», он считал нужным запретить деятельность политических партий и группировок, вдвое усилить «средства полиции» [74] и т. д. Но одной полиции уже не хватало. Поэтому при «Легионе бывших фронтовиков» была создана так называемая служба порядка. В октябре 1942 г. она была превращена в милицию и фактически играла во Франции роль СС. Во главе ее стал политический проходимец Дарнан, бывший сторонник Морраса, позднее примкнувший к Дорио, а затем перекочевавший к кагулярам.

В то же время, стремясь окончательно сковать народные массы, лишить их всяких легальных возможностей для борьбы, правительство Виши ввело так называемую хартию труда, своего рода корпоративную систему по образцу фашистской Италии. Одним

[73] *P. Mazé. R. Génébrier.* Les grandes journées du procès de Riom. Paris, 1945. p. 16.

[74] *R. Aron.* Histoire de Vichy, p. 407—408; *J. Chastenet.* De Petain à de Gaulle. Paris, 1970, p. 58.

Полковник Фабьен

из основных пунктов «хартии» было положение, лишавшее рабочих права на забастовку. Правительство резервировало за собой право установления размеров заработной платы.

После нападения Гитлера на СССР правительство Виши стало проводить оголтелую антисоветскую политику. 30 июня 1941 г. Дарлан вызвал к себе советского посла и сообщил ему о разрыве отношений с СССР. Посол и его сотрудники были немедленно высланы из Виши [75]. По сведениям германского министерства иностранных дел, Петен уже в августе 1941 г. пришел к выводу, что «в борьбе против России» вишистская Франция должна принять «максимальное моральное и материальное участие» [76]. Однако в прямой форме это выразилось лишь в отправке на советско-германский фронт «Легиона французских добровольцев против большевизма», созданного по инициативе Деа, Дорио и других фашистов.

[75] См. *А. Е. Богомолов*. На дипломатическом посту в годы войны.— «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 97—104.
[76] «Международная жизнь», 1959, № 8, стр. 151.

Рассчитывая на быструю победу в войне против СССР, гитлеровская Германия в первое время не проявляла большого интереса к непосредственному участию вишистской Франции в ее военной авантюре. Кроме того, учитывая стратегическое положение Франции и ее колоний, Германия ожидала от правительства Петена возможно большей помощи в осуществлении военных операций на Западе. Со своей стороны вишисты проявляли известную осторожность. Они отдавали себе отчет в том, что слишком откровенная поддержка Германии может вызвать взрыв недовольства в народе, а кроме того, опасались, что гитлеровцы приберут к рукам колонии Франции, где французские империалисты хотели бы сохранить свои позиции в неприкосновенности.

Тем не менее вишистское правительство оказывало Германии значительную поддержку в ее военных усилиях. Дарлан разрешил переправить из Франции в Северную Африку приобретенную немцами партию грузовиков. Они были завезены в Бизерту, которая стала превращаться в базу снабжения германских войск. В конце 1941 г. германские торпедные катера были доставлены в Средиземное море через Ронский канал и Рону. После поражения, понесенного Роммелем, Дарлан обязал французского генерального резидента в Тунисе оказать гитлеровскому военачальнику помощь оружием.

Весной 1942 г. гитлеровские власти начали настойчиво добиваться замены Дарлана Лавалем, и в конце концов их пожелание было удовлетворено. 19 апреля 1942 г. Лаваль получил пост главы правительства. Новым конституционным актом Петен возложил на него «практическое руководство внешней и внутренней политикой страны» [77]. Дарлан же оставался наследником Петена и главнокомандующим сухопутными, морскими и воздушными силами. Лаваль немедленно провозгласил курс на еще более тесное сотрудничество с гитлеровской Германией. Выступая 22 июня 1942 г. по радио, он заявил: «Я желаю победы Германии, потому что без этого завтра повсюду утвердится большевизм» [78].

Одним из последствий возвращения Лаваля в правительство было дальнейшее усиление репрессий. В апреле 1942 г. Гитлер направил во Францию одного из эсэсовских главарей, потребовав, чтобы вишистские власти тесно сотрудничали с ним. Это сотрудничество стоило жизни многим лучшим сынам французского народа. Так, в 1942 г. был расстрелян руководитель французских железнодорожников, член политбюро ЦК ФКП Пьер Семар, арестованный еще в 1939 г. Были казнены и другие видные дея-

[77] *R. Aron.* Histoire de Vichy, p. 491.
[78] Ibid, p. 502.

тели компартии: Феликс Кадра, Артур Далидо, Жак Декур, Жорж Политцер, Жак Соломон. Ряд других активистов ФКП, в том числе Даниэль Казанову, заключили в концлагеря.

Оккупанты настаивали на увеличении поставок. Огромное значение они придавали отправке французских рабочих в Германию. После возвращения к власти Лаваль предложил так называемую смену — отправку в Германию рабочих в обмен на освобождение военнопленных. Однако набор шел очень плохо. Во многих городах в знак протеста против угона в Германию возникали забастовки; молодые люди не являлись на сборные пункты, убегали из эшелонов [79]. Поэтому правительство Виши в сентябре 1942 г. приняло закон об обязательной трудовой повинности для мужчин с 18 до 50 лет и для незамужних женщин с 21 до 35 лет.

С первых же дней после нападения Германии на СССР коммунистическая партия стремилась всемерно расширить борьбу против оккупантов и вишистов. ФКП обратилась к трудящимся со специальным воззванием, в котором говорилось: «...французы и француженки, мужайтесь, час освобождения приближается. Мы изгоним гитлеровские войска с нашей территории и сделаем Францию свободной и независимой» [80].

Коммунисты с удвоенной энергией взялись за подготовку массовой борьбы против захватчиков. «Действовать, еще раз действовать, всегда действовать» [81] — этот лозунг, перекликавшийся с эпохой Великой французской революции, повторяла вся подпольная печать ФКП, Национального фронта и нелегальных профсоюзов. Летом 1941 г. на базе «специальной организации» начали складываться вооруженные силы Национального фронта — группы франтиреров и партизан (ФТП) во главе с Национальным военным комитетом. Для руководства отрядами ФТП ЦК ФКП выделил Шарля Тийона, Эжена Энаффа, Альбера Узулья, Гастона Монмуссо, Юбера Рюффа и Алена Синьора. Делегация ЦК в южной зоне была пополнена Раймоном Гюйо, Марком Дюпюи, Леоном Мовэ. Представителем Национального фронта в южной зоне был Жорж Марран [82].

Но вооруженной борьбой деятельность Национального фронта не ограничивалась. Его организации охватывали патриотически настроенных французов в самых разнообразных сферах. Часть их создавалась в какой-либо определенной местности или на каком-либо предприятии. Другие объединяли людей одной профес-

[79] «Le Parti communiste français dans la Résistance», p. 211.
[80] «L'Humanité», Juin 1941, numéro spécial.
[81] *Ж. Дюкло*. Избр. произведения, т. I. М., 1959, стр. 292.
[82] «Le Parti Communiste Français dans la Résistance», p. 157.

сии — железнодорожников, горняков, врачей, адвокатов, студентов, писателей и т. д. Департаментские и региональные организации Национального фронта издавали около 40 подпольных газет [83]. Университетские работники издавали «Юниверсите либр», учителя — «Эколь лаик», врачи — «Медсэн франсе», адвокаты — «Палэ либр», писатели — «Леттр франсез».

В начале 1942 г. был создан руководящий комитет Национального фронта. Председателем его стал Фредерик Жолио-Кюри, а секретарем видный деятель коммунистической партии Пьер Вийон.

Патриотическая борьба французского народа приобретала все более широкий размах. 14 июля 1941 г. в день национального праздника, в ответ на призыв коммунистической партии жители Парижа вышли на улицы. Во многих местах пели «Марсельезу», манифестанты носили значки с цветами национального флага. Демонстрации прошли и в других городах.

Новое выступление в столице состоялось 13 августа 1941 г. у ворот Сен-Дени. Участники демонстрации кричали «Да здравствует СССР! Да здравствует Англия! Долой Гитлера!», «Франция — французам! Да здравствует Франция!» Гитлеровские войска и полиция напали на патриотов, убив и ранив многих из них. На следующий день в знак протеста рабочие многих городов прекратили работу на 5 минут.

В октябре 1941 г., после расправы с заложниками в Нанте и Шатобриане, была прекращена работа на многих предприятиях Парижского района, Бреста и т. д. Женщины в очередях кричали проходящим гитлеровским солдатам: «Убийцы!». 11 ноября, в годовщину перемирия 1918 г., толпы людей прошли перед памятниками павшим в первой мировой войне. В гор. Мелене состоялись демонстрации перед свежей могилой коммуниста-патриота Мессена, расстрелянного гитлеровцами [84].

Разгром гитлеровских армий под Москвой и героическая оборона Ленинграда зимой 1941/42 г., серьезно подорвавшие веру в «непобедимость» вермахта, существенным образом содействовали усилению борьбы народов порабощенных стран. Это ощутимо сказалось и на обстановке во Франции.

В январе 1942 г. 12 дней бастовали шахтеры Монсо-ле-Мин в департаменте Сона и Луара. Широкий размах приняло празднование 1 Мая. Именно в связи с этой датой ФКП выдвинула лозунг «Вновь завоевать улицу». Трудящиеся Марселя, Тулузы, Лиона, Ниццы и ряда других мест вышли на демонстрацию.

[83] *J. Dautry L. Pastor.* Histoire de la Résistance. Paris, 1950, p. 30.

[84] «L'Humanité», 14.XI 1941.

«Маки»

В Марселе демонстрация была столь многолюдной, что прекратилось уличное движение [85].

В июне 1942 г. «Юманите» поместила своеобразную сводку боевых действий французского народа. «Великая битва за освобождение нашей родины началась,— писала газета.— На французском фронте отмечено большое число военных подвигов. В департаментах Нор и Па-де-Кале сошли с рельсов 8 поездов с военными материалами, были сожжены десятки грузовиков, взорвано большое число электростанций, обслуживавших гитлеровцев, был уничтожен завод, работавший на врага. В Иль-де-Франс взорвались или сошли с рельсов 10 поездов с военными материалами и войсками, был также уничтожен состав с продовольствием для гитлеровцев. Были подожжены заводы. Произошли взрывы в помещениях, занятых гитлеровцами. В Нормандии сошел с рельсов поезд, было убито 300 гитлеровцев».

14 июля 1942 г. ЦК ФКП и организации Национального фронта предложили провести в Париже на Площади республики, а также перед мэриями провинциальных городов народные демонстрации под лозунгами борьбы за независимость. Выступления состоялись, хотя в Париже полиция закрыла станцию метро на Площади республики и установила преграды на прилегающих ули-

[85] «Правда», 18.V 1942. «Le Parti Communiste Français dans la Résistance», p. 174.

цах. Затем ФКП призвала жителей Франции провести демонстрации 20 сентября, в день 150-й годовщины победы революционных войск под Вальми.

Смело и решительно действовали вооруженные отряды Сопротивления; они нападали на колонны гитлеровских войск, жгли склады, организовывали диверсии на предприятиях, казнили гитлеровцев и предателей. В Париже были взорваны два кинотеатра — «Палас» и «Рекс» — в момент, когда зал был заполнен гитлеровцами.

Особенное значение имели действия групп ФТП на железных дорогах. За 1942 г., по явно заниженным данным Национальной компании железных дорог, было отмечено 278 операций французских патриотов [86]. В результате некоторые крупные железнодорожные узлы, такие, как, например, Тур или Дижон, оказывались на несколько дней парализованными.

В начале 1942 г. вооруженная борьба активно и систематически велась в районе Парижа, в департаменте Нор, в Нормандии, Бретани. Однако постепенно она начала охватывать и другие районы страны.

В борьбу включались самые широкие слои населения, даже обыватели. 31 мая 1942 г. в Париже на улице Бюси по призыву компартии состоялась демонстрация женщин. Под охраной групп ФТП домохозяйки разбирали продукты. Полиция произвела массовые аресты. Четыре участницы демонстрации были приговорены к смертной казни. И тем не менее 1 августа на улице Дагерр домохозяйки вновь стали разбирать продукты в магазине Феликса Потэна [87].

Серьезным источником пополнения отрядов франтиреров и партизан стали лица, уклонявшиеся от угона в Германию, «рефрактэры», как их называли во Франции. Многие из них переходили на нелегальное положение, вступали в отряды франтиреров и партизан. Другие — бежали в отдаленные, глухие сельские местности. Там постепенно начали складываться отряды «маки» (обитателей лесных зарослей). Они также включались в вооруженную борьбу.

Во многих случаях усиление вооруженной борьбы вызывалось необходимостью оказать сопротивление насильственной отправке рабочих в Германию. ФКП призывала «организовать оборону предприятий, бастующих в знак протеста против депортирования, создавая специальные боевые группы» [88].

Естественно, что в обстановке усиления борьбы французских патриотов крепли и организации, не связанные с коммунистами.

[86] «Histoire du Parti communiste français (Manuel)», p. 405.
[87] «L'Humanité», 7.VIII 1942.
[88] «L'Humanité», 1.V 1942.

Правда, вступая в ряды участников движения Сопротивления, не все представители буржуазных кругов руководствовались только патриотическими чувствами. У многих из них были и определенные политические расчеты. Они понимали, что стоять в стороне от народной борьбы для них равносильно политической смерти. Кроме того они опасались, что в случае, если единственной направляющей силой освободительной борьбы будут коммунисты, в очередь дня будет поставлен вопрос о коренных социальных преобразованиях в стране, а допустить это они считали нежелательным.

В южной зоне к этому времени сложились три крупные организации, в состав которых входили главным образом буржуазные и мелкобуржуазные деятели, представители интеллигенции и военных кругов: «Комба», «Фран-тирер» и «Либерасьон-сюд». Организатором «Комба» был бывший офицер французской разведки А. Френэ, объединивший группу, издававшую газету «Птит эль де Франс», с католической группировкой «Либерте»[89]. В состав «Фран-тирер» (центром ее деятельности, как и предыдущей, был Лион) входили представители социалистов, радикалов и др. Одним из ее членов был известный политический деятель Ив Фарж. «Либерасьон-сюд», созданная Эмманюэлем д'Астье де ла Вижери, действовала преимущественно в Клермон-Ферране. Среди активных деятелей лионского Сопротивления был виднейший историк Марк Блок, зверски казненный нацистами в июне 1944 г. Наиболее заметными из аналогичных организаций на севере были «Либерасьон-нор», возглавляемая социалистом Пино, Военно-гражданская организация (ОСМ), «Се де ла Резистанс» и «Се де ла Либерасьон», «Дефанс де ла Франс».

Многие социалисты входили в состав различных групп или даже возглавляли их. Нарастание движения Сопротивления и все более увеличивавшееся влияние в нем коммунистов заставило социалистических лидеров ускорить восстановление партии в подполье. К началу 1943 г. СФИО образовала единый Руководящий комитет для обеих зон Франции и приступила к созданию подпольных федераций.

К французскому Сопротивлению стали проявлять повышенный интерес правящие круги Англии и США, стремившиеся поставить его под свое влияние, использовать для осуществления своих военных и политических целей. Они создавали и собственные небольшие группировки, действовавшие, как правило, в отрыве от деголлевских организаций и даже конкурировавшие с ними[90].

[89] См. *M. Granet, H. Michel.* Combat. Paris, 1957.

[90] См. *Э. д'Астье.* Боги и люди. М., 1962; *H. Michel.* Histoire de la Résistance. Paris. 1950; *M. J. Buckmaster.* Specially Employed. The Story of British Aid to French Patriots of the Resistance. London, 1952.

Американская разведка обращала особое внимание на «Комба». Френэ не раз встречался с американскими агентами и получал значительные денежные средства от посольства США в Берне, где в те годы под видом атташе обосновался Даллес, руководивший разведывательными операциями в Европе [91].

Большинство организаций движения Сопротивления, не связанных с коммунистами, придерживались точки зрения, что, помимо пропаганды, сбора разведывательных данных и самообороны, никаких наступательных действий против врага предпринимать не следует; главная задача состоит в том, чтобы выжидать и готовиться к тому дню, когда союзники сочтут нужным начать операции по освобождению Франции. Поэтому призывы к антигитлеровской борьбе, публиковавшиеся в подпольной печати этих организаций, в большинстве случаев носили лишь общий, туманный характер. «Мы должны бороться морально»,— писала «Дефанс де ля Франс» 1 августа 1941 г., а «Фран-тирер» призывала: «Мудрость твоих предков подсказывает, чтобы ты спокойно ждал часа, когда будут сведены счеты на поле брани» [92].

С подобными взглядами солидаризировались в Лондоне. После расстрела заложников в Шатобриане де Голль выступил по радио с обращением, в котором заявил: «Существует тактика войны. Войной должны руководить те, кому это поручено... В настоящее время мой приказ для оккупированной территории: немцев не убивать!.. Как только мы сможем перейти в наступление, будут отданы соответствующие приказы» [93]. Тактику аттантизма, выжидания поддерживали также англо-американские союзники.

Однако рядовые члены организаций далеко не всегда соглашались со своими руководителями. Они понимали, что нельзя сидеть сложа руки и дожидаться, пока освобождение придет извне. На них также влияла энергичная и последовательная пропаганда ФКП и Национального фронта, побуждая многих присоединяться к отрядам Национального фронта.

Коммунистическая партия считала, что расширение борьбы за свободу и независимость родины немыслимо без тесного сплочения и координации действий всех антигитлеровских сил как в самой Франции, так и за ее пределами. Соответствующие требования выдвигали и участники других организаций Сопротивления. В некоторых местах сближение уже осуществлялось на практике. 16 октября 1942 г. в Лионе была издана нелегальная листовка

[91] *Passy*. Missions secrètes en France, p. 211—212.

[92] *H. Michel*. Les courants de pensée de la Résistance. Paris, 1962, p. 285, 287, 302.

[93] *Ш. де Голль*. Военные мемуары, т. I, стр. 291.

с призывом расширить борьбу против угона рабочих в Германию. Под ней стояли подписи: «Комба, «Либерасьон», «Фран-тирер», «Национальный фронт», Коммунистическая партия [94].

Деголлевские власти в Лондоне также сознавали необходимость внести элемент координации в движение Сопротивления на территории Франции. К тому же де Голль, продолжая испытывать серьезные трудности в своих отношениях с западными союзниками, хотел, чтобы организации Сопротивления признали его своим руководителем. Кроме того, он уже в то время задумывался над перспективами будущего и стремился к тому, чтобы после освобождения страны взять в свои руки правительственную власть.

С марта по декабрь 1941 г. Центральное бюро разведки и действия (БСРА) послало во Францию 11 специальных групп, которым было поручено установить контакт с организациями Сопротивления Затем была создана «генеральная делегация», и в январе 1942 г. первым генеральным делегатом де Голля во Франции стал Жан Мулен (Макс), бывший префект департамента Эр и Луар, добравшийся в Лондон через Лиссабон.

Ему было поручено прежде всего условиться с руководителями движения в южной зоне об образовании органа, который был бы непосредственно связан с Лондоном, «давал общие указания и занимался решением внутренних споров». После этого он должен был заняться северной зоной, чтобы попытаться организовать для всей территории единый совет Сопротивления, связанный со «Сражающейся Францией» [95]. С самого начала планировалось придать этому органу «только представительный, а не руководящий характер». Он должен был стать своего рода политическим советом при генерале де Голле в момент его прибытия во Францию. Де Голль хотел также, чтобы Мулен добился от организаций Сопротивления «элементарного взаимодействия их военных групп».

Мулен установил контакт с «Либерасьон», «Комба» и «Франтирер». Были созданы общие для трех организаций «службы воздушных и морских операций» и радиосвязи, которые стали получать от БСРА инструкции о прибытии самолетов и судов, пересылали в Лондон информацию. Было образовано также бюро информации и пропаганды (позднее, в апреле 1942 г., превратившееся в бюро информации и печати) во главе с Жоржем Бидо. При бюро был учрежден Генеральный комитет исследований, начавший разрабатывать проекты будущего устройства Франции.

[94] «Le Parti Communiste Français dans la Résistance», p. 192.

[95] *Ш. де Голль.* Военные мемуары, т. I, стр. 297. К этому времени движение «Свободная Франция» было переименовано в «Сражающаяся Франция» (см. ниже).

Руководители организаций движения Сопротивления — д'Астье де ла Вижери, Френэ, Пино — были приглашены в Лондон, а затем стали совершать рейсы из Франции в Англию почти регулярно. Побывав там впервые, все они отметили, насколько плохо в Лондоне представляли себе обстановку во Франции и стремления участников движения Сопротивления [96]. В октябре 1942 г. была достигнута договоренность, что три организации южной зоны образуют координационный комитет под председательством Мулена и сольют свои военизированные группы в «тайную армию» во главе с командующим, назначаемым де Голлем. Эта должность была поручена бывшему инспектору танковых войск генералу Делестрэну.

Лондонские власти начали также переговоры с представителями Национального фронта и ФКП. Еще летом 1942 г., в беседе с одним из руководителей ФТП, Жозефом, полковник Реми предложил, чтобы в Лондон был отправлен представитель Национального фронта, который проинформировал бы де Голля о нуждах ФТП, характере и масштабах их действий [97]. В конце концов было решено, что представитель коммунистической партии выедет в Лондон для переговоров о совместных действиях с движением «Свободная Франция». Эта миссия была возложена на Фернана Гренье. Однако его отъезд задержался до января 1943 г. в связи с высадкой союзнических войск в Северной Африке.

Что касается самих лондонских организаций де Голля, то 1941—1942 гг. были для них трудным периодом. Когда гитлеровская агрессия обрушилась на Советскую страну, де Голль поручил сообщить советскому послу в Англии, что «Свободная Франция» хотела бы установить военное сотрудничество с Советским Союзом. При этом де Голль рассуждал так: «Прежде чем философствовать, нужно завоевать право на жизнь, т. е. победить, а участие России создавало возможности для победы. К тому же ее присутствие в лагере союзников означало, с точки зрения Сражающейся Франции, некоторый противовес по отношению к англосаксонским странам, и я имел в виду воспользоваться этим обстоятельством» [98].

26 сентября 1941 г. Советское правительство признало де Голля в качестве «руководителя всех свободных французов, где бы они ни находились», изъявило готовность оказать им «всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе с гитлеровской Германией

[96] *Ch. Pineau.* La simple vérité. 1940—1945. Paris, 1960, p. 154; *Э. Д'Астье.* Боги и люди, стр. 18.

[97] *Ф. Гренье.* Вот как это было. М., 1960, стр. 105.

[98] *Ш. де Голль.* Военные мемуары, т. I, стр. 652.

и ее союзниками» и выразило решимость после достижения победы «обеспечить полное восстановление независимости и величия Франции» [99]. За два дня до этого де Голль издал декрет об образовании Французского Национального комитета (ФНК), на который были по существу возложены правительственные функции.

Вскоре в СССР приехали представители Национального комитета: сначала генерал Пети от военных властей, а несколько позднее Жорж Гарро и Шмитлен от гражданских. В конце 1942 г. на советский фронт прибыла группа французских летчиков, из которых впоследствии была сформирована эскадрилья «Нормандия — Неман», покрывшая себя славой и ставшая символом боевого содружества советских и французских воинов в борьбе против общего врага. Первоначально де Голль даже планировал направить в СССР целую дивизию, но этот план не был осуществлен, так как английское правительство отнеслось к нему отрицательно.

Вообще отношения деголлевского комитета с англичанами, а особенно с американцами были крайне сложными и запутанными. США к этому времени уже вступили в войну, но они все еще не оставляли мысли об использовании вишистского режима, чтобы обеспечить свое влияние в Северной Африке и других стратегически важных районах мира. Хотя в сентябре 1941 г. правительство США обратилось к «Свободной Франции» с просьбой об использовании баз в Африке и на других территориях, оказавшихся под ее властью, однако отношение США к деголлевскому комитету оставалось весьма прохладным. В конце 1941 г. даже возник острый конфликт, когда де Голль вопреки США решил установить контроль над принадлежавшими Франции островами Сен-Пьер и Микелон [100].

Немало столкновений происходило и с английскими властями. Острые трения продолжала вызывать политика Англии в Сирии и Ливане. Но апогея негодование де Голля достигло 5 мая 1942 г., когда он узнал, что английские войска высадились на Мадагаскаре, даже не уведомив его о начале операции [101]. Де Голль пригрозил, что он прервет сотрудничество и выедет из Лондона. Тогда англичане отступили, и представитель «Свободной Франции» был допущен на Мадагаскар.

Весной 1942 г. де Голль принял решение переименовать возглавляемое им движение. Тогда же он обратился к правительствам СССР, США и Англии с просьбой признать Нацио-

[99] «Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» М., 1959, стр. 47.

[100] *Ш. де Голль.* Военные мемуары, т. I, стр. 239—243.

[101] Там же, стр. 467.

нальный комитет как «руководящий орган Сражающейся Франции, который лишь один имеет право организовывать участие французов в войне и представлять при союзниках французские интересы, особенно в той мере, в какой эти интересы затрагиваются ведением войны»[102]. Однако Англия и США отказались удовлетворить эту просьбу, предпочитая придерживаться менее обязывающих в будущем формулировок. Что касается СССР, то он 29 сентября 1942 г. подписал с ФНК совместное коммюнике, в котором содержалось определение «Сражающейся Франции» и ФНК в формулировках, практически воспроизводивших те, что были предложены де Голлем[103].

Постепенно войска «Сражающейся Франции» все более активно включались в военные операции на различных фронтах войны. В мае — июне 1942 г. они приняли участие в битве под Бир-Хаккеймом. Однако положение «Сражающейся Франции» все еще оставалось непрочным; особенно ясно это сказалось во время высадки англо-американских войск в Северной Африке.

КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ В ВОЙНЕ И ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ

Грандиозная битва под Сталинградом обозначила в ходе войны новые горизонты. С конца 1942 г. многим стало ясно, что разгром гитлеровской Германии неминуем. В связи с этим западные союзники были вынуждены внести в свою стратегию существенные коррективы; им уже становилось политически невыгодно бездействовать. Однако вместо открытия второго фронта в Европе они предпочли сосредоточить свое внимание на подготовке операции «Торч» — высадки в Северной Африке. В октябре 1942 г. мощная армада из 800 кораблей, на борту которых находились 110 тыс. американских и английских солдат и офицеров, стала собираться в Атлантическом океане.

С самого начала Рузвельт считал «нецелесообразным давать де Голлю какую-либо информацию относительно операции «Торч» до того, как произойдет успешная высадка»[104]. Английское правительство согласилось с этим.

В правящих кругах США полагали, что использование человека, более близкого к Виши, помогло бы сохранить в Северной Африке административный и военный аппарат, который взял бы на себя обеспечение порядка и предотвратил включение народных масс в борьбу. У американцев сложилось мнение, что, оказывая

[102] «Советско-французские отношения...», стр. 82, 83.

[103] Там же, стр. 97.

[104] *W. Churchill.* The Second World War, vol. IV. London, 1951, p. 543.

помощь де Голлю, который в поисках поддержки у движения Сопротивления пошел на сближение с левыми организациями, США тем самым расчистили бы дорогу радикальным преобразованиям во Франции.

Американские представители предложили командование в Северной Африке Вейгану и даже затеяли секретные переговоры с Дарланом. Последний сообщил, что при определенных обстоятельствах он с «большой готовностью принял бы участие в совместных франко-американских военных операциях» [105].

Вейган отверг предложение США, а с Дарланом в тот момент договориться не удалось. Но тут в южной зоне оказался генерал Жиро, незадолго перед тем совершивший сенсационный побег из германского плена. Жиро вполне устраивал американцев не только потому, что он олицетворял облик французского генерала «от дубовых листьев (на генеральском кепи) до больших усов» [106]. Он принадлежал к числу популярных во Франции военных деятелей, слыл патриотом, и поэтому считалось, что за ним пойдет армия. Вырвавшись из плена, Жиро дал Петену письменное заверение в своей лояльности, а все приглашения де Голля перейти на сторону «Сражающейся Франции» оставил без ответа.

Жиро был связан с небольшой организацией в Алжире («группой пяти»), пользовавшейся поддержкой американского резидента Мерфи. Когда американские агенты обратились к Жиро, он пообещал участвовать в кампании в Северной Африке, поставив, однако, условием, что операция должна совпадать по времени с высадкой союзников в Южной Франции и в других странах Европы; он требовал для себя командования объединенными французскими и американскими вооруженными силами. 6 ноября Жиро был доставлен на американской подводной лодке из Франции в Гибралтар. Только там он узнал, что командовать операцией будет Эйзенхауэр.

Союзнические войска почти повсеместно натолкнулись на довольно сильный отпор. В Касабланке и Оране завязались настоящие бои. Да и в Алжире операция проходила не слишком гладко. В порту десантные суда были встречены огнем батарей. В город войска вступили с большим запозданием по сравнению с планом.

Хотя в ночь перед высадкой участники «группы пяти» сумели захватить ряд ключевых позиций в городе, Мерфи начал искать способ договориться с местными властями. Он прежде всего предупредил о происходящих событиях генерала Жюэна и Дарлана. В первый момент Дарлан заявил, что будет сообразовываться с

[105] *R. Murphy.* Diplomat among Warriors. New York, 1964, p. 113.
[106] *A. Kammerer.* Du débarquement africain au meurtre de Darlan. Paris, 1947, p. 108.

приказом Петена защищать Северную Африку. Однако вскоре было подписано соглашение о прекращении огня в Алжире и его предместьях. Затем американцам удалось добиться окончательного перехода на свою сторону Дарлана, Жюэна, а затем Ногеса и других французских военных. В тех случаях, когда Дарлан пытался проявлять несговорчивость, ему напоминали о существовании Жиро и даже грозили облечь последнего полномочиями, которые американские власти предлагали Дарлану.

10 ноября Дарлан разослал всем командующим в Северной и Западной Африке приказ прекратить огонь и известил, что «берет в свои руки власть в Северной Африке от имени маршала»[107]. Жиро также выразил готовность взять в свои руки управление Северной Африкой от имени Петена. В конце концов было решено, что Дарлан примет на себя роль верховного комиссара Северной Африки, а Жиро — главнокомандующего.

22 ноября были подписаны соглашения о сотрудничестве между французскими и союзническими вооруженными силами, предоставлявшие США обширные экономические льготы. Соглашение предусматривало сохранение персонала правительственных учреждений на местах.

Однако Дарлан сохранял власть недолго. Через шесть недель после высадки союзных войск молодой француз Бонье де Ла Шапель выстрелом в адмирала положил конец «временному эксперименту», как называл сговор с Дарланом Рузвельт, смущенный волной критических откликов, которую породили во всем мире действия США.

Гитлеровская Германия воспользовалась высадкой в Северной Африке для нового нажима на Францию. Уже 8 ноября правительство Виши удовлетворило требование Германии насчет французских военных баз в Тунисе и Константине. 9 ноября 100 самолетов люфтваффе приземлились в Тунисе, 11 ноября туда вступили немецкие войска с танками и тяжелым вооружением[108].

Ранним утром 11 ноября гитлеровские войска перешли демаркационную линию и устремились в южную зону. В трагические дни оккупации всей Франции «армия перемирия» проявила полную покорность и пассивность. Лишь генерал Делаттр де Тассиньи, командовавший дивизией в Монпелье, вывел часть вверенных ему войск на оборонительный рубеж. Но его подчиненные задержали остальную часть дивизии, а Делаттр был посажен в Риомскую тюрьму, откуда лишь в сентябре 1943 г. ему удалось бежать в Алжир. Вскоре «армия перемирия» была распущена.

[107] *A. Kammerer.* Du débarquement africain au meurtre de Darlan, p. 397.

[108] См. *R. Aron.* Histoire de Vichy, p. 551—552, 563, *A. Kammerer.* Du débarquement africain au meurtre de Darlan, p. 568—570.

Власть Лаваля была значительно расширена. Он снова стал наследником Петена и получил право издавать законы и декреты. Лаваль тут же пояснил, как он мыслит использовать новоприобретенные полномочия: «Мы больше не можем жить в состоянии двусмысленности,— заявил он.— Союз с Германией представляет собой единственную гарантию мира... Нужно иметь мужество выбрать политику и ее придерживаться» [109].

Гитлеровцы не замедлили воспользоваться позицией своего подручного. 27 ноября немецкие части ворвались в Тулон с целью захватить французские военные корабли. Однако командующий флотом Лаборд, ранее отказавшийся вывести его в Алжир, отдал приказ о затоплении. Тулон окутал дым от взрывов, чередовавшихся с пушечными выстрелами. Лишь четыре подводные лодки отказались подчиниться приказу Лаборда и ушли из порта.

После событий осени 1942 г. крупная буржуазия, на которую опирался петеновский режим, постепенно начала менять ориентацию. Часть ее постаралась проникнуть в руководство подпольных организаций движения Сопротивления, другие поспешили в Северную Африку [110].

Сознавая, что почва уплывает у него из-под ног, правительство Виши лихорадочно изыскивало средства, чтобы укрепить свое положение. Петен форсировал расширение «милиции». Ее представителям было разрешено подбирать кадры даже из числа уголовных преступников в тюрьмах. Создавались так называемые мобильные резервные части, на которые была возложена специальная задача — борьба против участников движения Сопротивления.

Тюрьмы были буквально забиты патриотами: гитлеровцы посылали их в лагеря смерти. В 1942 г. было отправлено в Германию 104 эшелона с заключенными, в 1943 г.— 250. В январе 1943 г. в Освенцим был направлен первый железнодорожный состав с арестованными женщинами, среди которых находились видные работники ФКП Даниэль Казанова и Мари-Клод Вайян-Кутюрье. Тогда же гитлеровцы выселили 40 тыс. жителей квартала Старый порт в Тулоне и вывезли большинство их в концлагерь. Население, возмущенное действиями оккупантов, оказало энергичный отпор. В центре города завязались настоящие сражения.

Гитлеровцы продолжали беспощадно грабить Францию. В июне 1943 г. они вывезли 8 млн. квинталов пшеницы, в то время как в самой Франции не хватало 1,5 млн. квинталов до нового урожая [111].

[109] *A. Kammerer.* Du débarquement africain au meurtre de Darlan, p. 531, 532, 535.

[110] В их числе был и вишистский министр внутренних дел Пюше. По требованию патриотов он был в дальнейшем приговорен к расстрелу.

[111] «L'Humanité», 11. VI 1943.

В движении Сопротивления на территории Франции наступил новый этап. Национально-освободительная борьба все больше превращалась в дело всего французского народа. Коммунистическая партия выдвинула лозунг: «Объединяться, вооружаться, сражаться!»

14 июля 1943 г. по всей Франции прошли демонстрации. Особенно массовый характер они имели в департаментах Сены и Уазы, Об, Кот д'Ор, Марны, Нор и Па-де-Кале, а также в Парижском районе [112]. Жители вывешивали национальные флаги. Были совершены вооруженные нападения на гитлеровские гарнизоны. Такие же демонстрации были организованы 11 ноября 1943 г.

Бастовали рабочие предприятий Фуршамбо, железнодорожники депо Ирсон, трудящиеся компании Гном и Рон, завода тормозов Вестингауза, шахтеры департаментов Нор и Па-де-Кале и Сент-Этьенна, рабочие многих других предприятий. Особенно широкий отклик получила забастовка железнодорожников Дижона. В ноябре 1943 г. они в течение трех дней не выходили на работу, требуя освобождения своих семерых товарищей, приговоренных военным трибуналом к смертной казни. Угроза всеобщей забастовки в городе вынудила гитлеровские власти отступить [113].

Патриоты все более решительно боролись против угона французских трудящихся в Германию. В январе 1943 г. гитлеровцы потребовали, чтобы к середине марта было вывезено еще 250 тыс. рабочих, а в августе уже появилась новая цифра — 500 тыс. Наконец, в январе 1944 г. германское правительство объявило, что Франция обязана ежемесячно отправлять в Германию 91 тыс. человек [114]. Вишистские власти подчинялись всем этим требованиям, принимали чрезвычайные меры, чтобы удовлетворить гитлеровцев. На заводах работали отборочные комиссии, на улицах, в кино, театрах устраивались облавы; продовольственные карточки выдавались только по предъявлению удостоверения с места работы [115]. Однако все большее число рабочих уклонялось от угона в Германию. По материалам префектуры департамента Пюи-де-Дом, из 7016 человек, подлежавших отправке, выехало только 48.

6 января 1943 г. в Монлюссоне была организована демонстрация против угона трудящихся. Ее участники, среди которых было много женщин и молодежи, держались так стойко, что для их разгона пришлось вызвать войска.

Чтобы вести работу среди рабочих, мобилизуемых для отправки в Германию, помогать им скрываться, направлять в под-

[112] «L'Humanité», 23. VII 1943.

[113] *A. Tollet.* La classe ouvrière dans la Résistance. Paris, 1970, p. 195—196.

[114] *R. Aron.* Histoire de Vichy, p. 619, 634, 662.

[115] *А. Верт.* Франция 1940—1945. М., 1959, стр. 160.

польные отряды и вовлекать в вооруженную борьбу, руководство движения Сопротивления организовало Комитет по координации и действиям против депортирования. Его возглавил Ив Фарж [116].

В июле 1943 г. отряд франтиреров под руководством армянина Манушьяна организовал убийство военного коменданта Парижа фон Шаумбурга. Через два месяца тот же отряд убил гитлеровского офицера Риттера, ведавшего отправкой рабочих в Германию. Партизаны арестовали, судили и казнили начальника дижонского гестапо Вернера. В сентябре 1943 г. группа ФТП «Габриэль Пери» уничтожила крупную электростанцию в Крезо.

Департаменты Орн, Эн и Дордонь были почти целиком охвачены партизанским движением. В гористых местностях Верхней Савойи возникло несколько партизанских районов [117]. Стремясь покончить с партизанами, гитлеровцы не раз посылали туда войска, но ликвидировать движение им не удалось.

Бойцы Сопротивления осуществляли военные операции не только в северной зоне, как было раньше, но и на юге. С ноября 1942 г. в Лионе, Тулоне, Марселе и других городах южной зоны действовали многочисленные отряды франтиреров и партизан. Один из таких отрядов напал на немецкий моторизованный взвод в Марселе. Там было объявлено осадное положение и введен комендантский час. В начале 1943 г. три организации южной зоны создали Объединенное движение Сопротивления, позже принявшее название Движения национального освобождения (МЛН).

Деятельность франтиреров и партизан обсуждалась буквально на каждом совещании подпольного руководства ФКП [118]. В начале 1943 г. ЦК ФКП решил, что 10% всех членов партии должны вступить в ряды ФТП [119]. Коллаборационисты со страхом и тревогой констатировали усиление вооруженной борьбы в стране. Так, префект департамента Ньевр в августе 1943 г. отмечал наличие у франтиреров «зрелого плана», который осуществляется с «умением и храбростью» [120].

Коммунистическая партия считала, что наступил момент образовать единый руководящий центр движения Сопротивления. Компартия добивалась, чтобы движение было превращено «в прочно

[116] «Le Parti Communiste Français dans la Résistance», p. 212.

[117] *См. A. Mazeline.* Resistance dans le département de l'Orne, 1947; *R. Bellanger.* Dordogne en armes. Périgueux, 1945; *R. J.* 3. Franctireurs et partisans de la Haute-Savoie. Paris, 1946. О партизанской борьбе в этих районах см.: *Н. А. Колосков, Н. Г. Цырульников.* Народ Франции в борьбе против фашизма. М., 1960.

[118] «Le Parti Communiste Français dans la Résistance», p. 221.

[119] «Histoire du Parti communiste français (Manuel)», p. 415.

[120] «L'Université libre», 1.I 1944.

сцементированный для действий блок»[121], ибо дальнейшее распыление сил могло только задержать разгром врага. Пребывание своего представителя в Лондоне она рассматривала как важный шаг в этом направлении. После переезда Гренье в Алжир им являлся Вальдек Роше[122].

В апреле 1943 г. было восстановлено профсоюзное единство. Нелегальное бюро ВКТ выработало свою программу действий. В качестве главной цели оно ставило борьбу против оккупантов и их сообщников, защиту требований рабочих, сопротивление системе трудовой повинности и срыв производства военных материалов, предназначенных для врага[123]. Восстановление ВКТ усилило роль рабочего класса в антифашистской борьбе и имело большое значение для объединения всех патриотических сил.

В истории освободительного движения во Франции май 1943 г. является первостепенной вехой: был образован Национальный совет Сопротивления (НСС). В него вошли Национальный фронт, обе организации, именовавшиеся «Либерасьон», «Комба», «Франтирер», «ОСМ», «Се де ла Резистанс», «Се де ла Либерасьон», ВКТ и Конфедерация христианских трудящихся. Из политических партий членами НСС стали коммунистическая и социалистическая, а также радикальная и христианско-демократическая партии, «Альянс демократик» и «Республиканская федерация», хотя в борьбе против гитлеровцев и вишистов последние четыре никакого участия не принимали. На их включении особенно настаивали представители лондонских властей. Таким путем они надеялись несколько уравновесить влияние коммунистов в движении Сопротивления. В то же время они рассчитывали повысить свой авторитет в глазах союзников благодаря поддержке со стороны старых политических партий[124].

Делегат каждой организации располагал в составе Национального совета Сопротивления одним голосом независимо от размера и влияния организации, которую он представлял. Председателем НСС стал генеральный делегат де Голля Жан Мулен. Но в июле 1943 г. Мулен был арестован и вскоре погиб под пытками. Председателем НСС был назначен Жорж Бидо. Было решено выделить постоянное бюро в составе пяти человек, а пленарные заседания созывать лишь в самых редких случаях. В феврале 1944 г. для руководства вооруженной борьбой при Национальном совете был образован Комитет военных действий

[121] «L'Humanité», 1.II 1943.

[122] «Le Parti Communiste Français dans la Résistance», p. 232.

[123] *A. Tollet.* La classe ouvrière dans la Résistance, p. 161—168; «Очерки рабочего движения во Франции (1917—1967)». М., 1968, стр. 239.

[124] См. *R. Hostache.* Le Conseil National de la Résistance. Paris, 1958, p. 170.

(КОМАК), который в дальнейшем возглавил Пьер Вийон. Это было признанием заслуг и огромной роли Национального фронта [125].

НСС возник не путем демократического представительства, а посредством соглашения между руководящими органами различных группировок и партий; в его состав вошли и такие лица, которые, по выражению Тореза, «меньше думали об организации эффективной борьбы против захватчиков, нежели о том, каково будет положение во Франции после ее освобождения» [126]. Тем не менее образование НСС было важным шагом в борьбе против оккупантов и вишистов. А участие коммунистов в значительной степени определило его политическую ориентацию. Несмотря на противодействие правых элементов, НСС принял ряд решений, способствовавших дальнейшей активизации движения Сопротивления. В октябре 1943 г. из молодежных группировок движения были образованы «Объединенные силы патриотической молодежи» — организация, принявшая деятельное участие в партизанской борьбе. В патриотические действия вовлекались десятки тысяч женщин.

Образование единых руководящих органов движения Сопротивления на территории Франции было воспринято в Лондоне с удовлетворением, хотя генерал де Голль и выражал известное беспокойство в связи с тем, что определяющую роль в них играли коммунисты [127]. В отношениях же с союзниками продолжали сохраняться трудности. Вскоре после высадки в Северной Африке де Голль попытался послать в Алжир свою миссию, но английские власти помешали этому. Когда Дарлан был убит, де Голль завязал переписку с Жиро, предлагая ему встретиться для обсуждения мер по объединению «всех французских сил и территорий» под временной центральной властью [128]. Жиро отвечал на подобные предложения весьма уклончиво. Так было до тех пор, пока англичане не разглядели, что США захватывают в свои руки первенство во всех военных и политических вопросах. Они решили противопоставить де Голля Жиро. На конференции глав правительств Англии и США в Касабланке в январе 1943 г. англичане начали добиваться, чтобы де Голль был поставлен во главе французской администрации в Северной Африке. Делегация США настаивала, чтобы представителем Франции в Северной Африке был Жиро [129].

[125] *А. И. Колосков, Н. Г. Цырульников.* Народ Франции в борьбе против фашизма, стр. 163.

[126] «Cahiers du communisme», 1947, N 11, p. 1119—1120.

[127] См. *Ш. де Голль.* Военные мемуары, т. II. стр. 194—195; *C. Bourdet.* La politique intérieure de la Résistance.— «Les temps modernes», 1954, N 112-113, p. 1854.

[128] *Ш. де Голль.* Военные мемуары, т. II, стр. 85.

[129] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, т. II. М., 1958, стр. 340.

В итоге де Голль был приглашен в Касабланку для встречи с Жиро. Но они там ни о чем не договорились. Лишь через несколько месяцев Жиро согласился разделить власть с де Голлем. 3 июня 1943 г. было решено учредить в Алжире Французский Комитет национального освобождения (ФКНО) под совместным председательством обоих генералов. Жиро сохранял пост главнокомандующего войсками в Северной Африке, а де Голль стал главнокомандующим войсками на всех остальных территориях империи и в самой Франции.

После образования ФКНО правительства США и Англии сначала воздерживались от его официального признания. СССР же не считал целесообразной такую оттяжку, полагая, что это нанесет вред сплочению антигитлеровских французских сил [130]. 26 августа ФКНО был признан СССР, США и Англией. Но формулы соответствующих документов существенно отличались друг от друга. Правительство СССР признало ФКНО «как представителя государственных интересов Французской республики и руководителя всех французских патриотов, борющихся против гитлеровской тирании». США же и Англия говорили лишь о «сочувствии» желанию ФКНО, чтобы «его рассматривали в качестве органа, способного обеспечить осуществление всех французских интересов и их защиту». Они подчеркнули также, что ФКНО — «орган, управляющий теми французскими заморскими территориями, которые признают его власть». Правительство США специально оговаривало, что не признает ФКНО в качестве правительства Франции или французской империи и что такое правительство должно быть избрано в дальнейшем [131].

Чем отчетливее ощущали французские патриоты приближение решающих битв с врагом, тем бóльшую остроту приобретал спор о перспективах национально-освободительной борьбы, ее методах. В этом вопросе с особой рельефностью выявилось глубокое отличие точки зрения ФКП и других прогрессивных организаций от позиций, которые занимали остальные группировки, участвовавшие в борьбе против оккупантов и вишистского режима. Коммунисты, организации Национального фронта и профсоюзов были убеждены, что освобождение Франции должно явиться результатом национального восстания. Коммунистическая партия полагала также, что подготовку к такому восстанию нужно начинать немедленно, что уже теперь французский народ в каждодневных боях должен собирать свои силы и овладевать искусством освободительной борьбы.

130 «Советско-французские отношения», стр. 164.

131 Там же, стр. 190, 191, 195; «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943», vol. II. Washington, 1964, p. 185.

В одном из своих выступлений де Голль также заявил, что «национальное освобождение неотделимо от национального восстания»; эти слова были повторены всеми подпольными изданиями. На деле буржуазные участники движения Сопротивления продолжали исходить из того, что Франция может быть освобождена лишь армиями союзников; роль вооруженных отрядов и других борцов Сопротивления должна сводиться только к тому, чтобы оказать в нужный момент помощь регулярным войскам Англии и США.

Весной 1943 г. ФКП разработала директивы по подготовке вооруженного восстания. В них говорилось, что всем группам Сопротивления следует развернуть работу в следующих направлениях: против опустошения Франции врагом, против угона французских трудящихся в Германию, против использования оккупантами французской промышленности в своих интересах; необходимо активизировать вооруженную борьбу, укреплять отряды франтиреров и партизан [132]. ФКП и стоявшие близко к ней подпольные организации считали, что наиболее правильный путь — это использование небольших хорошо слаженных и обученных отрядов, непрерывно ведущих боевые действия.

Иных взглядов придерживались в Лондоне и Алжире. Агенты БСРА стали собирать всех, кто жаждал сражаться, в крупные соединения. Там они проходили подготовку под руководством профессиональных военных, но активных операций против врага не вели. В 1942—1944 гг. такие соединения располагались на высокогорных плато Центрального массива, Арденн, Савойи и других районов. Наибольшую известность получили лагеря в Веркоре и Глиере. Предполагалось, что эти соединения в момент высадки союзников послужат отправной точкой для образования «внутреннего предмостного укрепления, откуда могут быть начаты атаки на врага с флангов и с тыла» [133].

Стремясь ускорить подготовку восстания, ФКП выступала за образование единых вооруженных сил Сопротивления. В начале 1943 г. руководство ФТП договорилось с генералом Делестрэном об установлении связей с «тайной армией». Но эту договоренность реализовать не удалось из-за ареста Делестрэна, уже не вернувшегося из гитлеровских застенков. Лишь в феврале 1944 г., после длительных переговоров, был утвержден проект образования Французских внутренних сил (ФФИ). Руководство ими возлагалось на КОМАК. Во главе генерального штаба был поставлен генерал

[132] «L'Humanité», 15.IV 1943.

[133] *Commandant Pierre Tenant.* Vercors Haut-Lieu de France. Souvenirs. Paris, 1947, p. 23.

Понкаррал (Де Жюсье), а после его ареста — коммунист генерал Жуэнвиль (Маллерэ).

События на Корсике в 1943 г. показали, что организованный и сплоченный в едином патриотическом порыве народ в состоянии своими силами добиться освобождения, не дожидаясь высадки союзников. Как только пришло известие о капитуляции фашистской Италии, в главном городе Корсики Аяччо началась массовая демонстрация населения перед городской ратушей. 9 сентября вишистская администрация была низложена, и организация Национального фронта призвала к борьбе против оккупантов. Когда 12 сентября на Корсику прибыли войска, посланные из Алжира, две трети острова были уже освобождены [134]. После событий на Корсике ФКП поставила вопрос о возможности провести национальное восстание вне зависимости от высадки союзнических войск. «Теперь,— писал М. Торез в одной из своих статей,— освобождение Франции силами патриотов представляется вполне реальным» [135].

Де Голль, как он пишет в своих мемуарах, был обеспокоен тем, что на Корсике «коммунисты, опираясь на участников Сопротивления, восстанавливают муниципалитеты по своему усмотрению и овладевают средствами информации» [136]. Стремление руководства «Сражающейся Франции» установить контроль над движением Сопротивления в стране стало еще более очевидным. Это было особенно заметно при решении вопроса о снабжении отрядов Сопротивления оружием.

На последнем этапе оккупации эта проблема была для участников подпольных патриотических организаций одной из самых болезненных. Практически среди бойцов Сопротивления в лучшем случае был вооружен один из двадцати [137]. Оружие, поступавшее из Англии, в подавляющем большинстве случаев консервировалось на складах, которые очень часто попадали в руки гитлеровцев и вишистов. Даже вполне лояльные к де Голлю организации начинали выражать недовольство тем, что лондонские (БСРА и после образования ФКНО продолжала оставаться там) и алжирские власти всеми средствами затягивают доставку оружия борющимся патриотам. Френэ, например, в одном из составленных им документов писал, что «в Лондоне занимаются политикой и забывают о войне, которую считают практически выигранной» [138].

[134] См. *M. Choury*. Tous bandits d'honneur. Paris, 1968.
[135] «Cahiers du communisme», 1944, N 1, p. 22.
[136] *Ш. де Голль*. Военные мемуары, т. II, стр. 172.
[137] *Э. д'Астье*. Боги и люди, стр. 21.
[138] *M. Granet, H. Michel*. Combat, p. 286.

От недостатка оружия в первую очередь страдали отряды франтиреров и партизан. Национальный фронт несколько раз обращался в Лондон и в Алжир с просьбой отказаться от дискриминации отрядов ФТП. В декабре 1943 г. по предложению Вийона Национальный совет Сопротивления потребовал от БСРА хотя бы частичной передачи имеющегося на складах оружия группам, решившим его использовать[139]. Однако положение не менялось.

Тем временем в Алжире шла борьба в руководстве ФКНО. Де Голль поставил Жиро в упрек, что тот не известил своих коллег о готовившемся на Корсике восстании[140]. Было признано целесообразным, чтобы ФКНО возглавляло одно лицо. Им стал де Голль, располагавший поддержкой большинства комитета; Жиро ушел в отставку. В состав ФКНО были введены некоторые участники движения Сопротивления: д'Астье, Френэ, де Ментон, а также Мендес-Франс, который после побега из тюрьмы служил в авиации.

ФКП считала, что она также должна быть представлена в ФКНО при условии, что будут использованы все средства для войны против Германии и для вооружения патриотов. Она требовала наказания предателей, проведения демократической политики, способной воодушевить французский народ, удовлетворения требований колониальных народов, усиления роли Франции в антигитлеровской коалиции[141]. Переговоры по этому вопросу затянулись, но в конце концов в апреле 1944 г. коммунисты вошли в ФКНО: Франсуа Бийу был назначен государственным комиссаром, а Фернан Гренье — комиссаром по делам авиации. 2 июня 1944 г. ФКНО объявил себя Временным правительством Французской республики.

В начале ноября 1943 г. в Алжире состоялось первое заседание Консультативной ассамблеи. В ее состав вошли около 100 человек, причем примерно около половины из них были посланы организациями движения Сопротивления. На своих заседаниях Ассамблея подняла некоторые важные проблемы. В частности, бурные дебаты развернулись по вопросу о снабжении патриотов оружием. В ходе прений все делегаты настаивали на немедленных мерах для резкого усиления таких поставок движению Сопротивления. Ассамблея обсудила также вопросы военной подготовки.

Руководство ФКНО проявляло в это время большой интерес ко всему, что было связано с установлением власти в стране в

[139] «France nouvelle», 22.III 1961.

[140] *Ш. де Голль*. Военные мемуары, т. II, стр. 166.

[141] «Histoire du Parti communiste français (Manuel)», p. 420.

момент освобождения. Это объяснялось прежде всего стремлением не допустить, чтобы организации Сопротивления могли превратиться в органы власти на местах. Но де Голля тревожила и позиция англо-американских союзников по этому вопросу, считавших, что в период освобождения Франции главнокомандующий союзными силами должен обладать всеми прерогативами главы оккупационных властей и в своих действиях исходить из отсутствия в стране суверенного правительства. Именно в этом духе выступали английская и американская делегации на Московской конференции министров иностранных дел осенью 1943 г.[142]

Весной 1944 г. ФКНО опубликовал несколько ордонансов об организации власти во время освобождения. Было решено заранее назначить региональных комиссаров с особыми полномочиями, которым поручалось создать временный аппарат управления на освобожденных территориях. Департаментские комитеты освобождения, возникшие в это время на территории Франции, предполагалось превратить в своеобразные консультативные органы при префектах.

Генеральный комитет исследований, комиссии Консультативной ассамблеи, некоторые буржуазные деятели Сопротивления готовили проекты будущей конституции и избирательного закона. В этих проектах, как правило, сквозило стремление провести перестройку государственной структуры, чтобы власть была в еще большей мере, чем прежде, сосредоточена в руках буржуазии. Наиболее надежным средством для достижения этой цели считалось максимальное ограничение прав выборных органов и расширение полномочий исполнительной власти, в первую очередь президента.

Коммунисты не принимали участие в этом своеобразном соревновании «создателей систем»[143], считая, что главная задача в тот момент заключалась в изгнании оккупантов и предателей. Тем не менее взгляды ФКП на послевоенное устройство были четко сформулированы в ряде документов. ФКП считала, что сразу же после освобождения следует провести выборы в Учредительное собрание, на которое будет возложена разработка конституции. Основной чертой последней должно быть, по мнению ФКП, обеспечение самого широкого контроля со стороны избирателей над парламентом и правительством, ликвидация влияния монополий на органы власти, а также предоставление народу самых широких социальных прав[144].

Эти идеи в значительной степени отразились и в програм-

[142] «Советско-французские отношения», стр. 222—224.
[143] «Cahiers du communisme», 1944, N 1, p. 82.
[144] Ibid., p. 42—51, 82—89.

ме, которую в марте 1944 г. принял Национальный совет Сопротивления. Она предусматривала образование временного правительства, призванного защищать политическую и экономическую независимость страны, восстановить ее величие, наказать предателей и лиц, сотрудничавших с врагом, конфисковать их имущество, восстановить всеобщее избирательное право и обеспечить демократические свободы. В программе НСС говорилось о необходимости ликвидации засилия монополий, национализации основных средств производства, участия трудящихся в управлении экономикой страны, повышения их жизненного уровня, осуществления важных мероприятий социального характера [145].

Между тем успехи советских войск в войне против гитлеровской Германии, а также неудержимый рост патриотической борьбы европейских народов все более вынуждали англо-американских союзников ускорить открытие второго фронта на территории Европы. К лету 1944 г. им уже стало вполне ясно, что в случае дальнейшего затягивания высадки войск во Франции может создаться такое положение, что Советский Союз своими силами разгромит и оккупирует Германию, а освобождение Франции будет осуществлено исключительно силами ее народа.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ И ОСВОБОЖДЕНИЕ СТРАНЫ

Последние месяцы перед освобождением Франция жила в обстановке крайнего напряжения. Экономическое положение еще более ухудшилось. Предприятия прекращали работу, безработица достигла невиданных размеров. Террор продолжал усиливаться; вишисты и гитлеровцы перешли к массовому истреблению населения. Так, например, в начале 1944 г. оккупанты повесили в Ниме 50 юношей из отрядов маки [146]. В апреле они учинили дикую расправу в деревне Аск, возле которой произошло крушение поезда. 86 человек было расстреляно на месте [147]. В 1944 г. правительство Виши учредило военные трибуналы, которые получили право без всякого следствия приговаривать к смерти лиц, захваченных на месте «преступления».

Но никакой террор, никакие жестокости уже не могли сдержать могучую волну народного движения. Каждый день приносил

[145] «Programme du Conseil National de la Résistance et le rôle de la Commission Nationale et des Commissions militaires Départementales» (sans date).

[146] «L'Humanité». 28.I 1944; «Les Lettres françaises», février 1944.

[147] «Les Lettres françaises», mai 1944.

новые вести о смелых операциях партизан. Немецкое командование во Франции сообщало в феврале 1944 г., что каждые 10 дней «совершалось 70—90 террористических актов» против германских вооруженных сил или видных военных и политических деятелей [148]. Эта цифра безусловно была неполной, так как не о всех действиях подобного рода становилось известно. Главнокомандующий западной группировкой гитлеровских войск издал строгий приказ, в котором требовал «неукоснительного проведения карательных мероприятий, в том числе применения расстрелов» [149].

На территории Франции насчитывалось более 25 концентрационных лагерей, в которых находилось несколько десятков тысяч советских людей. Во всех лагерях советские граждане создали антифашистские комитеты. При малейшей возможности они бежали и присоединялись к движению Сопротивления, а в некоторых случаях объединялись в самостоятельные партизанские отряды. К весне 1944 г. во Франции уже действовало 35 отрядов, сформированных из советских граждан. Для руководства партизанской борьбой советских людей был при поддержке ЦК ФКП создан специальный орган — Центральный комитет советских пленных. Член этого комитета в прошлом лейтенант Красной Армии Василий Порик организовал в одном из районов угольного бассейна Па-де-Кале 11 диверсионных групп. Другой член ЦК советских военнопленных В. Таскин сыграл важную роль в деле формирования крупных партизанских отрядов из советских граждан, проводивших диверсионные операции на железных дорогах и шоссейных путях, осуществлявших взрывы на промышленных объектах. Многие советские патриоты проявляли подлинный героизм. Так, Василий Порик, схваченный гитлеровцами, в течение 18 дней мужественно выносил пытки, а в день, назначенный для казни, бежал, убив часового. Он стал после этого заместителем командира отдельного батальона советских партизан, а в дальнейшем погиб в бою, отдав, как и многие другие его соотечественники, свою жизнь за свободу Франции.

Во Франции сражались и антифашисты других национальностей, прославившие себя мужеством и отвагой. Неувядаемой славой покрыли себя такие смелые бойцы с гитлеризмом, как поляк Жозеф Эпштейн (полковник Жиль), командовавший отрядами ФФИ Парижского района и расстрелянный гитлеровцами в апреле 1944 г., армянин Мисак Манушьян, возглавлявший «группу

[148] «Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht 1944—1945», Bd. IV, 1. Halbband, 1944—1945. Frankfurt/a Main 1961, S. 261.

[149] «Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wermacht», S. 262.

*Советские партизаны —
участники французского Сопротивления*

23-х», в которую входили армяне, испанцы, итальянцы, поляки, венгры, французы [150] и др.

В начале 1944 г. оккупанты решили расправиться с движением Сопротивления хотя бы в некоторых районах страны. В департаменты Эн, Дордонь, Верхняя Савойя были направлены крупные соединения немецких войск, которые вступили в ожесточенные сражения с партизанскими соединениями. С особой яростью гитлеровцы обрушились на Верхнюю Савойю. Кое-где им удалось добиться желаемых результатов. В конце марта гитлеровцы разгромили отряды на плоскогорье Глиер, атаковав их с помощью танков и артиллерии. 500 защитников крепости погибло. Но даже там, где гитлеровцы одерживали временные успехи, через короткий срок вооруженная борьба возобновлялась с новой силой. Так было и в Дордони, и в департаменте Эн [151].

[150] См. *М. А. Кокорин, А. А. Стручков.* О боевой деятельности советских патриотов на территории Франции в 1943—1944 годах.— «Вопросы истории», 1960, № 3; «Le Parti Communiste Français dans la Résistance», p. 222—223; «Против общего врага. Советские люди во французском движении Сопротивления». М., 1972.

[151] См. ***И. А. Колосков, Н. Г. Цырульников.*** Народ Франции в борьбе против фашизма, стр. 245.

Не удивительно поэтому, что и гитлеровцы, и вишисты жили в постоянной тревоге. По настоянию гитлеровцев в состав правительства Виши были введены Дарнан и Деа. При этом главные надежды возлагались на Дарнана, ставшего «генеральным секретарем по охране порядка»[152]. В Виши на всех перекрестках были расставлены вооруженные автоматами охранники. Министры были в растерянности; каждый из них пытался приписать себе какие-нибудь заслуги перед движением Сопротивления[153].

Буквально накануне высадки союзников командующий западной группировкой немецких войск доносил: «Сильное нарастание деятельности движения Сопротивления в Южной Франции, особенно в районах южнее Клермон-Феррана и Лиможа. По-видимому, происходит процесс объединения группировок движения Сопротивления в борьбе против Германии, причем задачи внутренней политики отступают на второй план»[154]. 6 мая 1944 г. заместитель главнокомандующего оккупационными войсками издал приказ насчет «коллективных мер против жителей целых селений, включая и поджог последних»[155].

Участники же движения Сопротивления деятельно готовились к восстанию. Программа Национального совета Сопротивления, принятая 15 марта 1944 г., содержала план немедленных действий, в основе которого лежало предложение руководящего комитета Национального фронта. В программе перечислялись разнообразные формы борьбы, к которым следовало прибегнуть, чтобы поднять массы против оккупантов и вишистов. Национальный совет Сопротивления рекомендовал создавать на местах комитеты освобождения и патриотическую милицию.

Де Голль назначил командующим ФФИ генерала Кёнига, который был направлен в Англию, где к тому времени находился штаб союзников. Однако 13 мая 1944 г. НСС принял решение, что «органом верховного командования ФФИ во Франции» будет КОМАК[156].

«Непрекращающиеся удары Красной Армии вынуждают Гитлера отводить с запада все новые и новые соединения,— говорилось в заявлении ЦК ФКП от 1 мая 1944 г.— Поскольку 95% населения Франции настроено враждебно по отношению к гитле-

[152] *R. Aron.* Histoire de Vichy, p. 656.

[153] *M. Martin du Gard.* La chronique de Vichy. Paris, 1948, p. 383.

[154] «Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht 1944—1945». Bd. IV. 1. Halbband, S. 311.

[155] *R. Aron.* Histoire de Vichy, p. 593.

[156] Незадолго до восстания в Париже была достигнута договоренность, что КОМАК будет выполнять функции главного органа командования по поручению Кенига и обязуется в первую очередь выполнять приказы последнего (*P. Villon.* Juin — août 1944.— «Democratie nouvelle», 1964, N 9, p. 69).

Памятник на могиле Василия Порика

ровцам, можно считать, что соотношение сил, даже если принять во внимание милицию Дарнана, неравное. В этих условиях задача всех патриотов — готовить национальное восстание»[157].

К концу мая англо-американское командование создало на Британских островах мощную группировку войск. Там было сосредоточено 39 дивизий, 10 отдельных бригад и несколько специальных отрядов. Авиация союзников состояла из 11 тыс. боевых самолетов, а военно-морские силы насчитывали около 6 тыс. боевых и десантных кораблей. Силы фашистской Германии были значительно слабее. К началу наступления во Франции, Бельгии и Голландии находилось около 60 немецких дивизий, причем многие из них не имели полного состава и необходимого вооружения, а в ряде случаев и средств передвижения. Вся немецкая авиация на Западе насчитывала не более 500 исправных самолетов[158].

За несколько дней до высадки де Голль по приглашению Черчилля приехал в Лондон, где впервые узнал о готовящейся операции. Стало также известно, что экипажам самолетов, готовившимся лететь на Францию, уже была роздана прокламация, в которой главнокомандующий Эйзенхауэр призывал население «выполнять его приказы»; он обещал, что «французы сами выберут своих представителей и свое правительство, как только Франция будет освобождена». В знак протеста де Голль отказался говорить по радио вслед за Эйзенхауэром. Он выступил позднее, заявив, в частности: «Выполняйте в точности приказы французского правительства и руководителей, коих оно уполномочило давать распоряжения»[159].

В ночь с 5 на 6 июня 5 тыс. кораблей союзнического флота, растянувшихся на 30 км, начали пересекать Ла-Манш. Одновременно с английских аэродромов вылетело 200 самолетов с парашютистами на борту. Через несколько часов под прикрытием шквального огня с моря и с воздуха на побережье Нормандии началась высадка двух американских и трех английских дивизий. В операциях участвовала также небольшая группа французских парашютистов и «особых отрядов».

На протяжении первых часов войскам вторжения пришлось выдержать довольно сильные контратаки. 7 июня была создана непрерывная линия фронта. Однако дальнейшее продвижение пошло медленно. Создавалось впечатление, признавал Эйзенхауэр, что «война в Нормандии постепенно превращается в некое подобие войны 1914—1918 гг.»[160].

[157] «L'Humanité», 1.V 1944.
[158] «Вторая мировая война 1939—1945». М., 1958, стр. 640.
[159] *Ш. де Голль.* Военные мемуары, т. II, стр. 266.
[160] *Le général Eisenhower.* Mon 6 juin.— «Paris-match», 6 juin 1964, p. 66.

Единственным крупным успехом союзников было взятие Шербура 26 июня. Город Сен-Ло, который намечалось взять на шестой день после высадки, достался им только после 43 дней боев и ценой тяжелых потерь. В Кане гитлеровцы продержались шесть недель, а Авранш удалось взять лишь 31 июля. Союзническая авиация подвергала прибрежные города ожесточенной бомбардировке, население из них бежало. Когда войска союзников вступили в Кан, из 32 тыс. жителей там оставалось всего 12 тыс. В Авранше из 6 тыс. жителей в городе находилось всего 35 человек [161].

Отряды французских внутренних сил включились в борьбу еще до высадки союзников. В ночь с 5 на 6 июня партизаны во многих местах перерезали линии коммуникаций, прерывали движение на дорогах. ЦК ФКП опубликовал воззвание, в котором говорилось: «Ни один француз не имеет права держаться в стороне на последнем этапе войны». ЦК заявил всем членам партии, что ожидает от них самоотверженности, мужества и инициативы в выполнении порученного дела [162]. 15 июня 1944 г. в новом воззвании ЦК ФКП отмечалось, что при определенных условиях патриоты обязаны самостоятельно освобождать ту или иную часть территории и устанавливать там демократические органы власти: местные и департаментские комитеты освобождения. Эти комитеты должны немедленно приступить к мобилизации всех ресурсов для продолжения борьбы против врага [163].

ФФИ развернули широкие операции на железных дорогах, реализуя так называемый Зеленый план, предусматривавший, что бойцы Сопротивления постараются после высадки парализовать транспорт противника. На основных железнодорожных линиях движение фактически прекратилось или было настолько замедлено, что ударные дивизии, которые Гитлер решил перебросить в Нормандию, прибывали с громадным опозданием. Дивизии «Рейх», например, понадобилось втрое больше нормального времени, чтобы добраться туда из Тулузы [164]. А корпус эсэсовских бронетанковых войск занял свои позиции с опозданием на 19 дней, потеряв 30% своего состава.

Передвижение по шоссейным дорогам также было крайне затруднено. 18 июля Дорио жаловался Абецу, что «частные лица и машины вермахта не могут теперь передвигаться по дорогам Франции», и огорчался, что «в непосредственной близости от

[161] *R. Aron*. Histoire de la libération de la France Paris, 1959, p. 167.
[162] «L'Humanité», 9.VI 1944.
[163] «L'Humanité», 15.VI 1944.
[164] *А. Верт*. Франция 1940—1945, стр. 166.

германской границы» отряды маки нападают на офицеров вермахта [165].

ФФИ наносили весьма ощутимые потери противнику. По сведениям немецкого главнокомандующего во Франции, с 6 июня по 4 июля 1944 г. гитлеровские войска в боях с партизанами потеряли 7900 человек убитыми (в том числе 4000 человек из дивизии «Рейх») и около 5000 пленными. К середине июля уже 40 департаментов Франции были охвачены восстанием [166].

Однако не все руководители организаций движения Сопротивления разделяли энтузиазм народных масс и приветствовали их повсеместное включение в борьбу. 10 и 14 июня Кёниг направил во Францию телеграмму, в которой приказывал «максимально сдерживать действия партизан» [167]. Но КОМАК решительно отверг эти установки и принял решение о проведении немедленных действий, о поддержке операций союзников в Нормандии и развертывании национального восстания [168].

Гитлеровцы бесспорно сознавали, что оказались перед лицом превосходящих сил, борьба с которыми становилась все более безнадежной. Но именно сознание собственного бессилия породило у них прилив невиданной ожесточенности. Они делали отчаянные попытки ликвидировать все ширившиеся очаги народных восстаний у себя в тылу, проявляя при этом ни с чем не сравнимую бесчеловечность. Когда в город Тюль (департамент Коррез), занятый 7 июня партизанскими отрядами, ворвалась дивизия «Рейх», около 120 жителей было повешено на фонарных столбах и балконах. Еще бóльшую жестокость та же дивизия проявила в деревне Орадур-сюр-Глан, неподалеку от Лиможа, где 10 июня было уничтожено поголовно все население. Гитлеровцы сожгли в церкви стариков, женщин и детей. 20 августа в деревне Сен-Жени-Лаваль гестаповцы также облили керосином и сожгли 100 человек. Через пять дней в Майе-ан-Турэн (департамент Эндр и Луара) было уничтожено 124 человека, в том числе много детей, даже младенцев.

Гитлеровцы направили целую дивизию против лагерей Мон-Муше в Центральном массиве, затем попытались разгромить отряды маки Монтань-Нуара в департаменте Од. В обоих случаях отрядам ФФИ пришлось отступить. Однако, разбившись на мелкие группы, они продолжали нападать на вражеские войска, при-

[165] *R. Aron.* Histoire de la libération de la France, p. 235.

[166] «Démocratie nouvelle», 1964, N 9, p. 64; *Ш. де Голль.* Военные мемуары, т. II, стр. 331.

[167] «Le Parti Communiste Français dans la Résistance», p. 273.

[168] *P. Villon.* Juin — août 1944.— «Démocratie nouvelle», 1964, N 9, p. 64.

чем настолько эффективно, что гитлеровцы сочли за благо покинуть департамент Од [169].

КОМАК считал, что помешать гитлеровцам проникнуть в освобожденные районы и подвергнуть население страшным репрессиям можно только одним путем: призвать отряды ФФИ из соседних районов, перекрыть пути, ведущие к освобожденным местностям, воздвигнуть препятствия, взрывать мосты, проводить налеты на вражеские подразделения, оказывать освобожденным районам немедленную помощь оружием [170].

Однако восставшие получали мало помощи, и некоторые районы сильно пострадали от репрессий. В июле 1944 г. гитлеровцы начали мощную атаку против отрядов, засевших в Веркоре, введя в действие танки и авиацию. Перед самым разгромом командование лагеря послало в Алжир последнюю телеграмму. «Требуем подкреплений в живой силе, продовольствии и материальной части,— говорилось в ней.— ...Если не примете срочных мер... будем считать вас преступниками и трусами» [171]. 24 июля гитлеровцы ворвались в Веркор и начали расправу с участниками Сопротивления и местным населением. Было убито 700 защитников Веркора. Безжалостно приканчивали раненых, поголовно истребляли всех жителей окрестных деревень. Оставшиеся в живых участники обороны Веркора присоединились к отрядам маки и ФТП, действовавшим в окрестностях, и еще в течение нескольких недель участвовали в боях. В конце концов немецкая дивизия, ликвидировавшая Веркор, сама была полностью разбита.

После взятия Авранша в немецком фронте образовалась брешь, и армия американского генерала Паттона двинулась к Бретани. Теперь продвижение шло быстрыми темпами. За исключением «мешков» в районах Сен-Назера, Сен-Мало, Бреста и Лориана, где засело 75 тыс. немецких войск, Бретань была освобождена за 8 дней. Это было в значительной степени результатом народного восстания. С 4 по 13 августа были уничтожены или окружены 6 немецких дивизий, было взято в плен 60 тыс. человек [172].

Вечером 15 августа американские соединения и подразделения 1-й французской армии под командованием Делаттра де Тассиньи высадились на южном побережье Франции. Операция проходила в исключительно благоприятных условиях: войска гитлеровцев были сравнительно немногочисленны, а отряды ФФИ уже на протяжении длительного времени вели в этом районе освобо-

[169] *R. Aron*. Histoire de la libération de la France, p. 272—280; *А. Верт*. Франция 1940—1945, стр. 167

[170] См. «France Nouvelle», 21. VI 1961.

[171] *Ф. Гренье*. Вот как это было, стр. 190.

[172] *R. Aron*. Histoire de la libération de la France, p. 200—207.

дительные операции. В их руках находилось несколько городов и даже целые департаменты.

После высадки повстанческие действия приобрели еще больший размах. Опережая продвижение союзников, партизанские соединения один за другим освобождали города и населенные пункты Центральной и Юго-Западной Франции, в том числе Тарб, Тулузу, По. 28 августа гитлеровцы оставили Бордо. Части ФФИ громили и брали в плен отступавшие гитлеровские войска, создавали препятствия на путях их продвижения. В конечном итоге вся территория к югу от линии Нант — Орлеан — Дижон и к западу от линии Дижон — Авиньон была очищена от оккупантов. ФФИ взяли в плен 40 тыс. гитлеровских солдат и офицеров [173].

Во многих случаях молниеносные действия отрядов ФФИ вынуждали союзников вносить коррективы в свои первоначальные планы. Так, они предполагали освободить Тулон через 20 дней после высадки, Марсель — через 40, а Лион — через три месяца. Однако в Тулоне бои начались уже 28 августа, до того как к городу подошли войска союзников. В Марселе сражение между повстанцами и оккупантами развернулось еще раньше — 20 августа. Ницца, которую союзники намеревались обойти, также была освобождена народным восстанием.

В начале сентября был очищен от гитлеровцев и Лион. Но там победа досталась труднее и стоила куда больше жертв. Вместе с дарнановской милицией гитлеровцы учинили в городе страшную резню. Когда отряды ФФИ, так и не дождавшись прибытия союзнических войск, вступили в Лион, они обнаружили там горы трупов.

В северных департаментах страны бои продолжались. 27 августа штаб ФФИ и комитет освобождения департамента Па-де-Кале отдали приказ начать всеобщее восстание. К 1 сентября вокруг основных городов департамента шли тяжелые сражения. Более 2 тыс. гитлеровцев, отступавших на восток, были остановлены и отброшены назад. Единственное спасение они нашли в том, чтобы окопаться в Дюнкерке.

Оставив в стороне Лилль, Рубе и Туркуэн, откуда патриоты самостоятельно изгнали неприятеля, союзники быстрыми темпами продвигались к бельгийской границе. 2 сентября бойцы ФФИ с боем взяли Лилль. В районе Туркуэна части ФФИ отбросили немцев на территорию Бельгии. В Арденнах патриоты также атаковали неприятеля и преследовали его до границы. Партизаны

[173] *H. Michel.* Histoire de la Résistance, p. 115; *P. Montauban.* L'insurrection nationale et le rôle de la Résistance dans la Libération.— «Cahiers du communisme», 1950, p. 57.

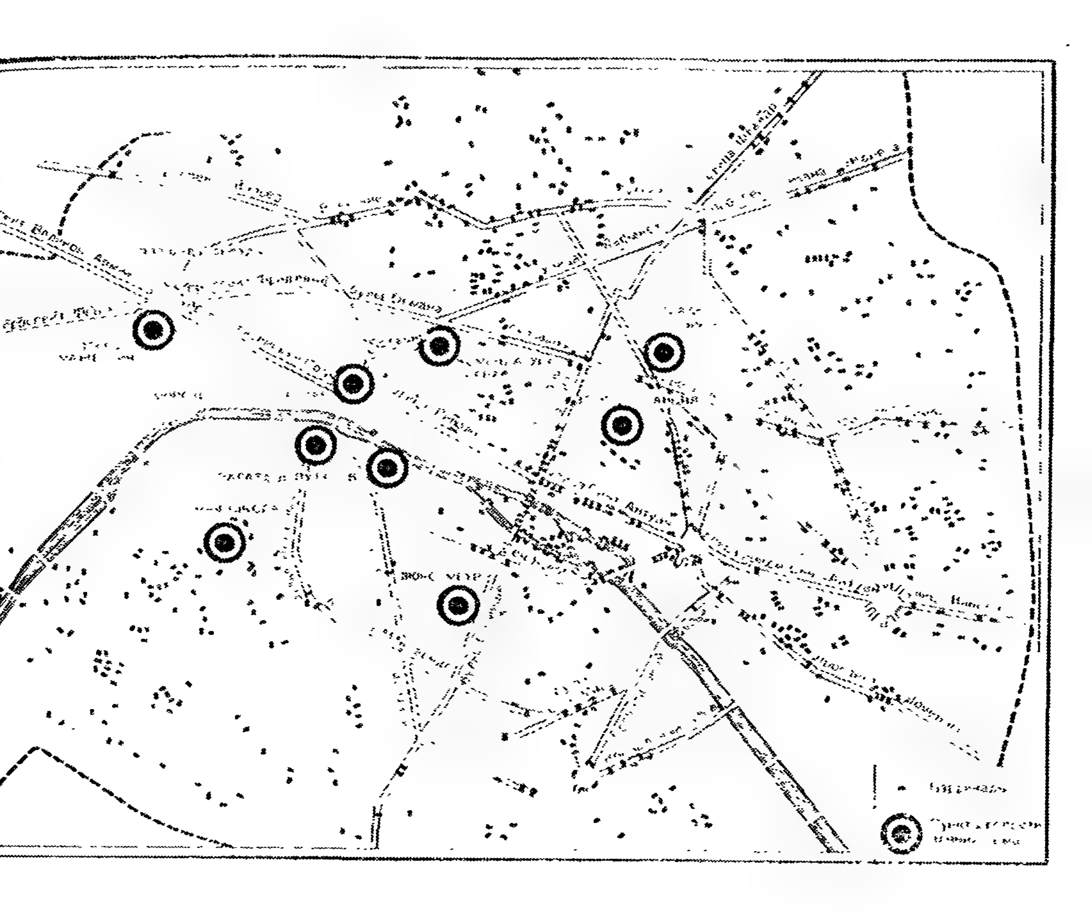


Схема баррикадных боев в Париже

очищали арденнские леса, где укрывались разрозненные группы неприятеля.

Но кульминационным пунктом национально-освободительной борьбы французского народа явилось восстание в Париже. После боев в Нормандии и Бретани союзнические войска вплотную подошли к столице Франции. Однако их командование планировало Париж не брать, а, обойдя его стороной, перенести военные действия в другие районы страны. Но и здесь ему пришлось пересмотреть свои планы. Начавшееся 18 августа в Париже народное восстание вынудило союзников поспешить и ввести туда свои войска.

Восстание в Париже было результатом тщательной подготовки. Последние месяцы город жил в лихорадочной обстановке. Население питалось впроголодь. Чтобы подавить недовольство, оккупанты и вишисты усилили репрессии и расправы. Гитлеровцы расстреливали всех попадавших в их руки участников движения Сопротивления, особенно, если у них возникало подозрение, что арестованные — коммунисты или члены отрядов ФТП. Буквально

накануне восстания они провели массовые расстрелы в Булонском лесу и в Люксембургском саду.

Тем не менее нападения на транспорт противника, железные дороги происходили чуть ли не каждый день. Немецкие склады горели. Партизанские отряды постоянно выводили из строя электрическую сеть, телефонные кабели. С 8 по 25 июня ФФИ Парижского района совершили 93 боевые операции. 28 июня патриоты убили вишистского министра Филиппа Энрио.

В августе штаб ФФИ Парижского района разработал план восстания: Париж и его пригороды были разбиты на четыре сектора. На захват важнейших зданий и охрану столицы от разрушений было выделено 25 тыс. бойцов ФФИ и патриотическая милиция (к концу восстания она насчитывала в своих рядах 50 тыс. человек)[174]. Главную трудность, как и в других местах, представляло отсутствие вооружения. В Париже находилось до 20 тыс. гитлеровских войск, располагавших 60 артиллерийскими орудиями, 80 танками, 60 самолетами. Кроме того, ожидалось, что сюда могут прибыть немецкие армии, отступающие с юга. Бойцы же ФФИ накануне восстания имели огнестрельного оружия всего лишь на 1500 человек[175].

На протяжении июня — июля 1944 г. в Париже проходили демонстрации и забастовки. 7 августа командующий ФФИ Парижского района полковник Роль-Танги издал приказ, в котором говорилось, что развернувшееся движение может перерасти в восстание и тогда «ФФИ должны будут поддержать его всеми своими силами»[176]. 10 августа забастовали железнодорожники, а 15-го началась забастовка служащих и чиновников полицейской префектуры и районных комиссариатов полиции. Вслед за тем забастовка охватила все коммунальные предприятия города.

Тем не менее на заседании бюро НСС 17 августа генеральный делегат Пароди выразил опасение, что забастовка «преждевременна», и предложил, чтобы НСС призвал возобновить работу на предприятиях или по крайней мере в коммунальных учреждениях. Однако бюро НСС отклонило предложения Пароди[177].

18 августа ВКТ призвала трудящихся Парижа начать всеобщую забастовку. Обращение заканчивалось словами: «Бейте беспощадно наших поработителей»[178]. Забастовка начала перерастать в восстание. В ряде мест отряды молодежи атаковали немецкие

[174] См. *Н. Г. Цырульников.* Парижское восстание 19—26 августа 1944 года.— «Новая и новейшая история», 1959, № 1, стр. 86—87.

[175] См. там же, стр. 86.

[176] *R. Massiet.* La préparation et la bataille de Paris. Paris, 1945, p. 66.

[177] *P. Villon.* Juin — août 1944.— «Démocratie nouvelle», 1964, N 11, p. 60.

[178] «L'Humanité», 21.VIII 1944

18 août 1944 N° [illegible]

l'Humanité

[illegible]

Ne pas se battre : c'est aider l'ennemi

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Français, debout et au combat !

[illegible]

En avant pour l'insurrection nationale libératrice inséparable de la libération nationale !

AUX ARMES, CITOYENS !
FORMONS NOS BATAILLONS !

ATTENTION !

[illegible]

[illegible]

TOUS AU COMBAT !

[illegible]

Призыв к вооруженному восстанию. «Юманите» 18 августа 1944 г.

войска. В некоторых округах патриоты занимали казармы и здания мэрий. В ночь с 18 на 19 августа по указанию ЦК ФКП в Париже и пригородах были расклеены плакаты с обращением к населению: «Мы призываем народ Парижа и пригородов начать освободительное восстание. Все на борьбу — таков долг всего населения Парижского района» [179].

Отряды ФФИ немедленно обрушились на оккупантов, и к концу первого дня патриоты уже контролировали 43 из 80 кварталов Парижа. На следующий день повстанцы захватили ряд правительственных зданий, в том числе префектуру города.

В этот момент была предпринята еще одна попытка приостановить восстание. Через шведского консула в Париже Нордлинга Пароди и несколько представителей буржуазных партий в Парижском комитете освобождения начали переговоры с командующим немецкими войсками в Париже Хольтицем о временном перемирии. Как только в префектуре были получены условия перемирия, согласованные Нордлингом с Хольтицем, Пароди и назначенный де Голлем префект Парижа Люизе разослали по Парижу автомашины, из которых через репродукторы передавалось сообщение, что НСС и Парижский комитет освобождения призывают прекратить огонь вплоть до завершения эвакуации Парижа, якобы обещанной немцами [180].

На следующий день на заседании бюро Национального совета Сопротивления П. Вийон решительно выступил против перемирия. «Было бы неслыханным позором для Парижа,— заявил он,— пропустить через Париж отступающие немецкие дивизии, которые завтра же подвергнут разрушениям другую часть Франции». Вийона горячо поддержал председатель Парижского комитета освобождения А. Толле. Однако, когда вопрос был поставлен на голосование, большинство членов НСС проголосовало за перемирие. По городу продолжали передавать распоряжение прекратить огонь.

Но бойцы Сопротивления не собирались подчиняться этим призывам. В Париже по указанию Роль-Танги воздвигались баррикады. К вечеру 21 августа уже был освобожден 61 квартал и некоторые пригороды столицы. Гитлеровцы также не прекратили огня; они атаковали здания, занятые ФФИ, стреляли по бойцам Сопротивления и мирным жителям города. Одновременно они выводили свои войска из Парижа. Партизанские отряды сжимали немецкие опорные пункты в кольцо.

Чтобы ускорить освобождение Парижа, Роль-Танги принял меры для переброски в столицу соединений ФФИ из освобожден-

[179] «L'Humanité», 21.VIII 1944.

[180] *R. Massiet.* La préparation et la bataille de Paris, p. 135.

Бой на площади Французского театра в Париже

ных местностей Парижского района[181]. В это время де Голль тоже торопил союзников двинуться на Париж. «В Париже могут возникнуть серьезные беспорядки, особенно учитывая почти полное отсутствие в городе полицейских сил и немецких войск»,— писал он Эйзенхауэру[182]. Последний послал 2-ю бронетанковую дивизию под командованием Леклерка. Но битва в столице была уже в стадии завершения. 25 августа генерал Леклерк и Роль-Танги приняли капитуляцию от коменданта Парижа фон Хольтица. В тот же день в Париж прибыл де Голль.

На следующий день на Елисейских полях состоялся парад, а в Соборе Парижской богоматери — торжественное богослужение в честь освобождения Парижа. Правда, обстановка в городе была еще неспокойной, кое-где продолжались бои, а перед богослужением вся площадь возле собора подверглась обстрелу. Но столица Франции была свободна.

С первого же часа своего пребывания в Париже де Голль предпринял решительные действия, чтобы изолировать участников движения Сопротивления и не дать им возможности выступать в качестве представителей власти. Он отказался немедленно встре-

[181] Ibid., p. 172.
[182] *Ш. де Голль.* Военные мемуары, т. II, стр. 849.

титься с руководителями движения. Лишь приняв парад парижской полиции во дворе префектуры Парижа, де Голль направился в здание городской ратуши, где собрались члены НСС и Парижского комитета освобождения.

В своих мемуарах Эйзенхауэр пишет, что де Голль просил его «временно одолжить» ему две американские дивизии, чтобы «продемонстрировать силу и прочно укрепить свои позиции»[183].

Де Голль огорчался, что не располагает возможностью снять французские войска с фронта, чтобы направить их в те города и департаменты, где освобождение проходило без участия союзников[184]. Все же в Тулузу и в район Пиренеев была послана моторизованная бригада спаги, которую до этого держали в Алжире для «обеспечения суверенитета» Франции.

Еще до начала восстания в Париже правительство Виши бесславно сошло со сцены. Вскоре Лавалю, Петену и другим было приказано выехать в Бельфор, который на какое-то время превратился в столицу коллаборационистов. Но и там они продержались недолго. 7 сентября все вишисты по распоряжению гитлеровских властей были вывезены в маленький городок Шварцвальда Зигмаринген, где они и просуществовали до окончательного крушения гитлеровского рейха.

Одна из самых трагических глав истории Франции подошла к концу. За эти четыре года французский народ пережил горечь поражения и позор предательства, познал тягчайшие муки, которые обрушили на человечество германские фашисты, но в те же годы он явил миру замечательные образцы стойкости и отваги, мужества и героизма. В патриотической борьбе против оккупантов и предателей, в которой участвовали разные силы, главной была Французская коммунистическая партия, «партия расстрелянных»: 75 тыс. членов ее погибли за свободу и независимость родины.

Начиналась новая страница развития страны, также полная острой борьбы между силами, по-разному понимавшими перспективы, открытые победой над гитлеровцами, и стремившимися по-своему использовать плоды этой победы, доставшиеся французскому народу столь дорогой ценой.

[183] *D. Eisenhower*. Crusade in Europe. London, 1949, p. 297.

[184] *Ch. de Gaulle*. Mémoires de guerre. Le Salut. Paris, 1959, p. 9.

7

ВРЕМЕННЫЙ РЕЖИМ

РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ И БОРЬБА ЗА СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Период Временного режима, когда новая структура государства только начала складываться, юридически завершился в конце 1946 г. принятием конституции и формированием высших органов власти Четвертой республики. Однако характерная для всей дальнейшей 12-летней истории этой республики расстановка партийно-политических сил, как и основы ее курса на международной арене, полностью определилась несколько позже — весной 1947 г.

В момент освобождения Франция переживала огромный подъем левых, демократических сил; позиции же правых, реакционных элементов были сильнейшим образом подорваны. Четыре года сотрудничества с национальным врагом скомпрометировали значительную часть правого лагеря — монополистов, верхушку армии, церкви, чиновничества. Государственный аппарат, в течение полутора веков выдерживавший любые бури и потрясения, утратил свою устойчивость; система старых буржуазных партий оказалась опрокинутой. О неизбежности такого рода последствий предупреждал сам генерал де Голль уже в начале войны: «Те, кто надеется после того, как прозвучит последний выстрел, найти Францию в политическом, социальном и моральном отношениях такой же, какой они знали ее прежде, глубоко ошибаются» [1].

[1] *Ch. de Gaulle.* Discours aux Français. 18 juin 1940 — 2 janvier 1944. Alger, s. d., p. 203.

В июле — августе 1944 г. на значительной части страны (особенно к югу от Луары) департаментские комитеты национального освобождения, поддержанные частями Французских внутренних сил (ФФИ), патриотической гвардии и милиции, создавали народные трибуналы, сурово наказывали предателей, боролись с саботажем «пятой колонны», отстраняли прогнившую старую администрацию, налаживали снабжение за счет богачей и спекулянтов. Помещения коллаборационистских организаций и газет конфисковывались и передавались патриотическим группировкам. В течение нескольких недель существовало нечто вроде двоевластия, при котором одна из властей, Национальный совет Сопротивления, на определенных условиях поддерживала другую—Временное правительство. В начале октября 1944 г. в Авиньоне собрался съезд комитетов национального освобождения 40 департаментов — Генеральные штаты — при участии НСС во главе с секретарем ВКТ Луи Сайяном, сразу после освобождения сменившим Бидо на посту председателя НСС [2].

Крах режима Виши вызвал в правящем лагере определенную перегруппировку. Главной задачей французской буржуазии стала отныне ликвидация движения Сопротивления сначала как органа новой власти, а затем и как самостоятельной политической силы, объединившей (вне рамок прежних партий) коммунистов, социалистов, католиков в борьбе за полное осуществление программы НСС. В крупные города были назначены «комиссары республики», в департаменты — префекты, в соответствии с ордонансом Временного правительства от 21 апреля 1944 г. приступившие к постепенному восстановлению довоенных муниципальных и генеральных советов, хотя состав их совершенно не отвечал новой обстановке [3].

28 августа главой Временного правительства был издан приказ о ликвидации Французских внутренних сил, насчитывавших около полумиллиона человек. 15 сентября были распущены грозные органы возмездия — народные трибуналы. Следующим шагом в том же направлении явилось решение Временного правительства от 28 октября 1944 г. о разоружении патриотической гвардии и милиции, подчинявшихся департаментским комитетам национального освобождения и военному комитету НСС (КОМАК). Воинские группы Сопротивления были демобилизованы или рассеяны по обычным армейским частям. Руководство вооруженными силами — становым хребтом государственного аппарата в период войны — перешло в руки представителей воинских частей Сражающейся Франции или вишистской «армии перемирия». Это серьезно затормозило демократизацию кадрового офицерского корпуса, не

[2] Бидо стал министром иностранных дел Временного правительства.

[3] *А. Манусевич.* Борьба за демократию во Франции. М., 1947, стр. 91.

раз в истории Франции служившего оплотом правых антиреспубликанских элементов [4].

Выступая на пленуме ЦК ФКП 21 января 1945 г., М. Торез подчеркивал: «Мы, коммунисты, не выдвигаем в настоящее время требований социалистического или коммунистического характера. Мы говорим это, не боясь показаться мягкими в глазах тех, у кого постоянно на языке слово «революция»... Мы откровенно говорим, что нас занимает сейчас только одно, ибо только одно занимает народ — выиграть войну» [5]. В резолюциях пленума указывалось, что комитеты национального освобождения не должны подменять местную и департаментскую администрацию, а НСС — правительство; задачей этих органов, созданных народом в освободительной борьбе, должна была стать мобилизация и организация масс на максимально полное проведение в жизнь программы НСС. Партия дала в тот момент решительный отпор предложениям о насильственном захвате власти, осуществление которых с учетом прежде всего продолжающейся войны, а также наличия на территории страны англо-французских войск, могло бы привести к негативным последствиям.

После роспуска ФФИ политическая роль организаций Сопротивления значительно уменьшилась, чему способствовала также раскольническая позиция руководителей некоторых из них. В июне 1945 г. внутри второй по численности организации Сопротивления — Движения за национальное освобождение (МЛН) — развернулась острая борьба по вопросу о слиянии с Национальным фронтом. Часть МЛН, возглавлявшаяся Э. д'Астье де ля Вижери, была за слияние, другая, во главе с лидером социалистов Андре Филипом, Эженом Клодиус-Пети и писателем Андре Мальро, против него. Последние, прикрываясь антикоммунистической демагогией, осуществили 16 июля раскол и объединились с другими, менее крупными организациями в блок, который принял название Демократического и социалистического союза Сопротивления (ЮДСР). Этот блок постепенно переродился в мелкую буржуазную партию либерально-центристского оттенка [6].

В период от освобождения французской территории до окончания второй мировой войны насущной задачей страны было восстановление ее позиций на международной арене. Решить данную

[4] *P. M. de la Gorce.* La République et son armée. Paris, 1962, p. 439.

[5] «L'Humanité», 23.I 1945.

[6] «ЮДСР во многих отношениях выступает как радикализм, омоложенный испытаниями Сопротивления», — писали авторы работы о французских политических партиях Мальтер и Бенуа (см. *J. Malterre, P. Benoist.* Les partis politiques français. Paris, 1956, p. 96).

задачу можно было только максимально активным участием в заключительном этапе великой битвы против фашизма. Эта общая цель сплотила все основные политические группировки вокруг Временного правительства во главе с генералом де Голлем.

Правящие круги США и Великобритании всячески пытались воспользоваться ослаблением Франции, чтобы свести к минимуму ее участие в послевоенном урегулировании, прибрать к рукам французские колониальные владения и т. д. Англия, в частности, усиленно и небезуспешно пыталась ликвидировать французские позиции на Ближнем Востоке — в Сирии и Ливане, в связи с чем отношения между Парижем и Лондоном в конце 1944 — начале 1945 г. серьезно обострились. Командование вооруженными силами союзников систематически дискриминировало французские войска при снабжении их оружием и боеприпасами. «Со дня высадки во Франции до дня капитуляции Германии наши союзники поставили нам оружия меньше, чем нужно для оснащения одного крупного воинского соединения»,— подчеркивал генерал де Голль [7]. При проведении боевых операций интересы Франции нередко приносились в жертву (например, только решительная оппозиция де Голля предотвратила эвакуацию Страсбурга во время контрнаступления германских войск в Арденнах зимой 1944—1945 гг.).

Учитывая сложившуюся обстановку, Временное правительство пришло к выводу, что поднять международный престиж Франции можно только сближением с ее естественным союзником — СССР. В ноябре — декабре 1944 г. французская правительственная делегация во главе с генералом де Голлем посетила Советский Союз.

В ходе переговоров с советскими руководителями был подвергнут обсуждению широкий круг вопросов — о сотрудничестве на заключительном этапе войны, послевоенном урегулировании, границах (французская сторона с пониманием отнеслась к установлению западных границ Польши по Одеру и Нейсе), отношениях Франции с Польским комитетом национального освобождения и т. д. В центре внимания постоянно находилась германская проблема. «Франция трижды подвергалась германскому вторжению...— подчеркнул де Голль.— Франция и Россия являются теми странами, которые находятся под непосредственной германской угрозой и которые платят дороже всех во время германских вторжений, когда эта угроза превращается в агрессию. Таким образом, Фран-

[7] *Ch. de Gaulle.* Mémoirs de guerre, t. III. Le Salut. 1944—1946. Paris, 1959, p. 32.

цию и Советский Союз можно назвать первым этажом безопасности» [8].

10 декабря 1944 г. в Москве был подписан Договор о союзе и взаимной помощи между СССР и Французской республикой. Он предусматривал продолжение войны до окончательной победы над Германией, отказ от сепаратных переговоров с ней и обязательство «по окончании нынешней войны с Германией совместно предпринимать все необходимые меры для устранения любой новой угрозы, исходящей от Германии, и препятствовать таким действиям, которые делали бы возможной любую новую попытку агрессии с ее стороны» (ст. 3). Особо оговаривалось, что стороны «обязуются не заключать какого-либо союза и не принимать участия в какой-либо коалиции, направленной против одной из Высоких Договаривающихся Сторон (ст. 5) [9].

Заключение франко-советского договора имело огромное значение для повышения престижа и укрепления позиций Франции как одной из великих держав. Он решающим образом помог французской дипломатии в ее борьбе против попыток правящих кругов США и Великобритании третировать Париж как «величину, которой можно пренебречь». Французское общественное мнение встретило подписание договора с единодушным одобрением. «Не исключено, что в ближайшие 20 лет Германия, возродив свою мощь, снова сможет стать опасностью. Именно на этот случай и заключен франко-советский договор»,— писала влиятельная парижская газета «Монд» [10].

Разгром и капитуляция гитлеровской Германии в мае 1945 г. положили конец войне на Европейском континенте. Франция вышла из нее ослабленной, измученной, разоренной четырехлетним хозяйничанием оккупантов.

По официальным данным, было разрушено 2100 тыс. зданий, повреждено 253 тыс. крестьянских хозяйств, 195 500 промышленных предприятий. Из 101 доменной печи к концу войны функционировало лишь 7, добыча угля упала вчетверо, объем сельскохозяйственной продукции — вдвое. Было выведено из строя ²/₃ транспортных средств, финансы глубоко подорваны массовым выпуском платежных средств режимом Виши, а затем англо-американскими войсками.

Окончание войны поставило Францию перед сложными и острыми задачами ликвидации экономической разрухи, определения

[8] «Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы». М., 1959, стр. 375—376.

[9] Там же, стр. 384—385.

[10] «Le Monde», 18.XII 1944.

конституционного устройства, выработки основ внешней политики. Вся полнота власти была фактически сосредоточена в руках главы Временного правительства де Голля. «Национальное единодушие», существовавшее вплоть до заключительного этапа войны, быстро рассыпалось. Многочисленные партии, отражавшие противоречивые интересы различных классов французского общества, столкнулись в ожесточенной борьбе за власть, исход которой должен был предопределить дальнейшие пути развития страны на много лет вперед.

Первые столкновения политических сил развернулись вокруг вопроса о чистке и наказании коллаборационистов. Правые элементы, движимые чувством классовой солидарности, старались любой ценой оградить предателей от справедливого возмездия, сохранить в неприкосновенности костяк государственного аппарата, верой и правдой служившего режиму Виши [11]. Суды, разбиравшие дела по обвинению в коллаборационизме и состоявшие в значительной мере из старых судейских чиновников, как правило, объявляли смягчающими обстоятельствами «верность присяге», «выполнение приказа свыше» и т. д. Всего был вынесен 2071 смертный приговор и 39 900 приговоров о лишении свободы. Однако 2/3 первых не были приведены в исполнение [12], к 1950 г. в заключении оставался всего 4791 человек (впоследствии они также были амнистированы). Из 20 тыс. чиновников, повинных в сотрудничестве с национальным врагом, лишь 5 тыс. были отстранены от должности.

Другой острый спорный вопрос касался путей выхода из экономической разрухи. Среди самой буржуазии не было единства мнений относительно политики в финансово-экономической области. Так, министр экономики радикал П. Мендес-Франс предлагал во имя предотвращения инфляции, с одной стороны, заморозить заработную плату и цены, а с другой — блокировать банковские счета и приступить к принудительному обмену банкнот. Это ущемило бы как рабочий класс, так и довольно широкие круги мелкой и средней буржуазии (особенно деревенской), нажившейся в годы войны на спекуляции. Глава Временного правительства предпочел проект министра финансов Р. Плевена — выпуск крупного внутреннего займа, спасавшего военные прибыли. Способствуя усилению инфляционных тенденций, росту цен, это больнее всего ущемляло

[11] *А. Манусевич.* Борьба за демократию во Франции, стр. 92—93.

[12] Расстреляны были только самые одиозные фигуры, в их числе Лаваль, шеф вишистской «милиции» Дарнан, журналисты Люшер, Бразийяк, Дриё ля Рошель. Смертный приговор маршалу Петену генерал де Голль заменил пожизненным заключением (см. *J. Fauvet.* La IVe République. Paris, 1959, p. 32—33).

лиц наемного труда и давало определенные выгоды собственническим слоям, тем самым скрепляя единый фронт буржуазии перед лицом пролетариата. Мендес-Франс в знак протеста подал в отставку.

Гораздо более принципиальный характер приобрела борьба сил демократии и реакции в вопросе о структурных реформах экономики. Программа Национального совета Сопротивления предусматривала «установление подлинной экономической и социальной демократии», в частности «возврат нации монополизированных основных средств производства — плодов общего труда, источников энергии, минеральных богатств, страховых компаний и крупнейших банков»; «доступ рабочих, имеющих необходимую квалификацию, к руководству и управлению в рамках предприятия, а трудящихся — к управлению экономикой»; «право на труд и на отдых»; «разработку общего плана социального обеспечения с целью гарантировать всем гражданам средства к существованию, если они неспособны заработать их сами трудом» [13].

Естественно, что эти справедливые требования были встречены буржуазией с резкой враждебностью. Не будучи в состоянии полностью сорвать намеченные реформы, предпринимательские круги и буржуазные политические группировки стремились при поддержке реакционного высшего чиновничества ограничить масштабы национализации, добиться максимальной компенсации прежним владельцам, помешать трудящимся принять эффективное участие в управлении национализированным сектором, наконец, взвалить основные тяготы по финансированию системы социального обеспечения на плечи трудящихся масс [14].

Борьба вокруг национализации и социальных реформ закончилась компромиссом, отражавшим соотношение классовых сил в стране. Национализации подверглись такие отрасли, как угледобыча, газовая промышленность, электроэнергетика, морское судоходство, воздушный транспорт, авиапромышленность, автомобильные заводы «Рено», центральное эмиссионное учреждение — Французский банк, четыре крупнейших депозитных банка, сберегательные кассы, страховые компании. Сам этот факт имел несомненно прогрессивное значение, дав решительный толчок процессу восстановления и реконструкции французской экономики на новой технической основе. Государственный сектор стал материальной базой осуществления планов экономического развития страны.

[13] «L' Année politique 1944—1945». Paris, 1946, p 430—431.

[14] См. «Проблемы экономики и политики Франции после второй мировой войны». М., 1962, стр. 123.

Однако монополиям удалось добиться внушительной компенсации за национализированные предприятия, в большинстве случаев убыточные. Полученные средства были вложены в более передовые и рентабельные отрасли. Иными словами, национализация полностью осталась в рамках государственно-монополистического капитализма [15].

Более существенными оказались завоевания французских трудящихся в социальной области. Именно в период Временного режима, когда политические позиции прогрессивных сил были чрезвычайно прочными, были заложены основы системы социального обеспечения, в то время самой передовой в капиталистическом мире. Она включала семейные пособия для многодетных, страхование по болезни, беременности, старости и т. д. Все эти реформы отнюдь не были «дарованы» трудящимся сверху, по инициативе правящих кругов, а явились результатом активного давления масс — «вмешательства народа», успеху которого благоприятствовала сложившаяся в стране расстановка партийно-политических сил [16].

Наиболее активную роль в политической борьбе играли три группировки — коммунисты, социалисты и католики, поддерживавшие основные пункты программы НСС: необходимость принятия новой, более демократической конституции, национализации важнейших отраслей промышленности, проведения коренных социальных реформ, чистки государственного аппарата и сурового наказания предателей. Как и в годы оккупации, авангардом демократических сил являлась Французская коммунистическая партия, опиравшаяся на поддержку большинства профсоюзов Всеобщей конфедерации труда.

Период оккупации и временного режима был вторым после Народного фронта переломным этапом на пути превращения ФКП в мощную партию масс. Бессмертные подвиги коммунистов—героев Сопротивления убедительно разоблачили всю фальшь и лицемерие обвинений ФКП в «антипатриотизме», значительно ослабили насаждавшиеся десятилетиями антикоммунистические предрассудки. «Список наших мучеников длинен и полон скорби, но он блещет славой, мужеством и величием,— говорилось в документах X съезда ФКП.— Своей великолепной смелостью они завоевали неотъемлемое право на признательность родины... Вся их жизнь была примером гражданственности и патриотизма, вся их деятельность сливалась с глубоко национальной политикой Французской ком-

[15] *А. И. Покровский.* Практика против теории. Новые явления во французской экономике и идейная борьба. М., 1965, стр. 104—109.

[16] «Histoire du Parti communiste français (Manuel)». Paris, 1964, p. 485—490.

мунистической партии, направленной на защиту Франции и ее народа»[17].

X съезд ФКП, заседавший в Париже 26—30 июня 1945 г., подвел итоги всемирно-историческим событиям периода второй мировой войны. Воздав должное героической борьбе коммунистов за свободу и независимость Франции, съезд указал на необходимость срочного решения трех основных задач: обеспечения прочного мира, подъема разрушенного народного хозяйства страны, демократического обновления ее государственных институтов. В отчетном докладе съезду генеральный секретарь партии М. Торез показал, что необходимое условие экономического подъема — подрыв могущества трестов путем быстрейшей национализации основных отраслей промышленности. Говоря о демократизации как важнейшей предпосылке оздоровления политической обстановки в стране, М. Торез подчеркнул: «Народ Франции заявил о своей преданности демократии, о стремлении к переменам в духе обновления и расширения демократии». Однако, продолжал он, «этой воле народа противостоят опасные антидемократические тенденции, попытки заключить союз с силами, сыгравшими в прошлом наиболее пагубную роль, вернуться к методам и людям прошлого, короче говоря, влить новое вино в старые мехи»[18].

Ответом буржуазии на рост влияния коммунистов как следствие подвига, совершенного ими в годы войны и оккупации, было выдвижение на авансцену крупной католической партии. Под прикрытием утонченной социальной демагогии она пыталась проникнуть в ряды левых, куда до тех пор путь клерикалам был наглухо закрыт. В ноябре 1944 г. представители мелкой довоенной партии народных демократов и «социал-христианской» лиги «Молодая республика» основали новую партию — Народно-республиканское движение (МРП).

Провозгласив себя «партией верности» генералу де Голлю, во всеуслышание заявляя о своем горячем сочувствии идеалам политической свободы и социальной справедливости, лидеры МРП пытались стереть с католической церкви клеймо непримиримого врага республики и демократии, приобретенное ею на протяжении полутора столетий. Героизмом католиков—героев Сопротивления новая партия стремилась прикрыть позорное сотрудничество значительной части церковной иерархии с режимом Виши, приоста-

[17] «Sept ans de luttes ardentes au service du peuple contre l'hitlérisme, pour une France libre, democratique et indépendente». Rapport du Comité Central pour le Xe Congrès National du Parti communiste français. Paris, 1945. p. 3.

[18] *M. Thorez.* Une politique française. Renaissance, Démocratie, Unité. Paris, 1945, p. 49.

новить бурный рост популярности марксизма[19]. Вожди МРП стремились сорвать радикальную чистку государственного аппарата, возможно более ограничить масштабы национализации, сделать условия ее максимально благоприятными для частного сектора, урезать права парламента; они упорно отстаивали традиционное требование всех правых элементов — восстановление бюджетных субсидий частным церковным школам.

Промежуточное, центристское положение между левым и правым флангами партий Сопротивления — ФКП и МРП — занимала Французская социалистическая партия (СФИО). От ее позиции во многом зависел дальнейший ход событий: в случае налаживания прочного единства действий рабочего класса колеблющиеся мелкобуржуазные элементы и часть рабочих, шедшие за МРП, могли качнуться влево, что обеспечило бы последовательную демократизацию страны. Напротив, раскол рядов пролетариата расчищал дорогу для контрнаступления сил реакции.

Открытую оппозицию программе Сопротивления составляли две старые политические группировки французской буржуазии — радикалы и правые, которые резко критиковали национализацию, социальные реформы, чистку чиновничества от коллаборационистов, судебные процессы над предателями и требовали возврата к конституции 1875 г. Однако обе эти группировки переживали глубокий внутренний кризис и оказались на втором плане, играя роль вспомогательной силы, резерва господствующего класса.

Партия радикалов и радикал-социалистов никак не могла похвастаться серьезными заслугами в борьбе против гитлеровских оккупантов. В глазах широких масс ее вожди отождествлялись с прогнившим режимом Третьей республики, позорной мюнхенской сделкой, разгромом и капитуляцией 1940 г. Отдавая себе отчет в падении авторитета партии среди ее обычной мелкобуржуазной клиентуры, лидеры радикалов пытались маневрировать, искать союзников то слева, то справа.

Сравнительно немногочисленное левое крыло (Пьер Кот, Жак Кейзер и др.) стремилось действовать в духе лучших традиций радикализма: оно требовало наладить тесное сотрудничество с ФКП и СФИО на почве совместной борьбы против клерикальной угрозы, олицетворявшейся МРП, и авторитарных поползновений

[19] Аналогичная тенденция наметилась и в ряде других стран. Католическая церковь оказалась главной идейной и организационной силой, которая была противопоставлена неизмеримо возросшему авторитету международного коммунистического движения Западной Европы; почти одновременно в Италии была основана демохристианская партия, в Западной Германии — христианско-демократический союз, в Бельгии — социально-христианская партия, в Австрии — народная партия и т. д. (см. *А. Ефремов.* Французский народ в борьбе за мир и демократию. М., 1954, стр. 7).

Морис Торез

реакции. Левые радикалы, которые признавали необходимость существенных социально-экономических реформ и принятия новой конституции, выступили на муниципальных выборах 29 апреля — 6 мая 1945 г. плечом к плечу с коммунистами. Однако в высших звеньях партийного руководства преобладали представители консервативной крупной буржуазии (Леон Мартино-Депла, Бернар Лафэ, Жан Поль Давид). Эти «неорадикалы» стремились перебросить мост вправо, к открыто реакционным элементам, объединиться с ними на общей платформе яростного антикоммунизма [20].

Правые партии, большинство лидеров которых олицетворяло ненавистный массам режим Виши, были скомпрометированы еще основательнее, чем радикалы, и переживали еще более острые внутренние раздоры. Жалкие остатки довоенных консервативных партий — «Демократического альянса», «Республиканской федерации» и «Французской социальной партии» (ПСФ) создали в 1945 г. два непрочных предвыборных блока под широковещательными вывесками «Республиканского объединения» и «Республиканского согласия в защиту свободы и социального прогресса». Между ними и внутри каждого из них шла глухая грызня. «Классические правые на некоторое время исчезают с политической арены. Они расплачиваются за Виши, точно так же как радикализм расплачивается за Мюнхен»,— отмечал в своей работе об истории Четвертой республики видный журналист Жак Фовэ [21].

Наибольшей опасностью в глазах представителей финансового капитала Франции являлась вполне реальная в тот момент перспектива преодоления раскола рабочего класса путем создания единого фронта ФКП — СФИО, а в дальнейшем — органического слияния их в единую марксистскую рабочую партию.

В ноябре 1944 г. в Париже состоялся чрезвычайный съезд СФИО, на котором из партии были исключены наиболее скомпрометированные коллаборационисты (Поль Фор, Спинасс и др.) и значительно обновлены руководящие партийные органы. Съезд показал, что внутри СФИО имелось сильное течение в пользу союза с коммунистами. В декабре, после совещания делегаций двух рабочих партий, был создан согласительный комитет ФКП — СФИО, который достиг договоренности по вопросам о наказании изменников, совместном праздновании годовщины февральских событий 1934 г. и т. д., а также одобрил общую программу национализации крупных банков, основных сырьевых и энергетических ресурсов, ведущих отраслей промышленности, транспортных и

[20] *C. Nicolet.* Le Radicalisme. Paris. 1957, p. 105—110.
[21] *J. Fauvet.* Le IVe République. Paris, 1959, p. 53.

страховых компаний[22]. Стремясь расширить это сотрудничество, X съезд ФКП выдвинул на рассмотрение Руководящего комитета и очередного съезда СФИО проект Хартии единства как основу для дискуссии об органическом слиянии обеих партий, а также программу мероприятий по укреплению единства действий.

Пытаясь вбить клин между рабочими партиями, реакция направила свои усилия на создание блока СФИО с католической МРП, располагавшей определенным числом приверженцев из рабочей среды, сосредоточенной во Французской конфедерации христианских профсоюзов (ФКХТ). Такой блок мыслился некоторыми деятелями обеих партий (Андре Филип, Франсуа де Мантон) как первый шаг на пути к созданию «травайистской» («трудовой») партии — союза реформистов социал-демократического и социал-христианского оттенков, имелось в виду, что руководство СФИО окончательно откажется от учения Маркса и от традиционного для французских левых партий антиклерикализма. Подобная организация должна была в конечном счете превратиться в нечто среднее между лейбористской партией Англии и демохристианской партией Италии[23].

Роль буфера, «моста» между СФИО и МРП готовилась сыграть небольшая партия ЮДСР (Демократический и социалистический союз Сопротивления), созданная в середине 1945 г. в результате раскола антикоммунистическими элементами некоторых организаций движения Сопротивления. Вдохновители планов создания широкой коалиции СФИО—ЮДСР—МРП надеялись сколотить надежный противовес коммунистической партии. Они рассчитывали при этом на активную поддержку со стороны части правых социалистов во главе с Л. Блюмом, враждебных сотрудничеству с ФКП. В серии статей, появившихся на страницах газеты «Попюлер», а также в своей книге «В масштабе человечества», опубликованной в 1945 г., Блюм сформулировал основную тему пропаганды буржуазного лагеря — обвинения ФКП в «недостаточной демократичности» и «безоговорочном подчинении СССР»[24].

[22] Эта программа предусматривала регулярные совместные заседания РК СФИО и ЦК ФКП, а также бюро исполнительных комиссий и федеральных комитетов обеих партий в департаментах для выработки общей политической линии; занятие идентичной позиции коммунистами и социалистами в правительстве и различных массовых организациях; выставление единых списков на выборах; совместную организацию печати и пропаганды в масштабе всей страны (см. «Parti Socialiste (SFIO). 37e Congrès National. Rapports». Paris, 1945, p. 60—72).

[23] *R. Matthews.* The Death of the Fourth Republic. London, 1954, p. 173.

[24] «Le Populaire de Paris», 5.VII; 7.VIII 1945.

ВЫРАБОТКА НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ

Основная борьба между партиями развернулась по вопросу о будущей конституции. Первая решительная проба сил произошла 21 октября 1945 г. во время референдума и выборов. Целью референдума было определение статуса и полномочий будущего представительного органа. Избиратели должны были ответить на два вопроса: 1) желают ли они, чтобы Собрание было учредительным; 2) если да, то согласны ли они с законопроектом о временной организации гражданских властей, отпечатанным на обороте каждого бюллетеня [25]. Отрицательный ответ большинства избирателей на первый вопрос означал бы восстановление в силе конституции 1875 г. и превращение Собрания в довоенную палату депутатов с последующими выборами в сенат; положительный — решение о выработке новой конституции.

Консультативная ассамблея высказалась за то, чтобы будущее Собрание было учредительным и полновластным, облеченным правом контроля над Временным правительством и всей его политикой. Со своей стороны де Голль добился постановки на референдум второго вопроса — об отношении к законопроекту о временной организации гражданских властей, резко сужавшему права Учредительного собрания; срок полномочий последнего ограничивался семью месяцами, а задача — почти исключительно составлением проекта новой конституции, тогда как реальная власть оставалась в руках главы Временного правительства [26].

ФКП, выступая с позиций последовательной защитницы суверенитета народа, отстаивала положительный ответ на первый вопрос и отрицательный — на второй. Аналогичную позицию заняла и Всеобщая конфедерация труда, порвавшая с анархо-синдикалистскими традициями «аполитизма». Генерал де Голль, а вслед за ним ЮДСР, СФИО и МРП выступили с призывом ответить на оба вопроса положительно. Правые, открыто реакционные группировки добивались отрицательного ответа на первый вопрос и положительного — на второй. Наконец, радикалы высказались за отрицательный ответ на оба вопроса, стремясь вместе с правыми сохранить в силе конституцию 1875 г., но не решаясь порвать со старой демократической традицией контроля над исполнительной властью во избежание угрозы диктатуры.

Таким образом, лидеры СФИО в союзе с ЮДСР и МРП впервые после окончания войны раскололи фронт Сопротивления и нарушили единство рядов рабочего класса. Незадолго до референдума, на съезде СФИО в августе 1945 г., фракции Блюма удалось

[25] «L'Année politique 1944—1945», p. 305.
[26] Ibid., p. 254—255.

похоронить идею органического единства с коммунистами, отвергнуть предложение ФКП о выступлении с общими списками на выборах и добиться решения о предвыборном блоке с ЮДСР (хотя Согласительный комитет ФКП—СФИО еще продолжал свою работу) [27].

96,4% участников референдума (18,6 млн. человек) ответили положительно на первый вопрос, тем самым бесповоротно закрыв путь к возрождению прогнившего режима Третьей республики. Отрицательный ответ дали всего 700 тыс. Однако активная пропагандистская кампания СФИО и МРП вкупе с правыми партиями привела к тому, что второй вопрос также был решен положительно, хотя и гораздо менее значительным большинством — 66,3% голосовавших и 53% зарегистрированных избирателей (12,8 млн. голосов против 6,5 млн.) [28]. На проводившихся одновременно выборах ФКП получила 5 млн. голосов (25,4%), СФИО и ЮДСР — 4,6 млн. (23,3%), МРП — 4,5 млн. (23%). Таким образом, партии, выступавшие от имени Сопротивления,— ФКП, СФИО, МРП — собрали свыше трех четвертей всех голосов. Радикалы и правые потерпели беспрецедентный разгром — за первых голосовало 2,1 млн. человек (10,8%), за вторых — 2,9 млн. (15%).

Позиции ФКП значительно укрепились прежде всего в старых зонах ее влияния — промышленных районах Парижа, департаментах Нор, Па-де-Кале, а также расширились на юг и юго-запад, в сельскохозяйственные департаменты Средиземноморского побережья, долину Роны, юго-западный склон Центрального массива. Здесь за коммунистов начало голосовать левое, патриотически настроенное крестьянство. Важным фактором, способствовавшим росту влияния ФКП в деревне, была самоотверженная борьба партизанских отрядов «маки», руководимых коммунистами.

Социалисты потеряли (в пользу коммунистов) немало голосов в пролетарских индустриальных департаментах северо-востока, но зато добились определенных успехов в сельскохозяйственных департаментах юга, юго-запада, отчасти центра. Увеличение удельного веса служащих и мелкобуржуазных элементов среди членов и избирателей СФИО превращало ее в главную наследницу ослабевшей и сдвинувшейся вправо партии радикалов. Это вполне соответствовало тенденции, наметившейся еще до второй мировой войны. «В разных концах Франции и даже в пределах одного и того же департамента она заключает самые различные, если не противоположные, союзы,— писал о СФИО Ж. Фовэ.— Она забо-

[27] *J. Colton.* Léon Blum. Paris, 1966, p. 462—463.
[28] «L'Année politique 1944—1945», p. 492.

тится не столько о том, чтобы быть самой собой, сколько о том, чтобы иметь теплые местечки. Выборные должности — от самых скромных до самых благородных — для нее важнее всего. Она действительно стала радикальной партией» [29].

Наконец, избирательная география Народно-республиканского движения убедительно свидетельствовала о том, что оно получило голоса в основном за счет довоенных правых партий в районах, подверженных сильному влиянию католической церкви (Запад, Восток, юго-восточный склон Центрального массива) и лишь частично — за счет левых (долина Роны, Пиренеи) [30]. Важным козырем МРП была открытая поддержка духовенства, которая принесла партии значительное число голосов верующих (особенно женщин).

Выборы проводились на базе нового избирательного закона по принципу пропорционального представительства. Несмотря на то что реакционная администрация прибегла к несправедливому разграничению округов (лишь частично исправленному под нажимом общественности), новая система была значительно демократичнее довоенной и давала близкое к действительности представление о влиянии отдельных партий. Впервые в истории Франции женщины пользовались избирательными правами наравне с мужчинами.

ФКП и близкие к ней прогрессивные группировки, выступавшие под знаменем ЮПРА (Патриотического антифашистского союза Сопротивления), получили в Учредительном собрании 160 мест, СФИО и блокировавшиеся с ней мусульманские депутаты от Алжира — 146, МРП — 152, ЮДСР — 30, радикалы — 29, правые — 66. Впервые в истории Франции партии рабочего класса располагали совместно абсолютным большинством мест в парламенте (302 из 586).

Французская коммунистическая партия обратилась к руководству СФИО с предложением сформировать двухпартийный левый кабинет, но лидеры социалистов ответили отказом, настаивая на создании трехпартийной коалиции с участием МРП. 13 ноября 1945 г. Учредительное собрание вновь избрало генерала де Голля главой Временного правительства. Проголосовав за эту кандидатуру, депутаты-коммунисты указали на необходимость предоставить ФКП в будущем правительстве место, соответствующее ее удельному весу в парламенте и в стране, включая один из трех главных портфелей — министерство внутренних дел, иностранных дел или национальной обороны.

[29] *J. Fauvet.* Les partis politiques dans la France actuelle. Paris, 1947, p. 27.

[30] *F. Goguel.* Géographie des élections françaises de 1870 à 1951. Paris, 1951, p. 96—97.

Генерал де Голль ответил отказом, пригрозив отставкой. В речи по радио 17 ноября 1945 г., обращенной к стране, он ссылался на то, что предоставление коммунистам одного из постов, имеющих отношение к внешней политике, способно якобы подорвать «равновесие» Франции на международной арене между СССР и США [31]. В ответ М. Торез опубликовал в печати открытое письмо с решительным протестом против попыток поставить под сомнение национальный характер коммунистической партии.

В итоге был достигнут компромисс: в правительство вошли пять коммунистов, пять социалистов, пять католиков — членов МРП и шесть «беспартийных» голлистов. Представители ФКП Шарль Тийон, Франсуа Бийу, Марсель Поль, Амбруаз Круаза возглавили министерства вооружения, экономики, промышленного производства и труда, Морис Торез стал заместителем председателя совета министров (государственным министром).

Этот компромисс оказался крайне неустойчивым. Результаты октябрьских выборов убедительно показали, что Французская коммунистическая партия, которая вышла на первое место по числу собранных голосов, превратилась в важнейший фактор политической жизни. Существенные сдвиги в классовой структуре и географическом распределении голосов, поданных за социалистов, были серьезным предупреждением лидерам СФИО. При сложившейся расстановке сил разрыв социалистической партии с коммунистами во имя создания блока с МРП должен был толкнуть влево и без того сузившуюся пролетарскую базу социалистов, а также массы демократически настроенной, антиклерикальной мелкой буржуазии, служащих (особенно учителей), перешедших к социалистам от радикалов [32].

Чтобы удержать влияние над ними, лидеры СФИО вынуждены были доказывать свою «левизну» демонстративной оппозицией авторитарным поползновениям правых сил и борьбой против восстановления государственных субсидий церковным школам. Все это неизбежно затрудняло сотрудничество СФИО с клерикальной МРП. Проекты «трудовой» партии оказались в таких условиях явно неосуществимыми [33].

Недовольство в стране, вызванное серьезными продовольственными затруднениями зимой 1945—1946 гг. и разгулом спекуляции, решительное разоблачение коммунистами главных виновников за-

[31] *Ch. de Gaulle.* Mémoires de guerre, t. III, p. 627—628.

[32] По второму вопросу референдума ответили «нет» не только 5 млн. избирателей ФКП, но и 1,3 млн. избирателей СФИО и радикалов (см. *David Schoenbrun.* Ainsi va la France. Paris, 1957, p. 72).

[33] *D. Pickles.* French Politics. The First Years of the Fourth Republic. London, 1953, p. 26—27.

тянувшейся разрухи — монополий — привели к усилению левого крыла внутри социалистической партии. Руководство СФИО было вынуждено совершить поворот к более тесному сотрудничеству с ФКП в политических и конституционных вопросах. Этот поворот ускорил давно назревавший конфликт между Учредительным собранием и главой Временного правительства.

Накануне нового, 1946 г. один из депутатов-социалистов внес предложение сократить на 20% военный бюджет. Генерал де Голль решительно отказался идти на какие-либо уступки. В ходе последовавших острых дебатов он дал понять, что речь идет не только о данном конкретном вопросе, но и о самом принципе взаимоотношений между парламентом и правительством: «Нас разделяет общая концепция правительства и его отношений с национальным представительством... Чего вы хотите — правительство, которое правит, или всесильную Ассамблею, облекающую полномочиями правительство для исполнения ее воли? Лично я убежден, что второе решение ни в коей мере не отвечает потребностям страны, где мы живем, и времени, которое мы переживаем»,— заявил де Голль [34].

Хотя конфликт по бюджетным вопросам был кое-как улажен, стало ясно, что решающее столкновение не за горами. 20 января 1946 г. генерал де Голль собрал членов Временного правительства и сообщил им о своем бесповоротном решении уйти в отставку, ссылаясь на завершение своей миссии — освобождение территории Франции, обеспечение внутреннего мира, укрепление международных позиций страны и т. д. Действительные причины отставки генерала были, разумеется, иными Буржуазный историк Четвертой республики Жоржетта Эльжей указывает, что генерал де Голль был твердо убежден в неспособности политических партий Учредительного собрания сформировать сколько-нибудь эффективное, устойчивое правительство и справиться с огромными трудностями экономического и международного порядка, ожидавшими страну. Дискредитация и банкротство многопартийного режима должны были, по мнению главы Временного правительства, в самом ближайшем времени позволить ему продиктовать ультимативные условия своего возврата к власти [35].

В третьем томе своих «Военных мемуаров» сам де Голль достаточно откровенно объясняет причины, побудившие его к отставке: в условиях постепенного возрождения многопартийного парламентского режима проекты «сильного» государства прези-

[34] *Ch. de Gaulle.* Mémoires de guerre, t. III, p. 643, 644.

[35] *C. Elgey.* La République des illusions 1945—1951 ou la vie secrète de la IVe République. Paris, 1965, p. 94.

дентского типа явно теряли всякие шансы на проведение в жизнь. Неудача первоначального плана широкой коалиции партий во главе с МРП лишила главу Временного правительства самостоятельной организационно-политической базы. Попытка же прибегнуть к военной силе могла иметь самые пагубные последствия: «Это постепенно восстановило бы против меня страну, которая не поняла бы причин такого произвола; коммунисты, находившиеся тогда на вершине своего влияния и наступательной силы, возглавили бы оппозицию, оказавшись тем самым моими неизбежными наследниками»[36].

ФКП вторично предложила социалистам сформировать двухпартийный кабинет, но лидеры СФИО снова отказались и еще раз настояли на привлечении МРП. Руководство Народно-республиканского движения очутилось перед выбором: либо в соответствии со своим титулом «партии верности» последовать за генералом де Голлем в оппозицию, либо остаться у власти, чтобы не потерять контакта с социалистами и воспрепятствовать «свиданию с глазу на глаз» СФИО и ФКП, которые располагали абсолютным большинством мест в Учредительном собрании.

Руководство МРП предпочло второй вариант: основной смысл существования партии состоял не только в том, чтобы создать удобную «патриотическую» ширму для перегруппировки опозоренных поддержкой Виши клерикально-консервативных элементов, но и в том, чтобы предотвратить восстановление единства рабочего класса.

В моменты подъема демократических сил поиски союза с СФИО постоянно были тактическим приемом МРП, имевшим целью, при активном содействии правого крыла СФИО, преградить путь новому Народному фронту[37].

На заключительном этапе существования Временного режима (1946 г.) политическая обстановка в стране определялась наличием коалиции трех главных партий, участников Сопротивления (ФКП, СФИО, МРП). Коалиция достигла договоренности о совместной защите уже осуществленных мероприятий по национализации некоторых отраслей промышленности, расширению социального законодательства, прав профсоюзов, а также о продолжении

[36] *Ch. de Gaulle* Mémoires de guerre. t. III, p. 238.

[37] Ж. Эльжей приводит в своей работе чрезвычайно показательный документ — письмо генерала Бийотта, в то время исполнявшего обязанности начальника генштаба, на имя одного из лидеров МРП. Генерал категорически настаивал на предотвращении формирования правительства из представителей двух рабочих партий, намекая, что в таком случае возможны меры экономического и даже военного давления на Францию со стороны англо-американцев (*G. Elgey.* La République des illusions..., p. 103).

чистки от предателей и об отказе от каких-либо соглашений с франкистской Испанией. В итоге январского кризиса 1946 г. было сформировано правительство социалиста Ф. Гуэна, насчитывавшее семь социалистов, шесть коммунистов и шесть католиков [38].

Создание трехпартийного кабинета повлекло за собой известную перегруппировку оппозиционных групп. В декабре 1945 г. лидеры довоенных крайне правых партий — «Республиканской федерации» и «Французской социальной партии», выросшей из фашистского союза «Боевых крестов», объявили о создании «Республиканской партии свободы» (ПРЛ). Хотя в ее руководящие органы в целях маскировки были избраны некоторые члены Национального совета Сопротивления из числа правых националистов (Андре Мюттер, Жозеф Ланьель), ПРЛ представляла главным образом те круги французской буржуазии, которые ориентировались в годы войны на Германию и активно поддерживали режим Виши.

Сокрушительный разгром, понесенный на выборах 21 октября 1945 г. радикальной партией, резко обострил внутрипартийную борьбу, победителями из которой вышли правые «неорадикалы». Успех консервативных элементов был предопределен существенной трансформацией социальной базы партии; после отхода значительной части демократической мелкой буржуазии и крестьянства влево — к коммунистам и социалистам — среди ее избирателей заметно повысился удельный вес средней и крупной городской буржуазии, кулачества, лиц свободных профессий, напуганных мощным подъемом влияния левых сил после освобождения страны и усиленно искавших опоры против «марксистской угрозы» [39].

На чрезвычайном съезде в Лионе (апрель 1946 г.) «неорадикалы» добились исключения из партии лидеров левого крыла во главе с Пьером Котом и принятия резолюции, одобрявшей создание предвыборного и парламентского блока с ЮДСР. Помимо ЮДСР, в блок с радикалами влились также осколки правых группировок, не решившиеся открыто примкнуть в ПРЛ ввиду ее крайней реакционности. Этот своеобразный синдикат политических банкротов принял громкий титул «Объединения левых республи-

[38] М. Торез и лидер МРП Ф. Гэ стали заместителями председателя совета министров. Компартия получила портфели министров промышленного производства, вооружений, труда и социального страхования, реконструкции и градостроительства, бывших фронтовиков и жертв войны; МРП — юстиции, иностранных дел, обороны, связи, здравоохранения; социалисты — внутренних дел, финансов и экономики, заморских территорий, сельского хозяйства, общественных работ, народного образования.

[39] *F. de Tarr.* The French Radical Party from Herriot to Mendes-France. London, 1961.

канцев» (РЖР)[40]. Возникновение РЖР, в составе которого было немало католиков, наглядно показало готовность правых радикалов во имя сговора с реакцией принести в жертву последний прогрессивный пункт партийной программы — антиклерикализм.

Созданием РЖР и особенно ПРЛ — «четвертой большой партии» — реакция преследовала далеко идущие цели. «Республиканская партия свободы» опиралась исключительно на традиционные зоны влияния церкви и правых группировок: запад, восток, юго-восточный склон Центрального массива, некоторые горные департаменты в Альпах и Пиренеях, буржуазные кварталы больших городов. Повсюду она выступала перед избирателями в качестве главного конкурента МРП справа. В результате лидеры Народно-республиканского движения стали активнее отстаивать клерикальные лозунги и периодически отказывались от союза с социалистами, когда такой союз представлялся господствующему классу излишним.

Как и во времена Народного фронта, излюбленным оружием реакции стал экономический саботаж. Используя тот факт, что лидеры МРП и СФИО добились предоставления коммунистам в правительстве в основном хозяйственных постов, тресты рассчитывали оружием голода и разрухи продемонстрировать «неспособность» революционной марксистской партии к конструктивной работе. Их целью было дискредитировать в глазах широких масс национализацию и прогрессивные социальные мероприятия, принятые на основе программы НСС, «доказать» необходимость прибегнуть к помощи частного капитала — как внутри страны, так и за рубежом, в первую очередь в США, заслужив предварительно его политическое доверие.

В надежде подорвать влияние коммунистов на профсоюзы, расколоть рабочий класс монополии систематически взвинчивали цены, развертывали спекуляцию на черном рынке, не останавливаясь даже перед негласным поощрением анархо-синдикалистских элементов, провокационно призывавших к расширению массовой забастовочной борьбы. «Коллаборационисты и предатели упорно пытаются раздуть всевозможные трудности, испытываемые населением. Они хотят усилить недовольство и отчаяние. Если снабжение хромает, они радуются. Если останавливаются заводы, они потирают руки. Естественно, что они используют при этом рычаги управления, преступно и умышленно оставленные в их руках. Затем, нагромоздив трудности, они возбуждают недовольство, стре-

[40] Название «левые республиканцы» было не более чем маскировкой: один из публицистов удачно определил их как «группу правых депутатов, заседающих в центре».

мясь направить его против демократического режима»,— говорил в январе 1946 г. секретарь ВКТ Бенуа Фрашон [41].

Коммунисты, сыгравшие самую активную роль в жестоких боях против гитлеровских оккупантов, после освобождения страны выступили в авангарде патриотов — борцов против антинациональных происков монополий на хозяйственном фронте. X съезд ФКП провозгласил подъем разрушенной экономики одной из центральных задач партии, выдвинув лозунг «Объединиться, бороться, трудиться!» В результате героической «битвы за производство» уже в марте 1946 г. добыча угля превысила довоенный уровень, а к концу того же года уровень промышленного производства составил 90% от уровня довоенного 1938 г.[42]

Однако эти выдающиеся достижения не могли полностью ликвидировать тяжелые последствия войны и вредительских махинаций финансовой олигархии, пользовавшейся попустительством или прямым сочувствием министров — социалистов и католиков. Уже в 1945 г. министр финансов Плевен прибег к выпуску «займа освобождения», который позволил трестам и спекулянтам, нажившимся на сотрудничестве с гитлеровцами, спасти свои прибыли, и к увеличению косвенных налогов, всей тяжестью падавших на плечи народных масс. Результатом оказалась бурная, «скачущая» инфляция: только в течение 1946 г. цены выросли на 50%, а реальная заработная плата упала наполовину по сравнению с довоенным уровнем.

Другим важнейшим вопросом, вызывавшим разногласия внутри правительственной коалиции, была внешняя политика. Франция присоединилась к Потсдамским соглашениям и являлась одной из оккупирующих Германию держав. Ее представители входили в Контрольный Совет в Германии, а также в четырехсторонний совет министров иностранных дел, созданный для выработки мирных договоров со странами фашистского блока. Однако лидеры МРП, контролировавшие французское министерство иностранных дел, выдвинули в качестве центрального пункта своей внешнеполитической программы ряд требований по германскому вопросу, в значительной мере позаимствованных из арсенала французской дипломатии времен Версальского договора (расчленение Германии, отторжение от нее Рура и левого берега Рейна, экономическое присоединение Саарской области к Франции и т. д.). Такого рода требования могли в конечном счете лишь поощрить возрож-

[41] *B. Frachon.* La Bataille de la production, nouvelle étape du combat contre les trusts. Rapports, articles et discours. Paris, 1946, p. 214—215.

[42] См. *В. В. Любимова.* Экономика Франции и положение трудящихся масс после второй мировой войны. М., 1952, стр. 131—145.

дение в Германии националистических настроений и не только не способствовали обеспечению безопасности Франции, но, напротив, грозили поставить ее под угрозу.

Стремясь добиться принятия своей программы, представители Франции в четырехстороннем Контрольном Совете выступили против создания предусмотренных Потсдамскими соглашениями центральных экономических департаментов для всех оккупационных зон. США и Англии такая позиция Франции была весьма на руку; она помогала им саботировать работу Совета, срывать принятие согласованных решений, подтачивать франко-советское сотрудничество. Их целью являлась изоляция Франции, что позволило бы ускорить раскол антигитлеровской коалиции, поставить Париж в зависимость от Вашингтона и Лондона, втянуть его в антисоветский фронт [43].

В то же время лидеры СФИО, следовавшие в фарватере английских лейбористов, все более откровенно проповедовали «примирительный» курс в отношении разгромленного германского империализма и толкали страну на отказ от самостоятельной внешней политики. Весной 1946 г. Л. Блюм во главе французской правительственной делегации отправился в Вашингтон, чтобы просить о предоставлении Франции займов. Переговоры завершились подписанием ряда соглашений, на основании которых французская сторона получила кредит в размере 650 млн. долл.— главным образом в форме аннулирования прежних долгов и уступки американских военных материалов, находившихся во Франции. В обмен она должна была пойти на существенные уступки в области таможенной политики и взять на себя обязательства по закупке американских самолетов и фильмов.

Вашингтонские соглашения 1946 г. были теснейшим образом связаны с развитием внутриполитической борьбы во Франции. Правые силы активно использовали их в ходе многочисленных предвыборных кампаний в качестве важнейшего пропагандистского оружия: они упорно убеждали рядового избирателя, что без американской «помощи» Франция неспособна преодолеть послевоенную разруху, добиться подъема экономики; получить же эту «помощь» можно лишь в том случае, если заокеанский кредитор будет уверен в политической «благонадежности» должника. Это вполне соответствовало действительности. Корреспондент агентства Франс Пресс в Вашингтоне Давидсон писал впоследствии, что в ходе беседы с Блюмом министр финансов США Винсон прямо потребовал, чтобы Французская социалистическая партия

[43] *Н. Н. Молчанов*. Внешняя политика Франции. 1944—1954 гг. М., 1959, стр. 62—64.

присоединилась к антикоммунистической коалиции и помогла тем самым устранить коммунистов с их постов в правительстве[44].

В то же время французские коммунисты решительно отстаивали независимость и суверенитет страны в международных делах, добивались неуклонного проведения в жизнь Потсдамских соглашений, укрепления и расширения франко-советского сотрудничества как главного залога обеспечения интересов Франции в ходе послевоенного урегулирования.

Расхождения по вопросам внешней политики, отражавшие общий процесс поляризации классовых сил в Европе и в мире, неуклонно подтачивали трехстороннюю коалицию, стоявшую у власти на протяжении 1946 г.

Суровые лишения для большинства французов, бешеный разгул «королей» черного рынка, громкие скандалы, связанные с коррупцией чиновничества («мясной скандал», «винный скандал»), вызывали растущее недовольство, горечь в широких кругах мелкой буржуазии, крестьянства, части рабочего класса, значительно обновившегося после того, как наиболее революционное ядро его тяжело пострадало в ходе войны, оккупации, массовой высылки в Германию[45]. Эти настроения активно использовала политическая агентура монополий, стремившаяся толкнуть наименее устойчивую часть трудящихся в ряды крайне правых организаций, которые выступали под флагом антипарламентской демагогии. Между «умеренным» крылом правительственного блока (МРП, большинство лидеров СФИО) и правой оппозицией (РЖР, ПРЛ) складывалось как бы негласное разделение труда: первые скрыто саботировали самоотверженные созидательные усилия коммунистов, героическую «битву за производство», вторые эксплуатировали недовольство и разочарование масс ожесточенными нападками на «трипартизм».

На этом фоне развертывались сложные перипетии борьбы партий в Учредительном собрании и в стране вокруг будущего государственного устройства. Проекты обсуждались в особой конституционной комиссии, состав которой соответствовал партийной структуре Учредительного собрания (в числе 42 ее членов было 11 коммунистов, 10 социалистов, 11 католиков — членов МРП, 2 радикала и 8 правых).

Представители Французской коммунистической партии в конституционной комиссии добивались ликвидации традиционных оплотов реакции — сената и единоличного президента республики, сосредоточения всей власти в руках единого Национального собра-

[44] *J. Davidson.* Correspondant à Washington: ce qui je n'ai jamais câblé. Paris, 1954, p. 15—16.

[45] *А. Верт.* Франция 1940—1955. М., 1959, стр. 211—213.

ния, избранного всеобщим прямым и тайным голосованием по системе полного пропорционального представительства, выбора этим Собранием кандидатуры главы правительства, которое оставалось бы постоянно ответственным перед парламентом, создания дружественного равноправного союза с народами колониальной империи.

Представители МРП, правые и большинство радикалов резко выступали против этих предложений. Продолжая традиции основателей Третьей республики, они добивались максимального расширения прав исполнительной власти — президента республики и председателя совета министров — в ущерб парламенту, реставрации второй палаты, избранной косвенным голосованием, а также введения бюджетных субсидий «свободным», т. е. церковным, школам [46].

На первом этапе работы комиссии (декабрь 1945 г.— январь 1946 г.) социалисты в основном поддерживали представителей МРП по таким вопросам, как расширение прав главы государства и др. С начала 1946 г. соотношение сил в комиссии заметно изменилось: ее докладчиком вместо представителя МРП Ф. де Мантона стал левый радикал П. Кот, делегации ФКП и СФИО проводили по важнейшим вопросам совместную линию, тогда как делегация Народно-республиканского движения сблизилась с открытыми реакционерами из РЖР и ПРЛ. Рабочие партии обеспечили себе большинство, что привело к принятию весьма прогрессивного проекта конституции, Учредительное собрание одобрило его 19 апреля 1946 г. 309 голосами (ФКП, СФИО, часть депутатов от заморских территорий и Алжира) против 249 (МРП, радикалы, ПРЛ и прочие).

Перед референдумом, назначенным на 5 мая 1946 г., МРП, РЖР и ПРЛ развернули ожесточенную кампанию против принятия конституционного проекта [47]. Таким образом, МРП решилась разбить тройственную коалицию, открыто порвав не только с ФКП, но и со СФИО. В то же время лидеры социалистической партии отказались вести пропагандистскую кампанию вместе с ФКП, подорвав тем самым единство левых сил перед лицом разношерстного, но сплоченного общей ненавистью к социализму реакционного лагеря от МРП до РЖР и ПРЛ. В итоге правая оппозиция, всячески запугивавшая мелкую буржуазию города и деревни жупелом государственного вмешательства в экономику

[46] *М. А. Крутоголов.* Государственный строй Франции (Четвертая республика). М., 1958, стр. 71—74.

[47] Незадолго до референдума ассамблея кардиналов и архиепископов резко выступила против закрепления в конституции светского характера государства и школы, что оказало немалое влияние на позиции верующего крестьянства восточных и западных районов страны (Эльзас, Лотарингия, **Бретань и т. д.**) (см. *J. Fauvet.* La IVe République, p. 72).

(«этатизма») и игравшая на недовольстве масс продовольственными трудностями, инфляцией, добилась определенного успеха: конституционный проект был отвергнут (за него было подано 9,4 млн. голосов, против — 10,6 млн.).

Подобный итог делал необходимым повторение прежней процедуры — избрание нового состава Учредительного собрания, выработку измененного проекта конституции и представление его на референдум. Сразу же после 5 мая СФИО круто повернула фронт, отказавшись от всякого сотрудничества с ФКП и развернув накануне выборов антикоммунистическую кампанию. Выборы (назначенные на 2 июня) происходили в атмосфере, «созданной провалом первого конституционного проекта, а возможно, также и франко-американскими финансовыми соглашениями, поскольку социалисты начинают резко атаковать коммунистов»,— отмечал обозреватель радикальной газеты «Депеш дю Миди» Ж. Барсалу [48].

Результаты этого поворота не заставили себя ждать. На выборах 2 июня 1946 г. СФИО собрала 4,2 млн. голосов, т. е. 21,1%, потеряв, главным образом в пользу МРП, около 250 тыс. сторонников. ФКП выиграла 200 тыс. голосов, получив 5,2 млн., т. е. 26,4%. Позиции РЖР и ПРЛ почти не изменились (первая выиграла 500 тыс. голосов, вторая потеряла столько же) Народно-республиканское движение завоевало более миллиона новых избирателей, собрав 5,6 млн. голосов (28,1%) и на короткое время став наиболее сильной партией страны. Подтвердился урок Народного фронта, гласивший, что любые разногласия между рабочими партиями играют в первую очередь на руку реакции: ФКП и СФИО утратили большинство в новом Учредительном собрании и в конституционной комиссии [49].

Новое правительство возглавил не социалист, как было ранее, а лидер МРП Ж. Бидо, что отражало общий сдвиг вправо. Депутаты-коммунисты воздержались при голосовании доверия. К МРП перешли потерянные социалистами министерства финансов и информации. Коммунисты в дополнение к прежним постам возглавили министерство здравоохранения.

Политическое положение во Франции летом и осенью 1946 г. характеризовалось, с одной стороны, активизацией правых элементов, с другой — дальнейшим усилением коммунистов. Такая рас-

[48] *J. Barsalou.* La Mal-Aimée. Histoire de la IVe République. Paris, 1964, p. 46—47.

[49] ФКП получила в Учредительном собрании второго созыва 146 мест, СФИО — 115, МРП — 160, РЖР — 39, ПРЛ и прочие правые — 62. Конституционная комиссия насчитывала 11 коммунистов, 9 социалистов, 11 народных республиканцев, 3 радикалов из РЖР, 2 правых из ПРЛ и 2 других правых. Председателем комиссии был социалист Андре Филип, докладчиком — католик Альфред Кост-Флоро.

становка сил определила компромисс между тремя партиями правительственной коалиции по конституционному вопросу.

16 июня 1946 г. генерал де Голль выступил в небольшом городке Байё с программной речью об основных принципах будущей конституции. Он предлагал предоставить президенту республики самые широкие права, вплоть до права назначения и смены министров, включая премьера, роспуска Национального собрания, контроля над вооруженными силами, внешней политикой и т. д. Избрание президента должно было производиться, по его мнению, не парламентом, а расширенной коллегией выборщиков. Необходимость подобного «сильного государства» во Франции мотивировалась остротой ее внутренних противоречий, серьезностью международных и колониальных проблем, а также ссылками на принцип разделения властей [50].

Предпосылкой для осуществления этих планов должно было стать создание соответствующей группировки партий. Если в 1945 г. такая роль предназначалась «травайистскому» объединению СФИО — ЮДСР — МРП, то теперь его предположительная ось сдвигалась гораздо дальше вправо: речь шла о сплочении всех противников первого проекта конституции, т. е. МРП, РЖР, ПРЛ. Однако на пути реакции вновь возникло то же препятствие, что и год назад; мощь Французской коммунистической партии, олицетворявшей собой не только славу движения Сопротивления, но и вековую традицию борьбы в защиту республики и демократии.

Руководители МРП могли позволить себе «рассчитанный риск» временного ухода в оппозицию в мае, будучи твердо уверенными, что лидеры СФИО готовы прекратить сотрудничество с коммунистами. Тем не менее верхушка Народно-республиканского движения отдавала себе отчет в том, что поворот социалистической партии вправо после провала первого проекта конституции на референдуме 5 мая 1946 г. пока не имеет окончательного характера: не случайно на 38-м съезде СФИО в Париже (август 1946 г.) фракция Блюма потерпела серьезное поражение. Открытое присоединение МРП к «хартии Байё» грозило сорвать с нее маску «демократической» и «социальной» партии, подорвать ее связи со СФИО, и без того затрудненные клерикализмом Народно-республиканского движения, способствовать восстановлению единого фронта рабочих партий.

Именно поэтому руководство МРП предпочло временно восстановить трехстороннюю коалицию и форсировать составление нового проекта конституции. Представитель МРП в беседе с де Голлем

[50] *Ch. de Gaulle.* Discours et messages, t. II. Dans l'attente. Février 1948 — avril 1958. Paris, 1970, p. 5—11.

откровенно разъяснил цель этого маневра: «Мы решили дать положительный ответ на новом референдуме потому, что необходимо выйти из трипартизма и положить конец сотрудничеству с коммунистами»[51].

Первоначальный вариант конституции был ухудшен созданием второй палаты — Совета республики, избиравшегося косвенным голосованием (но имевшего все же в основном совещательный характер), предоставлением президенту республики права выдвигать кандидатуру главы правительства вместо непосредственного выбора его Национальным собранием и т. д. Однако основные демократические положения первого проекта, благодаря напряженной борьбе представителей компартии в конституционной комиссии, сохранились. Компромиссное решение было одобрено Учредительным собранием 29 сентября 1946 г. В поддержку проекта голосовали 440 депутатов (ФКП, СФИО, МРП и некоторые мелкие левые группы), против 106 (РЖР, ПРЛ и прочие правые).

Три крупнейшие правительственные партии призвали избирателей во время референдума одобрить проект, РЖР и ПРЛ — отвергнуть его. 29 сентября де Голль выступил в Эпинале с речью, в которой содержались резкие нападки на проект конституции. Однако на референдуме, состоявшемся 13 октября, проект был одобрен 9263 тыс. голосов против 8144 тыс. Он вступил в силу 24 декабря 1946 г.

КОНСТИТУЦИЯ 1946 ГОДА И КРИЗИС ТРЕХПАРТИЙНОЙ КОАЛИЦИИ

Несмотря на то что конституция Четвертой республики была результатом компромисса весьма различных классовых и политических сил, в целом она явилась важным завоеванием французских трудящихся. В ней были закреплены прогрессивные преобразования, проведенные в жизнь в итоге разгрома международного и французского фашизма. «Октябрьская конституция 1946 года основана на принципе национального суверенитета и недвусмысленно утверждает ответственность правительства перед Ассамблеей, избранной прямым всеобщим голосованием. Она гарантирует осуществление демократических прав и провозглашает светский характер государства и школы. Она закрепляет новые социально-экономические права граждан: равенство мужчины и женщины во всех областях, право на объединение в профсоюз и забастовку, право на коллективное определение условий труда и управление предприятиями, право на труд, на материальное обеспече-

[51] G. *Elgey*. La République des illusions, p. 225.

ние матери и ребенка, престарелых трудящихся и инвалидов, право ребенка на образование и культуру, организацию всеобщего светского образования всех ступеней. Конституция прямо утверждает законность национализаций, мирный характер внешней политики Франции и равенство прав народов зависимых стран»,— подчеркивается в «Истории Французской коммунистической партии» [52].

Существенным прогрессивным отличием новой конституции от предшествующей было резкое сужение прав второй палаты (Совета республики), заменившей довоенный сенат — стержень конституционного механизма Третьей республики. Все законодательные предположения, в том числе и выдвинутые членами Совета республики, должны были сначала обсуждаться первой палатой — Национальным собранием. Если в принятый им законопроект Совет республики вносил свои поправки, то Национальное собрание рассматривало его во втором чтении с правом принять или отвергнуть: данное решение считалось окончательным [53]. Чтобы парализовать старую сенатскую тактику проволочек, превращения законопроекта в «челнок», бесконечно сновавший между Бурбонским и Люксембургским дворцами, статья 20-я конституции 1946 г. ограничивала сроки рассмотрения обычных законодательных предположений Советом республики двумя месяцами, а бюджета и срочных законопроектов — временем рассмотрения данного вопроса в Национальном собрании. Если вторая палата нарушала указанный срок, Национальное собрание имело право обнародовать (промульгировать) закон в том виде, в каком он прошел первое чтение [54].

Члены второй палаты не имели права подавать интерпелляций (запросов) правительству, за которыми следовало голосование с принятием резолюции, сохранив лишь возможность вносить менее действенные устные и письменные вопросы. Кроме того, Совет республики не мог служить, подобно прежнему сенату, высшим трибуналом, судившим президента по обвинению в государственной измене и министров — за преступления, совершенные ими при исполнении своих обязанностей, а также не мог выступать инициатором ревизии конституции.

Напротив, полномочия Национального собрания были соответственно расширены. Оно получило исключительное право законо-

[52] «Histoire du Parti communiste français», p. 479.

[53] Поправки, принятые Советом республики абсолютным большинством советников при открытом голосовании, могли быть отвергнуты Национальным собранием только таким же порядком.

[54] *М. А. Крутоголов.* Центральные органы власти Французской Республики. Парламент, президент республики, совет министров. М., 1956, стр. 118—125.

дательной инициативы в финансовых вопросах, ратификации и денонсирования некоторых договоров с иностранными государствами, объявления войны и т. д. Согласно новому протоколу, вторым лицом в государстве считался не председатель Совета республики — бледной копии довоенного сената, а глава Национального собрания, председательствовавший на совместном заседании обеих палат и заменявший в чрезвычайных обстоятельствах президента. Вопрос о правильности избрания депутатов решался самим Национальным собранием большинством голосов (а не особым конституционным судом, как требовали представители реакционных партий) [55].

В прошлом президент располагал правом роспуска палаты депутатов с санкции сената (хотя оно было скомпрометировано президентом-монархистом Мак-Магоном в 1877 г. и с тех пор фактически не применялось). Конституция Четвертой республики ввела это право в строгие рамки, отняв его у главы государства и передав главе правительства. Последний имел возможность прибегнуть к подобной чрезвычайной мере по консультации с министрами и председателем Национального собрания лишь после двух правительственных кризисов, происшедших подряд в течение 18 месяцев и вызванных вотумами недоверия или порицания, которые были приняты абсолютным большинством всех депутатов [56]. В период подготовки выборов после роспуска Национального собрания правительство должен был возглавить председатель собрания.

Конституция 1946 г. категорически запрещала широко распространенную накануне второй мировой войны практику делегирования парламентом законодательных полномочий правительству, которое применяло их в форме «декретов-законов», служивших излюбленным оружием реакционных кабинетов. Председатель совета министров считался главой исполнительной власти (администрации) и высшим гарантом исполнения законов. Ему было предоставлено исключительное право постановки вопроса о доверии, которого остальные министры были лишены. Глава правительства разделял с депутатами право законодательной инициативы (ст. 46). Законодательные акты президента республики подписывались (контрассигновались) одним из министров и председателем совета министров. Последний имел право назначать высших

[55] «Les Institutions politiques de la France», t. I Avant 1958. Paris, 1959, p. 133—140.

[56] Под данные статьи не подпадали правительственные кризисы, происшедшие в течение первых 18 месяцев легислатуры (срока полномочий Национального собрания) и в течение первых двух недель пребывания кабинета у власти.

чиновников, контролировать ряд важных вопросов, связанных с национальной обороной, и т. д.[57]

Глава государства избирался на семь лет абсолютным большинством голосов на совместном заседании Национального собрания и Совета республики в Версале. Помимо протокольных обязанностей, он вновь получил право предлагать парламенту кандидатуру главы правительства, председательствовать на заседаниях совета министров, высшего совета национальной обороны, высшего совета магистратуры (верховного органа судебной системы) и конституционного комитета, а также право обращаться с посланием к палатам и право помилования. Президент по-прежнему не подлежал суду, за исключением случая государственной измены. Однако, как уже отмечалось, глава государства не являлся, в отличие от периода Третьей республики, официальным главой администрации и дипломатии, а каждый его акт нуждался в подписи как министра, возглавлявшего соответствующее ведомство, так и председателя совета министров[58].

Принятие новой конституции дополнялось коренной реформой избирательной системы. Согласно этой системе, избирательным округом вместо мелкого административного района, посылавшего в парламент только одного депутата, являлась гораздо более обширная территориальная единица — департамент. На каждый департамент приходилось несколько парламентских мандатов, в зависимости от численности населения. Наиболее густонаселенные департаменты делились на несколько округов. Каждая партия должна была выставлять список из стольких имен, сколько мандатов приходилось на данный департамент, и получала места пропорционально числу собранных ее списком голосов.

На выборах в Национальное собрание — первый парламент Четвертой республики, состоявшихся 10 ноября 1946 г.,— коммунисты получили 5,5 млн. голосов, выиграв 300 тыс. и снова став первой партией Франции. Сокрушительное поражение потерпели социалисты, собравшие 3,4 млн. голосов: они утратили почти 800 тыс. своих избирателей. МРП оставалась основной силой реакции — она получила 5 млн. голосов, но потеряла не менее 500 тыс. по сравнению с июньскими выборами в Учредительное собрание второго созыва. РЖР (радикалы, ЮДСР и т. д.) утратила 150 тыс. голосов, собрав 2,4 млн. Зато ПРЛ и прочие правые получили на этот раз 2,8 млн. голосов, выиграв не менее 500 тыс.[59]

[57] *М. А. Крутоголов.* Центральные органы власти Французской Республики, стр. 252—254

[58] Там же, стр. 218—237.

[59] Места в Национальном собрании распределились следующим образом: ФКП и прогрессисты — 169, СФИО — 103, РЖР — 55, МРП — 166, ПРЛ и про-

Таким образом, налицо была все более явная поляризация сил между коммунистами и крайней реакцией.

Уже во время референдума значительная часть избирателей МРП, сочувствовавшая де Голлю, голосовала против конституции. На правом фланге у МРП появился новый соперник в лице Союза голлистов — объединения, созданного одним из близких соратников де Голля, Рене Капитаном, для борьбы за осуществление «хартии Байё». Вожди народных республиканцев не могли не принимать во внимание все эти факты. Стремясь укрепить свой несколько пошатнувшийся авторитет в правых кругах, руководство МРП сразу же после выборов заявило о готовности пересмотреть только что одобренную конституцию и предприняло решительную атаку на трехпартийную формулу правительства. Народно-республиканское движение выдвинуло лозунг «Бидо без Тореза!» [60] Со своей стороны ФКП, как крупнейшая партия Национального собрания, заявила о готовности взять на себя ответственность за руководство правительством, опиравшимся на левые республиканские партии — коммунистов, социалистов и радикалов. Руководящие органы СФИО заявили о поддержке кандидатуры Тореза. Однако за Тореза высказалось 259 депутатов вместо требуемых 310. Кандидатура Бидо собрала еще меньше — 240 голосов МРП и правых. После трехнедельного правительственного кризиса 18 декабря 1946 г. к власти пришел «однородно-социалистический» кабинет Л. Блюма.

Создание высших органов власти было завершено избранием в ноябре Совета республики (в составе 61 коммуниста, 37 социалистов, 62 членов МРП, 25 радикалов, 22 правых и 7 прочих) и президента. 16 января 1947 г. Национальное собрание и Совет республики 452 голосами избрали президентом социалиста Венсана Ориоля. Представитель МРП Шампетье де Риб стал председателем Совета республики, Э. Эррио сменил Ориоля на посту председателя Национального собрания. Последний кабинет Временного режима во главе с Блюмом подал в отставку. Отныне напряженная борьба классов и партий продолжалась в рамках парламентской системы Четвертой республики.

Первое правительство, сформированное на основе конституции 1946 г., возглавил представитель правого крыла СФИО Поль Рамадье. Распределение мест в нем более или менее соответствовало расстановке сил в Национальном собрании — наиболее важные посты заняли народные республиканцы, социалисты и комму-

чие правые — 77 (см. *M. Duverger*. Constitutions et documents politiques. Paris, 1960, p. 292—295).

[60] *J. Barsalou*. La Mal-Aimée, p. 58.

нисты[61]. Однако, в отличие от трехпартийных кабинетов Гуэна и Бидо, правительство Рамадье впервые после освобождения страны включало также представителей «классических» партий Третьей республики — радикалов и правых («независимых»), в которых лидеры СФИО и МРП видели противовес коммунистам.

Период Временного режима вошел в историю Франции как один из поворотных пунктов. В течение немногим более двух лет были проведены в жизнь важнейшие прогрессивные мероприятия — национализация ряда ведущих отраслей промышленности и транспорта, введение системы социального страхования, пособий для многосемейных, значительное расширение прав профсоюзов и т. д.[62] Эти реформы явились итогом напряженной борьбы трудящихся во главе с коммунистической партией, представители которой впервые вошли в состав правительства. Министры-коммунисты Морис Торез, Амбруаз Круаза, Жорж Марран внесли решающий вклад в создание всеобъемлющей системы социального страхования, улучшения медицинского обслуживания, принятия статутов государственных служащих, аренды и издольщины. Франсуа Бийу, Шарль Тийон, Марсель Поль подготовили коренной перелом в деле восстановления и реконструкции промышленного производства, начали успешную реорганизацию вооруженных сил. Тем самым ФКП наглядно опровергла утверждения реакции о «неспособности» революционной пролетарской партии к конструктивной работе, о мнимом противоречии между социальным прогрессом и оздоровлением экономики. Энтузиазм рабочего класса, рожденный социальными реформами 1945—1946 гг., стал главным условием успеха героической «битвы за производство», возглавлявшейся коммунистами. В результате реформ 1944—1947 гг., являвшихся непосредственным развитием мероприятий Народного фронта, Франции по развитию социального законодательства превратилась из самой отсталой в одну из самых передовых среди крупных капиталистических стран.

Конечно, Франция и в первые послевоенные годы оставалась капиталистической страной, где командные высоты в экономике удерживал финансовый капитал, представители которого тормозили и дезорганизовали восстановление народного хозяйства. В государственном аппарате, верхушке вооруженных сил по-прежнему преобладало реакционно настроенное кадровое чиновничество и офицерство, чистка которого была фактически сорвана. Конституция и избирательное законодательство имели половинчатый, компро-

[61] В частности, коммунист Франсуа Бийу получил портфель министра национальной обороны.

[62] *Н. Н. Молчанов.* Четвертая республика. М., 1963, стр. 144—145.

миссный характер. Лидерам СФИО и МРП удалось помешать осуществлению важных пунктов программы НСС, предусматривавших ликвидацию префектур и передачу их функций выборным органам местного самоуправления — генеральным советам департаментов, введение практики отзыва изменивших своему долгу депутатов и т. д. В период Четвертой республики возможности, заложенные в первые послевоенные годы, не стали действительностью. Немалую роль при этом сыграла международная обстановка, в частности втягивание Франции в систему замкнутых экономических и военно-политических блоков под эгидой Соединенных Штатов и связанная с этим коренная перестановка сил внутри страны, которая в конечном счете привела к глубокому кризису многопартийного парламентского режима.

Внутренняя политика Франции в те годы реагировала на колебания и повороты международной обстановки особенно чувствительно. Охваченная страхом перед возросшим влиянием демократических сил во главе с коммунистами, французская буржуазия в борьбе против пролетариата настойчиво искала поддержки извне. Во имя такой поддержки значительная часть правящего класса была готова принести в жертву независимость, суверенитет и национальные интересы Франции, прежде всего в германском вопросе.

12 марта 1947 г. президент США Трумэн выступил со своей «доктриной», по сути дела провозглашавшей Соединенные Штаты гарантом сохранения капитализма в тех странах, где он окажется в опасности. Это заявление, за которым вскоре последовал «план Маршалла», послужило сигналом для монополий западноевропейских стран. «Американская помощь станет, по-видимому, машиной антикоммунистической войны»,— отмечала «Монд»[63].

В марте—апреле 1947 г. на Московской сессии Совета министров иностранных дел французская делегация во главе с лидером МРП Ж. Бидо открыто поддержала позиции США и Англии в обмен на обещания последних увеличить поставки рурского угля и оказать поддержку притязаниям Франции на Саарскую область. Этот крутой поворот подорвал франко-советское сотрудничество в германском вопросе, обезоружив Францию перед лицом англо-американской дипломатии, которая все более упорно добивалась возрождения военно-промышленного потенциала западных зон оккупации Германии в надежде превратить их в оплот антисоветского блока. Вместе с тем новый курс во внешней политике вызвал резкие разногласия внутри коалиционного правительства Рамадье, поставив его на грань распада.

[63] «Le Monde», 11.XI 1947.

Другим важным фактором, способствовавшим назреванию политического кризиса в стране, явились колониальные проблемы. Поражение и капитуляция Франции в 1940 г., оккупация части ее заморских владений войсками других империалистических держав нанесли непоправимый ущерб былому престижу метрополии в глазах народов колоний. Десятки тысяч вьетнамцев, арабов, африканцев, сражавшихся с оружием в руках под знаменами «Свободной Франции», были уверены, что борются одновременно и за собственное освобождение. Французская буржуазия отказалась сделать должные выводы из создавшейся обстановки, пытаясь ограничиться лишь частичной перестройкой прежней структуры колониальной администрации. Результатом явились восстания в странах Французского союза, которые переросли в серию войн.

Уже в мае 1945 г. колониальные власти жестоко подавили восстание в Алжире. Полтора года спустя аналогичные события повторились на Мадагаскаре, где число жертв среди коренного населения превысило 80 тыс. человек. Но особенно напряженная ситуация сложилась на Дальнем Востоке — в Индокитае, где 19 августа 1945 г. было провозглашено создание независимой Демократической Республики Вьетнам.

6 марта 1946 г. представитель французского правительства Сентени подписал с вождем народно-освободительной борьбы вьетнамского народа Хо Ши Мином соглашение, официально признававшее Демократическую Республику Вьетнам в качестве «свободного государства, имеющего свое правительство, парламент, армию и финансы, входящего в Индокитайскую федерацию и во Французский союз». Однако уже три недели спустя верховный комиссар Франции адмирал Тьерри д'Аржанлье в нарушение мартовского соглашения инспирировал создание марионеточной «республики Кохинхины». Переговоры между вьетнамской и французской делегациями в Фонтенбло, близ Парижа, не дали определенных результатов. 23 ноября 1946 г. французский крейсер «Сюффрен» подверг бомбардировке вьетнамские районы Хайфона, в ходе которой погибли 6 тыс. человек. Кабинет Блюма по сути дела задним числом санкционировал эту провокацию.

Колониальная администрация явно делала ставку на вооруженную силу. 19 декабря в Ханое развернулись уличные бои, которые явились началом семилетней «грязной войны» в Индокитае. «Четвертая республика не смогла ни избежать, ни остановить, ни выиграть войну в Индокитае. Она была осуждена страдать от нее, как от раковой опухоли, подтачивавшей ее финансы, ее внешнюю политику, ее армию. В конечном счете она погибла от этой войны»,— писал историк Четвертой республики Ж. Фовэ [64].

[64] *J. Fauvet.* La IVe République, p. 92.

Естественно, что Французская коммунистическая партия решительно осудила гибельный курс, избранный остальными партиями, входившими в правительство Рамадье. 18 марта Жак Дюкло от имени ФКП заявил об этом с трибуны Национального собрания. Депутаты-коммунисты отказались голосовать за кредиты на войну в Индокитае.

Наконец, третьим моментом, который предопределил крушение тройственной коалиции МРП — СФИО — ФКП, стоявшей у власти на протяжении полутора лет, явились экономические проблемы и резкое обострение социальных противоречий. Во имя обеспечения независимости страны, ее величия и благосостояния рабочий класс принес серьезные жертвы в «битве за производство». Однако монополиям при попустительстве министров — лидеров МРП и СФИО удавалось непрерывно взвинчивать цены, тогда как заработная плата оставалась замороженной. Положение трудящихся непрерывно ухудшалось; только в течение второй половины 1946 г. цены выросли на 50%, норма выдачи хлеба сократилась до 250 г в день. «Опыт Блюма» по частичному снижению цен не увенчался успехом. В феврале 1947 г. Всеобщая конфедерация труда выдвинула требование о повышении зарплаты низкооплачиваемым рабочим. В апреле началась забастовка на национализированных заводах «Рено».

Между тем правящий класс приступил к очередной перегруппировке своих политических сил. 30 марта 1947 г. на митинге в Брюневале выступил генерал де Голль. Он подверг резкой критике конституцию Четвертой республики, заявив: «Придет день, когда огромная масса французов покончит с бесплодной игрой, отбросит установления, в которых блуждает нация и теряет авторитет государство, чтобы вновь обрести Францию»[65]. В следующей речи, произнесенной 6 апреля в Страсбурге, де Голль призвал создать «Объединение французского народа» (РПФ) с целью ликвидации «режима партий» и коренной реформы государственного строя.

Появление на сцене РПФ в роли главного конкурента МРП справа должно было, по замыслам представителей финансовой олигархии, оказать решительный нажим на лидеров народных республиканцев и социалистов, побудив их к окончательному разрыву правительственного блока с ФКП.

[65] *Ch. de Gaulle* Discours et messages. t. II, p 41—46.

8

ПОЛИТИКА АТЛАНТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ

УДАЛЕНИЕ КОММУНИСТОВ ИЗ ПРАВИТЕЛЬСТВА. «ТРЕТЬЯ СИЛА»

В качестве предлога для удаления ФКП из состава правительственной коалиции было использовано голосование ее представителей против доверия правительству в связи с его отказом удовлетворить требования рабочих о повышении зарплаты. 5 мая 1947 г. в «Журналь оффисьель» за подписью президента республики Ориоля и председателя совета министров Рамадье был опубликован декрет, гласивший, что функции министров-коммунистов «следует считать недействительными в связи с их голосованием в Национальном собрании 4 мая 1947 г.»[1]. Ответственность за нарушение министерской солидарности возлагалась, таким образом, на ФКП.

Удаление коммунистов из правительства положило начало новому этапу в истории страны. ФКП была лишена возможности непосредственно участвовать в решении определенных политических вопросов, но она оставалась крупнейшей силой, с которой вынуждены были считаться правящие круги. До выборов 1951 г. компартия имела в Национальном собрании самую многочисленную группу, и коммунистические депутаты использовали парламентскую трибуну для активного вмешательства в деятельность правительства, предлагая законопроекты и иные мероприятия в ин-

[1] Цит. по: «L'année politique», 1947, p. 326.

тересах трудящихся, внося поправки в другие. После мая 1947 г. из рядов партии ушли попутчики, случайные элементы, люди, испугавшиеся трудностей. Но в ФКП осталось полмиллиона коммунистов, преданных до конца делу социального прогресса, мира и демократии. Ее руководители прошли большую школу политической борьбы и суровых классовых битв. Пролетариат крупнейших промышленных районов Франции — Парижского, Северного, Восточного, района Марселя и др.— отдавал свои голоса ФКП.

Коммунисты занимали руководящие посты во Всеобщей конфедерации труда, наиболее крупной профсоюзной организации рабочего класса Франции. В профсоюзы ВКТ входили рабочие ведущих отраслей промышленности — металлисты, химики, горняки, железнодорожники, персонал электрической и газовой промышленности. Характерной особенностью Французской коммунистической партии было то, что она пользовалась значительным влиянием среди крестьянства. По переписи 1954 г., 27% самодеятельного населения страны было занято в сельском хозяйстве, причем 57% крестьянских хозяйств владели менее 10 га земли, а 38% — от 10 до 50 га. Французское крестьянство, имевшее давние революционные традиции, привыкло видеть в левых партиях естественных защитников своей собственности и прав Коммунисты решительно поддерживали мелких и средних крестьян, испытывавших серьезные экономические трудности в связи с проникновением капитализма в деревню. Лозунг ФКП «Земля тем, кто ее обрабатывает» пользовался большой популярностью. Наиболее «красными» департаментами, где коммунисты получали наибольшее количество голосов, являлись районы с преобладанием мелких крестьянских хозяйств. Так, на парламентских выборах 1951 г. в департаменте Крёз (85,8% сельского населения) коммунисты получили 39,9% голосов, в департаменте Коррез — 40,4% [2].

Французская компартия завоевала прочные позиции в различных слоях французской интеллигенции Многие ее представители состояли в рядах компартии и принимали самое активное участие в ее деятельности. Влияние ФКП как признанного руководителя лагеря демократии во Франции было столь велико, что антикоммунизм не получил сколько-нибудь значительного распространения среди французской интеллигенции. Ее лучшая часть восприняла идеи марксизма-ленинизма, для распространения которых коммунистическая партия сделала очень много; другие, чье мировоззрение было далеким от марксизма, зачастую сотрудничали с комму-

[2] См. *W. Rochet.* Ceux de la terre Paris, 1963; «Partis politiques et classes sociales en France». Paris, 1955; «Les paysans et la politique dans la France contemporaine». Paris, 1958.

нистами в борьбе за мир и демократию; иные пытались найти «третий путь», избегая, однако, открытых нападок на компартию, ибо это неизбежно вело к союзу с реакцией [3].

В интервью английской газете «Таймс» в конце 1946 г. М. Торез подчеркнул, что для Франции на современном этапе возможны новые пути к социализму. «Во всяком случае,— заявил он,— путь каждой страны непременно имеет свои отличия. Мы всегда считали и заявляли, что народ Франции, богатый славными традициями, сам найдет свой путь к большей демократии, прогрессу и социальной справедливости» [4]. Выдвигая это важное теоретическое положение, М. Торез исходил из учета конкретных исторических фактов. Разгром фашизма — главной опоры международной реакции, изменение соотношения сил на мировой арене в пользу демократии и социализма, образование во Франции единого демократического лагеря во главе с марксистской партией рабочего класса, проведенные уже преобразования государственного строя и социальной жизни — все это создавало реальные предпосылки для продвижения страны к социализму.

Ничто не могло навести на французскую буржуазию большего ужаса, чем подобная перспектива, пусть даже отдаленная. Буржуазные партии, а вслед за ними и правые социалисты прилагали все усилия, чтобы очернить компартию в глазах народных масс, представить ее как «инородное» тело в нации. Авторы книги о французских политических партиях Четвертой республики Ж. Мальтер и П. Бенуа справедливо отмечали, что все политические партии были согласны между собой по вопросу о борьбе с ФКП [5].

Антикоммунистическими соображениями было продиктовано создание МРП. Но если она стала частью нового режима, а ее лидеры демагогически заявляли, что стремятся к социальным преобразованиям, то появившаяся на свет в апреле 1947 г. по инициативе де Голля партия «Объединение французского народа» (РПФ) объявила себя непримиримой противницей Четвертой республики, ее конституции, парламента, политических партий. Все авторы книг о Четвертой республике сходятся на том, что РПФ была создана для борьбы против «коммунистической опасности» [6]. Но в обстановке демократического подъема и растущего рабочего движения приход к власти де Голля, известного своими автори-

[3] См. *М. Раля.* Два облика Франции. М., 1962.

[4] *М. Торез.* Избранные статьи и речи. 1930—1964 гг. М., 1966, стр. 264.

[5] *J. Malterre, P. Benois.* Les partis politiques français. Paris, 1957, p. 13

[6] Ibid., p. 130; *J. Chapsal.* La vie politique et les partis en France depuis 1940, vol. 1. Paris, 1963, p. 171; *R. Barillon.* Le ressemblement du peuple français.— «Partis politiques et classes sociales en France», p. 277—278.

тарными идеями, был невозможен. В этот период крупный капитал оказывал РПФ лишь временную и ограниченную поддержку, предпочитая правление «умеренных» партий [7].

Для укрепления своих пошатнувшихся позиций французская буржуазия одновременно искала помощи извне, у более сильного американского империализма. Правящие круги Соединенных Штатов, так же как и их европейские партнеры, проявляли серьезное беспокойство в связи с укреплением социалистической системы и ростом рабочего и коммунистического движения в странах капитализма. В обмен на предоставляемую им помощь против «коммунистической опасности» американский империализм потребовал от своих западноевропейских союзников полной координации действий как в области экономики, так и в области политики, и в первую очередь удаления коммунистов из правительства.

Важнейшей проблемой французской реакции становится раскол демократического лагеря, в первую очередь, отрыв от него социалистической партии.

Лидеры Французской социалистической партии не без колебания шли на разрыв с коммунистами, понимая всю непопулярность этого шага среди рядовых социалистов, которые плечом к плечу с коммунистами боролись против реакции в период Народного фронта и против гитлеровских оккупантов в движении Сопротивления. Однако глубоко укоренившийся реформизм и давние антикоммунистические тенденции толкали лидеров СФИО к тесному сотрудничеству с буржуазией. Именно социалистам Рамадье и Ориолю выпала нелестная честь подписать декрет об исключении коммунистов из правительства. Ж. Эльжей утверждает, что накануне этого события посол США в Париже позвонил Рамадье и «дал понять председателю совета министров, что франко-американские отношения намного улучшатся, если коммунистов не будет в правительстве» [8].

На созванном на другой день после этого события Национальном совете СФИО выявились серьезные разногласия. Значительная группировка, возглавляемая генеральным секретарем партии Ги Молле, заявив, что социалисты не могут управлять страной без коммунистов, потребовала коллективной отставки министров-социалистов. Лишь незначительным большинством (2529 мандатов против 2125) [9], которого удалось добиться не в малой степени стараниями Блюма, было решено оставить представителей партии в правительстве.

[7] *R. Barillon.* Le ressemblement du peuple français, p. 278.

[8] *C. Elgey.* La république des illusions 1945—1951 ou la vie secrète de la IVe République. Paris, 1965, p. 278.

[9] «L'année politique», 1947, p. 94.

Таким образом, буржуазии удалось нанести первый удар Четвертой республике. Новый режим, едва появившись на свет, начал свое движение вспять, ибо, даже по словам буржуазного либерального историка Фовэ, «исключение коммунистов отняло у него народную поддержку» [10]. С тех пор лидеры буржуазных и мелкобуржуазных партий прилагали все усилия, чтобы повернуть новый политический режим на путь обычной буржуазной демократии.

В последующем все более очевидно проявлялось противоречие между демократическими институтами Четвертой республики и политикой правящих кругов, пытавшихся любыми средствами избавиться от необходимости учитывать влияние коммунистов. Но ФКП, будучи сильной, хорошо организованной, тесно связанной с массами партией, продолжала оставаться важным фактором политической жизни, что было гарантией успешной защиты демократических и социальных завоеваний трудящихся.

Во второй половине 40-х годов монополистический капитал еще не мог навязать стране наиболее удобный для него политический порядок; выходом было правление мелкобуржуазных партий, что позволяло, при временном сохранении демократических институтов, проводить необходимую для буржуазии политику [11]. Мелкая буржуазия была тогда еще очень многочисленна. Благодаря упорной борьбе рабочего класса она еще в период Народного фронта, а затем в первые послевоенные годы добилась у крупной буржуазии и государства ряда экономических уступок. Наряду с социальным законодательством, которое улучшило материальное положение всех неэксплуататорских классов, были проведены важные мероприятия в области цен, сбыта продукции, налогов, предоставления кредитов, выгодные крестьянству и мелкой городской буржуазии. Эти меры в известной степени помогли мелким собственникам сохранить свое положение рядом с крупным капиталом. В 1952 г. вышла книга видного деятеля СФИО Жюля Мока «Сопоставления», целью которой было доказать мелкому буржуа, что его позиции незыблемы. Мок писал, что в связи с повсеместным распространением электрического мотора создается «возможность возрождения мелких предприятий, которые в отдельных отраслях благодаря незначительным общим издержкам в состоянии конкурировать с крупными предприятиями» [12].

После удаления коммунистов правительство было реорганизовано; в него вошли 12 социалистов, 6 членов МРП, 5 представителей «Объединения левых республиканцев» (радикал-социалисты) и 2 независимых. Правление коалиции «третьей силы» —

[10] *J. Fauvet.* La IVe République. Paris, 1959, p 123.
[11] См. *Н. Н. Молчанов.* Четвертая республика. М., 1963, стр. 145.
[12] *J. Moch.* Confrontations. Paris, 1952, p. 62—63.

социалистов, католической МРП и радикал-социалистов — продолжалось до 1951 г. Создатели концепции «третьей силы», заявляя о необходимости борьбы на два фронта — против коммунизма и против голлизма, в действительности выбрали своим единственным знаменем антикоммунизм, что и привело в конце концов к гибели Четвертой республики.

Лидеры коалиционных партий избрали основным принципом проводимой ими политики — иммобилизм (immobile — неподвижный). Это была тактика лавирования между разными противоречивыми интересами, тактика выжидания. На деле она означала отказ от осуществления важнейших задач, которые неумолимо ставил перед страной и народом весь ход исторического развития. Требовали срочного решения экономическая и связанная с ней социальная проблемы. Процесс восстановления французской экономики, хотя и значительно пострадавшей во время войны, уже завершился в 1948 г., когда объем промышленного производства превзошел довоенный уровень. Однако положение французской промышленности, которая накануне войны находилась в состоянии полного застоя, оставалось тяжелым. Оборудование безнадежно устарело, чувствовалась острая нехватка энергетических и сырьевых ресурсов. Развитие промышленности требовало прежде всего обновления и расширения основного капитала. Созданный при правительстве «комиссариат по плану реконструкции и модернизации» еще в начале 1946 г. представил программу послевоенного восстановления, известную под названием «плана Монне»; она была утверждена в январе .947 г.

В той мере, в какой «план Монне» был направлен на обеспечение экономической независимости страны путем модернизации и развития различных отраслей народного хозяйства, компартия и Всеобщая конфедерация труда поддерживали его. Но если согласно этому плану основным источником финансирования должны были служить иностранные займы, коммунисты выдвигали на первый план мероприятия, записанные в программе Национального совета Сопротивления (подлинная национализация важнейших отраслей промышленности, которая означала бы удар по могуществу трестов, реформа налоговой системы с целью заставить платить богатых, конфискация имущества всех вишистов и коллаборационистов) [13].

Таким образом, речь шла о различных путях развития экономики. Компартия предлагала мобилизовать внутренние ресурсы, ограничить господство монополий и правительственной бюрократии, предоставив рабочему классу и трудящимся самые широкие

[13] См доклад М Тореза на X (1945 г) съезде ФКП.— *M. Thorez.* Oeuvres, t. XXI. Paris, 1953.

возможности для демократического управления экономикой. Правительственная коалиция отвергла эту программу, имея в виду прибегнуть к американским займам и безудержной инфляции, решить проблему посредством усиления эксплуатации трудящихся.

Инфляция и угроза голода с особенной силой проявились после удаления министров-коммунистов, когда правительство отказалось от проведения каких-либо решительных мер против саботажа трестов и махинаций спекулянтов К лету 1947 г. резко ухудшилось продовольственное положение, дневная норма выдачи хлеба упала до 200 г., процветал черный рынок, против которого правительство не принимало никаких мер. Президент Ориоль в середине мая 1947 г. обратился к крестьянам с призывом: «Поставляйте, поставляйте скорее вашу пшеницу, всю вашу пшеницу» [14]. Призывы действовали плохо, хлеба не было, в городах начались голодные бунты. В Невере 6 тыс. манифестантов захватили префектуру, в Лионе толпа рабочих ворвалась в префектуру с криками «Хлеба! Хлеба!», в Реймсе несколько тысяч рабочих вышли на улицу, протестуя против скверного качества хлеба [15].

Со второй половины 1947 г. и вплоть до конца 1948 г. Франция являлась ареной ожесточенных классовых битв. В ответ на попытки подавить массовые выступления, сломить рабочие и демократические организации, отнять у трудящихся их политические и социальные завоевания пролетариат, возглавляемый компартией, начал решительную борьбу с целью ограничить политическую и экономическую власть монополистического капитала и добиться улучшения своего положения. Фовэ называет этот период «грозным годом». Социальное движение достигло такого размаха, что оно отодвинуло на задний план все другие проблемы. «Оно замедлялось летом, достигая своей высшей точки весной и осенью. Порядок неоднократно нарушался... Повсюду коммунисты были в авангарде движения» [16].

В мае — июне 1947 г. забастовали металлисты, железнодорожники, шахтеры, персонал городского транспорта, банковские служащие; в связи с быстрым ростом цен они требовали повышения зарплаты. Выступая в Национальном собрании, Рамадье говорил о «скрытом дирижере» забастовок, намекая на ФКП, на что коммунисты отвечали, что таким дирижером являются нужда и социальная несправедливость. Обращаясь к рабочим, Рамадье то угрожал ограничить их право на забастовку, то требовал повышения производительности труда, что будто бы являлось единственным условием для прекращения инфляции и роста цен. Коммунисты

[14] «L'année politique», 1947, p. 104.

[15] Ibid., p. 96, 176.

[16] *J. Fauvet*. La IVe République, p. 135.

справедливо указывали, что они также готовы бороться за равновесие бюджета, но они против того, чтобы вся тяжесть реконструкции народного хозяйства пала на плечи трудящихся.

В ноябре 1947 г. забастовки приняли массовый характер. Оставили работу горняки, металлурги, рабочие и служащие коммунальных учреждений, пищевой, химической, кожевенной и ряда других отраслей промышленности. Забастовщики добивались увеличения заработной платы, но вместе с тем стачки 1947 г. имели и политический характер: рабочий класс выступал против правительства, против «американской партии», отказавшихся от проведения дальнейших социальных преобразований. Число стачечников составило 2,5 млн. человек. Во многих городах Франции происходили настоящие сражения между бастующими, с одной стороны, и правительственными войсками и жандармерией — с другой. Марсель в течение нескольких дней даже находился в руках рабочих. Столкновение с марсельской полицией закончилось смертью 20-летнего рабочего Вуляна и тяжелым ранением еще 20 рабочих. Среди крестьянства и интеллигенции началось движение солидарности с забастовщиками. К концу ноября всеобщая забастовка, в которой участвовали оба крупнейших профсоюзных центра — ВКТ и ФКХТ (Французская конфедерация христианских трудящихся), почти полностью парализовала страну. Руководящая роль принадлежала коммунистам. 28 ноября профсоюзные организации создали центральный забастовочный комитет.

Совет министров заседал почти непрерывно, пытаясь найти выход из создавшегося положения. Были приняты решения о выплате надбавок на дороговизну, увеличении пособий многосемейным и некоторые другие. Но эти мероприятия не могли удовлетворить бастующих, требовавших общего повышения зарплаты. Однако правительство не собиралось идти на дальнейшие уступки: оно ввело осадное положение, объявило о призыве в армию 200 тыс. солдат запаса и об усилении отрядов республиканской безопасности (жандармерии) для борьбы против забастовщиков. В Национальном собрании был поставлен на обсуждение закон о запрещении забастовок. Исход борьбы во многом зависел от того, насколько сплоченно будет действовать рабочий класс, отстаивая свои интересы и защищая демократию против реакции.

После того как лидеры СФИО отказались от единства действий с компартией, они взяли курс и на раскол профсоюзного движения. В декабре 1947 г., в самый разгар забастовки, часть входивших в ВКТ профсоюзов, возглавляемых реформистами и объединенных в группу «Форс увриер», вышла из Всеобщей конфедерации труда. Ее руководители потребовали прекращения забастовки, отказавшись от основного требования — повышения заработной платы; при этом они ссылались на экономические труд-

Стачечники в парижском пригороде. 1947 г.

ности и настаивали на принятии «плана Маршалла». Л. Блюм призывал социалистов «изо всех сил поддержать движение «Форс увриер»... Это жизненно важная задача» [17].

Вслед за «Форс увриер» прекращения забастовок потребовало руководство второго по значению профцентра — ФКХТ, находившегося под влиянием МРП. Чтобы предотвратить дезорганизацию забастовочного движения, ВКТ призвала рабочих согласиться на частичное удовлетворение их требований и 10 декабря 1947 г. приступить к работе.

Комментируя раскол ВКТ и восхищаясь «твердостью» французского правительства в борьбе против забастовочного движения, американский банкир и реакционный политический деятель Джон Фостер Даллес, прибывший в Париж 4 декабря, заявил: «То, что происходит сейчас во Франции, гораздо важнее того, что происходит в Лондоне» [18] (где в то время шла сессия Совета

[17] «Le Populaire de Paris», 19.XII 1947.

[18] *G. Elgey.* La république les illusions..., p. 357—358.

министров иностранных дел четырех держав по германскому вопросу).

Окончательно конфедерация «Форс увриер» конституировалась в апреле 1948 г. Раскол ВКТ нанес серьезный удар французскому рабочему движению. Он дезорганизовал трудящихся, ухудшил условия их борьбы за жизненные интересы и ослабил демократический лагерь в целом.

«ПЛАН МАРШАЛЛА». НОВЫЙ ПОДЪЕМ ЗАБАСТОВОЧНОГО ДВИЖЕНИЯ

28 июня 1948 г. в Париже было подписано соглашение об экономическом сотрудничестве между Францией и Соединенными Штатами [19], ознаменовавшее собой начало действия во Франции «плана Маршалла». После удаления коммунистов из правительства американский империализм считал возможным оказывать систематическую поддержку правящим кругам Франции, учитывая, что без такой поддержки они не смогли бы удержаться у власти в обстановке острой классовой борьбы.

Согласно «плану Маршалла», Франция в течение ряда лет получала от США крупные субсидии. С апреля 1948 г. по октябрь 1951 г. они составили 2458 млн. долл. [20] Французская экономика оказалась в полной зависимости от американских кредиторов, которые получили возможность оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику Франции. Правительство предоставило США право определять, какие отрасли промышленности или сельского хозяйства Франции они считают «экономически рациональными». Американские монополии имели свободный доступ к сырьевым источникам Франции и ее колоний. Она обязана была предоставлять США различные виды стратегического сырья. VIII статья соглашения, например, обязывала французское правительство давать США «информацию о своей экономике и любую другую информацию». США получили право контролировать французский экспорт и импорт.

«План Маршалла», ограничив национальный суверенитет Франции, не разрешил экономических проблем, стоявших перед страной. Миллиарды долларов, полученные из США, безусловно значительно обогатили французские монополии. Основными потребителями американских кредитов оказались металлургические и химические тресты, частные автомобильные компании, тесно связан-

[19] Текст соглашения см.: «L'année politique». 1948. p. 403—404.
[20] «L'année politique», 1951, p. 335.

ные с американскими монополиями. Но лишь незначительная часть этих субсидий пошла на переоборудование и модернизацию общественного сектора.

Вмешательство во французскую экономику и политику американский монополистический капитал, естественно, использовал в своих интересах. Отрасли промышленности (если они не были филиалами американских трестов), которые могли конкурировать с соответствующими американскими предприятиями, кредитов не получали. Наоборот, их развитие всячески тормозилось, в результате чего французская экономика развивалась однобоко. Особенно пострадали национализированные предприятия, часть из которых была ликвидирована. К ним американские бизнесмены питали особое недоверие, усилившееся в связи с тем, что влияние коммунистов здесь было очень велико. Под давлением США в 1948 г. появился новый вариант «плана Монне», приспособленный к интересам американских монополистов. Превращение Франции в рынок сбыта американских товаров в значительной мере дезорганизовало ее внешнюю торговлю, умножило ее экономические и финансовые трудности. Самостоятельное развитие французской экономики, основанное на максимальном использовании внутренних ресурсов, было прервано.

Именно поэтому Французская коммунистическая партия резко выступила против «плана Маршалла». Коммунисты не были противниками получения иностранной помощи, но они были за такую помощь, которая не влекла бы за собой никаких экономических и политических уступок, не ущемляла бы национальных интересов. Подчеркнув в своем докладе на XI съезде ФКП, что американский экспансионизм может низвести Францию до уровня Португалии, М. Торез говорил: «Да будет нам позволено не соглашаться на то, чтобы наша страна была низведена до роли пешки, которую Англия и США по очереди, а иногда одновременно переставляли бы на мировой шахматной доске» [21].

Правящие круги, используя все средства пропаганды, стремились убедить французов, и прежде всего рабочих, требовавших, чтобы капиталисты раскошелились, в том, что заплатит богатый американский дядюшка, который-де спасет Францию от «угрозы голода и коммунизма». Значительную долю аргументов для официальной пропаганды предоставили руководители СФИО, разработавшие в эти годы ряд доктрин, имевших целью оправдать проводимую ими политику раскола рабочего движения и сотрудничества с буржуазными партиями. В противовес научному социализму идеологи СФИО выдвинули теорию «демократического

[21] *M. Thorez*. Au service du peuple de France. Paris, 1947, p. 59.

социализма» как отличного от марксизма учения. Л. Блюм разработал политическую доктрину «третьей силы», которая будто бы спасла Францию «от захвата власти легальным или нелегальным путем как коммунизмом, так и голлизмом»[22].

Руководители СФИО оказали буржуазии неоценимую услугу, употребив все свое влияние на рабочих, чтобы доказать «бескорыстие» и «великодушие» американской помощи. Всячески разжигая антикоммунизм, они утверждали в то же время, будто Соединенные Штаты являются государством переходного типа к социализму и их политика носит исключительно миролюбивый, демократический характер. Блюм писал в центральном органе СФИО газете «Попюлер»: «Успех битвы на два фронта не был бы возможен без той помощи, которую в форме плана Маршалла оказала европейским демократиям американская демократия»[23]. Чтобы оправдать вмешательство США во внутренние дела Франции, лидеры СФИО выдвинули идею о необходимости ограничения национального суверенитета, которая затем стала основой планов европейской интеграции. «В будущем, которое не за горами, Франция должна будет в интересах международных организаций поступиться частью своего суверенитета»,— писала «Попюлер»[24].

Результатом принятия «плана Маршалла» было усиление реакционных тенденций во французской политической жизни, упрочение позиций коалиции «третьей силы». Отставка правительства Рамадье и приход к власти в конце ноября 1947 г. кабинета во главе с лидером МРП Робером Шуманом означали дальнейший шаг вправо. Социалисты надолго потеряли пост председателя совета министров. Отказавшись от поддержки своего естественного союзника — коммунистической партии, социалисты попали в плен к буржуазным партиям. Иногда они, робко и непоследовательно, пытались отстаивать интересы идущих за ними избирателей, но чаще всего проводили политику, продиктованную буржуазией.

В январе 1948 г. министр финансов правый радикал Р. Мейер, тесно связанный с банком Ротшильда, выступил с проектом ряда мероприятий, основанных на принципах «либерализма» (свободы предпринимательства) в противоположность якобы господствовавшему до того времени принципу «дирижизма» (вмешательства государства в экономику). При помощи дискуссий на тему о «ли-

[22] «Le Populaire de Paris», 14.VI 1949; см. также *G. Mollet.* L'action socialiste au cours de la législature 1946—1951. Discours prononcé au 43 Congrès National du Parti socialiste (SFIO). Paris, 12, 13, 14, 15 mai 1951. Paris, 1951, p. 6.

[23] «Le Populaire de Paris», 14.VI 1949.

[24] «Le Populaire de Paris», 27.VII 1947.

берализме» и «дирижизме» буржуазные деятели пытались скрыть истинные причины неравномерного развития французской экономики. На бесполезность этих дискуссий указывал даже правый экономист Шардонне, который заявил, что подобной дилеммы уже не существует, ибо сторонники либерализма, «возражая против государственного контроля над частной деятельностью, над правом собственников распоряжаться их предприятиями, в то же время становятся на путь поддержки государственного вмешательства, когда требуют государственных субсидий, повышения ввозных пошлин или настаивают на том, чтобы государство следило за соблюдением порядка в профсоюзных организациях» [25].

Мероприятия Р. Мейера на деле имели целью создать условия для приложения крупных капиталов за счет рабочего класса и мелкой буржуазии. Р. Мейер предлагал, в частности, разрешить свободную торговлю золотом и долларами, что отвечало интересам спекулянтов, ликвидировать субсидии национализированным отраслям, осуществить девальвацию франка, ввести новые налоги, ради «экономии» уволить большое число государственных служащих и изменить порядок их аттестации [26]. Это должно было еще более снизить жизненный уровень не только рабочих, но и крестьянства, мелких торговцев и ремесленников.

С середины года начала поступать «помощь» по «плану Маршалла». Однако в стране росли цены, усиливалась инфляция, что вызвало новую волну забастовочного движения.

В июне 1948 г. в Клермон-Ферране против бастующих была брошена полиция, многие рабочие ранены; на улицах города появились баррикады [27]. В июле прошли крупные стачки государственных служащих, парализовавшие работу почти всех министерств и учреждений. Служащие требовали повышения зарплаты и отказа от предложенных Мейером мероприятий. Под давлением забастовок правительство не стало проводить в жизнь проекты министра финансов.

В обстановке нового подъема массового движения правительство Р. Шумана 19 июля 1948 г. ушло в отставку, избежав тем самым необходимости вести переговоры с вышедшими из повиновения государственными служащими. Недовольство среди средних слоев не могло не вызвать серьезного беспокойства у правящих кругов, тем более что де Голль, пытавшийся найти поддержку именно у этих слоев, во время своих агитационных поездок по стране подвергал политику «третьей силы» резкой критике.

[25] *Ж. Шардонне.* Экономика Франции, т. II. М., 1961, стр. 343—344.
[26] *C. Elgey.* La république des illusions..., p. 434—435.
[27] «L'année politique», 1948, p. 97.

Одной из причин отставки Р. Шумана были обнаружившиеся разногласия с социалистами по школьному вопросу. Хотя его значение и было второстепенным по сравнению с социальными проблемами, волновавшими тогда всю страну, однако в истории Четвертой республики, как, впрочем, и ранее, он занимал достаточно важное место.

Конституция предусматривала отделение церкви от государства, и поэтому средства бюджета отпускались лишь на нужды государственных школ «Свободные», т. е. церковные, школы не должны были получать государственных субсидий.

Принцип светскости обучения издавна был одним из программных требований СФИО, привлекавшей этим на свою сторону многих французов, настроенных антиклерикально. Руководство ФКП многократно предлагало лидерам социалистической партии единство действий в борьбе за светскую школу, и, несмотря на их противодействие, на местах такое единство в организациях по защите светской школы зачастую складывалось. МРП и правые буржуазные партии всегда стремились обойти в этом вопросе конституцию и добиться предоставления государственных субсидий частным школам. Одной из первых попыток в этом направлении был законопроект министра здравоохранения в правительстве Шумана г-жи Понсо-Шапюи. Социалисты провалили проект — в коалиции «третьей силы» появилась первая трещина.

Следует иметь в виду, что в спорах между МРП и СФИО по школьному вопросу было много показных моментов, рассчитанных на завоевание избирателей. Защищая религиозные школы, лидеры МРП стремились сохранить престиж среди своей католической клиентуры, тогда как социалисты выставляли себя верными хранителями республиканских традиций, последователями Жореса и т. д. Но по основным проблемам внутренней и внешней политики СФИО и МРП шли в одной упряжке. Ведь существованию МРП угрожала справа партия де Голля — РПФ, уже начавшая отнимать у нее сторонников, и поэтому союз с социалистами был для МРП жизненной необходимостью. Социалисты же без поддержки МРП вынуждены были бы искать союзников среди более правостоящих партий (это и случилось впоследствии), что подорвало бы их влияние в массах. Блок с радикал-социалистами не давал большинства в Национальном собрании ни той, ни другой партии в отдельности.

Вскоре школьный вопрос был временно снят с повестки дня перед лицом нового обострения классовых противоречий. После отставки Р. Шумана начался длительный правительственный кризис, который завершился лишь 11 сентября, когда было сформировано правительство радикал-социалиста Анри Кея. Противоречия между СФИО и МРП способствовали тому, что на политической

арене вновь появилась радикал-социалистическая партия, начавшая играть важную роль в коалиции «третьей силы».

Пестрый социальный состав партии радикалов, свойственные ей туманные политические доктрины, которые позволяли ее депутатам блокироваться то с правыми, то с левыми, превращали ее в своего рода центр этой коалиции. В Четвертой республике радикалы держали в своих руках важнейшие посты: председателем Национального собрания был Эдуард Эррио, председателем Совета республики — Гастон Моннервиль, председателем Ассамблеи Французского союза — Альбер Сарро. Сторонников партии привлекали сохранившиеся в ее программе принципы традиционного радикализма: светский характер образования, антиклерикализм, идеи защиты отечества и мира.

Вместе с тем программа радикалов, издавна считавшихся партией экономического либерализма, требовала сохранения частной собственности и свободы предпринимательства, денационализации предприятий, ставших собственностью государства, сокращения расходов на социальное страхование. Именно Анри Кей, который 22 раза занимал министерские посты, сделал основным принципом проводимой им политики иммобилизм. Однако, отказываясь от решения острых проблем, он, когда это требовалось, умел защищать интересы монополий. Правительство Кея поставило своей задачей расправу с рабочим и демократическим движением. Премьер-министр нашел в этом деле верных союзников в лице лидеров СФИО: социалист Ж. Мок был в его кабинете, так же как и в кабинете Р. Шумана, министром внутренних дел.

Уже в первые дни своего существования правительство Кея издало декреты о повышении и без того высоких цен на предметы первой необходимости и увеличении налогов, что вызвало рост недовольства трудящихся и протесты со стороны профсоюзов. Затем было предпринято наступление на трудящихся национализированных предприятий. 19 сентября 1948 г. правительство опубликовало серию декретов (их автором был министр-социалист Робер Лакост), которые нарушали устав горняков, принятый в период пребывания коммунистов в правительстве и предоставлявший шахтерам ряд социальных и политических прав. 10% персонала шахт подлежали увольнению, вводились новые дисциплинарные правила, забастовщики должны были немедленно увольняться. Правящие круги рассчитывали, нанеся поражение горнякам, шедшим в авангарде трудящихся масс, ослабить рабочий класс и его организации в целом.

Всеобщая забастовка горняков, в которой участвовало 300 тыс. человек, охватила все без исключения рудники и шахты департаментов Нор, Па-де-Кале, Мозель, Мёрт-и-Мозель, Сена, Луара, Тарн, Гар. Горняки требовали повышения зарплаты и ликвида-

ции декретов Лакоста. Правительство мобилизовало против горняков регулярные войска и жандармерию. Были даже вызваны оккупационные войска из Западной Германии. Горняцкие поселки находились на осадном положении. Баррикады, которыми рабочие окружили шахты, обстреливались из винтовок, автоматов и даже пушек. В ход были пущены танки. В крохотном горняцком поселке Рош-ля-Мольер 4 тыс. вооруженных до зубов жандармов в течение 5 часов вели борьбу с местными жителями, штурмуя улицу за улицей. Для захвата шахты Курье власти направили 7 тыс. жандармов. В окрестностях Сент-Этьенна были сконцентрированы 10 тыс. охранников и пехотные части; город оказался на осадном положении [28]. В Фирмини жандармы стреляли в забастовщиков из автоматов: 17 человек были ранены, 1 рабочий убит. В угольных районах все выглядело так, будто дело происходило на земле неприятеля. Территория угольных бассейнов, как пишет Эльжей, «завоевывалась метр за метром, шахта за шахтой, поселок за поселком. В ход были пущены значительные силы» [29].

В стране развернулось широкое движение солидарности с бастующими горняками, проходили забастовки протеста против репрессий. Рабочий класс других стран направлял средства в фонд помощи французским товарищам.

Забастовка закончилась 29 ноября. Рабочим не удалось добиться удовлетворения их требований. Важной причиной этого было отсутствие единства действий. В ряде мест реформистским лидерам удалось настроить рабочих-социалистов и членов «Форс увриер» против коммунистов и членов ВКТ. Руководители «Форс увриер» и ФКХТ за спиной бастовавших рабочих вели переговоры с правительством.

Правящие круги, стремясь любой ценой подавить забастовку горняков, которая грозила серьезно подорвать их политические позиции, видели в компартии главное препятствие на пути осуществления своих замыслов. Дебаты в Национальном собрании, развернувшиеся 16—24 ноября 1948 г., отражали острую классовую борьбу в стране. Дебаты начались в связи с интерпелляцией правого депутата Лежандра о мерах, предпринимаемых, «чтобы положить конец саботажу французской экономики, организованному компартией» [30]. Министр внутренних дел Ж. Мок утверждал, что забастовка горняков началась по прямому указанию Информационного бюро коммунистических партий, а министр на-

[28] «Cahiers du communisme», 1948, N 11, p. 1182

[29] G. *Elgey* La république des illusions..., p. 401—402.

[30] «Journal Officiel», 17.XI 1948, p. 6990.

циональной обороны социалист Рамадье обвинил коммунистов в подрыве военной мощи страны [31].

В своих выступлениях в Национальном собрании 19, 23 и 24 ноября Жак Дюкло отверг все нелепые обвинения, направленные против компартии. Он резко критиковал сущность экономической политики правительства. «Лишения для одних и сверхприбыли для других — такова ваша политика. Франция насчитывает теперь,— говорил Дюкло,— 42 общества-миллиардера, против трех в 1945 г.» [32]. Правительству удалось при поддержке социалистов протащить через Национальное собрание закон, который под угрозой штрафа и тюремного заключения запрещал участие в забастовках. Однако этот закон не проводился в жизнь. Это было невозможно в стране, где существовал боеспособный, организованный рабочий класс, возглавляемый сильной компартией.

ВСТУПЛЕНИЕ ФРАНЦИИ В АГРЕССИВНЫЕ БЛОКИ И БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ ПРОТИВ ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ

Отказ от самостоятельной роли на международной арене — такова была основная черта внешней политики коалиции «третьей силы» и ее министров иностранных дел, которыми являлись поочередно лидеры МРП Жорж Бидо и Робер Шуман. Руководители католической партии взяли на себя незавидную миссию превращения Франции в сателлита Соединенных Штатов. Лидеры СФИО, разработавшие теорию отмирания национального суверенитета, всегда активно поддерживали акции своих католических коллег по правительству.

Присоединение Франции к «плану Маршалла» определило основные элементы ее внешней политики: «холодная война», антикоммунизм, участие в военно-политических блоках под эгидой США и, как результат, капитуляция в германском вопросе. Подчинение Франции агрессивной политике американского империализма на данном этапе соответствовало интересам французской буржуазии, у которой колебалась почва под ногами вследствие непрекращавшихся взрывов ожесточенной классовой борьбы. Жертвуя частью национального суверенитета, она стремилась сохранить свое классовое господство.

Поворотным моментом во внешней политике Франции стала Московская сессия Совета министров иностранных дел в марте — апреле 1947 г., когда Франция полностью перешла на позиции США. Этот поворот совпал с удалением коммунистов из прави-

[31] «L'année politique», 1948, p. 207.

[32] «Journal Officiel», 20.XI 1948, p. 7126.

тельства и представлял, таким образом, одно из звеньев общей переориентации Франции на союз с международной реакцией. Другим звеном был курс на ухудшение отношений с Советским Союзом и странами народной демократии. В ноябре 1947 г. французские власти организовали вооруженный налет на лагерь советских репатриантов в Борегаре; затем было аннулировано франко-советское соглашение о репатриации, произведены незаконные аресты советских граждан. Французский книжный рынок начал наводняться антисоветской литературой, на экранах демонстрировались фильмы, порочившие Советский Союз.

Французское правительство сорвало переговоры о заключении договора о взаимопомощи с Польшей. Провал попытки контрреволюционного переворота в Чехословакии и укрепление режима народной демократии в этой стране привели французские правящие круги в ужас. Реакционной буржуазии стало казаться, что грозный призрак коммунизма бродит уже у границ Франции.

Как и предвидели коммунисты, «план Маршалла» был далеко не филантропическим мероприятием американских монополистов. Еще до того как первое судно с американским продовольствием прибыло в Марсель, США при поддержке своих западноевропейских партнеров приступили к оформлению военно-политических блоков под своей эгидой. Франция была одним из организаторов так называемого Западного союза Англии, Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурга, договор о котором был подписан в Брюсселе 17 марта 1948 г. Хотя в тексте договора имелась ссылка, что он предусматривает оборону от германской агрессии, он был направлен против Советского Союза и стран народной демократии. Брюссельский договор предусматривал оказание автоматической взаимопомощи в случае агрессии «в Европе», но под «агрессором» понималась не Германия, а Советский Союз. Это фактически разрушало действовавшую во время войны антигитлеровскую коалицию.

В рамках Западного союза развернулась интенсивная военная подготовка. Положив в основу своей внешней политики миф о неизбежности «советской агрессии», французские правящие круги приняли активное участие в новой гонке вооружений.

Представители США присутствовали на всех заседаниях организации Брюссельского договора. Однако узкие рамки этого союза не устраивали агрессивные круги Соединенных Штатов, разрабатывавших планы войны против стран социалистического лагеря и сил демократии во всем мире. Империалисты США в союзе со своими европейскими единомышленниками подготовили проект нового, более широкого военного блока — агрессивного Североатлантического договора, который 4 апреля 1949 г. был от имени Франции подписан в Вашингтоне Робером Шуманом.

Дополняя «план Маршалла», Атлантический договор объединял под руководством США военные ресурсы подписавших его стран. Он связал их узами военного союза. Согласно статье 4-й договора, Франция могла оказаться в таком положении, когда другие его участники имели бы возможность предпринять вооруженное вмешательство в ее внутренние дела, например в случае революционных событий; она могла быть автоматически втянута в войну, так как статья 5-я договора давала его участникам право индивидуально решать вопрос о применении вооруженной силы.

Хотя при подписании Атлантического пакта Р. Шуман и заявил, что Франция останется неизменно верна франко-советскому договору [33], однако этот акт французского правительства явно противоречил франко-советскому договору 1944 г., согласно которому оба государства обязались «не заключать какого-либо союза и не принимать участия в какой-либо коалиции, направленной против одной из Высоких Договаривающихся Сторон» [34].

Ратификация Атлантического пакта Национальным собранием Франции превратилась в битву между коммунистами и остальной частью собрания. Роль главных защитников Атлантического пакта взяли на себя лидеры коалиции «третьей силы», приложившие немало стараний, чтобы доказать «оборонительный» характер пакта. Министр иностранных дел и лидер МРП Робер Шуман патетически воскликнул: «Можем ли мы остаться бездеятельными перед этой холодной войной, которая руководится из одного центра и поддерживается значительно более мощными военными силами, чем наши, и группировками, созданными в наших странах? Это было бы изменой нашему долгу» [35]. Блюм не скрывал, что правящие круги Франции заинтересованы в Атлантическом пакте не менее своих американских союзников. Он писал в те дни: «Совершенно неправильны заявления, будто бы пакт навязан Европе Соединенными Штатами. Не американское правительство, а западные демократии взяли на себя инициативу, а в некоторые моменты и настаивали на этом» [36].

Единственными, кто выступил против ратификации и подверг пакт резкому осуждению, были депутаты-коммунисты. Член Политбюро ЦК ФКП Франсуа Бийу заявил в своей речи: «Этот пакт напоминает известный Священный союз против народов Европы, заключенный в начале XIX столетия. Атлантический договор является антисоветским пактом, переизданием антикомин-

[33] «L'année politique», 1949, p. 68.

[34] «Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы». М., 1959, стр 385.

[35] «L'année politique», 1949, p. 138.

[36] «Le Populaire de Paris», 27.VII 1949.

терновского»[37]. Коммунисты подчеркивали, что военные расходы, вооружение, поставляемое США, должны будут оплачиваться французским народом.

26 июля 1949 г. 395 голосами против 189 Атлантический договор был утвержден Национальным собранием[38]. Франция вступила в орбиту «атлантической солидарности» и надолго отказалась от проведения самостоятельной политики, независимой от внешнеполитического курса США. 27 января 1950 г. состоялось подписание франко-американского соглашения, предусматривавшего размеры и формы американской военной помощи на 1950/51 финансовый год, Франция обязалась использовать американское вооружение и кредиты только на строго установленные цели. Военный бюджет Франции неимоверно разбух. На большей части территории страны расположились военные склады, базы и аэродромы США В Фонтенбло, близ Парижа, обосновался генеральный штаб НАТО.

Немедленно после создания НАТО США поставили перед своими союзниками вопрос о ремилитаризации Западной Германии. Правящие круги США прекрасно понимали, что силами стран Бенилюкса (Бельгии, Нидерландов, Люксембурга) нельзя вести войну против социалистического лагеря. В Западной Европе имеются лишь два крупных континентальных государства: Франция и Западная Германия. Но во Франции каждый четвертый человек голосовал за коммунистов, что делало французов ненадежными в глазах американских империалистов. Западная Германия Аденауэра с ее духом реваншизма, наличием большого количества гитлеровских офицерских кадров, ненавидевших Советский Союз, представлялась американским стратегам чрезвычайно важной опорной базой для организации нового «крестового похода» на Восток[39].

Требование Соединенных Штатов ремилитаризировать Западную Германию вызвало серьезные и длительные разногласия в правящих кругах стран Западной Европы, опасавшихся возрождения милитаристской Германии,— особенно во Франции. Пытаясь успокоить французов, хорошо помнивших ужасы гитлеровской оккупации и опасавшихся, что создание Атлантического блока неизбежно повлечет за собой включение в него Западной Германии, Робер Шуман заявил в Национальном собрании: «Этот вопрос не может быть поставлен. Мирного договора нет. У Западной Германии нет армии, и она не может ее иметь; она не имеет во-

[37] «Journal Officiel», 24.VII 1949, p. 5094—5096.

[38] «Journal Officiel», 26.VII 1949, p. 5362.

[39] См. *A. Grosser*. La IVe République et sa politique extérieure. Paris, 1961, p. 239.

оружения и не будет его иметь»[40]. Однако министр иностранных дел Франции не мог не понимать действительного положения вещей. Видный журналист Бёв-Мери, политический директор влиятельной газеты «Монд», занимавшей тогда нейтралистские позиции, писал: «Перевооружение Германии (Западной.— *Ред.*) содержится в Атлантическом пакте так же, как зародыш в яйце»[41].

Весной 1948 г. на Лондонском совещании западных держав по германскому вопросу Франция согласилась с созданием сепаратного западногерманского государства; несколько позднее, несмотря на протесты Франции, США и Англия настояли на ликвидации межсоюзнического контроля над Рурской областью. Французские политические деятели Р. Шуман и Р. Плевен стали инициаторами международных актов, значительно облегчивших ремилитаризацию Западной Германии. Первый дал свое имя плану (истинным его автором был Жан Монне), являвшемуся зародышем будущего «Общего рынка». 9 мая 1950 г. Р. Шуман выступил с заявлением: «Для совместного франко-германского производства угля и стали французское правительство предлагает создать под руководством Высшего совета организацию, открытую для участия других европейских стран»[42]. «План Шумана» явился результатом сговора магнатов металлургической и угольной промышленности Франции и Западной Германии, получавших крупные государственные субсидии, в том числе по «плану Маршалла», которые они использовали для модернизации своих предприятий. Подписание «плана Шумана» ускорило капиталистическую концентрацию во французской промышленности. В черной металлургии были созданы новые мощные монополистические объединения: в 1950 г. «Юньон сидерюржик Лоррэн» (Сиделор) и др. в 1952—1953 гг.— «Компани дез ателье э форж де ля Луар», «Сосьете Лоррэн Эско».

Договор о Европейском объединении угля и стали (ЕОУС), подписанный 18 апреля 1951 г., предусматривал отмену различных таможенных ограничений и пошлин и создание единого рынка для угольной и металлургической продукции шести стран — Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга. Буржуазные и правосоциалистические пропагандисты подняли большой шум вокруг ЕОУС, изображая его как победу идеи федерализма и первый шаг к «интеграции Европы». На деле расширение экономических связей монополий ФРГ с монополиями Фран-

[40] «L'année politique», 1949, p. 138.
[41] «Le Monde», 6.IV 1949.
[42] «L'année politique», 1950, p. 308.

ции и других стран Западной Европы было предпосылкой для включения Западной Германии в Атлантический блок и ее ремилитаризации.

Р. Плевен, в июле 1950 г. сменивший Бидо на посту председателя совета министров, был лидером партии ЮДСР (Демократический и социалистический союз Сопротивления), небольшой, но влиятельной парламентской группировки. Наряду с правыми элементами, к числу которых принадлежал Плевен, имевший связи с американским капиталом, в ней было и левое крыло, возглавляемое Франсуа Миттераном. Плевен, который, по словам А. Верта, «готов был сулить американцам луну с неба»[43], дал свое имя проекту, явившемуся в сущности первоначальным вариантом «Европейского оборонительного сообщества». «Планом Плевена» предусматривалось создание межнациональной «европейской армии», в состав которой должны были войти и западногерманские дивизии.

Дебаты, проходившие в конце октября 1950 г., отразили серьезное беспокойство французского общественного мнения. Многие ораторы, выступавшие в дебатах, подчеркивали, что перевооружение ФРГ является серьезной угрозой как для Франции, так и для дела мира. Депутат-коммунист Ф. Бонт в своей речи указал, что западногерманские дивизии, включенные в состав «европейской армии» и поставленные под командование немецких генералов, могут быть призваны для установления «порядка» в самой Франции. Но депутаты партий «третьей силы», повинуясь нажиму из Вашингтона, послушно проголосовали за «план Плевена», который был одобрен 343 голосами против 225[44]. Тем самым правящие круги Франции в принципе согласились на ремилитаризацию ФРГ.

Внутренняя и внешняя политика коалиции «третьей силы», проводимая под знаком антикоммунизма и «атлантической солидарности», не только ослабляла международный престиж Четвёртой республики, но и наносила непоправимый урон ее связям со странами Французского союза. Правители Франции отказались от установления дружеских и равноправных отношений с народами Французского союза. Они пытались остановить рост национально-освободительного движения при помощи методов насилия и принуждения и потерпели в этом полный крах. Война против Демократической Республики Вьетнам, длившаяся уже несколько лет и приносившая французам поражение за поражением, потребовала от Франции огромных денежных расходов и больших человеческих и материальных жертв. Не имея возможности вести вой-

[43] *А. Верт.* Франция 1940—1955. М., 1959. стр. 406.

[44] «Journal Officiel», 25.X 1950, p. 7118—7119.

Демонстрация трудящейся молодежи в Париже против грязной войны во Вьетнаме

ну собственными средствами, французское правительство было вынуждено согласиться на помощь американского империализма, который ставил своей задачей вытеснить французского конкурента из Юго-Восточной Азии, превратив Индокитай в свою стратегическую базу для подготовки войны против Советского Союза и национально-освободительного движения в Азии.

Не принеся славы французской армии, война в Индокитае, как и все несправедливые колониальные войны, породила громкие политические скандалы. Коммунисты с полным основанием назвали ее «грязной войной». Один из скандалов, известный под названием «дело генералов», разразился в 1949 г. Секретный документ о положении в Индокитае, составленный начальником генерального штаба генералом Ревером, попал во французскую и иностранную печать. Правительство всеми силами пыталось замять это дело, в котором оказались замешанными видные деятели МРП, РПФ, социалистической и радикал-социалистической партий, получавшие взятки от агентов вьетнамского самозванного императора Бао Дая. Когда Ж. Дюкло, выступая 7 февраля 1950 г. в Национальном собрании, сказал, что в официальных кругах царит коррупция, и стал называть имена видных депутатов и политических деятелей, получавших чеки от Ван Ко, агента Бао Дая, в зале заседаний поднялся дикий шум: депутаты партий «третьей силы» хлопали пюпитрами, выкрикивали ругательства по адресу Дюкло. Но Дюкло, блестящего оратора и старого закален-

ного парламентского бойца, нелегко было смутить: он остался на трибуне и закончил свою речь, призвав французский народ к борьбе против «грязной войны» во Вьетнаме.

«Дело генералов», показавшее, что в коалиции «третьей силы» идет грызня не только за политическое влияние, но и за право наживаться на войне, вызвало глубокое возмущение трудящихся Франции, которые несли основную тяжесть военных расходов. Французы начинали приходить к мысли, что партии «третьей силы» ведут Францию по старой, пагубной политической колее, проложенной Третьей республикой.

«Атлантическая солидарность», т. е. подчинение национальных интересов Франции интересам американского империализма, не была популярна в стране. Значительная часть буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, многочисленной и влиятельной во Франции, даже те ее представители, которые были заражены антикоммунизмом, справедливо опасались, что подобный политический курс подорвет престиж Франции, задержит ее экономическое развитие и толкнет ее на войну против Советского Союза; в «агрессивные» же намерения последнего не очень верили, несмотря на все усилия официальной пропаганды.

Эти настроения нашли отражение в теории федеральной, объединенной Европы и «международной третьей силы», а также в движении нейтрализма, центром которого стала влиятельная буржуазная газета «Монд», а пропагандистом — ее политический директор Бёв-Мери, писавший статьи под псевдонимом «Сириус».

По замыслу части идеологов МРП и СФИО «объединенная Европа» должна была стать «международной третьей силой», уравновешивающей борьбу двух блоков во главе с США и СССР. Соответственно в этой теории смешались самые различные тенденции. С одной стороны, она отвечала планам французского монополистического капитала, рассчитывавшего таким путем не только укрепить капитализм в Европе, но в дальнейшем усилить позиции Франции среди западных держав. С другой стороны, она отражала иллюзии мелкобуржуазных идеологов СФИО, мечтавших без борьбы против империализма создать объединенную «социалистическую» Европу.

Формула «международной третьей силы» могла бы иметь определенное демократическое содержание, если бы она предусматривала практические меры по обеспечению нейтралитета Франции. Но в представлении лидеров СФИО и МРП с их воинствующим антикоммунизмом «объединенная Европа», выступающая как «международная третья сила», была несовместима с политикой нейтралитета. По их мнению, агрессивный блок НАТО, присутствие американских войск были необходимы для «безопасности» Европы.

На 42-м съезде СФИО в 1950 г. Ги Молле категорически заявил, что «в настоящих условиях нейтралитет невозможен» [45].

Среди французской левой некоммунистической интеллигенции широкое распространение получило движение нейтрализма. Нейтралисты говорили о вооруженном нейтралитете свободной, сильной, не входящей ни в какие военные блоки Франции. Они критически относились к Атлантическому пакту и связанным с ним гонке вооружений, военному психозу и антисоветской кампании, усилившейся после начала войны в Корее. Именно в это время, в июле 1950 г., газета «Монд» выступила с сенсационными разоблачениями поджигателей войны, опубликовав документ, составленный «международным комитетом по изучению европейских вопросов», в который с французской стороны входили Рейно, Андре ле Трокер, Марэн, Поль Бастид, Эдуард Бонфус и др. Его авторы выступали за ядерную войну против Советского Союза и, в частности, предполагали возможность сбросить атомные бомбы на важнейшие города СССР [46]. Этот документ вызвал такую бурю негодования во Франции, что французские участники поспешили заявить о своем выходе из комитета.

Однако движение нейтрализма и пацифизма, охватившее значительную часть общественного мнения, было лишь пассивным стремлением к миру. Огромная заслуга Французской коммунистической партии состояла в том, что она сумела превратить его в активную борьбу за мир, облечь в организационные формы, разработать его методы и лозунги. Под руководством компартии движение за мир стало массовым и действенным, оно оказывало серьезное влияние на политику правительства.

Уже в период подготовки Атлантического пакта и развернутой в связи с этим антисоветской кампании Политбюро ЦК ФКП приняло 30 сентября 1948 г. заявление. В нем говорилось: «Французский народ изобличает создание военного антисоветского блока под руководством американских империалистов... Французский народ никогда не будет воевать против Советского Союза» [47]. Этот лозунг, вокруг которого компартия развернула большую пропагандистскую деятельность, разъясняя миролюбивый характер внешней политики Советского Союза, вызвал бешеную ненависть реакции. На заседании Национального собрания 23 февраля 1949 г. депутат Пьер Андре потребовал от правительства объявить ФКП вне закона, ибо этим заявлением она якобы вновь подтвердила свой «ненациональный характер». Правый депутат Шерер за-

[45] «SFIO. 42 Congrès National, Compte rendu sténographique», p. 349.
[46] «Le Monde», 11—13.VII 1950.
[47] «L'Humanité», 1.X 1948.

дал М. Торезу провокационный вопрос: что будет делать компартия, если Советская Армия придет на территорию Франции? В ответ Морис Торез решительно заявил, что компартия, выступая в защиту Советского Союза, исходит не из гипотез, а из фактов. Факты же говорят о том, что французское правительство в сотрудничестве с англосаксонскими империалистами превращает Францию в базу агрессии против Советского Союза и стран народной демократии. И Торез продолжал: «Если усилия всех французов, сторонников свободы и мира, не приведут нашу страну в лагерь мира и демократии, если затем наш народ будет втянут, вопреки его желанию, в антисоветскую войну и если в этих условиях Советская Армия, защищая дело народов, дело социализма, придет, гоня агрессоров, на нашу землю,— трудящиеся, народ Франции, смогут ли они относиться иначе к Советской Армии, чем трудящиеся и народы Польши, Румынии, Югославии и т. д.» [48]

Выступление Тореза было гневным обличением международного империализма, готовившего войну против СССР. В ответ на военный и атомный психоз, на попытку реакционной пропаганды убедить французский народ в неизбежности войны генеральный секретарь ЦК ФКП на февральском пленуме ЦК в 1949 г. развивая идеи VII конгресса Коминтерна, выдвинул важное положение, что война не является ни фатальной, ни неизбежной. Позднее в докладе на национальной конференции ФКП (апрель 1949 г.) и на XII съезде ФКП (апрель 1950 г.), М. Торез подробно разработал это положение, сыгравшее большую роль в активизации движения за мир как во Франции, так и в других странах. В резолюции национальной конференции ФКП 1949 г. говорилось: «Неправильно было бы утверждать, что война должна наступить фатально. Можно предотвратить катастрофу и избавить нашу страну от ужасов и страданий чудовищной войны. Все зависит от нашей борьбы, от способности коммунистов вовлечь в священную борьбу за мир широкие массы народа» [49].

Французская коммунистическая партия, сосредоточив главное внимание на борьбе за мир, сплотила вокруг этого лозунга рабочий класс и значительную часть других социальных слоев. Коммунисты поддержали инициативу прогрессивных деятелей Франции во главе с Ивом Фаржем, создавшим в конце 1948 г. организацию «Борцы за мир и за свободу», и превратили ее в массовое движение. ФКП была одним из организаторов первого Всемирного конгресса сторонников мира в Париже в апреле 1949 г., который открылся под председательством всемирно известного французского ученого-коммуниста Фредерика Жолио-Кюри.

[48] «Journal Officiel», 24 II 1949, p. 880—882.

[49] «L'Humanité», 12 IV 1949.

Фредерик Жолио-Кюри

Компартия и ВКТ подняли трудящихся на борьбу против ратификации Атлантического пакта. По всей стране прошли забастовки, демонстрации и митинги протеста. 5 августа 1949 г. в Париже состоялась демонстрация против приезда в Париж американского генерала Брэдли для обсуждения с французским правительством военных планов в соответствии с Атлантическим договором. Демонстрация проходила под лозунгами: «Уничтожить Атлантический пакт!», «Мы хотим мира!», «Брэдли — в Нью-Йорк, Монтгомери — в Лондон!»

Французская коммунистическая партия постоянно разъясняла, что война, которую вел французский империализм против национально-освободительного движения вьетнамского народа, тесно связана с агрессивными планами американской и западноевропейской военщины и угрожает миру и безопасности народов. Из конфликта между метрополией и колонией «грязная война» могла превратиться в опасный очаг нового мирового конфликта. Поэтому ФКП рассматривала кампанию за прекращение войны во Вьетнаме как важнейшее звено борьбы за мир. Основная задача, которую выдвинула партия, заключалась в переходе от пропа-

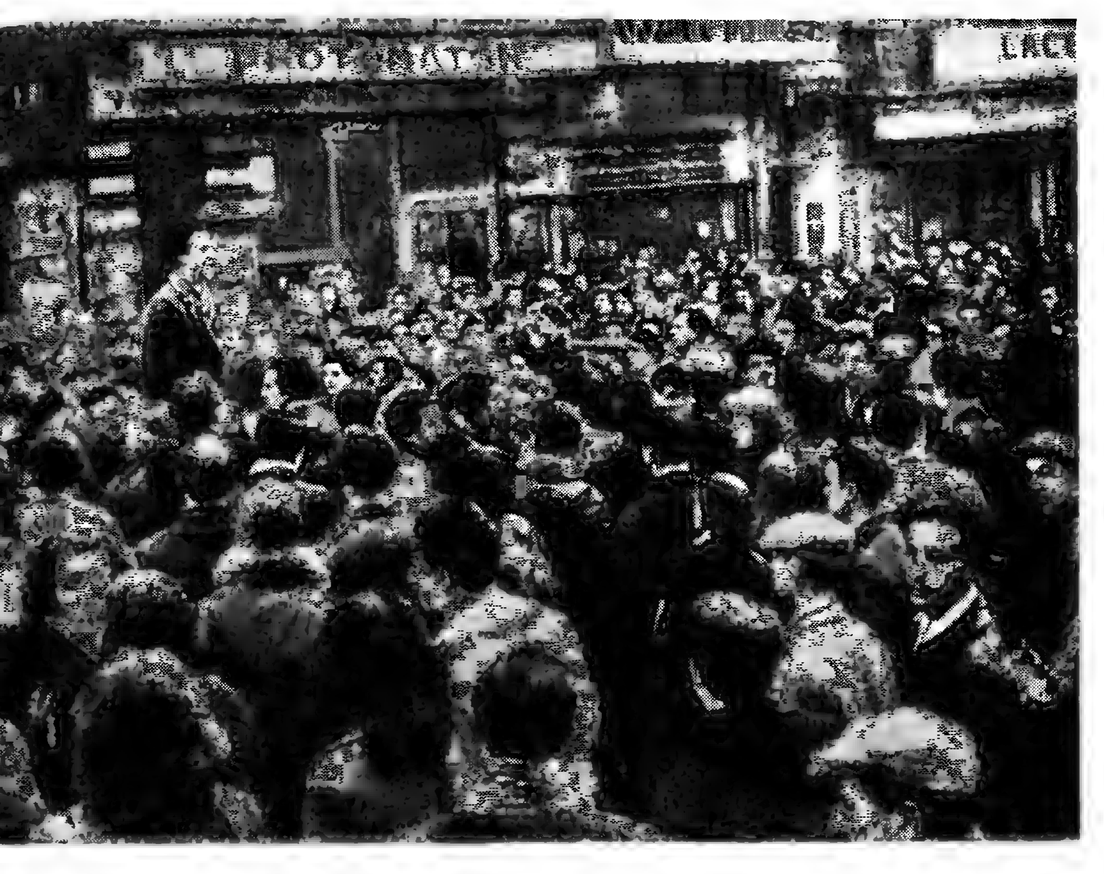
ганды и агитации в защиту вьетнамского народа к конкретным действиям, направленным на срыв колониальной войны.

Особенности милитаризации Франции в 1949—1950 гг., когда основное значение имели поставки американского оружия, определили и своеобразие методов борьбы — срыв этих поставок, отказ докеров и моряков разгружать и отгружать военные материалы. Докеры явились передовым отрядом рабочего класса, активно выступившим против агрессивной политики империалистов. Их движение, которое приняло особенно широкий размах в конце 1949 г., проходило под лозунгом: «Ни одного человека, ни одного су для «грязной войны» во Вьетнаме!» Вначале средиземноморские порты, и особенно Марсель, затем Атлантическое побережье, порты Шербур, Лапаллис, Сен-Назер оказались в центре этой героической борьбы, которую поддержали и другие отряды рабочего класса. По призыву ФКП на предприятиях, в портах начали создаваться комитеты в защиту мира; движение укреплялось организационно. В портах комитеты следили за прибытием или отправкой военных грузов, предупреждали об этом рабочих, организовывали финансовую поддержку бастующим, призывали к солидарности рабочих промышленных предприятий. Среди докеров в это время была большая безработица, но тем не менее они решительно отказывались грузить военное снаряжение. Всему миру стали известны имена Раймонды Дьен, преградившей путь железнодорожному составу с оружием, и старшины Анри Мартена, отказавшегося участвовать в «грязной войне».

В ответ на усиление политических, антивоенных выступлений правительство в марте 1950 г. провело через парламент законы, согласно которым любой француз или иностранец подвергался тюремному заключению за порчу военных материалов, за отказ их производить, а также за «разложение армии». Правда, правительство не решилось применять эти, как их называли коммунисты, «сверхгнусные законы». Несмотря на угрозы и репрессии, рабочий класс по-прежнему шел в авангарде борьбы за мир.

В 1950 г. французский пролетариат выступил также с энергичным протестом против планов ремилитаризации Западной Германии. Митинги и демонстрации трудящихся, кратковременные, а иногда и продолжительные забастовки (как, например, стачка на шахте № 7 Ошеля, длившаяся 31 день) проходили под лозунгами: «Мы не хотим этого видеть вновь!», «Мы не хотим, чтобы наши палачи были вновь вооружены!»

В развитии движения в защиту мира большую роль сыграл XII съезд ФКП (2—6 апреля 1950 г.), подчеркнувший, что важнейшей задачей рабочего класса и компартии является борьба против наступления монополий, за мир и национальную независимость. Принятая съездом программа национального воз-



Митинг в Марселе против ремилитаризации Западной Германии.

рождения требовала отказа от «плана Маршалла», расторжения Атлантического пакта, запрещения атомного оружия, заключения пакта мира между пятью великими державами, денацификации и демилитаризации Западной Германии, прекращения войны во Вьетнаме, улучшения положения трудящихся города и деревни, закрепления демократических и социальных завоеваний. По призыву XII съезда коммунисты приняли активное участие в сборе подписей под Стокгольмским воззванием о запрещении атомного оружия (1950 г.). Был достигнут значительный успех: под этим воззванием подписались 14 млн. французов.

ПРАВОЦЕНТРИСТСКИЙ БЛОК У ВЛАСТИ

1951 год был концом первой легислатуры Национального собрания; осенью предстояли парламентские выборы. Четыре года правления партий «третьей силы» дали плачевные результаты. Франция, включившись в орбиту «атлантической солидарности», ухудшила свое международное положение на ее границах появился

призрак возрождающегося германского милитаризма. Страна вела затяжную колониальную войну во Вьетнаме, которая становилась все более непопулярной. Франция была ареной непрерывных социальных битв, ибо рабочий класс и трудящиеся массы не хотели мириться ни с ростом цен, ни с инфляцией, ни с гонкой вооружений. Как пишет Эльжей, «55% французов жаловались на то, что они живут хуже, чем до войны» [50].

Забастовочное движение 1949 и, особенно, 1950 г., в котором приняли участие миллионы рабочих, приобрело такой размах, что парламент и правительство должны были срочно заняться социальными проблемами. Законом от 11 февраля 1950 г. была создана Высшая комиссия по коллективным договорам, которая должна была устанавливать межпрофессиональный гарантированный минимум заработной платы. В сентябре 1951 г. в Национальном собрании началось обсуждение законопроекта о введении подвижной шкалы заработной платы, предложенного социалистами и коммунистами. Дебаты в парламенте проходили одновременно с новой волной забастовок. Оставили работу металлурги, горняки, строители, текстильщики, рабочие газовой и электрической промышленности, государственные служащие. Настроение у бастующих было боевое, они выступали единым фронтом, и под их давлением руководители реформистских профсоюзов согласились на переговоры с ВКТ для обсуждения требований трудящихся. Начались волнения и среди крестьян, забастовки сельскохозяйственных рабочих.

В этой обстановке правительство было вынуждено отказаться от ссылок на финансовые трудности и необходимость «укреплять национальную оборону». Декретом от 10 сентября 1951 г. был повышен межпрофессиональный гарантированный минимум зарплаты, а 20 сентября 1951 г. Национальное собрание приняло закон о введении подвижной шкалы заработной платы: при росте цен на 5% зарплата должна была автоматически повышаться [51]. Бастующие добились увеличения заработной платы на 15—20%. Буржуазии уже чудился призрак нового Народного фронта.

Правящая коалиция во всем винила коммунистов, которые якобы мешали нормальному функционированию республиканских и парламентских институтов. В 1947 г. их удалили из правительства, теперь стали говорить, что если их удалить и из парламента, то дела пойдут значительно лучше. Возникли различные проекты реформы избирательного закона, которые дали бы возможность «конституционным» путем избавиться от представителей рабочего класса в парламенте.

[50] C. *Elgey*. La République des illusions..., p. 458, 507.
[51] «Journal Officiel», 21.IX 1951, p. 7530.

Из-за разногласий в правящем лагере в связи с этими проектами в конце февраля 1951 г. правительство Плевена пало. 10 марта 1951 г. его сменил кабинет Кея. Радикалы и социалисты предлагали ввести мажоритарный принцип голосования и мелкие избирательные округа, МРП требовала сохранения более выгодной ей пропорциональной системы. В результате длительных дебатов в Национальном собрании в апреле 1951 г. был принят закон, согласно которому устанавливалась мажоритарная система выборов в один тур по спискам в рамках департамента с правом объединения списков при распределении мест. Такого рода объединение не требовало общей программы, что создавало широкие возможности для беспринципных соглашений правящих и других правых партий. Список или группа списков, получившие абсолютное большинство голосов избирателей (более 50%), получали в данном департаменте все места. Если же ни один из списков или группа их не получали абсолютного большинства, то действовала система пропорционального представительства. Лишь в Париже и Парижском районе (департаменты Сены, Сены и Уазы) была сохранена пропорциональная система голосования.

Выборы проходили 17 июня 1951 г. Коммунисты остались первой партией страны, получив 5038 тыс. голосов (26,5%) и 103 места в Национальном собрании. Однако мошеннический избирательный закон привел к потере коммунистами 80 депутатских мандатов. Анализируя итоги выборов, Ф. Гогель писал: «Так же как в 1946 г., компартии действительно удалось завоевать доверие значительной части избирателей в районах с самой различной социальной структурой: как в промышленных районах, например на севере Франции, так и в чисто сельскохозяйственных районах, например в Центральной Франции»[52].

На втором месте по числу голосов оказалась деголлевская партия — РПФ, получившая 4134 тыс. голосов (21,7%) и 118 мест. Однако этот успех был далек от надежд генерала де Голля, который рассчитывал, что РПФ займет господствующее положение в Национальном собрании.

Наибольшее поражение на выборах понесли партии «третьей силы», особенно МРП, потерявшая половину своих избирателей, которые перешли на сторону РПФ и «независимых», и половину мест в парламенте. Выборы показали, что политика иммобилизма, проводимая коалицией социалистов, радикалов и МРП, не находила поддержки у их избирателей. Французская буржуазия, уже несколько укрепившая с помощью американских империалистов свои экономические и политические позиции, начала выдвигать на аван-

[52] *F. Goguel.* Géographie des élections françaises de 1870 à 1951. Paris, 1951, p. 116.

сцену более правые партии, в сторону которых качнулась и часть мелкой буржуазии. Коалиция «третьей силы» потеряла абсолютное большинство в Национальном собрании [53].

В парламенте произошел сдвиг вправо. Однако французский монополистический капитал считал еще преждевременным делать прямую ставку на деголлевскую партию. К тому же ее социальный состав отличался большой пестротой, в результате чего РПФ очень скоро стала распадаться. В июле 1952 г. от ее парламентской группы откололась довольно большая часть депутатов (34), образовавшая самостоятельную фракцию «Республиканского и социального действия» (АРС). После муниципальных выборов в апреле — мае 1953 г., на которых РПФ потерпела поражение, де Голль заявил, что его партия отказывается от парламентской деятельности. Фракция РПФ в Национальном собрании стала называться «Республиканский союз социального действия» (ЮРАС); она насчитывала 77 депутатов. С июня 1954 г. эта группа приняла новое название — «социальные республиканцы».

После выборов 1951 г. в Национальном собрании образовалась значительная правая группировка «независимых». Они получили 2496 тыс. голосов (13,1%) и 98 депутатских мандатов. «Независимые» не были партией в подлинном смысле слова. «Национальный центр независимых республиканцев», созданный накануне выборов 1951 г., объединял в парламенте группы «независимых республиканцев» и «независимых крестьян», к которым вскоре присоединилась группа «Республиканского и социального действия», отколовшаяся от РПФ. «Независимые» защищали интересы капиталистических монополий и крупных землевладельцев. Их программными требованиями были экономический либерализм, сохранение любой ценой «французского присутствия» в колониях, поддержка «атлантической солидарности», антикоммунизм [54].

«Независимые» республиканцы были в Национальном собрании своего рода болотом, образованию которого немало способствовали партии «третьей силы». Потеряв большинство в парламенте, они искали себе союзников в этом болоте, ставшем питательной средой для появления «ультра», для распространения настроений колониализма, шовинизма и антикоммунизма. Влияние «независимых» республиканцев усиливалось еще и потому, что с ними сливалась правая часть радикал-социалистической партии, представлявшая интересы крупного капитала, в частности

[53] СФИО получила 2764 тыс. голосов (14.4%) и 104 места, МРП —2353 тыс. (12,3%) и 85 мест, радикалы и примкнувшие к ним группировки—2194 тыс. (11%) и 94 места (из 625).

[54] *J. Malterre, P. Benois*. Les partis politiques français, p. 184; см. также *M. Merle*. Les modérés.— «Classes sociales et partis politiques». Paris, 1955.

Индокитайского банка; она все более отходила от своих союзниц — партий «третьей силы».

Распад правительственной коалиции завершился летом 1951 г. переходом социалистической партии в оппозицию. Лидеры СФИО понимали, что их участие в правительствах, где ответственные посты занимали «независимые» и деголлевцы, может ослабить их влияние в массах, и без того подорванное антинародной политикой, которую проводили министры-социалисты.

В общем, выборы 1951 г. не внесли коренных изменений в политическую жизнь Франции. Вновь начались правительственные кризисы, быстрая смена кабинетов, остались те же нерешенные проблемы. Лишь в начале августа Плевен сформировал новый кабинет, представлявший собой правоцентристский блок. Министерские посты поделили лидеры МРП, радикалов и «независимых». Новое большинство в Национальном собрании определилось при голосовании реакционного закона Баранже о предоставлении государственных субсидий религиозным школам, который был принят 10 сентября 1951 г. За него высказались 313 депутатов (МРП, «независимые», часть радикалов, РПФ), против — 255 (коммунисты, социалисты, часть радикалов). Следует отметить, что социалисты, перейдя в оппозицию, зачастую продолжали поддерживать правительство, особенно по вопросам внешней политики.

Главное место в деятельности кабинетов правоцентристского блока заняли вопросы вооружения, формирования дивизий для НАТО. В обмен на предоставляемую «помощь» по «плану Маршалла» Соединенные Штаты требовали теперь от Франции выполнения взятых ею военных обязательств и соглашались предоставлять доллары лишь на военное снаряжение и на войну в Индокитае. Французская экономика в 1951—1954 гг. все более подчинялась целям милитаризации; военные расходы составляли приблизительно одну треть общего бюджета. Согласно данным, приведенным Ж. Дюкло в отчетном докладе на XIII съезде ФКП (июнь 1954 г.), эти расходы с 1950 по 1953 г. увеличились с 558 до 1180 млрд. фр. Ссылаясь на официальные источники, он указал, что военные заказы составляли 35% всей стоимости продукции в судостроении, более 80 — в авиастроении, 40 — в общественных работах, 30% — в металлообрабатывающей промышленности [55]. Французское производство, не получавшее достаточно капиталовложений, располагавшее устаревшим оборудованием, не могло вынести такого напряжения.

Франция не выполняла обязательств по перевооружению метрополии — большая часть ее военных ресурсов направлялась в Ин-

[55] *J. Duclos*. Pour le changement de la politique française, pour l'indépendance nationale et la paix. Paris, 1954, p. 13.

докитай. Это вызывало недовольство в США [56]. Французские министры были частыми гостями в Вашингтоне, постоянно выпрашивая новые кредиты на перевооружение. А. Гроссе писал, что Франция «превратилась в страну-попрошайку, тем более что наряду с необходимостью вооружаться в Европе нужно было вести войну в Индокитае. Но страна-попрошайка не могла быть настоящим хозяином своей внешней политики» [57].

Инфляция, огромный бюджетный дефицит, сокращение производства в отраслях промышленности, не связанных с военными заказами,— таковы были результаты гонки вооружений и милитаризации народного хозяйства страны, подчинения его агрессивным планам американского империализма. Уровень производства в 1951 г. был не выше, чем в 1929 г., хотя все остальные европейские страны добились значительного роста продукции. Дефицит бюджета на 1952 г. составлял примерно 1000 млрд. фр. Застой в промышленности продолжался и в 1952—1953 гг.

Во главе правительств в это время находились люди, которых можно назвать наиболее консервативными из политических деятелей Франции. Именно о них Ги Молле сказал, что во Франции «самые глупые правые». Они преданно защищали интересы французской буржуазии, считая, что лучшей гарантией их обеспечения являются американские базы на территории страны, пытались спасти французскую колониальную империю путем кровопролитных войн и жестоких репрессий, неутомимо воевали против коммунистов. Но эти деятели не замечали происходивших в мире перемен, не стремились внести чего-либо нового в методы политики и управления государством, мечтая лишь о возвращении к временам Третьей республики. Наиболее дальновидные из них вскоре перебежали на сторону деголлевцев.

Французские правящие круги, как и ранее, ставили своей целью переложить бремя перевооружения на плечи трудящихся. Плевен внес предложение о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий, при помощи которых правительство рассчитывало сократить бюджетный дефицит за счет ассигнований на национализированные железные дороги и социальное страхование. Однако социалисты, МРП и некоторые другие группировки не решились затронуть социальное обеспечение, что нанесло бы ущерб всей трудящейся Франции и вызвало бы новую волну волнений. Плевен получил вотум недоверия и вынужден был уступить место «независимому» А. Пине, пользовавшемуся поддержкой Национального совета французских предпринимателей. Правительство

[56] Газета «Нью-Йорк таймс» 10 декабря 1951 г. назвала Францию «худшим из отстающих солдат» (см. *А. Верт*. Франция 1940—1955, стр. 458).

[57] *A. Grosser*. La IVe République et sa politique extérieure, p. 230.

Пине (март 1952 г.— январь 1953 г.) провело ряд мероприятий в интересах крупного капитала (финансовую амнистию для лиц, уклонявшихся от уплаты налогов, выпуск «золотого займа», гарантированного от инфляции). Громко разрекламированное в свое время «чудо» Пине — стабилизация и замораживание цен на высоком уровне — на практике оказалось ловкой махинацией, благодаря которой предприниматели и государство избавились от необходимости применять закон о подвижной шкале заработной платы. Кроме того, с середины 1951 г. произошло падение мировых цен, им и воспользовался Пине.

«Чудо» Пине не спасло Францию от бюджетного дефицита и экономического застоя. Положение трудящихся продолжало оставаться крайне тяжелым. Как указывалось в тезисах XII съезда ФКП, с осени 1951 до середины 1952 г. стоимость жизни во Франции повысилась на 15%, заработная же плата была блокирована. Доля последней в национальном доходе, составлявшая до войны 45%, упала до 30% в 1952 г. По официальным данным, безработица с 1952 по 1953 г. увеличилась на 60%[58]. Число полностью безработных в 1953 г. достигло 600 тыс. человек.

При правительстве Пине, самом реакционном из всех кабинетов со времени окончания второй мировой войны, усилились репрессии против коммунистов. Французские правящие круги, так же как и американский империализм, видели в компартии серьезное препятствие на пути осуществления их планов превращения Западной Европы в плацдарм для борьбы против стран социализма.

Поводом для начала атаки на ФКП послужила организованная ею 28 мая 1952 г. в Париже демонстрация протеста против приезда американского генерала Риджуэя. Полиция неистовствовала, разгоняя демонстрантов, многие из них были схвачены, и в их числе находился Жак Дюкло. Чтобы придать законный вид этому акту произвола и иметь возможность лишить Дюкло депутатского мандата, было объявлено, что он был арестован «на месте преступления», когда он якобы руководил демонстрацией посредством «почтовых голубей». За три дня до того за статью против приезда Риджуэя арестовали главного редактора «Юманите» Андре Стиля. Реакционная печать подняла шум, появились требования запретить компартию.

Помещения ФКП, ВКТ и других демократических организаций подверглись незаконным обыскам, было арестовано несколько деятелей компартии и ВКТ, обвиненных в «заговоре». Гене-

[58] «Thèses sur la situation politique et les tâches du parti communiste français». Paris, 1954, p. 6.

ральный секретарь ВКТ Бенуа Фрашон был вынужден перейти на нелегальное положение. Особенное усердие в преследованиях коммунистов и демократов проявили правые радикалы — министр внутренних дел Брюн и министр юстиции Мартино-Депла (председатель-администратор радикал-социалистической партии). Однако намерение правительства Пине запретить компартию вызвало такое возмущение самых различных, даже далеких от коммунистов представителей общественного мнения, что реакции пришлось отступить. Дюкло, Стиль и другие были выпущены на свободу, вопрос о лишении депутатов-коммунистов парламентской неприкосновенности был снят с повестки дня.

С января по май 1953 г. у власти находился радикал Мейер. После его отставки наступил правительственный кризис, длившийся более месяца. Президент республики Ориоль поочередно обращался с предложением сформировать кабинет и к лидерам левых, и к руководству правых партий — от социалистов до деголлевцев. Однако каждого нового претендента проваливали соперничавшие партии. Один из них, Поль Рейно, поднявшись на трибуну Национального собрания, заявил, что «Франция — больной человек Европы», и потребовал в качестве лекарства пересмотра конституции и предоставления ему чрезвычайных полномочий на 18 месяцев, но и он не собрал большинства.

Национальное собрание, в котором политические партии буржуазии, а также СФИО грызлись из-за власти, представляло в глазах народа печальную картину. Говоря о «летаргии» политической власти в этот период, Ж. Фовэ задавал вопрос: «Если режим был порочен, неприспособлен, архаичен, то не было ли это частично результатом того, что с самого начала народные элементы движения Сопротивления были устранены в пользу старых деятелей Третьей республики?» [59]

Новое правительство было сформировано в конце июня 1953 г. Председателем совета министров стал один из наиболее правых политических деятелей того времени — «независимый» Жозеф Ланьель, богатый нормандский промышленник. Пост министра иностранных дел получил Бидо, чьи симпатии все более склонялись на сторону колониалистов и реакционеров. Если правительство Пине было поддержано лишь частью деголлевцев — группировкой АРС, то Ланьеля поддержала и другая группа бывшей РПФ — «социальные республиканцы», три представителя которых вошли в правительство. Так «независимые» республиканцы привели за собой в правительство деголлевцев, которые начинали играть все более видную роль в политической жизни страны.

[59] *J. Fauvet.* La IVe République, p. 234.

Чтобы «сэкономить» несколько миллиардов франков, необходимых для выполнения военных обязательств Франции в системе НАТО и на ведение колониальных войн, особенно на войну во Вьетнаме, правительство Ланьеля издало декреты, ущемлявшие в первую очередь интересы рабочих и служащих государственных предприятий и учреждений. Предусматривалось увеличение возрастного ценза для выхода на пенсию, удлинение срока продвижения по службе, повышение квартирной платы. В ответ по всей стране немедленно начались забастовки протеста, в которых приняли участие 3 млн. рабочих и служащих. В течение трех недель, с 8 по 31 августа, поезда почти не ходили, нарушилась почтовая и телеграфная связь, сократилась подача газа и электричества.

Одновременно развернулось крестьянское движение. На дорогах департаментов юга и юго-востока Франции появились многочисленные баррикады из тракторов и сельскохозяйственных машин. Крестьяне добивались повышения цен на сельскохозяйственные продукты, сельскохозяйственные рабочие — повышения зарплаты. Коммунистическая и социалистическая партии требовали срочного созыва Национального собрания для обсуждения создавшегося положения.

Однако, чтобы спасти правительство Ланьеля от падения, лидеры МРП оказали давление на руководителей ФКХТ, которые вместе с «Форс увриер» сыграли роль штрейкбрехеров, решив прекратить забастовку, против чего возражало руководство ВКТ. Забастовщики не добились тех результатов, на которые могли рассчитывать. Но правительство было вынуждено повысить зарплату наиболее низкооплачиваемым категориям персонала государственных предприятий и учреждений. Добились увеличения зарплаты и сельскохозяйственные рабочие. Декреты Ланьеля были окончательно похоронены. Часть из них даже не публиковалась, но и опубликованные правительство так и не решилось провести в жизнь.

Лозунг забастовщиков «Нужно, чтобы все переменилось» становился требованием самых различных слоев общества. Французская коммунистическая партия в ряде своих документов, в частности в заключительной речи М. Тореза на XIII съезде и в тезисах съезда, заявила, что основным условием выполнения этого требования является объединение всех национальных и демократических сил. В упомянутой речи М. Торез подчеркнул, что в целях изменения политической ориентации компартия готова поддержать любую политику, которая отвечала бы интересам мира и национальной независимости страны, и в первую очередь разрешила бы следующие основные проблемы: отказ от ремилитаризации Западной Германии, прекращение огня в Индокитае,

защита демократических свобод, удовлетворение экономических требований трудящихся. Говоря о возможности временных соглашений и компромиссов с союзниками из других социальных слоев, М. Торез вместе с тем указывал, что главное условие решения указанных проблем — единый пролетарский фронт, и в первую очередь единство действий коммунистов и социалистов. «Коммунисты,— говорил он,— должны удвоить инициативу, упорство, братские усилия, чтобы привлечь к единому фронту трудящихся социалистов и их организации, так же как и группировки, находящиеся под влиянием социалистов»[60]. Преодоление раскола рабочего класса, единство действий коммунистов и социалистов оставалось одной из важнейших задач ФКП.

Между тем учрежденный Четвертой республикой Французский союз трещал по всем швам под мощным натиском национально-освободительного движения во французских колониях. Французская империалистическая буржуазия никогда не соблюдала записанный в конституции 1946 г. принцип «равенства прав и обязанностей», который должен был определять отношения метрополии и входивших в союз народов.

В начале 50-х годов резко обострились отношения между Францией и ее протекторатами в Северной Африке — Тунисом и Марокко, входившими во Французский союз на положении «присоединившихся государств». В октябре 1951 г. прибывший в Париж глава тунисского правительства Шеник передал французскому правительству ноту с требованием создания подлинного правительства Туниса, ответственного перед Национальным собранием страны. До того вся реальная власть находилась в руках французского резидента и его чиновников. Франция фактически ответила отказом.

Одновременно на пост генерального резидента в Тунис был назначен ставленник колониальных кругов де Отклок, который получил указания действовать «энергично». Начались репрессии, которым подвергались даже женщины и дети. Все видные деятели национально-освободительного движения были арестованы и отправлены в концентрационные лагеря, буржуазно-националистическая партия Нео-Дестур, лидером которой являлся Х. Бургиба, запрещена. 26 марта 1952 г., по приказу де Отклока, действовавшего с согласия Р. Шумана, были арестованы премьер-министр Шеник и три члена его кабинета, что вызвало бурю возмущения во всех арабских и азиатских странах. В самой Франции репрессии в Тунисе резко осуждались не только коммунистами, но и социалистической партией и демократическими организациями.

[60] *M. Thorez.* Pour le salut de la France. Paris, 1954.

6 декабря 1952 г. в Тунисе был убит один из видных руководителей национально-освободительного движения — генеральный секретарь профсоюзов Туниса Ферхад Хашед. Весь тунисский народ поднялся на борьбу против французских колонизаторов; в стране разразилась партизанская война.

Эти события значительно подорвали международный престиж Франции, особенно в арабских странах. Еще более он был подорван недальновидной политикой французских правящих кругов в Марокко. Они проявили полнейший консерватизм и непонимание духа времени — стремления народов колониальных и зависимых стран к национальному освобождению.

Проводником колониалистской политики в Марокко был генерал Жюэн, один из реакционнейших политических деятелей Франции. В 1947—1951 гг. он был генеральным резидентом в Марокко. Так же как и в Тунисе, французское правительство прибегло к репрессиям против национально-освободительного движения марокканского народа. 7—8 декабря 1952 г. полиция и разъяренная толпа европейских колонизаторов обрушились на демонстрации марокканцев, протестовавших против убийства Ферхада Хашеда. По некоторым данным, в этих столкновениях погибло около 2 тыс. человек. По всей стране были произведены многочисленные аресты. В декабре 1952 г. постановлением тогдашнего генерального резидента генерала Гийома была запрещена деятельность Марокканской коммунистической партии и буржуазной националистической партии Истикляль, а также их органов печати.

Правительство Ланьеля — Бидо инспирировало заговор против султана Мохаммеда бен Юсефа, препятствовавшего проведению колониалистской политики. 20 августа 1953 г. генеральный резидент якобы с целью восстановления спокойствия в стране низложил султана с престола. Его преемником был провозглашен Мохаммед Мулай бен Арафа — послушный агент французского империализма. Проведенные им «реформы» ликвидировали остатки суверенных прав султана и передали власть в стране группе чиновников, находившихся в полной зависимости от генерального резидента. Колониалистский переворот вызвал необычайный подъем национально-освободительного движения в Марокко, одним из основных требований которого стало возвращение на престол Мохаммеда бен Юсефа, являвшегося в глазах народных масс символом национальной государственности.

Никакие репрессии и военные суды не могли остановить национально-освободительной борьбы в Северной Африке, которая в 1954 г. распространилась и на Алжир. Французская колониальная империя дала глубокие трещины.

Между тем война в Индокитае продолжалась уже седьмой год.

Было ясно, что колониалистам не удастся сломить сопротивление вьетнамского народа и следует начать переговоры. 29 ноября 1953 г. шведский журнал «Экспрессен» опубликовал интервью президента Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мина, в котором говорилось, что если французское правительство желает заключить перемирие и разрешить вопрос о Вьетнаме путем переговоров, то правительство ДРВ готово рассмотреть французские предложения. Хо Ши Мин подчеркнул, что основным условием соглашения должно быть признание независимости Вьетнама[61].

Французская коммунистическая партия развернула широкую кампанию за переговоры о прекращении огня и во многом способствовала тому, что война во Вьетнаме становилась все более непопулярной среди французов. По инициативе коммунистов проводились демонстрации, на предприятиях организовывались митинги, собрания, сбор подписей под петициями с требованием переговоров. Значительная часть французской буржуазии также считала продолжение индокитайской авантюры бесполезным. Даже некоторые военные были настроены пессимистично. Мировая демократическая общественность также требовала прекращения войны в Индокитае и признания суверенных прав Демократической Республики Вьетнам. На Берлинском совещании министров иностранных дел четырех держав — СССР, Англии, Франции и США, проходившем в январе — феврале 1954 г., было достигнуто соглашение о созыве в апреле 1954 г. в Женеве совещания по вопросу о восстановлении мира в Индокитае.

Однако Ланьель и Бидо продолжали расширять военные действия. С одной стороны, на них нажимали правящие круги Соединенных Штатов, у которых были далеко идущие планы превращения Индокитая в военный плацдарм на Дальнем Востоке. С другой, для Ланьеля и его окружения победа, чего бы она ни стоила, была единственным шансом удержаться у власти. Они вели переговоры с Соединенными Штатами об «интернационализации» войны в Индокитае, т. е. вовлечении в нее военных сил США, Англии и других капиталистических стран. Для того чтобы добиться прямого участия вооруженных сил США в войне, правительство Ланьеля предприняло в конце 1953 — начале 1954 г. отчаянную попытку отстоять крепость Дьен-Бьен-фу во Вьетнаме, куда были направлены значительные военные силы. Эта крепость, которую реакционная пропаганда представляла как символ борьбы «свободного мира» против коммунизма, вскоре превратилась в мясорубку, где под огнем вьетнамской артиллерии гибли сотни и сотни французских солдат.

[61] «Histoire du Parti communiste français (Manuel)», p. 554.

Сбор подписей под Обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами

7 мая 1954 г. гарнизон Дьен-Бьен-фу капитулировал; вьетнамская народная армия взяла в плен 16 200 человек во главе с генералом де Кастрие. Даже после этого события, которое было для Франции военной катастрофой, Бидо пытался добиться от государственного секретаря США Даллеса обещания американского вмешательства в Индокитае; он рассчитывал, что Женевская конференция, уже начавшая свою работу, окончится провалом [62]. Но империалистические круги США в тот момент уже понимали безнадежность продолжения по существу проигранной войны. Что же касается Франции, то, по словам Мендес-Франса, ее положение было таково, что если бы война продолжилась еще месяц-полтора, результатом был бы «непоправимый военный и политический разгром» [63]. В первой половине 1954 г. Франция по-

[62] *A. Grosser.* La IVe République et sa politique extérieure, p. 299.

[63] «Discours de P. Mendès-France au Congrès du Parti radical et radical-socialiste tenu à Marseille les 14, 15 et 16 octobre 1954». Marseille, 1954, p. 4.

теряла в Индокитае убитыми, ранеными и пленными 100 тыс. человек, приблизительно третью часть экспедиционного корпуса. В 1952 г. в Индокитай было послано 52 тыс., в 1953 г.— 60 тыс., в 1954 г.— 120 тыс. человек. Оставалось лишь провести всеобщую мобилизацию[64].

Поражение в Индокитае было крахом всей политики правоцентристского блока. Ланьель, 12 июня 1954 г. ушедший в отставку, оставил тяжелое наследство. В борьбе против народов Французского союза, поднявшихся на освободительную борьбу, французский империализм терял одну позицию за другой. Внутри страны шла ожесточенная борьба вокруг «Европейского оборонительного сообщества», в которой принимали участие все политические партии и все слои французского народа. Французскую буржуазию все больше раздражало безоговорочное подчинение интересов Франции интересам США, являвшееся основой внешнеполитического курса правительства Ланьеля. Реакционная политика правоцентристского блока, за время правления которого не было принято ни одного сколько-нибудь значительного социального закона, вызывала растущее недовольство рабочих, крестьян, служащих и других слоев трудящихся. Страна ждала перемен.

[64] Эти данные, со ссылкой на заявление Ж. Шевалье, военного министра в кабинете Мендес-Франса, см.: *R. Aron.* Immuable et changeante. Paris, 1959, p. 164; *A. Grosser.* La IVe République et sa politique extérieure, p. 302.

9

УПАДОК ЧЕТВЕРТОЙ РЕСПУБЛИКИ

КОНЕЦ ВОЙНЫ В ИНДОКИТАЕ. БОРЬБА ВОКРУГ «ЕВРОПЕЙСКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА»

19 июня 1954 г. лидер партии радикал-социалистов Мендес-Франс сформировал новое правительство. Неоднократные выступления Мендес-Франса в Национальном собрании с резкой критикой политики правоцентристского блока, его предложения о сокращении военных расходов, прекращении войны в Индокитае, увеличении инвестиций в промышленность сделали его лидером буржуазной оппозиции в парламенте [1]. Отказавшись от прежней практики перетасовки министерских портфелей между одними и теми же лицами, Мендес-Франс ввел в свой кабинет новых лиц, главным образом специалистов в той или иной области. Активный участник движения Сопротивления, энергичный человек, Мендес-Франс был полной противоположностью своему предшественнику Ланьелю, казавшемуся воплощением всего наиболее консервативного во Франции. Глава правительства не требовал изменения политических институтов, он считал, что политику «национального обновления», о которой он говорил в своей программной речи при получении инвеституры в Национальном собрании, можно проводить и в рамках существующего режима, лишь внеся в него некоторые изменения.

Мендес-Франс заявил, что главной целью его правительства будет прекращение огня в Индокитае. Если конфликт в Индоки-

[1] См., например, речь Мендес-Франса в Национальном собрании 30 декабря 1951 г. («L'Année politique 1951», p. 393—403).

тае не будет урегулирован в самое ближайшее время, говорил он, это будет означать «риск войны, войны мировой и, может быть, атомной». Понимая, что война безнадежно проиграна и заключение мира стало первостепенной задачей, Мендес-Франс решительно заявил: «Сегодня 19 июня. Еще до 20 июля я вновь предстану перед вами и отчитаюсь в достигнутых результатах. Если к этой дате не будет достигнуто никакого удовлетворительного решения... мое правительство уйдет в отставку». Он наметил программу экономического развития страны как главного условия ее национальной независимости, говорил о необходимости максимального использования национальных ресурсов, что привело бы, по его словам, к исчезновению безработицы, улучшению материального благосостояния трудящихся, обещал налоговую реформу. «Наша цель,— подчеркнул он,— сделать Францию сильной и процветающей нацией» [2].

В создавшейся обстановке подобная правительственная программа отвечала интересам широких масс трудящихся, и в связи с этим парламентская группа ФКП решила голосовать за предоставление Мендес-Франсу инвеституры на формирование правительства. Он заявил, однако, что при получении инвеституры не будет учитывать голоса коммунистов; тем самым новый кабинет был обречен на недолговечное существование.

Предпочитая искать союзников справа, Мендес-Франс серьезно затруднил выполнение положительной, конструктивной части своей программы. Он собрал 419 голосов (в их числе 95 коммунистов) из 625: необходимое большинство (313 голосов) имелось даже без учета коммунистов, но то было большинство, объединенное лишь необходимостью как можно скорее заключить мир в Индокитае. Как только на повестку дня встали другие срочные вопросы, от него не осталось и следа. Из 16 министров 5 были радикалами, 2 — членами ЮДСР, 4 — «независимыми», 1 — членом МРП и 4 — деголлевцами (генерал Кёниг, Шабан-Дельмас, Фуше и Лемер).

Став председателем совета министров (он взял себе также портфель министра иностранных дел), Мендес-Франс отправился в Женеву, на совещание четырех великих держав с участием КНР и ДРВ, созванное в конце апреля 1954 г. для урегулирования индокитайского вопроса. В противоположность Бидо, который пытался использовать совещание, чтобы выиграть время и ускорить интервенцию США в Индокитае, Мендес-Франс приложил все усилия для выполнения взятых им обязательств о скорейшем заключении мира, чего настоятельно требовали интересы

[2] «Journal Officiel», 18.VI 1954, p. 2992—2993.

Франции. Он провел ряд встреч с представителями КНР и ДРВ, воспротивился попыткам американских представителей сорвать переговоры. Позиция Мендес-Франса нашла лояльную поддержку со стороны Советского Союза, который всеми силами способствовал установлению мира в Индокитае. В заявлении Советского правительства по поводу Женевского совещания говорилось: «Нельзя не отметить, что принятие столь важных постановлений было облегчено положительной позицией французского правительства, продиктованной стремлением действовать в соответствии с национальными интересами Франции и с учетом интересов народов Индокитая» [3].

Женевские соглашения о восстановлении мира в Индокитае были подписаны 20—21 июля 1954 г. Хотя они предусматривали раздел Индокитая на две зоны: северную — независимую Демократическую Республику Вьетнам — и южную, которую США стремились превратить в свой плацдарм для агрессии в Юго-Восточной Азии, тем не менее эти соглашения означали крупное поражение колонизаторов. В результате героической восьмилетней борьбы вьетнамский народ добился национального освобождения. Его победа была успехом сил мира во всем мире, прежде всего социалистического лагеря, а также французских трудящихся, возглавляемых коммунистической партией, которая в течение многих лет вела активную борьбу за прекращение огня во Вьетнаме и переговоры с Хо Ши Мином.

При правительстве Мендес-Франса особую остроту приобрела политическая борьба вокруг перевооружения Западной Германии. Многие деятели французской буржуазии разделяли в этом вопросе позицию правящих кругов США, в агрессивных военных планах которых милитаризация ФРГ занимала важное место. В своем программном выступлении 17 июня Мендес-Франс также говорил о «необходимости западного перевооружения», утверждал, будто международное положение требует «рассмотреть — тяжелая перспектива для всех французов — условия участия Германии (Западной.— *Ред.*) в совместной организации обороны» [4].

Согласно договору об учреждении «Европейского оборонительного сообщества», подписанному еще 27 мая 1952 г. ФРГ, Францией, Италией, Голландией, Бельгией и Люксембургом при участии американских представителей, оно должно было иметь наднациональный характер и располагать общими учреждениями, общими вооруженными силами и общим бюджетом (ст. 1). Сообщество призвано было обеспечить «от всякой агрессии безопасность государств-

[3] «Правда», 23 VII 1954.

[4] «Journal Officiel», 18.VI 1954, p. 2993.

членов, принимая участие в западной обороне в рамках «Северо-Атлантического договора»»[5]. Национальные армии стран-участниц подлежали ликвидации и слиянию в «европейские оборонительные силы», которые в военном отношении подчинялись бы командующему НАТО. Верховные органы «Европейского оборонительного сообщества» — комиссариат, совет министров, ассамблея — имели право вмешиваться во внутренние дела стран, подписавших договор. Предусматривалось, что ассамблея ЕОС будет общей с Европейским объединением угля и стали, а это означало, что руководящее место в ней будет принадлежать германским милитаристам, как сильнейшим в экономическом отношении.

Правящим кругам ФРГ договор о ЕОС позволял вновь получить в свои руки оружие. Если малые страны — Голландия, Бельгия, Люксембург — были не прочь переложить все заботы об «обороне» на «европейскую армию», то для Франции ЕОС было явно неприемлемо. Лишь Пине и Плевен, слепо следовавшие инструкциям Вашингтона, могли подписать его. Но и политические партии сторонников ЕОС соглашались принять его только со значительными оговорками и дополнениями; другие же отвергали его полностью, ибо договор не только легализировал ремилитаризацию Западной Германии, но и вел к утрате национальной независимости. Наднациональная структура ЕОС не отвечала требованиям французской монополистической буржуазии, вновь стремившейся занять место гегемона в Европе или, в крайнем случае, разделить это место на равных началах с сильным западногерманским соседом.

Несмотря на ультимативное требование Соединенных Штатов и Англии на совещании на Бермудских островах в декабре 1953 г., ни Пине, ни Ланьель не решились поставить вопрос о ратификации ЕОС в Национальном собрании, прекрасно понимая, что это положит конец существованию их кабинетов. Проходившие 17—27 ноября 1953 г. дебаты в Национальном собрании по внешней политике показали, что большинство его настроено против договора. Большое влияние на позицию депутатов Национального собрания и всего общественного мнения Франции оказал тот факт, что Советский Союз все более решительно проводил курс на урегулирование спорных международных проблем мирным путем. Миролюбивая внешняя политика Советского Союза лишний раз подчеркивала нецелесообразность создания «Европейского оборонительного сообщества» против мнимой «советской агрессии».

Но если среди буржуазных партий шли споры о том, в каких формах следует осуществить ремилитаризацию Западной Герма-

[5] Текст договора см. «Франция и европейская армия». Сборник материалов. М., 1954, стр. 205—262.

нии, то прогрессивная, демократическая Франция, возглавляемая коммунистической партией, требовала соблюдения Потсдамских соглашений о ее демилитаризации и заключения германского мирного договора. Это был водораздел, который в период ожесточенной борьбы вокруг «Европейского оборонительного сообщества» разделил Францию на два лагеря.

Коммунистическая партия стала центром, вокруг которого объединилась трудовая и мыслящая Франция в борьбе против возрождения германского милитаризма. В тезисах XIII съезда ФКП, состоявшегося в июне 1954 г., говорилось: «Перевооружение Западной Германии, перспективы которого были разоблачены нашей партией в 1947 г. как логическое следствие плана Маршалла,— стало определяющим моментом для всей французской политики с тех пор, как в мае 1952 г. французское правительство подписало договор о создании так называемого Европейского оборонительного сообщества. Ратификация этого договора Национальным собранием означала бы новый шаг, более решительный, чем все предыдущие, по авантюристическому пути войны»[6].

По всей стране проходили собрания протеста против ЕОС, на которых обычно наряду с коммунистами выступали представители других политических партий. В Национальное собрание направлялись многочисленные делегации, петиции от муниципалитетов, женских и молодежных организаций, ассоциаций, объединяющих самые различные социальные слои. Совместная борьба против ратификации договора значительно способствовала укреплению единства коммунистов и социалистов, особенно в департаменте Нор и Па-де-Кале, которые во время войны были оккупированы гитлеровцами.

Борьба вокруг ЕОС наложила свой отпечаток на выборы нового президента Французской республики, состоявшиеся в декабре 1953 г. Потребовалось 13 туров голосования, пока противники и сторонники ЕОС из буржуазных партий сошлись на фигуре малоизвестного до того деятеля Рене Коти, который не высказывался ни за, ни против ратификации договора. Но это, естественно, не устранило серьезных разногласий по вопросу об отношении к ЕОС. Наиболее решительными его приверженцами в буржуазном лагере были лидеры МРП — Р. Шуман, Ж. Бидо, А. Кост-Флоре и др., игравшие видную роль в осуществлении политики «атлантической солидарности». Они считали, что «Европейское оборонительное сообщество», включенное в систему НАТО и находящееся под опекой США, обеспечит «спокойствие» в Европе, где главенствующие позиции будут занимать католические пар-

[6] «Thèse sur la situation politique et les tâches du Parti communiste français». Paris, 1954, p. 4.

тии: МРП во Франции, христианско-демократическая в ФРГ, демохристианская в Италии, социально-христианская в Бельгии и т. д.

Противоречивые взгляды по данному вопросу выявились в социалистической партии. Часть ее лидеров под влиянием настроений рядовых социалистов выступала против ратификации, другая, во главе с Ги Молле, поддерживала Парижские соглашения, хотя и считала, что утвердить их можно лишь при соблюдении предварительных условий, как-то: присоединения Великобритании, американских гарантий, урегулирования Саарского вопроса, т. е. сохранения французского контроля над Сааром. Социалистические лидеры твердили, будто ЕОС, так же как и ЕОУС, станет основой будущей объединенной «социалистической» Европы, и что Франция избавится от положения сателлита США. Противоречия, раздиравшие СФИО, достаточно отчетливо отразились в резолюции чрезвычайного съезда партии, проходившего в мае 1954 г. В ней ЕОС одобрялось как «организация защиты Европы», но вместе с тем подчеркивалось, что правительство после ритификации договора «должно взять на себя инициативу ведения переговоров о заключении пакта о ненападении и коллективной безопасности между западными державами и СССР» [7].

В партии «независимых республиканцев» противники ЕОС, а их там было довольно много, отражая интересы колониальной буржуазии, заявляли, что включение Франции в «Европу шести» ослабит ее позиции в колониях, для защиты которых необходима национальная армия. Не было единства по вопросу о ЕОС и в радикал-социалистической партии.

Решительным противником «Европейского оборонительного сообщества» выступали деголлевцы, благодаря чему они значительно укрепили свое влияние и сделали важный шаг по пути к своей цели — завоеванию политической власти. Среди сторонников де Голля были представители интересов той части французского общества, которая считала, что нужно освободиться от американской опеки и договориться с Западной Германией на равных основаниях и в «национальных рамках», а не в «европейском сообществе», где Бонн получит господствующее положение. На пресс-конференции 12 ноября 1953 г. де Голль говорил, что этот «чудовищный договор» лишит Францию ее суверенитета, разобщит оборону Франции и Французского союза и заставит ее передать своих солдат организации, которую она не сможет контролировать. Он резко критиковал Соединенные Штаты, заявив, что союз с США превратился для Франции в протекторат, и указал на возможность оживления франко-русского союза, формально еще действовавшего.

[7] «L'année politique», 1954, p. 520.

Широкая кампания против ЕОС была ярким свидетельством того, что французы, каковы бы ни были их политические убеждения, не верили в «агрессию» со стороны СССР, их союзника в антигитлеровской войне. Вместе с тем их трудно было убедить в «миролюбии» реваншистов Западной Германии. Все политические партии оказались под сильным давлением общественного мнения страны, высказавшегося против ЕОС, и это было одним из решающих факторов при обсуждении в Национальном собрании договора о «Европейском оборонительном сообществе».

В конце августа 1954 г. правительство Мендес-Франса поставило договор о ЕОС на утверждение Национального собрания. На проходившей накануне Брюссельской конференции шести западноевропейских стран все предложения Мендес-Франса об ограничении наднационального характера ЕОС были отвергнуты. У стен Бурбонского дворца, где заседал парламент, бурлила волна протестов против перевооружения Западной Германии; внутри правительства также не было согласия. Национальное собрание фактически даже не обсуждало договор: 30 августа 1954 г. он был отклонен по процедурному вопросу большинством в 319 голосов против 264.

Как писал А. Зигфрид, «для возбужденного французского общественного мнения отказ от ЕОС означал конец германского перевооружения, в какой бы форме это ни было»[8]. Но правящие круги Франции придерживались иной точки зрения; вопреки воле народа они немедленно стали искать другую, более приемлемую форму перевооружения ФРГ. Мендес-Франс откровенно выразил это в своей речи 29 августа в Национальном собрании. Он сказал: «Если Собрание откажется от ратификации, проблема Западной Европы, проблема Германии (Западной.— *Ред.*) и ее перевооружения останется неурегулированной; через более или менее короткий срок эта проблема в той или иной форме вновь встанет перед нами»[9].

Борьба вокруг ЕОС была одной из крупнейших политических битв Четвертой республики. Она сплотила демократические и патриотические силы страны. Отказ Национального собрания ратифицировать договор о ЕОС вызвал большой международный отклик. Миролюбивые силы всего мира восприняли его как победу французского народа, тогда как реакционные круги США, ФРГ, Англии угрожали Франции изоляцией.

В сентябре — октябре 1954 г. в Лондоне и Париже состоялись совещания девяти держав (США, Англии, Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Канады). Были вы-

[8] «L'année politique 1954», p. 433.

[9] «Journal Officiel», 30.VIII 1954, p. 4422—4429, 4430—4434.

работаны соглашения о создании Западноевропейского союза на основе пересмотренного Брюссельского договора пяти стран 1948 г. Эти соглашения предусматривали создание коалиции самостоятельных национальных армий. Западная Германия получала право иметь вооруженные силы и становилась равноправным участником Атлантического союза [10].

30 декабря 1954 г. Национальное собрание Франции незначительным большинством ратифицировало Парижские соглашения. На депутатов парламента было оказано огромное давление со стороны американского и английского посольств, Ватикана, самого Мендес-Франса. Монополистический капитал Франции считал «примирение» с западногерманской буржуазией неизбежным и даже необходимым. «Парижские соглашения были навязаны Франции лишь потому, что французская буржуазия считала их более приемлемыми, чем договор о ЕОС... Монополистический капитал Франции стремился удержать свои позиции путем компромисса с монополиями Западной Германии. Парижские соглашения явились выражением этой политики широкого компромисса» [11].

7 мая 1955 г. Верховный Совет СССР аннулировал франко-советский договор 1944 г. о союзе и взаимной помощи, поскольку ратификация Парижских соглашений превращала его в пустую бумажку. В то время как на границах Франции поднимался опасный призрак возрождающегося германского милитаризма, она теряла поддержку СССР, союз с которым был надежной гарантией ее безопасности и мира в Европе.

После того как Мендес-Франс покончил с войной в Индокитае и провел через парламент Парижские соглашения, лидеры правых партий пришли к выводу, что беспокойный председатель совета министров, проявлявший временами тенденции к «чрезмерной самостоятельности», сделал свое дело и должен уйти. Большинство, на которое он опирался вначале, быстро таяло. Лидеры МРП не могли простить Мендес-Франсу провала их детища — «Европейского оборонительного сообщества».

В конце ноября 1954 г. в Алжире вспыхнуло восстание, послужившее началом национально-освободительной борьбы алжирского народа.

2—3 февраля 1955 г. в Национальном собрании проходили дебаты о положении во французской Северной Африке. Здесь французские колониалисты — те, которых несколько позднее будут называть «ультра», впервые открыто подняли голову и потребо-

[10] *Н. Н. Софинский.* Бонн и Вашингтон. М., 1968, стр. 84—86.
[11] *Н. Н. Молчанов.* Четвертая республика. М., 1963, стр. 374.

вали от правительства проведения политики репрессий, отказа от каких бы то ни было реформ. Особенно их тревожило восстание в Алжире, угрожавшее потерей наживаемых там огромных прибылей. Генерал Омеран, «независимый» республиканец, депутат от Алжира, заявил в своей речи: «Приход к власти Мендес-Франса, его деятельность в Тунисе... вызвали в трех алжирских департаментах невиданное террористическое движение... Если Мендес-Франс подпишет обсуждаемые сейчас соглашения (речь шла о некоторых реформах в Тунисе.— *Ред.*), это означает, что он готов дать Тунису полную независимость. Тогда вся Северная Африка пойдет по пути анархии, как и Индокитай»[12]. Депутат от алжирского департамента Константины правый радикал Р. Мейер откровенно призывал расправиться с национально-освободительным движением в Северной Африке, в первую очередь в Алжире[13].

Под натиском колониалистов правительство Мендес-Франса 6 февраля 1955 г. пало. Постепенно Алжир стал главной проблемой французской политики; последующие правительства Четвертой республики терпели поражение именно по вопросу о политике в Алжире. Пламя национально-освободительной борьбы вспыхнуло совсем рядом, на земле, которую французские колонизаторы уже 130 лет считали «своей». Искры этого пламени перекинулись и на здание Четвертой республики.

СОСТОЯНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ЭКОНОМИКИ. ПОДЪЕМ ЗАБАСТОВОЧНОЙ БОРЬБЫ

С 1954—1955 гг. в экономике Франции начался подъем. Темпы роста промышленности значительно повысились, что видно из следующих данных (1952 г. = 100)[14]

	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.
Промышленное производство (включая строительство)	101	110	119	130	141	147
Промышленное производство (без строительства)	101	111	121	134	146	152

По темпам промышленного развития Франция в это время обогнала большинство капиталистических стран. Главной причиной, обусловившей экономический подъем, было обновление ос-

[12] «Journal Officiel», 3.II 1955, p. 604—605.
[13] «Journal Officiel», 4.III 1955, p. 666.
[14] «Annuaire statistique de la France», rétrospectif, 1961, p. 121.

новного капитала, продиктованное растущей конкуренцией монополий США, Англии, а затем ФРГ и Японии. Этот процесс ускорялся быстрым техническим прогрессом (открытия в области ядерной энергии, автоматики и электроники, развитие химии). Значительно менялась структура капиталовложений и, как следствие этого, структура промышленного производства. В 1947 г. удельный вес промышленности в общей сумме капиталовложений составлял 27%, а в последние годы Четвертой республики — уже 50%[15], причем они направлялись в основном в отрасли, производящие средства производства. На долю отраслей, производящих предметы потребления, в 1952—1955 гг. приходилась в среднем лишь 1/10. Основные капиталовложения направлялись в тяжелую промышленность (топливно-энергетическое хозяйство, металлургия, машиностроение, химия), а также в новые отрасли (атомная промышленность, радиоэлектроника, производство полимеров и др.). Уже в 1954 г. доля тяжелой индустрии в общей стоимости продукции промышленности составляла 63,7%.

Накануне второй мировой войны Франция была известна кроме автомобильной и авиационной промышленности также производством текстильных, швейных, пищевых изделий. В последние годы существования Четвертой республики она уже являлась страной черной металлургии, машиностроения, химии. Если в 1954 г. Франция выплавила лишь 10 627 тыс. т стали, то в 1958 г. — 14 616 тыс. т[16]. По общему объему химической продукции Франция заняла четвертое место среди капиталистических стран. В области машиностроения первое место принадлежало автомобильной промышленности: в 1958 г. она дала 1127 тыс. грузовых и легковых автомобилей[17], находясь на четвертом месте в мире (после США, ФРГ и Англии) и являясь крупным их экспортером. В 1958 г. вывозилось 32% произведенных автомашин, в 1959 г.— 44,3%. Открытие крупных месторождений природного газа на юго-западе страны (район Лак) и нефти в Алжире (Сахара) создавало благоприятную основу для расширения энергетических ресурсов.

После 1952 г. во Франции весьма интенсивно протекал процесс концентрации производства, прежде всего в металлургической промышленности, судостроении, химии. По данным, приведенным М. Торезом в его докладе на XV съезде ФКП, в начале 1959 г. 0,15% всех промышленных предприятий, эксплуати-

[15] *Г. П. Черников.* Промышленность Франции.— «Проблемы экономики и политики Франции после второй мировой войны». М., 1962, стр. 172; *он же.* Финансовая олигархия Франции. М., 1966, стр. 19—21.

[16] «Annuaire statistique de la France», rétrospectif, 1961, p. 139.

[17] Ibid., p. 143.

рующих наемную рабочую силу, имели оборот свыше 1 млрд. фр. каждое; в 1958 г. они выплачивали половину всей суммы заработной платы, на их долю приходился 41% годового оборота промышленности. Пять трестов контролировали 72% производства стали, два треста — все производство алюминия, четыре треста производили 98% автомобилей, один контролировал 80% производства суперфосфатов, другой — 80% красителей, три треста производили 72% цемента [18]. Буржуазное государство значительно способствовало этому процессу при помощи специальных мер по картелированию.

К числу крупнейших относились нефтяные монополии «Компани франсэз де петроль», «Эссо стандард», «Сосьете франсэз де петроль», металлургические — «Лоррэн Эско», «Юньон сидерюржик дю Нор де ла Франс» (Юзинор), «Де Вандель э компани», автомобильные — «Рено», «Пежо», «Ситроен», «Симка», химические и электрометаллургические — «Пешинэ» и «Южин», химические — «Сен-Гобен», «Рон-Пулан», «Эр ликид», электрическая компания «Компани женераль де л'электрисите» и др.

В 50-х годах происходила также усиленная концентрация банковского дела За период с 1946 г. до начала 1959 г. было ликвидировано 90 банков, или 20% их общего числа. К этому времени десять крупнейших банков распоряжались 80% всех активов. В их число входили национализированные «Креди Лионэ», «Сосьете женераль», «Контуар насьональ д'эскont де Пари», «Банк насьональ пур ле коммерс э л'эндюстри», два крупных депозитных частных банка — «Креди эндюстриэль э коммерсиаль» и «Креди коммерсиаль де Франс» и четыре крупных деловых банка — «Банк де Пари э де Пэи-Ба», «Банк де л'Эндошин», «Банк де л'юньон паризьен» и «Креди дю Нор».

Быстрая концентрация производства и банковского дела усилила сращивание банковского и промышленного капитала. Так, после 1954 г. «Банк де Пари э де Пэи-Ба» создал или принял участие в создании более 40 новых предприятий [19]. Вместе с тем промышленные монополии все более внедрялись в банковское дело. Группировки финансового капитала представляли собой сложные объединения, включавшие в себя несколько банковых и промышленных монополий.

Для современной Франции характерна высокая степень развития государственно-монополистического капитализма. В 1958 г.

[18] «XV Congrès du Parti communiste français».— «Cahiers du communisme», numéro spécial (Juillet — août 1959), p. 19.

[19] *Г. П. Черников.* Финансовый капитал во Франции.— «Проблемы экономики и политики Франции после второй мировой войны», стр. 90; см. также *М. Инкср.* Новые черты финансовой олигархии во Франции. М., 1960.

в руках государства уже находилось 97% угольной промышленности, 95 — выработки газа, 80 — авиационного производства и выработки электроэнергии, более 40% автомобильной промышленности. Государство финансировало все работы, связанные с исследованиями в области атомной энергии, участвовало в нефтяных компаниях, ему принадлежали железные дороги, парижский городской транспорт, крупные военные предприятия, значительная часть акций крупнейшей авиационной компании «Эр Франс», а также компании морского транспорта. В 1957 г. государство владело 36% всего национального имущества, на предприятиях государственного характера создавалось около 13% стоимости валового национального продукта и работало около 1 млн. человек, или 14% общего числа лиц, занятых в торгово-промышленном секторе[20].

Четыре национализированных депозитных банка охватывали около половины ресурсов, учитываемых в балансах такого рода учреждений, и половину их наличного денежного оборота. Государству принадлежал также Французский банк, который занимался главным образом эмиссией банкнот и переучетом векселей. Было национализировано более 30% страховых обществ, располагавших около 60% всех страховых фондов.

Так же как и в других капиталистических странах, во Франции проходило глубокое сращивание государства с монополистическим капиталом. Одни и те же лица выполняли одновременно и обязанности государственных чиновников и функции предпринимателей. В правлениях национализированных банков сидели представители финансового капитала, они же входили в руководящие органы буржуазных политических партий.

Но, несмотря на усиленный процесс концентрации, удельный вес мелких предприятий оставался высоким. Мелкое производство, ремесленничество сохранялись в старых отраслях: текстильной, швейной, пищевой промышленности, частично — в машиностроении. По переписи 1954 г. предприятия с числом занятых до 50 человек составляли примерно 96% всех предприятий — выше, чем в США, Англии и ФРГ[21].

Промышленный подъем в последние годы существования Четвертой республики вызвал изменения в структуре рабочего класса. На крупных модернизированных предприятиях росла прослойка малоквалифицированного персонала (так называемых специали-

[20] *А. И. Покровский.* Государственно-монополистический капитал во Франции. — «Проблемы экономики и политики Франции после второй мировой войны», стр. 126—128.

[21] *R. Aron.* Immauable et changeante. De la IV à la V République. Paris, 1959, p. 105.

зированных рабочих), выполнявшего узкоспециальные операции, которые не требовали длительного обучения. По данным переписи в 1954 г. их насчитывалось 1853 тыс. (29% общего числа рабочих) [22]. Отсутствие безработицы и даже некоторая нехватка рабочей силы в связи с высокой конъюнктурой способствовали тому, что в эту группу вливались разорявшиеся крестьяне и городские мелкие буржуа. Пестрое социальное происхождение, отупляющие «адские» темпы работы на конвейере делали их восприимчивыми к буржуазной пропаганде, к идеям национализма и шовинизма. Вместе с тем модернизация производства, все большая автоматизация его процессов вызвали увеличение количества инженерно-технического персонала и служащих. Часть из них находилась под значительным идеологическим и политическим влиянием буржуазии, но некоторые слои шли на сближение с пролетариатом.

В сельском хозяйстве также усилилось сосредоточение средств производства в руках капиталистов и помещиков. Мелкие и мельчайшие хозяйства разорялись. Число хозяйств с земельным наделом от 1 до 5 га сократилось с 1050 тыс. в 1929 г. до 642 тыс. в 1956 г., а с наделом от 5 до 10 га — с 755 тыс. до 472 тыс. За тот же период число крупных хозяйств (более 50 га) увеличилось с 50 тыс. до 95 тыс.; площадь обрабатываемой ими земли выросла с 4850 тыс. до 8192 тыс. га. В 1956 г. крупные хозяйства, составлявшие менее 5% общего числа, имели более четверти (28%) обрабатываемой земли [23]. Все усиливавшееся проникновение капитализма в сельское хозяйство, резкое расхождение цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты, отсутствие социальных льгот, которыми пользовалось городское население, — все это приводило к тому, что разорявшееся крестьянство, и в первую очередь молодежь, бежало в города, где в связи с промышленным подъемом в них ощущалась нужда. Население деревень «старело». В 1954 г. половина крестьян была в возрасте 52 и более лет, а в некоторых департаментах, где преобладало мелкое хозяйство (Лозьер, Арьеж, Нижние Пиренеи, Жер, Корсика), возраст 30% крестьян превышал 65 лет [24].

Экономический подъем, увеличение занятости, известная стабилизация цен дали буржуазным и социал-демократическим идеологам повод усилить пропаганду разного рода теорий «неокапитализма»; они утверждали, будто при капиталистическом режиме можно полностью урегулировать спрос и предложение, ввести

[22] «Annuaire statistique de la France», 1959, p. XIV.

[23] *W. Rochet.* Ceux de la terre. Paris, 1963, p. 32—35; «Partis politiques et classes sociales en France». Paris, 1955, p. 162.

[24] *W. Rochet.* Ceux de la terre, p. 74—75.

планирование, устранить кризисы и безработицу. Вновь активизировались теоретики СФИО (Ж. Мок, Рэмбер, Лора, Филип), наперебой твердившие о «трансформации капитализма» в социализм без революционных преобразований и ликвидации существующих производственных отношений.

Большой заслугой Французской коммунистической партии было то, что она решительно разоблачила подобные взгляды. Партия подвергла резкой критике теории процветания капиталистического общества и сотрудничества классов, призвала рабочих усилить борьбу против капиталистической эксплуатации, существо которой не изменилось, несмотря на экономический подъем и обусловленное им улучшение положения некоторых категорий трудящихся. Экономическое неравенство, социальная несправедливость стали еще более кричащими, чем прежде. Это подтвердили стачки летом 1955 г.

Забастовочное движение на данном этапе, и это была его характерная черта, было направлено в первую очередь против интенсификации труда, благодаря которой предприниматели в условиях выгодной экономической конъюнктуры получали баснословные прибыли, тогда как зарплата была блокирована. Первыми оставили работу коллективы судостроительных предприятий Сен-Назера (Бретань), их примеру последовали рабочие ряда других отраслей промышленности. Они требовали повышения зарплаты. В борьбу включились все профсоюзные центры, но руководящая роль в организации и проведении стачек принадлежала ВКТ и коммунистической партии, прилагавшей все силы, чтобы обеспечить широкое единство участников борьбы. Эти усилия встречали отклик со стороны низовых организаций социалистической партии на заводах и фабриках; они вступали в контакты с организациями ФКП, проводили совместно с коммунистами митинги и демонстрации бастующих.

В результате забастовочного движения летом 1955 г. большинство французских рабочих добилось увеличения заработной платы. Владельцы многих предприятий вынуждены были заключить новые коллективные договоры, содержавшие также статьи о предоставлении трехнедельных оплачиваемых отпусков. Это было серьезное завоевание французского рабочего класса.

Одновременно с массовыми выступлениями в промышленных центрах волнения охватили сельскохозяйственные департаменты. Крестьяне протестовали против политики правительства в области цен, сельскохозяйственные рабочие требовали повышения зарплаты. На дорогах вновь появились баррикады из сельскохозяйственных орудий [25]. В феврале 1955 г. полиция атаковала 15-тысяч-

[25] «Les paysans et la politique dans la France contemporaine». Paris, 1958, p. XXI.

ную крестьянскую демонстрацию, имевшую место в Лилле. Правительство было вынуждено принять решение о повышении закупочных цен на зерно[26]. В мае — июне забастовали крестьяне, производившие молочные продукты; они добивались повышения цен на молоко. Коммунисты вели активную политическую работу среди крестьянских масс, разъясняли, кто является виновником их бедственного положения и каковы пути его преодоления. На пленуме ЦК ФКП, состоявшемся в октябре 1955 г., член Политбюро ЦК Вальдек Роше в специальном докладе, посвященном работе партии в деревне, и Морис Торез в заключительной речи показали, что укрепление союза рабочего класса и трудящегося крестьянства в борьбе против усиления эксплуатации, за национальную независимость и мир, за социализм — важная задача партии[27].

В 1955 г. Франция находилась в преддверии парламентских выборов, назначенных на январь 1956 г. Основным требованием всех прогрессивных кругов стало изменение направления политики. Но важнейшим условием такого изменения было прочное единство трудящихся, в первую очередь коммунистов и социалистов. В своем докладе на пленуме ЦК ФКП в мае 1955 г. член Политбюро ЦК Ф. Бийу подчеркнул, что «от единства действий между социалистами и коммунистами зависят удовлетворение непосредственных требований трудящихся, защита и расширение демократических свобод, защита и укрепление мира.... Тактика единого фронта — наиболее действенное средство в борьбе против капитала, в мобилизации масс в классовом духе»[28]. Бийу отметил, что ФКП не требует от СФИО принять ее программу. Коммунисты предлагали социалистам работать вместе для осуществления общих пунктов, которые имелись в программах обеих партий. В течение 1955 г. коммунистическая партия пять раз предлагала руководству СФИО единство действий в борьбе за повышение зарплаты трудящимся, против планов производства атомного оружия, против колониальной политики, в защиту светской школы и др. Лидеры СФИО не ответили ни на одно из этих предложений, но на практике, как уже отмечалось, социалисты и коммунисты часто выступали по этим вопросам совместно.

На сближение коммунистов и социалистов большое влияние оказывала активная политика ослабления международной напряженности, проводимая Советским правительством. Антикоммунизм, одной из составных частей которого был тезис об «агрессивности» Советского Союза, пропагандируемый руководством

[26] Ibid., p. XXII.
[27] «L'Humanité», 20. X 1955.
[28] «France nouvelle», 1955, N 492.

СФИО, все более терял свою действенность, и лидеры социалистической партии под давлением общественного мнения вынуждены были, хотя и с оговорками, признавать миролюбивый характер советской внешней политики.

Активная роль ФКП в организации забастовочного движения, ее упорная борьба за единство действий способствовали дальнейшему укреплению ее позиций в массах. Несмотря на все попытки реакции устранить ФКП с политической арены, представить ее как «иностранную» партию, она вновь и вновь показывала себя подлинной защитницей национальных интересов. Как и ранее, она была самой организованной партией, сохранявшей большое влияние в стране.

ВОЙНА В АЛЖИРЕ И УСИЛЕНИЕ РЕАКЦИОННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В БУРЖУАЗНОМ ЛАГЕРЕ

В период, предшествовавший парламентским выборам, в стране происходила дальнейшая поляризация политических сил. Наступление нового этапа общего кризиса капитализма еще более обострило противоречия между интересами монополий и нации. Усиливались эксплуатация рабочего класса, разорение широких масс крестьянства, росли трудности, испытываемые мелкой и средней городской буржуазией. Развитие государственно-монополистического капитализма углубляло противоречия и внутри крупной буржуазии, среди которой все более брала верх тенденция к свертыванию буржуазной демократии и автократическим методам управления. Буржуазная демократия во Франции вступала в период глубокого кризиса.

Этот процесс происходил в очень своеобразных условиях Четвертой республики. Сильная коммунистическая партия, влиятельные демократические организации, республиканские институты, созданные благодаря мощному подъему массового движения в первые послевоенные годы,— все это было серьезным препятствием для замыслов реакции. Но существовал и фактор, в сильнейшей степени ускорявший кризис буржуазной демократии: непрерывный распад французской колониальной империи.

Наличие мировой социалистической системы и ослабление позиций империализма открыли перед народами французских колоний, как и перед всеми угнетенными народами, большие возможности завоевания независимости. Как уже отмечалось, правительства Четвертой республики вели непрерывные войны против поднявшихся на борьбу народов Французского союза. Реакционная буржуазия, желавшая любой ценой сохранить свои колониальные владения, считала, что демократические учреждения мешают ей справиться с национально-освободительным движением в

колониях. Поэтому правящие круги не останавливались ни перед чем, чтобы дискредитировать эти учреждения в глазах широких масс, особенно в глазах мелкой и средней буржуазии. Задача облегчалась тем, что в результате все усиливающейся мощи крупного монополистического капитала эта часть буржуазии разорялась и была склонна винить во всех своих бедах политические институты республики.

Отражением растерянности и метаний мелкой и средней буржуазии был распад радикал-социалистической партии, служившей осью большинства правительств Четвертой республики. Партию раздирали внутренние противоречия, ее лидеры требовали «обновления», причем каждый на свой манер. Так, в программе, предложенной Мендес-Франсом, требования защиты интересов буржуазии сочетались с демагогическими лозунгами необходимости улучшения материального положения трудящихся. Мендес-Франс рассчитывал объединить вокруг радикал-социалистов СФИО, мелкие буржуазные партии и группы центра, создав таким образом «новую левую» без коммунистов.

Правое крыло, представлявшее интересы крупного монополистического капитала и колониалистов, считало, что в создавшихся условиях радикал-социалисты должны искать союзников не слева, а справа. Один из этих деятелей, Жан-Поль Давид, возглавлял реакционную антикоммунистическую организацию «Мир и свобода», которая содержалась на средства госдепартамента США. В рядах старейшей организации французской буржуазной демократии появилось также течение, отражавшее интересы наиболее оголтелых колониалистских кругов. А. Гурдон писал в 1955 г.: «В настоящее время радикальная партия является идеальным инструментом для защиты экономических и социальных привилегий французских групп Северной Африки, которые решительно отказываются от какой бы то ни было эволюции и какихлибо реформ» [29].

На происходивших в мае и ноябре 1955 г. съездах партии Мендес-Франсу удалось одержать победу над противниками; в декабре того же года из радикал-социалистической партии были исключены наиболее видные представители правого крыла — Мартино-Депла, Р. Мейер, Ж.-П. Давид и др. Из партии ушел также Эдгар Фор, являвшийся тогда председателем совета министров. В дальнейшем правые образовали новую партию, председателем которой стал А. Кей. Одна из наиболее влиятельных буржуазных политических организаций Третьей и Четвертой республик по существу раскололась на враждующие между собой группировки.

[29] «Partis politique et classes sociales en France», p. 238.

Свидетельством того, что часть мелкой городской буржуазии разочаровалась в республиканских институтах, было «движение Пужада», которое к 1955 г. приобрело значительный размах. Лидер этого откровенно фашистского движения мелкий лавочник из городка Сен-Сере (департамент Ло в центральной Франции) Пьер Пужад, человек с сомнительным прошлым (до войны он был сторонником Дорио), создал организацию «Союз защиты торговцев и ремесленников». Число ее членов быстро росло; пужадисты привлекли на свою сторону массу мелких предпринимателей, торговцев и ремесленников, недовольных налоговой политикой правительства. «Движение Пужада» с самого начала стало пристанищем фашистских элементов и очень скоро переросло свои первоначальные рамки борьбы против налогов. В программной речи на съезде своей организации, проходившем в Париже 5 и 6 июля 1955 г., Пужад требовал пересмотра конституции и сохранения колониальной «единой и неделимой империи», передачи национализированных предприятий частным капиталистам, ограничения социального страхования, замены Национального собрания Генеральными штатами, контроля над профсоюзами и т. д. [30] Эту программу он во многом заимствовал у Гитлера и Муссолини. Пужадисты организовали шумную кампанию, нападая на правительство, парламент и т. д. В одной из своих речей Пужад заявил: «Через несколько месяцев мы пустим в ход большую метлу; нужно ждать дня «икс», когда мы начнем прямые и решительные действия». Или же: «Всех этих людей из Бурбонского дворца нужно запихать в один мешок» [31].

Интересную характеристику пужадизму дал Андре Зигфрид: «Пужадизм против всего: прежде всего против фиска, но также против универсальных магазинов, против социального страхования, чиновников, инспекторов финансов, могущества денег... Характер этого движения... правый, антипарламентский, вообще говоря, фашистский. Его нужно однако ассоциировать, по крайней мере по происхождению, с определенным социальным классом: классом ремесленников, мелких и средних торговцев... Это Франция с ее ремесленными и индивидуалистическими традициями восстала против продвижения механизации, которая грозила ее затопить» [32].

Пужаду не удалось, однако, стать французским Гитлером, его организация быстро распалась. Подобное движение не могло получить большого успеха в стране с сильными демократическими и

[30] *F. Grenier.* Poujade sans masque. Paris, 1956, p. 11.

[31] Ibid., p. 13—14.

[32] *A. Siegfried.* De la III à la IV République. Paris, 1956, p. 202—204.

республиканскими традициями, имевшими глубокие корни в различных слоях населения. В силу этого крупные финансовые монополии не оказали Пужаду сколько-нибудь серьезной поддержки. Но пужадизм сыграл свою роль в подготовке переворота, позже свергнувшего Четвертую республику. Все наиболее видные пужадисты оказались затем среди заговорщиков 13 мая 1958 г. Пропагандируя национализм, шовинизм, антипарламентаризм, они оказали немалую услугу противникам республики.

С февраля 1955 г. у власти находилось правительство, возглавляемое радикалом Э. Фором. Правые партии, свалившие Мендес-Франса за «либеральные» тенденции, составили ядро нового кабинета. В него вошли деголлевцы Г. Палевский, генерал Кёниг, Р. Трибуле, «независимые» А. Пине, Р. Дюше, правые радикалы М. Буржес-Монури, А. Морис, Б. Лафе, представитель МРП П. Пфлимлен и др. Составив таким образом свое правительство, Э. Фор заранее обрекал его на бездеятельность, ибо планы и замыслы политических деятелей, входивших в него, были направлены на то, чтобы тормозить решение неотложных проблем, стоявших перед страной.

Перед лицом сильной оппозиции в парламенте, основу которой составляли коммунисты и социалисты, Фор пытался править с помощью чрезвычайных полномочий. Франция была охвачена рабочим и крестьянским движением, росло недовольство городской мелкой буржуазии, но правительство упорно отказывалось от проведения назревших социально-экономических мероприятий. На совещании глав правительств СССР, США, Англии и Франции, проходившем с 18 по 23 июля 1955 г. в Женеве, Э. Фор не внес каких-либо конструктивных предложений по вопросу об ослаблении международной напряженности, выступив единым фронтом с представителями США и Англии. Главным условием организации европейской безопасности Фор считал «объединение» Германии посредством ликвидации демократических и социальных завоеваний ГДР и включение ее в НАТО и Западноевропейский союз.

Между тем положение в Северной Африке, прежде всего в Алжире, все больше отражалось на политической жизни Франции. Несмотря на предоставление Тунису в 1954 г. внутренней автономии, борьба за независимость там не прекратилась. Сильнейшую тревогу правительства вызывали Марокко и Алжир, охваченный восстанием, во главе которого стал Фронт национального освобождения (ФНО), созданный еще в октябре 1954 г. Власти направляли туда все большее количество войск. Неуклонно усиливалась политическая роль представителей колониальной буржуазии, требовавшей усиления репрессий против народов Северной Африки. Большинство из них были сторонниками генерала де Голля. 26 января

1955 г. пост генерал-губернатора Алжира занял один из видных деятелей деголлевской партии, Жак Сустель, 21 июня резидентом в Марокко стал другой деголлевец — Гранваль. В июне же под руководством Э. Фора был создан координационный комитет по делам Северной Африки, куда вошли Палевский, генерал Кёниг, а также маршал Жюен.

К осени 1955 г. весьма напряженным стало положение в Марокко. 20 августа, в день второй годовщины свержения султана Мохаммеда бен Юсефа, там произошли многочисленные демонстрации, в ряде мест приведшие к вооруженным столкновениям с полицией и войсками; вспыхнуло восстание. Передовое общественное мнение всех стран мира резко осуждало политику Франции в Марокко; марокканский вопрос стоял на повестке дня Генеральной ассамблеи ООН. Французский империализм был вынужден пойти на уступки.

Выступая в Национальном собрании в дебатах по марокканскому вопросу, Фор был вынужден признать, что время безраздельного господства колонизаторов миновало: «В современную эпоху мы должны признать существование и подъем национального самосознания у всех народов, имеющих свои традиции и национальную целостность. Таково Марокко, потому что существует марокканская национальность, признанная договорами... Вы знаете значение этого явления... Я считаю, что в народе и в стране, подобной Марокко, эти национальные стремления нельзя ни отрицать, ни сломать, ни уничтожить» [33].

После переговоров между представителями французского правительства и марокканскими националистами Мулай бен Арафа был удален из Рабата, а султан Мохаммед бен Юсеф 31 октября 1955 г. прибыл с Мадагаскара во Францию. В результате его бесед с министром иностранных дел А. Пине было решено создать марокканское правительство. Его главной задачей должно было стать ведение переговоров с Францией о предоставлении Марокко статута независимого государства.

Во время франко-марокканских переговоров правые политические деятели, представлявшие интересы «ультра»,— «независимые» и социальные республиканцы устроили настоящий бунт против правительства. Подал в отставку с поста резидента в Марокко Гранваль, затем ушли в отставку министры-деголлевцы. Руководство «Национального центра независимых» рекомендовало сделать то же своим сторонникам, но этому воспротивился А. Пине. Реакционные военные круги, тесно связанные с колониалистами, также начали бунтовать. Маршал Жюен вышел из координационного коми-

[33] «Journal Officiel», 7.XI 1955, p. 4808.

тета по делам Северной Африки и постоянно нападал на правительство за его перемену курса в отношении Марокко. Реакция начинала подготовку антиреспубликанского заговора.

Ультраколониалисты в борьбе против республики выдвигали на первый план алжирский вопрос. Война в Алжире, которую правящие круги пытались представить как внутреннее дело Франции, как борьбу против возмутившихся французских департаментов, создавала благоприятные условия для раздувания шовинизма и расизма. Колониальная буржуазия всеми средствами стремилась сохранить Алжир на положении колонии. Прибыли 24 монополистических компаний, эксплуатировавших национальные богатства Алжира, выросли в несколько раз. Эти компании были тесно связаны с могущественными банковскими группами [34].

Алжирское население жило в нищете и бесправии. Бо́льшая часть страны была разделена на смешанные коммуны во главе с чиновниками, назначенными французским генерал-губернатором. Южные территории Сахары целиком находились в ведении военных властей. Алжирская ассамблея, выборный орган, якобы представлявший интересы населения, была послушна воле колонизаторов. Выборы как во французский парламент, так и в Алжирскую ассамблею проводились по двум куриям: европейской и мусульманской, причем во второй курии они, как правило, фальсифицировались. Из 9 млн. населения Алжира 1 млн. были европейцами, в большинстве своем выходцами из Франции. В это число входила не только крупная колониальная буржуазия, но и мелкие землевладельцы, чиновники, торговцы, тесными узами связанные с Францией. Французские поселенцы занимали лучшие земли, мелкий чиновник, служивший в Алжире, получал значительно больший оклад, чем его собрат в метрополии. Французу со школьной скамьи вдалбливали, что Алжир — это Франция, французские департаменты.

Как и во время событий во Вьетнаме, ФКП, верная принципам пролетарского интернационализма, ставила одной из своих главных задач борьбу за прекращение войны в Алжире. Выступая против расистской, шовинистической пропаганды, Французская коммунистическая партия подчеркивала положение, выдвинутое М. Торезом еще в 1939 г., что алжирская нация находится в процессе формирования, и требовала признания права алжирского народа на независимость. Компартия вела большую идеологическую и политическую кампанию, разъясняя трудящимся, что Алжир является не частью Франции, а зависимой страной, народ которой борется за свое освобождение. Коммунисты разоблачали

[34] «Histoire du Parti communiste français. Manuel», Paris, 1964, p. 574—575.

акты насилия и произвола, применяемые французскими властями в отношении бойцов Фронта национального освобождения (ФНО), объединявшего алжирских патриотов.

Война в Алжире принимала все более жестокие формы. В начале апреля 1955 г. Национальное собрание приняло закон о введении там чрезвычайного положения. С полной нагрузкой заработали военные трибуналы, была запрещена деятельность алжирской компартии и других демократических организаций, прогрессивной печати, населенные пункты подвергались «прочесыванию». Тем не менее реакционные круги считали это недостаточным.

29 ноября 1955 г. правительство Э. Фора было свергнуто. Против него выступила не только оппозиция — коммунисты, социалисты, радикалы — сторонники Мендес-Франса, но и часть правительственного блока — социальные республиканцы и 30 депутатов независимых. Ввиду того что в течение 18 месяцев два правительства были свергнуты абсолютным большинством голосов, парламент, согласно конституции, должен был быть распущен. Правые партии, полностью дискредитировав правительство, рассчитывали в случае досрочных выборов нажить политический капитал на демагогической критике «системы», т. е. республиканских институтов, и добиться большинства в новом Национальном собрании. Однако они ошиблись в оценке расстановки политических сил. Как рабочий класс, только что добившийся успеха в упорной борьбе против предпринимателей, так и трудовое крестьянство, часть мелкой буржуазии, настроенная республикански, верили в парламентские институты, ставшие традицией для французского народа. Народные массы требовали изменения направления политики и полагали, что улучшения своего положения они могут ждать лишь от Национального собрания, где большинство будет принадлежать демократическим партиям.

Учитывая эти стремления, ФКП предложила руководству социалистической и радикал-социалистической партий выступить на выборах единым фронтом; она исходила, в частности, из того, что в их избирательных программах (особенно это касалось социалистической партии) был ряд общих пунктов с программой ФКП. Находясь последние годы в оппозиции, социалисты нередко голосовали в Национальном собрании вместе с коммунистами, а на местах рядовые социалисты и коммунисты нередко выступали сообща. На пленуме ЦК ФКП в ноябре 1955 г. М. Торез заявил: «Наличие условий и сил для изменения политики является фактом, и не считаться с ним было бы непростительной слепотой. Что касается нас, то мы торжественно заявляем о своей готовности сразу же после выборов договориться с социалистической партией о совместном проведении политики, соответствующей воле народа и интересам страны, а также о том, чтобы дать нации

Выступление М. Кашена перед избирателями. 1956 г.

такое правительство, которого она ожидает. Мы готовы также к соглашению с представителями других партий и групп, придерживающихся такого же направления» [35].

В обстановке, когда народ вновь обращал свои взоры к левым партиям, сложились благоприятные условия для единства их действий. Буржуазные политические партии так и не могли прийти к соглашению об изменении избирательной системы, хотя в 1955 г. этот вопрос был предметом длительного обсуждения в Национальном собрании. Поэтому выборы почти всюду проходили на основе пропорциональной системы. Если бы лидеры СФИО и радикал-социалистов приняли предложение ФКП, списки этих партий могли бы получить все места приблизительно в 40 департаментах, что обеспечило бы прочное большинство левых сил в парламенте.

Однако реформистское руководство СФИО более всего боялось возрождения Народного фронта. 47-й съезд Французской социалистической партии (30 июня — 3 июля 1955 г.) принял резолюцию, в которой говорилось, что «социалистическая партия отвергает предложения о так называемом единстве действий... и запрещает активистам, руководящим деятелям, секциям и федерациям давать ход предложениям о создании единого фронта или

[35] «L'Humanité», 5. XI 1955.

о единых действиях»[36]. В свою очередь Мендес-Франс на пресс-конференции 7 декабря 1955 г., раскритиковав правительство за «бездеятельность» и «неспособность выработать определенную программу действий», выступил против какого бы то ни было соглашения с коммунистами. Чтобы нанести поражение партиям бывшего правительственного большинства, Ги Молле и Мендес-Франс шли на союз с деголлевцами. Накануне выборов возник «Республиканский фронт», соглашение о создании которого подписали Ги Молле, Мендес-Франс, Миттеран (ЮДСР) и Шабан-Дельмас (социальные республиканцы). Этот блок, выступавший под знаменем антикоммунизма, мог привести лишь к углублению раскола демократических сил.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2 ЯНВАРЯ 1956 ГОДА. ПРАВИТЕЛЬСТВО ГИ МОЛЛЕ

Результаты январских выборов 1956 г. показывают, что большинство французских избирателей голосовали за коммунистов, социалистов и левые буржуазные партии[37].

Партии	Голоса	В процентах к общему числу голосов	Число мест в Национальном собрании *
ФКП	5 454 589	25,6	150
СФИО	3 180 656	14,9	95
Радикал-социалисты, ЮДСР, РЖР	2 876 398	13,5	91
МРП	2 374 221	11,3	73
«Независимые»	3 080 414	14,4	95
Социальные республиканцы	984 854	4,4	21
Пужадисты	2 451 555	11,5	52
Прочие			6

* В Национальном собрании имелась также группировка «независимых заморских территорий» — 10 депутатов, примыкавшая к МРП. 30 мест в Национальном собрании остались незанятыми, так как в Алжире выборы не проводились.

Таким образом, в Национальном собрании большинство принадлежало партиям, на основе союза которых накануне второй мировой войны был создан Народный фронт. Французский народ, отдав свои голоса этим партиям, ждал от них быстрого решения важнейших национальных проблем, которые не в состоянии был решить правоцентристский блок. Исходя из национальных интересов страны, ЦК ФКП предложил генеральному секретарю

[36] «Le Populaire de Paris», 5.VII 1955.

[37] «L'année politique 1955», p. 2—3, 487, 542.

СФИО Ги Молле и председателю партии радикалов и радикал-социалистов Э. Эррио создать левое правительство на основе соглашения трех партий. В письме ЦК ФКП говорилось: «Голосуя за кандидатов коммунистической партии, социалистической партии и партии радикал-социалистов, большинство избирателей продемонстрировало свое стремление к тому, чтобы управление делами страны было передано в руки левого правительства. Они не смогли бы понять, если бы эти три партии не сделали все от них зависящее, чтобы это было именно так. Такое правительство могло бы, в частности, разрешить мирным путем, путем переговоров алжирскую проблему; улучшить условия жизни трудящегося населения города и деревни; осуществить программу-минимум Национального комитета борьбы в защиту светской школы; проводить политику ослабления международной напряженности, ведущую к разоружению» [38].

Предложения компартии вовсе не предполагали каких-либо радикальных перемен, они касались лишь неотложных задач, которые должны были встать перед будущим французским правительством. Эти требования входили и в избирательную программу социалистической партии, а несколько позднее Ги Молле включил их в свою речь при получении инвеституры в Национальном собрании.

В создавшейся обстановке дальнейшее политическое развитие страны, судьба демократических институтов более чем когда-либо зависели от взаимоотношений между двумя самыми крупными левыми партиями — ФКП и СФИО, или, вернее сказать, от выбора, который собиралось сделать руководство социалистической партии. Если в первые послевоенные годы лидеры СФИО были поставлены перед выбором между буржуазной демократией и курсом на более последовательное демократическое развитие, которое должно было повести к глубоким социальным изменениям, то в сложившейся обстановке решение в духе антикоммунизма было связано с отходом от защиты самой буржуазной демократии. Хотя результаты выборов 2 января 1956 г. свидетельствовали о провале первых попыток наступления на парламентскую республику, тем не менее антиреспубликанские тенденции в лагере буржуазии продолжали усиливаться.

Ослепленное антикоммунизмом, руководство социалистической партии предпочитало не замечать этих опасных симптомов. Предложения коммунистов были вновь отвергнуты. В резолюции чрезвычайного съезда СФИО (15 января 1956 г.) говорилось: «Республиканский фронт должен один сформировать правительство и

[38] «Cahiers du communisme», 1956, N 1—2.

отказаться от всяких переговоров, от всякого союза с противниками демократии (имелась в виду компартия.— *Ред.*) и партиями реакции, которые сознательно или бессознательно являются их сообщниками» [39]. Лидеры СФИО стремились возродить старую политику «третьей силы»; ее должно было проводить правительство из представителей партий, входивших в «Республиканский фронт» и имевших в парламенте лишь 170 депутатов. «Республиканский фронт» не мог даже рассчитывать на поддержку всех радикалов, так как его сторонниками были только 58 радикалов-мендесистов, тогда как 14 радикалов, приверженцев Фора, выступали вместе с правыми партиями. Даже в обстановке конца 40-х годов формула «третьей силы» была довольно условной, а в 1956 г. она еще менее отвечала расстановке политических сил. Но в парламенте первой легислатуры «третья сила», опираясь на СФИО, МРП, радикалов и близкие к ним группировки, могла рассчитывать на абсолютное парламентское большинство. В Национальном же собрании третьей легислатуры «Республиканский фронт» объединял лишь четвертую часть депутатов. На пленуме ЦК ФКП 18 января 1956 г. Ж. Дюкло предупредил, что «правительство меньшинства, отказывающееся опереться на левые силы, неизбежно станет заложником реакции» [40].

Формирование правительства было поручено Ги Молле. После пятилетнего пребывания в оппозиции социалисты вновь пришли к власти. Отказавшись от поддержки слева, Ги Молле и Мендес-Франс решили включить в кабинет социальных республиканцев (деголлевцев), потерпевших на выборах сокрушительное поражение — их голоса и депутатские мандаты перешли к другим правым группировкам — пужадистам, «независимым». Наиболее важные посты в правительстве заняли социалисты и радикалы [41]. Коммунистическая партия заявила, что ее депутаты будут голосовать за все прогрессивные мероприятия Ги Молле. Трезво оценивая обстановку и ставя на первый план защиту демократии и

[39] «Le Populaire de Paris», 17.I. 1956.

[40] «Cahiers du communisme», 1956, N 1—2.

[41] В состав кабинета Ги Молле входили 35 человек, в том числе министры: национальной обороны — Буржес-Монури, без портфеля — Мендес-Франс, просвещения — Биллер (все — радикалы), министр с резиденцией в Алжире — генерал Катру, юстиции — Миттеран (ЮДСР), по делам фронтовиков — Шабан-Дельмас (соц. республиканец), внутренних дел — Жюль Мок иностранных дел — Пино, экономики — Лакост, по социальным вопросам — Газье, по делам заморских территорий — Деффер (все — социалисты). В дальнейшем в составе правительства произошли некоторые изменения. После ухода в отставку Мендес-Франса и генерала Катру первого заменил Шабан-Дельмас, второго — Лакост. Министром по делам фронтовиков стал Танги Прижан, а министром экономики и финансов — Рамади (оба — социалисты).

интересов трудящихся, руководство ФКП поддерживало правительство, несмотря на его колебания и непоследовательность, до тех пор, пока оно окончательно не отступило под натиском реакции.

31 января 1956 г. Ги Молле выступил в Национальном собрании с правительственной декларацией. Она свидетельствовала о том, что лидеры СФИО отдавали себе отчет в сложности и трудности стоящих перед Францией проблем и пытались найти решение некоторых из них. Ги Молле подчеркнул, что его правительство ставит своей целью восстановить мир в Алжире, прекратить там террористические действия и репрессии, что необходимо «признание алжирской индивидуальности и осуществление полного политического равенства всех жителей Алжира». Он предлагал, в частности, провести в Алжире избирательную реформу, создав единую курию, которая объединяла бы мусульманское и европейское население. В дальнейшем Ги Молле не раз подвергался со стороны правых нападкам за выражение «алжирская индивидуальность» и проект единой курии, в которых ультраколониалисты видели покушение на их привилегированное положение в Алжире и признание права алжирцев на самоопределение. Но, как видно из его речи, сам Ги Молле в тот момент был далек от этого и не допускал мысли о возможности предоставления независимости Алжиру. Он прямо заявил, что «в ближайшее время военный потенциал вооруженных сил, размещенных в Алжире, еще не может быть уменьшен». Ги Молле утверждал, что целью его правительства будет «мир, мир внутри Франции, мир на заморских территориях, мир во всем мире».

Следуя внешнеполитическим концепциям своей партии, Ги Молле высказал мнение, что «гарантией сохранения мира и свободы» является организация Североатлантического договора, он выдвинул идеи «Общего рынка» и «Евратома», отвечавшие интересам монополистического капитала. Но в те дни уже было невозможно отрицать стремление Советского правительства покончить с холодной войной, проводить политику мирного сосуществования; требование переговоров с Советским Союзом стало очень популярным. Ги Молле заявил, что постоянным и неустанным стремлением его правительства будут «переговоры с Советским Союзом при всех обстоятельствах, по всем проблемам», особенно по таким, как восстановление единства Германии, европейская безопасность и разоружение.

В правительственной декларации была изложена довольно широкая программа социальных мероприятий, многие из которых должны были закрепить в законодательном порядке завоевания трудящихся во время забастовок 1955 г. После затянувшейся «паузы» в социальном законодательстве инициатива нового пра-

вительства в этой области была встречена левыми партиями и всеми трудящимися с одобрением.

Но Ги Молле ни слова не сказал об опасности, грозившей республиканским институтам со стороны реакции, открыто и яростно нападавшей на «систему». Наоборот, значительную часть своего выступления он посвятил необходимости реформы конституции и усиления исполнительной власти. Выше уже отмечалось, что правые партии давно добивались пересмотра конституции. Но они сумели лишь внести в нее отдельные изменения (они были утверждены президентом республики 7 декабря 1954 г.), согласно которым урезывались законодательные права Национального собрания и расширялись полномочия второй палаты — Совета республики (состав этой палаты был довольно консервативен вследствие недемократической системы выборов ее). Теперь правые получили поддержку лидера социалистической партии, потребовавшего в своей речи внести «такие изменения в конституцию, которые позволят укрепить стабильность исполнительной власти и тем самым упрочить власть государства»[42].

Кажется, никогда еще политика Французской социалистической партии не была столь противоречивой, как в это время. Ги Молле отвергал голоса коммунистов, но его истинным парламентским большинством было большинство с ФКП, которая поддерживала его прогрессивные начинания; реакционные же его мероприятия встречались очень холодно правыми партиями, руководители которых считали, что осуществлять «твердую» политику должны они сами, а не социалисты. Почти все свои законопроекты правительство Ги Молле было вынуждено проводить при помощи процедуры вотума доверия, когда партии правого центра, считая несвоевременным и опасным падение правительства, вынуждены были голосовать за него.

Кабинет Ги Молле провел через парламент ряд социальных законов, улучшавших положение широких трудящихся масс. В феврале 1956 г. были приняты законы о трехнедельных оплачиваемых отпусках для трудящихся, об уменьшении зональных различий заработной платы. 27 июня после долгих обсуждений в Национальном собрании и Совете республики был принят закон о создании Национального фонда солидарности, предусматривавший повышение размера пенсий и пособий престарелым. Этот фонд предполагалось субсидировать повышением налогов на капиталистические компании, на автомашины (исключая дешевые), на биржевые сделки, на часть доходов, включая заработную плату и жалованье.

Важным шагом правительства Ги Молле было предоставление

[42] «Journal Officiel», 1. II 1956, p. 135—139.

независимости Тунису и Марокко. 2 марта 1956 г. было подписано франко-марокканское соглашение, по которому отменялся договор о протекторате и Франция признавала независимость Марокко. Это способствовало восстановлению территориального единства и целостности марокканского государства, завершенному в последующие месяцы. Согласно франко-тунисскому соглашению от 20 марта 1956 г. отменялся договор о протекторате 1881 г. и Франция «торжественно признавала независимость Туниса»[43]. Завоевание независимости, явившееся результатом упорной борьбы народов Марокко и Туниса, поддержанных прогрессивными силами Франции, было серьезным ударом по французскому колониализму. Предоставив независимость этим государствам, французское правительство тем самым признало крах своей колониальной политики в Северной Африке. Теперь на восточной и западной границах борющегося Алжира появились два самостоятельных арабских государства, что значительно осложняло позиции французских колониалистов, продолжавших войну в Алжире. Вслед за Северной Африкой усиливалось национально-освободительное движение и в других африканских колониях Франции.

Главное место в деятельности правительства Ги Молле заняла алжирская проблема, оттеснившая все остальное на задний план. Заседания кабинета министров следовали одно за другим, и алжирский вопрос не сходил с повестки дня. У правых партий была совершенно определенная цель: любыми средствами, в том числе и при помощи шантажа и провокаций, заставить правительство социалистов вести войну в Алжире, а как только оно обнаружит свою несостоятельность, взять дело в собственные руки. Провокации не замедлили себя ждать. Когда 6 февраля 1956 г. премьер-министр в сопровождении генерала Катру прибыл в Алжир, толпа «ультра» встретила его криками: «Молле на виселицу!»— и забросала гнилыми помидорами и камнями. Полиция устранилась, и лишь под охраной войск Молле добрался до своей резиденции.

Прогрессивная общественность Франции с большим возмущением встретила события 6 февраля, и в этот момент правительство, если бы оно заняло твердую позицию в отношении распоясавшихся «ультра», если бы оно более энергично добивалось мирного решения алжирской проблемы, было бы поддержано всеми демократами и республиканцами. Но с каждым днем становилось яснее, что правительство пасует перед реакцией. Воодушевленные этим, «ультра» усиливали наступление. В конце февраля начальник штаба и главный инспектор сухопутных войск гене-

[43] «L'année politique 1956», p. 505—506, 509—510

рал Зеллер и начальник главного генерального штаба генерал Гийом подали в отставку вследствие несогласия с правительственной политикой. Реакционная пресса вела против правительства систематическую враждебную кампанию. Изо дня в день дезориентируя общественное мнение, она твердила о негодности и порочности существующего политического режима и его институтов.

Отказавшись от попыток демократическим путем решить алжирский вопрос, Ги Молле обратился к обычному маневру правительств Четвертой республики: он потребовал от Национального собрания чрезвычайных полномочий. В проходивших в связи с этим дебатах (8—9 марта 1956 г.) представители «ультра» Сустель, Дронн (социальные республиканцы), Ле Пен (пужадист), Лежандр («независимый») обвиняли правительство в «капитуляции в Марокко и Тунисе» и требовали отказаться «от всяких переговоров с убийцами» в Алжире. Ги Молле в своей речи подчеркнул, что поскольку в Алжире наряду с восемью миллионами мусульман живет один миллион французов, которым Алжир «обязан всем», то не может быть и речи о создании национального алжирского государства. Он заявил, что его правительство будет продолжать военные действия в Алжире и бороться за сохранение «французского присутствия» в Северной Африке [44]. За предоставление правительству чрезвычайных полномочий в Алжире голосовало большинство депутатов (451 против 72) [45].

В целях сохранения единства левых сил, получивших большинство на выборах, коммунистическая группа также высказалась за полномочия, настаивая, однако, на том, чтобы правительство использовало их для прекращения огня и для мирных переговоров в Алжире [46].

В области внешней политики правительство Ги Молле вначале сделало некоторые шаги, способствовавшие разрядке международной напряженности. XX съезд КПСС (февраль 1956 г.), вновь подтвердивший волю советского народа проводить политику мирного сосуществования государств с различным социальным строем, положения, выдвинутые съездом: о возможности предотвращения новой мировой войны, о разнообразных формах перехода различных стран к социализму, об отношении к социал-демократическим партиям и др.,— оказали большое влияние на общественное мнение Франции. Министр иностранных дел К. Пино сделал ряд заявлений о необходимости контактов между Востоком и Западом, о возможности применения политики мирного сосуществования. Так,

[44] «Journal Officiel», 10.III 1956, p. 809.
[45] «Journal Officiel», 13. III 1956, p. 859.
[46] *J. Duclos*. Mémoires. 1952—1958. Dans la mêleé. Paris, 1972, p. 233.

2 марта 1956 г. на завтраке в ассоциации англо-американской печати в Париже Пино говорил, что западные державы должны изменить ориентацию своей внешней политики. Если один из двух лагерей, противостоящих друг другу, заявил он, все время говорит о военных усилиях якобы в интересах безопасности, а другой все время предлагает мир, то «общественное мнение заранее склоняется к тому, кто предлагает мирные решения» [47].

Отвечая естественному стремлению рядовых французов, в том числе и социалистов, ближе познакомиться с жизнью советского народа, руководство СФИО в конце апреля 1956 г. направило в Советский Союз представительную партийную делегацию для установления контактов с КПСС.

15 мая 1956 г. в Москву для ведения переговоров с Советским правительством прибыла правительственная делегация в составе Ги Молле и Пино. В подписанном 19 мая 1956 г совместном заявлении французское правительство выразило намерение совместно с СССР предпринять действия в пользу разрядки международной напряженности и согласилось, что основной базой мирного сосуществования и сотрудничества между государствами должно быть уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга. В специальном пункте соглашения, посвященном Алжиру, Советское правительство выразило надежду, что французское правительство сможет изыскать для этой важной проблемы соответствующее решение в духе времени и в интересах народа [48].

Как показали дальнейшие события, правительство Ги Молле не хотело, да и не могло пойти по такому пути. Основой его политики был блок с правыми партиями, требовавшими продолжения войны в Алжире и расправы с народами, борющимися за свое национальное освобождение. Заявления руководящих деятелей СФИО о пользе контактов с Советским Союзом и разрядке международной напряженности остались только словами, опровергнутыми последующей практикой.

Получив чрезвычайные полномочия, правительство в апреле—мае 1956 г. приняло решение направить в Алжир 100 тыс. солдат — как призывников, так и солдат запаса. То была «армия, более многочисленная и более дорогая, чем все экспедиционные корпуса, когда-либо посланные в заморские территории» [49]. Правда, одновременно представители правительства вели секретные переговоры с видными деятелями ФНО, но эти переговоры были

[47] «L'année politique 1956», p. 270.
[48] «Правда», 20.V 1956.
[49] *R. Aron.* Immuable et changente, p. 31.

заранее обречены на неудачу. Французские представители много говорили об «алжирской индивидуальности», а конкретно предлагали лишь некоторые административные реформы, тогда как ФНО требовал предоставления Алжиру национальной независимости.

Посылка большого количества войск в Алжир вызвала недовольство французского народа, ожидавшего от правительства выполнения предвыборных обещаний о прекращении войны. Молодежь отрывалась от производительного труда, от семей, чтобы умирать ради интересов колониальных монополий. Компартия все шире развертывала кампанию за прекращение огня в Алжире. Студенческие, молодежные организации выступили с требованиями мирного решения алжирской проблемы. Однако это движение не было достаточно сильным.

Вместе с тем в стране происходила неуклонная концентрация сил реакции. Представители значительной части буржуазии считали, что уже настало время покончить с демократией и установить диктатуру В прессе развернулась шумная кампания за полную реформу «системы» с целью замены ее президентским режимом. Характерно, что ее начала газета «Монд», слывшая органом либеральной буржуазии. Ее выступления свидетельствовали о том, что влиятельные круги французской буржуазии не считали более необходимым поддерживать Четвертую республику. Не удивительно, что на сцене появился де Голль. Политические деятели стали постоянными гостями в резиденции генерала Коломбе-ле-дез-Эглиз. В частности, у него побывали Лакост и Мендес-Франс. Последний в конце мая 1956 г. вышел из состава правительства, ссылаясь на свои разногласия с Ги Молле по вопросу об Алжире. Это еще более ослабило правительство, так как означало, что в любой момент наиболее крупная группировка радикал-социалистической партии — мендесисты — может отказать ему в поддержке. 6—7 июня 1956 г. при голосовании доверия правительство получило лишь 271 голос (из 593), при 59 против и 200 воздержавшихся.

Чем глубже кабинет Ги Молле увязал в алжирской войне, тем скорее правые буржуазные партии хотели отделаться от него. О шаткости правительства и о кризисе буржуазной демократии свидетельствовали документы руководящих органов крупных буржуазных партий. Как правило, первое место в них занимало требование реформы политических институтов. Весьма характерна в этом смысле резолюция съезда «независимых», проходившего 23—25 ноября 1956 г.; в ней говорилось, что конституция 1946 г., Четвертая республика не соответствуют требованиям современности. Резолюция предлагала ограничить законодательные функции парламента, усилить исполнительную власть, ввести мажоритарную систему голосования. Один из пунктов требовал объявить

вне закона коммунистическую партию. Что касается Алжира, то резолюция приветствовала «мужество французской армии», заявляла о солидарности делегатов съезда со всеми французами, проживающими в Алжире, «права которых на эту землю, оплодотворенную ими, остаются бесспорными», и подчеркивала, что «Алжир был и должен остаться неотъемлемой частью Французской республики»[50]. Требования реформы политических институтов и усиления исполнительной власти содержались также в резолюциях, принятых съездами МРП (13 мая 1956 г.) и ЮДСР (26—28 октября 1956 г.)[51].

Внутри социалистической партии политика (особенно по алжирскому вопросу), проводимая ее генеральным секретарем на посту председателя совета министров, вызывала серьезное беспокойство. Накануне съезда партии, состоявшегося в конце июня — начале июля 1956 г., группа руководящих деятелей СФИО, в том числе Д. Мейер, Р. Вердье, М. Пивер, О. Розенфельд и др., подготовила проект резолюции, в котором подчеркивалась настоятельная необходимость немедленного проведения переговоров с руководителями алжирского повстанческого движения. Авторы резолюции выступали против использования военной силы в Алжире. На самом съезде алжирская политика Ги Молле подверглась резкой критике, в результате чего в подготовленный им текст резолюции были внесены поправки, в частности требование «сделать все возможное, чтобы добиться прекращения огня в Алжире»[52].

Состоявшийся 18—21 июля 1956 г. XIV съезд Французской коммунистической партии резко осудил политику правительства в Алжире. В своем отчетном докладе генеральный секретарь ФКП М. Торез указал, что война в Алжире ведет к уничтожению демократических свобод и активизации сил фашизма во Франции, противоречит ее национальным интересам. «Наша страна,— говорил Торез,— стоит перед следующим выбором: либо приобрести ценную дружбу алжирского народа путем немедленного прекращения военных действий и признания реальности его национального существования, либо еще более углубить пропасть, разжигать ненависть между двумя народами, продолжая несправедливую колониальную войну, обреченную на провал»[53]. Как в докладе М. Тореза, так и в принятых съездом тезисах подчеркивалось,

[50] «L'année politique 1956», p. 477—478.

[51] Ibid., p. 470, 475.

[52] Ibid., p. 472.

[53] «XIV съезд Французской коммунистической партии». М., 1958, стр. 14

что в сложившихся во Франции условиях реакционная буржуазия пытается всеми силами ограничить демократию, ликвидировать парламентские институты и установить режим личной власти. Съезд указал, что защита и расширение прав народа, борьба за свободу являются постоянной заботой пролетариата и его партии, и призвал трудящихся, в первую очередь коммунистов и социалистов, крепить единство действий против наступления реакции.

Чтобы сохранить поддержку правых партий, правительство Ги Молле ввязалось в войну за Суэцкий канал, которая никак не отвечала национальным интересам Франции. Поводом для кризиса, вызванного империалистами Франции, Англии и Израиля, явилось решение правительства Египта от 26 июля 1956 г. национализовать «международную компанию Суэцкого морского канала», 45% акций которой принадлежало Великобритании, а более 50% — Франции.

Правящие круги Франции, Англии, а также Израиля объявили решение о национализации Суэцкого канала угрозой судоходству, а также миру и начали готовить вооруженную агрессию против Египта. Особую агрессивность проявляло французское правительство, и это объяснялось не столько интересами французских монополий в Египте, сколько замыслами колониальных кругов в отношении Северной Африки. Правительство Ги Молле рассчитывало, нанеся поражение Египту, который оказывал алжирскому народу помощь в борьбе против колонизаторов, ослабить национально-освободительное движение во всей Африке и покончить с войной в Алжире. Министр иностранных дел Пино заявил английскому премьер-министру Идену: «Если позволят Египту захватить канал, то алжирские националисты обретут уверенность»[54].

В ночь с 29 на 30 октября 1956 г. израильская армия вторглась на египетскую территорию, а англо-французская авиация бомбардировала Каир и другие египетские города. 5 ноября началась высадка французских и английских войск в Порт-Саиде.

Но едва начавшись, франко-англо-израильская агрессия захлебнулась буквально на другой день. Это произошло благодаря решительному вмешательству Советского Союза, в послании которого правительствам США, Англии, Франции и Израиля от 5 ноября 1956 г. содержалось требование прекратить военные действия. Вечером 6 ноября объявила о соответствующем решении Англия, а 7 ноября такое же заявление сделало французское правительство.

Так кончился бесславный «блицкриг» в Египте, в результате которого был значительно подорван престиж Франции в странах Арабского Востока и Африки.

[54] *A. Grosser.* La IV République et sa politique extérieure. Paris, 1961, p. 370.

Суэцкая авантюра вызвала затруднения во французской экономике: значительно уменьшились поставки нефти и других видов сырья для промышленности, из-за недостатка бензина сократилось автомобильное движение, приходилось тратить валюту на закупку американской нефти. Но политические последствия этой авантюры были еще более глубокими. Поражение французского империализма в Египте усилило национально-освободительное движение в Африке, укрепило уверенность алжирских патриотов в конечной победе. Одновременно усилили свою агрессивность алжирские «ультра», находившие действенную поддержку у резидента в Алжире социалиста Лакоста. В январе 1957 г. он передал полицейскую власть в Алжире генералу Массю, командовавшему парашютными войсками суэцкой экспедиции, тесно связанному с «ультра».

Фашистские организации как в Алжире, так и во Франции составляли планы военного мятежа, но правительство Ги Молле не предпринимало никаких мер против заговорщиков, оно воевало лишь с алжирскими повстанцами. Но, несмотря на наличие в Алжире 500-тысячной французской армии и хвастливые заявления Лакоста, что он закончит войну к концу 1956 г., алжирский народ, руководимый Фронтом национального освобождения, мужественно продолжал борьбу.

Бессмысленная авантюра в Суэце, война в Алжире значительно ослабили финансовое и экономическое положение страны. Цены росли, и правительство прибегало к всевозможным маневрам, чтобы блокировать зарплату и избежать применения закона о подвижной шкале заработной платы. В первые месяцы 1957 г. вновь поднялась забастовочная волна. Особенно крупные стачки происходили в национализированных секторах экономики. В марте, апреле, мае бастовали служащие, персонал коммунальных предприятий и городского транспорта, авиации, железнодорожники; в мае забастовки распространились и на частный сектор, в первую очередь на металлургию. Движение охватило крупные промышленные центры — Париж, Сен-Назер, Гавр, Лилль, департаменты Луара, Мозель. Единодушным требованием бастующих являлось повышение заработной платы. Попытка правительства снизить цены на сельскохозяйственные продукты, чтобы избежать повышения зарплаты, вызвала резкое недовольство крестьян.

Трудящиеся, голосовавшие на выборах 2 января 1956 г. за левые партии в надежде, что «все изменится», разочаровались в социалистическом правительстве, идущем на поводу у реакции. Коммунисты, т. е. 25% избирателей Франции, уже отказались поддерживать его. В то время как коммунисты были наиболее последовательными защитниками демократии и республики, лидеры СФИО игнорировали борьбу против крайней реакции, разжигали

антикоммунизм и тем самым способствовали планам «ультра», стремившихся изолировать компартию от широких трудящихся масс [55].

В глазах прогрессивного общественного мнения правительство Ги Молле сильно дискредитировало себя фактами жестоких репрессий против алжирских патриотов и пыток, применявшихся французской армией и полицией с одобрения Лакоста. Так, в марте 1957 г. стало известно, что алжирский адвокат Буменджель, не выдержав пыток, покончил самоубийством, выбросившись с шестого этажа здания, в котором парашютисты генерала Массю устроили тюрьму. Правительство налагало штрафы на газеты и журналистов, разоблачавших эти факты, преследовало коммунистов и других сторонников мирного разрешения алжирской проблемы, но оставляло в покое «ультра», готовивших антиреспубликанский заговор.

По мере того как кабинет Ги Молле терял свою социальную опору, правые партии усиливали нажим на него. Особую активность проявляли «независимые»; после того как ФКП отказала Ги Молле в поддержке, они почувствовали себя хозяевами положения в Национальном собрании и строили планы создания «нового», т. е. правого, парламентского большинства. Единственным союзником социалистов в парламенте оставалась МРП, руководители которой опасались, и не без основания, что в новом большинстве для них не найдется места; поэтому они предпочитали блок со своим старым партнером по «третьей силе». Но и эта поддержка носила довольно условный характер. Именно из-за противодействия МРП социалистам так и не удалось провести через парламент ни одного законопроекта о расширении светского образования.

НАСТУПЛЕНИЕ РЕАКЦИИ И КРИЗИС ЧЕТВЕРТОЙ РЕСПУБЛИКИ

Правительство пало 21 мая 1957 г., когда в связи с обсуждением проекта финансовых реформ «независимые» проголосовали против, а радикалы-мендесисты воздержались. Это означало крах «Республиканского фронта», бывшего с самого начала нежизненным объединением. Подлинный республиканский фронт в условиях Франции возможен лишь при участии ФКП, наиболее сильной и последовательной республиканской партии, тогда как «Республиканский фронт», в котором место коммунистов заняли

[55] *С. Салычев.* Идеология и политика Французской социалистической партии М., 1966, стр. 268, 302, 317.

деголлевцы, служил лишь ширмой, прикрывающей происки реакции. Лидеры СФИО, находясь в 1956—1957 гг. у власти, своей политикой подрывали в народе веру в республику. Наступил долгий правительственный кризис.

На первый план выдвинулись правые радикалы, очень близкие по своим взглядам к «независимым». В июне 1957 г. один из их лидеров, Буржес-Монури, сформировал новый кабинет, в который вошли радикалы и социалисты, причем последние сохранили посты министра иностранных дел и министра по делам Алжира. Противники политики Лакоста Деффер (социалист), Миттеран (ЮДСР), Массон (радикал) были удалены из правительства; видные места в нем заняли правые радикалы Морис и Гайяр. Коалиция социалистов и правых радикалов, опиравшаяся на поддержку меньшинства в парламенте (правительство Буржес-Монури получило только 240 голосов из 595), была лишь жалким обломком «третьей силы». Она не имела поддержки ни в народе, ни у монополистической буржуазии.

Трудящиеся были недовольны непрерывным ростом цен, забастовочное движение не прекращалось. Правительство отказалось от встречи с представителями профсоюзных организаций для обсуждения вопроса о применении подвижной шкалы заработной платы. Немногие мероприятия, которые успел провести кабинет Буржес-Монури за два с половиной месяца своего существования, служили интересам крупного капитала. Одним из таких мероприятий была ратификация 9 июля 1957 г. Римских соглашений (подписанных еще правительством Ги Молле) об организации Европейского экономического сообщества, или «Общего рынка». Этим договором предусматривались постепенная ликвидация экономических границ между шестью странами (Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Голландия, Люксембург) и создание наднациональных политических органов. В экономическом плане «Общий рынок» являлся для монополий средством передела сфер производства и рынков, а в политическом речь шла о некотором отчуждении национального суверенитета в пользу общеевропейского органа монополий. Европейское экономическое сообщество было естественным продолжением Европейского объединения угля и стали и Парижских соглашений 1954 г. Оно должно было закрепить господствующее положение монополистического капитала Западной Германии и Франции в Европе и обеспечить их конкурентоспособность в борьбе против монополий США и Англии.

При поддержке правой части Национального собрания правительство Буржес-Монури получило право применять чрезвычайные полномочия против «терроризма» не только в Алжире, но и на территории Франции; это дало ему неограниченные возможности для преследования демократических организаций и прессы,

требовавших прекращения огня в Алжире. Выступивший в ходе дебатов по данному вопросу Ж Дюкло заявил: «Война в Алжире все больше принимает такой характер, когда она направлена не только против права алжирского народа на независимость, но также и против права французского народа на свободу» [56]. Он вновь обратил внимание на возросшую активность фашистских организаций, готовивших гражданскую войну.

30 сентября 1957 г. разразился новый правительственный кризис. Поводом послужило обсуждение в Национальном собрании проекта чрезвычайного закона, согласно которому Алжир должен был быть расчленен на отдельные территории с местными, не имеющими никакой реальной власти ассамблеями во главе, тогда как действительное управление страной оставалось в руках французской администрации. Но и этот реакционный проект, основой которого была формула: «Алжир является неотъемлемой частью Французской республики»,— не отвечал интересам правых партий. Об этом заявил Сустель, лидер социальных республиканцев, которые проявляли все возрастающую активность. «Битва за Алжир,— говорил он,— продолжается, и мы сделаем все для того, чтобы она закончилась победой Франции» [57].

Все попытки видных политических деятелей Четвертой республики — Ги Молле, Плевена, Р. Шумана, Пине — сформировать правительство окончились неудачей из-за оппозиции правых партий, провоцировавших обстановку «кризиса режима». Лишь 6 ноября был сформирован кабинет во главе с правым радикалом Феликсом Гайяром; в его состав вошли представители всех буржуазных партий, в том числе «независимые» и социальные республиканцы. Чтобы избежать старой, ставшей одиозной формулы «правительство национального единства», Гайяр назвал свой кабинет «правительством республиканской защиты».

«Третья сила», «Республиканский фронт» уступали власть партиям, более открыто представлявшим интересы монополистического капитала и колониальных кругов и уже не желавшим считаться со своими союзниками — партиями мелкой и немонополистической буржуазии, за спиной которых они пережили грозные годы демократического подъема первых послевоенных лет. С их помощью крупная буржуазия расколола и ослабила демократический лагерь.

После сформирования правительства Гайяра в парламенте начались бесконечные дебаты по вопросу о реформе конституции и избирательной системы с целью усиления исполнительной власти, сокращения законодательных прав Национального собрания и удаления из парламента коммунистов. Но, поскольку в собрании, избран-

[56] «Journal Officiel», 17.VIII, 1957, p. 3654—3659.
[57] «L'année politique 1957», p. 93.

ном 2 января 1956 г., имелись значительные левые силы, в первую очередь 150 коммунистических депутатов, протащить реакционную реформу конституции законным, парламентским путем было для правых практически невозможно. Это можно было осуществить только непарламентским путем, как и произошло позднее.

Пока в Национальном собрании шли конституционные дебаты, лидеры правых партий, тесно связанные с «ультра», пытались договориться о захвате власти. С начала 1958 г. в буржуазных кругах стали почти открыто обсуждаться планы установления «сильной власти» во главе с генералом де Голлем. Одновременно активизировали свою деятельность фашистские организации, щедро субсидируемые монополиями.

В начале марта 1958 г. Дюше, Сустель, Морис, Бидо выступили в различных городах Франции с требованием создать «правительство общественного спасения». Дюше заявил в своей речи: «Нужно единство национальных партий, чтобы потребовать национального возрождения. Завтра для них, для режима, для Франции будет слишком поздно». Та же тема звучала и в выступлении Бидо: «Нам осталось несколько месяцев, чтобы все спасти или все потерять из того, что осталось от заморских французских владений». Сустель говорил решительнее всех: «Необходимо, чтобы нашими делами управляло правительство общественного спасения. Никто не верит, что нынешнее правительство может стать правительством общественного спасения. На ближайшее будущее во Франции есть только один человек среди всех государственных деятелей, который мог бы пользоваться за границей необходимым авторитетом, чтобы заставить уважать жизненные интересы Франции как в Северной Африке, так и в Черной Африке. Это генерал де Голль»[58]. На заседании Национального совета социальных республиканцев 23 марта 1958 г. генеральный секретарь партии Фрей заявил о верности этой партии «освободителю», т. е. де Голлю; она считает своим долгом постоянно напоминать, что «он является шансом для Франции, и чем скорее его призовут, тем скорее нация обретет веру в себя»[59].

Никогда еще пропаганда, проводимая правой прессой, а иногда поддерживаемая и некоторыми лидерами СФИО, нападки на «режим», на парламент, на коммунистов не достигали таких масштабов, как в последние месяцы существования Четвертой республики. Реакционные журналисты стремились представить в качестве идеала для молодежи парашютистов генерала Массю, бесчинствовавших в Алжире. Буржуазная пропаганда неустанно твердила французам, что Алжир и Сахара должны остаться французскими, так

[58] «L'année politique 1958», p. 26.
[59] Ibid., p 30, 34.

как их потеря принесет якобы безработицу, снижение жизненного уровня и прочие неисчислимые бедствия населению метрополии. Эта пропаганда оказывала деморализующее влияние на массы мелкой буржуазии, а также на часть рабочего класса. Во время кантональных выборов в апреле 1958 г. часть избирателей, голосовавших обычно за социалистов, высказалась за реакционных кандидатов, сторонников продолжения войны в Алжире. Таковы были последствия сотрудничества социалистов с реакционными партиями.

В условиях, когда опасность фашизма стала реальной, коммунистическая партия вела неустанную борьбу за объединение всех левых сил. Состоявшийся 25—26 марта 1958 г. пленум ЦК ФКП выдвинул в качестве главной задачи достижение соглашений и компромиссов с левыми партиями для совместных действий в защиту демократии. М. Торез заявил на пленуме, что, хотя конечной целью партии и является социализм, в настоящих условиях она ставит своей задачей не социалистическое переустройство, а защиту демократических свобод, несмотря на их ограниченный и недостаточный характер. Он подчеркнул, что «коммунисты являются наиболее решительными противниками как фашистского террора, так и личной власти или президентского режима»[60]. ФКП была единственной партией, решительно разоблачавшей опасные для республиканских институтов замыслы реакции. Значительная часть рабочего класса и трудящихся оставалась верна коммунистам. Но тот факт, что другая крупная левая партия — социалистическая — вследствие антикоммунизма ее вождей даже в условиях подготовки антиреспубликанского заговора продолжала сотрудничать с буржуазными партиями, значительно ухудшал перспективы борьбы ФКП за объединение всех левых сил для защиты демократии и республики.

Реакционные шовинистические круги все более усиливали давление на правительство и на парламент. Колониальная буржуазия упорно цеплялась за Алжир. Она понимала, что победа алжирского народа оказала бы влияние на народы других французских колоний в Африке. Вместе с тем результаты разведывательных работ, ведущихся в Сахаре, свидетельствовали о наличии там огромных запасов нефти, и французские монополии хотели любой ценой сохранить эти богатства в своих руках. В подобной обстановке события 8 февраля 1958 г. оказались для правительства Гайяра фатальными.

В этот день группа французских самолетов из 11 бомбардировщиков и 8 истребителей бомбардировала тунисскую деревушку Саккьет-Сиди-Юсеф, расположенную на границе с Алжиром. 69 тунисцев, в том числе 21 ребенок, были убиты. Французское пра-

[60] «L'Humanité», 27.III 1958.

вительство так «наказало» Тунис за то, что на его территории укрывались отряды алжирской освободительной армии. Этот кровавый бессмысленный акт вызвал возмущение во всем мире. Президент Тунисской республики Бургиба немедленно направил жалобу в Совет Безопасности ООН. Тогда США и Англия предложили свои «добрые услуги» для урегулирования конфликта. 17 февраля Франция и Тунис согласились на это предложение. Миссия «добрых услуг» была поручена Советом Безопасности заместителю государственного секретаря США Р. Мэрфи и представителю Форин Оффис Г. Билли.

Принимая «добрые услуги», французское правительство позволило США в косвенной форме вмешаться в североафриканские дела. Это обстоятельство и возможность «интернационализации» алжирского конфликта послужили предлогом для новых атак правых партий на правительство. Французский монополистический капитал, чьи экономические и политические позиции значительно окрепли по сравнению с временами «плана Маршалла», не хотел дольше терпеть американское вмешательство в свои дела, тем более в колониальные дела. Но прежде всего этот шаг правительства давал правым партиям дополнительные возможности для атаки на правительство Гайяра.

Во время дебатов в Национальном собрании 11—15 апреля 1958 г. правые, в первую очередь «независимые» и социальные республиканцы, выступили единым фронтом против Гайяра и Пино, согласившихся на «добрые услуги». В кулуарах усиленно распространялись слухи, что после Туниса американцы займутся Алжиром. Бидо в своей речи заявил, что интернационализация алжирской проблемы нанесет ущерб суверенитету Франции. Ему вторил Сустель, утверждавший, что «добрые услуги» подготовляют полную «ликвидацию французских позиций в Северной Африке» и что они продиктованы «политикой нефтяных трестов, которые хотят отнять у нас Сахару»[61]. 15 апреля 1958 г. правительство Гайяра пало. Против него проголосовали «независимые» и социальные республиканцы, расколовшие таким образом очень непрочное правительственное большинство.

[61] «L'année politique 1958», p. 41—42.

10

ПЯТАЯ РЕСПУБЛИКА 1958—1967 ГОДЫ

ФРАНЦУЗСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ К КОНЦУ 50-Х ГОДОВ МАЙСКИЙ КРИЗИС 1958 ГОДА

К концу 50-х годов в развитии французского капитализма наметились глубокие изменения, связанные с утратой основных источников непроизводительного обогащения монополий — источников, которые придавали французскому империализму его былой ростовщический характер. Две мировые и целая серия колониальных войн серьезно поколебали устойчивость финансовой системы, стабильность ее валюты. С 1928 по 1958 г. золотой франк, который рассматривался многими поколениями буржуа как столь же незыблемая величина, как метр или литр, был девальвирован 12 раз, его золотое содержание уменьшилось на 99,38%. Хроническая инфляция привела к тому, что деньги, а вместе с ними и государственные облигации (знаменитая 3-процентная рента) теряли ежегодно в своей стоимости больше приносимого ими дохода.

В результате исчезала объективная почва для ростовщического обогащения. Инфляция, национализация крупнейших депозитных банков, утрата прежних заграничных вложений серьезно подорвали позиции банковского капитала старой Франции. В системе финансовой олигархии промышленный капитал, на протяжении полутора столетий игравший второстепенную роль по сравнению с банковским, решительно выдвинулся на авансцену. Если раньше французская буржуазия предпочитала не слишком значительные,

но зато твердо гарантированные доходы от ссудных вложений в государственные и заграничные ценные бумаги, то теперь она волей-неволей должна была повернуть на путь активного промышленного предпринимательства, суливший в случае успеха быстрое обогащение.

«Потеряв значительную часть доходов от экспорта ссудного капитала за границу, французская финансовая олигархия остро почувствовала узость своей промышленной основы, лишавшую ее возможности компенсировать понесенные убытки путем расширения капиталистической эксплуатации внутри страны. Переход на путь промышленной экспансии расценивался французской буржуазией как средство укрепления своих сильно пошатнувшихся внутренних и внешних позиций» [1].

К тому же прежнее равновесие внешнеэкономических связей страны было коренным образом нарушено: колоссальные импортные потребности, особенно в период восстановления и реконструкции, не могли покрываться более вывозом. Если в прошлом пассив торгового баланса с лихвой покрывался активом от «невидимого экспорта» (дохода от вложений за рубежом, фрахта, туризма и т. д.), то теперь не только торговый, но и платежный баланс сводился с внушительным дефицитом [2].

Теснимые на мировом капиталистическом рынке США, отчасти Англией, французские монополии значительно расширили в первые послевоенные годы свою экспансию в колониях, где их экономические позиции были прежде довольно слабыми. Приток американских капиталов и займов, доходы от эксплуатации заморских владений давали возможность финансовой олигархии Франции до конца 50-х годов в известной мере смягчать, амортизировать взрывчатые внутриполитические последствия крутой ломки экономики, проводить за счет инфляции политику социального маневрирования, перекладывая дефицит государственных финансов то на одну, то на другую категорию трудящихся в рамках парламентской системы Четвертой республики.

Важнейшим фактором, позволившим финансовой олигархии Франции в столь сложных условиях сохранить устои своего классового господства, было исключительно активное вмешательство буржуазного государства в экономику.

Монополии, освобожденные от расходов на модернизацию малорентабельных отраслей промышленности и получавшие по заниженным тарифам энергию, транспорт, сырье, кредит, могли со-

[1] *А. И. Покровский*. Практика против теории. Новые явления во французской экономике и идейная борьба. М., 1965, стр. 17.

[2] *И. Г. Губенко*. Валютное положение Франции. М., 1960, стр. 59.

средоточиться на наиболее перспективных и прибыльных направлениях технического прогресса [3].

Заметную роль в выработке экономической стратегии правящего класса играла система программирования — составления планов оснащения и развития производства. Хотя данная система не ликвидировала анархии частнокапиталистического производства и отвечала главным образом интересам крупнейших монополий, она позволяла более рационально использовать ресурсы, способствовала ускоренному развитию перспективных отраслей [4].

Это отнюдь не означало, разумеется, полного «перерождения» французской экономики. Резко усилились контрасты между отдельными отраслями и районами — одни бурно росли, развивались, другие приходили в упадок. «Прогресс, чрезвычайно быстрый в некоторых отраслях, крайне медлителен или даже вообще отсутствует в других. Франция движется вперед то как Соединенные Штаты, то как Иран. Наши локомотивы являются самыми скоростными в мире, но 20 тыс. наших коммун испытывают недостаток воды... Группы Южин, Пешинэ, Сен-Гобен могут без зависти смотреть на самые современные заводы Детройта. Однако я знаю в департаменте Коррез немало семей, где скот и люди все еще спят в одной комнате...»,— отмечал буржуазный публицист Эммануэль Берль [5].

«...Французские фирмы хуже оснащены, чем их конкуренты, так как они сравнительно невелики,— писал главный редактор органа деловых кругов Франции журнала «Антреприз» Мишель Дранкур.— В большинстве отраслей крупнейшие французские фирмы в среднем в 10 раз меньше, чем крупнейшие американские, и в 5 раз меньше, чем английские или западногерманские» [6]. К концу 50-х годов из 500 наиболее мощных банков капиталистического мира 235 были американскими и всего 17 — французскими, причем крупнейший из них, национализированный банк «Креди лионнэ», занимал только 17-е место [7].

Все это дало о себе знать как раз в тот момент, когда внешние источники погашения дефицита платежного баланса — долларовая «помощь», дешевое сырье, обеспеченные рынки, сферы выгодного приложения капитала в колониях — оказались исчерпанными. Подрыв международных позиций доллара заставил США приступить

[3] *В. И. Кузнецов.* Франция: экономика государственно-монополистического капитализма. М., 1968, стр. 22—24.

[4] *C. Gruson.* Origines et espoirs de la planification française. Paris, 1968, p. 209—223.

[5] *E. Berl.* La France irréelle. Paris, 1957, p. 29

[6] *M. Drancour.* Les clés du pouvoir. Paris, 1969, p. 200.

[7] Ibidem.

к постепенному пересмотру системы своих финансовых отношений с западноевропейскими странами, сложившихся в период действия «плана Маршалла». Очередные займы, полученные Францией в США и Международном валютном фонде в начале 1958 г., были обставлены такими унизительными условиями, что больше к ним уже не возвращались. В то же время крах ядерной монополии США, создание Советским Союзом могучего оборонного потенциала породили глубокий «кризис доверия» между американским империализмом и его партнерами по Северо-атлантическому договору, прежде всего Францией. Ее правящие круги выражали сомнения в действенности американских военных обязательств, не скрывая своего недовольства бесцеремонностью Вашингтона по отношению к французским интересам [8].

Коренные изменения в положении французского империализма существенно сузили маневренные возможности монополий в классовой борьбе. Удельный вес лиц наемного труда резко увеличился за счет мелкой буржуазии города и деревни. Перед лицом государства, роль которого в экономической жизни значительно выросла, различные социальные категории оказывались прочно организованными не только на локальном уровне, но и в масштабе всей Франции.

Переплетение внутренних и внешних противоречий французского капитализма выдвинуло к концу 50-х годов в центр всей политической борьбы проблему Алжира, которая глубоко расколала как страну в целом, так и ее правящий класс. Найти выход из войны путем своевременного компромисса оказалось невозможным; необходимое для этого парламентское большинство должно было включать коммунистическую партию, от чего даже самые либеральные в колониальном вопросе буржуазные группировки упорно отказывались. Результатом явился прогрессирующий паралич парламента. Любое важное мероприятие, вызывавшее разногласия между составными частями коалиций буржуазных и реформистских партий, грозило вызвать падение очередного кабинета, который должен был постоянно лавировать, обходить острые углы, искать половинчатые решения. Между тем монополистический капитал Франции именно в данный момент нуждался в максимально жесткой, надежной, оперативной государственной машине, способной обеспечить подготовку экономики к условиям «Общего рынка»: как раз в этот момент процесс европейской интеграции вступил в решающую стадию [9].

Защитники разваливающейся системы колониального гнета —

[8] *A. Grosser.* La IVe République et sa politique extérieure. Paris, 1961, p. 385.
[9] См. *Л. И. Глухарев.* Воздействие «Общего рынка» на экономику Франции. М., 1971, стр. 3—43.

«ультра», состоявшие на содержании у кучки миллионеров-плантаторов, прекрасно понимали, что принудить большинство французов к продолжению безнадежной войны, которая тянулась уже четыре года, выжать из населения необходимые для этого средства и подавить всякую оппозицию способен лишь авторитарный режим. В свою очередь различные группировки правого толка в метрополии, давно мечтавшие уничтожить парламентскую систему, сознавали, что в самой Франции они не могут рассчитывать на успех без активной поддержки ультраколониалистов по другую сторону Средиземного моря.

Весьма внушительной силой в лагере реакции являлись представители реакционного офицерства. Франция была единственной из крупных капиталистических стран, которая в той или иной форме не переставала воевать в течение 23 лет (1939—1962). В 1950 г. французские вооруженные силы насчитывали 242 тыс. человек, в 1957 г. уже 1044 тыс. (из них сухопутная армия — 732 тыс.). По удельному весу армии в самодеятельном населении Франция заняла к тому времени первое место среди стран — участниц НАТО, а по доле военных расходов в национальном доходе — второе после США.

Основная масса офицерства, выносившего на своих плечах все тяготы алжирской войны и быстро обновлявшегося в результате больших потерь, вербовалась из средней и мелкой буржуазии, промежуточных прослоек города и деревни — детей торговцев, мелких промышленников, служащих, чиновников, лиц свободных профессий и пр. В своем большинстве они представляли те мелкобуржуазные слои, экономическую базу которых беспощадно перемалывал финансовый капитал [10]. В то же время эволюция технических средств ведения войны делала неизбежной в недалеком будущем массовую «деквалификацию» офицерства традиционной колониальной армии. Именно поэтому многие представители офицерской касты отчаянно цеплялись за Алжир, видя в увековечении военно-административных методов эксплуатации французских колоний единственный шанс сохранения своих социальных привилегий. «За тем упорством, с которым армия старается удержать Алжир ...скрывается бессознательный страх потерять за пределами метрополии это последнее убежище, в котором армия может чувствовать себя как дома...», — писал обозреватель газеты «Монд» Жан Планше [11]. В этом заключалась главная основа солидарности, спаявшая значительную часть офицерства с алжирскими «ультра».

[10] *A. P. Lentin.* L'Algérie des colonels. Paris, 1958; «La Nouvelle Critique», juin 1959; *C. Paillat.* Dossier secret de l'Algérie. Paris, 1961.

[11] *Ж. Планше.* Недуг армии. М., 1959, стр. 42.

Опыт истории показывает, что армия, познавшая горечь поражений, нередко становится благоприятной почвой для реакционных националистических заговоров. Французская армия, преданная фашистской «пятой колонной», в 1940 г. испытала позор капитуляции, а после войны — унижения в системе НАТО, где командовали американцы. Правым силам удалось также использовать болезненную реакцию французского офицерства на неудачи в колониальных войнах, которые приписывались «капитулянтам», «прогнившим парижским интеллигентам» из левых партий, наконец, парламентскому режиму в целом [12].

По мере того как накалялась обстановка в Алжире, в метрополии постепенно поднимали голову мелкие крайне правые организации — последыши старинных роялистских союзов, сплотившиеся вокруг еженедельников «Аспэ де ля Франс», «Ривароль» или «Насьон франсэз», осколки довоенных мятежных лиг, недобитые в 1945 г. «герои» милиции Виши или «антибольшевистского легиона» и т. д. Все эти отряды заговора — алжирские «ультра», военщина и крайне правые группировки в метрополии — были так или иначе связаны между собой.

Заметную роль в сложном конгломерате сил, пытавшихся связать лозунг защиты «французского Алжира» с задачей ликвидации парламентаризма, играли также бывшие сподвижники де Голля по лондонской эмиграции и «Объединению французского народа» (РПФ). К весне 1958 г. они в основном примыкали к партии социальных республиканцев. Хотя ее влияние упало до минимума, однако старый костяк партийного аппарата бывшего «Объединения французского народа» в основном оставался нетронутым.

Участие официального председателя партии Шабан-Дельмаса в правительстве не мешало другим руководителям социальных республиканцев в парламенте выступать в рядах крайне правой оппозиции. Сустель, создавший «Союз борьбы за спасение и обновление французского Алжира» (ЮСРАФ), являлся закулисным режиссером трех последних правительственных кризисов в истории Четвертой республики [13].

15 марта 1958 г. Сустель встретился с полномочным представителем алжирских «ультра», издателем газеты «Эко д'Альже» Аленом де Сериньи. Последний согласился поддержать деятельность ЮСРАФ, но в обмен потребовал гарантий, что де Голль даст заверения о поддержке лозунга «интеграции» Алжира, прев-

[12] *C. Perrault.* Les Parachutistes. Paris, 1961; *P. de la Gorce.* La République et son armée. Paris, 1963, p. 540—541.

[13] *L. Guéry.* Les maîtres de l'U.N.R. Paris, 1959, p. 28—29.

ращения его в неотъемлемую часть метрополии. Ответ генерала был дан в письме Сустеля на имя де Сериньи, полученном 28 марта. Весьма сдержанно относясь к самому термину «интеграция», генерал соглашался принять его лишь в том случае, если удастся завоевать на сторону такого решения значительную часть мусульман. Обнародовать свою позицию по алжирскому вопросу он отказывался[14]. Неясность и неопределенность ответа де Голля были далеко не случайны: конечные цели стоявших за ним классовых и политических сил существенно отличались от программы фашистов-«ультра». Но эти противоречия пока оставались скрытыми. Хотя письмо не удовлетворило «ультра», но все же было расценено ими как достаточное основание для поддержки де Голля.

После отставки Гайяра в качестве претендентов на кресло премьера выступили Бидо и Плевен, но они не получили доверия Национального собрания; это показало, что политика грубой силы в Алжире не имеет за собой большинства парламента. Под давлением партийных низов руководство социалистической партии решило отказаться от дальнейшего участия в правительстве вместе с правыми. В итоге президент Коти поручил формирование кабинета председателю МРП Пьеру Пфлимлену.

Однако в этот момент на арену политической борьбы впервые открыто выступила армия. В ночь на 10 мая президент республики получил угрожающую телеграмму, в которой говорилось: «Нынешний кризис показывает, что политические партии глубоко расколоты по алжирскому вопросу. Пресса дает понять, что отречение от Алжира будет произведено путем дипломатической процедуры, которая начнется с переговоров о «прекращении огня»... Французская армия единодушно восприняла бы отречение от этого национального достояния, как оскорбление. Нельзя предсказать, какой окажется ее реакция отчаяния»[15]. Под телеграммой стояли подписи главнокомандующего французскими войсками в Алжире генерала Салана, командующих родами войск генералов Аллара, Жуо, Массю и адмирала Обуано.

На 13 мая 1958 г. «ультра», якобы в знак протеста против казни повстанцами трех французских солдат, виновных в расправах над мирным населением, назначили в Алжире демонстрацию. Истинная цель выступления была иной — оно не случайно было приурочено к моменту начала дебатов по декларации Пфлимлена в Национальном собрании. «Ультра» надеялись помешать формированию правительства, создать «вакуум власти» и открыть тем самым дорогу кабинету «общественного спасения».

[14] *A. de Sérigny.* La Révolution du 13 mai. Paris, 1958, p. 9.
[15] Ibid., p. 30—31.

Демонстрация 13 мая в Алжире быстро переросла в вооруженный мятеж. Цепочка парашютистов без сопротивления позволила бандам взломать двери и начать погром канцелярий министерства по делам Алжира. После этого на авансцену вышел генералитет. Под предлогом необходимости прекратить беспорядки, им был сформирован штаб мятежа — «комитет общественного спасения» под председательством генерала Массю. Состав «комитета общественного спасения» утвердил генерал Салан [16]. С балкона министерства Массю зачитал толпе «ультра» список членов комитета и телеграмму, направленную им президенту Коти: «Сообщаю Вам о создании военно-гражданского комитета в Алжире. Я, генерал Массю, взял на себя председательство ввиду серьезности обстановки, абсолютной необходимости сохранения порядка и предотвращения любого кровопролития. Требуем создания в Париже правительства общественного спасения, единственно способного сохранить Алжир в качестве неотъемлемой части метрополии» [17].

С получением первых тревожных вестей из Алжира компартия призвала всех демократов к единству в борьбе против мятежников. Вечером 13 мая в Национальном собрании выступил Вальдек Роше. Он говорил о «чрезвычайно серьезных событиях», происходивших в Алжире [18].

— Мы узнали, что генерал Массю...— начал Роше...

— Он спас Францию,— прервали его со скамей крайне правых.

— Генерал Массю,— твердо продолжал Роше, не обращая внимания на обструкцию реакционеров,— обратился с ультиматумом к президенту республики. Фактически мы являемся свидетелями создания незаконного, мятежного правительства против республики!

В то время, как со скамей депутатов-коммунистов раздались аплодисменты, депутаты центра и правые принялись хлопать крышками пюпитров, стараясь заглушить оратора.

— Мы требуем,— продолжал Роше,—собрания всех республиканских групп, чтобы преградить дорогу мятежникам!

Новая обстановка заставила ФКП изменить тактику. Если раньше главной задачей партии являлась борьба за развитие демократии и изменение правительственного курса в соответствии с результатами выборов 1956 г., то теперь прежде всего нужно было спасти буржуазно-демократические свободы. Поэтому парламентская группа коммунистов решила при голосовании вопроса о доверии правительству Пфлимлена воздержаться, чтобы дать ему возможность сформироваться.

[16] *M. et S. Bromberger*. Les 13 complots du 13 mai. Paris, 1959, p. 165.

[17] *J. Ferniot*. Les Ides de mai. Paris, 1958, p. 18.

[18] «Journal officiel», 14.V 1958.

Баррикады в Алжире

На первом этапе мятежа заговорщиков ждало серьезное разочарование — Франция имела законное правительство, заявившее, во всяком случае официально, о своем стремлении защищать республику. Вечером 13 мая Политбюро ФКП опубликовало обращение к партийным организациям, рабочему классу, всему народу. В этом заявлении партия предупреждала массы о серьезной опасности, которую несет мятеж для судеб демократии, и призвала все демократические силы подавить путч в зародыше. Политбюро предложило партийным федерациям, секциям, ячейкам немедленно вступить в контакт с организациями СФИО и других республиканских партий в целях проведения совместных действий рабочего класса и антифашистских сил в защиту республики. На 14 мая ФКП намечала в Париже массовый антифашистский митинг [19]. Фрашон от имени ВКТ вечером 13 мая также обратился к рабочему классу, к народу Франции с призывом дать отпор мятежникам.

Твердая позиция ФКП оказала влияние на некоторые демократические организации. С призывами защищать республику выступили профсоюзы, объединяемые «Форс увриер», ФКХТ, Федерацией работников народного образования, а также Лига прав человека, Национальный комитет борьбы в защиту светской школы и т. д. 14 мая рабочие 60 крупных предприятий Парижа про-

[19] «Cahiers du communisme», 1958, N 6, p 939

вели кратковременные забастовки. Во многих городах страны состоялись митинги протеста. За один этот день в стране было создано более 30 антифашистских комитетов. Выступая от имени ФКП, Ж. Дюкло заявил в Национальном собрании: «В эти часы, особенно серьезные для будущего родины, для нас, коммунистов, как и для всех республиканцев, главной заботой является защита республики против опасностей, которые ей угрожают» [20].

Однако избранная кабинетом Пфлимлена линия поведения исключала сколько-нибудь решительные мероприятия. 21 мая правительство полностью восстановило почтовые, воздушные и морские сообщения с Алжиром. Снабжение мятежных генералов вооружением, продовольствием, сырьем, деньгами бесперебойно продолжалось под предлогом необходимости ни на один день не прерывать карательных операций против Армии национального освобождения Алжира. Общие политические установки главы правительства, продиктованные им заместителю начальника его личной канцелярии Понятовскому, требовали сохранить единство Франции с Алжиром, не нападать на армию, препятствовать вооружению гражданских лиц, избегать любой критики генерала де Голля и не компрометировать решений, которые, возможно, будут исходить от него [21].

Между тем генерал Салан, выступая 15 мая с балкона резиденции генерал-губернатора, впервые закончил свою речь возгласом, подсказанным ему сустелевцем Дельбеком: «Да здравствует де Голль!» Именно в это время де Голль счел необходимым выступить на сцену — он передал в печать декларацию, гласящую: «Сегодня, перед лицом вновь возникающих перед страной испытаний, пусть она знает, что я готов взять на себя власть» [22].

Более пространное заявление было сделано генералом 19 мая на пресс-конференции. Отвечая на вопросы журналистов, де Голль подчеркивал свои заслуги в восстановлении гражданских свобод и проведении прогрессивных социально-экономических реформ в первые послевоенные годы. Вместе с тем генерал сделал упор на предоставлении ему чрезвычайных полномочий с помощью особой процедуры, не имеющей ничего общего с обычным формированием парламентского кабинета. «Я — одинокий человек, который не смешивает себя ни с одной партией, ни с одной организацией... Я — человек, который не принадлежит никому и принадлежит всем»,— заявил де Голль [23].

[20] «Journal Officiel», 17.V 1958.

[21] *J. R. Tournoux.* Secrets d'Etat. Paris, 1960, p. 303—304.

[22] *Ch. de Gaulle.* Discours et messages, t. III. Avec le renouveau. Mai 1958—juillet 1962. Paris, 1970, p. 3.

[23] Ibid., p. 5.

«Нет фашизму!» Манифестация железнодорожников
на парижском вокзале Сен-Лазар
против ультраколониалистского мятежа в Алжире

Вскоре произошли события, которые исключили продолжение двусмысленного курса правительства, стремившегося любой ценой сохранить фикцию законности действий военных властей в Алжире: Сустель бежал в Алжир, вскоре после чего мятежники захватили Корсику. Инициатор этой авантюры Сустель стремился торпедировать всякую возможность «примирения» между Парижем и Алжиром, запугав депутатов парламента перспективой десанта в метрополии [24].

Мятеж сразу же принял ярко выраженную политическую окраску, миф о мнимом «стихийном возмущении» алжирских французов, которых якобы толкнул на бунт страх перед «отречением» метрополии, окончательно рассеялся. Пфлимлен вынужден был поставить вопрос о лишении парламентской неприкосновенности активного участника захвата Корсики правого радикала Паскаля Арриги. В ходе дебатов левые депутаты, прежде всего коммунисты, беспощадно разоблачали лицемерие и непоследовательность премьера. Он оказался перед выбором: либо начать действительное преследование всех, без исключения, заговорщиков (в том числе алжирских генералов), либо идти на капитуляцию перед ними. Пфлимлен избрал второе.

[24] *P. Arrighi.* La Corse — atout décisif. Paris, 1958.

Первый шаг навстречу де Голлю был сделан лидером «независимых» Антуаном Пине; за ним последовал генеральный секретарь СФИО Ги Молле. Почти одновременно (26 мая) бывший президент республики социалист Венсан Ориоль также направил письмо де Голлю, в котором указывал, что в случае осуждения им мятежа он может рассчитывать на поддержку в передаче ему власти, а также в проведении коренной реформы конституции.

Под давлением Пине и Молле Пфлимлен решился на тайную встречу с де Голлем в ночь на 27 мая в Сель-Сен-Клу. Генерал категорически отказался от сделки, предложенной премьером,— предварительно дезавуировать главарей мятежа, после чего будет созвано совещание лидеров всех «национальных» (т. е. реформистских и буржуазных) партий для обсуждения кандидатуры де Голля на пост председателя совета министров. Он заявил, что не может осуждать людей, облеченных полномочиями законным правительством, и, кроме того, не желает подрывать свой престиж как «независимого арбитра» [25].

Казалось, собеседники расстались, не достигнув соглашения. Однако в полдень 27 мая экстренные выпуски газет опубликовали новое заявление генерала де Голля: «Вчера я начал обычную процедуру, необходимую для создания республиканского правительства, способного обеспечить единство и независимость страны» [26]. Декларация сопровождалась предостережением против любых действий, способных нарушить порядок, и призывом к армии, авиации и флоту в Алжире подчиняться их командующим — генералам Салану, Жуо и адмиралу Обуано. Этот шаг имел целью поставить правительство перед свершившимся фактом, создав впечатление, что тем самым предотвращена так называемая «операция Возрождение» — высадка парашютистов в метрополии [27].

Коммунистическая партия обратилась к трудящимся с призывом к активной борьбе. ВКТ предложила провести 27 мая всеобщую забастовку. Парламентская группа и руководящий комитет СФИО призвали социалистов принять участие в забастовке, но уже несколько часов спустя отменили свое решение. После этого руководители «Форс увриер» и ФКХТ решили начать забастовку не 27, а 28 мая. Вместе с тем СФИО, партия радикалов и ряд других буржуазно-демократических партий и группировок решили провести 28 мая демонстрацию в Париже. Чтобы помешать углублению раскола левых сил, ФКП призвала трудящихся выйти на эту демонстрацию. В ней приняло участие около 500 тыс. человек.

[25] *J. R. Tournoux.* Secrets d'Etat, p. 345—346.

[26] *Ch. de Gaulle.* Discours et messages, t. III, p. 11.

[27] *S. et M. Bromberger.* Les 13 complots du 13 mai, p. 312, 363, 370.

В последующие дни демонстрации прошли в Лионе, Тулузе, Руане, Гренобле и других городах.

Однако Пфлимлен и его единомышленники не желали спасать республику. В критический для судеб парламентского режима момент глава правительства и другие лидеры центристских партий были озабочены лишь поисками наиболее удобной формы ухода от власти. Сославшись на выход из кабинета трех министров от правой партии «независимых и крестьян», Пфлимлен 28 мая вручил президенту заявление об отставке. В свою очередь сам Коти направил обеим палатам парламента послания, в которых сообщал, что он решил сложить с себя полномочия в случае отказа в предоставлении де Голлю возможности сформировать правительство «национального спасения» и пересмотреть конституцию [28].

1 июня в Бурбонском дворце начались дебаты о предоставлении полномочий генералу де Голлю. Представитель ФКП Ж. Дюкло в блестящей речи разоблачил лицемерие буржуазных и реформистских партий. Тем не менее основная масса депутатов, запуганная призраком гражданской войны и ослепленная антикоммунизмом, предпочла капитулировать. За предоставление полномочий проголосовали 329 депутатов, против 224, 32 депутата не приняли участия в голосовании. Подобный исход был предрешен расколом в парламентской группе социалистов, из которых лишь 49 голосовали против полномочий, тогда как 42 — за.

В последующие дни были приняты внесенные генералом де Голлем законопроекты о новом порядке пересмотра конституции и о чрезвычайных полномочиях правительству. На этом парламентская сессия закрылась. Обе палаты были распущены, чтобы больше уже не собираться.

«Четвертая республика,— писал М. Торез,— погибла не вследствие чрезмерной демократии, а в результате слабости, недостаточности, постоянной деградации демократии. Своим самоотречением, дискредитацией парламентского режима, предоставлением особых полномочий, конфискацией левой прессы, антирабочими репрессиями, угнетением и подавлением колониальных народов она подготовила собственную гибель» [29].

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКИ

Период с начала июня 1958 г. по начало января 1959 г. был одним из поворотных пунктов во внутриполитической истории Франции после второй мировой войны: в течение этих семи ме-

[28] «L'Année politique 1958». Paris. 1959, p 539—540.

[29] *М. Торез.* Сын народа. М., 1960, стр. 258.

сяцев были определены основные конституционные рамки нового режима, обязанного своим рождением майскому кризису.

Составление проекта новой конституции было возложено на узкую группу высокопоставленных чиновников (главным образом сотрудников государственного совета — высшей инстанции административных судов и консультативного органа правительства). Этот «рабочий комитет» возглавлял министр юстиции Мишель Дебре. 16 июля 1958 г. правительство приступило к обсуждению первого варианта проекта, а 29 июля уже закончило его [30]. Следующей инстанцией явился так называемый «Конституционный консультативный комитет» (ККК), работавший с 29 июля по 14 августа под председательством П. Рейно. Созданием этого чисто декоративного учреждения правящие круги пытались сохранить иллюзию парламентского и общественного контроля. Однако состав его заранее предопределял победу правительственных предложений по всем важнейшим вопросам [31].

Единственной партией, решительно выступившей перед предстоящим референдумом против принятия проекта конституции, были коммунисты. Кроме них, в пользу ответа «нет» высказалась лишь небольшая группа левых социалистов и радикалов, объединившихся в рамках «Союза демократических сил» (П. Мендес-Франс, Д. Мейер, Ф. Миттеран и др.).

За пересмотр конституции выступали не только правые группировки (социальные республиканцы, «независимые и крестьяне»), но также и большинство лидеров партий центра, стоявших у власти в период Четвертой республики. 14 сентября съезд СФИО 2687 голосами против 1176 и при 62 воздержавшихся призвал ответить «да» на референдуме. Несколько дней спустя аналогичную позицию занял съезд радикалов. Часть членов СФИО, несогласных с решением съезда, образовала Автономную социалистическую партию, которая, слившись позднее с несколькими мелкими группировками, приняла название Объединенной социалистической партии (ОСП).

На референдуме, состоявшемся 28 сентября 1958 г., удельный вес воздержавшихся был сравнительно невелик. В метрополии из 26,6 млн. зарегистрированных и 22,6 млн. принявших участие в голосовании избирателей 17,7 млн. человек ответили «да», 4,6 млн.— «нет». Таким образом, проект конституции был утвержден большинством в 79,25% против 20,75% голосов. Главным фактором, предопределившим этот результат, явился страх перед возможностью гражданской войны, всячески раздувавшийся правыми силами. По данным Французского института общественного мне-

[30] *G. Dupeux.* La France de 1945 à 1965. Paris, p. 222.
[31] *P. Avril.* Le Régime politique de la Ve République. Paris, 1964, p. 8–9.

ния, от трети до половины избирателей, ответивших «да», считали более или менее твердо, что в случае провала проекта конституции Францию ждет кровавая междоусобица [32].

Немалую роль сыграл и личный престиж де Голля. Широкие массы крестьянства, городских средних слоев, определенная часть трудящихся видели в нем генерала, сражавшегося против немецко-фашистских завоевателей, человека, олицетворяющего сильную власть, которая в состоянии примирить армию и республику, арабов и французов, восстановить утраченное величие Франции на международной арене [33]. Первостепенное значение имел алжирский вопрос. Поскольку ничего определенного о планах правительства на будущее не было известно, каждый из боровшихся вокруг Алжира политических лагерей приписывал де Голлю сочувствие собственным взглядам.

Определяющей чертой нового конституционного акта являлся коренной пересмотр соотношения между законодательной (парламент) и исполнительной (президент, премьер) властью в пользу последней. Стержнем механизма нового режима стал президент республики. В противоположность конституции Третьей и Четвертой республик, согласно которым глава государства избирался на объединенном заседании обеих палат парламента, первоначальный текст конституции Пятой республики предусматривал его избрание расширенной коллегией выборщиков — генеральных и муниципальных советников, где депутаты и сенаторы составляли незначительное меньшинство, а преобладающим элементом были представители отсталых сельских районов страны [34]. Полномочия главы государства значительно расширялись. Сохранив право назначения главы ответственного перед парламентом кабинета, он получил возможность оказывать сильнейший нажим на депутатов, распуская по собственному усмотрению Национальное собрание и назначая новые выборы.

Кроме того, ст. 16 давала президенту республики право вообще взять в свои руки всю полноту власти, «когда учреждения республики, независимость нации, целостность ее территории или выполнение международных обязательств оказываются под серьезной и непосредственной угрозой, а нормальное функционирование

[32] «L'Etablissement de la Cinquème République. Le Référendum de septembre et les élections de novembre 1958». Paris, 1960, p. 134.

[33] «Institut Français d'Opinion Publique (IFOP). Les Français et de Gaulle». Paris, p 58.

[34] *М. А. Крутоголов.* Государственный строй Франции по конституции 1958 года. М., 1960. По реформе 1962 г. расширенная коллегия выборщиков заменена всеобщим голосованием

конституционных органов государственной власти нарушено». В таком случае глава государства мог принимать любые меры, которые «диктуются обстоятельствами», после простой консультации с премьером, председателями палат и конституционным советом. Иными словами, прямо узаконивалась возможность установления единоличной диктатуры (единственной гарантией было то, что во время действия ст. 16 парламент считался непрерывно заседающим и не мог быть распущен) [35].

Полномочия главы правительства были также довольно обширны. Но фактически премьеру отводилась лишь роль исполнителя воли президента республики в текущих вопросах административного характера и лица, способного отстаивать политику президента в парламенте, а в случае необходимости — принимать на себя ответственность за всякого рода непопулярные мероприятия [36].

Одним из крупных нововведений, вызвавших острые споры даже в буржуазных кругах, был запрет совместительства парламентского мандата с постом члена правительства. Если депутат или сенатор становился министром, он должен был отказаться от мандата парламентария без права получить его обратно после выхода из правительства.

Повестка дня парламентских дебатов определялась отныне не в результате соглашения между председателем соответствующей палаты, лидерами партийных групп и председателем совета министров, а простым решением правительства (ст. 48). Число парламентских комиссий, так или иначе влиявших в прошлом на деятельность министров, сокращалось с нескольких десятков до шести. Если в период Четвертой республики любой правительственный законопроект представлялся на рассмотрение парламента в том виде, какой придавали ему принятые соответствующей комиссией поправки, то теперь правительство могло попросту отвергнуть эти поправки и настоять на обсуждении своего первоначального текста, причем не постатейно, а целиком.

Парламентарии были лишены права вносить поправки и предложения к финансовому закону (бюджету), если следствием их утверждения окажется сокращение доходов или увеличение расходов. Тем самым ставилась серьезная преграда для любых прогрессивных мероприятий социального характера. Заметно изменилась и сама процедура бюджетных дебатов: если в течение 40 дней Национальное собрание не выносило решения по правительственному проекту, правительство могло прямо передать его в сенат,

[35] *M. Duverger*. Constitutions et documents politiques. Paris, 1960, p. 163—164; *J. Baguenard, J. Ch. Maout, R. Muzellec*. Le Président de la Ve République Paris, 1970, p. 41—58.

[36] *P. Avril* Le régime politique de la Ve République, p. 272—275.

которому отпускалось на прения всего 15 дней. При отсутствии решения в течение 70 дней кабинет имел право ввести бюджет в силу простым декретом.

Значительно затрудненным оказался порядок отказа парламентом в доверии правительству. Оно могло быть свергнуто лишь абсолютным большинством членов Национального собрания (отсутствующие и воздержавшиеся считались голосовавшими за кабинет). Если резолюция порицания не собирала такого большинства, то ее авторы лишались права вносить новую в течение данной парламентской сессии [37].

Конституция 1958 г. несколько расширила в ущерб Национальному собранию и полномочия избираемой косвенным голосованием второй палаты. Отныне обе палаты имели почти равные права (сенат не мог отказать в доверии правительству, но зато президент не имел права распустить вторую палату). Падение реального влияния парламента — основной сферы деятельности старых буржуазных и реформистских партий — привело к резкому усилению власти высшей административно-технической бюрократии. В «переходном» правительстве де Голля высокопоставленные чиновники заняли ряд наиболее важных постов.

Референдум 28 сентября 1958 г. оказал большое воздействие на ход кампании по выборам в первое Национальное собрание Пятой республики и в значительной мере предопределил их результаты. Избирательная система, введенная перед этими выборами (одноименное мажоритарное голосование в два тура), означала возврат к практике Третьей республики. Она предусматривала, что избирательным округом объявлялся не департамент, а гораздо более мелкая административная единица, на которую приходилось одно место в парламенте. В первом туре для избрания необходимо было собрать абсолютное большинство поданных голосов и не менее четверти голосов зарегистрированных избирателей. Однако в условиях крайней дробности, множественности партийных группировок это случалось довольно редко. Если никто из кандидатов не получал абсолютного большинства, то через неделю проводился второй тур; победителем считался тот, кто собрал больше голосов, чем его соперники.

В промежутке между первым и вторым турами многие партии, не добившиеся заметного успеха, обычно снимали свои кандидатуры и призывали избирателей отдать голоса родственному в политическом смысле кандидату, чтобы предотвратить победу наи-

[37] *E. Blamont.* Le Parlement dans la Constitution de 1958. Paris, 1960, p. 32—33; *Ph. M. Williams.* The French Parliament. Politics in the Fifth Republic. London, 1962, p. 41—68.

более опасного противника из противоположного лагеря. «...Цель, преследуемая реакционерами при введении голосования по мелким округам, состоит в том, чтобы уменьшить число представителей рабочего класса благодаря блокировке во втором туре всех партий, включая социалистов» [38],— указывал В. Роше в докладе на пленуме ЦК ФКП в октябре 1958 г.

Первым заметным событием после референдума оказалось сплочение всех правых политических сил, так или иначе связанных с подготовкой майских событий, в партию «Союз защиты новой республики» (ЮНР), организационным костяком которой была прежняя партия социальных республиканцев, а основой политической программы — безоговорочная верность генералу де Голлю.

Социалисты, радикалы, католическое Народно-республиканское движение (МРП), дискредитированные банкротством Четвертой республики и капитуляцией перед майским путчем, пытались представить поддержку нового режима как единственно возможный способ предотвратить сползание его к диктатуре, побудить к проведению гибкой политики в колониальных делах, прежде всего в Алжире.

Главной силой, противостоявшей натиску реакции, оставалась ФКП. Коммунисты трезво отдавали себе отчет, что при данной расстановке сил в стране система одноименного мажоритарного голосования в два тура неизбежно должна резко уменьшить число их представителей в Национальном собрании. Поэтому основной упор в предвыборной кампании ФКП сделала на то, чтобы собрать максимальное число голосов. Подвергая резкой критике не только правых (ЮНР, «независимых»), но и их фактических союзников в лице лидеров центристских партий, ФКП отказывалась снимать во втором туре свои кандидатуры в пользу тех, кто призывал к положительному ответу на референдуме.

На выборах 23—30 ноября 1958 г. на первое место вышел «Союз защиты новой республики», собравший в первом туре 3,5 млн. голосов, а во втором — 5,2 млн. Другая крупная правая партия —«независимых и крестьян» собрала 2.8 млн. голосов, выиграв около 1 млн. Сокрушительный разгром потерпели мелкобуржуазные группировки — партия радикалов и «движение Пужада» («Союз защиты торговцев и ремесленников»), почти полностью вытесненные с политической арены: одни потеряли около 1,5 млн. голосов, другие — 2,2 млн. [39]

Вместе с тем серьезный урон понесла и Французская коммунистическая партия, получившая в первом туре 3,9 млн. голосов, а

[38] «L'Humanité», 23.X 1958.

[39] «L'Etablissement de la Cinquième République», p. 299.

во втором — 3,83 млн.; по сравнению с предыдущими выборами она потеряла 1,6 млн. голосов. Прежние избиратели компартии, временно отошедшие от нее, в основном пополнили ряды воздержавшихся. Социалисты (СФИО) и католики (МРП) в целом сохранили свои прежние позиции: за первых голосовали 3,17 млн. человек, за вторых — 1,18 млн.

Действие несправедливого избирательного закона привело к тому, что распределение парламентских мандатов совершенно не соответствовало числу поданных за отдельные партии голосов. ФКП, собравшая 3,9 млн. голосов, получила в Национальном собрании всего-навсего 10 мест (соответственно 18,8 и 2%). В то же время ЮНР, за которую в первом туре высказалось избирателей меньше, чем за коммунистов,— 3,5 млн., имела 198 депутатских мандатов (17,6 и 40,6%). Лидеры центристских группировок не получили от правых ожидавшегося вознаграждения за свои услуги: СФИО, радикалам и МРП, собравшим в общей сложности 37,5% голосов, достались 124 места, тогда как «независимым» с их 19,9% голосов — 133 места[40]. Каждый депутат-коммунист представлял в среднем 380 тыс. избирателей, социалист — 79 тыс., радикал — 75 тыс., «народный республиканец» — 46 тыс., а депутат ЮНР — всего 19 тыс.

21 декабря 1958 г. генерал де Голль был избран на семилетний срок президентом республики. В начале января 1959 г. он поручил формирование кабинета одному из лидеров ЮНР, М. Дебре; причем правоцентристский блок в составе ЮНР — МРП — «независимых», оформившийся на выборах, нашел закрепление в составе его кабинета. «Союз защиты новой республики» получил шесть министерских портфелей и один пост статс-секретаря (премьер, министры юстиции, бывших фронтовиков, связи, информации и т. д.). Портфели министров финансов и экономики, сельского хозяйства, посты статс-секретарей по экономике и бюджету достались представителям «независимых и крестьян». МРП получила министерства общественных работ и транспорта, труда и т. д. Наконец, на первых порах в кабинет Дебре входили отдельные лидеры левоцентристских партий — радикал Жан Бертуэн на посту министра внутренних дел, а социалист Андре Буллош — министра народного образования.

Однако равновесие сил внутри правящего лагеря не было долговечным. Результатом засилья правых партий, политика которых вызывала неуклонный рост недовольства их избирателей, оказался постепенный отход центристских группировок от поддержки правительства. Опасаясь бунта в рядах социалистической партии, ли-

[40] «L'Etablissement de la Cinquieme République», p. 245.

деры СФИО решили прекратить участие в кабинете в связи с финансово-экономическими мероприятиями Пине — Рюэффа. После принятия в конце 1959 г. клерикального закона о школе министр народного образования Буллош вынужден был подать в отставку.

Наступление клерикалов, усиленный нажим монополий на экономические позиции мелкой буржуазии и явная неудача правительственных партий, прежде всего ЮНР, на мартовских муниципальных выборах 1959 г. побудили вождей старой политической партии Франции — радикалов и радикал-социалистов — последовать примеру СФИО. В мае 1959 г. министр-радикал Бертуэн, избранный в сенат, предпочел мандат сенатора министерскому креслу. Наконец, в мае 1962 г. из состава правительства в знак протеста против внешней политики де Голля по вопросам «европейской интеграции» демонстративно вышли министры — члены МРП.

Вначале оппозиция СФИО, радикалов и МРП оставалась колеблющейся, непоследовательной. Лидеры социалистов всячески подчеркивали ее «конструктивный» характер и заявляли, что СФИО стоит «в авангарде Пятой республики» [41]. Вскоре, однако, развитие событий вынудило их все резче критиковать не только отдельные аспекты политики правительства, но и Пятую республику в целом.

В ноябре 1959 г. депутаты левого центра — социалисты и радикалы — впервые внесли в Национальном собрании резолюцию недоверия (порицания) правительству Дебре, которая не прошла, собрав лишь 109 голосов вместо необходимых 277. Год спустя, когда в рядах правых партий наметился раскол, аналогичная резолюция, внесенная в связи с проектом создания ядерной «ударной силы», получила уже 207 голосов. Если в Национальном собрании правительство располагало довольно значительным большинством, то в сенате оно вообще утратило его [42].

Однако слабой стороной центристской оппозиции оставался антикоммунизм ее вождей, упорно отказывавшихся от какого-либо сотрудничества с ФКП и искавших контакта с клерикалами из МРП на почве верности «атлантическому» и «европейскому» курсу во внешней политике. В 1961 г. лидеры СФИО выдвинули лозунг создания «картеля демократического действия» — блока центристских группировок, нового издания «третьей силы». В момент наибольшей опасности фашистского переворота (1961—1962 гг.) социалисты и радикалы установили контакт не только с

[41] *J. Chapsal.* La vie politique et les partis en France depuis 1940. Fasc. III. Paris, 1961, p. 548.

[42] ЮНР не удалось завоевать прочных позиций в муниципальных советах, члены которых составляли основную массу выборщиков сената.

МРП, но и с явными реакционерами из партии «независимых и крестьян», в частности с Пине, автором антирабочих декретов 1958 г.

По мере того как левая оппозиция расширяла и отчасти консолидировала свои ряды, в правящем лагере углублялось размежевание, связанное с эволюцией алжирской политики де Голля и косвенно отражавшее расхождения между интересами монополий и определенных слоев немонополистической аграрно-колониальной буржуазии. Раздоры в лагере организаторов майского переворота 1958 г. нашли отражение сначала в расколе главной правительственной партии — «Союза защиты новой республики» (ЮНР), из которой вышла фракция Сустеля — Дельбека, а затем в серьезных трениях между двумя основными партиями правоцентристского большинства — ЮНР и «независимыми» [43]. Последние опирались на традиционно-консервативные круги буржуазии, враждебные широкому государственному вмешательству в экономику и стремившиеся сохранить привилегированные рынки колоний. Нарастающая напряженность между правыми партиями вылилась в январе 1960 г. в открытый конфликт, когда Пине решением де Голля был снят с поста министра финансов и экономики. Организационным центром крайне правой оппозиции стала основанная Сустелем партия «национальной перегруппировки», которая провела в Венсенне, близ Парижа, два общефранцузских слета «ультра». В конечном итоге эта партия превратилась в легальное продолжение фашистско-террористической «Секретной вооруженной организации» (ОАС) и ее преемника — «Национального совета сопротивления».

КРУШЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

Пятая республика была обязана своим созданием обстановке, возникшей в момент путча фашиствующих «ультра» и значительной части кадрового офицерства, являвшегося союзником монополий в борьбе против их главного врага — трудящихся во главе с рабочим классом и коммунистической партией. Поэтому открытый конфликт внутри вооруженных сил в связи с алжирской проблемой был для французских монополий крайне нежелателен.

Однако затягивание до бесконечности военных действий в Алжире без каких-либо надежд на решительную победу подрывало французское влияние в остальных африканских странах, подтачивало авторитет Франции на международной арене, способствова-

[43] *J. Charlot.* L'U.N.R. Etude du pouvoir au sein d'un parti politique. Paris, 1967, p. 45—84.

ло изоляции ее в ООН, ослабляло ее позиции в НАТО. Огромные расходы на войну вновь и вновь ставили под вопрос равновесие валютно-финансовой системы, поддерживали инфляцию и ухудшали шансы французского экспорта. Наконец, многие руководители Пятой республики во главе с де Голлем отдавали себе отчет в том, что подавляющее большинство населения метрополии стремится к миру [44]. Среди правящего класса Франции постепенно усиливалось течение, считавшее лозунг «интеграции» Алжира безнадежной химерой и склонявшееся к поискам какого-либо компромиссного решения.

Эти противоречивые факторы определили линию правительства в алжирском вопросе. Вплоть до весны 1962 г. тактика правительства представляла собой сочетание карательных действий армии с частичными уступками и обещаниями арабам, чему в метрополии соответствовали жесты, адресованные поочередно то «ультра», то либералам.

Одним из первых мероприятий де Голля после прихода к власти была поездка в Алжир (июль 1958 г.). Выступая перед толпой французов, собравшихся на центральной площади города Алжира, новый председатель совета министров воскликнул: «Я вас понял! Я знаю, что произошло здесь. Я знаю, что́ вы хотели сделать. Я вижу, что дорога, которую вы открыли в Алжире,— это путь обновления и братства... От имени Франции я учитываю это. Я заявляю: с сегодняшнего дня Франция считает, что во всем Алжире есть лишь одна категория жителей — полноправные французы с одинаковыми правами и одинаковыми обязанностями» [45].

Такого рода заявления толковались наиболее видными представителями «ультра» как одобрение лозунга «интеграции», хотя оратор тщательно избегал произносить это слово [46]. Причины этой уклончивости не замедлили обнаружиться. Знакомство с реальной обстановкой в Алжире убедило главу правительства, что политика «интеграции» абсолютно нереальна. Исходя из этого де Голль приступил к поискам промежуточной формулы, которая отказывалась бы от неосуществимой «интеграции», но исключала бы в то же время и подлинную независимость Алжира. События показали, что поиски такой формулы бесплодны [47].

Следующим шагом явилась речь де Голля в алжирском городе Константина 3 октября 1958 г., в которой оратор нарисовал картину «экономического и социального преобразования» Алжира.

[44] *J. Lacouture*. De Gaulle. Paris, 1969, p. 175—190.

[45] «L'Année politique 1958», p. 544.

[46] *J. Soustelle*. L'Espérance trahie. Paris, 1962, p. 52.

[47] *J. Lacouture*. De Gaulle, p. 183—185.

«План Константины» предусматривал проведение в течение пяти лет (1959—1963 гг.) ряда социально-экономических мероприятий: распределение среди крестьян арабов 250 тыс. гектаров земли, постройку нефтепроводов и газопроводов из Сахары до алжирского побережья, сооружение ряда металлургических и химических комбинатов, в частности в районе мыса Бон, строительство жилищ для 1 млн. человек, предоставление работы 400 тыс. безработных, вовлечение в систему школьного образования $^{2}/_{3}$ общего числа детей и т. д. Объем капиталовложений за пять лет «плана Константины» должен был составить 18—20 млрд. новых франков [48].

Авторы «плана Константины» надеялись теснее привязать алжирскую экономику к французской, привлечь на свою сторону определенные элементы арабской буржуазии, наконец, создать центр притяжения для других североафриканских стран (Марокко, Туниса). Вместе с тем «план», который должен был финансироваться наполовину за счет бюджетных средств, т. е. налогоплательщиков, показывал общественности Франции дорогостоящий характер подлинной «интеграции» Алжира.

Если «план Константины» представлял собой экономическую приманку, «пряник» в алжирской политике Пятой республики, призванный внести разлад в ряды повстанцев, то роль средства давления на них, военного «кнута» отводилась «плану Шаля», названному так по имени вновь назначенного главнокомандующего французскими войсками в Алжире. Его стратегический план, разработанный в конце 1958 г., должен был обеспечить уничтожение основных сил Армии национального освобождения Алжира [49]. Согласно «плану Шаля», намечалось создать прочные заслоны на границах Туниса и Марокко, сосредоточить ударные силы, прежде всего парашютистов, в руках главного командования и приступить к систематическому уничтожению очагов сопротивления на всей территории Алжира, продвигаясь постепенно с запада на восток.

Во время пресс-конференции 23 октября де Голль призвал участников национально-освободительной борьбы к так называемому «миру храбрых», под которым подразумевалось прекращение огня путем установления прямого контакта с командованием французских войск на местах. «Старый воинский способ, давно применяв-

[48] *Ch. de Gaulle.* Discours et messages, t III, p. 48—51.

[49] Численность французских регулярных войск в Алжире на заключительном этапе войны составляла 519 тыс. человек (350 тыс.— пехота, 80 тыс.— авиация, 40 тыс.— флот, 49 тыс.— штабы и службы). Кроме того, численность полиции, жандармерии и «республиканских отрядов безопасности» достигла 80 тыс. человек и вспомогательных отрядов «харки» из арабов-мусульман — 158 тыс Таким образом, всего 757 тыс. человек («La Nouvelle Critique», N 122, janvier 1961).

шийся теми, кто хочет заставить умолкнуть оружие, состоял в поднятии белого флага перемирия»,— указывал генерал. Что же касается созданного в сентябре 1958 г. Временного правительства Алжирской республики (ВПАР), то его членам предлагалось обратиться во французские посольства в Тунисе или Марокко, которые гарантировали бы безопасную доставку во Францию. Однако из переговоров с ними заранее исключался центральный пункт — вопрос о политическом будущем Алжира[50].

Рассчитывая оказать давление на Временное правительство, генерал де Голль оповестил о проведении в Алжире выборов по единой избирательной курии во французское Национальное собрание одновременно с выборами в метрополии — в ноябре 1958 г. «Избранные» таким путем депутаты (из них не менее 2/3 должны были составлять арабы-мусульмане) рассматривались как полномочные представители алжирского населения, с которыми предполагалось окончательно определить статус Алжира[51].

Временное правительство Алжирской республики, которое трезво учитывало вековой опыт общения с французской военно-колониальной администрацией, расценивало фразу о «белом флаге» как намек на безоговорочную капитуляцию. Отказавшись вести переговоры о прекращении огня в отрыве от обсуждения проблем политического будущего Алжира, оно решило бойкотировать выборы под контролем оккупационной армии. Правильность этого решения не замедлили подтвердить факты. В ходе «выборов» единственными кандидатами оказались представители самых оголтелых «ультра». «Избранный» таким образом 71 депутат создал в Национальном собрании крайне правую группу «Единство республики», отстаивавшую лозунг «интеграции» Алжира.

Во французской и мировой печати продолжали появляться тревожные сообщения о пытках и казнях алжирцев-военнопленных, создании массовых концлагерей (так называемых «лагерей перегруппировки»), куда сгонялось население целых деревень, заподозренных в помощи повстанцам). Весной 1960 г. число «перегруппированных» достигло 1250 тыс. человек[52]. Однако «план Шаля» вскоре обнаружил свою несостоятельность; бои в Алжире не утихали, что не замедлило отразиться и на осуществлении «плана Константины». Деловые круги метрополии с явной неохотой вкладывали средства в сооружение алжирских промышленных комплексов, не веря в будущее французского господства. Уже в середине 1960 г. газета «Монд» констатировала, что объем

[50] *Ch. de Gaulle.* Discours et messages, t. III, p. 55—56.

[51] *J. R. Tournoux.* La tragédie du Général. Paris, 1967, p. 312—313.

[52] «Le Monde», 2.IV 1960.

частных капиталов, возвращающихся из Алжира в метрополию, значительно превышает размеры государственных инвестиций.

Между тем развитие международных событий принимало все более тревожный для Франции оборот. Осенью 1959 г. афро-азиатские страны вновь внесли алжирский вопрос на рассмотрение очередной, XIV сессии Генеральной ассамблеи ООН. Открытое осуждение Франции мировой общественностью могло придать новые силы алжирской Армии национального освобождения, легализовать помощь ей со стороны афро-азиатских стран, а главное, усилить центробежные тенденции среди остальных заморских владений.

В самой Франции общественность проявляла явные признаки разочарования в связи с провалом надежд на быстрое решение алжирской проблемы. В правящих кругах намечалось очевидное размежевание между «ультра» и защитниками более гибкого курса, отражавшими точку зрения могущественных трестов, которые стремились положить конец разбазариванию на неудачные заморские авантюры колоссальных средств, необходимых для самой метрополии, и создать благоприятную обстановку для разработки нефтяных и горнорудных богатств Сахары [53].

Учитывая это, де Голль решил предпринять важный политический шаг. Выступив 16 сентября 1959 г. по радио и телевидению, он заявил о намерении урегулировать алжирскую проблему путем «выбора алжирцами их собственного будущего». При этом президент республики оговаривался, что выбор алжирцев должен быть утвержден волей всего французского народа (т. е. референдумом в метрополии). Дата волеизъявления назначалась не позднее чем через четыре года после «эффективного возвращения к миру».

Право алжирцев на самоопределение мыслилось как выбор между одним из трех решений:

1) отделение от Франции и образование самостоятельного государства с собственным правительством (генерал де Голль указывал, что считает подобный выход «невероятным и катастрофическим»);

2) «полное офранцуживание», т. е. ничем не ограниченное приравнивание алжирцев к французским гражданам с правом занимать государственные должности в метрополии, равенством зарплаты, образования, социального обеспечения и т. д.;

3) «правительство алжирцев, созданное самими алжирцами, опирающееся на помощь Франции и тесный союз с ней в области экономики, обороны и внешних сношений» (при этом имелось

[53] *R. Aron.* La Tragedie algérienne. Paris, 1957; «L'Algérie et la République», Paris, 1958.

в виду раздробить страну на мелкие религиозно-этнические единицы в рамках федеративного государства, связанного с Францией).

Повстанцам была обещана свобода от преследований по договоренности с местными военными властями, а руководителям освободительного движения — участие в политической жизни страны на равных условиях с прочими гражданами. Вместе с тем переговоры с Временным правительством Алжирской республики о будущем Алжира по-прежнему исключались [54].

В своем ответном заявлении Временное правительство Алжирской республики, подтверждая решимость продолжать борьбу до конца, проявляло готовность использовать любую возможность для восстановления мира. Вместе с тем оно категорически настаивало на национальном единстве Алжира, что было несовместимо с раздроблением страны на расовые или религиозные сообщества. Временное правительство Алжирской республики заявляло также о своей готовности вступить в переговоры с французским правительством, чтобы обсудить политические и военные условия прекращения огня, а также гарантии осуществления самоопределения.

Многочисленные оговорки, которые в значительной мере выхолащивали официально провозглашенное французским правительством право на самоопределение, не могли заслонить того очевидного факта, что в ходе войны наметился перелом. Отныне зачеркнуть вырванное героической борьбой алжирских патриотов право народа самому решить свою судьбу и вернуться к колониалистскому лозунгу «французского Алжира» было невозможно.

На заключительном этапе войны неуклонно расширялись масштабы национально-освободительной борьбы алжирского народа. В самой Франции бурно активизировалось движение за мир, резко обострились противоречия между различными группировками организаторов майского переворота 1958 г. Первым свидетельством этого раскола явилась так называемая «неделя баррикад» (24 января — 1 февраля 1960 г.), когда вожаки «ультра» Жозеф Ортиз и Пьер Лагайярд в г. Алжире соорудили две кольцевые баррикады и попытались склонить на свою сторону армию. Мятежники добивались отказа правительства от признания права Алжира на самоопределение и возврата к лозунгу «интеграции» [55].

Французская коммунистическая партия призвала трудящихся к решительной борьбе против заговорщиков, разоблачая одновременно попустительство им со стороны правительства. Партия сосредоточила силы на налаживании единства всех сторонников демо-

[54] *Ch. de Gaulle.* Discours et messages, t. III, p. 117—123.

[55] *M. et S. Bromberger, J. F. Chauvel, C. Elgey.* Barricades et Colonels. Paris, 1960.

кратии, всех выступавших за право алжирского народа на самоопределение[56]. 28 января 1960 г. М. Торез по поручению Политбюро ЦК ФКП направил 12 левым демократическим партиям и организациям письмо с предложением единства действий против фашизма, за мир с алжирским народом[57]. С аналогичным предложением ВКТ обратилась ко всем профцентрам. 31 января все профсоюзные организации, кроме «Форс увриер», решили провести на следующий день одночасовую всеобщую забастовку. Социалистическая партия в последний момент вынуждена была призвать своих членов примкнуть к движению. В общенациональной забастовке протеста 1 февраля участвовало около 12 млн. человек. В этих условиях правительство также предприняло некоторые меры против путчистов.

«Неделя баррикад» не только показала всю остроту разногласий в правящем лагере. Впервые после крушения Четвертой республики на арену активной борьбы за мир в Алжире, за демократию, против угрозы неофашизма вновь вышли широкие массы трудящихся[58]. Однако корни заговора отнюдь не были выкорчеваны. «Процесс баррикад», на котором разбиралось дело организаторов мятежа 24 января 1960 г., закончился скандально мягкими, снисходительными приговорами. Более того, подсудимым, освобожденным «под честное слово», дали возможность благополучно скрыться в Испанию.

Сразу же после этих событий, весной 1960 г., глава государства совершил новую поездку в Алжир. Он посетил офицерские клубы и заверил командный состав действующей армии, что предварительным условием всякого контакта с повстанцами остается прекращение ими огня, а французская армия останется в Алжире для контроля над ходом «самоопределения». В речи по радио и телевидению 14 июня президент заявил, что предметом переговоров может быть лишь «почетное» прекращение боев, решение вопроса о судьбе оружия повстанцев и их самих[59]. Естественно, что подобные условия не имели успеха; первая встреча алжирской делегации с французскими представителями в городе Мелён, близ Парижа, закончилась неудачей.

Обстановка как в Алжире, так и в метрополии продолжала обостряться, и это побудило де Голля сделать новый шаг к мирному урегулированию конфликта. В речи, произнесенной 4 ноября 1960 г., он впервые высказался более определенно, заявив о возможности создания «алжирского Алжира», где ответственность за

[56] «L'Humanité», 3.II 1960.
[57] «Cahiers du communisme», 1960, N 2, p. 296.
[58] *J. R. Tournoux*. La Tragédie du Général, p. 349—352.
[59] *Ch. de Gaulle*. Discours et messages, t. III, p. 224—228.

все дела и на всех уровнях будет передана алжирцам[60]. В следующей речи — 20 декабря — президент прямо признал, что будущий Алжир мыслим лишь как «государство со своим собственным правительством, учреждениями и законами». Вместе с тем де Голль все еще отказывался признать Временное правительство и Фронт национального освобождения единственными полномочными представителями алжирского народа и давал понять, что завоевание Алжиром полной независимости может повлечь за собой прекращение всякой экономической помощи со стороны метрополии[61].

Следующей важнейшей вехой в развитии событий оказались кровавые беспорядки в Алжире в декабре 1960 г. Во время очередной поездки главы государства по алжирским городам толпы европейцев-«ультра» организовали манифестации под лозунгами, враждебными генералу де Голлю. Совершенно новым, неожиданным для организаторов этих выступлений фактором оказались мощные контрдемонстрации арабов-мусульман, которые несли бело-зеленые флаги ВПАР, транспаранты с требованиями независимости и приветствиями Фронту национального освобождения. От рук полиции и вооруженных «ультра» пало более 100 алжирцев. Декабрьская бойня окончательно подорвала версию колонизаторов, согласно которой большинство арабов-мусульман якобы сочувствует «интеграции», но боится высказать это лишь из страха перед террором ФНО.

Между тем правящие круги Парижа продолжали упорные поиски так называемой «третьей силы» — «умеренных националистов», из которых они намеревались сколотить некое подобие марионеточного правительства. Об этом свидетельствовал референдум 8 января 1961 г., целью которого было навязать алжирцам искусственную схему «организации государственной власти в Алжире вплоть до самоопределения». Такого рода власть предполагалось противопоставить ВПАР и использовать как «приемлемого партнера». Результаты референдума в Алжире были весьма определенными: из 4470 тыс. зарегистрированных избирателей в голосовании приняли участие только 2627 тыс. «Да» ответили 64,4%, «нет» — 35,4%; 38,4% арабов-мусульман по призыву ВПАР бойкотировали референдум[62].

В метрополии в пользу положительного ответа выступила правительственная ЮНР с примыкающими к ней организациями, а также основные центристские партии — СФИО и МРП. Ответить «нет» призвали Французская коммунистическая партия, ра-

[60] Ibid., p. 256—262.
[61] Ibid., p. 262—266.
[62] IFOP. Les Français et de Gaulle, p. 366.

дикалы, «объединенные социалисты» — с одной стороны, немногочисленная кучка воинствующих «ультра» во главе с Сустелем — с другой. Из 27,2 млн. зарегистрированных избирателей в голосовании приняли участие 20,8 млн. человек. «Да» ответили 15,2 млн., «нет» — 5 млн. По сравнению с сентябрьским референдумом 1958 г. правящий лагерь потерял 2,5 млн. голосов [63].

Чувствуя, что почва постепенно уходит из-под ног колонизаторов, «ультра» решили играть ва-банк. В ночь с 21 на 22 апреля 1961 г. мятежные элементы армии под руководством генералов Салана, Жуо, Шаля и Зеллера захватили власть в Алжире. Путчисты стремились путем военного переворота оказать решающее воздействие на политическую борьбу в метрополии и помешать мирным переговорам с Фронтом национального освобождения Алжира [64].

Правительство первоначально ограничилось призывом к парижанам отправиться «пешком или в автомобилях» к аэродромам, на которых предполагалась высадка парашютистов, чтобы убедить их в «ошибочности» мятежных действий. В противовес этому Политбюро ЦК ФКП уже в первые тревожные часы призвало рабочий класс, весь народ рассчитывать прежде всего на свои собственные силы и обратилось к солдатам — «сыновьям рабочих и крестьян Франции», унтер-офицерам и офицерам-республиканцам с призывом не повиноваться приказам генералов-изменников. Было также опубликовано предложение М. Тореза ряду политических и профсоюзных организаций встретиться «для организации общего и немедленного отпора мятежу».

«Партия начала действовать,— писали публицисты Ж. Фовэ и Ж. Планше.— Она мобилизовала от 12 до 15 тысяч активистов, которыми располагает в Парижском районе, создала максимально возможное количество комитетов бдительности, собрала добровольцев... Каждая коммунистическая мэрия стала командным пунктом, центром связи, сбора — не оружия, потому что, вопреки легенде, она не имела оружия, но несомненно знала в этот час, где его найти, если бы прибытие парашютистов создало панику и беспорядок» [65].

23 апреля генерал де Голль выступил по радио и телевидению, призвав применить все средства, чтобы преградить дорогу организаторам мятежа [66]. 24 апреля по призыву профсоюзных и демократических организаций 12 млн. трудящихся прекратили по

[63] *F. Goguel* (dir). Le référendum du 8 janvier 1961. Paris, 1962, p. 139.
[64] *Ph. Brand*. Les crises politiques intérieures de la Ve République. Paris, 1970, p. 19—26.
[65] *J. Fauvet, J. Planchais*. La Fronde des généraux. Paris. 1961, p. 205.
[66] *Ch. de Gaulle*. Discours et messages, t. III, p. 306—308.

всей стране работу. Многие антифашистские комитеты потребовали предоставления им оружия. В самом Алжире французские солдаты, унтер-офицеры и республикански настроенные офицеры отказались повиноваться мятежным генералам. Вечером 24 апреля морская пехота и полк зуавов, высадившиеся в Алжире, подавили мятеж.

Коммунистическая партия Франции считала, что единственно верный путь к миру лежит через сочетание активной борьбы за мир с движением за демократию и непосредственные интересы трудящихся, ибо только успехи такой борьбы способны принудить правительство отбросить колебания и пойти на политическое урегулирование конфликта в Алжире вопреки сопротивлению «ультра». Хотя на первых порах компартии приходилось идти против течения, ее мужественная, принципиальная линия постепенно приносила свои плоды. «Если сфотографировать политическую и социальную карту в настоящий момент, то снимок покажет существование двух боевых порядков, вокруг которых располагаются мелкие батальоны. Эти две политические силы — армия и коммунистическая партия»,— писал еще в начале 1959 г. обозреватель «Монд» Виансон-Понтэ [67].

XV съезд ФКП в июне 1959 г. отметил в своих решениях, что главной задачей рабочего класса Франции на данном этапе являются восстановление и обновление демократии, которые немыслимы без прекращения войны в Алжире — основного источника неофашистской опасности. «Демократическое и национальное возрождение Франции, как и ее движение к социализму, не может быть делом одной партии,— подчеркивалось в тезисах съезда.— Оно требует прочного и лояльного союза между рабочим классом, трудовым крестьянством, интеллигенцией, городскими средними классами. Оно предполагает союз между коммунистической партией и другими демократическими партиями» [68]. В 1957—1959 гг. Политбюро и ЦК ФКП опубликовали ряд призывов к единству действий, М. Торез послал 11 писем с конкретными предложениями различным демократическим партиям и организациям насчет мер для подготовки отпора террору ОАС и угрозе фашизма в общенациональном масштабе.

Следующий, XVI съезд ФКП, который состоялся 11—14 мая 1961 г., подверг углубленному анализу политическую обстановку в стране. В отчетном докладе ЦК, с которым выступил В. Роше,

[67] *P. Viansson-Ponté.* Risques et chances de la Vème République Paris, 1959, p. 68.

[68] «XVe Congiès du Parti Communiste Français. Ivry, 24—28 juin 1959. Rapports, interventions et documents».— Numéro spécial des «Cahiers du communisme», juillet — août 1959, p. 535

указывалось, что «в ходе единых действий против фашизма, за мир в Алжире, а также в защиту экономических требований трудящихся масс, против политики монополий, были достигнуты первые успехи». В решениях съезда подчеркивалось, что главной задачей партии остается терпеливое налаживание единства действий снизу с рядовыми социалистами, радикалами, левыми католиками.

Мужественная борьба коммунистов за мир, демократию, интересы трудящихся способствовала постепенному изменению позиции левоцентристских партий — СФИО, радикалов, отчасти МРП.

Осенью 1961 г. и весной 1962 г. ситуация в Алжире и метрополии накалилась до предела. Столкновение «ультра» и демократических сил грозило перерасти в гражданскую войну. Разношерстные группы фашиствующих «активистов», пополнившиеся дезертирами из армии, сколотили подпольный центр — «Секретную вооруженную организацию» (ОАС) и резко усилили массовый политический террор [69]. В то же время демократические силы предприняли серию решительных выступлений, направленных не только против «ультра», но и против попустительствовавших им властей. Самой мощной из них была демонстрация протеста против оасовского террора, состоявшаяся 8 февраля 1962 г. в Париже. Попытки полиции разогнать манифестантов привели к человеческим жертвам — погибли девять человек Их похороны 13 февраля превратились в новую грандиозную демонстрацию, сопровождавшуюся массовыми забастовками [70].

Эти события заметно повлияли на политику правящих кругов Пятой республики в алжирском вопросе. После январского референдума тайные эмиссары французского правительства начали наконец нащупывать почву для прямого контакта с полномочными представителями ВПАР. 20 мая 1961 г. в курортном городке Эвиан-ле-Бен на франко-швейцарской границе начались долгожданные переговоры. Они тянулись до марта следующего года, неоднократно прерываясь из-за попыток навязать алжирцам неприемлемые условия (признание сахарской нефти собственностью Франции, сохранение в ее руках на неограниченное время военно-морской базы Мерс-Эль-Кебир, закрепление за европейским меньшинством огромных прав, которые могли превратить его в своего рода «государство в государстве» и давать Франции повод для постоянного вмешательства во внутренние дела Алжира, и т. д.).

В конечном счете, однако, твердая линия Временного правительства Алжирской республики увенчалась полным успехом.

[69] *P. Viansson-Ponté.* Histoire de la République Gaullienne, t. I. La fin d'une époque. Paris, 1970, p. 438—439.
[70] Ibid., p. 439—442.

18 марта 1962 г. в Эвиане были подписаны соглашения о прекращении огня, условиях самоопределения Алжира и основах будущих франко-алжирских отношений. В полдень 19 марта впервые за 88 месяцев на всей территории Алжира был прекращен огонь.

Эвианские соглашения являлись крупнейшей победой не только героического алжирского народа, но и прогрессивных, демократических сил всего мира, в том числе самой Франции. Эти соглашения предусматривали проведение референдума о независимости Алжира и его ассоциации с Францией. Вплоть до референдума власть делилась между командованием французских войск и временным исполнительным органом, составленным из арабов и европейцев.

После референдума предполагалось в определенные сроки вывести французские войска из Алжира. ВПАР гарантировало личную безопасность и неприкосновенность имущества европейских поселенцев, которые должны были сделать выбор между алжирским и французским гражданством. Франция получила преимущественное право на добычу сахарской нефти, признававшейся собственностью Алжира. Военные базы сохранились за Францией на правах аренды. В обмен Франция обязывалась оказывать Алжиру финансово-экономическую и техническую помощь в не меньшем объеме, чем прежде.

Подписание Эвианских соглашений еще не положило конец страданиям алжирского народа. Фашистские банды ОАС, чувствовавшие свою обреченность, еще более активизировали свою террористическую деятельность как в Алжире, так и в метрополии [71]. Только за полтора месяца после 18 марта 1962 г. на позорном «боевом счету» оасовцев насчитывалось свыше 1500 убитых и 3 тыс. раненых, в том числе много женщин, детей, стариков. Направляя главный удар против мирного арабского населения, «ультра» стремились спровоцировать Армию национального освобождения Алжира на ответные меры, столкнуть с ней части регулярной французской армии и возобновить военные действия, а на худой конец — навязать себя в качестве третьей стороны в переговорах между Парижем и Временным правительством Алжирской республики, чтобы ревизовать Эвианские соглашения [72].

Тем не менее волна забастовок и демонстраций в метрополии, провал попыток перетянуть основную массу армии на сторону фашистских мятежников и арест видных оасовских главарей (Салана, Жуо) вызвали разброд в рядах ОАС. Она утратила как массовую базу, так и самый смысл своего существования. Состояв-

[71] «OAS parle». Collection «Archives». Paris 1964, p. 166—176.

[72] О связях кадрового офицерства французской армии с ОАС см.: *P. de la Gorce*. La République et son armée. Paris, 1963, p. 663—666.

шие из дезертиров группировки оасовского подполья в метрополии, окруженные враждебностью подавляющего большинства населения, вскоре выродились в обычные банды гангстеров и были постепенно обезврежены органами безопасности. Последний из оасовских руководителей в эмиграции бывший полковник Аргу был похищен в Мюнхене французской контрразведкой. 17 июня 1962 г. один из вожаков организации, Жан-Жак Сюзини, заключил соглашение с представителями Фронта национального освобождения Алжира, ускорившее ликвидацию наиболее важного гнезда оасовцев в европейских кварталах города Оран.

1 июля 1962 г. в Алжире состоялся референдум о независимости — первое подлинно свободное волеизъявление алжирского народа. За независимость было подано подавляющее большинство голосов. 3 июля французское правительство официально признало независимость Алжирской республики. В последующие месяцы основная масса европейских поселенцев покинула Алжир и перебралась во Францию.

Учитывая опыт Индокитая и Алжира, правящие круги Пятой республики избрали во французских владениях южнее Сахары иную политику. Речь шла о том, чтобы вовремя заменить принцип прямого военно-административного управления колониями более гибкими способами закулисного, скрытого контроля над экономикой и политикой молодых африканских государств. К моменту падения Четвертой республики из Французского союза безвозвратно ушли «присоединившиеся государства» Индокитая (Вьетнам, Лаос, Камбоджа), а также бывшие североафриканские протектораты — Тунис, Марокко, завоевавшие полную политическую независимость. В составе союза оставались Алжир, 4 заморских департамента в так называемых «старых колониях» (Мартиника, Гваделупа, Реюньон, Гвиана) и 18 заморских территорий, а также 2 подопечные — Того и Камерун.

Конституция 1958 г. заменяла совершенно скомпрометированный Французский союз новой формулой «сообщества». Согласно конституции (раздел XI), заморские территории получили возможность определить в ходе референдума 28 сентября 1958 г. свою дальнейшую судьбу (ст. 76). Первоначально выбор ограничивался одним из трех вариантов: переходом в категорию заморского департамента с приравниванием административной системы к метрополии, сохранением статуса заморской территории и превращением в государство — член Сообщества.

Государства — члены Сообщества официально имели право на «свободное и демократическое управление своими делами» (ст. 77). Однако следующая, 78-я статья резервировала за центральными органами Сообщества такие ключевые сферы государственной деятельности, как внешняя политика, оборона, валюта, общая эконо-

мическая и финансовая политика, а также политика в отношении стратегического сырья.

Органы Сообщества включали президента, Исполнительный совет — некое подобие правительства — и сенат, состоявший из делегатов от французского парламента и законодательных учреждений государств-членов. Центральной фигурой во всем механизме Сообщества был его президент, которым являлся по должности президент Французской республики.

Под давлением африканских лидеров генерал де Голль накануне сентябрьского референдума 1958 г. заявил о своем согласии с предоставлением заморским территориям права выхода из Сообщества и получения полной независимости. Кроме того, в статью 86-ю конституции был включен пункт о возможности изменения статуса любого государства — члена Сообщества и получения им независимости в будущем по просьбе законодательного собрания данного государства, подтвержденной референдумом в нем и голосованием французского парламента. Надеясь предотвратить такой исход, правящие круги метрополии грозили заморским территориям немедленным и полным разрывом всяких экономических связей, отзывом всех французских специалистов, изъятием капиталовложений и т. п.

Под влиянием этих угроз 12 заморских территорий (Сенегал, Судан, Берег Слоновой Кости, Дагомея, Нигер, Мавритания, Верхняя Вольта, Конго, Габон, Убанги-Шари, Чад и Мадагаскар) приняли на референдуме новую конституцию Пятой республики и избрали статус государств — членов Сообщества. Пять мелких заморских территорий — Сен-Пьер и Микелон, Коморские о-ва, Французское Сомали, Новая Каледония и Океания — высказались за сохранение прежнего статуса. Ни одна заморская территория не пожелала стать заморским департаментом. Того и Камерун участия в голосовании не принимали.

Вместе с тем чувствительным поражением неоколониализма явилось мужественное решение народа Гвинеи, где во время референдума против конституции и, следовательно, в пользу независимости высказались 97% избирателей. Попытки метрополии «наказать» молодую Гвинейскую республику экономической блокадой полностью провалились благодаря бескорыстной помощи ей со стороны стран социализма. Франция вынуждена была также удовлетворить требования о предоставлении независимости Того и Камеруну; обе страны в 1960 г. стали независимыми республиками.

Дальнейшее развитие событий было предопределено выдвижением правительством Мали официального требования о предоставлении независимости [73]. Опыт блокады Гвинеи говорил о том, что

[73] *R. Delavignette.* La Fédération du Mali.— «Revue de Paris», juin 1959.

методы прямого нажима и угроз могли окончиться для метрополии потерей всяких позиций в прежних африканских владениях. Трезво учитывая это, генерал де Голль в декабре 1959 г. (сначала в Нуакшоте, а затем в Сен-Луи-ле-Сенегал) признал возможность получения Мали суверенитета избранным ею путем. Весной 1960 г. были подписаны соглашения о передаче Мали и Малагасийской республике (Мадагаскару) компетенции во всех важнейших сферах государственной деятельности и одновременно соглашения о дальнейшем сотрудничестве их с Францией.

В августе 1960 г. стали независимыми четыре республики Экваториальной Африки — Конго со столицей в Браззавиле, Чад, Центрально-Африканская республика (Убанги-Шари), Габон, а также Исламская республика Мавритания.

Распад первоначальных рамок системы французского неоколониализма в Африке оказал воздействие даже на тех африканских деятелей, которые всегда отстаивали политику ориентации на Париж и теперь опасались падения своего престижа. Уфуэ-Буаньи — лидер четырех государств так называемого «Совета согласия» (Берег Слоновой Кости, Дагомея, Верхняя Вольта, Нигер) — в июне 1960 г. потребовал немедленной передачи органами Сообщества своих прерогатив «Совету» и провозглашения независимости. Месяц спустя эти государства стали суверенными; они отказались вступить в «обновленное Сообщество». Отношения между этими странами и Францией строились отныне на базе соглашений о сотрудничестве в области внешней политики, обороны, экономики, просвещения, транспорта, связи и т. д. Подобные соглашения были заключены несколько ранее также между Францией и ее бывшей подопечной территорией — республикой Камерун.

Ввиду полного переворота в структуре Сообщества генерал де Голль упразднил за ненадобностью его сенат. Мертворожденный арбитражный суд, так и не решивший ни одного конфликта, самоликвидировался. Исполнительный совет превратился в периодические консультативные совещания руководителей правительств Франции и большинства ее бывших африканских владений [74].

Утрата военно-административного контроля над бывшими заморскими владениями, являвшаяся логическим следствием всемирно-исторического процесса распада колониальной системы, в определенной мере ослабила позиции французского империализма. В области внешней политики Франция могла сохранять статус великой державы преимущественно умелыми дипломатическими акциями. Они облегчались теперь тем обстоятельством, что Франция освободилась от сковывавших ее пут многолетних разорительных колониальных войн.

[74] *G. Dupeux.* La France de 1945 à 1954, p. 280—284.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКИ

Если обострение внутриполитической борьбы во Франции в конце 50-х годов, вызвавшее крах парламентского режима Четвертой республики, было в немалой степени обусловлено международными факторами, то классовые противоречия в свою очередь оказали определенное обратное воздействие на внешнюю политику. Отдавая себе отчет в том, что унижение национального достоинства французского народа капитуляцией 1940 г., гитлеровской оккупацией, а затем подчинением американскому диктату и серией неудачных колониальных авантюр вызвало глубокое недовольство масс, правящие круги во главе с генералом де Голлем решительно взяли курс на укрепление позиций Франции на международной арене. Лозунг борьбы за национальное величие призван был стать важнейшим инструментом поднятия внутреннего престижа нового режима [75]. Реальные возможности для такого курса возникли в результате коренного изменения соотношения сил между капитализмом и социализмом в пользу последнего, а также внутри империалистического лагеря.

Союзники США по Североатлантическому пакту опасались, что американская военщина втравит их в опасные авантюры во имя чуждых целей. Миролюбивая политика СССР окончательно опрокинула миф о «советской угрозе», призванный цементировать НАТО. Результатом был глубокий «кризис доверия» между США и Западной Европой, поставивший под вопрос прежнюю структуру империалистических союзов.

Важным фактом явилось также повышение удельного веса экономики Западной Европы в капиталистическом мире при соответствующем снижении доли Соединенных Штатов. Перестав нуждаться в долларовых подачках и сталкиваясь в то же время с попытками США переложить на своих союзников более значительную часть бремени гонки вооружений, монополии стран Западной Европы все настойчивее требовали перераспределения влияния в НАТО. Правящие круги Франции проявили при этом наибольшую настойчивость.

Причины, побудившие Францию взять на себя руководящую роль в «бунте» против засилья Соединенных Штатов, были многообразны. Вооруженные силы страны оказались дезорганизованными и обескровленными в ходе колониальных войн. В 1958 г. в Северную Африку было переброшено более половины личного состава французской армии; для этого пришлось существенно сократить численность французских войск в Западной Германии,

[75] *P. Viansson-Ponté.* Les Politiques. Bilan de la Ve République. Paris, 1967, p. 85—87.

подчиненных командованию НАТО. Чем меньше был вклад Франции в интегрированную военную машину Североатлантического союза, тем пренебрежительнее становилось отношение к ней со стороны ведущих держав последнего — США и Англии.

Дебютом лидеров Пятой республики на международной арене явилась попытка внести существенные поправки в политико-стратегический механизм НАТО. 17 сентября 1958 г. де Голль направил президенту США Эйзенхауэру и британскому премьеру Макмиллану секретный меморандум, содержание которого вскоре стало достоянием гласности [76]. Глава французского правительства ссылался на конфликты в Тайваньском проливе из-за островов Куэмой и Мадзу, а также на Ближнем Востоке — в Ливане и Иордании, где США и Англия высадили войска после революции 14 июля 1958 г. в Ираке, и указывал, что в обоих случаях события могли выйти из-под контроля и вызвать всеобщую войну, в которую была бы неизбежно вовлечена Франция. Между тем она едва была в последний момент извещена о намерениях своих союзников и не могла участвовать в принятии ими решений, чреватых смертельным риском. Объявляя подобное положение нетерпимым и считая его прямым следствием как ограниченности географической сферы действия НАТО, так и решающей роли США в вопросах применения ядерного оружия, де Голль предлагал создать трехстороннюю организацию, которая вырабатывала бы решения по всем проблемам, способным вызвать ядерный конфликт.

Это предложение, получившее впоследствии название проекта «атлантического триумвирата», представляло собой прежде всего атаку на «особые отношения» двух привилегированных держав НАТО, которые располагали к тому времени ядерным оружием,— США и Великобритании. Требуя допуска Франции в двойственную англосаксонскую «директорию», генерал де Голль бросал вызов принципу соразмерности влияния страны ее фактическому вкладу в общий котел интегрированного военного аппарата НАТО, а подчеркивая глобальный характер «триумвирата», намекал на то, что поддержка Францией акций США в Европе и Азии зависит от их солидарности с французской политикой в Африке.

Предложения Франции встретили в Вашингтоне и Лондоне весьма сдержанный прием. США и Англия дали понять, что Франция, связанная алжирской войной и не располагающая ядерным оружием, не имеет оснований на допуск в узкий круг, где решались вопросы высокой политики и стратегии мирового империализма [77]. В начале декабря 1958 г. в Вашингтоне начались

[76] *Ch. de Gaulle.* Mémoires d'espoirs, t. I. Paris, 1970, p. 214—215.
[77] *M. Couve de Murville.* Une politique étrangère 1958—1969. Paris, 1971, p. 55—58.

трехсторонние переговоры по предложениям, выдвинутым в меморандуме де Голля. Они не привели к каким-либо конкретным результатам. На очередной сессии Совета НАТО в Париже 16—18 декабря меморандум был окончательно похоронен: в заключительном коммюнике сессии содержались лишь ни к чему не обязывающие пожелания придать «большую гибкость» существующей процедуре политических консультаций.

Из этой и других неудач правящие круги Франции сделали вполне определенные выводы. Не отказываясь от своих конечных целей, они сменили тактику и перешли от лобовой атаки к длительной осаде. Дальнейшая эволюция внешнеполитического курса Пятой республики распадается на два периода, условным водоразделом между которыми можно считать 1963 г.

На первом этапе, когда определяющим фактором всей политики — как внутренней, так и внешней — была война в Алжире, стержнем дипломатической стратегии Парижа являлись попытки сплотить вокруг Франции группу континентальных стран Западной Европы — участниц «Общего рынка». Эта группировка была призвана, с одной стороны, укрепить поколебленные французские позиции на Африканском континенте (проекты «Еврафрики»), а с другой — стать опорой притязаний Парижа на более видное место в НАТО.

«Основой мышления генерала де Голля в настоящее время является его решимость использовать Европейское сообщество в качестве компенсации слабости Франции: став лидером и полномочным представителем шестерки, Франция сможет получить ключевое место в узком кругу (руководителей) западного мира»,— писал английский исследователь Китцингер [78].

Одновременно правительство Франции предприняло попытку улучшить отношения с Советским Союзом. С этим было связано приглашение во Францию в марте 1960 г. Председателя Совета Министров СССР. Визит этот не привел, однако, к существенным сдвигам во франко-советских связях, что было связано в значительной мере с тогдашней международной обстановкой, с политикой, проводившейся крайними агрессивными кругами международного империализма.

Краеугольным камнем континентально-европейского блока во главе с Францией должно было стать тесное франко-западногерманское сотрудничество. Контакт, установленный в августе 1958 г. во время свидания генерала де Голля и канцлера Аденауэра в Рамбуйе, близ Парижа, был продолжен и расширен в Бад-Крейцна-

[78] *U. W. Kitzinger*. The Politics and Economics of European Integration. Britain, Europe and the United States. New York and London, 1963, p. 135.

хе (ноябрь того же года) и во время других встреч. Это сближение получило название «оси Париж — Бонн» [79].

Вскоре «ось» получила официальное юридическое оформление. Во время путешествий Аденауэра по Франции и генерала де Голля по ФРГ в августе — сентябре 1962 г. французская сторона предложила заключить двусторонний «договор о сотрудничестве», который был подписан в Париже 22 января 1963 г. Он предусматривал регулярные встречи на уровне глав правительств или государств, министров иностранных дел, обороны и т. д. в целях предварительной консультации по наиболее существенным вопросам, а также значительное расширение военного сотрудничества (выработка единой стратегической доктрины, согласование программ вооружения, совместное производство его, стажировка офицеров и воинских частей бундесвера во Франции и французской армии в ФРГ и т. д.) [80].

Материальной основой франко-западногерманского сближения в 1958—1963 гг. явилась в первую очередь густая сеть соглашений между монополиями обеих стран в «Общем рынке», превративших ФРГ в первого торгового партнера Франции. «Как в форме займов, так и в форме прямого участия в капитале предприятий или открытия филиалов своих компаний Франция вложила в Западной Германии больше средств, чем в какой-либо другой стране. В свою очередь германские инвестиции во Франции явились одними из наиболее значительных»,— писал министр промышленности Франции Морис Бокановский [81].

Тем не менее главную роль играли не столько экономические, сколько политические факторы. В момент обострения берлинского вопроса в 1958—1962 гг. Франция заняла жесткую позицию, исключавшую урегулирование конфликта путем переговоров. При этом целью правящих кругов Парижа было обеспечить поддержку Западной Германией французских притязаний на гегемонию в «Малой Европе» при отстранении Англии, перспектива вхождения которой в «Общий рынок» вызвала резкую оппозицию Франции [82].

В январе 1963 г. де Голль заявил о решимости Франции не допустить присоединения Великобритании к Европейскому экономическому сообществу. Этот шаг, вызвавший бурю возмущения в Лондоне и Вашингтоне, диктовался опасением, что внутри «Об-

[79] *И. А. Манфред.* Париж — Бонн. Франко-западногерманские отношения во внешней политике Пятой республики. М., 1970; *G. Ziebura.* Die deutsch-französischen Beziehungen seit 1945. Mythen und Realitäten. Stuttgart, 1970

[80] «Le Monde», 23.I 1963.

[81] «Der Volkswirt», Beiheft zu Nr. 9, 5. März 1965.

[82] *C. Krieff.* Cette certaine idée de la France.— «La NEF», № 33, février — avril 1968.

щего рынка» Англия будет играть роль «троянского коня» США. Это не только свело бы к нулю всякую возможность использования «шестерки» в качестве внешнеполитического инструмента Парижа, но, более того, подчинило бы объединение западноевропейских стран контролю Вашингтона. Кроме того, присутствие в ЕЭС еще одной великой державы, располагавшей в торге с ФРГ не меньшими военно-политическими преимуществами, чем Франция, исключило бы французское лидерство в «шестерке» [83].

Французская дипломатия отказалась подписать Московский договор о прекращении ядерных испытаний в трех средах, участвовать в работе женевского Комитета по разоружению (что было связано с форсированным созданием французской ядерной «ударной силы»), подчеркивала свое скептическое отношение к ООН, где алжирская война подвергалась резкой критике со стороны освободившихся стран Азии, Африки, Латинской Америки.

Вскоре, однако, события показали, что «ось Париж — Бонн» ни в коей мере не оправдывает возлагавшихся на нее Францией надежд. Коренное различие интересов французских и западногерманских монополий дало о себе знать прежде всего в подходе к структуре «Общего рынка», который партнеры рассматривали под совершенно разными углами зрения. Франция, являвшаяся в «шестерке» крупнейшим производителем и экспортером сельскохозяйственных продуктов, была кровно заинтересована в закреплении за ней рынков остальных стран — участниц ЕЭС. Французские представители упорно настаивали поэтому на выработке единой сельскохозяйственной политики, способной сократить ввоз в зону ЕЭС сырья и продовольствия из третьих стран и перекладывающей на страны-импортеры расходы по субсидированию сельского хозяйства Франции. Однако западногерманские концерны, получившие немалые выгоды от снижения таможенных тарифов на промышленную продукцию в рамках ЕЭС, упорно не желали отказываться от импорта дешевого сырья и продовольствия со стороны, тем более что на вырученную в ФРГ валюту третьи страны покупали западногерманское оборудование, автомашины и т. д. Франция трижды — в 1963, 1964 и 1965 гг.— вынуждена была прибегать к ультиматумам, угрожая торпедировать ЕЭС, если ФРГ не выполнит своих обязательств по выработке сельскохозяйственной политики.

Дипломатия Пятой республики видела в шестерке стран «Малой Европы» зародыш не только торгово-экономического, но и военно-политического блока, связанного с НАТО, однако обособленного от него (лозунг «европейской Европы») [84]. В основу орга-

[83] *N. Beloff.* The General Says No. London, 1963, p. 101.

[84] *G. Dupeux.* La France de 1945 à 1965, p. 293; *E. Jouve.* Le Général de Gaulle et la construction européenne. Paris, 1967.

низационной структуры такого блока Франция стремилась положить принцип союза, коалиции суверенных государств («Европа отечеств»), что позволило бы ей играть главенствующую роль благодаря наличию собственного ядерного оружия, постоянному месту в Совете Безопасности ООН, праву на участие совместно с СССР, США и Великобританией в решении германской проблемы и прочим прерогативам великой державы [85].

ФРГ, а также большинство других участников «шестерки» встретили французские проекты с нескрываемой враждебностью. Схеме построения политического союза «шестерки» по принципу коалиции суверенных государств они противопоставляли идею гораздо более тесной федерации с передачей значительных полномочий «наднациональным» органам [86]. Монополии Западной Германии рассчитывали рано или поздно захватить контроль над ними.

Уход Аденауэра с поста канцлера ФРГ осенью 1963 г. и замена его Л. Эрхардом — сторонником решительной проамериканской ориентации — придали франко-западногерманским противоречиям еще более резкую форму [87]. Бундестаг ратифицировал «договор о сотрудничестве» между двумя странами лишь при условии включения в него преамбулы, подчеркивавшей непоколебимую верность НАТО. Переговоры о сотрудничестве Франции и ФРГ в области производства вооружений также не принесли ожидавшихся результатов. Становилось очевидным, что западногерманская дипломатия рассматривает союз с Францией всего лишь как орудие давления на США, разменную монету в торге за дележ ключевых позиций в НАТО и доступ к ядерному оружию.

Кризис «оси Париж — Бонн» и окончание войны в Алжире ускорили поворот во внешней политике Пятой республики. С конца 1963 г. в ней наметились принципиально новые важные тенденции. Поездки де Голля в Латинскую Америку, Иран, Эфиопию, Камбоджу. посещение премьер-министром Помпиду (занял этот пост в апреле 1962 г.) Индии, Индонезии, Пакистана знаменовали собой прежде всего переход французской дипломатии к иной стратегии в отношениях с развивающимися странами. Используя дискредитацию Соединенных Штатов, взявших на себя функции палача национально-освободительных революций в Азии, Африке, Латинской Америке, правящие круги Франции стремились выступить в выигрышной роли защитников идей независи-

[85] Французский вариант политического союза шести стран — участниц ЕЭС («план Фуше») был выдвинут в ноябре 1961 г., но после длительных переговоров отвергнут остальными партнерами.

[86] *J. B. Duroselle.* Les changements dans la politique extérieure de la France depuis 1945.— «A la recherche de la France». Paris, 1963, p. 390.

[87] *M. Couve de Murville.* Une politiqus étrangère 1958—1969, p. 262—271.

мости, суверенитета и обеспечить себе тем самым новые экономические и политические возможности в «третьем мире» [88].

С этой же целью Франция заняла по ряду острых международных проблем реалистические позиции, заметно отличавшиеся от позиций остальных стран — участниц НАТО и иных империалистических блоков. В частности, она отмежевалась от агрессивных происков США и Англии в кипрском вопросе (1959—1964 гг.), дала понять о своем отрицательном отношении к агрессивным акциям американского империализма в Доминиканской Республике, наконец, осудила агрессию Израиля против арабских стран в июне 1967 г. и наложила эмбарго на поставки французского вооружения в страны Ближнего Востока. В Организации Объединенных Наций представители Франции настаивали на возврате к первоначальным принципам ее Устава.

Особенно большое значение приобрела французская политика в Юго-Восточной Азии, где в 60-х годах возник крупный очаг военной опасности в связи с вооруженным вмешательством США в дела государств Индокитайского полуострова. Правительство Франции потребовало вывода всех иностранных войск из государств Индокитая, созыва совещания стран — участниц Женевской конференции 1954 г. и гарантии неприкосновенности ДРВ, Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, что должно было создать предпосылки для мирного воссоединения Вьетнама. Французские представители в органах СЕАТО выступили против попыток США и Англии использовать этот агрессивный блок для интервенции в Южном Вьетнаме [89].

Не менее существенные позитивные элементы появились и в европейской политике Франции. В марте 1959 г. генерал де Голль заявил, что воссоединение Германии предполагает признание ею существующих границ «на Западе, Востоке, Севере и Юге» [90]. Таким образом, Франция оказалась первой из западных держав, официально подтвердившей незыблемость границы по Одеру—Нейсе. Впоследствии это признание неоднократно подтверждалось.

Наконец, французская дипломатия решительно выступила против планов допуска ФРГ к ядерному оружию через создание «многосторонних ядерных сил» (МЯС). Правящие круги Франции отдавали себе отчет в том, что создание МЯС перенесло бы центр тяжести НАТО в новую организацию, где первую скрипку играли бы США, Англия и ФРГ. «Поборники МЯС в США не скрывали, что их цель состоит в обесценении (французской) ударной

[88] *A. Grosser*. La politique extérieure de la Ve République. Paris, 1965, p. 65.

[89] О месте «третьего мира» во внешней политике генерала де Голля см.: *P. Viansson-Ponté*. Les Politiques, p. 102.

[90] *Ch. de Gaulle*. Discours et messages, t. III, p. 85.

силы и нейтрализации французского влияния в Западной Германии путем привязывания Бонна к англосаксонским державам»,— писал генерал Бофр[91]. Премьер-министр Жорж Помпиду, выступая 5 декабря 1964 г. перед журналистами, подверг проект МЯС резкой критике, прямо дав понять, что Франция считает его враждебным своим интересам.

Франко-американские разногласия по германскому вопросу и ядерным проблемам были непосредственно связаны с принципиальным конфликтом между ними по вопросам стратегии и организационной структуры НАТО. Положенный в основу последнего принцип военной интеграции вооруженных сил французское правительство считало несовместимым с сохранением суверенитета власти в странах-участницах, вынужденных передавать иностранцам контроль над становым хребтом государственного аппарата. Таков был смысл нашумевшей речи генерала де Голля в военной академии 3 сентября 1959 г., когда он впервые объявил, что система интеграции в НАТО отжила свой век. «Интегрированная страна волей-неволей утрачивает интерес к своей национальной обороне»,— говорил де Голль позднее, на пресс-конференции 1 апреля 1961 г.[92]

Поскольку «вклад» США в вооруженные силы НАТО как количественно, так и качественно был наибольшим, слитые воедино вооруженные силы их союзников, в том числе Франции, становились послушным инструментом Вашингтона. Его партнеры лишались главного средства защиты своих интересов, не совпадающих непосредственно с интересами США. Единственный выход де Голль и его единомышленники видели в замене интеграции союзом суверенных национальных государств, военное сотрудничество которых сводилось бы к координированию их усилий на началах полного равенства, независимо от удельного веса каждого партнера.

Официозная печать, а затем и отдельные представители правительства Пятой республики начали проводить четкую грань между Североатлантическим пактом как документом, включающим комплекс определенных военно-политических обязательств, и возникшей на его основе громоздкой, дорогостоящей и неэффективной военной организацией, структура которой не отвечает более обстановке и не соответствует интересам Франции[93].

Уже 7 марта 1959 г. правительство Франции сообщило органам Североатлантического союза, что французская эскадра на Средиземном море, которая в случае войны должна была перейти под командование НАТО, останется под национальным командо-

[91] «Stratégie», juillet — août — septembre 1965.

[92] *Ch. de Gaulle.* Discours et messages, t. III, p. 299.

[93] *M. Couve de Murville.* Une politique étrangère 1958—1969, p. 85—87.

ванием. Спустя несколько лет — 21 апреля 1963 г.,— когда война в Алжире окончилась, французское правительство решило вывести из подчинения НАТО и свою атлантическую эскадру. Вслед за тем (27 апреля 1964 г.) французские офицеры были отозваны из штабов ВМС НАТО. К 1965 году «вклад» Франции в интегрированный аппарат НАТО составлял всего 2 армейские дивизии и 27 эскадрилий тактической авиации (тогда как ФРГ — 12 дивизий).

Новый тур борьбы между Парижем и Вашингтоном начался весной 1966 г. Во время пресс-конференции 21 февраля де Голль прямо дал понять, что Франция, оставаясь в принципе верной Североатлантическому союзу и сотрудничеству с США, твердо намерена добиться коренной перестройки военной организации этого союза и обеспечить подчинение французским властям всех иностранных частей на территории Франции. 7 марта он направил президенту США Джонсону секретное послание, в котором, судя по сообщениям печати, предлагал начать франко-американские переговоры о будущем НАТО и о статусе войск и баз США на территории Франции, находившихся там на основании соглашений 1951 г.

Спустя 4 часа после получения французского послания заместитель государственного секретаря США Болл вручил французскому послу ответ. Президент Джонсон наотрез отказывался от каких-либо двусторонних переговоров с Францией, ссылаясь на то, что американские войска на ее территории подчинены объединенному командованию НАТО, и намекая на готовность США скорее вывести их вообще, чем передать под контроль Парижа. Перенося дискуссию в более широкие «атлантические» рамки, американская дипломатия явно рассчитывала изолировать Францию и оказать на нее давление руками остальных партнеров.

Французское правительство решило не отступать. 9—10 марта оно направило представителям остальных 14 стран—участниц НАТО специальный меморандум [94]. В нем отмечалось, что обстановка, в которой был заключен Североатлантический договор, претерпела существенные изменения: Европа перестала быть центром международных кризисов, который переместился в другие места, в частности в Азию; она восстановила свою экономику, тогда как США утратили былую атомную монополию. Не ставя под сомнение сам текст договора, Франция настаивала на кардинальной ревизии созданной на его основе военной организации. Поскольку переговоры о такой ревизии ввиду негативной позиции партнеров не имели никаких шансов на успех, французское правительство сообщало о своем решении изъять из-под контроля

[94] «Le Figaro», 14.III 1966.

органов НАТО свои сухопутные и военно-воздушные силы, находящиеся на территории ФРГ, а также отозвать своих представителей из объединенных штабов, находившихся на территории Франции (штаба верховного главнокомандования объединенными вооруженными силами НАТО в Европе и штаба командования войсками НАТО в центральноевропейской зоне). Одновременно ставился вопрос о пересмотре двусторонних соглашений с США о статусе американских войск, сооружений и баз на территории Франции[95]. Речь шла либо о подчинении их французским властям, либо об эвакуации.

28 и 29 марта 1966 г. министерство иностранных дел направило партнерам по Североатлантическому союзу дополнительные ноты, в которых уточнялись сроки запланированных мероприятий. Французские войска в Западной Германии прекращали подчиняться союзному командованию с 1 июля. 31 марта 1967 г. теряли силу соглашения о размещении натовских штабов во Франции, а 1 июля того же года ее территорию должны были покинуть американские войска.

Решительные действия Парижа вызвали в столицах остальных «атлантических» держав, прежде всего в Вашингтоне, небывалый переполох. Против непокорного союзника были использованы все средства экономического и политического давления. В печати и заявлениях официальных лиц США, Англии, ФРГ и некоторых других стран появились угрожающие намеки на то, что Франции придется заплатить США крупную сумму (порядка 1 млрд. долл.) в счет «возмещения убытков», понесенных при строительстве баз, что она будет лишена права пользоваться системой радарного обнаружения НАТО, потеряв тем самым возможность эффективно использовать свою ядерную «ударную силу», и т. д. Были мобилизованы и проамериканские круги в самой Франции, поднявшие шум об угрозе изоляции страны, о том, что политика де Голля приведет лишь к повышению удельного веса ФРГ в НАТО.

Однако такого рода шантаж не принес ожидаемых результатов. Французское правительство применило меры встречного давления — оно заявило, что отныне разрешения на полеты американских самолетов над территорией Франции должны будут испрашиваться не на год, как прежде, а в каждом отдельном случае. После длительных переговоров США, ФРГ и другие участники Североатлантического союза вынуждены были волей-неволей примириться с выходом Франции из военной организации НАТО.

Новый курс внешней политики Пятой республики не мог не отразиться на ее отношениях со странами социализма. Многие

[95] Всего к этому моменту во Франции находилось 14 военно-воздушных баз США, 40 складов и 26 тыс. солдат и офицеров.

Президент де Голль в Москве

вопросы, отдалявшие Францию от этих стран, потеряли прежнюю остроту, тогда как сфера совпадения или сближения интересов значительно расширилась в связи с реалистической позицией, занятой Парижем по ряду актуальных международных проблем [96].

Заметное потепление наметилось прежде всего во франко-советских отношениях. Обмен многочисленными делегациями, расширение торговых связей, в частности подписание в 1964 г. торгового соглашения сроком на 5 лет с увеличением товарооборота вдвое, научно-техническое сотрудничество, образцом которого явилось заключенное 22 марта 1965 г. соглашение о сотрудничестве в области цветного телевидения на базе французской системы СЕКАМ,— все это было проявлением нового духа в отношениях между двумя странами, имевшими прочную традицию дружбы и союза в борьбе за обеспечение европейской безопасности.

Крупнейшим событием в развитии франко-советских отношений явился визит Президента Французской республики в СССР

[96] *M. Couve de Murville.* Une politique étrangère, p. 191—233.

20 июня — 1 июля 1966 г. по приглашению Президиума Верховного Совета и Советского правительства. Генерал де Голль и сопровождающие его лица посетили Москву, Новосибирск, Ленинград, Волгоград, Киев, ознакомились с успехами советской экономики и культуры. В ходе переговоров между советской и французской делегациями был затронут широкий круг международных проблем. В советско-французской Декларации, в которой были подведены итоги переговоров, указывалось: «Оба правительства согласны в том, чтобы считать, что проблемы Европы должны быть прежде всего рассмотрены в европейских рамках. Они высказались за то, чтобы государства континента прилагали усилия к созданию условий, необходимых для соглашений, которые следует заключить, и, в частности, чтобы была установлена атмосфера разрядки между всеми странами Запада и Востока, поскольку такая атмосфера благоприятствовала бы сближению и согласию между ними и, следовательно, рассмотрению и урегулированию возникающих проблем» [97].

В ходе визита Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина во Францию 1—9 декабря 1966 г. был продолжен дружественный обмен мнениями об основных мировых политических проблемах и развитии двусторонних отношений между обеими державами. Тем самым, как подчеркивалось в заключительном франко-советском Заявлении, был сделан «новый крупный шаг в деле превращения советско-французских отношений в отношения более тесного сотрудничества, согласия и дружбы, опирающиеся на фундамент широкого совпадения основных жизненных национальных интересов советского и французского народов» [98]. Особенно большое внимание было уделено рассмотрению вопросов, связанных с положением в Европе, разоружением, событиями во Вьетнаме, деятельностью ООН и помощью развивающимся странам.

Отличительной чертой развития франко-советских отношений в 1964—1967 гг. являлось стремление обеих сторон подвести под политическое сближение прочную базу торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества. Создание постоянно действующих смешанных комиссий, франко-советской торговой палаты, обмен опытом в области мирного использования атомной энергии, исследования космического пространства, дальней связи, морского судоходства, воздушного транспорта и т. д.— все эти мероприятия не только способствовали консолидации двусторонних отношений между Францией и СССР, но и служили примером подлинно позитивного подхода к проблеме мирного сосуществования в целом.

[97] «Правда», 1.VII 1966.
[98] «Правда», 10.XII 1966.

Заметно улучшились также отношения Франции с другими социалистическими государствами. В мае 1964 г. Франция, несмотря на протесты США, продала Кубе 300 грузовиков, в 1964—1966 гг. Париж посетили правительственные делегации Социалистической Республики Румынии и Польской Народной Республики во главе с председателями Совета министров СРР и ПНР, министры иностранных дел ЧССР, Болгарии, Венгрии и Польши; министр иностранных дел Франции Кув де Мюрвиль посетил Румынию, Болгарию, Польшу, Чехословакию. В январе 1964 г. французское правительство признало де-юре Китайскую Народную Республику.

Прогрессивные силы Франции, в том числе находящиеся в решительной оппозиции режиму Пятой республики, положительно оценили такие конструктивные шаги французской дипломатии, как выход из военной организации Североатлантического договора, признание окончательной границы по Одеру — Нейсе, расширение контактов с СССР и социалистическими странами Восточной Европы по широкому кругу экономических и политических проблем, установление дипломатических отношений с КНР, предложения о выводе иностранных войск из Вьетнама и возврате к Женевским соглашениям 1954 г. «Одним из знаменательных событий последнего периода явилось сближение между Францией и Советским Союзом. Поездка де Голля в Советский Союз и визит во Францию Председателя Косыгина были чрезвычайно сочувственно встречены подавляющим большинством французов всех политических убеждений, за исключением горстки отсталых реакционных политиков, ставящих требования американских правящих кругов выше интересов Франции и мира», — указывал генеральный секретарь Французской коммунистической партии Вальдек Роше в отчетном докладе XVIII съезду ФКП [99].

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПРАВЯЩИХ КРУГОВ И МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ

Перестройка отношений с бывшими колониальными владениями, повышение престижа Франции в мире благодаря независимой реалистической внешней политике, несомненно, являлись факторами, способствовавшими известной консолидации режима Пятой республики. Но с течением времени действие этих факторов слабело. По мере того как воспоминания о министерской чехарде забывались, а с разгромом ОАС угроза путча «ультра» окончательно отходила в прошлое, среди забот рядового француза на первый план все более властно выдвигались насущные вопро-

[99] «L'Humanité», 5 I 1967

сы материального порядка — заработная плата, социальное обеспечение, занятость, жилье, образование, доступ к культуре и т. п.

С 50-х годов монополии в значительной мере контролировали государственный аппарат. Хотя в условиях нового режима сохранились основные атрибуты буржуазной демократии, вся полнота реальной власти сосредоточилась в руках главы государства и его ближайшего окружения — узкой техно-бюрократической элиты, решительно взявшей курс на форсированное завершение структурной перестройки экономики соответственно требованиям конкурентной борьбы в «Общем рынке»[100]. Процессы, связанные с научно-технической революцией, западноевропейской интеграцией, существенно изменили экономический облик Франции.

Доля занятого в сельском хозяйстве самодеятельного населения, которая составляла в 1954 г. 27%, равнялась в 1968 г. только 15%. В промышленности процесс концентрации и централизации производства и капитала также резко ускорился: если в 1958 г. произошло 541 слияние и поглощение предприятий, то уже в 1959 г. — 931, а еще через год это число превысило тысячу. Сливались в первую очередь крупнейшие предприятия наиболее высоко монополизированных отраслей (металлургия, химия, нефть), тогда как мелкие либо оттеснялись в менее прибыльные отрасли, либо теряли финансовую самостоятельность и низводились до роли обслуживающих монополии субподрядчиков. Главной задачей правительственной экономической политики было провозглашено максимальное поощрение деятельности наиболее крупных и конкурентоспособных производственных единиц международного калибра[101]. По мере того как монополии становились на собственные ноги и начинали считать государственную опеку чересчур стеснительной для себя, система жесткого регулирования, характерная для первых послевоенных лет, постепенно уступала место более гибким методам воздействия на экономические процессы.

Ломка архаичной структуры французской экономики развертывалась в тесной связи с отказом в рамках ЕЭС от традиционного таможенного протекционизма и усилением экспортной ориентации хозяйства. На протяжении 60-х годов производство на внешний рынок росло примерно в 1,2 раза быстрее, чем личное потребление. Одновременно наметились глубокие сдвиги в географическом распределении внешнеторговых связей страны; главным направлением экспансии стал «Общий рынок». Там же сосре-

[100] *M. Parodi.* L'Economie et la société française de 1945 à 1970. Paris, 1971, p. 138—168.

[101] «Франция». Отв. ред. Ю. И. Рубинский. М., 1973, стр. 24—27.

доточилась значительная часть французских капиталов за рубежом (28%)[102].

Руководители Пятой республики задались целью вернуть в страну бежавшие капиталы и побудить владельцев золотых и инвалютных сбережений продать часть их государству. В июне 1958 г. министр финансов Пине выпустил очередной внутренний заем на исключительно выгодных для крупного капитала условиях: он представлял собой ренту из расчета 3,5% годовых, гарантированную от колебаний курса франка неизменным золотым паритетом. Кроме того, подписчики «займа Пине» получали ряд существенных налоговых льгот. Заем принес 294 млн. фр. чистой выручки и 30 млрд. в облигациях прежних займов. Государство смогло скупить 150 т золота на сумму 190 млн. долл., или 77 млрд. фр. Таким образом, генеральной линией правящих кругов с самого начала явилось создание наиболее благоприятных условий для деятельности частного капитала, завоевание «доверия» которого должно было послужить фундаментом дальнейшего развития французской экономики.

Подготовка более радикальных мер была возложена на комитет экспертов под председательством известного реакционного экономиста Жака Рюэффа, созданный для разработки проектов стабилизации франка и подготовки народного хозяйства страны к вступлению в действие (с 1 января 1959 г.) механизма договора об «Общем рынке». В комитет Рюэффа, являвшегося в свое время финансовым советником кабинетов Пуанкаре и Лаваля, вошли представители ведущих банков и промышленных группировок: один из управляющих банка Лазар Гюйо, председатель правления алюминиевого треста «Пешинэ» и член административных советов десятка электротехнических, нефтяных, химических трестов де Витри д'Авокур, бывший председатель Всеобщей конфедерации французских предпринимателей Жиньу и т. д.

Рекомендации комитета легли в основу серии правительственных указов (ордонансов), опубликованных в конце 1958 г. Главным путем борьбы против инфляции члены комитета Рюэффа избрали сокращение вдвое бюджетного дефицита: решено было ограничить его 587 млрд. фр.— суммой, которая могла быть покрыта посредством обращения к денежному рынку без авансов у Французского банка. Ресурсы для уменьшения дефицита были получены: благодаря отмене ряда бюджетных субсидий, за счет которых в прошлом несколько сдерживался рост цен на товары широкого потребления — хлеб, молоко, вино, табак и т. д.[103] Вместе с тем

[102] *M. Parodi.* L'Economie et la société française de 1945 à 1970, p. 246—256.

[103] Подобный механизм вынужденно применялся правительствами Четвертой республики ввиду наличия закона о подвижной шкале (*G. Dupeux.* La France de 1945 à 1965, p. 284—287).

повышение тарифов на газ, электроэнергию, уголь, транспорт, почтовые услуги позволило урезать дотацию казначейства убыточным национализированным предприятиям и отраслям.

Впервые за послевоенный период правительство решилось открыто посягнуть на систему социального страхования, отменив компенсацию некоторых расходов на лечение, сократив пособие по беременности и упразднив пенсию ветеранам мировых войн. Прямые и косвенные налоги были увеличены на 220 млрд. фр. Одновременно тяжелый удар был нанесен по интересам крестьянства, прежде всего мелкого и среднего: сокращение льготных условий закупки инвентаря и удобрений с помощью государства, отмена системы индексации — зависимости закупочных цен на сельскохозяйственные продукты от цен на промышленные товары, покупаемые деревней. «Жертвы были распределены неравномерно, особенно тяжело ударяя по тем социальным категориям, которые более всего нуждаются в помощи, — рабочим, служащим, крестьянам, хозяевам мелких и средних предприятий»,— констатировал докладчик финансовой комиссии сената Марсель Пелленк [104].

«Гвоздем» декабрьских ордонансов явилась очередная крупная девальвация франка, в результате чего курс иностранных валют по отношению к французской повысился на 17,55%. Если для французских покупателей импортные товары становились дороже, то для иностранных импортеров французская продукция, напротив, стала значительно дешевле, чем прежде, несмотря на известный рост цен.

В таких условиях правящие круги Франции могли без особых опасений ввести в действие договор об «Общем рынке»: с 1 января 1959 г. были снижены на 10% томоженные тарифы в торговле с пятью остальными членами Европейского экономического сообщества и увеличен на 20% объем квот на импорт.

Декабрьские мероприятия 1958 г. способствовали укреплению наиболее слабого места в экономике Франции — валюты и финансов. Биржа приветствовала финансовую политику Пине общим поднятием курсов акций на 50% только за 1959 г., приток капиталов из-за рубежа существенно увеличил депозиты в банках. Выросли также налоговые поступления. Казначейство получило поэтому возможность не прибегать к крупным авансам у Французского банка и отказаться от выпуска новых долгосрочных внутренних займов.

Ощутимый сдвиг произошел и в области внешней торговли: улучшилась структура товарообмена Франции с заграницей — удельный вес готовой промышленной продукции в экспорте, составлявший ранее всего 20—25%, повысился до 40%. В 60-х годах

[104] «La Revue de Paris», février 1961.

внешнеторговый дефицит практически исчез. Ввиду улучшения платежного баланса золотые и инвалютные резервы Франции достигли весной 1958 г. внушительной суммы порядка 7 млрд. долл. (уступая только США и ФРГ). Резервы золота и валюты далеко превысили общую сумму внешнего государственного долга. Французское правительство объявило о досрочном погашении части внешней задолженности [105]. Вместо обесцененного старого франка в январе 1960 г. была выпущена новая денежная единица — новый франк, равный 100 старым.

Все эти результаты были достигнуты в значительной мере за счет нажима на широкие массы трудящихся. С 1 июля 1957 г. по 1 июля 1959 г. покупательная способность рабочего Парижского района, по официальным данным, сократилась в среднем на 12%. «Укрепление экономики было достигнуто благодаря жертвам лиц наемного труда»,— откровенно заявлял министр и лидер партии ЮНР Роже Фрэ [106].

Заметно ухудшилось и положение мелкого крестьянства, поскольку в результате отмены системы индексации «ножницы» между ценами на продукцию сельского хозяйства и промышленности увеличились. «Наблюдающееся во всем мире явление обнищания земледельцев особенно болезненно сказывается во Франции, где удельный вес сельского населения составляет 26,5%, а его доля в национальном доходе — всего 10,5% (в Соединенных Штатах соответствующие данные — 4,8 и 5%). Результатом всего этого оказывается тяжелое положение большинства французских крестьянских хозяйств, что находит выражение в дефиците хозяйств, отказе их от определенных видов модернизации (сокращение покупки тракторов в 1959 г. на 15%, плугов — на 22, удобрений — на 10% и т. д. по сравнению с 1958 г.), а также росте задолженности»,— указывал директор бюллетеня деловых кругов «Перспектив» Жак Гаскюэль [107].

Недовольство широких масс ухудшением их экономического положения свело к нулю результаты некоторых социал-реформистских мероприятий, предпринятых в целях раскола рядов трудящихся. Принятый в начале 1959 г. ордонанс о поощрении «заинтересованности трудящихся в результатах работы предприятий» был встречен профсоюзами без всякого энтузиазма и остался по сути дела на бумаге. К началу 1961 г. соглашения между реформистскими профсоюзами и хозяевами о «заинтересованности» пер-

[105] *P. Viansson-Ponté.* Les Politiques p. 66; *M. Parodi.* L'Economie et la société française de 1945 à 1970, p. 246—259.

[106] «Le Monde», 21.II 1961.

[107] «Perspectives économiques», 11.II 1960.

сонала в результатах работы предприятий охватили всего 25 тыс. рабочих и служащих из общего числа 12 млн.[108]

Таким образом, Пятая республика, добившаяся определенных успехов в деле стабилизации экономики и особенно валюты, не могла похвастаться достижениями на социальном фронте. Напротив, чем больше увеличивался объем производства, тем острее становилась борьба за распределение производимых благ между различными классами французского общества.

Верный своим революционным традициям, французский рабочий класс ответил на атаку монополий крупными забастовочными боями. Наряду с рабочими активное участие в борьбе приняли также государственные служащие. В авангарде движения выступили трудящиеся национализированного сектора — железнодорожники, электрики, газовщики и т. д. Угрожая принудительной мобилизацией на работу, власти запретили однодневную всеобщую забастовку железнодорожников, намеченную всеми профцентрами на июнь 1959 г. После этого стачки приняли в основном «перемежающуюся» форму прекращения работы на несколько часов на отдельных предприятиях или даже в цехах, достаточного, чтобы парализовать экономику целой отрасли или района. Единство действий железнодорожников позволило им 24 октября 1961 г. успешно провести всеобщую стачку. Широкий размах приобрело движение бывших фронтовиков за восстановление отмененных пособий.

Многие из этих требований, поддержанные массовыми выступлениями, увенчались успехом. Предприниматели частного сектора в ряде случаев вынуждены были увеличить заработную плату. Правящие круги, вопреки заявлению Дебре о том, что в Пятой республике «власть не отступает», неоднократно должны были повышать гарантированный минимум заработной платы, семейные пособия, восстановить отмененные декабрьскими ордонансами возмещение расходов на лечение и пенсии бывшим фронтовикам.

Вплоть до 1962 г. одной из главных причин хронической напряженности в экономике страны и ее кредитно-финансовом механизме являлась война в Алжире, которая обходилась бюджету в 30 млн. новых франков в день. Однако и после ее окончания размеры непроизводительных расходов не уменьшились — на смену колониальным войнам пришли затраты на ядерную «ударную силу», перевод армии на новые рельсы, финансирование неоколониалистской политики в Африке, наконец, щедрые субсидии и налоговые льготы монополиям и т. д. В результате неуклонно усиливались инфляционные тенденции, грозя свести на нет экс-

108 «Témoignage chrétien», 3.II 1961.

Шахтеры

портные преимущества, созданные для французских товаров девальвацией 1958 г.

Стремясь затормозить темпы роста цен, правящие круги, которые сочли свои позиции упроченными результатами референдума и выборов 1962 г., прибегли к новой, второй после декабря 1958 г., серии мероприятий, направленных против интересов трудящихся. 12 сентября 1963 г. министр финансов Жискар д'Эстен обнародовал «план стабилизации». Он включал выпуск очередного внутреннего займа, сокращение банковского и потребительского кредитов, дальнейшее урезывание гражданской части бюджета. Вместе с тем давалось обещание снизить цены на отдельные потребительские товары (бензин, автомашины, сигареты, мясо)[109].

Основной целью плана являлось свертывание внутреннего спроса и известное торможение темпов роста производства с тем, чтобы увеличить экспорт и создать для предпринимателей резерв рабочей силы. Той же цели должны были служить усиленное привлечение в страну дешевых рабочих рук из-за рубежа — ара-

[109] *G. Dupeux.* La France de 1945 à 1965, p. 288—290.

бов, турок, испанцев, португальцев, а также демобилизация ряда возрастов из армии. «Предпринимательские организации уже давно требуют создания резервной армии безработных, чтобы использовать в своих целях их бедственное положение, сделав их конкурентами трудящихся, имеющих работу. Теперь власти выполняют это требование предпринимателей»,— указывал генеральный секретарь ВКТ Б. Фрашон [110]. «План стабилизации» ударял и по некоторым категориям мелкой буржуазии — торговцам, спекулянтам недвижимостью и т. д., которые изображались главными виновниками дороговизны.

Враждебная интересам широких масс социально-экономическая политика монополий натолкнулась на решительный отпор трудящихся. Весной 1963 г. длительные переговоры между профсоюзами шахтеров и дирекцией национализированных шахт о повышении заработной платы зашли в тупик. Шахтеры Лотарингского бассейна, которым грозила безработица ввиду закрытия нерентабельных шахт, начали стачку. Профсоюзы всех без исключения центров — ВКТ, ФКХТ, «Форс увриер» — поддержали горняков. В ответ власти издали приказ о «реквизиции» — принудительной мобилизации на работу под страхом уголовного наказания. Правящие круги заняли столь жесткую позицию в расчете на то, что угроза перебоев с топливом после необычайно суровой зимы восстановит против шахтеров общественность и поможет сломить забастовку.

На деле ситуация сложилась иначе: по всей стране прокатилась волна кратковременных стачек солидарности с горняками. В таких условиях применение «реквизиции» оказалось чересчур рискованным. Не увенчался успехом и маневр с целью затянуть дело, передав его на расследование «комитету мудрецов» — группе чиновников во главе с генеральным комиссаром планирования. После пяти недель героической борьбы шахтеров дирекция вынуждена была пойти на определенные уступки.

Стремясь во что бы то ни стало взять реванш за понесенное поражение, монополии развернули шумную кампанию, пытаясь возложить на профсоюзы ответственность за инфляцию и пугая трудящихся безработицей в том случае, если издержки производства во Франции окажутся выше, чем у ее конкурентов по «Общему рынку». После такой «психологической подготовки» правое большинство Национального собрания 17 июня 1963 г. приняло 257 голосами против 205 закон об условиях проведения забастовок на государственных, муниципальных и коммунальных предприятиях. Согласно этому закону, профсоюзные организации обязаны были за пять дней предупреждать дирекцию или власти о предстоящей

[110] «L'Humanité», 16.IX 1963.

забастовке. Реакция намеревалась тем самым выбить из рук рабочего класса острое и гибкое оружие «перемежающихся стачек».

Однако и антизабастовочный закон не принес его вдохновителям ожидаемых результатов. Профсоюзы вносили по нескольку раз заявки о стачках, за которыми не следовало никаких действий, а затем, когда дирекция переставала реагировать на них, бастовали в самый неожиданный момент. Осенью 1963 г. работу прекратили банковские служащие, чиновники государственных учреждений. 26 ноября однодневная забастовка парализовала все транспортные магистрали страны. Всего за этот год в результате стачек было потеряно 8 млн. рабочих дней — больше чем когда-либо за предыдущее десятилетие. Еще год спустя, 2—11 декабря 1964 г., однодневная всеобщая забастовка рабочих и служащих национализированного сектора (транспортников, электриков, газовщиков, связистов) охватила 3,5 млн. человек — наибольшее число после массовых стачек 1947—1948 и 1953 гг.

Продолжались волнения и в деревне: крестьяне отказывались платить налоги, подвозить продукты в города, баррикадировали дороги. Особенно бурные волнения охватили Бретань — еще недавно прочный оплот правых партий. Национальная федерация синдикатов земледельцев потребовала срочной аудиенции у главы государства, «чтобы сообщить ему о тревоге и отчаянии крестьян перед лицом дискриминации, жертвой которой они являются». Однако заявление большинства депутатов о необходимости созыва чрезвычайной сессии парламента для рассмотрения проблем сельского хозяйства было, в явном противоречии с конституцией, отвергнуто президентом.

Начало очередного учебного года в 1963 г., выявившее плачевное состояние школ и университетов, вызвало массовые манифестации учащейся молодежи, которые переросли в Париже в стычки с полицией, а затем в забастовку студенчества и профессорско-преподавательского состава. Бастовавшие не только добивались увеличения кредитов на народное образование, но и протестовали против подготовлявшейся антидемократической реформы высшей и средней школы («реформы Фуше»).

Поскольку «план стабилизации» тормозил не только рост цен, но и рост производства, он стал одной из причин эрозии политической базы режима, что сказалось на результатах президентских выборов 1965 г. В этих условиях правящие круги попытались изменить тактику в социально-экономической области. Весной 1966 г. бывший премьер М. Дебре, сменивший В. Жискар д'Эстена на посту министра экономики и финансов, взял курс на активизацию темпов роста производства. Одновременно правящие круги организовали рекламу всякого рода социал-реформистских проектов, имевших целью привлечь трудящихся к «конструктивному» со-

трудничеству с предпринимателями. Эти проекты особенно настойчиво рекламировали так называемые «левые голлисты» — Рене Капитан, Луи Валлон, Лео Амон и другие лидеры влившегося в ЮНР «Демократического союза труда» (ЮДТ), которым были предоставлены некоторые министерские портфели.

Промышленники, ссылаясь на нехватку средств для капиталовложений и угрозу со стороны конкурентов, по-прежнему отказывались от повышения заработной платы; бюджет был перегружен непроизводительными расходами, а внедрение автоматизации и структурные сдвиги в промышленности все острее ставили проблему занятости, особенно для молодежи. Очередной, пятый план модернизации и развития (1966—1970 гг.) ставил во главу угла усиление концентрации и централизации производства и капитала, ограничивал рост заработной платы, наконец, официально допускал увеличение резервной армии труда при сохранении фактической продолжительности рабочей недели в 54 часа. Неудивительно, что забастовочное движение и крестьянские волнения, несколько стихшие в 1965—1966 гг., к весне 1967 г. вновь приобрели весьма широкий размах, причем на сей раз в стачках активно участвовали и трудящиеся частного сектора (химики заводов «Родиасета» в Лионе, судостроители Сен-Назера, горняки железорудных разработок в Лотарингии и т. д.); главным их требованием являлась гарантия занятости.

Масло в огонь подлило принятие правоцентристским большинством Национального собрания законопроекта о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий в социально-экономической области — права издавать до 31 октября 1967 г. декреты (ордонансы), имеющие силу закона, для подготовки страны к окончательной отмене таможенных тарифов в рамках «Общего рынка». Цель ордонансов состояла в увеличении взносов трудящихся в фонд социального страхования, где по вине предпринимателей образовался крупный дефицит, и уменьшении выплат на лечение, а также повышении транспортных тарифов.

Определенные успехи Пятой республики в деле стабилизации валютно-финансового положения страны и структурной перестройки ее экономики в соответствии с требованиями «Общего рынка» были, таким образом, куплены ценой реакционной социальной политики, продиктованной монополиями. Между тем если в условиях парламентской системы классовые противоречия могли так или иначе смягчаться благодаря компромиссам многочисленных партий в ходе частых правительственных кризисов, то теперь положение изменилось. Безраздельное господство правоцентристского блока в парламенте, резкое сужение прав последнего, личный характер власти президента, наконец, огромная роль государства в экономике переместили социальные конфликты в плоскость прямых столк-

новений широких масс с государственной машиной. Неудивительно, что разрозненные выступления отдельных категорий трудящихся в защиту их непосредственных экономических интересов приобретали политический характер, постепенно расшатывая устои режима.

Следует также иметь в виду, что финансово-экономические позиции Франции в период Пятой республики оказались недостаточно прочными. Доля капиталовложений в валовом национальном продукте составляла в конце 60-х годов 21,8%, тогда как в ФРГ она равнялась 25,5, а в Японии — 31,3%. Если принять уровень 1958 г. за 100, то в 1968 г. индекс промышленного производства составлял в Италии — 239, в Голландии — 208, в ФРГ — 175, в Бельгии — 163, а во Франции — только 159[111]. Товарная структура французской внешней торговли отличалась высоким удельным весом сырья, продовольствия, полуфабрикатов в экспорте и готовых изделий — в импорте. Более высокие, чем в других странах ЕЭС, издержки производства делали французскую экономику весьма чувствительной к инфляционной опасности. Важной причиной этого являлись высокие непроизводительные расходы, в том числе на военные цели (ядерная «ударная сила»).

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В 1962—1967 ГОДАХ

Приближение очередных выборов в Национальное собрание заставило даже тех буржуазных парламентариев, которые в прошлом активно поддерживали правительство, становиться в позу оппозиционеров. Центробежные тенденции в парламентском большинстве неуклонно усиливались. К весне 1962 г. из 27 членов первоначального состава кабинета Дебре только 7 сохранили свои портфели. Сменились четыре министра внутренних дел, четыре — народного образования, три — финансов, три — информации и т. д.

Стремясь во всеоружии встретить новую ситуацию, лидеры ЮНР прибегли к ряду политических маневров. 8 апреля 1962 г. был проведен очередной референдум — по вопросу об одобрении Эвианских соглашений. Как и в 1961 г., вопрос, поставленный перед избирателями, был явно двусмысленным: вместе с миром в Алжире они должны были одобрить или отвергнуть предоставление президенту новых чрезвычайных полномочий. Смысл данного маневра состоял в том, чтобы использовать всеобщее удовлетворение концом войны и создать для правящего лагеря благоприятные условия на последующих парламентских выборах. Предпола-

[111] *M. Parodi.* L'Economie et la société française de 1945 à 1970, p. 251—255.

галось, что ФКП, враждебная практике референдумов-плебисцитов, призовет дать отрицательный ответ и тем самым оттолкнет от себя значительную часть избирателей, что подорвет возможности единства действий левых сил.

Однако подобные расчеты провалились: коммунисты призвали ответить на референдуме «да», но самым решительным образом подчеркнули, что положительный ответ относится только к Эвианским соглашениям и ни в коей мере не означает изменения позиции в отношении режима. Аналогичные оговорки содержались и в решениях Национального совета СФИО. За ответ «нет» выступила только ничтожная кучка «ультра» (Бидо, Морис, Дюше и т. д.), которая потерпела сокрушительное поражение — из 20,4 млн. избирателей, принявших участие в голосовании, «да» ответили 17,5 млн. (90,7%), «нет» — 1,8 млн. (9,3%)[112]. Глава государства после некоторых колебаний решил отказаться от досрочных выборов и ограничиться сменой кабинета. В апреле 1962 г. политически «изношенное» правительство Дебре ушло в отставку. Президент де Голль поручил формирование нового кабинета бывшему директору банка Ротшильдов Жоржу Помпиду (который являлся начальником его секретариата в 1958 гг.). Хотя большинство прежних министров перекочевало в состав нового кабинета, удельный вес профессиональных политиков в нем несколько вырос за счет «беспартийных» чиновников; это должно было придать правительству более «парламентарный» оттенок.

Тем не менее назревавшая давно проба сил правящего лагеря с оппозицией была неизбежна. 22 августа 1962 г. автомашина президента республики, следовавшая в его поместье Ла Буассри, была близ местечка Пти-Кламар обстреляна из автоматов группой заговорщиков-«ультра». Инцидент в Пти-Кламар ускорил реализацию давно подготовлявшихся планов пересмотра конституции 1958 г. в сторону усиления ее президентского характера. В речи по радио и телевидению 20 сентября 1962 г. генерал де Голль объявил о предстоящем, четвертом по счету с 1958 г., референдуме, который должен был решить вопрос об избрании главы государства не расширенной коллегией выборщиков, а всеобщим голосованием. Эта реформа обосновывалась необходимостью обеспечить переход власти к будущему преемнику де Голля и дать ему достаточный авторитет, диктуемый требованиями ядерного века и примером других держав. Опубликованный вскоре проект конституционной реформы предусматривал, что президент должен быть выбран абсолютным большинством голосов. Если ни один кандидат не собирал его, то назначался второй тур, в котором сохраня-

[112] «L'année politique 1962». Paris, 1963, p. 38.

лись только две кандидатуры, собравшие в первом туре наибольшее число голосов.

Выступление президента вызвало протесты со стороны всех политических партий, кроме правительственной ЮНР. Критики проекта реформы указывали, что он прямо нарушает статью 89-ю конституции, предусматривавшую предварительное обсуждение ревизии конституционного текста обеими палатами парламента. По существу же, отмечали они, речь шла о сосредоточении в руках главы государства еще больших полномочий и дальнейшем принижении парламентских учреждений[113]. Высший орган административной юстиции — государственный совет — признал проект незаконным. В ночь с 5 на 6 октября Национальное собрание после бурных дебатов приняло 280 голосами резолюцию порицания правительству. За нее высказались 10 коммунистов, 43 социалиста, 33 радикала, 50 народных республиканцев, 109 «независимых и крестьян», 32 прочих и даже 3 депутата ЮНР. Кабинет Помпиду подал в отставку. В ответ де Голль объявил о роспуске парламента и проведении сразу же после референдума досрочных выборов[114].

Все эти события придали борьбе, развернувшейся перед референдумом, особую остроту. Наиболее активную роль среди противников конституционной реформы играли коммунисты. Уже 5 октября ЦК ФКП обратился с призывом ответить на референдуме «нет»[115]. Однако остальные оппозиционные партии, движимые прежними антикоммунистическими предрассудками, попытались выступить отдельно от компартии. 10 октября в Париже состоялась пресс-конференция, устроенная Ги Молле (СФИО), М. Фором (партия радикалов), М.-Р. Симонне (МРП), П. Рейно («независимые и крестьяне»). Участники пресс-конференции объявили о создании «Картеля сторонников ответа «нет»» в составе четырех перечисленных партий.

Хотя сам факт одновременного перехода ряда крупных политических группировок в открытую оппозицию, несомненно, имел важное значение, поведение их верхушки отнюдь не внушало доверия массам. Блок лидеров социалистической партии с «независимыми», которые всегда были не только ожесточенными врагами любых прогрессивных мероприятий, но и прямо поддерживали «ультра», слишком напоминал беспринципные комбинации Четвертой республики на заключительном этапе ее существования. Роль,

[113] «Le Référendum d'octobre et les élections de novembre 1962». Paris, 1965, p. 39—44.

[114] *Ph. Braud.* Les crises politiques intérieures de la Ve République, p. 37—54.

[115] «Cahiers du communisme», décembre 1962, N 12.

которую играли в прошлом руководители партий «картеля», давала известную пищу пропаганде ЮНР, клеймившей «своекорыстных политиканов, тоскующих по прошлому»[116].

На референдуме 28 октября 1962 г. «да» ответили 12,8 млн. человек (61,7% поданных голосов и 46,66% зарегистрированных избирателей), «нет» — 7,9 млн. человек (соответственно 38,2 и 28,27%). Таким образом, несмотря на утверждение правительственного проекта конституционной реформы, по сравнению с первым референдумом Пятой республики (28 сентября 1958 г.), когда в пользу проекта новой конституции высказались 79,25% принявших участие в голосовании, правящие круги потеряли около 4,9 млн. голосов (17,55%). Активные противники режима приобрели 3,3 млн. голосов, а удельный вес воздержавшихся резко возрос (с 16,20 до 20,80%).

На ноябрьских выборах в Национальное собрание тактика ФКП определялась теми существенными политическими сдвигами, которые произошли в стране после 1958 г. В первом туре, когда проверяется реальное влияние каждой отдельной партии, коммунисты выставили своих кандидатов почти во всех 465 округах метрополии. Зато во втором туре ФКП решила сохранить своих кандидатов только там, где они получили наибольшее число голосов, а в других местах снимать их в пользу любого республиканца, имевшего шансы нанести поражение представителю ЮНР. Левоцентристские партии — СФИО, радикалы, МРП, а также сблизившаяся с ними фракция «независимых» — после референдума превратили «Картель сторонников ответа «нет»» в предвыборный блок под вывеской «Демократического согласия»[117].

Важнейшим результатом первого тура оказался успех двух партий, находившихся на противоположных флангах политического спектра: ФКП и ЮНР. Коммунисты получили 4,011 млн. голосов (21,88% — на 2,89 больше, чем на выборах в ноябре 1958 г.). Партия ЮНР собрала 5,8 млн. голосов, т. е. 31,9% всех поданных голосов, увеличив свою клиентуру по сравнению с 1958 г. на 2,2 млн. человек. Налицо была, таким образом, явная тенденция к перегруппировке и сплочению основных сил господствующего класса под знаменем голлизма.

Выигрыш ЮНР произошел за счет партий бывшего «картеля», потерпевших, ввиду непоследовательности их позиций, серьезную неудачу. СФИО собрала 2,3 млн. голосов (12,65%), МРП — 1,6 млн. (8,92%). По сравнению с ноябрем 1958 г. первая потеряла 877 тыс. голосов, вторая — 743 тыс. Наконец, самая старая из

[116] «Le Référendum d'octobre et les élections de novembre 1962», p. 59—60.
[117] Ibidem.

традиционных группировок центра — партия радикалов — собрала всего-навсего 679 тыс. голосов (3,71%), утратив почти 300 тыс., т. е. около 1/3 полученных четырьмя годами ранее. Самые тяжелые потери — как абсолютно, так и относительно — понесли «независимые»: вместо 2,8 млн. они собрали 1,7 млн. голосов (13,74 и 9,06%) [118].

Перед вторым туром коммунисты призвали всех республиканцев к единству действий. Доказательством доброй воли ФКП явилось немедленное снятие ее кандидатур там, где наибольшее число голосов получили кандидаты других левых партий — СФИО, радикалов, Объединенной социалистической партии, а в ряде случаев — даже там, где коммунист в первом туре собрал больше остальных левых кандидатов. В то же время ЮНР развернула шумную антикоммунистическую кампанию, запугивая мелкобуржуазного обывателя призраком Народного фронта и изображая себя в качестве единственной надежной преграды на пути «красной опасности». Партии центра вынуждены были сделать выбор. Перед вторым туром «картель» окончательно развалился: его правое крыло (МРП и «независимые») в большинстве своем сблизилось с ЮНР, а левое (СФИО и часть радикалов) — с коммунистами.

Еще 12 ноября во время дискуссии, передававшейся по радио, Ги Молле заявил: «Если избиратели должны будут во втором туре выбирать между коммунистами и кандидатами ЮНР, я лично посоветовал бы им голосовать за коммунистов». Хотя генеральный секретарь СФИО поспешил добавить, что «крайний случай» представится лишь в немногих округах, сам факт подобного заявления, не имевшего прецедента с 1947 г., был очень важным.

Результаты второго тура показали, что поляризация политических сил в стране продолжается. Коммунисты собрали в тех округах, где баллотировались их кандидаты, 3,2 млн. голосов (21,3% по сравнению с 18,9% во втором туре выборов 1958 г.). В округах, где коммунист оставался единственным кандидатом левых партий, ФКП собрала дополнительно 679 тыс. голосов. Всего компартия завоевала в Национальном собрании 41 место, т. е. в четыре раза больше, чем в 1958 г.

Определенный выигрыш получили и партии левого центра. СФИО собрала 2,3 млн. голосов (15,75%) и имела 67 депутатских мест (на 24 больше, чем в 1958 г.), из которых не менее 35 были получены благодаря поддержке ФКП. Без такой поддержки неминуемо были бы забаллотированы Ги Молле, Жюль

[118] *P. Viansson-Ponté.* Histoire de la République gaullienne, t. II. Le Temps des orphelins. Août 1962 — avril 1969. Paris, 1971, p. 23—51.

Мок и некоторые другие лидеры партии. Радикалы собрали 1,1 млн. голосов и получили 44 места — на 3 больше, чем прежде. Голосам избирателей компартии были обязаны своим избранием 23 радикала.

В то же время правый центр и правые, перешедшие по тем или иным причинам в оппозицию, но очутившиеся между двух стульев, понесли чувствительные потери: католическое Народно-республиканское движение получило 38 мест, а антиголлистская фракция «независимых» — 18 (соответственно на 18 и 88 мандатов меньше, чем в 1958 г.).

«Союз защиты новой республики», кандидаты которого пользовались активной поддержкой властей, сумел объединить вокруг себя основную массу традиционных избирателей правого лагеря и в известной мере консолидировал свои позиции. Партия ЮНР собрала во втором туре 6,1 млн. голосов (40,54%) и имела 229 мест. Кроме этого, 32 места получила блокировавшаяся с ЮНР фракция «независимых» республиканцев во главе с Жискар д'Эстеном [119], которая решила связать свою судьбу с голлизмом. ЮНР (к которой примкнула мелкая реформистская группа ЮДТ) и «независимые» республиканцы располагали прочным большинством. 6 декабря 1962 г. было образовано новое правительство, главой которого остался Ж. Помпиду, а состав претерпел лишь минимальные изменения.

Доминирующей тенденцией политической жизни в 1963—1967 гг. был процесс постепенного преодоления раскола левых сил, выхода компартии из искусственного «карантина», в котором пыталась держать ее реакция. Как уже отмечалось, объективной основой центробежных тенденций в политической жизни Франции были противоречия вокруг социально-экономических проблем на фоне обострения конкуренции в «Общем рынке», которая значительно сузила маневренные возможности французских предпринимателей в классовой борьбе.

Весенняя стачка горняков Лотарингии 1963 г., последовавшие за ней «план стабилизации» и антизабастовочный закон способствовали активизации движения трудящихся под политическими лозунгами. В мае 1963 г. в Париже состоялся по инициативе Движения сторонников мира слет 50 тыс. борцов против гонки ядерных вооружений. Вскоре был создан Национальный комитет борьбы против «ударной силы», за подписание Московского договора и за всеобщее контролируемое разоружение. В создании комитета участвовали 39 демократических организаций и группи-

[119] В результате применения несправедливого избирательного закона каждый депутат-коммунист представлял 97 824 избирателя, а депутат ЮНР — всего 25 534. В случае восстановления пропорционального представительства ФКП получила бы в Национальном собрании 102 места.

ровок, в том числе компартия, СФИО, ОСП, партия радикалов, ВКТ, Национальный союз студентов, Движение сторонников мира. Под руководством этого комитета в ноябре 1963 г. было проведено 80 департаментских собраний, в апреле 1964 г. была организована национальная манифестация с участием более 100 тыс. человек.

Все эти события свидетельствовали о созревании предпосылок для перехода демократических сил в контрнаступление. Необходимым условием его успеха являлось, однако, преодоление раскола в рядах левых сил, который был выгоден реакции. До тех пор пока коммунисты, с одной стороны, социалисты, радикалы и прочие демократы, с другой, оставались враждебными друг другу, победа оппозиции, которая клеймилась как «синдикат недовольных», лишенных общих целей и согласия о методах борьбы, легко могла изображаться правящими кругами в виде простого возврата к чехарде беспринципных министерских комбинаций заключительного этапа существования Четвертой республики.

Французская коммунистическая партия сосредоточила свои усилия на разработке конкретной программы, призванной послужить основой сплочения сил левой оппозиции в ходе борьбы за демократическое обновление страны, а затем — руководством к действию после ее победы и прихода к власти. 14—17 мая 1964 г. в Париже проходил XVII съезд ФКП. С отчетным докладом ЦК выступил В. Роше, с докладом о новом уставе партии — Ж. Марше и с заключительной речью — М. Торез.

Съезд углубил и дополнил программу демократического обновления Франции, разработанную XV и XVI съездами ФКП. «Французская коммунистическая партия,— говорилось в принятом на XVII съезде уставе ФКП,— ни на минуту не теряя из виду основную цель своей борьбы, выступает за сохранение и расширение свобод, прав и преимуществ, даже частных, завоеванных народом Франции в ходе его вековой борьбы. Она направляет борьбу рабочего класса, трудового крестьянства и других слоев трудящихся за их экономические, социальные и культурные требования, за принятие любых мер и проведение любых демократических реформ, улучшающих условия их существования. ФКП борется против фашизма и любых форм авторитарной власти, к которым прибегает крупный капитал в целях защиты своих эгоистических классовых интересов. ФКП борется за установление наиболее передового в условиях капиталистической системы демократического строя»[120].

Эта программа преследовала цель создания в стране подлинной демократии, на базе которой должна была быть создана мощ-

[120] «Cahiers du communisme», juin — juillet 1964, p. 485.

ная антимонополистическая коалиция — единый фронт рабочего класса с трудящимися непролетарскими слоями города и деревни. На XVII съезде была сформулирована новая тактика ФКП. Теперь упор делался не только на необходимость единства действий снизу, но и на борьбу за единство всех демократических партий на основе общей программы.

На съезде были приведены подробные данные о численности и составе партии. К 1 мая 1964 г. ЦК ФКП выдал 420 тыс. членских билетов против 407 тыс. в 1961 г. В партии насчитывалось более 18 500 партийных ячеек, 2400 секций, городских комитетов и округов Парижа, 94 федерации, она насчитывала около 1100 мэров, более 16 тыс. муниципальных советников и 211 генеральных советников. Съезд избрал М. Тореза председателем партии. Генеральным секретарем ФКП стал Вальдек Роше.

11 июля 1964 г. компартия и трудящиеся Франции, международное коммунистическое и рабочее движение понесли тяжелую утрату — умер Морис Торез, который с 1930 г. стоял во главе ФКП. Сотни тысяч трудящихся пришли проводить его в последний путь. Воздавая должное великому сыну французского народа, ЦК ФКП в своем заявлении поклялся «донести до победы факел коммунизма, столь высоко поднятый Морисом Торезом»[121].

1964—1967 гг. были отмечены новым туром острой политической борьбы, вехами которой явились многочисленные выборы — кантональные 8—15 марта 1964 г., муниципальные 14—21 марта 1965 г., президентские 5—19 декабря 1965 г., наконец, парламентские 5—12 марта 1967 г. Каждые из них знаменовали новый этап быстро изменявшейся расстановки партийно-политических сил в стране как в правящем лагере, так и в стане оппозиции.

Результаты выборов показали необходимость коренного пересмотра идейно-политического арсенала и организационных форм старых реформистских и буржуазно-центристских партий. Подобный пересмотр мог быть проведен в одном из двух взаимоисключающих направлений: либо преодоления антикоммунистических предрассудков, создания прочного союза левых сил, включая ФКП, на платформе борьбы против авторитарного режима и господства финансовой олигархии; либо фактического примирения с режимом и создания в его рамках политической силы, способной взять на себя защиту интересов монополий на случай поражения и распада ЮНР. Эволюция «классических» партий сводилась к колебаниям между этими двумя курсами. В сущности, речь шла прежде всего о том, куда пойдет Французская социалистическая партия — вле-

[121] «L'Histoire du Parti communiste français (Manuel)». Paris, 1964, p. 731.

во, к сотрудничеству с коммунистами, или вправо, к очередному изданию «третьей силы» и превращению в заложницу реакционно-клерикальных группировок.

В Национальном собрании 1962 г. коммунисты и социалисты на оппозиционном левом фланге, ЮНР—ЮДТ и близкие к ним «независимые» республиканцы Жискар д'Эстена — на правом образовали отдельные парламентские группы. В то же время радикалы, МРП, антиголлистская фракция «независимых» попытались сколотить единую группу, но этому воспротивилось левое крыло радикалов, не желавшее идти на разрыв с СФИО. После этого образовались две центристские группы: «Демократическое объединение» и «Демократический центр»; первая состояла главным образом из радикалов, вторая — из «народных республиканцев» (МРП), к которым примкнула часть «независимых».

Следующим шагом правого центра явилось создание 24 апреля 1963 г. «Комитета исследований и связи французских демократов». Хотя формально эта организация ставила перед собой лишь задачу изучения политических и конституционных проблем будущего, ее истинной целью являлось налаживание контакта между «независимыми» и МРП, с одной стороны, радикалами и социалистами — с другой. Отдавая себе отчет в том, что в рядах левоцентристских партий усилилась тяга к установлению контактов с ФКП, организаторы «Комитета исследований и связи» видели в нем зародыш не просто очередной предвыборной коалиции, а новой политической формации, имеющей явную антикоммунистическую направленность и призванной в будущем сменить ЮНР у власти. На съезде Народно-республиканского движения 23—26 мая 1963 г. был впервые поставлен вопрос о создании массовой группировки, в которой могли бы раствориться старые партии центра, независимо от религиозных убеждений их членов, организации реформистского толка (профессиональные, молодежные и т. д.), а в дальнейшем — и часть сторонников ЮНР. С этой целью новое руководство во главе с Жаном Леканюэ получило широкую свободу действий по пересмотру традиционной идеологии и организационных форм МРП.

Перед лицом этого маневра в рядах Французской социалистической партии наметились серьезные разногласия. Правое крыло во главе с мэром Марселя, председателем группы социалистов в Национальном собрании Гастоном Деффером, Франсисом Леенартом, Жоржем Брютелем резко осудило генерального секретаря партии Ги Молле за призыв голосовать в отдельных случаях за кандидатов ФКП, чтобы нанести поражение ЮНР. Фракция Деффера считала необходимым условием любого диалога с коммунистами предварительное создание мощной группировки, способной вести переговоры с ФКП «с позиции силы», чтобы принудить

ее к сползанию на реформистскую платформу [122]. Деффер и его сторонники не скрывали вместе с тем своих симпатий к авторитарному президентскому режиму. На 54-м съезде СФИО 30 мая — 2 июня 1963 г. эта группа добилась санкции на продолжение переговоров с буржуазными группировками и явно укрепила свои позиции в руководящих органах партии.

Тем временем еженедельник «Экспресс» развернул кампанию за выставление на президентских выборах 1965 г. единой кандидатуры оппозиции. Организаторы этой кампании стремились назвать в качестве кандидата некую «сильную личность», якобы стоящую выше отдельных партийных группировок и предлагающую им в ультимативном порядке собственную программу. Если на первых порах конкретное лицо, которое прочили на эту роль, скрывалось под интригующим псевдонимом «господина Икс», то несколько месяцев спустя стало ясно, что речь идет о Деффере. На чрезвычайном съезде СФИО в феврале 1964 г. ему удалось добиться утверждения своей кандидатуры.

Весной и летом 1965 г. сторонники Деффера развили лихорадочную деятельность по сколачиванию «большой федерации» (объединения СФИО, радикалов и МРП), которая призвана была превратиться в единую партию. Это предполагало открытое отречение социалистов как от остатков марксистской идеологии, так и от собственного партийного аппарата. Стремясь использовать преимущества своего положения как кандидата в президенты, одобренного съездом СФИО, Деффер ультимативно потребовал форсировать создание «большой федерации».

Это требование натолкнулось на упорное сопротивление ряда департаментских федераций СФИО, особенно тех, где большинство составляли рабочие (Нор, Па-де-Кале). Их поддержала часть партийного руководства, включая Ги Молле, секретаря столичной федерации Клода Фюзье и др. С другой стороны, известная оппозиция обнаружилась и среди части лидеров МРП, клерикально-буржуазная клиентура которой была гораздо ближе к ЮНР, чем к социалистам даже самого умеренного толка. В результате на решающем совещании представителей СФИО, радикалов, МРП, мелких центристских групп и политических клубов 15—17 июня 1965 г. участники не смогли достигнуть компромисса по наиболее существенным вопросам — от предвыборной тактики и светского характера школы до темпов слияния составных частей «большой федерации», ее социально-экономической программы и даже выбора ее названия. В итоге Деффер вынужден был отказаться от выставления своей кандидатуры на президентских выборах [123].

[122] *G. G. Suffert.* De Defferre à Mitterand. La campagne présidentielle. Paris, 1966, p. 19.
[123] Ibid., p. 106—111.

Вопреки утверждениям буржуазной печати неутешительный финал «эксперимента Деффера» был не просто случайным эпизодом соперничества между «кланами» профессиональных политиков, каждый из которых не решался расстаться с «насиженными местечками» в аппарате той или иной партийной группировки. Решающую роль сыграли достаточно глубокие политические противоречия, которые имели под собой классовую почву. Массы избирателей, рядовые члены и активисты социалистической партии, партии радикалов и других левых организаций извлекли достаточно горькие уроки из опыта прошлого, чтобы позволить вовлечь себя в союз с правыми клерикально-консервативными элементами под истрепанным знаменем антикоммунизма.

Французская коммунистическая партия не могла, разумеется, остаться равнодушной к сложным и противоречивым процессам, происходящим внутри центристских группировок и так или иначе отражавшим колебания средних слоев города и деревни, а также некоторых отрядов рабочего класса в новых условиях, которые возникли в стране после окончания войны в Алжире. Поддержав в принципе идею единой кандидатуры оппозиции на президентских выборах, ФКП решительно подчеркнула вместе с тем, что необходимым условием единства левых сил должна быть разработка четкой общей программы действий. Выработка такой программы облегчалась сближением ряда конкретных пунктов программных заявлений ФКП, СФИО, радикалов по вопросам борьбы за мирное сосуществование, разрядку международной напряженности, против создания ядерной «ударной силы», за коренную демократизацию страны, прекращение злоупотреблений государственными каналами массовой информации.

«...Цель состоит не в том, чтобы заменить одного человека другим, а в том, чтобы установить новую демократию, устраняющую как систему личной власти, так и методы прошлого, расчистившие ей дорогу»,— подчеркивал В. Роше с трибуны XVII съезда ФКП[124]. Принципиальная и в то же время гибкая позиция ФКП не замедлила принести свои плоды. Левое крыло СФИО постепенно активизировалось. Переговоры делегации Французской социалистической партии с руководством КПСС в октябре 1963 г., а затем идеологическая дискуссия на страницах центральных органов ФКП и СФИО, газет «Юманите» и «Попюлер де Пари», в начале 1964 г. способствовали выяснению позиций коммунистов и социалистов по ряду наиболее острых спорных проблем.

Кантональные выборы 8—15 марта 1964 г. показали, что тенденция к сплочению левых сил неуклонно крепнет. В документах январского пленума ЦК ФКП 1964 г. указывалось, что в первом

[124] «L'Humanité», 15.V 1964.

туре коммунисты выставят своих кандидатов во всех кантонах, а во втором — сделают «все, чтобы нанести поражение кандидатам личной власти и реакции, чтобы облегчить единение рабочих и демократических сил». События не замедлили подтвердить правильность этой тактики: уже в первом туре 39 коммунистов получили абсолютное большинство голосов и были избраны (в 1958 г.—25, а 1961 г.— 21). Во втором туре широко применялось правило «республиканской дисциплины» — снятия левыми партиями кандидатов в пользу того из них, кто имеет наибольшие шансы нанести поражение представителю реакции.

Перед вторым туром «Союз защиты новой республики» вел кампанию под лозунгом «деполитизации» выборов, придания им сугубо местного характера, что позволяло отвлечь внимание избирателей от острых политических проблем и сосредоточить его на мелких коммунальных дрязгах. Успеха этот маневр не имел: коммунисты выиграли 49 мест в генеральных советах департаментов, социалисты — 15, остальные левые — 11. «Подлинный договор на началах взаимности был заключен между социалистами и коммунистами. Именно им достался наибольший выигрыш»,— признавала правая газета «Фигаро»[125]. ЮНР выиграла всего 33 места, а радикалы, МРП, «независимые» потеряли почти 100.

Пытаясь предотвратить подобный же исход на муниципальных выборах 14—21 марта 1965 г., правящие круги протащили через парламент реформу системы выборов в местное самоуправление. Согласно этой реформе, упразднялась прежде существовавшая система голосования по партийным спискам с пропорциональным представительством. Отныне во всех коммунах с населением свыше 30 тыс. жителей вводилось мажоритарное голосование по спискам, причем слияние списков или перенос кандидатов из одного списка в другой запрещались. По расчетам инициаторов реформы, это должно было заставить центристские партии определить свои окончательные позиции уже в первом туре, когда реальное соотношение сил еще неясно, и тем самым принудить их к выбору между ФКП и ЮНР (надеясь, естественно, что «условный рефлекс» антикоммунизма сыграет на руку последней).

Однако объявленный лидерами «Союза защиты новой республики» поход на «коммунистические мэрии» бесславно провалился. В большинстве округов кандидаты ЮНР были забаллотированы, оппозиция же добилась успеха почти во всех крупных городах — Лионе, Марселе, Тулузе. Лилле, Ницце, Руане. Коммунист Рене Канс стал мэром крупнейшего портового города Гавра.

Результаты кантональных и муниципальных выборов во многом предопределили расстановку сил перед решающим политиче-

[125] «Le Figaro», 17.V 1964.

ским сражением — выборами президента республики, которые впервые проводились всеобщим голосованием. Составные части мертворожденной «большой федерации» — социалисты и радикалы, с одной стороны, МРП и «независимые», с другой, не прекратили попыток к объединению в более узких рамках. Первые вместе с «Республиканским конвентом» — союзом политических клубов, в который входили главным образом представители интеллигенции, учащейся молодежи, создали Федерацию социалистических и демократических левых сил (ФДСЛС). Ее председателем был избран лидер небольшой левоцентристской партии ЮДСР (Демократический и социалистический союз Сопротивления) Франсуа Миттеран, в прошлом не раз занимавший министерские посты в правительствах Четвертой республики[126].

Сформулированная Миттераном программа из 28 пунктов сближалась или совпадала с программными документами Французской коммунистической партии. Учитывая это, ФКП решила поддержать кандидатуру Миттерана на выборах президента республики. Данное решение было встречено широкими кругами демократической общественности страны как новое доказательство стремления коммунистов добиться единства левых сил.

Народные республиканцы, «независимые» и прочие правобуржуазные оппозиционеры прилагали все усилия, чтобы затормозить сближение между коммунистами и левыми силами. Объявив о создании новой партии — «Демократического центра» — и выдвинув кандидатом на президентских выборах председателя МРП Леканюэ, они сделали стержнем своей пропаганды лозунги безоговорочной верности НАТО и «европейской идее». Отход генерала де Голля от этих лозунгов изображался Леканюэ и его окружением главной причиной инфляционных тенденций, повлекших за собой столь непопулярный «план стабилизации».

Кандидатом оголтелой фашиствующей реакции — вчерашних «ультра» — стал адвокат Жан Луи Тиксье-Виньянкур, в прошлом петеновец, а затем защитник мятежных генералов на процессах по обвинению их в заговоре. В области внешней политики его предвыборная кампания, пронизанная яростной антикоммунистической и расистской демагогией, по сути дела повторяла основные положения платформы Леканюэ.

Кандидатом правящего лагеря выступил генерал де Голль. В своих речах по радио и телевидению президент стремился подчеркнуть в первую очередь стабильность Пятой республики, ее высокий международный авторитет, резко контрастировавшие с поли-

[126] *C. Estier.* Journal d'un fédéré. La Fédération de la Gauche au jour le jour (1965—1969). Paris, 1970

тическим хаосом и дискредитацией государства в последние годы существования парламентского режима, ответственность за что он возлагал на бесконечные раздоры «партий прошлого».

Предвыборная борьба носила чрезвычайно напряженный характер. Поскольку кандидаты оппозиции впервые получили сравнительно широкий доступ к экрану телевидения, остававшегося на протяжении многих лет монополией властей, в центр полемики вскоре выдвинулись самые острые, ключевые проблемы страны: жилищное строительство, народное образование, контроль над рождаемостью, темпы роста экономики, наконец, ориентация внешней политики [127].

Огромный интерес широких масс к кампании, высокая посещаемость предвыборных митингов, возросшие тиражи газет — все эти факты опрокинули легенду о мнимой «деполитизации» французов, утрате ими за годы Пятой республики гражданского самосознания. 5 декабря 1965 г., когда состоялся первый тур президентских выборов, воздержавшиеся составили всего 15,01% от общего числа зарегистрированных избирателей (4262 тыс. из 28 402 тыс.) — даже в 1936 г., когда на выборах победил Народный фронт, удельный вес воздержавшихся был несколько выше (15,6%).

В первом туре голоса распределились так:

генерал де Голль	10,5 млн. голосов	(43,97%),
Миттеран	7,66 млн.	(32,04%),
Леканюэ	3,77 млн.	(15,78%),
Тиксье-Виньянкур	1,26 млн.	(5,31%) и т. д.[128]

Поскольку ни один кандидат не добился абсолютного большинства, предстоял второй тур, в котором участвовали только две кандидатуры, набравшие наибольшее число голосов,—де Голль и Миттеран.

Итоги голосования 5 декабря 1965 г. вызвали оживленные отклики как во Франции, так и за рубежом. Большинство комментаторов обращали внимание на дальнейшее сужение массовой базы правящих кругов, утративших по сравнению с последним референдумом (октябрь 1962 г.) еще 2,6 млн. голосов [129]. Весьма скромными были результаты правоцентристской оппозиции во главе с Леканюэ — они едва равнялись общему числу голосов,

[127] *R. G. Schwartzenberg.* La compagne présidentielle de 1965. Paris, 1967, p. 63—84.

[128] «Le Monde», 7.XII 1965.

[129] Техника референдумов, которым придавался характер плебисцитов — вотумов доверия де Голлю,— делала их результаты вполне сравнимыми с итогами президентских выборов.

полученных МРП и «независимыми» на выборах 1962 г. Фашиствующие «ультра», сплотившиеся вокруг Тиксье-Виньянкура, потерпели позорное поражение — им достались главным образом голоса репатриированных из Алжира французов, бывших петеновцев и т. д.[130] Попытка реакции обратить недовольство масс против новых позитивных аспектов курса генерала де Голля на международной арене провалилась: «Внешняя политика генерала... получила 5 декабря одобрение по меньшей мере трех четвертей избирателей»,— подчеркивал известный ученый Дюверже[131].

Главный успех в лагере оппозиции достался объединенному кандидату левых сил Миттерану. Успех этот был прежде всего результатом поддержки кандидатуры Миттерана компартией, проявившей настойчивость и энергию в деле сплочения и мобилизации левых сил. Успех был важен прежде всего потому, что он наглядно опровергал утверждения, распространявшиеся многие годы врагами единства левых партий, будто избиратели СФИО и радикалов предпочтут голосовать скорее за правого, чем за кандидата, который пользуется поддержкой коммунистов.

Второй тур состоялся 19 декабря 1965 г. Ему предшествовала острая борьба между двумя кандидатами. ЮНР бросила в бой все средства правительственной пропагандистской машины, чтобы избежать поражения. Де Голль был избран президентом республики на второй семилетний срок. Результаты второго тура[132].

	Число голосов (в млн.)	% голосовавших	% зарегистрированных избирателей
Генерал де Голль	12,64	54,49	44,77
Франсуа Миттеран	10,56	45,50	37,38

По сравнению с первым туром де Голль выиграл 2,25 млн. голосов, Миттеран — 2,89 млн. Весьма показательно географическое распределение избирателей обоих кандидатов. Основная масса поданных за Миттерана голосов была сосредоточена в традиционных зонах преобладания левых партий, к югу от Луары. В то же время голоса, собранные генералом, концентрировались главным образом в бастионах правых — на востоке и западе[133]. Правящие

[130] Многие оасовские главари, например находившийся за границей Сустель, адвокат Петена Изорни, бывший полицейский комиссар Дид и др., призывали голосовать за Леканюэ.

[131] «Le Monde», 28.XII 1965.

[132] «Le Monde», 21.XII 1965.

[133] *F. Goguel*. L'Election présidentielle des 5 et 19 décembre 1965. Analyse des résultats. Paris, 1967, p. 15.

круги, которые предполагали повторить удавшийся в 1962 г. маневр — досрочно распустить парламент и приблизить дату выборов, вынуждены были изменить свои планы. Правительство Помпиду претерпело известную реорганизацию: в частности, в него вошел на правах вице-премьера глава первого кабинета Пятой республики Дебре, на которого было возложено руководство всеми экономическими ведомствами. Он призван был амортизировать политические последствия непопулярного «плана стабилизации».

Таким образом, расстановка политических сил по сравнению с 1958—1962 гг. заметно изменилась. Президентские выборы показали, что в стране все отчетливее обозначились две тенденции — с одной стороны, к постепенному преодолению раскола в рядах левых оппозиционных сил, а с другой — к обострению разногласий в правящем лагере. Часть французской буржуазии проявляла явное недовольство некоторыми аспектами внешней и финансово-экономической политики, а также сугубо персональным характером режима, ставившим под вопрос его устойчивость в момент неизбежной смены верховного государственного руководства.

В то же время предельно централизованный характер главной политической опоры режима — административной машины — порождал по мере неуклонного расширения ее функций новые проблемы. Поскольку контроль над гигантским госаппаратом из единого центра оказывался крайне затрудненным, внутри отдельных его звеньев множились злоупотребления и скандалы — как финансовые, так и политические, способствовавшие дискредитации режима в целом.

Ярким свидетельством этого был громкий скандал в связи с «делом Бен Барки». В октябре 1965 г. лидер марокканской левой оппозиции Мехди Бен Барка, находившийся во Франции на правах политэмигранта, был завлечен в западню, похищен агентами секретной службы Марокко и, по-видимому, убит. Сам факт неспособности властей обеспечить закрепленное законом право политического убежища вызвал возмущение широкой общественности. Однако это возмущение достигло высшей точки в момент, когда выяснилось, что французская полиция и контрразведка были полностью осведомлены о готовившемся покушении и, более того, прямо содействовали ему. Хотя де Голль публично потребовал расследовать обстоятельства «дела Бен Барки» и строго покарать всех виновных, перед судом предстали лишь сравнительно второстепенные лица — непосредственные исполнители, тогда как подлинные вдохновители похищения на высших ступенях служебной иерархии остались безнаказанными [134].

[134] *Ph. M. Williams*. Wars, Plots and Scandals in Post War France. London, 1970, p. 78—125.

Парламентские выборы 5—12 марта 1967 г. принесли правящему лагерю новую серьезную неудачу. Во время предвыборной кампании многие кандидаты, выступавшие от имени режима, демонстративно подчеркивали, в отличие от предыдущих выборов, свое несогласие с теми или иными его мероприятиями. Так поступали, например, «независимые» республиканцы во главе с Жискар д'Эстеном. С другой стороны, настойчивые усилия ФКП и давление масс привели к тому, что руководители ФДСЛС Миттеран, Ги Молле и др. 20 декабря 1966 г. заключили с коммунистами соглашение о сотрудничестве во время выборов в Национальное собрание. В тех округах, где раскол левых сил угрожал сыграть на руку правящей коалиции, было решено строго придерживаться «республиканской дисциплины»[135]. В прочих округах соглашение о единой тактике достигнуто не было.

Несмотря на определенные разногласия между партнерами, в частности по некоторым внешнеполитическим вопросам, значение этого соглашения было чрезвычайно велико. Оба крупнейших отряда левых сил не только договорились о предвыборной тактике, но и сформулировали ряд общих целей на будущее (демократизация государственных институтов, обеспечение быстрого роста экономики, поднятие жизненного уровня трудящихся, проведение политики мирного сосуществования).

На выборах 5 марта 1967 г. голоса распределились следующим образом: ФКП — 5,02 млн. (22,46%), ОСП — 0,5 млн. (2,26%), ФДСЛС — 4,2 млн. (18,79%), ЮНР и прочие сторонники Пятой республики — 8,45 млн. (37,75%), «Демократический центр».— 2,86 млн. (12,79%), прочие — 1,33 млн. (5,95%)[136]. Явное поражение потерпели правоцентристские оппозиционеры, выступавшие под флагом безоговорочной верности НАТО и «объединенной Европе»: «Демократический центр» Леканюэ потерял 205 тыс. избирателей.

Соглашение между ФКП и ФДСЛС в полной мере сказалось на результатах второго тура, состоявшегося 12 марта. Единые кандидаты левых сил нанесли поражение ЮНР в значительной части округов, где происходила баллотировка. ФКП получила 73 депутатских мандата (вместо 41), Федерация — 116 (вместо 89), тогда как ЮНР и ее союзники потеряли 38 мест (244 вместо 282). «Демократический центр» потерял 11 мест (27 вместо 38). Поражение потерпели министры Кув де Мюрвиль, Месмер и др.

[135] В отдельных округах допускалась возможность выдвижения в качестве общего кандидата левых сил того, кто не собрал максимума голосов в первом туре (эта оговорка давала Федерации возможность получить несколько лишних мест за счет ФКП).

[136] «L'Humanité», 7.III 1967.

В новом составе Национального собрания правительственное большинство сократилось до минимума и сохранилось только благодаря нескольким депутатам, избранным в заморских департаментах в условиях неприкрытого административного давления на избирателей [137].

Глубокий анализ социально-экономического положения во Франции и перспектив классовой борьбы был дан в документах XVIII съезда Французской коммунистической партии, состоявшегося 4—8 января 1967 г. в пригороде Парижа Левалуа. В отчетном докладе съезду генеральный секретарь ФКП В. Роше указал в первую очередь на контраст между быстрым развитием производительных сил страны в условиях научно-технической революции и стагнацией покупательной способности масс в результате господства монополий: за 10 лет (1957—1966) промышленное производство выросло на 60%, производительность труда — на 50%, тогда как реальная покупательная способность некоторых категорий трудящихся даже снизилась. В частности, если заработная плата холостяков увеличилась в среднем на 5%, то у многосемейных она упала ввиду обесценения пособий инфляцией на 0,8—4,5%. «Никогда еще разрыв между производительностью труда и заработной платой не был столь значительным, а без борьбы рабочего класса зарплата была бы еще ниже» [138]. Усиление эксплуатации трудящихся находило свое выражение также в росте налогового бремени, в массовом разорении мелкого и среднего крестьянства, ограничении бюджетных кредитов на народное образование, здравоохранение, научные исследования.

Роше подчеркнул, что необходимым условием проведения в жизнь политики, отвечающей запросам финансовой олигархии, которая сосредоточила в своих руках контроль над основной массой средств производства, является свертывание парламентской демократии, выхолащивание роли представительных учреждений в центре и на местах, усиление авторитаризма. «Однако в то же время,— указывал докладчик,— можно отметить, что социальная основа антимонополистической борьбы за демократию укрепляется ввиду обострения противоречий между рабочим классом и буржуазией, увеличения численности лиц наемного труда и осознания непролетарскими слоями трудящихся единства их интересов с интересами пролетариата» [139]. Учитывая эти соображения, ФКП выдвигала в качестве главной стратегической задачи восстанов-

[137] *R. Barillon.* La Gauche française en mouvement. Paris, 1967, p. 177—231; *Ph. M. Williams.* French Politicians and Elections 1951—1969. London, 1970, p. 204—221.

[138] «L'Humanité», 5.I 1967.

[139] Ibidem.

ление прочного единства рабочего класса, создание союза между рабочими, служащими, трудовым крестьянством, средними слоями города и деревни в борьбе против общего врага — монополистического капитала и его главной опоры — авторитарного государства.

Предупреждая трудящихся об опасности попыток части крупной буржуазии создать при помощи оппозиционной демагогии резерв для существующего режима — резерв, в такой же степени пропитанный авторитарными тенденциями, но находящийся к тому же под контролем США, компартия выдвигала принципиально иную альтернативу. Основные элементы программы создания передовой демократии продолжали и развивали положения, сформулированные XV—XVII съездами ФКП: речь шла о ликвидации основы могущества монополий путем национализации наиболее важных отраслей производства и кредита, формировании демократического, ответственного перед полновластным Национальным собранием правительства, стабильность которого обеспечивалась бы соглашением демократических партий об общей программе и поддержкой широких масс. ФКП заявляла о своей готовности в случае создания такого правительства принять в нем участие. Передовая демократия предполагала также гарантию всех прав человека и гражданина, расширение полномочий органов местного самоуправления, свободу деятельности партий и профсоюзов, демократизацию административных органов, радио, телевидения, строгое отделение церкви от государства и школы от церкви.

В социально-экономической области имелось в виду значительно расширить права профсоюзов на предприятиях, предоставить им возможность активного участия в управлении национализированными отраслями, провести коренную реформу налоговой системы и разработать план экономического развития; в этом плане важнейшее место отводилось бы производительным инвестициям, повышению жизненного уровня трудящихся, развитию народного образования, жилищного строительства, здравоохранения, научных исследований, развитию отсталых районов, улучшению положения женщины и т. д.

Решения XVII съезда вооружили ФКП надежным идейным компасом на пороге беспрецедентного социально-политического кризиса, потрясшего все французское общество снизу доверху. Форсируя глубокие структурные сдвиги в экономике за счет трудящихся и загоняя в то же время вглубь их недовольство, авторитарная система создавала предпосылки для взрыва, который произошел в мае—июне 1968 г.

11

ФРАНЦИЯ НА РУБЕЖЕ 70-Х ГОДОВ (1968—1973 ГОДЫ)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В 1968—1969 ГОДАХ

В конце 60-х годов Франция пережила наиболее серьезный за весь послевоенный период социально-политический кризис, который до основания потряс все здание Пятой республики. Этот кризис, обнажив глубину и силу протеста, накопившегося в недрах французского общества, охватил основные слои и группы населения. В ходе этого кризиса самой жизнью были подняты многие проблемы социально-экономической политики правящих кругов Пятой республики, их методов руководства государством. В конечном счете вследствие этого кризиса произошла смена политического руководства страной.

Хронологически этот кризис был открыт массовым студенческим выступлением, которое, по словам В. Роше, «явилось детонатором массового забастовочного движения рабочих, инженерно-технических работников, служащих»[1]. Эти волнения студенчества имели несколько причин, как внешнего, так и глубинного характера. Они были вызваны сохранившимися с наполеоновских времен консервативными порядками в системе образования Франции, особенно в высшей школе, которая отстала от современных требований, запрещением политической деятельности в университетах, отстранением студентов от какого-либо участия в решениях университетских дел, недостаточной материальной базой учебных заведений.

[1] *В. Роше.* Избранные статьи и речи. М., 1972, стр. 369.

Проведенная в 1965—1966 гг. «реформа Фуше», предусматривавшая создание 2-годичных технологических институтов при университетах, которые должны были обеспечивать более быструю подготовку специалистов среднего звена, не устранив основных недостатков французской системы высшего образования, еще более усугубила классовый характер отбора студентов. В результате более строгих условий перевода студентов на старшие курсы пострадали в первую очередь те, кто в силу своего материального и социального положения вынужден был совмещать учебу с работой. Поскольку лишь 15% студентов получали стипендию, 40% учащихся высшей школы совмещали учебу с работой. Закончившие высшую школу сталкивались с проблемой трудоустройства.

Первым толчком к майским выступлениям студентов послужили события на филологическом факультете Сорбонны в парижском пригороде Нантере, где 22 марта 1968 г. часть экстремистски настроенных студентов захватила административное здание, превратив его в арену политических митингов и выступлений. Возникла организация — «Движение 22 марта», лидером которой стал 23-летний студент-социолог, гражданин ФРГ, Кон-Бендит, выступавший с анархистских, резко антикоммунистических позиций, допуская при этом грубые выпады против Советского Союза. «Движение 22 марта» было поддержано другими малочисленными, но крикливыми экстремистскими группировками, прежде всего троцкистами из так называемой «Революционной коммунистической молодежи» и «Комитета связи революционных студентов», маоистами из «Союза марксистско-ленинской коммунистической молодежи», анархистами и пр.

3 мая 1968 г. в связи с угрозой вооруженного столкновения между левацкими студенческими организациями и членами правой фашистской организации «Оксидан» ректор университета Рош принял решение временно закрыть факультет в Нантере, а когда лидеры леваков попытались перенести свою деятельность в расположенную в Латинском квартале Сорбонну, вызвал полицию, которая силой изгнала студентов из университетского здания. При этом на улицах Латинского квартала произошли кровавые стычки между студентами и полицией. Около 600 студентов было арестовано.

В ответ на эти репрессии Национальный союз студентов Франции (ЮНЭФ) и Национальный профсоюз работников высшего образования, в руководстве которых доминирующие позиции занимали в тот момент левацкие элементы, призвали студенческую молодежь провести 6 мая демонстрацию протеста. Эта демонстрация (в ней приняло участие более 6 тыс. студентов) привела к новым кровавым столкновениям с полицией, жандармерией и отрядами республиканской безопасности, которые применяли грана-

ты со слезоточивым газом, избивали студентов не только на улицах, но и в полицейских участках. В результате около тысячи человек (в том числе 345 полицейских) получили ранения. Арестовано было более 400 человек. На улицах Латинского квартала в этот вечер появились первые баррикады.

Волнения студентов не ограничились Парижем. В этот же день, 6 мая, аналогичные митинги и демонстрации прошли в других университетских центрах Франции: Страсбурге, Бордо, Клермон-Ферране, Руане, Экс-ан-Провансе, Кане, Тулузе, Нанте, Дижоне. В Сент-Этьенне, Орлеане, Ницце, Безансоне и Ренне прошли забастовки солидарности.

Следует отметить, что жестокость полицейских репрессий явилась результатом указаний, полученных свыше. Президент Франции генерал де Голль еще 1 мая 1968 г. потребовал немедленно «покончить с инцидентами в Нантере» [2].

Общественность Франции и в первую очередь демократические организации решительно выступили против полицейских репрессий, обрушившихся на студенчество. Выступая на пресс-конференции 7 мая 1968 г., генеральный секретарь Всеобщей конфедерации труда Ж. Сеги заявил, что ВКТ «осуждает и разоблачает полицейские репрессии, введение полиции на территорию университета и закрытие двух факультетов накануне экзаменационной сессии». Он потребовал освобождения арестованных и заверил студентов и преподавателей в солидарности рабочего класса с ними в борьбе за социальный прогресс, демократию и мир [3].

В этой обострившейся до предела обстановке в ночь с 10 на 11 мая 1968 г. в Латинском квартале произошли новые события, принявшие поистине трагический характер. Вечером 10 мая в этом районе Парижа состоялась 60-тысячная демонстрация студентов и рабочих, требовавших освободить всех арестованных в эти дни участников студенческого движения, вывести полицию из учебных заведений и возобновить нормальные занятия.

В накаленной обстановке, как и 6 мая, студенты приступили к строительству баррикад в Латинском квартале. За несколько часов там было построено около 30 баррикад. Правительство отдало приказ разрушить баррикады и рассеять демонстрантов. В 2 часа ночи отряды полиции и роты республиканской безопасности предприняли «операцию по очистке» кварталов вокруг Сорбонны, где собрались около 3 тыс. студентов и лицеистов. Улицы вокруг Сорбонны затянуло клубами слезоточивого газа, ночное небо оза-

[2] *P. Viansson-Ponté.* Histoire de la République Gaullienne, t. II. Paris, 1971, p. 442.

[3] *G. Seguy.* Le Mai de la CGT. Paris, 1972, p. 204—205.

Май 1968 г.

рилось заревом пожаров — пылали многие десятки подожженных автомашин.

К 4 часам утра радиостанции передали в эфир сигнал бедствия: сотни раненых срочно нуждались в медицинской помощи, медикаментах, перевязочных материалах, хирургических инструментах[4]. В развернутые на месте пункты первой помощи со всех концов города поспешили врачи-добровольцы. В 4.30 утра с призывом прекратить кровопролитие выступил по радио архиепископ Парижа. В 5 часов утра после экстренного заседания парламентская группа Французской компартии опубликовала коммюнике с требованием срочно созвать Национальное собрание. Утром от имени Политбюро Французской коммунистической партии Генеральный секретарь ФКП Вальдек Роше передал представителям печати заявление, в котором решительно осуждал жестокие полицейские репрессии против студентов.

[4] В результате столкновений, проходивших в эту ночь, было ранено более 1 тыс. человек, в том числе 50 тяжело (*P. Viansson-Ponté* Histoire de la République Gaullienne, t. II, p. 462, 700).

Стремясь успокоить общественное мнение, возмущенное полицейской расправой в ночь с 10 на 11 мая, премьер-министр Франции Ж. Помпиду, только что вернувшийся из поездки в Иран и Афганистан, принял решение открыть с 13 мая Сорбонну и возобновить занятия.

Однако это решение запоздало. В этот момент события стали развертываться с кинематографической быстротой. В борьбу включился рабочий класс, широкие массы трудящихся.

Еще 10 мая ВКТ и ФДКТ обратились с призывом к Федерации национального образования, Национальному союзу студентов Франции и Национальному профсоюзу работников высшей школы провести 14 мая по всей Франции демонстрацию поддержки студенческого движения[5]. Однако утром 11 мая под влиянием ночных событий ВКТ предложила объявить 13 мая 24-часовую всеобщую забастовку протеста и провести демонстрации. В результате переговоров ВКТ, ФДКТ и «Форс увриер» достигли соглашения по этому вопросу. К ним присоединилась Федерация национального образования.

Во второй половине того же дня в результате встречи делегаций Французской коммунистической партии и Федерации левых сил было опубликовано коммюнике о совместной поддержке всеобщей забастовки, намеченной профсоюзами. Вечером ФКП выпустила воззвание ко всем членам партии, ко всем трудящимся Франции с призывом принять активное участие во всеобщей забастовке 13 мая. Что касается Национального союза студентов Франции и Национального профсоюза работников высшей школы, то они уже 6 мая призвали своих членов к бессрочной забастовке[6].

13 мая по всей Франции прошла всеобщая забастовка, сопровождавшаяся повсеместно многотысячными демонстрациями. Так, в Лионе в демонстрации приняло участие 60 тыс. человек, в Марселе, Тулузе, Бордо — по 50 тыс., в Мане — 30 тыс., в Нанте, Гренобле и Нанси — по 25 тыс. человек. В демонстрации участвовали 20 тыс. рабочих заводов «Рено» в парижском пригороде Булонь-Бийянкуре[7].

Особенно грандиозной была 600-тысячная демонстрация в Париже[8]. Колонна, растянувшаяся более чем на 5 км, прошла с пением «Интернационала» через весь город от площади Республики до площади Денфер-Рошеро.

Характерны лозунги, под которыми проходила эта демонстра-

[5] *L. Salini.* Mai des prolétaires. Paris, 1968 p. 21.

[6] Ibid., p. 22.

[7] Ibid., p. 24.

[8] По некоторым данным около 1 млн.

ция. Наряду с требованиями демократизации университетов и освобождения арестованных студентов среди лозунгов были и такие: «13 мая 1958 — 13 мая 1968 г.— хорошая годовщина, мой генерал!», «Десяти лет достаточно!», «Прощай, де Голль!» и даже требование создания «народного правительства»[9]. Как писал генеральный секретарь ВКТ Ж. Сеги, «с 13 мая борьба приняла совсем другой оборот... 13 мая рабочий класс берет дело в свои руки»[10].

Столь активное включение самых широких масс трудящихся в движение не было случайным. Размах и острота, с которой они начали борьбу, объясняются глубоким недовольством самых различных слоев населения социально-экономической политикой правящих кругов. Это недовольство давно накапливалось в массах. Проводившийся в 1963—1966 гг. так называемый план стабилизации экономики Франции, который на словах предусматривал блокирование цен, а по существу ограничился замораживанием зарплаты, сыграл немалую роль в том, что это недовольство стало нарастать столь быстрыми темпами. К маю 1968 г., т. е. к 10-летней годовщине голлистского режима, трудящиеся на собственном опыте убедились в том, что правительственные круги решают все основные экономические вопросы, исходя в первую очередь из интересов крупных монополий, что экономическая политика правительства подчинена задаче ускоренного повышения конкурентоспособности французской экономики в связи с предстоявшей 1 июля 1968 г. полной отменой таможенных пошлин на промышленные товары внутри «Общего рынка». При сравнительно высоких темпах роста промышленного производства во Франции (58% за 10 лет) жизненный уровень повышался значительно медленнее (на 38% за 10 лет по сравнению с 42% за предыдущие 10 лет). Проводившиеся правительством меры по государственному субсидированию предприятий, поощрению концентрации, стимулированию капиталовложений, предоставление крупным компаниям налоговых и других льгот осуществлялись за счет увеличения как прямых, так и косвенных налогов. В утвержденном на 1968 г. бюджете предусматривалось увеличение налогов на 7% по сравнению с 1967 г. Они должны были достигнуть суммы в 116 млрд. фр. против 108 млрд. в 1967 г. и 98 млрд. в 1966 г.

Даже то незначительное повышение заработной платы, которого трудящимся удавалось добиться, было с лихвой перекрыто ростом цен. Значительно выросли цены на хлеб и молоко, повысились плата за воду и квартплата, а также местные налоги. Всеобщее недовольство вызвала также проведенная летом 1967 г. рефор-

[9] *P. Viansson-Ponté*. Histoire de la République Gaullienne, t. II, p. 471.
[10] *G. Seguy*. Le Mai de la CGT, p. 31.

ма системы социального обеспечения, в результате которой трудящиеся должны были дополнительно вносить около 3 млрд. фр.

Рост цен, квартплаты, увеличение налогов, повышение тарифов, в частности на транспорте, сокращение пособий по социальному обеспечению — все это вызвало растущее недовольство широких слоев населения. В докладе члена Политбюро ЦК ФКП Г. Ансара на апрельском пленуме ЦК ФКП 1968 г. указывалось, что 4 млн. рабочих, из которых 3 млн. женщин, получали крайне низкую заработную плату, не превышающую 600 франков в месяц, а 400 тыс. человек из них — 380 франков в месяц.

Однако наиболее остро последствия экономической политики правящих кругов проявлялись в резком увеличении в конце 1967 — начале 1968 г. безработицы: в апреле 1968 г. во Франции насчитывалось более 500 тыс. полностью безработных и около 1 млн. частично безработных. Характерно, что безработица затрагивала не только неквалифицированных рабочих, но в больших масштабах инженерно-технический персонал и служащих, молодежь, женщин. Из 800 тыс. инженерно-технических работников 40 тыс. были безработными. Молодежь среди безработных составляла 150—200 тыс.

По оценке Экономического и социального совета, рост безработицы на $^{2}/_{3}$ был вызван структурной перестройкой французской экономики. Структурные изменения и капиталистическая концентрация вели к свертыванию некоторых отраслей промышленности и упадку целых районов, особенно на севере и востоке страны, что приводило к массовому увольнению рабочих[11].

Трудящиеся Франции и прежде всего рабочий класс отвечали на антисоциальную политику правительства усилением борьбы. О ее размахе в преддверье майско-июньских событий свидетельствуют данные о росте забастовочного движения в 1966—1967 гг. Если в 1966 г. число дней, потерянных в результате забастовок, составило более 2,5 млн., то в 1967 г. оно достигло 4,2 млн.[12] В начале мая 1968 г. во Франции бастовало 2 млн. трудящихся, а 8 мая, т. е. в момент, когда уже развернулось студенческое движение, в крупнейших центрах Бретани прошла 24-часовая забастовка и

[11] Как отмечает советский ученый, «процесс концентрации достиг небывалого для Франции размаха, принял «взрывной», массовый характер. Если, например, в 1948 г. было зарегистрировано 8 различного рода объединений и слияний, то в 1957 г. — 500, в 1964 г. — 1000, а в 1968 г. — 1500. Число слияний за 5 лет (1960—1965 гг.) было равно числу концентраций за предыдущие 36 лет» (*Л. И. Глухарев.* Воздействие «Общего рынка» на экономику Франции. М., 1971, стр. 98).

[12] *L. Salini.* Mai des prolétaires, p. 77—78.

демонстрации трудящихся против закрытия предприятий, растущей безработицы и низкой зарплаты [13].

В связи со структурными сдвигами во французской экономике увеличился удельный вес инженерно-технической интеллигенции, а также управленческого аппарата, обслуживающего экономику. Условия труда этой категории трудящихся все более приближались к условиям труда наемных рабочих. Они утратили привилегированное положение, превратившись в новую социальную группу, которая подвергается суровой эксплуатации капиталом. Руководитель Всеобщей конфедерации кадров (ВКК) А. Мальтер в апреле 1968 г. во время прокатившейся по Франции волны так называемого озлобления кадров, выступивших с требованиями улучшения своего материального положения, пригрозил провести всеобщую забастовку инженерно-технического персонала и служащих, которые, как он заявил, «могут быстро повернуться против вас, голлистов». Таким образом, недовольство охватило и «белые воротнички».

Волна недовольства распространилась и на некоторые слои мелких и средних предпринимателей, пострадавших от проводимой правительством политики ускоренной концентрации. Создание «Общего рынка» резко ускорило процесс распада мелкого «традиционного» производства. Так, в промышленности за период 1957—1965 гг. исчезло 43 тыс. предприятий с числом рабочих от 1 до 10 [14].

Недовольство мелких и средних предпринимателей усилилось к маю 1968 г. и в связи с принятием в сентябре 1967 г. декрета о создании «групп экономических интересов», в котором подробно регламентировались условия объединения небольших предприятий с целью внедрения в производство технических новинок, совместной реализации продукции и борьбы с конкурентами при сохранении своей автономии. Буквально накануне майско-июньских событий Всеобщая конфедерация мелких и средних предпринимателей потребовала от правительства принятия мер по поддержанию жизнеспособности многочисленных мелких и средних предприятий, находящихся под угрозой закрытия и свертывания. Бюро конфедерации заняло позицию открытого осуждения правительственной экономической политики.

Ухудшалось и положение крестьянства. Аграрная политика правительства, направленная на укрепление крупных индивидуальных хозяйств путем вытеснения мелких и средних нерентабельных хозяйств, вела к массовому уходу крестьян в город. В 1967—1968 гг.

[13] «La grève générale de mai 1968».— «Le Peuple», N 799—801, 15.V—30.VI 1968.

[14] *Л. И. Глухарев.* Воздействие «Общего рынка» на экономику Франции, стр. 101.

ежегодно покидали землю около 120 тыс. человек. Падение доходов, трудности сбыта сельскохозяйственной продукции, разорение мелких и средних хозяйств привели к тому, что, как признавал в тот период финансово-промышленный еженедельник «Ви франсез», «все французское сельское хозяйство действительно взбудоражено», а газета «Монд», отмечая, что с начала года атмосфера во французской деревне «безусловно очень плохая», высказала предположение, что крестьяне могут перенять эстафету у студентов.

Итак, к маю 1968 г. практически основные трудящиеся слои и группы населения Франции оказались в той или иной степени затронуты настроением недовольства в связи с социально-экономической политикой правительства. В этом кроется одна из коренных причин по сути дела всеобщего характера майской забастовки.

Следует отметить еще одно обстоятельство, сыгравшее немаловажную роль в развертывании борьбы трудящихся в мае — июне 1968 г., а именно: тот довольно значительный прогресс, который был достигнут к этому времени в осуществлении единства действий левых сил как в политическом, так и в профсоюзном плане.

24 февраля 1968 г., т. е. за 2 месяца до майско-июньских событий, Французская компартия и Федерация демократических и социалистических левых сил (ФДСЛС) выступили с совместным заявлением, в котором обязались сообща бороться против режима личной власти, за установление «подлинной и современной демократии» [15]. Этот документ являлся заметным шагом вперед по сравнению с предвыборным соглашением, заключенным левыми силами в декабре 1966 г. Особенно серьезный прогресс был достигнут в вопросах внутренней политики. Обе организации высказались за пересмотр и отмену ряда статей конституции 1958 г., расширение прав выборных органов и граждан, за демократическую политику в социально-экономической области и прежде всего за удовлетворение насущных нужд трудящихся. В то же время в ряде вопросов, в особенности в том, что касалось темпов национализации, позиции сторон расходились.

Участники соглашения единодушно высказались за отказ от атомных ударных сил, за подписание Францией Московского договора о запрещении испытаний ядерного оружия и договора о его нераспространении, за создание в Европе безъядерных зон, за признание границы по Одеру — Нейсе и организацию коллективной европейской и международной безопасности. Что касается Вьетнама, то обе стороны выступили за немедленное и безусловное прекращение варварских бомбардировок. Вместе с тем в совместном заявлении от 24 февраля 1968 г. были зафиксированы расхождения между ФКП и ФДСЛС по вопросу об отношении к ГДР, мирному уре-

[15] «L'Humanité», 26.II 1968.

гулированию на Ближнем Востоке, к так называемой европейской интеграции и Североатлантическому пакту [16].

Однако, несмотря на сохранившиеся разногласия, руководство ФКП оценило этот документ как «новый шаг вперед на пути достижения союза левых сил» [17]. Вместе с тем, как показали последующие события, прогресс в деле достижения союза левых сил в этот период еще не продвинулся достаточно далеко, чтобы обеспечить на всех этапах борьбы координацию действий входивших в него партий и организаций.

Не менее важное значение имело и соглашение, заключенное 10 января 1966 г. между Всеобщей конфедерацией труда и Французской демократической конфедерацией трудящихся, в котором эти два крупнейших профцентра обязались вести совместную борьбу за повышение зарплаты и улучшение условий труда, в защиту системы социального обеспечения, занятости и более справедливой налоговой политики. Это соглашение ВКТ — ФДКТ имело большое значение для забастовочной борьбы трудящихся в течение 1966—1967 гг. Как отмечала газета «Темуаньяж кретьен», «движение 1968 г. никогда не имело бы такого размаха в рабочем мире, если бы ему не предшествовали два года совместных действий между ВКТ и ФДКТ» [18]. Таким образом, к маю 1968 г. во Франции создалась обстановка, объективно чреватая серьезными последствиями для режима Пятой республики.

Начавшийся в конце апреля — начале мая 1968 г. во Франции кризис 13 мая вступил в новый этап своего развития — к студенческому движению присоединились широкие массы трудящихся.

Одними из первых забастовали рабочие расположенного вблизи Нанта авиазавода «Сюд-Авиасьон». 15 мая в борьбу вступили рабочие завода «Рено» в Клеоне (около Руана). Отсюда почти сразу же забастовка перекинулась на завод «Рено» во Флене. Забастовщики выдвинули требование сокращения продолжительности рабочей недели без уменьшения зарплаты. В связи с тем, что администрация некоторых заводов не подчинялась забастовочным комитетам, рабочие, как и в 1936 г., стали занимать предприятия.

[16] Коммунисты были против возобновления Североатлантического пакта после истечения срока его действия, выступали за признание ГДР и немедленный вывод израильских войск с занятых ими территорий. Федерация же подтвердила свою позицию в пользу «интеграции» Европы, выступила за создание экономической конфедерации между ФРГ и ГДР и отказалась рассматривать вывод израильских войск в качестве предварительного условия переговоров. Кроме того, большинство руководства Федерации считало, что ответственность за войну во Вьетнаме следует разделить между обеими воюющими сторонами («L'Humanité», 26.II 1968).

[17] «L'Humanité», 26.II 1968.

[18] «Témoignage chrétien», 30.IV 1970.

16 мая забастовали 25 тыс. рабочих основного предприятия «Рено» в парижском пригороде Булонь-Бийянкур. По призыву ВКТ они высказались за не ограниченную во времени забастовку. Вечером того же дня уже бастовало 60 тыс. рабочих из общего числа 70 тыс., занятых на предприятиях завода «Рено». В последующие два-три дня в борьбу включились новые заводы, целые отрасли промышленности, предприятия обслуживания, служащие. Буквально на глазах рос список заводов, предприятий, учреждений, которые закрывались и захватывались бастующими. Если утром 17 мая число бастующих составляло 300 тыс. человек, то к вечеру того же дня оно удвоилось. 18 мая бастовало уже 2 млн. трудящихся, 20 мая — 6 млн. К 24 мая число бастующих составило около 10 млн. человек из общего числа 13—14 млн. работающих по найму.

Забастовочное движение охватило не только промышленность, но и транспорт, связь, а также и средства массовой информации (радио, телевидение), государственные учреждения, банки, крупные магазины. Закрылись школы, театры, кино. Вся жизнь страны остановилась. Впрочем, профсоюзы сделали все, чтобы обеспечить широкие массы трудящихся необходимым питанием, смягчить вызванные забастовкой бытовые трудности. Следует отметить, что бастующие проявляли образец высокой дисциплинированности. Они дали отпор представителям левацких организаций студентов, которые попытались проникнуть на предприятия с тем, чтобы призвать рабочих ломать оборудование.

В обстановке разраставшейся с каждым часом забастовки трудящихся и продолжавшихся студенческих волнений некоторые лидеры левых сил, прежде всего ФДСЛС, проявляя нетерпение и переоценивая степень дезорганизации в правительственном лагере, стали выступать за смену режима. Так, бюро ФДСЛС уже 14 мая потребовало отставки правительства и проведения всеобщих выборов.

18 мая 1968 г., сократив свое пребывание в Румынии, куда он выезжал с официальным визитом, генерал де Голль поспешно вернулся во Францию, чтобы лично заняться урегулированием этого конфликта.

21—22 мая в Национальном собрании состоялись дебаты по резолюции «порицания» правительства, внесенной совместно ФКП и ФДСЛС еще 14 мая. Хотя за нее и было подано 233 голоса, она не получила необходимого большинства голосов (244). Вслед за тем, стремясь успокоить студенческое движение, правительство провело через Национальное собрание закон об амнистии.

Однако главной силой, противостоявшей правительству, были трудящиеся. Вот почему в первую очередь было необходимо принять меры по урегулированию отношений с забастовщиками. 22 мая состоялась встреча представителей ВКТ и ФДКТ. Эти

два крупнейших профсоюза предупредили правительство, что не согласятся на меры, которые будут приняты без консультации с ними. Вместе с тем они заявили, что готовы принять участие в переговорах с представителями правительства и Национального совета французских предпринимателей с целью обсуждения основных требований трудящихся: повышение покупательной способности, расширение прав профсоюзов на предприятиях, гарантирование занятости и реформа налогообложения [19].

Эти трехсторонние переговоры начались 25 мая в 3 часа дня в министерстве по социальным вопросам на улице Гренель. В них участвовали, как и в период Народного фронта, представители правительства, патроната и профсоюзов. Но в отличие от 1936 г. в некотором отношении позиции профсоюзов в 1968 г. были слабее. В тот период переговоры вел единый профсоюз — ВКТ, в то время как на улице Гренель вследствие раскола профсоюзного движения присутствовали представители шести профсоюзных центров [20]. Это не могло, конечно, не ослабить позиций рабочих.

Переговоры на улице Гренель продолжались почти без перерыва до утра 27 мая, когда были выработаны общие положения соглашения. Правительство и предприниматели пошли на повышение гарантированного минимума заработной платы почти на 35% в промышленности и на 56% в сельском хозяйстве, на общее повышение уровня зарплаты в среднем на 13%, на упразднение зональных различий в зарплате, повышение пенсий, постепенное сокращение рабочей недели до 40 часов без уменьшения зарплаты, на принятие мер по ликвидации безработицы и улучшению профессионального образования, а также на выработку законопроекта о гарантии прав профсоюзов на предприятиях. Дни забастовки должны были быть оплачены в размере 50%.

Утром 27 мая переговоры были завершены, и представители ряда профцентров, в том числе «Форс увриер», ФКХТ, ВКК и даже ФДКТ, дали им позитивную оценку. В этот момент премьер-министр Жорж Помпиду обратился к Жоржу Сеги с вопросом: «Думаете ли Вы, что работа будет возобновлена?» — «Я думаю, что трудящиеся найдут результаты переговоров неудовлетворительными по многим вопросам»,— ответил Ж. Сеги [21].

И он не ошибся. Когда через два часа он выступил перед рабочими завода «Рено» и рассказал о достигнутых результатах, то рабочие сочли уступки предпринимателей и правительства недо-

[19] *G. Seguy.* Le Mai de la CGT, p. 68.

[20] В переговорах от профсоюзов участвовали ВКТ, ФДКТ, «Форс увриер», ФКХТ, Национальная федерация образования, ВКК.— См. *G. Seguy.* Le Mai de la CGT, p. 85.

[21] *G. Seguy.* Le Mai de la CGT, p. 110.

статочными и проголосовали за продолжение забастовки. Таким образом, попытки правительства урегулировать отношения с бастующими провалились.

Не увенчалась успехом и другая акция правительства, предпринятая тремя днями раньше. 24 мая по телевидению выступил генерал де Голль, который сообщил о своем решении провести 16 июня референдум по вопросу о так называемом участии трудящихся в управлении[22]. Предпринимая этот шаг, генерал де Голль рассчитывал снизить накал политической борьбы, переключить внимание трудящихся на подготовку к референдуму, а также укрепить шатавшуюся основу созданного им режима. Не надеясь на то, что большинство французского народа окажет ему поддержку, де Голль прибег к неприкрытому шантажу, прямо заявив: «В случае, если вы ответите «нет», само собой разумеется, я откажусь нести бремя власти»[23].

Однако расчеты де Голля не оправдались. Обстановка в стране была столь острой, что референдум по законопроекту, содержавшему неопределенные обещания относительно «участия в управлении», уже мало интересовал широкие народные массы, и он не состоялся.

Конец мая 1968 г. стал кульминационным пунктом острой классовой схватки во Франции. Провал предпринятых правительством шагов относительно проведения референдума, а также отказ бастующих принять Гренельские соглашения создали видимость полной дискредитации режима Пятой республики. В эти дни (25—30 мая 1968 г.) некоторые левацкие лидеры все настойчивее пропагандировали мысль, что Пятая республика распадается и стоит вопрос не о том, чтобы «взять власть», а о том, чтобы «подобрать» ее.

В этой обстановке развитие событий и их исход в огромной степени зависели от сохранения и укрепления союза левых сил и прежде всего совместных действий компартии и ФДСЛС.

Однако достигнутая к маю 1968 г. степень единства действий

[22] В законопроекте, обсуждавшемся 27 мая 1968 г. на заседании правительства, говорилось, что «президент республики, правительство и парламент до 1 июня 1969 г. примут все необходимые меры с целью расширения участия граждан в решении вопросов, которые их прямо касаются». Результатом этих решений должны быть реформа системы национального образования, в том числе меры по обеспечению участия трудящихся в «перестройке и функционировании университетов и учебных заведений», а также привлечение трудящихся к участию в распределении «плодов труда», принятие ими на себя «профессиональной ответственности» на всех уровнях, обеспечение занятости и профессионального обучения и «организации экономической деятельности в региональных рамках» (*J.-R. Tournoux.* Le mois de mai du Général. Paris, 1969, p. 222—223).

[23] «L'Année politique. 1968». Paris, 1969, p. 379,

между ними оказалась недостаточной, чтобы обеспечить победу трудящихся. Сказались многолетние антикоммунистические предрассудки лидеров ФДСЛС, которые в эти решающие дни сомкнулись с левацкими организациями и в обход ФКП занялись закулисными комбинациями. Выступая 28 мая 1968 г. на пресс-конференции, лидер ФДСЛС Ф. Миттеран заявил: «Правительство не пользуется ни авторитетом, ни доверием... Премьер-министру следует уйти в отставку». Для того чтобы «заполнить пустоту», Миттеран предложил создать временное правительство по управлению текущими делами из 10 членов. Задача этого правительства должна была, по его мнению, заключаться в том, чтобы «пустить государственную машину в ход», провести переговоры с бастующими трудящимися и организовать выборы президента. Ф. Миттеран сообщил также, что в случае проведения президентских выборов он выставляет свою кандидатуру, а премьер-министром хотел бы назначить Мендес-Франса[24].

Накануне, во второй половине дня, на стадионе Шарлетти состоялся организованный Национальным союзом студентов Франции, Объединенной социалистической партией, ФДКТ и прошедший под антикоммунистическими лозунгами митинг, на котором присутствовал Мендес-Франс. Становилось ясно, что за спиной бастующих рабочих, ВКТ и компартии уже делятся правительственные посты.

Однако лидеры ФДСЛС допустили по меньшей мере две капитальные ошибки: во-первых, как заявил 28 мая 1968 г. на встрече ФКП — ФДСЛС В. Роше, «нельзя серьезно говорить о движении к социализму без коммунистов и тем более выступать с антикоммунистических позиций, как это произошло на стадионе Шарлетти»[25], а во-вторых, они явно недооценивали способность правительства и президента республики мобилизовать имевшиеся у них силы для сохранения режима Пятой республики. Де Голль в этот период и не думал сдавать без боя свои позиции. Наоборот, он готовил отпор, вел работу по мобилизации своих сторонников и поддерживающих его сил, в том числе и армии, для того чтобы переломить развитие событий в свою пользу.

Развязка наступила 29—30 мая 1968 г. 29 мая утром неожиданно для всех, отменив назначенное ранее заседание правительства, де Голль выехал в неизвестном направлении. По Парижу распространились слухи, будто де Голль решил уйти в отставку. Однако вскоре стало известно, что он прибыл не в свое имение Коломбе-ле-дез-Эглиз, а в Западную Германию и находится среди окку-

[24] *P. Viansson-Ponté.* Histoire de la République Gaullienne, t. II, p. 517.
[25] *W. Rochet.* L'Avenir du Parti communiste français. Paris, 1970, p. 19—20.

пационных французских войск, которыми командует генерал Массю. Только к вечеру он приехал в Коломбе и сообщил, что на следующий день вернется в Париж и выступит по радио.

В тот момент, когда де Голль направлялся в свое имение, на улицах Парижа проходила объединенная демонстрация, организованная Всеобщей конфедерацией труда, в которой приняли участие около 800 тыс. трудящихся.

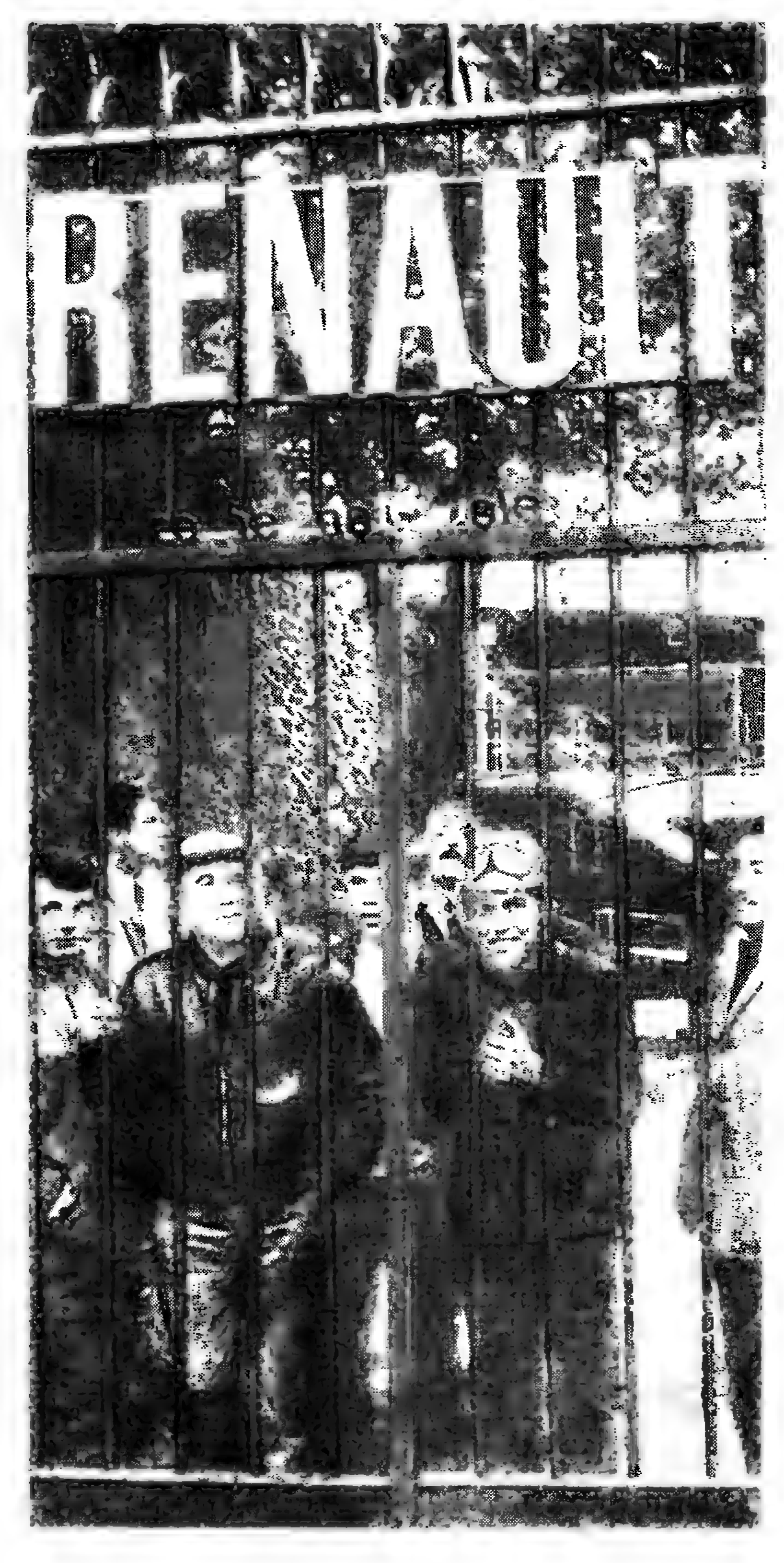
Вопреки мнению левацких лидеров, что в сложившейся обстановке «все возможно», что нужно переходить от забастовки к восстанию, руководители ФКП и ВКТ не верили в отставку де Голля и в то, что власть «вакантна». Они видели всю опасность сложившегося положения и ориентировали массы на укрепление единства своих рядов. Как указывал В. Роше, выбор, существовавший в мае, был «только таким: — или добиваться, чтобы забастовка привела к удовлетворению основных требований трудящихся и в то же время в политическом плане продолжать борьбу за осуществление необходимых демократических перемен в рамках законности. Такова была позиция нашей партии.— Или же прямо прибегнуть к испытанию сил, т. е. пойти на восстание, включая и использование вооруженной борьбы для свержения власти силой. Такова была авантюристическая позиция некоторых «ультралевых групп»»[26].

Утром 30 мая де Голль вернулся в Париж и во второй половине дня выступил с 12-минутной речью по радио. Он заявил, что решил остаться на президентском посту до конца своего мандата и властью, данной ему конституцией, распускает Национальное собрание и назначает досрочно парламентские выборы. Вечером 30 мая на Елисейских полях состоялась крупная голлистская демонстрация, проходившая под лозунгом «верности режиму де Голля». Одновременно стало известно о подтягивании к Парижу танковых соединений французской армии. Несколькими днями раньше по всей стране стали создаваться отделения Ассоциации поддержки де Голля.

Таким образом, опираясь на организации своих сторонников, и прежде всего на государственный аппарат, армию, на поддержку крупных монополий, де Голлю удалось добиться определенного успеха.

С 30 мая политическая борьба во Франции сосредоточилась на подготовке и проведении парламентских выборов. Предвыборная кампания была очень короткой — всего три недели,— однако очень острой, насыщенной крупными манифестациями и контрманифестациями с обеих сторон. Следует отметить также, что предвыборная кампания развертывалась на фоне еще продолжавшейся

[26] *В. Роше.* Избранные статьи и речи, стр. 377—378.



Забастовка рабочих на заводе «Рено». Париж, июнь 1968 г.

забастовки трудящихся — достаточно сказать, что рабочие завода «Рено» прекратили забастовку только 16 июня, автомобильного завода «Ситроен» — 25 июня, а металлургического завода «Юзинор-Дюнкерк» — 26 июня,— а также отдельных выступлений студенчества.

Правительственный лагерь, перейдя в контрнаступление, вел предвыборную кампанию под лозунгом сохранения и укрепления порядка. Де Голль и его сторонники максимально использовали страх обывателя перед эксцессами ультралевых. По существу вокруг де Голля в этот момент сплотились все правоцентристские силы, в том числе и те, кто до мая 1968 г. находились в оппозиции к правительству.

Что касается левого лагеря, то ФКП и ФДСЛС, как и в 1967 г., достигли соглашения по вопросу об избирательной тактике — о выдвижении в первом туре своих кандидатов отдельно, а во втором — о снятии своего кандидата в пользу представителя левых сил, имевшего наибольшие шансы на избрание. Однако это соглашение не могло компенсировать удара по единству левых сил, который был нанесен маневрами некоторых лидеров ФДСЛС в майские дни.

Проходившие 23 и 30 июня парламентские выборы показали значительный сдвиг вправо, а «левые силы в целом отступили» [27]. Это видно из распределения голосов на выборах и мест в Национальном собрании [28]:

	число голосов	%	число мест
ФКП	4 435 357	20,2	34
Объединенная социалистическая партия	874 212	3,9	0
ФДСЛС	3 654 003	16,5	57
ЮДР * и «независимые республиканцы»	10 201 024	40	354
Центр «демократия и прогресс»	2 290 165	16,3	33
Умеренные	410 699	1,8	
Различные правые группировки	140 097	0,6	9

* Деголлевская партия, первоначально называвшаяся «Союз за новую республику» (ЮНР), накануне выборов, в июне 1968 г., приняла название «Союз демократов за республику» (ЮДР).

Впервые в истории Пятой республики деголлевская партия ЮДР получила абсолютное большинство голосов в Национальном собрании. Вместе с тем ход борьбы в течение мая — июня нанес серьезный удар по всему режиму де Голля. Как говорил на пленуме ЦК ФКП Вальдек Роше: «Итоги избирательной кампании не

[27] *В. Роше.* Избранные статьи и речи, стр. 384.

[28] *P. Viansson-Ponté.* Histoire de la République Gaullienne, t. II, p. 720—721; «Le Monde», 13.III 1973.

могут затушевать уроков майского кризиса. Голлизму будет все труднее и труднее управлять Францией так, как он управлял ею в течение последних десяти лет» [29].

12 июля 1968 г. на смену правительству Помпиду, ушедшему в отставку, пришло правительство Кув де Мюрвиля, которое по партийному составу существенно не отличалось от предыдущего. Постепенно обстановка в стране стала нормализоваться.

Однако социально-политический кризис в мае — июне 1968 г. вскрыл всю глубину классовых противоречий, накопившихся за предшествующие 10 лет. Он свидетельствовал, как отмечается в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, о натиске трудящихся во главе с рабочим классом «не только на отдельные группы капиталистов, но и на всю систему государственно-монополистического господства» [30]. Этот кризис наглядно показал наличие у французских трудящихся стремления к глубоким социальным переменам. Мощное забастовочное движение, в котором приняло участие около 10 млн. рабочих, студентов, трудящихся, поставило под вопрос само существование господства монополий. Режим личной власти, казавшийся незыблемым, был поколеблен, личный авторитет президента Франции генерала де Голля оказался подорванным. Несмотря на внешнюю нормализацию положения, глубинные процессы, породившие взрыв недовольства в мае — июне 1968 г., продолжали развиваться.

Одним из серьезных симптомов ослабления голлистского режима явились бюджетные и валютно-финансовые трудности, с которыми столкнулась Франция осенью 1968 г. Эти трудности были обусловлены крупными военными расходами, ростом дефицита государственного бюджета и инфляцией, а также бегством капитала за границу. В результате всего этого в 1968 г. Франция практически потеряла половину своих золотых и валютных запасов: если в 1967 г. они составляли 6,9 млрд. долл., то в 1969 г.— всего 1,2 млрд. долл., не считая 2,4 млрд. долл., полученных в счет краткосрочных кредитов. «Со 2 мая по 21 ноября 1968 г. 17,7 млрд. франков покинули страну»,— пишет видный французский финансист Жак Рюэфф [31]. Внешняя торговля Франции характеризовалась к 1969 г. отрицательным сальдо, особенно в торговле с ФРГ.

Следует особо остановиться на таком факте, как массовое бегство капитала за границу. Он наглядно свидетельствовал об ослаблении доверия буржуазии к де Голлю после майско-июньских событий 1968 г. Крупная буржуазия требовала ограничения государственного вмешательства в экономику, предоставления больше-

[29] *В. Роше.* Избранные статьи и речи, стр. 388.
[30] «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 17.
[31] «Le Figaro», 13.II 1971.

го простора частной инициативе и предпринимательству. Она была недовольна некоторыми социально-экономическими преобразованиями правительства и требовала создания такого кабинета, который мог бы более гибко маневрировать и чья политика не привела бы к потрясениям, подобным майско-июньским событиям 1968 г. Однако решающую роль в ослаблении позиций деголлевского режима играл тот факт, что в народных массах нарастало требование широких демократических преобразований.

Французская компартия, учитывая эти настроения масс, выдвинула программу социальных и демократических преобразований. Состоявшийся в декабре 1968 г. пленум ЦК ФКП принял манифест «За передовую демократию, за социалистическую Францию». В этом документе, развивая решения своих предыдущих съездов, ФКП выступила за создание широкого антимонополистического объединения левых сил с целью замены существовавшего в стране режима Пятой республики «передовой демократией, способной открыть путь к социализму» [32].

В этой обстановке де Голль после некоторого колебания решил прибегнуть к ставшему традиционным с 1958 г. средству укрепления своего режима — референдуму. Выдвинутый им в речи 24 мая 1968 г. вопрос об участии трудящихся в управлении после майско-июньских событий вряд ли мог заинтересовать широкие народные массы. Поэтому на референдум были поставлены вопросы об административно-территориальной реформе и реформе сената. Де Голль заявил о намерении провести референдум во время своего четырехдневного визита в Бретань в начале февраля 1969 г. [33]

Согласно проекту, подготовленному правительством, предлагалось изменить территориальное деление страны, разделив Францию на 21 район. Эти районы наделялись некоторой административной самостоятельностью и определенными полномочиями в социально-экономической сфере. В каждой области создавалось собрание, в которое входили бы, во-первых, депутаты Национального собрания объединенных в районе департаментов, во-вторых, представители профсоюзов, предпринимательских организаций, крестьянских кооперативов и университетов, которые получали бы 40% всех мест и, в-третьих, делегаты, избранные муниципальными и государственными советами. Однако вся власть, включая подготовку и исполнение местного бюджета, сосредоточивалась в руках префекта [34].

[32] Manifeste du Parti communiste français. «Pour une démocratie avancée, pour une France socialiste». Paris, 1969, p. 31.

[33] «L'Année politique 1969». Paris, 1970, p. 13, 394—395.

[34] Как отмечала французская демократическая печать, одна из основных целей реформы заключалась в том, чтобы изъять у местных органов власти имеющиеся у них значительные средства.

Что касается сената, то, согласно реформе, вместо верхней палаты парламента — сената и имеющего консультативные права Национального экономического и социального совета учреждался новый орган, который, оставаясь частью парламента, лишился бы всех законодательных прерогатив и имел бы только консультативные функции.

Наконец, согласно проекту де Голля, изменялся порядок временного исполнения обязанностей президента Республики в случае его смерти или «неспособности исполнять мандат». Это право переходило бы не к председателю сената, а к премьер-министру или к одному из членов правительства. Тем самым голлисты значительно укрепили бы свои позиции и в еще большей мере обеспечили бы в случае необходимости «преемственность власти».

Однако значение референдума, на который выносились данные реформы, в конкретной обстановке, сложившейся во Франции весной 1969 г., было гораздо более серьезным. По существу дело шло о том, чтобы с помощью этого референдума, в котором с точки зрения конституционной не было никакой необходимости, укрепить ослабленные в результате майско-июньского кризиса 1968 г. позиции правительства и лично генерала де Голля.

Референдум, предложенный де Голлем, вопреки ожиданиям его организаторов привел к дальнейшему обострению политической обстановки в стране. Наиболее последовательную позицию заняла компартия, решительно выступившая против предложенных реформ. «...Создавая региональные советы не на основе всеобщих и прямых выборов,— отмечал ЦК ФКП,— сосредоточивая власть в руках префектов районов и заменяя сенат институтом, еще более далеким от народа, голлистские власти продолжают свою политику ограничения прав выборных органов». Исходя из этой оценки, Французская коммунистическая партия призвала трудящиеся массы ответить «нет» на референдуме. «Французская коммунистическая партия призывает вас ответить «нет», решительно выразив этим ваше желание покончить с антисоциальной политикой и открыть путь новой политике. Чем больше будет число «нет», тем быстрее наступит час, когда демократическая Франция пойдет по пути к социализму»,— писала газета «Юманите» накануне референдума [35].

Отрицательную позицию на референдуме заняли крупнейшие профобъединения страны, и прежде всего ВКТ.

Социалистическая партия (СФИО), радикалы и Объединенная социалистическая партия, которая стремилась собрать под своим руководством различные мелкие левацкие группировки, высту-

[35] «L'Humanité», 26.IV 1969.

пили против планов де Голля. Ф. Миттеран занял также отрицательную позицию. Он заявил: «Голосуя «нет», французы выберут будущее вместо прошлого»[36].

ФКП и на этом этапе стремилась создать единый фронт левых сил в борьбе против деголлевских проектов. Однако после майско-июньских событий 1968 г. левая оппозиция в целом оказалась ослабленной. Федерация демократических и социалистических левых сил, вследствие близорукой антикоммунистической политики ее руководителей в мае 1968 г. и поражения на парламентских выборах, в конце того же года распалась. Все это, естественно, затрудняло налаживание контактов между различными левыми силами.

К весне 1969 г. усилилась оппозиция де Голлю и в лагере буржуазии. В политическом плане эта оппозиция представляла собой довольно широкий фронт консервативных сил, включая крайне правое крыло самого голлистского движения, часть «независимых республиканцев», а также центристскую партию «Демократического центра» Леканюэ и парламентскую группу центристов во главе с Дюамелем. Против генерала де Голля выступали и такие крайние группировки профашистского толка, как «республиканский союз в защиту свободы и прогресса», «европейское объединение за свободу» и «Оксидан». Несмотря на разобщенность правой оппозиции, ее объединяло стремление укрепить атлантическую солидарность и вернуть Францию в НАТО, а также ужесточить внутриполитический курс.

Важное значение для исхода референдума имело и то обстоятельство, что в самом голлистском движении уже не было единства. Внутри главного политического объединения голлизма «Союза демократов за Республику» (ЮДР) существовали различные группировки. К числу «ортодоксальных голлистов», наиболее последовательно поддерживавших политику де Голля во внешней и внутренней области, относились Кув де Мюрвиль, Дебре, Андре Мальро и др. К последовательным голлистам примыкала группа левых голлистов — наиболее либеральное крыло голлизма, выступавшие за определенные реформы буржуазно-демократического порядка. Наиболее видными деятелями этой группы являлись Рене Капитан и Луи Валлон. Существовало также крыло, которое было особенно прочно связано с крупным промышленно-банковским капиталом. Это крыло, позиции которого усилились после майско-июньских событий, не могло не прислушиваться к нараставшему в некоторых кругах крупной буржуазии недовольству.

[36] «L'Humanité», 26.IV 1969.

Следует отметить еще один фактор тактического порядка, который способствовал поражению генерала де Голля. Несмотря на то, что на референдуме было выдвинуто два вопроса — создание районов и обновление сената,— на них требовалось дать только один ответ: либо «да», либо «нет». Такая постановка вопроса повлияла на отрицательный исход референдума для де Голля, ибо если реформа районирования могла не вызвать явно отрицательного отношения, то в создавшейся обстановке реформа сената являлась явным наступлением на демократические силы и в то же время ударяла по центристам, что и повлияло на образование широкой оппозиции.

Все эти факторы: неудовлетворенность широких масс социально-экономической политикой голлизма, отсутствие единства в самом голлистском движении, антикоммунизм правящих кругов, объединение различных оппозиционных групп — привели к поражению правительства на референдуме 27 апреля 1969 г. Всего голосовало 23 093 296 человек, в том числе 11 943 233 человека (53,17%) дали отрицательный ответ на поставленный де Голлем вопрос. В поддержку де Голля высказалось 10 515 655 человек (46,82%). По сравнению с референдумом 1962 г. голлисты потеряли около 3 млн. голосов [37].

28 апреля 1969 г. де Голль сложил с себя полномочия президента Республики, поскольку он еще ранее заявил, что в случае отклонения реформы уйдет в отставку, так как «рассматривает итоги голосования как выражение доверия или отказ в доверии ему лично» [38]. «Я прекращаю выполнять функции президента Республики. Это решение вступает в силу сегодня в полдень»,— писал де Голль в письме, оставленном премьер-министру Франции Кув де Мюрвилю еще до референдума с указанием вскрыть конверт в случае отрицательного исхода голосования [39].

Поражение де Голля на референдуме сразу же вызвало острую реакцию представителей различных политических партий и группировок. Все они отмечали, что это означает окончание определенного этапа в истории Франции. Занимавший тогда пост премьер-министра Кув де Мюрвиль заявил, например, 28 апреля 1969 г., что «начиная с завтрашнего дня в нашей истории переворачивается еще одна страница». В заявлении ФКП по поводу отставки де Голля говорилось: «Это очень важное событие, крупный шаг к устранению авторитарной власти и замене ее передовой политической и экономической демократией, открывающей путь к социализму».

[37] *P. Viansson-Ponté.* Histoire de la République Gaullienne, t. II, p. 721.

[38] «L'Année politique 1969», p. 34.

[39] *Ph. Alexandre.* Le duel de Gaulle — Pompidou Paris, 1970, p. 378.

«Эта победа сторонников «нет» и уход де Голля,— говорил 6 июня 1969 г. Генеральный секретарь Французской компартии Вальдек Роше на международном Совещании коммунистических и рабочих партий,— показали масштабы стремления к переменам у широких трудящихся масс. Они явились новым свидетельством быстрого созревания условий для общей борьбы всех социальных слоев, которым наносят ущерб или которым угрожают монополии»[40].

Поражение генерала де Голля и его уход с поста президента республики создали новую политическую ситуацию. В стране значительно обострилась политическая борьба. По существу на повестку дня встал вопрос об определении дальнейшего политического курса страны.

Следует отметить, что ухода де Голля уже давно и с известными опасениями ожидали во Франции и за ее пределами. Весной 1969 г. де Голлю шел 79-й год, и все понимали, что скоро он будет уже физически не в состоянии выполнять возложенные на него функции. В этой связи возникал вопрос, что будет после него? Кое-кто преднамеренно распространял вымыслы о том, что после де Голля созданный им во Франции режим личной власти рухнет и в стране наступит анархия. Естественно, все это еще больше усугубляло остроту политического кризиса, принявшего форму борьбы за пост президента республики.

Эта борьба развернулась главным образом между голлистами, которые сохраняли ключевые позиции в государственном аппарате и имели абсолютное большинство в Национальном собрании, центристами и Французской коммунистической партией и другими левыми некоммунистическими силами.

Кандидатом голлистов на президентских выборах выступал Жорж Помпиду, который официально выдвинул свою кандидатуру 29 апреля 1969 г. Излагая свою программу в области внутренней политики, он выступил за сохранение и укрепление режима Пятой республики, особенно за сохранение решающей роли президента.

Чтобы обеспечить себе поддержку мелкой и средней буржуазии города и деревни, которая была недовольна социально-экономической политикой де Голля, Ж. Помпиду обещал навести в стране порядок и спокойствие, покончить с социальной напряженностью. Он высказал также мысль о необходимости ограничения государственного вмешательства в экономическую жизнь страны и о предоставлении большего простора частной инициативе и предпринимательству. Это заявление отвечало интересам части крупной буржуазии Франции.

[40] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969». Прага, 1969, стр. 141.

Делегация ФКП на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве (июнь 1969 г.)

Говоря о внешнеполитических проблемах, Ж. Помпиду заверил, что он не внесет существенных изменений во внешнюю политику Франции. Особо он подчеркнул свое намерение продолжать и укреплять сотрудничество с Советским Союзом, начало которому положил де Голль.

Чтобы привлечь на свою сторону правые и центристские слои и группировки, которые стояли в оппозиции к де Голлю, Помпиду обещал добиться расширения «Малой Европы» и прежде всего изменить отношение Франции к вступлению Англии в «Общий рынок». Ему удалось привлечь некоторых политических деятелей, в том числе лидера «независимых республиканцев» Жискара д'Эстена, который заявил, что он поддерживает Ж. Помпиду, но требует от него защиты национальной валюты, продолжения и расширения «европейского строительства». В целом нужно отметить, что Помпиду удалось заручиться поддержкой довольно широких кругов французской буржуазии.

Верная своей традиционной тактике двойной гарантии, французская буржуазия выдвинула двух кандидатов, стремясь привлечь на свою сторону не только буржуазию, но и большую часть средних слоев. Жорж Помпиду был уже известной политической фигурой, чего нельзя было сказать о кандидате центристов Алене Поэре, председателе сената, приступившем согласно конституции к вре-

менному исполнению обязанностей президента республики после ухода де Голля. Поэр заявил о выставлении своей кандидатуры на президентских выборах только 12 мая, перед самым закрытием регистрации кандидатов. Он вел свою предвыборную кампанию под лозунгом «примирения» и «объединения» французов. Основным пунктом его внешнеполитической программы являлся вопрос об «объединении» Европы, в которой был бы значительно усилен проатлантический и проамериканский дух, а следовательно возросла бы антисоциалистическая и антисоветская направленность. В области внутренней политики его программа носила весьма расплывчатый характер. Поэр заявлял о своем намерении сократить расходы на вооружение, предоставить льготы средним классам, продолжать «конституционным путем начатые реформы». Поэр говорил о преемственности, о том, что президент должен быть «арбитром» и обязан «обеспечить согласие», «примирение» между двумя непримиримыми блоками — голлистами и коммунистами.

Под знаком поддержки кандидатуры Алена Поэра образовалась так называемая «третья сила» — избирательная коалиция правоцентристских партий, занимавшая средние между голлистами и коммунистами позиции. В эту коалицию входили «Национальный центр независимых крестьян», «Демократический центр» Леканюэ, партия радикалов и радикал-социалистов, центристская группа «демократия и прогресс». Отрицательную позицию в отношении кандидатуры Алена Поэра заняли такие центристы, как, например, Дюамель, Фонтанэ, Плевен и некоторые другие.

Основной оппозиционной силой, выступившей против буржуазных кандидатов, стала Французская коммунистическая партия. ФКП поставила задачу добиться создания широкого фронта рабочих и демократических сил путем налаживания сотрудничества с левыми силами, в первую очередь с социалистами. «Наша коммунистическая партия не щадила усилий для того, чтобы добиться заключения прочного соглашения левых партий и крупных профсоюзов на основе общей программы демократических преобразований, которая позволила бы создать подлинный союз рабочего класса и других антимонополистических социальных слоев города и деревни в борьбе за демократическую альтернативу, открывающую путь к социализму»,— говорил на международном Совещании коммунистических и рабочих партий В. Роше[41].

Сразу же после референдума, 28 апреля, В. Роше направил лидеру социалистической партии Ги Молле письмо, в котором подчеркивал необходимость выработки всеми левыми политическими

[41] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969», стр. 140.

силами общей программы и выдвижения на выборах, как это было в 1965 г., единого кандидата от левых сил. «Победа «нет» и отставка президента Республики,— писал он,— подчеркивают необходимость и срочность выработки левыми политическими группировками и профсоюзными и профессиональными организациями общей программы. Подобная программа должна отчетливо наметить смелые экономические, социальные и политические меры, которые примут демократические силы с целью осуществить во Франции передовую демократию, открывающую путь к социализму»[42].

Но на съезде социалистической партии 4—5 мая 1969 г., который проходил в Альфортвилле, предложение компартии не было принято. Правда, в СФИО обнаружились серьезные разногласия по вопросу о союзе левых сил. На съезде выяснились две тенденции. Правое крыло партии во главе с Ги Молле и Деффером выступило против союза с коммунистами, за выдвижение собственного кандидата. Другая часть участников съезда высказывалась в пользу единства с ФКП и выработки общей программы на выборах. Выразителем этой тенденции стал Ален Савари.

Съезд проходил в бурной обстановке. После первого голосования результаты оказались более благоприятными для Алена Савари. Однако руководство СФИО добилось повторного голосования, в результате чего сторонники Ги Молле и Деффера получили небольшое преимущество, собрав 57% голосов. В итоге от социалистической партии кандидатом в президенты был выдвинут член ее Руководящего комитета, мэр Марселя Гастон Деффер. В предвыборных выступлениях он заявлял, что его главная цель — добиться поражения голлистского кандидата и покончить с режимом Пятой республики. Лидеры социалистической партии предложили ФКП поддержать Деффера на выборах.

Однако ФКП не пошла на это. Поскольку руководство социалистической партии отказывалось дать согласие на выдвижение единого кандидата левых сил на основе общей программы, было бы неправильным поддержать кандидатуру социалистической партии, которая к тому же дискредитировала себя во время майско-июньских событий 1968 г. и показала, что она готова пойти на закулисные, в обход ФКП, сделки. В этой обстановке руководство ФКП приняло решение выдвинуть кандидатом в президенты Жака Дюкло, старейшего деятеля компартии, ветерана французского и международного рабочего и коммунистического движения.

В предвыборной кампании ФКП выступила с широкой программой социально-экономических преобразований, направленных на оздоровление экономики и финансовой системы Франции, на улуч-

[42] «L'Humanité», 29.IV 1969.

шение жизни трудящихся, расширение демократии. Во внешнеполитической части программы Французской коммунистической партии было записано: «Мы считаем, что национальным интересам и интересам всеобщего мира будет отвечать следующее: Франция не вернется в НАТО под американское руководство. Она будет решительно выступать за одновременный роспуск антагонистических военных блоков и замену их системой коллективной европейской безопасности, бороться за национальную независимость, разоружение, сотрудничество со всеми государствами без всякой дискриминации, в том числе с Советским Союзом и другими социалистическими странами»[43]. В ходе избирательной кампании ФКП указывала, что между Помпиду и Поэром, особенно во внутриполитических вопросах, нет существенной разницы. Однако Поэр в области внешней политики стоял на проатлантических позициях. Поэтому ФКП подвергала его более суровой критике. Она это делала также и для того, чтобы завоевать на свою сторону тех представителей средних слоев, которые поддерживали Поэра.

Другими кандидатами на президентских выборах являлись национальный секретарь Объединенной социалистической партии Мишель Рокар и кандидат от троцкистской организации «Коммунистическая лига» Ален Кривин. Выдвижение этих кандидатов еще больше раскололо левые силы. В предвыборную борьбу включился и кандидат от «Ассоциации в защиту частного сектора» Луи Дюкатель. Он выступил как представитель сторонников «народного капитализма», без опоры на какую-либо партию.

Таким образом, на президентских выборах во Франции было выдвинуто семь кандидатов: от голлистов — Жорж Помпиду, от центристов — Ален Поэр, от социалистической партии — Гастон Деффер, от ФКП — Жак Дюкло; фигурировали также Ален Кривин, Мишель Рокар и Луи Дюкатель. Однако основная борьба за пост президента Франции разгорелась между Ж. Помпиду, А. Поэром и Ж. Дюкло.

Таково было положение перед первым туром выборов, который состоялся 1 июня 1969 г. Он дал следующие результаты[44]:

	число голосов	%		число голосов	%
Жорж Помпиду	9 763 428	43,95	Мишель Рокар	814 053	3,66
Ален Поэр	5 202 271	23,42	Луи Дюкатель	284 820	1,28
Жак Дюкло	4 781 838	21,52	Ален Кривин	236 263	1,06
Гастон Деффер	1 128 049	5,07			

[43] «L'Humanité», 20.V 1969.

[44] «L'Année politique 1969», p. 49.

Таким образом, кандидат правительственного большинства Жорж Помпиду получил около 44% голосов. Что касается Алена Поэра, то вопреки прогнозам, будто он соберет в первом туре около 40% голосов, за него проголосовало лишь 23,4% избирателей. Большого успеха добился на выборах кандидат ФКП Жак Дюкло, получивший 21,52% голосов, только на 2% меньше Алена Поэра. Если бы был выдвинут единый кандидат от левых сил, то он мог бы участвовать во втором туре голосования.

Первый тур выборов показал, что Французская коммунистическая партия вновь предстала перед страной как крупная политическая и национальная сила. Орган деловых кругов газета «Эко», отмечая успех Жака Дюкло и крушение Гастона Деффера, писала: «Этот факт окажет несомненное влияние не только на второй тур, но также и на будущее левых сил Франции» [45].

Поскольку кандидат Французской коммунистической партии не прошел на второй тур выборов, перед ФКП встала трудная задача определить свою тактику. Этому вопросу был посвящен пленум ЦК ФКП, который состоялся 2 июня 1969 г. С докладом выступил Вальдек Роше, который призвал избирателей, голосовавших в первом туре за Жака Дюкло, впервые в истории ФКП воздержаться от голосования, т. е. не голосовать ни за Помпиду, ни за Поэра. «Откажитесь от голосования за двух реакционных кандидатов»— таков был призыв ЦК ФКП [46]. Такую же позицию заняли Всеобщая конфедерация труда, Национальный союз студентов Франции и Объединенная социалистическая партия.

Совершенно иную позицию заняла социалистическая партия. Исполнительный комитет СФИО принял решение во втором туре президентских выборов поддержать кандидатуру Алена Поэра.

15 июня 1969 г. во втором туре президентских выборов из почти 29 млн. избирателей в голосовании приняло участие 19,8 млн. За Жоржа Помпиду было подано 57,58% против 42,41%, поданных за Алена Поэра [47]. Как показали результаты второго тура, те избиратели, которых компартия призвала воздержаться, последовали этому призыву. Общее число воздержавшихся во втором туре приняло совершенно невиданные для Франции размеры [48].

20 июня 1969 г. состоялась официальная церемония вступления Жоржа Помпиду на пост президента Французской республики.

Итак, девятнадцатый президент Франции приступил к выполнению своего мандата.

[45] «Les Echos», 1.VI 1969.

[46] «L'Humanité», 3.VI 1969.

[47] «L'Année politique 1969», p. 52.

[48] Почти 9 млн. избирателей (30,94%) воздержались от голосования.

ПЯТАЯ РЕСПУБЛИКА В 1970—1973 ГОДАХ

Деятельность нового президента Пятой республики началась в сложных условиях. Социально-политический кризис, который до основания потряс Францию в 1968—1969 гг., наложил глубокий отпечаток на все стороны общественной жизни, создал в стране новую обстановку. Этот кризис завершил целую эпоху в политическом развитии Франции. Как отмечал член Политбюро, секретарь ЦК ФКП Гастон Плиссонье, он был проявлением «глубоких тенденций, это — свидетельство того, что положение в стране требует изменений»[49].

22 июня 1969 г. Шабан-Дельмас сформировал правительство. Из кабинета ушли ряд близких сотрудников генерала де Голля, в частности Кув де Мюрвиль и Мальро. В то же время в состав правительства вошли видные центристы Плевен, Дюамель, Фонтанэ. Вместе с тем один из наиболее последовательных сторонников генерала де Голля, Мишель Дебре, занял пост государственного министра по вопросам обороны.

Самой неотложной проблемой, с которой столкнулось новое правительство, были экономические трудности. В 1969 г. экономика Франции развивалась противоречиво, с большими колебаниями, которые были связаны не только с сезонными или конъюнктурными факторами. С одной стороны, отмечался рост промышленного производства на 11,2%. Наиболее быстрые темпы роста промышленности наблюдались в первом полугодии. Однако к концу года, особенно в отраслях, производящих предметы потребления, они снизились. С другой стороны, росли цены, увеличивалась безработица, произошло нарушение внешнеторгового баланса. В течение мая — июня 1969 г. покрытие импорта экспортом упало до 80%[50]. Пассив торгового и платежного баланса увеличивался. Продолжалось бегство капитала за границу — в среднем по 1 млрд. франков в месяц. Французское правительство проводило непоследовательную политику: оно то устанавливало контроль над валютными операциями (май 1968 г.), то отменяло его (сентябрь 1968 г.). В конце ноября 1968 г. контроль этот был вновь введен. Однако эта мера не смогла полностью прекратить утечку капиталов. Всего с мая 1968 г. по июнь 1969 г. из Франции было переведено за границу более 25 млрд. франков. В июне 1969 г. золото-валютные запасы Франции составляли всего 6,8 млрд. франков[51].

В этих условиях президент Ж. Помпиду принял решение про-

[49] «В борьбе за интересы трудящихся Франции. 50 лет Французской коммунистической партии». М., 1971, стр. 26.

[50] «Le Monde», 15—16.VI 1969.

[51] *J. Kahn.* Pour comprendre les crises monétaires. Paris, 1969, p. 64, 81.

вести девальвацию франка. 8 августа 1969 г., в самый разгар летних отпусков, после чрезвычайного заседания совета министров было объявлено о решении девальвировать с 10 августа 1969 г. франк на 12,5% по отношению к доллару и на 11,1% по отношению к золоту. Одновременно было принято решение о блокировании цен на промышленные и продовольственные товары в течение одного месяца, т. е. до 15 сентября 1969 г. Согласно этому решению, предприятия и торговцы не имели права повышать цены на производимую или продаваемую продукцию. Уровень цен был установлен по состоянию на 8 августа 1969 г.

Девальвация 1969 г. была 2-й за период существования Пятой республики и 16-й с 1936 г. Если в 1928 г. франк содержал 58,95 мг золота, то в 1969 г.— всего 1,60 мг [52]. «Ни одна промышленно развитая страна не знала в течение этого периода столь быстрого обесценения своей валюты»,— отмечают авторы ежегодника «Анне политик» [53].

Мысль о неизбежности девальвации франка возникла у Ж. Помпиду сразу же после переговоров на улице Гренель в мае 1968 г. Однако девальвировать «тяжелый франк», крестным отцом которого был в 1958 г. де Голль, означало подрыв всей политической концепции генерала. Именно поэтому в ноябре 1968 г., несмотря на очевидную неизбежность девальвации, де Голль отказался пойти на это.

Решение о девальвации франка было вызвано целым рядом факторов. Наибольшее значение имели, конечно, факторы внутреннего развития Франции. Вместе с тем немалое значение имела и та фактическая война в области валютных отношений, которую развязали против франка США и Западная Германия в рамках общего кризиса валютно-финансовой системы капитализма.

Как известно, французские финансовые эксперты при генерале де Голле считали, что вся валютная система капитализма должна перейти с долларового на золотой стандарт. Эта позиция не устраивала правящие круги США, извлекавшие из особого положения доллара свои выгоды. Опираясь на финансовых магнатов Западной Германии и некоторых других стран, американские бизнесмены начали наступление на франк.

С приходом к власти Ж. Помпиду и правительства Шабан-Дельмаса валютно-финансовая политика Франции была изменена. Франция перешла на оборонительные позиции, согласившись на девальвацию франка. Принятое решение о девальвации франка отвечало интересам французских монополий. С конца 1969 г. и, особенно, в 1970 и частично в 1971 гг. девальвация франка обеспечи-

[52] «Le bilan social de l'année 1969». CGT. Paris, 1971, p. 16.
[53] «L'Année politique 1969», p. 114.

ла Франции значительные преимущества в области внешней торговли, что в свою очередь вызвало значительный рост промышленного производства в стране. Динамика этого развития видна из приводимых ниже данных[54]:

	1968 г.	1969 г.	1970 г.	1971 г.
Темп прироста промышленной продукции (%)	5	12,7	7	5,3
Индекс промышленного производства (1962 г. = 100)	134	151	160	168
Экспорт (в млн. франков)	62 813	77 592	99 641	113 970
Импорт (в млн. франков)	69 163	89 527	106 190	117 997
Доля Франции в экспорте капиталистического мира (%)	5,97	6,13	6,38	6,61

Однако за этими цифрами, свидетельствовавшими об относительном благополучии, скрывались такие неблагоприятные для трудящихся факты, как самая длинная рабочая неделя из всех западноевропейских стран, наличие значительной армии безработных (главным образом молодежи), численность которой колебалась на уровне 350—500 тыс. человек, а также трудности торговцев и ремесленников и массовое разорение мелких крестьянских хозяйств.

Французская компартия предвидела, что девальвация в конечном счете ударит по интересам трудящихся. В связи с решением правительства, принятым 8 августа 1969 г., Политбюро ФКП заявило, что эта мера представляет собой попытку преодолеть трудности, переложив всю их тяжесть на трудящихся. Компартия и Всеобщая конфедерация труда решительно опровергли утверждение, будто причиной трудностей явилось повышение заработной платы трудящихся после майско-июньских классовых боев 1968 г. Наоборот, повышение зарплаты способствовало значительному расширению спроса на предметы потребления на внутреннем рынке. Повышение покупательной способности, которого трудящиеся добились в мае — июне 1968 г., стимулировало небывалый рост производства французской промышленности, позволило ей развернуть работу на полную мощность. В ноябре 1968 г. прирост промышленной продукции составил, например, по сравнению с тем же периодом предыдущего года 11,7%[55].

[54] Составлено на основании приложения к журналу МЭМО «Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1969 г. и начало 1970 г.», стр. 115; обзор за 1971 г. и начало 1972 г., стр. 7, 14, 107, 110.

[55] «Le bilan social de l'année 1969», p. 10.

Решение правительства о девальвации франка сопровождалось выдвижением так называемого плана оздоровления и восстановления экономики, который был объявлен 3 сентября 1969 г. Жискар д'Эстеном и в котором был взят курс на восстановление «равновесия» в бюджете, в области производства и потребления и торгового баланса. Этих целей правительство рассчитывало достичь путем сокращения внутреннего потребления, более строгой налоговой политики, а также с помощью мер по стимулированию накопления и контроля над ценами. Глубинный смысл всех этих мероприятий правительства сводился к тому, чтобы под предлогом повышения конкурентоспособности французских товаров на внешних рынках и особенно внутри ЕЭС попытаться свести на нет майские завоевания трудящихся.

Девальвация франка и принятие «плана оздоровления», так же как провал переговоров между правительством и патронатом, с одной стороны, и представителями трудящихся — с другой, в марте 1969 г. по вопросам повышения зарплаты, вновь обострили социальную обстановку в стране. Широкие слои трудящихся как национализированного, так и частного сектора выступали с требованиями улучшения условий труда, сокращения рабочей недели, отмены налога на приращенную стоимость (косвенных налогов), снижение цен на сельскохозяйственные машины.

В этих условиях, боясь повторения событий мая — июня 1968 г. и стремясь уменьшить недовольство масс, французские правящие круги проводили гибкую линию, сочетавшую прямой нажим с уступками. 11 декабря 1969 г. Национальное собрание приняло закон, заменивший гарантированный минимум зарплаты установлением зависимости между ростом цен и зарплатой (при каждом росте цен на 2% должен происходить автоматический рост зарплаты) [56]. Ранее в развитие соглашений, достигнутых после майско-июньской забастовки 1968 г., был принят закон о расширении прав профсоюзов на предприятиях. 10 февраля 1969 г. между предпринимателями и профсоюзами было заключено межпрофессиональное соглашение в масштабах всей страны о гарантированной занятости, осуществление которого привело к некоторому сокращению безработицы [57].

Наряду с мерами в области экономики еще 7 ноября 1968 г. Национальное собрание приняло «закон об ориентации высшего образования», в котором предусматривалось некоторое улучшение организации университетов (относительная автономия в педагогической, административной и финансовой областях, участие студентов

[56] «Le Monde», 12.XII 1969.

[57] «Le bilan social de l'année 1968». Paris, 1969, p. 395—405.

в решении этих вопросов, упорядочение отношений университетов с вышестоящими органами и т. д.)[58].

Стремясь хотя бы как-то откликнуться на требования масс о проведении в стране глубоких реформ, премьер-министр Шабан-Дельмас выдвинул в конце 1969 г. лозунг создания во Франции «нового общества», которое, по его мысли, должно было превратить страну в современное общество, с «оздоровленной» политической жизнью, регулируемыми социальными отношениями и возросшей ролью государственности[59]. «Новое общество — это общество потребления не только материальных, но и духовных благ»,— заявил Шабан-Дельмас. Однако на практике речь шла о том, чтобы укрепить позиции господствующих в экономике групп с тем, чтобы они «могли выдержать конкуренцию, ставшую тем более жестокой, что капиталистический мир сокращается и соотношение сил в нем меняется»[60].

О том, что̀ должно на практике означать это «новое общество», можно составить вполне определенное представление из заявления Ж. Помпиду на пресс-конференции 10 июля 1969 г. Он указал, что важнейшей экономической задачей является «превращение Франции в подлинно промышленную страну, т. е. имеющую мощную и конкурентоспособную промышленность», располагающую значительным числом предприятий международного класса. Французской экономике, заявил он, необходимо придать «международный масштаб, т. е. прежде всего европейский масштаб», иначе придется «прозябать под защитой границ, таможенных сборов и, следовательно, чахнуть и хиреть...»[61].

В этой сложной и противоречивой обстановке в феврале 1970 г. собрался XIX съезд Французской коммунистической партии, сыгравший важную роль в развитии всей внутриполитической жизни страны. Этот съезд явился важным событием в жизни самой компартии, в развитии современного рабочего движения Франции. Обобщив опыт борьбы рабочего класса за свои права в период с 1967 по 1970 г., этот съезд стал наглядным свидетельством возросшей роли ФКП в жизни страны. Проходивший спустя немногим более полугода после международного Совещания коммунистических и рабочих партий съезд ФКП в свете решений этого совещания определил линию партии по целому ряду принципиальных вопросов, имеющих большое значение и для французских коммунистов, и для международного коммунистического движения.

На своем XIX съезде французские коммунисты выдвинули раз-

[58] «Le Monde», 17—18.XI 1968.

[59] «L'Entreprise», 6.XI 1969; «Paris-match». 28.II 1970.

[60] *L. Salini.* Le mythe «réformateur». Paris, 1973, p. 14.

[61] «L'Année politique 1969», p. 408.

вернутую программу борьбы за права трудящихся. Развивая идеи, заложенные в Манифесте 1968 г., принятом в Шампиньи, съезд отметил, что своеобразием и особенностью данного этапа борьбы рабочего класса за свои права во Франции является то, что он ведет борьбу не непосредственно за социализм, а первоначально за передовую демократию, которая является переходным этапом на пути к социализму.

Передовая демократия, указывалось на съезде, отвечает самым настоятельным потребностям трудящихся и нации. Она ограничивает господство крупного капитала над решающими рычагами экономики, ослабляет монополистическую буржуазию, способствует развитию борьбы трудящихся масс под руководством пролетариата. В конечном итоге передовая демократия направлена на достижение изменений в соотношении сил и создание благоприятных условий для борьбы за социалистическую революцию.

На XIX съезде ФКП понятие «передовая демократия» было конкретизировано и детализировано. Выступивший с отчетным докладом ЦК ФКП Жорж Марше отметил, что передовая демократия не ликвидирует эксплуатацию человека человеком. «Но она будет систематически уменьшать власть монополий и создаст условия для того, чтобы большинство французов высказалось за переход Франции к социализму»[62]. Ж. Марше подтвердил, что Французская коммунистическая партия исходит из необходимости осуществления перехода от «передовой демократии» к строительству социализма революционным путем в соответствии с общими закономерностями социализма и с учетом складывающихся конкретных условий во Франции[63]. Ж. Марше подчеркнул, что «социализм установит политическую власть рабочего класса и других трудовых слоев населения, т. е. диктатуру пролетариата». Обеспечив высшую форму демократии по сравнению с любой буржуазной демократией, социализм закрепит и расширит права и свободы, завоеванные в упорной классовой борьбе, которой отмечена история Франции[64].

Борьба за передовую демократию означает конкретные действия, поэтому ФКП выдвинула программу, состоящую из трех основных пунктов. Главный пункт — это национализация основных отраслей промышленности, банков и кредитной системы и передача всех этих предприятий в руки народа, что позволит трудящимся распоряжаться этими мощными финансовыми и техническими средствами для подъема экономики страны и использовать их в своих интересах, а также «обеспечит материальную базу независимости страны, застрахует экономику Франции от подчинения

[62] «Cahiers du communisme», 1970, N 2-3, p. 61.

[63] Ibidem.

[64] Ibidem.

иностранному капиталу и будет способствовать расширению сотрудничества Франции с другими странами»[65]. Во-вторых, необходимо, заявил съезд, создать демократическое правительство и провести глубокую демократизацию экономической, социальной и политической жизни страны. И, в-третьих, съезд еще раз подчеркнул, что французские коммунисты считают, что Франция должна проводить политику, твердо опирающуюся на национальную независимость[66].

XIX съезд ФКП отметил, что эта программа конкретных мер по преобразованию Франции может быть осуществлена на практике лишь в условиях достижения единых действий рабочего класса и других немонополистических слоев, а также если рабочий класс будет сплочен. «Действительно, только рабочий класс, поскольку он не эксплуатирует и не стремится эксплуатировать никакой другой класс, может осуществить союз между различными немонополистическими категориями трудящихся, отвечающий их общим интересам»[67]. Французская коммунистическая партия, заявил съезд, стремится к сотрудничеству со всеми организациями, «которые проявят готовность вести действенную борьбу против политики монополий, за интересы трудящихся, за демократию и мир, за социализм»[68].

Ориентировав французских коммунистов и рабочий класс Франции на борьбу за передовую демократию, ФКП заявила, что «в условиях государственно-монополистического капитализма всякое демократическое движение естественно и нормально переходит в социалистическое движение, всякое подлинно демократическое завоевание является в то же время шагом вперед в направлении социализма. Защита и расширение демократических завоеваний могут создать условия для мирного и демократического перехода к социализму»[69]. Это предусматривает активное использование многопартийной системы, которая является характерной особенностью политического развития Франции.

Обострение классовой борьбы породило определенные внутрипартийные трудности в ФКП. В этот период она столкнулась с оживлением праворевизионистских и левацких элементов в своих рядах. Наибольший резонанс в стране и за ее пределами вызвали неправильные взгляды, которые стал открыто проповедовать на рубеже 60—70-х годов бывший член Политбюро Французской компартии Роже Гароди. В своих многочисленных скороспелых

[65] «Cahiers du communisme», 1970, N 2-3, p. 63—64.
[66] Ibid., p. 61—67.
[67] Ibid., p. 68.
[68] Ibid, p. 76.
[69] «La marche de la France au socialisme». Paris, 1966, p. 52, 77.

«трудах» он подвергал ревизии основные положения материалистической диалектики и научного коммунизма, стремился обосновать «взаимообогащение» материализма и идеализма, науки и религии, в реформистском духе интерпретировал последствия научно-технической революции. Буржуазные круги Франции рассчитывали, что изданные большими тиражами книги Гароди, его выступления в прессе, по телевидению и радио, его многочисленные интервью, данные представителям антикоммунистической прессы, вызовут замешательство внутри ФКП.

Ничего подобного не случилось. XIX съезд ФКП завершил начатый еще ранее разгром антиленинской платформы Роже Гароди, который при большом стечении падких на сенсацию буржуазных журналистов, при свете юпитеров и блицев повторил в своей речи неправильные взгляды. В выступлениях члена Политбюро ФКП Ги Бесса, члена ЦК ФКП П. Жюкена, а также ряда представителей научной и творческой интеллигенции взгляды Гароди были подвергнуты аргументированной критике. Съезд осудил ревизионистскую позицию Р. Гароди и вывел его из состава Политбюро и ЦК ФКП, а в мае 1971 г., после того как он встал фактически на путь фракционной борьбы, Гароди был исключен из рядов ФКП[70].

После майско-июньских событий 1968 г. левый лагерь в целом оказался ослабленным. Федерация демократических и социалистических левых сил (ФДСЛС), в которую входили СФИО, радикалы и «Конвент республиканских учреждений» (блок левых клубов), вследствие близорукой антикоммунистической политики ее руководителей в мае 1968 г., а затем и поражения на парламентских выборах, проходивших в июне того же года, распалась.

Чрезвычайный съезд СФИО в декабре 1968 г. принял решение о роспуске партии и ее слиянии с другими организациями. Ушел в отставку Ги Молле, возглавлявший партию с 1945 г.

Не меньшие трудности возникли и для Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов. Состоявшийся в ноябре 1968 г. 65-й съезд этой старейшей политической партии Франции подтвердил отказ от участия в ФДСЛС. На нем споры шли лишь относительно степени возможного сотрудничества со вчерашними союзниками. Съезд продемонстрировал усиление правой ориентации партии. Было принято решение провести в начале 1969 г. съезд, посвященный «анализу политики партии и модернизации ее структуры и форм деятельности». В последующий период партия радикал-социалистов пережила глубокий кризис, усилившийся в связи с поражением центриста Поэра, которого радикалы поддержали на президентских выборах в июне 1969 г.

[70] Подробнее см.: *Х. Н. Момджян.* Марксизм и ренегат Гароди. М., 1973.

Таким образом, левые силы, добившиеся в 1965—1967 гг. определенных успехов, оказались к концу 1969 г. отброшенными назад. Нужно было практически заново приниматься за строительство народного единства. Эту роль взяла на себя, как это уже не раз бывало в новейшей истории Франции, компартия.

Французская компартия не отказалась от своей проверенной на практике линии сплочения левых сил, единства действий трудящихся. Успешно проведя кампанию по выборам президента и опираясь на более чем 4 млн. избирателей, отдавших свои голоса за Ж. Дюкло, она продолжила борьбу за единство. Выступив на пленуме ЦК ФКП в октябре 1969 г., Вальдек Роше заявил о твердом намерении добиваться установления контактов с социалистической партией. Вместе с тем он специально подчеркнул, что продвижение вперед по пути единства действий возможно лишь при условии, если «организации некоммунистических сил действительно извлекут уроки из того важного периода борьбы, который мы только что пережили» [71].

Тяжелые удары, перенесенные социалистической партией в июне 1968 г. и особенно после президентских выборов, антикоммунизм, стремление ряда руководителей к беспринципным союзам с центристской реакцией, ослабление влияния социалистов в пользу правых сил вызвали недовольство рядовых членов партии, что заставило ее лидеров изменить линию поведения. Уже на учредительном съезде в Исси-ле-Мулино 11—13 июля 1969 г. одержало верх течение, выступающее против установления связей с центристами и реакционерами, за союз левых сил и возобновление «диалога» с компартией. На съезде было решено, что единство левых сил должно составлять «естественную ось» стратегии социалистической партии и что она будет воздерживаться «от союзов с политическими силами, представляющими капитализм, в том числе от поисков каких-либо центристских комбинаций» [72]. Было принято решение об изменении наименования: отныне она стала называться Социалистическая партия Франции, значительно обновлено руководство: первым секретарем партии был избран Ален Савари, хотя большинство на этом этапе еще сохранилось за сторонниками Ги Молле. В этих условиях ФКП предприняла шаги по возобновлению контактов с социалистической партией. В ноябре — декабре 1969 г. состоялся ряд встреч делегаций ФКП и социалистической партии; в результате 18 декабря 1969 г. было опубликовано совместное заявление, что обе партии решили «начать переговоры об основных условиях политического соглашения, цель которого — заме-

[71] «L'Humanité», 15.X 1969.

[72] «L'Année politique 1969», p. 64.

нить нынешнюю систему новым режимом экономической и политической демократии и открыть пути перехода к социализму с тем, чтобы построить его сообща, учитывая традиции, характерные черты и чаяния народа» [73].

В самом начале января 1970 г. Политбюро ФКП предложило социалистической партии, Конвенту республиканских институтов, Объединенной социалистической партии и партии радикалов немедленно провести совместное заседание всех левых организаций с целью «создания условий для конкретной борьбы за социальный прогресс, демократию и социализм». Савари и поддерживавшие его силы социалистической партии откликнулись на этот призыв. Однако в партии существовало еще сильное течение, выступавшее против контактов с ФКП. На чрезвычайном съезде социалистической партии в Эпине-сюр-Сен (июнь 1970 г.) был принят важный программный документ «План социалистических действий». В документе подчеркивалось, что главная цель борьбы социалистов — это преобразование нынешнего общества в социалистическое, что социалисты намерены вести «классовую деятельность» и отвергают «всякое соглашение, которое привело бы к компромиссу с политическими силами, представляющими капитализм, независимо от того, относят ли они себя к правым или центристам».

Такая позиция социалистической партии имела большое значение. Дело в том, что к середине 1970 г. отчетливо проявилась тенденция к воссозданию в стране так называемой «третьей силы». Роль инициатора этого предприятия взял на себя Серван-Шрейбер, избранный в октябре 1969 г. генеральным секретарем партии радикалов. Генеральный директор парижского еженедельника «Экспресс», известный своей проатлантической ориентацией, автор наделавшей много шума книги «Американский вызов», опубликованной в 1967 г., Серван-Шрейбер взял курс на сотрудничество с «центром». Директор «Экспресса» активно поддерживал в 1965 г. планы создания «большой коалиции» с участием социалистов и центристов и кандидатуру центристов Алена Поэра на президентских выборах в июне 1969 г. Что касается других лидеров радикалов, то они надеялись, что Серван-Шрейбер даст партии «новое дыхание» и «вторую молодость».

Руководители радикалов попытались сформулировать политическую платформу, на основе которой можно было бы, по их мнению, возродить французский радикализм. В конце января 1970 г. председатель партии М. Фор и Серван-Шрейбер подготовили «Манифест радикалов», который был опубликован 28 января под заголовком «Небо и земля».

[73] «L'Humanité», 19.XII 1969.

Авторы манифеста изложили проект реформ в различных областях жизни страны с целью построения «нового общества будущего». Отдельные части манифеста перекликаются с идеями «Демократического центра», другие близки по духу к теории «нового общества» Шабан-Дельмаса. В то же время в манифест были включены и некоторые положения, отдававшие утопическим левачеством и авантюризмом, как, например, требование об отмене права наследования. После острой дискуссии манифест был принят чрезвычайным съездом партии радикалов, проходившим в Париже 14—15 февраля 1970 г.

Летом 1970 г. Серван-Шрейбер, считая, что идеологическая подготовка возрождения «третьей силы» завершена, перешел к активным действиям. Воспользовавшись проведением дополнительных парламентских выборов в Нанси, он выдвинул свою кандидатуру и добился победы. За него голосовали в первом туре (21 июня) 45% избирателей, а во втором (28 июня) — 55%. Из всех выступавших на выборах против Серван-Шрейбера партий только ФКП укрепила свои позиции.

Стремясь развить свой успех, Серван-Шрейбер попытался провести в сентябре того же года аналогичную операцию на дополнительных выборах в Бордо. Однако здесь он получил отпор как со стороны компартии, так и ЮДР. Уже в первом туре был избран премьер-министр Шабан-Дельмас[74]. На некоторое время активность центристов была блокирована.

9 ноября 1970 г. неожиданно умер генерал де Голль, деятель, который на протяжении 30 лет придавал политической жизни Франции определенную окраску.

В предшествующие дни де Голль вел обычную, размеренную жизнь, распорядок которой был установлен после его ухода в апреле 1969 г. с поста президента республики. Около 7 часов вечера де Голль почувствовал себя плохо и через 30 минут скончался. Врачи поставили диагноз: разрыв аорты.

На следующий день президент республики Ж. Помпиду выступил по радио и телевидению с сообщением о смерти де Голля, который, как он сказал, «в 1940 г. спас нашу честь, в 1944 г. привел нас к освобождению и победе...».

Все политические партии Франции и политические деятели мира откликнулись на эту кончину. Французская коммунистическая партия в специальном заявлении отметила, что генерал де Голль «играл большую роль в жизни страны и на международной арене, поэтому его кончина не может оставить безразличным ни одного француза». В заявлении ФКП специально подчеркивалось, что в

[74] «L'Année politique 1970». Paris, 1971, p. 63.

1940 г., когда основная часть буржуазии вступила в сотрудничество с гитлеровскими оккупантами, генерал де Голль принял решение не прекращать борьбу против врага. ФКП подчеркнула, что она боролась против тех взглядов де Голля, которые она считала несовместимыми со своими взглядами. Однако «остается фактом, что в решающий период войны и освобождения компартия и де Голль были вместе, на стороне Франции»[75].

Руководители Советского Союза направили президенту Франции Помпиду соболезнование. Они отметили «большой вклад, который внес генерал де Голль в дело развития отношений, дружбы и сотрудничества между СССР и Францией».

В соответствии с завещанием, похороны де Голля состоялись 12 ноября — этот день был объявлен во Франции днем национального траура — в скромной обстановке на маленьком сельском кладбище в Коломбе-ле-дез-Эглиз. Как и просил де Голль, похороны были «без речей и без фанфар». В этой церемонии не принимали участия официальные представители властей и иностранных государств. На кладбище по желанию генерала в похоронах официально была представлена только армия. Небольшое подразделение трех родов войск отдало покойному последние воинские почести.

Смерть де Голля, уже более полутора лет находившегося не у дел, казалось бы, не должна была оказать большого влияния на политическую жизнь Франции. После своей отставки де Голль вел уединенный образ жизни в своем имении Коломбе-ле-дез-Эглиз. За полтора года, прошедших между его отставкой и смертью, он совершил лишь две частные поездки за границу — в Исландию в период избирательной кампании по выборам президента в 1969 г. и позже — в Испанию. Генерал де Голль мало принимал посетителей, много работал над своими «Мемуарами надежды», первый том которых вышел из печати буквально накануне его смерти.

Однако со смертью де Голля в истории Франции закончилась определенная глава. Если для людей, стоявших в оппозиции к нему, его смерть после его отставки мало что изменила, то для его сторонников, для голлистов, всего правящего большинства она явилась серьезным ударом.

В декабре 1970 г. после более чем 8-месячных переговоров завершился первый этап дискуссии между ФКП и социалистами. Был опубликован совместный документ ФКП и социалистической партии, подводивший итоги переговорам между обеими партиями. В этом документе сформулированы сходные позиции обеих партий по целому ряду важнейших проблем, а также зафиксированы разногласия. Так, ФКП и социалистическая партия не смогли

[75] «L'Humanité», 11.XI 1970.

прийти к соглашению по вопросу об отношении к НАТО, европейской интеграции, о политических формах перехода к социализму. Социалисты отказались согласиться с классовым определением «социалистической власти как власти рабочего класса и других слоев трудового народа».

Вместе с тем определенные сдвиги во взаимоотношениях ФКП с социалистической партией были налицо. Принципиальное значение имел тот факт, что социалисты согласились с формулировкой, согласно которой «социалистическое преобразование не может быть естественным продуктом и совокупностью реформ, исправляющих последствия капитализма. Задача двух партий заключается не в том, чтобы подправить эту систему, а в том, чтобы заменить ее другой системой. Эта замена представляет собой революционную перемену»[76].

Но в целом единство левых сил развивалось медленно, с большими зигзагами и отступлениями. 8-месячные дискуссии показали, что руководство социалистической партии стремится рассматривать контакты с ФКП лишь как средство для достижения соглашения предвыборного типа, без каких-либо политических обязательств долгосрочного характера. Потребовалась упорная борьба ФКП за массы, прежде чем были достигнуты существенные успехи в деле единства левых сил.

Главными этапами этой борьбы, развернувшейся во Франции в 1971—1972 гг., явились муниципальные выборы в марте 1971 г. и референдум по вопросу о расширении «Общего рынка» в апреле 1972 г., а также широкие совместные действия двух крупнейших профсоюзных центров Франции — ВКТ и ФДКТ в масштабе всей страны, районов, отраслей промышленности и отдельных предприятий. В конце 1970 — начале 1971 г. не проходило почти ни одной недели без забастовок, митингов, демонстраций. Очень часто к этим двум профцентрам присоединялись профсоюзы «Форс увриер» и федерации работников просвещения.

Муниципальные выборы, проходившие 14 и 21 марта 1971 г., наглядно показали как непоследовательность социалистической партии, так и выгодность союза народных сил для всех левых партий. В ходе подготовки этих выборов руководство социалистической партии и ее отдельные федерации маневрировали, пытались в ряде мест создать блок с центристами. Однако доминирующей тенденцией было стремление к союзу левых сил. Под давлением народных масс социалисты пошли на выдвижение объединенных списков с компартией в 110 городах с населением свыше 30 тыс. человек из 192, имеющихся во Франции, не считая Парижа. Однако в 35 городах, где посты мэров уже занимали социалисты, мест-

[76] «L Humanité», 18.XII 1970.

ные организации социалистической партии отказались от единых с ФКП списков.

Результаты голосования как в первом, так и во втором туре свидетельствовали в целом о некотором продвижении вперед левых сил, за которые было подано 43% голосов всех участвовавших в выборах избирателей. За представителей правящего большинства проголосовало 50,5%. Оппозиция получила большинство голосов в 119 городах с населением свыше 30 тыс. жителей вместо 114 на прошлых выборах. В том числе ФКП завоевала мэрии таких крупных городов Франции, как Гавр, Ним, Кале, Амьен, Арль и некоторые другие.

Таким образом, муниципальные выборы, всегда вносившие раскол в левый лагерь, на этот раз знаменовали собой определенный шаг по пути его сплочения. Немалое значение имели и совместные выступления профсоюзов. Оценивая в этот период социальный климат во Франции, директор католического еженедельника «Темуаньяж кретьен» Ж. Монтарон писал: «Никогда столько не говорили о единстве действий. Никогда эти два профцентра (ВКТ и ФДКТ.— *Авт.*) не организовывали столько совместных действий. Утвердив свою самобытность, они в то же время стараются идти рука об руку. И это новое в истории рабочего класса»[77].

В этой обстановке 11—13 июня 1971 г. в г. Эпинэ-сюр-Сен (под Парижем) собрался объединительный съезд социалистической партии. Перед съездом, еще в декабре 1970 г., была создана инициативная комиссия — так называемая Национальная делегация,— в которую вошли представители социалистической партии и других организаций. Эта комиссия обратилась с призывом ко всем, кто выступает за социализм, принять участие в подготовке объединительного съезда.

На съезде в Эпинэ-сюр-Сен присутствовало 800 делегатов-социалистов, 97 членов Конвента республиканских институтов и 60 «неорганизованных». Съезд провозгласил создание новой социалистической партии, объединившей в своих рядах членов этих организаций и некоторых других левых. Впервые за последние четверть века в зале находился наблюдатель от ВКТ.

В центре внимания съезда была проблема отношений между коммунистической и социалистическими партиями. Призыв к единству левых сил прозвучал в выступлениях подавляющего большинства ораторов, принявших участие в дискуссии об общем направлении политики новой партии. К этому единству и к заключению политического соглашения с компартией призывали делегатов и рабочие-автомобилестроители заводов «Рено», направившие на

[77] «Témoignage chrétien», 26.V 1971.

съезд своих представителей. В результате на съезде создалась такая атмосфера, в которой противники сотрудничества с коммунистами, ратовавшие за союз с буржуазным «центром», не решились даже представить собственный проект резолюции. Ни один из главных ораторов открыто не выступил против контактов с компартией.

В итоге борьба развернулась между двумя проектами, хотя оба они не оспаривали необходимости продолжения диалога с ФКП, а лишь определяли по-разному сроки и в известной мере содержание этого диалога. В ответ на предложение Алена Савари и Ги Молле немедленно возобновить диалог с коммунистами лидер Конвента Ф. Миттеран выдвинул собственный почти идентичный проект основной политической резолюции. Вместе с тем он оговорил условия переговоров с коммунистами, выступив за создание «широко представительной» социалистической партии, готовой «отвоевать у ФКП потерянное», вести переговоры с компартией «с позиции силы». Два видных деятеля социалистической партии, Гастон Деффер и Пьер Моруа, известные в тот период как сторонники создания «третьей силы», присоединились к Миттерану. При этом не последнюю роль сыграли и их намерения нанести поражение «слишком радикально настроенным» Савари и Молле.

Проект Франсуа Миттерана, который был одобрен 43 926 мандатами против 41 757 (поданных за проект Савари), делал упор на обсуждении с ФКП «конкретных проблем политики правительства, берущего на себя миссию начать социалистическое преобразование общества», однако откладывал начало дискуссии с ней на 1972 год.

Финал съезда оказался неожиданным даже для видавших виды французских политических наблюдателей: первым секретарем социалистической партии был избран Франсуа Миттеран, еще накануне съезда даже не состоявший в ее рядах. В секретариат партии не вошел ни один сторонник Савари и Ги Молле. Вместе с тем, как подчеркивалось в заявлении Политбюро ФКП о перспективах единства левых сил во Франции в свете итогов съезда социалистов, положительное значение имел «тот факт, что широкое большинство делегатов съезда высказалось в пользу борьбы за демократию и социализм, против какого бы то ни было компромисса с силами, представляющими капитализм. Это шаг вперед в деле достижения единства левых сил». Однако в заявлении констатировались и отрицательные стороны съезда. Прежде всего то, что принятая съездом резолюция не отражала четкого стремления к единству: съезд отложил обсуждение вопроса о составлении подлинно совместной программы борьбы и управления страной на 1972 г. и обошел молчанием достигнутые результаты и необходимость дальнейших совместных выступлений.

Съезд социалистической партии открыл период большой передвижки политических сил во Франции. В декабре 1971 г. правое крыло радикалов во главе с Ж. Ж. Серван-Шрейбером объединилось с возглавляемым Ж. Леканюэ Демократическим центром в так называемое движение реформаторов, к которому примкнули отколовшаяся от социалистической партии социал-демократическая партия во главе с мэром г. Мюлуза Э. Мюллером и Республиканский центр. Эти партийно-политические перемены были связаны с социально-экономическими явлениями.

Еще 10 июня 1971 г. в «Юманите» была опубликована статья заместителя Генерального секретаря ФКП Жоржа Марше «Французское общество охвачено кризисом», в которой был выдвинут тезис, что Франция, несмотря на кажущееся благополучие в области развития экономики (в 1971 г. промышленное производство в стране росло более высокими темпами, чем в других странах Западной Европы), переживает глубокий кризис государственно-монополистического капитализма в социально-экономической, политической и моральной областях и что нынешний режим не способен разрешить стоящие перед страной проблемы. «В самом деле,— писал Ж. Марше,— истина заключается в том, что во всех областях политика, проводимая властью, сталкивается с проблемами, которые она все меньше и меньше способна решить. По крайней мере, не способна решить в интересах огромного большинства народа. Эти проблемы могут быть решены лишь в условиях социализма, к которому Франция придет через переходный этап передовой демократии».

Эта статья вызвала глубокий резонанс во Франции. Она послужила прологом к принятой на пленуме ЦК ФКП в октябре 1971 г. «Программе демократического правительства народного единства», в которой были конкретизированы общие положения манифеста Шампиньи и тезисов XIX съезда. В этой программе, носящей общедемократический, антимонополистический характер, предлагалось проведение целого комплекса политических, экономических и социальных преобразований, рассчитанных по существу на подрыв господства монополий.

Выдвижение компартией впервые в ее истории конкретной программы, которую она обязывалась проводить в жизнь в случае создания в стране демократического правительства, прежде всего имело большое значение для агитационно-пропагандистской работы ФКП в массах, для оказания давления на своих возможных союзников и разоблачения политики реакционных сил. ФКП развернула широкую кампанию по популяризации своей программы.

Она была выпущена тиражом свыше 1 млн. экземпляров, а в кратком изложении — свыше 10 млн. экземпляров. По всей стране

были организованы митинги, собрания-дебаты с участием руководящих деятелей партии, в ходе которых разъяснялись основные положения этой программы. Партии удалось знчительно укрепить свои связи с массами, вынудить правящие круги занять оборонительные позиции.

Выдвижение компартией этого документа имело большое значение для ее отношений с левыми силами. В ходе борьбы за единство действий ФКП не настаивала на том, чтобы ее проект правительственной программы был принят безоговорочно социалистической партией. «Мы готовы обсудить ее,— заявил Ж. Марше,— в любой момент с социалистической партией, а также с другими демократическими партиями с целью достижения прочного политического соглашения, подлинной общей программы управления» [78].

Активность ФКП в разработке проблем переустройства французского общества поставила социалистическую партию в сложное положение, поскольку у нее не оказалось стройной и единой концепции по этому вопросу. Только в марте 1972 г. руководство социалистической партии смогло предложить свой проект правительственной программы «Изменить жизнь» [79].

Принятый с некоторыми поправками этот проект свидетельствовал о дальнейших положительных сдвигах в позициях социалистической партии по ряду важных внутриполитических и международных вопросов. Так, она впервые с достаточной определенностью высказалась за ликвидацию крупной капиталистической собственности путем проведения национализации, за ряд серьезных реформ, отвечающих интересам трудящихся. Она обязывалась участвовать в правительстве, опирающемся только на левое большинство, отказавшись тем самым от проводившейся ею в первые послевоенные годы политики «третьей силы». В некоторых международных вопросах (европейская безопасность, признание ГДР и т. д.) социалисты также заняли правильные позиции. Вместе с тем по ряду важных проблем они придерживались прежних взглядов, в том числе на НАТО и так называемую западноевропейскую интеграцию.

Таким образом, к весне 1972 г. две важнейшие политические партии Франции, ведущие за собой значительные слои трудящихся, выработали свои политические программы, которые имели много общего. Становилось все более ясно, что в обстановке нараставшего стремления широких народных масс к союзу левых сил, ос-

[78] Цит. по: *Ж. Дюкло*. Кто же они, коммунисты? М., 1973, стр. 124.

[79] «Changer la vie». Programme de gouvernement du Parti socialiste. Paris, 1972. Программа ФКП озаглавлена «Changer de cap». Programme pour un gouvernement démocratique d'union populaire. Paris, 1971.

новные разногласия между ФКП и социалистической партией могут быть преодолены.

Перед угрозой достижения соглашения между ФКП и социалистической партией правящие круги предприняли попытку помешать или по крайней мере отсрочить достижение единства левых сил. Основная ставка была сделана на то, чтобы вбить клин между коммунистами и социалистами, используя их различный подход к некоторым международным вопросам, прежде всего к «Общему рынку». Стремясь заставить ФКП перейти в оборону, правящие круги решили провести референдум. При этом они рассчитывали, как это делал генерал де Голль, получив поддержку широких масс по второстепенному вопросу, укрепить тем самым свои позиции внутри страны.

16 марта 1972 г. президент республики сообщил на пресс-конференции о своем намерении провести референдум по вопросу о расширении «Общего рынка». В начале апреля был опубликован специальный декрет правительства. Французам было предложено ответить «да» или «нет» на вопрос о том, одобряют ли они, «исходя из новых перспектив, открывающихся перед Европой, законопроект, предложенный французскому народу президентом Республики, который разрешает ратифицировать договор о присоединении Великобритании, Дании, Ирландии и Норвегии к Европейским сообществам?»

Французская компартия сразу же после объявления о предстоящем референдуме обратилась к социалистической партии с предложением провести переговоры с целью согласования позиций обеих партий. Такие переговоры проходили с 16 по 23 марта 1972 г. Однако социалисты не согласились с предложением коммунистов дать отрицательный ответ на поставленный на референдуме вопрос и призвали избирателей воздержаться от голосования[80]. Сходную позицию заняли и радикал-социалисты во главе с Морисом Фором, которые предложили избирателям либо опускать недействительные бюллетени, либо вообще не участвовать в голосовании.

В этой обстановке ФКП призвала голосовать против расширения «Общего рынка», разъяснила трудящимся, что позиция, которую призывает занять социалистическая партия, обрекает массы на пассивное ожидание. В период подготовки к референдуму компартия провела более 10 тыс. ассамблей-дебатов, в том числе в 500 крупнейших городах Франции. Она умело использовала в своей массовой работе признание даже в руководящих кругах ЕЭС реальной возможности снижения жизненного уровня вследствие расширения «Общего рынка».

[80] «L'Humanité», 28.III 1972.

Состоявшийся 23 апреля 1972 г. референдум принес следующие результаты[81]:

Число избирателей	— 29 852 768	
Голосовало	— 17 967 221	(60,48%)
Воздержалось	— 11 855 547	(39,52%)
Недействительные бюллетени	— 2 081 076	(6,7%)
Ответили «да»	— 10 854 044	
Ответили «нет»	— 5 032 101	

Хотя большинство голосовавших ответило «да», исход референдума не оправдал расчетов правящих кругов, так как лишь немногим более 10,8 млн., т. е. 36,1% всех избирателей, голосовали за правительство. Эти результаты обескуражили социалистов и укрепили позиции коммунистической партии. В поддержку линии ФКП высказалось более 5 млн. человек.

Большое впечатление на социалистов и все общественное мнение Франции произвела организованная ВКТ 7 июня 1972 г. всеобщая многомиллионная забастовка, которая, по оценке руководителей этого профцентра, явилась наиболее серьезным выступлением, которое знала страна после мая 1968 г. Бастующие требовали повышения минимума зарплаты до 1 тыс. франков в месяц и снижения пенсионного возраста[82]. Во многих городах состоялись демонстрации трудящихся. Так, например, в Париже на улицы вышло 250 тыс. человек.

Все это вынудило социалистов форсировать переговоры с компартией о совместной правительственной программе. Буквально на следующий день после референдума возобновились заседания рабочих групп обеих партий, которым было поручено выработать общую платформу. Эти дискуссии завершились в ночь с 26 на 27 июня 1972 г. принятием документа — совместной правительственной программы левых сил,— поддержанного затем и левыми радикалами. Принятие впервые в истории французского рабочего движения совместной правительственной программы левых сил явилось важным событием во внутриполитической жизни страны.

В основу совместной программы, особенно в разделе, касающемся социально-экономических требований трудящихся, была положена правительственная программа ФКП. Соглашение по вопросу о ближайших требованиях трудящихся (зарплата, социальное обеспечение, жилищное строительство и т. д.) было достигнуто быстро. Однако по ряду принципиальных вопросов между комму-

[81] «Le Monde», 25.IV 1972.
[82] «L'Humanité», 8.VI 1972.

нистами и социалистами выявились значительные расхождения. Они касались уровня национализации промышленности: представители социалистической партии стремились максимально сократить перечень отраслей промышленности, подлежащих национализации, и высказывались за частичную национализацию, в первую очередь финансовых учреждений. Представители компартии, со своей стороны, настаивали на расширении круга национализируемых монополий, логично указывая, что для осуществления программы повышения жизненного уровня трудящихся будущему правительству левых сил необходимо располагать значительными материальными средствами, которые могут быть получены только от национализированных предприятий. В конечном итоге социалисты были вынуждены пойти на уступки. ФКП пошла навстречу в вопросе о темпах проведения национализации.

Серьезные разногласия выявились и при обсуждении вопроса об управлении будущими национализированными предприятиями. Практически по этому вопросу соглашения достигнуть на том этапе не удалось.

Третий вопрос, по которому возникли серьезные расхождения, касался обязательств будущего правительственного большинства на период работы Национального собрания. Опыт развития политической борьбы во Франции в период Народного фронта и после освобождения страны от оккупации свидетельствовал, что представители социалистов, выступавшие на выборах вместе с компартией, впоследствии в ходе «свободной парламентской игры» отказывались от союза с коммунистами и переходили в лагерь реакции. Поэтому в совместной программе предусматривается, что в случае победы левых сил на парламентских выборах коммунисты и социалисты останутся в едином блоке в течение всего срока действия вновь избранного парламента. В случае возникновения расхождений между ними они будут решаться путем проведения новых парламентских выборов.

Вместе с тем в разделах, посвященных политическим институтам страны, устройству ее государственных органов, ФКП пошла на известные уступки, согласившись с тем, чтобы принятая в 1958 г. конституция была сохранена, а были отменены лишь статьи, ограничивающие роль парламента и предоставляющие непомерно большие права президенту.

Определенная дискуссия возникла и в связи с обсуждением внешнеполитических разделов совместной программы, предусматривающих проведение политики мира, разрядки напряженности, мирного сосуществования, всеобщего разоружения, ликвидации военных блоков. Социалисты настаивали на том, чтобы в этом документе не выдвигалось требование об отказе Франции от Североатлантического договора и выходе из «Общего рынка». Эти

возражения были приняты в связи с тем, что компартия еще на своих предыдущих съездах заявила, что вопрос о выходе из Североатлантического договора и об отношении к «Общему рынку» не может явиться препятствием для достижения соглашений с социалистами. В программе предусматривается сохранение участия Франции в «Общем рынке».

Таким образом, совместная программа явилась компромиссом. Но, несмотря на это, подписание программы было положительным фактом, означало существенный сдвиг в расстановке политических сил в стране, создавая более благоприятные предпосылки для единства действий левых сил, для создания широкого народного союза и формирования единого антимонополистического фронта. Как говорил на XX съезде ФКП Генеральный секретарь компартии Жорж Марше, «принятие левыми совместной правительственной программы открыло новую фазу в борьбе за решающие политические изменения в нашей стране»[83].

Первым испытанием совместной программы левых сил на прочность стали парламентские выборы в марте 1973 г. На этих выборах фактически все партии сгруппировались в два-три крупных политических лагеря: с одной стороны, левые силы, с другой — правительственное большинство, а между ними центристы.

Характерной особенностью этой избирательной кампании явился динамизм и наступательный дух левых сил. И социалисты, и левые радикалы, и особенно коммунисты развернули значительную работу по пропаганде в массах положений совместной программы. В ряде случаев эта работа велась параллельно, иногда совместно. Был создан комитет по связям, в который вошли представители ФКП, социалистов и левых радикалов. Что касается избирательной тактики, то, как и в 1967 г., левые партии договорились о выдвижении в первом туре своих кандидатов раздельно, а во втором туре в случае перебаллотировки они согласились снимать своих кандидатов в пользу того левого кандидата, который имел бы наибольшие шансы быть избранным.

Французская компартия развернула особенно большую работу по мобилизации масс во время избирательной кампании. Этому способствовал и состоявшийся 13—17 декабря 1972 г. XX съезд ФКП. Развивая идеи принятых ранее партийных документов, съезд дал детальную характеристику совместной правительственной программы, показал, что ее осуществление невозможно без развертывания движения народных масс. Впервые с 1920 г. на съезде ФКП выступил с приветствием национальный секретарь социалистической партии К. Эстье, а также представитель руководства левых

[83] XX Congrès PCF.— «Cahiers du communisme», janvier/février, 1973, p. 60.

радикалов. В резолюции съезда подчеркивалось, что претворение в жизнь совместной программы на основе народного союза позволит осуществить в стране демократические и антимонополистические преобразования в качестве «переходного этапа на пути к социализму». Съезд принял специальный «Призыв к французскому народу», в котором подчеркнул, что «чем больше ФКП получит голосов на предстоящих парламентских выборах, чем больше она будет иметь депутатов, тем прочнее будет союз, способный провести в жизнь совместную программу»[84].

Впервые за многие годы руководство ФКП в связи с достигнутым союзом левых сил открыто заявило, что при благоприятном исходе парламентских выборов компартия готова со всей ответственностью принять участие в управлении страной, в том числе путем участия в правительстве.

Определенные изменения произошли и в лагере правительственного большинства. Развернувшаяся политическая борьба, особенно в преддверье парламентских выборов, потребовала от правящих кругов принятия ряда мер с целью укрепления своих позиций. ЮДР уже в течение 15 лет бессменно находился у власти. Столь длительное пребывание у кормила правления довольно редко встречается в истории Франции. К тому же впервые за многие годы ЮДР выступал на выборах без генерала де Голля.

В июле 1972 г. была проведена смена правительства: вместо Шабан-Дельмаса премьер-министром был назначен П. Месмер. В связи с несколькими финансовыми скандалами, в которых был замешан ряд депутатов ЮДР, в рядах партии была проведена определенная чистка и сменен генеральный секретарь. Чтобы снизить напряженность на социальном фронте, правительство провело ряд мероприятий по борьбе с инфляцией. В частности, с 1 января 1973 г. временно были снижены ставки косвенных налогов (так называемый налог на приращенную стоимость).

В начале января 1973 г. на заседании Национального комитета в Провене ЮДР выдвинул широковещательную программу различных реформ. В области внутренней политики эта партия обещала обеспечить дальнейшее развитие экономики Франции, улучшить материальное положение трудящихся, в том числе наиболее низкооплачиваемых категорий, предоставить равные права женщинам, развернуть строительство жилья, снизить пенсионный возраст, а в области внешней политики — продолжать курс, намеченный генералом де Голлем[85]. Стремясь противопоставить совместной программе левых сил свою идеологическую концепцию, ЮДР

[84] Ibid., p 458.
[85] «La Nation», 8.I 1973; «Le Monde», 9.I 1973.

приступил к разработке «Хартии деголлевских движений», которая была опубликована сразу же после выборов [86].

Одновременно руководители ЮДР предприняли ряд шагов по укреплению единства правительственного большинства, куда с 1969 г. входили кроме ЮДР Национальная федерация независимых республиканцев и Центр «демократия и прогресс». Отношения между этими партиями перед выборами приобрели несколько натянутый характер. Дело в том, что ЮДР связан с теми деловыми кругами, которые за годы правления де Голля укрепили свои позиции внутри страны и на мировом рынке и в той или иной мере выступают за проведение Францией независимого курса. Что же касается «независимых республиканцев», то они отражают интересы тех кругов, которые добиваются более тесных связей с международными, включая американские, монополиями.

В этих условиях руководящий орган ЮДР выступил в ноябре 1972 г. за единство правительственного большинства, «против бесполезной и вредной ажитации» [87]. Но даже после этого призыва разногласия не были полностью устранены. Затяжной характер приобрела дискуссия в комитете по согласованию кандидатур правящего большинства. Только 12 декабря 1972 г. удалось договориться об избирательной тактике: было решено уже в первом туре выдвинуть единого кандидата от партий правительственного большинства, принявших название Союз республиканцев за прогресс и поддержку президента Республики [88].

В связи с парламентскими выборами вновь попытались активизироваться реформаторы, еще в конце 1971 г. договорившиеся о выступлении единым фронтом на парламентских выборах.

4 и 11 марта более 30 млн. французов должны были прийти на избирательные участки. По официальным данным, в голосовании приняло участие более 24,8 млн. избирателей (80,8% всех зарегистрированных в первом туре и 81,8 — во втором). Воздержалось от голосования 5,8 млн. избирателей — около 19%. Только в 1946 г. на парламентских выборах и в 1958 г. во время референдума число воздержавшихся было меньшим, чем в 1973 г. [89] Активность избирателей свидетельствовала об их большом интересе к выборам, о степени накаленности внутриполитической обстановки.

[86] «La Nation», 13, 14, 15.V 1973.

[87] «La Nation», 22.XI 1972.

[88] «Le Monde», 21.II 1973.

[89] «Les forces politiques et les élections de mars 1973» (Un dossier du «Monde»). Paris, mars 1973, p. 35; «Le Monde», 13.III 1973.

Итоги первого тура выборов были следующими[90]:

	число голосов	%
ФКП	5 156 619	21,25
Социалистическая партия и движение левых радикалов	4 939 603	20,36
в том числе: социалисты	4 579 888	18,90
левые радикалы	359 715	1,50
Объединенная социалистическая партия и крайние левые	810 645	3,30
Различные левые	314 604	1,30
«Реформаторы»	3 015 472	12,43
Союз республиканцев за прогресс и поддержку президента	8 364 904	34,50
в том числе: ЮДР	5 788 796	23,90
«независимые республиканцы»	1 674 972	6,90
Центр «демократия и прогресс»	901 136	3,70
Другие правые (поддерживающие правительственное большинство)	972 623	4,00
Различные правые	684 580	2,82

Как показывают приведенные данные, выборы ознаменовались крупным сдвигом французских избирателей влево. Французская компартия сохранила положение первой партии среди левых сил. Крупный успех выпал и на долю социалистической партии, которая на выборах 1968 г. и особенно на президентских выборах 1969 г. потерпела серьезное поражение. Сохранив свою традиционную базу в некоторых районах, она завоевала значительное число новых голосов в департаментах с большими городами и добилась очень заметных успехов в районах, где много верующих католиков. Как писала газета «Темуаньяж кретьен», социалистическая партия продвинулась вперед в консервативно-католических районах на востоке и западе Франции[91]. Она приблизилась к наивысшему уровню голосов из полученных ею в послевоенный период.

Состоявшийся 11 марта 1973 г. второй тур голосования подтвердил общую тенденцию, проявившуюся 4 марта.

Итоги избирательной кампании целесообразно рассматривать в сравнении не только с выборами, которые состоялись в 1968 г., сразу же после майско-июньского кризиса, когда де Голль сумел

[90] «Les forces politique et les élections de mars 1973», p. 37. Результаты приводятся по первому туру, дающему реальное представление о соотношении сил отдельных партий.

[91] «Témoignage chrétien», 8.III 1973.

добиться резкого поворота избирателей вправо, впервые обеспечив ЮДР абсолютное большинство голосов, но и с выборами 1967 г., проходившими в более нормальной обстановке. В результате депутатские мандаты в Национальном собрании распределились следующим образом [92]:

	1973 г.	1968 г.	1967 г.
ФКП	73	34	73
Французская социалистическая партия	89	57*	118*
Левые радикалы	11		
Крайне левые	3	1	5
Различные левые, не присоединившиеся к совместной программе	3		
«Реформаторы»	31		
Центр «демократия и прогресс»	23	29	39
ЮДР	184	293	244
«Независимые республиканцы»	54	61	
Другие правые, поддерживающие правительственное большинство	15		
Различные правые	3	12	6

* Федерация демократических и социалистических левых сил (ФДСЛС).

Значительно выросло представительство левых сил в Национальном собрании. ФКП, например, увеличила число своих депутатских мандатов более чем вдвое. Социалистическая партия и левые радикалы превзошли уровень 1968 г.

Таким образом, левые силы, выступая на основе совместной правительственной программы, получили около 11 млн. голосов, или 45% всех избирателей, принявших участие в голосовании. Оценивая на пленуме ЦК ФКП 28—29 марта 1973 г. итоги выборов, Генеральный секретарь компартии Жорж Марше говорил, что «правые силы, как показали результаты голосования, стали значительно слабее, а левые силы — сильнее» [93]. Но значение выборов не ограничивается только этим. Впервые французские избиратели, продолжал Жорж Марше, «высказали свое отношение к такой передовой правительственной программе, которая намечает столь глубокие экономические, политические и социальные преобразования». Все это свидетельствует о высокой степени радикализации широких народных масс во Франции.

[92] Составлено на основании «Les forces politiques et les élections de mars 1973», p. 48.

[93] «L'Humanité», 30.III 1973.

Что касается правительственного большинства, то оно, понеся значительные потери, тем не менее сохранило свои доминирующие позиции в парламенте. Из 490 депутатов Национального собрания в правительственное большинство входят 262 и полтора десятка избранных вне партийных списков. Однако правительственная коалиция потеряла по сравнению с 1968 г. более 100 мандатов, причем значительные потери понес ЮДР, лишившись абсолютного большинства, которым он располагал после парламентских выборов 1968 г.

Серьезный урон потерпел входящий в правительственное большинство Центр «демократия и прогресс», который смог провести в Национальное собрание только 23 депутата. Для того чтобы он смог получить право на создание самостоятельной парламентской фракции, к нему присоединилось несколько депутатов, не примыкавших ни к одной парламентской группе, и кое-кто даже из партии ЮДР, которые были специально «делегированы» своей партией для спасения союзников. Нельзя не отметить также провала «реформаторов». Французские избиратели отвергли курс, который они им предложили. Дело дошло до того, что «реформаторы» с трудом провели в парламент 31 депутата и получили таким образом право на создание своей собственной парламентской группы.

5 апреля 1973 г. П. Месмер сформировал второй кабинет. В него вошли представители трех политических группировок, участвовавших в прежнем правительственном большинстве: «Союза демократов за республику» (ЮДР), Национальной федерации «независимых республиканцев» и Демократического центра [94]. Из 22 министров (включая и премьера, но без государственных секретарей) 13 принадлежат к ЮДР, 4 — к «независимым республиканцам» и 2 — центриста. Из правительства ушел один из верных последователей де Голля, Мишель Дебре. Трое министров, в том числе министр иностранных дел Мишель Жобер, в течение многих лет являвшийся, по сообщению агентства Франс Пресс, «одним из самых близких помощников» Жоржа Помпиду, не принадлежат к какой-либо партии. После начала работы Национального собрания стало ясно, что пока условий для привлечения «реформаторов» в правительственное большинство не имеется. «Реформаторы» не получили ни одного руководящего поста в парламентских комиссиях. Однако вопрос о расширении большинства за счет реформаторов, «оставленных в резерве», не снят полностью с повестки дня. В связи с объявленным составом правительства печать Франции

[94] Так стал называться после выборов Центр «демократия и прогресс».

отметила, что «дозировка в составе нового правительства ничем не отличается от дозировки в предыдущем»[95].

Сдвиг влево французских избирателей, происшедший в марте 1973 г., не может не оказать вполне определенного воздействия на всю внутриполитическую обстановку. Еще до выборов многие отмечали, что при любом исходе голосования политический климат во Франции уже не будет таким, как прежде.

Выборы в Национальное собрание не решили стоящих перед страной проблем. Характерно, что деятельность Национального собрания нового созыва началась в апреле 1973 г. под аккомпанемент забастовки рабочих автомобильного завода «Рено» и многотысячной демонстрации студентов и лицеистов в Париже против закона М. Дебре, отменившего отсрочку от военной службы. За ними последовали многомесячная забастовка на часовом заводе «Лип» в Безансоне, выступления железнодорожников и крестьян и др. Левые силы сформулировали свои предложения относительно решения стоящих перед страной проблем в совместной правительственной программе. Под знаменем этой программы они выступали на парламентских выборах. Как заявил на пленуме ФКП в марте 1973 г. Генеральный секретарь ФКП Ж. Марше, выборы явились первым этапом борьбы за осуществление совместной программы. Этот этап окончился серьезным успехом левых сил. Но борьба продолжается, и последнее слово в ней принадлежит массам.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКИ НА РУБЕЖЕ 70-Х ГОДОВ

Внешняя политика Пятой республики тесно связана с внутриполитическим положением страны. Она чутко реагирует на все изменения, которые претерпевает страна. Именно по проблемам внешней политики разгорались порой в рассматриваемый период острые схватки между различными политическими силами.

Основные направления внешнеполитического курса Франции сложились, как отмечалось выше, за время пребывания у власти де Голля. Целью проводимой им политики являлось укрепление позиций Франции путем проведения самостоятельной линии в международных делах при сохранении классовой солидарности с западным лагерем. Большое значение правящие круги придавали и придают статусу, который имеет Франция как великая держава и постоянный член Совета Безопасности ООН, правам, которыми она обладает как держава — победительница во второй мировой войне. Проводившаяся де Голлем и осуществляемая ныне поли-

[95] «Les Echos», 6.IV 1973.

тика «величия Франции» является неотъемлемой частью ее истории последних 10—15 лет.

Вскоре после парламентских выборов 1967 г. Франции пришлось решать проблемы, возникшие в связи с израильской агрессией против арабских государств. На повестку дня была поставлена вся французская внешняя политика в районе Средиземноморья.

Политика Франции в этом районе в значительной мере определяется тем, что именно на Ближнем и Среднем Востоке и в Магрибе имеются крупные французские интересы и капиталовложения, прежде всего в нефтедобывающей и перерабатывающей промышленности. Французские нефтепромыслы, находящиеся в большинстве арабских стран, поставляют Франции 90% потребляемой ею нефти, в том числе 40% она получает из стран Ближнего Востока (Ирака, Кувейта, Саудовской Аравии, княжеств Персидского залива), 39% — из Алжира и 17% — из Ливии. Что касается торговли, то в 1968 г. Франция экспортировала только в арабские государства Ближнего Востока товаров на сумму около 2 млрд. фр. В том же году французский экспорт в Израиль составил около 0,5 млрд. фр.

Агрессия Израиля против арабских государств вызвала неблагоприятную реакцию со стороны Франции. Стремясь обезопасить свои позиции в этом районе мира, Париж еще в мае 1967 г. выдвинул идею четырехсторонних консультаций (СССР, США, Англии и Франции). В период пребывания в СССР 3—6 июля 1967 г. тогдашнего премьер-министра Жоржа Помпиду в советско-французском коммюнике обе стороны по существу осудили территориальные захваты Израиля и высказались за отвод израильских войск на исходные позиции, которые они занимали до 5 июня 1967 г., а также за «поиски в рамках Совета Безопасности урегулирования всех проблем этого района» [96].

Этой линии Франция придерживалась и в последующий период. Когда 31 декабря 1968 г. Израиль совершил рейд на Бейрутский аэродром, де Голль ответил на эту неспровоцированную агрессивную акцию введением эмбарго на поставку оружия в Израиль.

В конце января 1969 г. правительство Франции предложило провести встречу представителей СССР, Франции, США и Великобритании в Совете Безопасности для «поисков в контакте с генеральным секретарем ООН средств содействия установлению справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке». Советское правительство выразило согласие на проведение предложенной встречи. В его ответе указывалось, что французское предложение отвечает линии Советского Союза на безотлагательное достижение

[96] «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сб. документов. 1967 год». М., 1968, стр. 172.

мирного политического урегулирования на Ближнем Востоке на основе выполнения резолюции Совета Безопасности от 22 ноября 1967 г.[97] В плане оказания определенного давления на Израиль и поддержки арабских государств осенью 1968 г. де Голль нанес официальный визит в Турцию. Такая позиция Франции существенно отличалась от позиции других западных держав.

Начало 1969 г. ознаменовалось появлением некоторых новых моментов в отношении Франции к США. Немаловажную роль в этом сыграл тот факт, что президентом США стал Р. Никсон.

Принятое французским правительством в 1966 г. решение о выходе из НАТО, а также обострение в конце 60-х годов валютного кризиса в капиталистических странах значительно ухудшили отношения между Францией и США. К 31 марта 1967 г. вывод с французской территории иностранных войск, штабов и складов был в основном завершен. Однако в своей политике в отношении США французские правящие круги никогда не переступали известной грани, определявшейся их классовой солидарностью с американским правительством.

Исходной точкой в изменении отношений между Францией и США стали двусторонние визиты начала 1969 г.: поездка де Голля в Вашингтон на похороны Эйзенхауэра и двухдневный визит во Францию нового президента США Р. Никсона, где он вел переговоры с де Голлем. В результате обмена мнениями по самому широкому кругу вопросов не было принято каких-либо официальных документов. Однако ухудшение валютного положения Франции побудило ее правящие круги временно снять требование о возврате к золотому стандарту, что было весьма положительно встречено США. С другой стороны, улучшение «климата» франко-американских отношений было облегчено определенным пересмотром подхода Соединенных Штатов к вьетнамской проблеме и отношения к странам Западной Европы — участницам Североатлантического союза, прежде всего к Франции. Как отмечалось во французской печати, Р. Никсон признал за Францией право на планирование ее обороны и проведение дипломатии «в той форме, в какой она это считает необходимым»[98]. Де Голль обещал Никсону прибыть в США в 1970 г. Таким образом, «новая эра доброй воли и хороших отношений шла на смену ссоре»[99].

Вторым симптомом, свидетельствовавшим о появлении во внешней политике де Голля некоторых новых моментов, стала его бе-

[97] «Красная звезда», 22.I 1969.

[98] «Франция. Экономика и политика стран современного капитализма». Отв. ред. Ю И. Рубинский. М., 1973, стр. 440.

[99] *P. Viansson-Ponté.* Histoire de la République Gaulienne, t. II. Paris, 1971, p. 620.

седа 4 февраля 1969 г. с послом Великобритании Париже К. Соумсом.

Как известно, до этого дважды, в 1963 и 1967 гг., де Голль, стремясь выиграть время для того, чтобы Франция могла преодолеть свое отставание в экономической области, а также заботясь о сохранении ее позиций в ЕЭС, налагал фактически «вето» на вступление Англии в «Общий рынок». Свою позицию он аргументировал тем, что Англия, будучи тесно связанной с США, явится троянским конем, который проникнет в Европейское экономическое сообщество и таким образом изменит характер этой организации. Такая позиция де Голля, естественно, вела к определенному обострению англо-французских отношений.

В конфиденциальной беседе с К. Соумсом, согласно английской версии, де Голль якобы выдвинул план создания вместо «Общего рынка» более широкой западноевропейской экономической ассоциации, в которой главную роль играли бы четыре крупные державы — Франция, Великобритания, ФРГ и Италия. После того как сложится эта ассоциация, заявил якобы де Голль, отпадет необходимость существования НАТО с господством в ней американцев[100]. По сообщению газеты «Таймс», английское правительство отклонило мысль о том, что Западная Европа может быть независимой от НАТО, и подтвердило свою ориентацию на вступление в «Общий рынок». Что касается руководителей французской дипломатии, то они категорически отрицали английскую версию содержания беседы, подчеркивая, что французский президент повторил в основном уже известные положения о внешнеполитической ориентации Парижа. Урегулирование англо-французских расхождений на этот раз не состоялось.

Следует отметить, что майско-июньский кризис 1968 г., до основания потрясший все здание Пятой республики, нанес серьезный удар по возможностям генерала де Голля во внешнеполитической области. По существу с этого момента вплоть до конца 1969 г. Франция стояла в какой-то мере в стороне от крупных международных событий. Как отмечают французские историки, «время крупных акций, рассчитанных порой на внешний эффект, прошло»[101]. Вместе с тем во внешнеполитических шагах Парижа с этого времени сильнее стал чувствоваться классовый характер линии французских правящих кругов. Социальный и экономический кризис в мае — июне 1968 г. убедил государственно-монополистическую верхушку Франции в необходимости крепить солидарность с промышленно развитыми странами Запада (и в особенности с США), в частности в области валютной политики.

[100] «L'Année politique 1969», p. 225—227.

[101] *P. Viansson-Ponté.* Histoire de la République Gaulienne, t. II, p. 617.

В середине 1969 г. произошла смена политического руководства страной. Это событие не вызвало каких-либо серьезных изменений во внешней политике. Президент республики Ж. Помпиду и французское правительство продолжали следовать в международных делах основным направлениям де Голля. По-прежнему проводился курс на обеспечение самостоятельности Франции в отношении США. В начале 70-х годов получили свое дальнейшее развитие отношения с Советским Союзом. Вместе с тем президент Помпиду взял ориентацию на сглаживание остроты противоречий с другими западными державами, более четко, чем генерал де Голль, стал подчеркивать принадлежность Франции к Западу. Изменился и стиль внешнеполитических акций, которым был придан более спокойный и гибкий характер.

До того как занять пост президента республики, Жорж Помпиду имел главным образом опыт решения внутриполитических вопросов, если не считать заключения Эвианских соглашений. Внешняя политика на протяжении более десятилетия (1958—1969 гг.) являлась, как отмечалось во французской печати, «личным доменом генерала де Голля». Естественно, понадобился определенный период, прежде чем новое руководство освоилось в той сложной международной обстановке, которая сложилась в мире в середине 1969 г.

Первым крупным актом на международной арене, с которым выступила Франция, явилось созванное в Гааге 1—2 декабря 1969 г. по личной инициативе Ж. Помпиду совещание глав государств и правительств стран — участниц «Общего рынка». Предложение о проведении такого совещания Ж. Помпиду выдвинул еще в ходе кампании по выборам президента.

Необходимость встречи на высшем уровне стран — участниц ЕЭС вызывалась тем, что 31 декабря 1969 г. заканчивался так называемый «переходный период» в развитии «Общего рынка». Результаты, которых добился к этому времени «Общий рынок», были отнюдь не блестящими: периодически возникали серьезные расхождения между членами Малой Европы по вопросам сельского хозяйства, трудные времена переживал Евратом, который превратился, по выражению Ж. Помпиду, «в рану на теле Европейского экономического сообщества», ибо страны-участницы не могли договориться о его бюджете.

Наибольшую активность на совещании проявили Франция и ФРГ. В своем выступлении в Гааге Ж. Помпиду поставил на обсуждение три задачи — «завершение создания «Общего рынка»», проблему углубления или дальнейшего развития ЕЭС и его расширение, подразумевая под этой триединой формулой достижение сначала окончательного решения проблемы финансирования единой сельскохозяйственной политики ЕЭС, представляющей жиз-

ненно важный интерес для Франции, а затем уже переход к следующим этапам интеграции[102]. Помпиду удалось добиться удовлетворения своих требований по сельскохозяйственному вопросу. Партнеры Франции согласились включить в коммюнике указание о том, что еще до конца 1969 г. будет урегулирован вопрос о финансировании сельскохозяйственного рынка[103]. После длительных дискуссий, 21 декабря 1969 г. такое соглашение удалось выработать. Суть его сводилась к тому, что окончательно финансирование сельского хозяйства из совместного бюджета «Общего рынка» начнется с 1 января 1975 г., причем до 1978 г. эта система должна ежегодно корректироваться.

Вторым важным вопросом, который был обсужден в Гааге, была проблема расширения ЕЭС. В позиции Франции по этому вопросу появился новый элемент. Выступая 2 декабря на пленарном заседании, Ж. Помпиду заявил, что Франция «относится не враждебно, а благоприятно к расширению сообщества» и желает, чтобы выработка совместной позиции для проведения переговоров со странами-кандидатами была осуществлена «самым быстрым, самым активным и самым позитивным путем»[104]. В результате такой позиции Франции в заключительном коммюнике по этому вопросу было сказано, что участники совещания «подтвердили свое согласие относительно принципа расширения сообщества, предусмотренного ст. 237 Римского договора», поскольку государства-кандидаты «принимают договоры и их политические цели, решения, достигнутые после вступления в действие этих договоров, и выбор путей развития»[105]. Это означало согласие на открытие переговоров между ЕЭС, с одной стороны, и государствами-кандидатами — с другой. «Вето», которое накладывал де Голль на вступление Великобритании в «Общий рынок», было снято.

Таким образом, совещание в Гааге в декабре 1969 г. ознаменовалось определенным компромиссом между Францией и ее 5-м партнером по «Общему рынку». Указывая на отход Франции от прежних позиций, газета «Орор» писала: «Начинается последеголлевский период».

30 июня 1970 г. в Люксембурге состоялась торжественная церемония открытия переговоров об условиях приема в «Общий рынок» между странами — участницами ЕЭС (Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Голландия, Люксембург) и делегациями стран, обратившихся с просьбой о приеме их в эту экономическую группи-

[102] «L'Année politique 1969», p. 317.
[103] Ibid., p. 321.
[104] Ibid., p. 319—320.
[105] Ibid., p. 321—322.

ровку (Англия, Дания, Норвегия и Исландия). Через год, в июне 1971 г., переговоры пришли к благополучному концу, а 22 января 1972 г. в Брюсселе было торжественно подписано соответствующее соглашение [106].

В октябре 1972 г. в Париже было созвано новое совещание глав государств и правительств стран — членов расширенного Европейского экономического сообщества. На нем Франция выступила с предложением создать экономический и валютный союз, т. е. сделать дальнейший шаг в развитии западноевропейской интеграции [107].

Вступление Великобритании в «Общий рынок» привело к определенному улучшению англо-французских отношений. Впервые после войны королева Великобритании Елизавета II нанесла в мае 1972 г. визит во Францию. Позиции обеих стран сблизились по некоторым аспектам валютных проблем, по африканским делам и некоторым другим. Заметно расширилось двустороннее промышленное сотрудничество — прежде всего по завершению создания англо-французского сверхзвукового самолета «Конкорд».

Совещания в Гааге и Париже, а также снятие «вето» на присоединение Великобритании к ЕЭС показали, что Франция с 1970—1971 гг. стала уделять в своей внешней политике больше внимания европейским проблемам, стремясь с помощью различных маневров укрепить свои позиции в Западной Европе. Этому должно было способствовать и восстановление былого «сердечного согласия» с Лондоном. Оно было призвано служить противовесом угрозе экономической гегемонии ФРГ.

Внешне отношения между Францией и ФРГ в 1969—1973 гг. развивались нормально. В соответствии с договором 1963 г. регулярно проходили консультации на всех уровнях. Однако разногласия как в области политики, так и в области экономики постоянно сопровождали провозглашенную обеими странами политику «примирения». Особенно большое беспокойство вызывал разрыв в экономическом потенциале Франции и ФРГ, который в 70-е годы не только не уменьшился, а даже значительно увеличился [108].

106 Однако на референдуме большинство норвежцев высказалось против вступления в «Общий рынок», и Норвегия не присоединилась к ЕЭС.

107 «Le Monde», 22—23.X 1972.

108 Если в 1958 г. ФРГ превосходила Францию по производству электроэнергии на 55%, то в 1968 г. — на 78%; по выплавке стали: в 1958 г. — на 56%, а через 10 лет — на 102%; по производству автомашин соответствующие цифры составляли 36 и 70% (см.: *Г. П Черников, Д. А. Черникова.* Сторонники и противники франко-советского сотрудничества. М., 1971, стр 72).

В конце 1969 — начале 1970 г. французское правительство внесло определенные коррективы в свою позицию еще по одной проблеме — ближневосточной.

В ночь с 24 на 25 декабря 1969 г. из французского порта Шербура тайно, вопреки введенному эмбарго на поставку оружия Израилю, ушли пять катеров-ракетоносцев, заказанных ранее Тель-Авивом и конфискованных затем французским правительством. Это пиратское похищение израильской разведкой катеров-ракетоносцев было осуждено Парижем. Разразившийся скандал вызвал новое обострение отношений между Францией и Израилем. Французское правительство выслало из страны израильского военно-морского атташе адмирала Лимона. Введенное де Голлем эмбарго на поставку оружия Израилю было подтверждено. В этой связи газета «Монд» отмечала, что «без большого риска ошибиться можно сказать, что франко-израильские отношения обречены еще долго оставаться весьма деликатными» [109].

Однако история с катерами-ракетоносцами вновь привлекла внимание к средиземноморскому аспекту французской внешней политики. Франция все время стремилась играть определенную роль в попытках разрядить напряженность в этом районе, содействовать политическому урегулированию конфликта на Ближнем Востоке. Французские представители заявляют о необходимости выполнения в полном объеме резолюции Совета Безопасности от 22 ноября 1967 г.

В конце 1969—1970 г. политическая стратегия Франции в Средиземноморском бассейне была в значительной мере обновлена. Осенью 1969 г. министр иностранных дел Франции Морис Шуман совершил поездки в Алжир и Тунис. В декабре того же года было объявлено о восстановлении отношений между Парижем и Рабатом. Франция предприняла ряд шагов по нормализации своих отношений с АРЕ. В конечном счете Египет заплатил компенсацию за французскую собственность, национализированную после суэцкого кризиса, а Франция, восстановив торговые отношения с ним, стала регулярно закупать египетский хлопок. В Ираке ей удалось в известной мере оградить от национализации свои нефтяные промыслы. В январе 1970 г. Франция приняла решение поставить 110 военных самолетов «Мираж» правительству Ливии, незадолго перед тем ликвидировавшему американскую авиабазу в Уилус-Филд.

Все эти шаги, равно как и определенное укрепление связей с Италией и налаживание контактов с Испанией (в 1964 г. в Мадрид ездил министр обороны М. Дебре, причем было подписано согла-

[109] «Le Monle», 4.II 1970.

шение о поставке французского оружия Испании, а затем тогдашний испанский министр иностранных дел Лопес Браво нанес визит в Париж) показывали, что средиземноморский аспект становится важным направлением внешней политики Франции. Как заявил Ж. Помпиду 21 января 1971 г., средиземноморская политика — это «постоянный фактор всей французской политики». «Мы,— сказал Помпиду,— пытаемся укрепить свои связи и свою дружбу со всеми государствами, расположенными по берегам этого моря».

Однако средиземноморская политика Франции в 1969—1971 гг. подверглась серьезному испытанию. Алжирское правительство решило пересмотреть соглашение 1965 г. и установить полный контроль над нефтяными месторождениями. Это привело к длительному кризису в отношениях между Францией и Алжиром, получившему в прессе название «нефтяной битвы». Французское правительство, избегая обострения обстановки, приняло требования алжирского правительства. Было заключено соглашение об урегулировании взаимных финансовых претензий, в том числе о компенсации за национализированные принадлежавшие ранее Франции промыслы. АНДР добилась полного и безусловного права распоряжаться своим «черным золотом»[110]. Правда, в конце лета 1973 г. отношения между Францией и Алжиром вновь обострились в связи с расистскими выступлениями в Марселе против алжирских рабочих.

Одной из первых зарубежных поездок нового президента Франции явился состоявшийся 28 февраля — 3 марта 1970 г. визит в Соединенные Штаты Америки, который свидетельствовал о том, что Помпиду полон решимости продолжать «эру новых отношений с США». Этот официальный визит, явившийся ответом на визит Никсона в Париж в феврале 1969 г., должен был закрепить наметившуюся тенденцию к нормализации франко-американских отношений.

Накануне визита американская печать предприняла попытку оказать определенное воздействие на французское правительство, в частности, путем спекуляций на «фундаментальных различиях между внешней политикой Ж. Помпиду и де Голля». Нажим шел по двум направлениям — возвращения Франции в НАТО и изменения ее политики на Ближнем Востоке. Не отрицая второстепенных отличий проводимой им линии от курса своего предшественника, Ж. Помпиду в беседе с парижским корреспондентом «Нью-Йорк таймс» заявил: «Прежде всего Франция остается Францией. И наши основные задачи не могут измениться. Политика генерала де Голля была естественной. Она определялась основными

[110] *Н. И. Кирей.* Алжир и Франция. М., 1973, стр. 145—146.

нуждами и интересами Франции»[111]. Что касается планов «возобновления членства в интегрированной организации НАТО», то у Франции нет таких планов, заявил Ж. Помпиду. Вместе с тем он высказался за сохранение между Францией и США «союзнических отношений»[112].

Поездка Помпиду в Соединенные Штаты Америки позволила сделать определенный шаг по пути урегулирования некоторых разногласий между двумя странами. Так, французской стороной было высказано пожелание об увеличении американских капиталовложений во Франции. Вместе с тем по ряду важных международных вопросов между США и Францией остались серьезные разногласия. Находясь в США, Ж. Помпиду призвал американское правительство прекратить агрессию во Вьетнаме.

Особенно острая ситуация возникла по вопросу о Ближнем Востоке. Во время визита Ж. Помпиду сионистские, произраильские организации провели в Чикаго и Нью-Йорке шумные антифранцузские демонстрации. Предлогом для этих демонстраций послужило соглашение, заключенное Францией с Ливией, о поставках самолетов типа «Мираж». Однако французский президент не пошел на уступки в этом вопросе. Подтверждая позицию Франции в этом районе, он заявил 25 февраля 1970 г. в конгрессе США, что «у Израиля нет обеспеченного будущего без прочного согласия с окружающим его миром — согласия, которое предполагает отказ от вооруженных завоеваний и решение палестинской проблемы». Нормализация обстановки на Ближнем Востоке, указал он, «может скорее всего быть достигнута лишь с помощью действий Организации Объединенных Наций и договоренности четырех постоянных членов Совета Безопасности об определении и выдвижении общих условий урегулирования, подкрепленных соответствующими гарантиями»[113].

Однако, несмотря на расхождения, с этого момента тенденция к смягчению противоречий с США стала совершенно очевидной. Оживилось научно-техническое и экономическое сотрудничество, были заключены некоторые соглашения, в том числе по космосу.

Правительство США со своей стороны отошло от прежних методов грубого нажима на Францию, что позволило активизировать американо-французские политические контакты.

В декабре 1971 г. на Азорских островах состоялась вторая встреча Ж. Помпиду с Р. Никсоном, в ходе которой большое внимание было уделено валютно-финансовым вопросам. В связи с мировым

[111] «New York Times», 10.II 1970.

[112] Ibidem.

[113] «Известия», 5.III 1970.

валютным кризисом французское правительство стремилось добиться согласия американцев на пересмотр действующей на Западе валютно-финансовой системы. В ответ на принятые Никсоном односторонние меры по защите доллара (прекращение размена долларов на золото и введение 10-процентного налога на импорт) Франция 18 августа 1971 г. подтвердила основные цели своей валютной политики (пересмотр международной валютной системы и, в частности, роли доллара как резервной валюты, установление твердо фиксированного в золоте паритета валют, создание нового валютного полюса в Западной Европе). Не желая обострять отношений с Францией, Никсон во время встречи на Азорских островах сделал кое-какие жесты примирения. Так, он впервые официально сообщил о девальвации доллара, что было расценено мировой печатью как морально-политическая победа Франции [114].

Идя на нормализацию и определенное развитие отношений с США, Франция продолжала вести линию на развитие отношений с Советским Союзом.

Начало 70-х годов нынешнего столетия характеризуется значительным развитием советско-французских отношений в политической, экономической и культурной областях. Продолжая линию, проводившуюся с середины 60-х годов де Голлем, Ж. Помпиду предпринял дальнейшие шаги по укреплению и расширению связей с Советским Союзом, поскольку поддержание хороших отношений с СССР рассматривается Францией как важный фактор укрепления ее позиций на международной арене. На формирование французской политики в отношении СССР оказывают воздействие традиционные чувства симпатии и дружбы двух народов, совместная борьба против Германии в двух мировых войнах, наличие во Франции мощных демократических организаций, выступающих за сближение с СССР и развитие советско-французского сотрудничества.

В октябре 1970 г. Ж. Помпиду совершил в качестве Президента Французской республики официальный визит в Советский Союз. Этот визит явился продолжением практики диалога между Францией и СССР, начатой де Голлем в 1966 г. Теперь необходимо было организовать регулярный обмен мнениями по вопросам, представляющим взаимный интерес, по проблемам, касающимся Европы и всего мира.

В течение недели, с 6 по 13 октября, Президент Французской республики и сопровождавшие его лица посетили ряд районов Советского Союза и ознакомились с различными аспектами достижений советского народа в области промышленности, науки, техники и культуры. В результате переговоров с советскими руково-

[114] «Франция. Экономика и политика стран современного капитализма». М., 1973, стр. 443; «L'Année politique 1971». Paris, 1972, p. 348.

Французы приветствуют приезд Л. И. Брежнева

дителями был подписан ряд принципиально важных документов, в том числе Советско-французский протокол. В этом протоколе обе стороны, «преисполненные решимости дать новый импульс их политическому сотрудничеству», договорились, «в случае возникновения ситуаций, создающих угрозу миру», незамедлительно вступать в контакт друг с другом «с целью согласования своих позиций». СССР и Франция обязались «расширять и углублять консультации по важным международным проблемам», причем консультации должны носить регулярный характер[115].

Вторым документом, подписанным во время этого визита, явилась Советско-французская декларация. В ней указывалось, что «целью обоих правительств является развитие между всеми государствами, независимо от их идеологии и строя, мирных отношений и сотрудничества, а также всемерное укрепление международной безопасности». Центральное место в этом документе заняли вопросы положения в Европе, в успешную эволюцию которого СССР и Франция могут внести решающий вклад, а также двусторонние советско-французские отношения. В декларации была подтверждена цель, намеченная в долгосрочном торговом соглашении

[115] «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сб. документов. 1970 год». М., 1971, стр. 175—176.

от 26 мая 1969 г. об удвоении товарооборота между СССР и Францией в период 1970—1974 гг. Ж. Помпиду передал советской стороне приглашение нанести официальный визит во Францию[116].

Ответный визит был осуществлен год спустя. Солнечным осенним днем 25 октября 1971 г. официальная Франция встречала советский самолет, в котором прибыл Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев.

Это был первый визит Генерального секретаря ЦК КПСС в крупную капиталистическую страну по приглашению ее руководителей. Он стал акцией важного международного значения, поднявшей в то же время советско-французское сотрудничество во всех областях на новый, более высокий уровень. «Наши страны находятся на двух оконечностях Европейского континента,— заявил президент Помпиду при встрече гостей в Елисейском дворце.— И мы считаем, что согласие между Францией и Советским Союзом является необходимым, может быть важнейшим, элементом европейской безопасности». В ответном слове Л. И Брежнев заявил, что для советских людей Франция — это не просто великая страна, это дружественная Советскому Союзу держава[117].

Во время пребывания во Франции Л. И. Брежнев и сопровождавшие его лица посетили кроме Парижа Марсель, имели возможность ознакомиться с различными сторонами жизни народа Франции, встретились с французскими трудящимися. Им был оказан исключительно дружеский и теплый прием.

В результате бесед Л. И. Брежнева с президентом Ж. Помпиду и другими государственными деятелями Франции были подписаны Принципы сотрудничества между СССР и Францией и третья Советско-французская декларация. В первом документе, имеющем по существу, так же как и Протокол 1970 г., политическо-правовой характер, обе стороны заявили, что политика согласия и сотрудничества между СССР и Францией призвана стать «постоянной политикой в их отношениях и постоянным фактором международной жизни». Они обязались способствовать «восстановлению мира в районах конфликтов, ослаблению международной напряженности, урегулированию спорных вопросов мирными средствами». В Принципах сотрудничества было заявлено также, что «политическим консультациям между двумя правительствами будет придано новое развитие» как по обычным дипломатическим каналам, так и путем проведения специальных встреч, причем цель консуль-

[116] «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сб. документов. 1970 год», стр. 177, 181, 183.

[117] «Правда», 26.X 1971.

таций, говорилось в этом документе, заключается в том, чтобы «изыскивать возможности для согласованных акций». В случае возникновения ситуаций, создающих угрозу миру, стороны договорились действовать в соответствии с Советско-французским протоколом от 13 октября 1970 г. Они взяли на себя обязательство совместно с заинтересованными государствами проводить линию на разрядку напряженности, укрепление безопасности, мирных отношений, сотрудничества между всеми европейскими государствами при условии неукоснительного соблюдения принципов нерушимости границ, невмешательства во внутренние дела, равенства, независимости, отказа от применения силы или угрозы ее применения[118].

Подписание этого документа означало создание совершенно новой для истории послевоенных международных отношений совместной политической платформы для сотрудничества между двумя государствами с различным социально-экономическим строем.

В Советско-французской декларации были отражены итоги переговоров по наиболее актуальным проблемам международной обстановки и конкретным вопросам советско-французских отношений. Особое место уделялось положению дел на Европейском континенте и прежде всего скорейшему началу многосторонней подготовки общеевропейского совещания. В декларации была высказана также поддержка предложения о конференции пяти ядерных держав и о созыве всемирной конференции по разоружению.

Обмен визитами на самом высоком уровне и подписанные в результате этих визитов документы создали солидную базу для прогресса советско-французских отношений в политической, экономической, научно-технической и культурной областях. Получила дальнейшее развитие практика регулярных политических консультаций по широкому кругу международных проблем.

Активно осуществлялся обмен мнениями между Советским Союзом и Францией, в частности, по проблемам европейской безопасности. Он выявил совпадение позиций обеих стран по этому вопросу, что существенно облегчило подготовку общеевропейского совещания. Франция одной из первых западных стран дала согласие на то, чтобы 22 ноября 1972 г. в Хельсинки были начаты многосторонние консультации по вопросам подготовки общеевропейского совещания, и приняла в них активное участие.

Между двумя странами развернулись активные связи по парламентской линии, установились некоторые контакты между представителями вооруженных сил, широкое развитие получило научно-техническое сотрудничество и культурные связи.

Благоприятный политический климат способствовал росту то-

[118] «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сб. документов. 1971 год». М., 1972, стр. 176—178

варооборота между двумя странами, который характеризовался следующими данными (в млн. рублей) [119]:

Год	Общий товарооборот	Год	Общий товарооборот
1957	103,1	1971	476
1969	417,4	1972	544
1970	413		

В сотрудничестве с французскими фирмами был осуществлен ряд крупных проектов. Так, фирма «Рено» приняла участие в реконструкции Автомобильного завода им. Ленинского комсомола и в поставке оборудования для Ижевского автозавода. С ней подписан контракт на разработку проекта производства дизелей для КАМАЗа. Поставлено французское оборудование для осушки газа и извлечения из него серы для Оренбургского газового комплекса и некоторые другие торговые операции.

В области научно-технического сотрудничества были начаты совместные исследования в области физики высоких энергий (на базе Серпуховского ускорителя элементарных частиц и созданной для него французской пузырьковой камеры), космического пространства, атомной энергии, физико-химических основ жизни, защиты окружающей среды и по многим другим направлениям фундаментальных и прикладных наук. В 1973 г. были подписаны 10-летние программы советско-французского экономического и научно-технического сотрудничества.

Однако развитие советско-французских отношений всегда встречало во Франции сопротивление некоторых кругов. Так было перед второй мировой войной, так было и в годы «холодной войны». 70-е годы XX в. не стали исключением. Приверженцы старой, давно обанкротившейся антисоветской политики, так называемые «атлантисты», не оставили своих попыток помешать развитию плодотворных отношений между Францией и СССР. Они вновь и вновь делают ставку на пугало «угрозы с Востока». Представители крайне правых кругов французской буржуазии и пресса, отражающая их мнение, в последние годы выступают с резкой критикой курса на сближение с Советским Союзом. Особенно большую активность проявляют такие органы реакционной французской печати, как «Орор», многочисленные организации полуфашистского толка вроде «республиканского альянса», некоторые буржуазные политические группировки центристского типа. Именно в таком духе выступали «реформаторы» в период избирательной кампании в марте

[119] См. *Г. П. Черников, Д. А. Черникова.* Сторонники и противники франко-советского сотрудничества, стр. 11.

1973 г. Противники франко-советского сотрудничества влиятельны также в военных кругах.

Показательно, что после ухода де Голля была изменена военно-стратегическая концепция Франции: от концепции «обороны по всем азимутам», которая исходила из того, что возможным противником Франции может быть любая страна, был сделан поворот к концепции, которая исходит из того, что потенциальный противник Франции находится на востоке. В опубликованной в мае 1969 г. статье генерал Фурке недвусмысленно указал на «априорного противника» Франции, который «будет действовать с востока». В 1971—1972 гг. французские вооруженные силы принимали участие в маневрах НАТО, хотя официально Франция не пересматривала своего решения об уходе из этой военной организации. В печати стали муссироваться слухи о возможности создания совместных англо-французских ядерных сил.

Однако силы, выступающие за развитие отношений с СССР, достаточно велики, чтобы с ними не считались правящие круги. Именно с учетом этого французское правительство положительно реагировало на заявление Л. И. Брежнева на XXIV съезде КПСС относительно ядерного разоружения и проведения конференции пяти держав, обладающих ядерным оружием. 1 апреля 1971 г. во Франции было опубликовано официальное сообщение, в котором подчеркивалось «совпадение точек зрения между Москвой и Парижем относительно принципа переговоров по ядерному разоружению между пятью державами, которые обладают этим оружием», и подтверждалась готовность Франции «участвовать в любой инициативе, направленной на конкретное претворение» соответствующих предложений.

Однако в конкретные дела эта линия не была воплощена. Хотя Франция числится членом Женевского комитета по разоружению, ее представители не участвуют в его работе. На XXV сессии Генеральной ассамблеи ООН Франция воздержалась при голосовании резолюции о запрещении химического и бактериологического оружия, высказывалась за одновременное рассмотрение вопроса о запрещении этих двух видов оружия. Продолжая испытания ядерного оружия, Франция не присоединилась к Договору о запрещении ядерных испытаний в трех средах. Она не подписала Договор о нераспространении ядерного оружия, хотя французские представители официально заявили, что Франция будет придерживаться такой же линии, как и государства — участники Договора. Французы не присоединились к Договору о запрещении размещения на дне морей и океанов и в недрах дна ядерного оружия.

Следует отметить, что эти позиции части политических и военных деятелей поддерживаются рядом французских монополий, которые тесно связаны с международным капиталом. Космополити-

ческие связи монополистического капитала Франции, отсутствие заинтересованности со стороны некоторых влиятельных кругов французской буржуазии в сотрудничестве с Советским Союзом, колониализм и классовая вражда к государству трудящихся обусловливают антисоветский курс некоторых кругов буржуазии Франции [120].

Демократические силы Франции и прежде всего компартия всегда давали и дают отпор этим кругам, борются за подлинно национальную внешнюю политику страны. В принятой в июне 1972 г. совместной правительственной программе компартии и социалистической партии указывается, что внешняя политика левого правительства будет основана на принципах мирного сосуществования и сотрудничества со всеми странами, разоружения, равенства прав и уважения суверенитета и территориальной целостности, мирного урегулирования споров и невмешательства во внутренние дела других государств. Левое правительство будет развивать самое широкое экономическое, научное, техническое и культурное сотрудничество со всеми странами [121].

Во франко-китайских отношениях после некоторых осложнений периода «культурной революции» наблюдалось улучшение и активизация политических контактов. В июле 1970 г. состоялся первый официальный визит в КНР французской правительственной делегации во главе с министром Беттанкуром. В октябре — ноябре того же года в Китае находился бывший французский премьер-министр Кув де Мюрвиль. В июле 1972 г. в КНР ездил министр иностранных дел Франции Морис Шуман. Французские гости были приняты на самом высоком уровне. По окончании визита М. Шумана было подписано соглашение о культурном сотрудничестве. В 1971—1972 гг. во Францию приезжали китайские правительственные делегации во главе с министрами внешней торговли и иностранных дел. В сентябре 1973 г. в КНР с официальным визитом приезжал президент Франции Ж. Помпиду.

Поддержание нормальных отношений с КНР расценивается в Париже как необходимое условие укрепления французских позиций в Азии, особенно в Юго-Восточной. Сближает КНР и Францию и известная общность подхода к отдельным международным вопросам, например отказ от присоединения к Договору о прекращении ядерных испытаний в трех средах и др.

[120] Советские ученые Г. П. Черников и Д. А. Черникова, рассматривая детально этот вопрос, выделяют три основных течения внутри французского монополистического капитала по характеру их международных связей: тесно связанное с монополиями Западной Европы («Банк де Пари э де Пэи-Ба»), имеющее преимущественно связи с американским капиталом (группа Лазаров) и промежуточная между ними группа Ротшильдов (см. *Г. П. Черников, Д. А. Черникова.* Сторонники и противники франко-советского сотрудничества, стр. 87—89).

[121] Programme commun de gouvernement. Paris, 1972, p. 169—170.

Важным направлением внешней политики Франции являются отношения с афро-азиатскими странами. Франция продолжает владеть в той или иной форме многими территориями, разбросанными по всем частям света (так называемые «заморские департаменты и территории»). Кроме того она сохранила значительные политические, экономические и военные позиции в своих бывших африканских колониях. Влияние Франции в Северной Африке рассматривается в Париже как фактор, способствующий повышению международного авторитета страны, дающий ей дополнительные возможности в борьбе со своими конкурентами. О важности этого направления в политике Франции свидетельствует тот факт, что в 1970—1972 гг. Помпиду четыре раза побывал в Африке.

Если отношения с арабскими странами Африки не наталкивались в этот период на особые трудности, то иначе обстоят дела с франкоязычными странами Тропической Африки, которые выражали и выражают недовольство плодами сотрудничества с Францией, особенно засильем французской администрации в органах власти и в университетах, а также сохранением ею позиций в экономике, тем более что помощь, которую оказывает Франция этим странам, незначительна. Серьезное недовольство вызывает также вмешательство Франции в политическую жизнь африканских стран, антиафриканская позиция по жизненно важным для Африки вопросам (отношения с Южно-Африканской Республикой, Родезией, партизанская борьба в португальских колониях), не говоря уже об участии французских войск в подавлении повстанческих движений в Габоне и Чаде. В этой обстановке Франция вынуждена маневрировать, идти на определенные уступки своим бывшим колониям, увеличивать, в частности, размеры помощи, давать обещание пересмотреть свои позиции по проблеме зоны франка.

В 1970—1973 гг. международная обстановка во многом изменилась к лучшему. Благодаря последовательной политике Советского Союза, направленной на осуществление выдвинутой им Программы мира, позитивным шагам других социалистических стран, борьбе демократических сил в мире утвердилась тенденция разрядки. Было заключено соглашение о прекращении агрессии во Вьетнаме, подписаны договоры между СССР и ФРГ, ПНР и ФРГ, укрепились международно-правовые позиции ГДР. Европейские страны предприняли ряд конкретных шагов по пути создания системы безопасности. Состоялся исторический обмен государственными визитами между СССР и США.

Франция, поскольку именно с налаживания отношений между нею и Советским Союзом начался перелом к разрядке на европейском континенте, не могла не учитывать в своей внешней политике этих изменений. Она сыграла определенную положительную роль в прекращении агрессии во Вьетнаме. Сформулированные 1 сентября

1966 г. в Пном-Пене де Голлем «Принципы и ориентация» все время оставались основой позиции Франции в этом вопросе. Французское правительство не только приветствовало начало переговоров по Вьетнаму, но и создало условия их проведения в Париже.

9 февраля 1973 г. Франция установила дипломатические отношения с ГДР, приняв решение об обмене с ней чрезвычайными и полномочными представителями.

Изменения к лучшему на международной арене в начале 1973 г. совпали хронологически с важным внутриполитическим событием в жизни Франции — парламентскими выборами. Сформированное после них второе правительство Месмера заявило, что Франция выступает за независимую внешнюю политику, за созыв в ближайшее время совещания по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе, восстановление и сохранение «мира повсюду», за расширение контактов с развивающимися странами, особенно с теми, с которыми у нее в прошлом были особые отношения. Французское правительство вновь подчеркнуло свою решимость продолжать начатую де Голлем «политику ослабления напряженности и все более тесного сотрудничества с Восточной Европой и особенно с Советским Союзом». «Развитие широкого и всестороннего сотрудничества между Францией и Советским Союзом, отвечающего их взаимным интересам, по-прежнему остается одной из основных целей нашей внешней политики»,— писал в телеграмме премьер-министр Франции П. Месмер Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину [122].

25—27 июня 1973 г., возвращаясь из поездки в Соединенные Штаты Америки, Л. И. Брежнев остановился на два дня в Париже, где имел беседы с Ж. Помпиду. Это была его вторая в 1973 г. встреча с Президентом Французской республики. Первая состоялась в январе того же года, когда Ж. Помпиду нанес в СССР рабочий визит и имел встречу с Л. И. Брежневым в Заславле, близ Минска. Как в Заславле, так и в Париже стороны обсудили узловые международные проблемы, а также вопросы советско-французских отношений. Было выражено глубокое удовлетворение крепнущим конструктивным сотрудничеством между двумя странами и подтверждена решимость к его дальнейшему углублению [123].

Эти рабочие встречи между Л. И. Брежневым и Ж. Помпиду вновь продемонстрировали постоянство плодотворных добрых отношений между Советским Союзом и Францией, прочность и глубину дружбы советского и французского народов. Как заявил Ж. Помпиду, принимая верительные грамоты советского посла в Париже, советско-французское сотрудничество «уже в течение

[122] «Правда», 11.IV 1973.
[123] «Правда», 28.VI 1973.

нескольких лет служит примером того, что может быть достигнуто, несмотря на различие политических и социальных систем. Это сотрудничество стало сегодня постоянным элементом международных отношений и важным фактором мира».

Однако сотрудничество между Францией и СССР не развивается самотеком по непрерывно восходящей линии. Наличие во Франции определенных кругов, выступающих с позиций так называемой солидарности с Западом, против развития дружественных связей между французским и советским народами требуют постоянной бдительности, упорных и вместе с тем гибких усилий всех людей доброй воли обеих стран, всех, кому дороги дружба между двумя великими народами.

Прочные связи и конструктивное многостороннее сотрудничество Франции и СССР опирается на давние традиции дружбы двух великих народов и на устойчивую общность интересов обоих государств во многих сферах и, прежде всего, в благородном деле укреплений мира в Европе и во всем мире. Они помогают силам демократии и прогресса в самой Франции в борьбе за подлинные национальные интересы их родины

Настоящим третьим томом заканчивается предпринятое несколько лет назад издание.

Перед читателем прошла почти двухтысячелетняя история народа, заполненная неутомимым трудом, ожесточенными социальными битвами, мужественной борьбой в защиту свободы и независимости своей страны. Из анналов истории нельзя вычеркнуть ни Великой французской революции XVIII в., ни Парижской коммуны 71 г., ни героических лет Сопротивления в годы второй мировой войны.

Франция, давшая человечеству Вольтера и Руссо, Стендаля и Бальзака, Курбе и Родена, Пастера и Жолио-Кюри, внесла неоценимый вклад в сокровищницу мировой культуры.

Эти великие революционно-демократические традиции и блестящие страницы летописей французской культуры всегда встречали глубокое понимание и сочувствие передовых людей нашей страны.

Редакционная коллегия и авторский коллектив этого издания рассматривают завершаемый ныне труд, вероятно требующий дальнейшего совершенствования, как посильное участие в благородном деле укрепления давней, прочной дружбы двух великих народов.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1917	
ноябрь — январь 1920	Правительство Ж. Клемансо
23 декабря	Англо-французское соглашение о «сферах действия» в России
1918	
декабрь	Высадка французских войск в Одессе и в Крыму. Начало активной вооруженной интервенции против Советской России
1919	
18 января — 21 января 1920	Парижская мирная конференция
16—27 апреля	Восстание моряков французской эскадры на Черном море
23 апреля	Закон о 8-часовом рабочем дне
1 мая	Всеобщая 24-часовая политическая забастовка в защиту демократических свобод и против интервенции в России
25 июня	Закон о юридическом статусе коллективных договоров
28 июня	Версальский мирный договор с Германией
28 октября	Письмо В. И. Ленина «Товарищу Лорио и всем французским друзьям, примкнувшим к III Интернационалу»
1—2 ноября	Образование Французской Конфедерации христианских трудящихся (ФКХТ)
16 ноября	Победа «Национального блока» на парламентских выборах
1920	
25—29 февраля	Съезд социалистической партии в Страсбурге. Решение о выходе из II Интернационала
январь — сентябрь	Кабинеты А. Мильерана
30 апреля — 28 мая	Всеобщая забастовка железнодорожников
июнь — июль	Поездка М. Кашена и Л. Фроссара в Москву на II Конгресс Коминтерна
24 сентября	Избрание А. Мильерана президентом республики
25—29 декабря	Съезд социалистической партии в Туре. Образование Французской коммунистической партии
1921	
январь — январь 1922	Правительство А. Бриана
11 декабря	Работа В. И. Ленина «О тезисах по аграрному вопросу Французской коммунистической партии»
25—30 декабря	I съезд ФКП (Марсель)

1922	
январь — июнь 1924	Кабинеты Р. Пуанкаре
25 июня — 1 июля	Съезд ВКТ в Сент-Этьенне. Раскол ВКТ и создание Унитарной всеобщей конфедерации труда (УВКТ)
сентябрь — октябрь	Поездка Э. Эррио в Советскую Россию
15—19 октября	II съезд ФКП (Париж)
1923	
11 января	Оккупация французскими войсками Рурской области
1924	
20—24 января	III съезд ФКП (Лион)
25 января	Подписание военно-политического договора с Чехословакией
11 мая	Победа «Левого блока» на парламентских выборах
13 июня	Избрание Г. Думерга президентом республики
июнь — апрель 1925	Правительство Э. Эррио
28 октября	Установление дипломатических отношений с Советским Союзом
23 ноября	Перенос праха Жореса в Пантеон
1925	
17—21 января	IV съезд ФКП (Клиши)
5—16 октября	Конференция в Локарно
12 октября	Всеобщая политическая забастовка против колониальных войн в Марокко и Сирии
1926	
20—26 июня	V съезд ФКП (Лилль)
июль — июль 1929	Правительства «национального единения» Р. Пуанкаре
1927	
26 ноября	Основание фашистской лиги «Огненные кресты»
1928	
12 января	Арест депутатов-коммунистов М. Кашена и П. Вайяна-Кутюрье
22—29 апреля	Выборы в Палату депутатов
24 июня	Закон о стабилизации и девальвации франка
27 августа	Подписание в Париже пакта Бриана — Келлога
1929	
31 марта — 7 апреля	VI съезд ФКП (Сен-Дени)
5 сентября	Выдвижение А. Брианом в Лиге наций плана создания «Объединенной Европы» («Пан-Европы»)
ноябрь — декабрь 1930 (с перерывом)	Кабинеты А. Тардье
1930	
30 апреля	Закон о социальном обеспечении
25 июля	Избрание М. Тореза Генеральным секретарем ЦК ФКП
1931	
январь — февраль 1932	Кабинеты П. Лаваля
13 мая	Избрание П. Думера президентом республики

1932	
февраль — май	Правительство А. Тардье
11—19 марта	VII съезд ФКП (Париж)
1—8 мая	Выборы в Палату депутатов
6 мая	Убийство президента П. Думера
июнь — декабрь	Правительство Э. Эррио
10 мая	Избрание А. Лебрена президентом республики
29 ноября	Подписание пакта о ненападении с СССР
1933	
январь — октябрь	Правительство Э. Даладье
4—6 июня	Европейский антифашистский конгресс в парижском зале Плейель
15 июля	Подписание «пакта четырех» (Англии, Франции, Италии и Германии)
20 августа	Объединение антивоенного (Амстердамского) и антифашистского (Плейельского) движения. Создание Всемирного комитета борьбы против войны и фашизма
сентябрь — декабрь	Массовые демонстрации и митинги в защиту Георгия Димитрова
5 ноября	Исключение из СФИО группы «неосоциалистов»
1934	
15 января	Сообщение Фредерика и Ирен Жолио-Кюри об открытии ими искусственной радиоактивности
февраль — ноябрь	Правительство «национального единения» Г. Думерга
6 февраля	Фашистский мятеж в Париже
9 февраля	Антифашистские демонстрации в Париже и других городах
12 февраля	Всеобщая забастовка и общенациональная антифашистская демонстрация
5 марта	Образование Комитета бдительности интеллигентов-антифашистов
23—26 июня	Национальная конференция ФКП в Иври
27 июля	Подписание Пакта о единстве действий коммунистической и социалистической партий
9 октября	Убийство в Марселе министра иностранных дел Франции Луи Барту и короля Югославии Александра
ноябрь — май 1935	Правительство П.-Э. Фландена
1935	
7 января	«Римские соглашения» Лаваля — Муссолини
2 мая	Подписание франко-советского договора о взаимной помощи
июнь — январь 1936	Правительство П. Лаваля
14 июля	Демонстрации Народного фронта в Париже и других городах
8 декабря	Соглашение Лаваля — Хора о расчленении Эфиопии
1936	
10—11 января	Опубликование Программы Народного фронта
22—25 января	VIII съезд ФКП (Виллербанн)
январь — июнь	Правительство А. Сарро
2—5 марта	Национальный съезд единства ВКТ в Тулузе. Объединение Всеобщей и Унитарной конфедераций труда

7 марта	Вступление немецких войск в демилитаризованную зону Рейнской области
26 апреля — 3 мая	Победа Народного фронта на парламентских выборах
май — июнь	Широкое забастовочное движение
июнь — июнь 1937	Правительство Л. Блюма
7 июня	«Матиньонское соглашение» между представителями ВКТ и Всеобщей конфедерации французской промышленности
18 июня	Декрет о роспуске фашистских лиг
20 июня	Закон о ежегодных оплачиваемых отпусках
21 июня	Закон о 40-часовой рабочей неделе
24 июня	Закон о коллективных договорах
24 июля	Закон о реформе Французского банка
2 августа	Предложение правительства Франции о заключении «международной конвенции по невмешательству» в испанские события
25 сентября	Закон о девальвации франка
1937	
13 февраля	Провозглашение «паузы» в социальных мероприятиях
16 марта	Столкновение полиции и демонстрации трудящихся в Клиши
25 мая	Открытие Всемирной выставки в Париже
июнь — март 1938	Кабинеты К. Шотана
31 августа	Декрет о создании Национального общества железных дорог
24 ноября	Сообщение министерства внутренних дел о террористической деятельности «Кагуль»
25—29 декабря	IX съезд ФКП (Арль)
1938	
март — апрель	Второе правительство Л. Блюма
апрель — март 1940	Правительство Э. Даладье
30 сентября	Мюнхенское соглашение
12 ноября	Чрезвычайные декреты Даладье — Рейно
30 ноября	Всеобщая забастовка в защиту социальных завоеваний Народного фронта
6 декабря	Подписание франко-германской декларации о ненападении
1939	
27 февраля	Признание Францией правительства Франко
31 марта	Англо-французские гарантии Польше на случай германской агрессии
апрель — август	Англо-франко-советские переговоры
3 сентября	Вступление Франции во вторую мировую войну
26 сентября	Декрет правительства о роспуске Французской коммунистической партии
5 октября	Арест и предание суду депутатов-коммунистов
26 октября	Первый номер подпольной «Юманите»
1940	
20 марта — 3 апреля	Суд над депутатами-коммунистами
21 марта	Образование правительства П. Рейно
13 мая	Вторжение германских войск на территорию Франции
10 июня	Объявление Италией войны Франции
14 июня	Вступление германских войск в Париж

16 июня	Передача Ф. Петену полномочий премьер-министра
18 июня	Призыв генерала де Голля по лондонскому радио продолжить борьбу с фашистской Германией. Начало движения «Свободная Франция» (с 13 июня 1942 г.— «Сражающаяся Франция»)
22 июня	Подписание Компьенского перемирия с Германией
24 июня	Подписание перемирия с Италией
10 июля	Постановление Национального собрания о передаче всей полноты власти Петену. Конец Третьей республики и установление «режима Виши»
10 июля	Манифест ЦК ФКП о борьбе за национальное освобождение и возрождение Франции
13—16 августа	Законы правительства Виши о роспуске политических партий и профсоюзных организаций и о создании корпоративных органов
24 октября	Встреча Гитлера, Петена и Лаваля в Монтуаре
11 ноября	Антигитлеровская патриотическая демонстрация студентов и молодежи в Париже
2 декабря	Закон правительства Виши о корпоративной организации французского сельского хозяйства
1941	
апрель — май	Забастовка горняков департаментов Нор и Па-де-Кале
15 мая	Призыв ФКП создать Национальный фронт
30 июня	Разрыв правительством Виши дипломатических отношений с СССР
14 июля	Антигитлеровская демонстрация в Париже
26 сентября	Заявление Советского правительства о готовности «оказать свободным французам всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе с гитлеровской Германией и ее союзниками»
22 октября	Расстрел гитлеровцами патриотов-заложников в Шатобриане
1942	
20 января	Приветственное выступление председателя Национального комитета Свободной Франции Ш. де Голля по лондонскому радио в связи с победой советских войск в битве под Москвой
14 февраля — 14 апреля	«Риомский процесс» над Даладье, Рейно, Блюмом, Гамеленом
11 ноября	Вторжение гитлеровских и итальянских войск в неоккупированную зону
27 ноября	Затопление французского флота в Тулоне
ноябрь	Прибытие в СССР группы французских добровольцев — летчиков эскадрильи «Нормандия»
1943	
15 апреля	«Главные директивы» ФКП о подготовке всенародного восстания
17 апреля	Воссоздание ВКТ в подполье
май	Создание Национального совета Сопротивления (НСС)
3 июня	Сформирование в Алжире Французского комитета национального освобождения (ФКНО)
26 августа	Признание ФКНО правительствами СССР, США, Великобритании и Канады
9 сентября — 3 октября	Освобождение Корсики от фашистских оккупантов в результате народного восстания

1944

февраль	Создание Французских внутренних вооруженных сил
15 марта	Принятие программы Национального совета Сопротивления
3 апреля	Включение в состав ФКНО представителей ФКП
2 июня	Преобразование ФКНО во Временное правительство Франции
6 июня	Англо-американский десант в Северной Франции. Открытие второго фронта в Европе
10 июня	Зверская расправа гитлеровцев с жителями деревни Орадур-сюр-Глан
15 августа	Англо-американский десант на юге Франции
19—25 августа	Победоносное народное восстание в Париже
9 сентября	Реорганизация Временного правительства во главе с генералом де Голлем
ноябрь	Образование партии Народно-республиканское движение (МРП)
10 декабря	Поездка де Голля в СССР. Подписание в Москве советско-французского договора о союзе и взаимной помощи
13 декабря	Ордонанс о национализации угольных шахт бассейна Нор и Па-де-Кале

1945

1 января	Подписание Францией Декларации Объединенных Наций
16 января	Национализация автомобильных заводов Рено
26 июня	Национализация крупнейших компаний воздушного транспорта
26—30 июня	X съезд ФКП (Париж)
23 июля — 14 августа	Суд над Петеном
21 октября	Референдум по вопросу о статусе и полномочиях национального представительного органа. Выборы в Учредительное Национальное собрание
2 декабря	Закон о национализации Французского банка и четырех других крупнейших банков

1946

20 января	Уход генерала де Голля в отставку
январь — июнь	Правительство Ф. Гуэна
8 апреля	Закон о национализации газовых компаний и электростанций
25 апреля	Закон о национализации крупнейших страховых компаний
5 мая	Референдум по вопросу о проекте конституции
2 июня	Выборы во второе Учредительное собрание
июнь — ноябрь	Правительство Ж. Бидо
29 июля — 15 октября	Парижская мирная конференция
13 октября	Референдум по вопросу о проекте новой конституции Четвертой республики
10 ноября	Выборы в Национальное собрание
19 декабря	Начало колониальной войны в Индокитае

декабрь — январь 1947	Правительство Л. Блюма

1947

16 января	Избрание Венсана Ориоля президентом республики
январь — ноябрь	Правительство П. Рамадье
10 февраля	Парижские мирные договоры между государствами — победителями во второй мировой войне и бывшими союзниками Германии в Европе (Италия, Румыния, Болгария, Венгрия и Финляндия)
4 марта	Дюнкеркский англо-французский договор о союзе и взаимопомощи
14 апреля	Создание партии де Голля «Объединение французского народа» (РПФ)
4—5 мая	Удаление из состава правительства Рамадье министров-коммунистов
25—28 июня	XI съезд ФКП (Страсбург)
ноябрь — декабрь	Забастовочное движение рабочих и служащих. Столкновения бастующих с полицией и войсками
ноябрь — июль 1948	Правительство Р. Шумана
18 декабря	Раскол ВКТ и образование «Форс увриер» (организационно оформилась в апреле 1948 г.)

1948

3 января	Франко-американское соглашение о «Временной помощи» в рамках «плана Маршалла»
25 января	Закон о девальвации франка
17 марта	Подписание правительством Франции Брюссельского пакта о создании Западного блока
28 июня	Франко-американский договор об экономическом сотрудничестве в рамках «плана Маршалла»
сентябрь — октябрь 1949	Правительство А. Кея
4 октября — 28 ноября	Всеобщая забастовка горняков
27—28 ноября	Национальный съезд в защиту мира и свободы; создание организации «Борцы за мир и свободу»

1949

4 апреля	Подписание Францией Североатлантического пакта
5 августа	Демонстрация трудящихся Парижа против приезда во Францию американского генерала Бредли
октябрь — июнь 1950	Правительство Ж. Бидо

1950

11 февраля	Закон о коллективных договорах и процедуре разрешения трудовых споров
11 марта	Закон о «репрессиях в случае покушения на внешнюю безопасность Франции»
2—6 апреля	XII съезд ФКП (Женневилльe)
июль — март 1951	Правительство Р. Плевена
23 августа	Декрет о введении гарантированного минимума заработной платы

1951

март — июнь	Правительство А. Кея
18 апреля	Подписание в Париже договора о создании «Европейского объединения угля и стали»
17 июня	Выборы в Национальное собрание

9 июля	Декларация о прекращении Францией состояния войны с Германией
август — январь 1952	Правительство Р. Плевена

1952

март — январь 1953	Правительство А. Пинэ
27 мая	Подписание в Париже договора о создании Европейского оборонительного сообщества (Парижский договор)
23, 28 мая	Демонстрации протеста против приезда в Париж американского генерала Риджуэя
28 мая	Арест Ж. Дюкло
18 июля	Закон о подвижной шкале заработной платы

1953

июнь — июнь 1954	Правительство Ж. Ланьеля
23 декабря	Избрание Р. Коти президентом республики

1954

7 мая	Капитуляция французских войск под Дьен-Бьен-Фу
июнь — февраль 1955	Правительство П. Мендес-Франса
3—7 июня	XIII съезд ФКП (Иври)
20—21 июля	Женевские соглашения о прекращении войны в Индокитае
30 августа	Отклонение Национальным собранием законопроекта о ратификации договора о Европейском оборонительном сообществе
23 октября	Подписание Парижских соглашений о ремилитаризации ФРГ и включении ее в НАТО
1 ноября	Начало вооруженной освободительной борьбы алжирского народа против французских колонизаторов
30 декабря	Ратификация Национальным собранием Парижских соглашений

1955

февраль — март 1956	Правительство Э. Фора
3 апреля	Подписание Парижских соглашений президентом республики и вступление их в силу
7 мая	Расторжение Советским Союзом советско-французского договора 1944 г. как утратившего силу в связи с ратификацией Францией Парижских соглашений
18—23 июля	Женевское совещание глав правительств четырех держав — СССР, США, Англии и Франции

1956

2 января	Выборы в Национальное собрание
январь — май 1957	Правительство Ги Молле
6 февраля	Антиправительственные выступления ультраколониалистов Алжира
2 марта	Франко-марокканское соглашение о признании независимости Марокко и прекращении договора о протекторате
20 марта	Франко-тунисское соглашение о признании независимости Туниса и отмене французского протектората
15—19 мая	Переговоры в Москве между правительственными делегациями СССР и Франции

18—21 июля	XIV съезд ФКП (Гавр)
27 октября	Франко-западногерманские соглашения о Саарской области (включение ее в ФРГ)
29 октября — 6 ноября	Англо-франко-израильская агрессия против Египта

1957

25 марта	Подписание в Риме договора о создании Европейского экономического сообщества («Общий рынок») и Евро пейского сообщества по атомной энергии («Евратом»)
июнь — сентябрь	Правительство М. Буржес-Монури
9 июля	Ратификация Национальным собранием соглашеиия об «Общем рынке» и «Евратоме»
ноябрь — апрель 1958	Правительство Ф. Гайяра

1958

8 февраля	Бомбардировка тунисского селения Сакиет-Сиди-Юсеф
13 мая	Военно-фашистский мятеж в Алжире
14—28 мая	Правительство П. Пфлимлена
15 мая	Заявление де Голля о готовности «принять на себя полномочия Республики»
24 мая	Военно-фашистский мятеж на Корсике
28 мая	Массовая демонстрация трудящихся в защиту республики
1 июня	Утверждение Национальным собранием полномочий де Голля на формирование правительства
2 июня	Предоставление правительству на шесть месяцев чрезвычайных полномочий и принятие закона о возможности пересмотра конституции
15 сентября	Раскол СФИО и образование «Автономной социалистической партии»
17 сентября	Послание де Голля президенту США Д. Эйзенхауэру и премьер-министру Англии Г. Макмиллану с предложением создать в НАТО франко-англо-американский триумвират
28 сентября	Утверждение референдумом Конституции Пятой республики
29 сентября	Выход Гвинеи из Французского Союза
1 октября	Образование партии Союз за новую Республику (ЮНР)
23—30 ноября	Выборы в Национальное собрание
21 декабря	Избрание де Голля президентом республики

1959

7 января	Ордонанс «об ассоциации или заинтересованности лиц наемного труда в работе предприятия»
январь — апрель 1962	Кабинеты М. Дебре
7 марта	Вывод из военной системы НАТО французского средиземноморского флота
25 марта	Заявление де Голля о неизменности границы по Одеру — Нейсе
24—28 июня	XV съезд ФКП (Иври)
16 сентября	Выступление де Голля по радио и телевидению. Признание права алжирского народа на самоопределение
31 декабря	Закон о государственной помощи частным (конфессиональным) школам

1960

1 января	Введение в оборот нового, «тяжелого» франка
24 января — 1 февраля	«Неделя баррикад». Вооруженный мятеж экстремистов-колонизаторов в Алжире
1 февраля	Общенациональная демонстрация в защиту демократических свобод
11 февраля	Демонстрация крестьян в Амьене
13 февраля	Первое испытание французской атомной бомбы в Сахаре
23 марта — 3 апреля	Визит советской правительственной делегации во Францию
3 апреля	Образование Объединенной социалистической партии
апрель — ноябрь	Признание Францией независимости 12 африканских государств
19 июня	Массовая общенациональная демонстрация в защиту светской школы
25 октября	Соглашение с ФРГ об использовании западногерманским бундесвером баз, расположенных на французских территориях
8 декабря	Закон о вооружении французской армии ядерным оружием

1961

6—8 января	Референдум по вопросу самоопределения алжирского населения
февраль	Создание реакционной террористической организации ОАС («Секретная вооруженная организация»)
22—26 апреля	«Мятеж генералов». Захват власти в Алжире реакционной военщиной
23 апреля — 30 сентября	Чрезвычайные полномочия де Голля в соответствии со статьей 16-й Конституции
24 апреля	12-миллионная забастовка трудящихся в защиту республики
11—14 мая	XVI съезд ФКП (Сен-Дени)
19—22 июля	Французская агрессия против Туниса в районе военно-морской базы Бизерта
6 декабря	Объявление ОАС вне закона

1962

8 февраля	Массовая демонстрация в Париже против террора ОАС. Полицейская расправа с демонстрантами
5 марта	Отказ Франции от участия в работе Комитета 18 стран по разоружению
18 марта	Эвианские соглашения о прекращении войны в Алжире
8 апреля	Референдум по вопросу о прекращении войны в Алжире
15—23 мая	Суд над руководителем ОАС Р. Саланом
3 июля	Провозглашение независимости Алжира
апрель — июль 1968	Кабинеты Ж. Помпиду
6 октября	Резолюция недоверия Национального собрания кабинету Ж. Помпиду
28 октября	Референдум по вопросу о реформе конституции (избрание президента путем прямых всеобщих выборов)
18—25 ноября	Выборы в Национальное собрание

1963

14 января	Заявление де Голля о французском «вето» на вступление Великобритании в «Общий рынок» и об отрицательном отношении к планам создания многосторонних ядерных сил НАТО
22 января	Франко-западногерманский договор о сотрудничестве
1 марта — 4 апреля	Всеобщая забастовка шахтеров
21 июня	Вывод из системы НАТО французского атлантического флота
29 июля	Заявление де Голля о неприсоединении Франции к Московскому договору о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах

1964

27 января	Признание Францией КНР
14—17 мая	XVII съезд ФКП (Париж). Избрание В. Роше генеральным секретарем партии, М. Тореза — председателем
6—7 июня	Создание Конвента республиканских институтов
11 июля	Смерть председателя ФКП Мориса Тореза
30 октября	Подписание долгосрочного франко-советского торгового соглашения
6—7 ноября	Раскол ФКХТ и образование Французской демократической конфедерации трудящихся (ФДКТ)

1965

22 марта	Соглашение между СССР и Францией о сотрудничестве в области цветного телевидения
4 мая	Соглашение между СССР и Францией о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях
10 мая	Протокол о культурных связях между СССР и Францией
10 сентября	Создание Федерации демократических и социалистических левых сил (ФДСЛС)
5—19 декабря	Президентские выборы. Переизбрание де Голля президентом

1966

10 января	Соглашение ВКТ и ФДКТ об общей программе и тактике борьбы
2 февраля	Образование партии «Демократический центр»
9 марта	Заявление французского правительства о выходе из военной организации НАТО
3 июня	Образование «Национальной федерации независимых республиканцев»
20 июня — 1 июля	Официальный визит Ш. де Голля в Советский Союз
1—9 декабря	Официальный визит председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина во Францию
20 декабря	Соглашение между ФКП и ФДСЛС о совместном выступлении на выборах в Национальное собрание

1967

5—12 марта	Выборы в Национальное собрание
14 марта	Завершение эвакуации из Франции войск и военных учреждений НАТО
17 мая	Всеобщая забастовка трудящихся в защиту социальных завоеваний

17 августа	Декрет об «участии лиц наемного труда в плодах развития предприятия»
25 августа	Совместное заявление ВКТ и ФДКТ о единых действиях против социальной политики правительства
6—12 сентября	Визит де Голля в Польшу. Подтверждение позиции Франции о незыблемости границы по Одеру — Нейсе
13 сентября	Самороспуск МРП
2, 12 октября	Массовые демонстрации крестьян против аграрной политики правительства
9—14 октября	«Неделя действия» ВКТ и ФДКТ в защиту социальных завоеваний трудящихся

1968

2—3 мая	Начало выступлений студентов Парижского университета
10—11 мая	Столкновения студентов с полицией. Баррикады в Латинском квартале
13 мая	24-часовая всеобщая забастовка и демонстрация в поддержку требований студентов
15 мая	Забастовка рабочих завода Рено и ряда других крупных предприятий Парижа. Начало массового забастовочного движения с занятием предприятий
27 мая	«Гренельские соглашения» между профсоюзами и Национальным советом французских предпринимателей
29 мая	Демонстрация левых сил
29 мая	Секретная встреча де Голля в Баден-Бадене с командующим французскими войсками в Западной Германии генералом Ж. Массю
30 мая	Досрочный роспуск Национального собрания
23, 30 июня	Выборы в Национальное собрание
июнь — июль	Помилование генерала Салана и группы осужденных по делу ОАС. Закон об амнистии всех осужденных по делам, связанным «с событиями в Алжире»
июль — июнь 1969	Правительство Кув де Мюрвиля
12 ноября	Закон о реформе высшей школы
5—6 декабря	Пленум ЦК ФКП. Принятие Манифеста «За передовую демократию, за социалистическую Францию»

1969

12 февраля	«Национальный день» в защиту завоеваний 1968 г.
27 апреля	Отклонение референдумом проекта реформы Сената и системы местного самоуправления
28 апреля	Отставка де Голля
4 мая	Съезд СФИО в Альфортвилле. Реорганизация партии
15 июня	Избрание президентом республики Ж. Помпиду
июнь — июль 1972	Правительство Ж. Шабан-Дельмаса
4 июля	Создание партийной группировки Центр «демократия и прогресс»
8 августа	Девальвация франка

1970

4—8 февраля	XIX съезд ФКП (Нантер)
6—13 октября	Визит президента Французской республики Ж. Помпиду в Советский Союз
9 ноября	Смерть Ш. де Голля

1971	
20—21 мая	Переговоры Ж Помпиду и премьер-министра Великобритании Э. Хита в Париже. Снятие французского «вето» на вступление Англии в «Общий рынок»
11—13 июня	Съезд социалистической партии в Эпинэ-сюр-Сен. Вступление в партию «Конвента республиканских институтов» и ряда других левых организаций
7—9 октября	Пленум ЦК ФКП. Принятие «Программы демократического правительства народного единства»
25—30 октября	Визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева во Францию
27 октября	Подписание в Париже советско-французского соглашения о развитии экономического, технического и промышленного сотрудничества сроком на 10 лет
1972	
11—13 февраля	Всемирная ассамблея в Париже за мир и независимость народов Индокитая
27 июня	Опубликование совместной правительственной программы коммунистической и социалистической партий
7 июля	Сформирование правительства П. Месмера
13—17 декабря	XX съезд ФКП (Сент-Уан). Избрание Ж. Марше генеральным секретарем партии, В. Роше — почетным председателем
1973	
11—12 января	Неофициальный визит Президента Французской республики Ж. Помпиду в Советский Союз. Беседы с Л. И. Брежневым в Заславле
27 февраля — 2 марта	Международная конференция в Париже по Вьетнаму
4—11 марта	Выборы в Национальное собрание
25—27 июня	Визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева во Францию. Встречи и беседы с Президентом Французской республики Ж. Помпиду в Рамбуйе

БИБЛИОГРАФИЯ

РАБОТЫ К ТОМУ В ЦЕЛОМ

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.— *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 7.

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 8.

Маркс К. Гражданская война во Франции.— *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 17.

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 4.

Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках.— Полное собр соч. Т. 1.

Ленин В. И. Марксизм и ревизионизм.— Полное собр. соч. Т. 17.

Ленин В. И. Разногласия в европейском рабочем движении.— Полное собр. соч. Т. 20.

Ленин В. И. Значение избрания Пуанкаре.— Полное собр. соч. Т. 22.

Ленин В. И. Из Франции (От нашего корреспондента).— Полное собр. соч. Т. 23.

Ленин В. И. Объективные данные о силе разных течений в рабочем движении.— Полное собр. соч., Т. 25.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полное собр. соч. Т. 27.

Ленин В. И. Тетради по империализму.— Полное собр. соч. Т. 28.

Ленин В. И. Государство и революция.— Полное собр. соч. Т. 33.

Ленин В. И. I конгресс Коммунистического Интернационала.— 2—6 марта 1919.— Полное собр. соч. Т. 37.

Ленин В. И. Письмо к рабочим Европы и Америки.— Полное собр. соч. Т. 37.

Ленин В. И. Предисловие к брошюре Анри Гильбо: «Социализм и синдикализм во Франции во время войны».— Полное собр. соч. Т. 38.

Ленин В. И. Письмо Сильвии Панкхерст.— Полное собр. соч. Т. 39.

Ленин В. И. Привет итальянским, французским и немецким коммунистам.— Полное собр. соч. Т. 39.

Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Полное собр. соч. Т. 41.

Ленин В. И. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала.— Полное собр. соч. Т. 41.

Ленин В. И. II конгресс Коммунистического Интернационала.— Полное собр. соч. Т. 41.

Ленин В. И. О тезисах по аграрному вопросу Французской коммунистической партии.— Полное собр. соч. Т. 44.

Ленин В. И. Интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер гардиан» М. Фарбману.— Полное собр. соч. Т. 45.

Lénine V. I. A propos de la France. T. 1—2. Moscou, 1970.

Документы коммунистических и рабочих партий.
Труды руководителей КПСС и ФКП

Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 г., в Бухаресте в июне 1960 г., в Москве в ноябре 1960 г. М., 1961.
Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969. М., 1969.
Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Т. 1—3. М., 1970—1972.
Брежнев Л. И. О внешней политике КПСС и Советского государства. М., 1973.
Дюкло Ж. Избранные произведения. Т. I—II. М., 1959
Дюкло Ж. Кто же они, коммунисты? М., 1973.
Роше В. Избранные статьи и речи (1940—1969). М., 1972.
Торез М. Избранные произведения. Т. I—II. М., 1959.
Торез М. Избранные статьи и речи. 1950—1964. М., 1966.
Cachin M. Contre l'intervention en Russie. P., 1919.
Cachin M. Du front unique au front populaire. P., 1935.
Cachin M. Ecrits et portraits. Préf. de J. Duclos. P., 1964.
Cachin M. Marcel Cachin vous parle. P., 1959.
Duclos J. L'avenir de la démocratie. P., 1962.
Пер.: *Дюкло Ж.* Будущее демократии. М., 1963.
Duclos J. Batailles pour la république. P., 1947.
Duclos J. Gaullisme, technocratie, corporatisme. P., 1963.
Пер.: *Дюкло Ж.* Голлизм, технократия, корпоратизм. М., 1964.
Duclos J. Mémoires. T. I—VI. P., 1968—1972.
Duclos J. De Napoléon III à de Gaulle. P., 1964.
Duclos J. L'Octobre 17 vu de France. P., 1966.
Пер.: *Дюкло Ж.* Октябрь 1917 года и Франция. М., 1967.
Marchais G. Le défi démocratique. P., 1973.
Marchais G. Qu'est ce que le Parti communiste français. P., 1970.
Rochet W. L'avenir du Parti communiste français. P., 1969.
Rochet W. Ceux de la terre. P., 1963.
Пер.: *Роше В.* Труженики полей. М., 1964.
Rochet W. Vers l'émancipation paysanne. P., 1952.
Пер.: *Роше В.* Путь к освобождению крестьянства. М., 1953.
Thorez M. Oeuvres... T. 1—23. P., 1930—1965.

Источники

Документы внешней политики СССР (МИД СССР, под ред. А. А. Громыко), т. I—XVII.— М., 1957—1971—.
Assemblée nationale. Chambre des députés. Débats et documents parlementaires. P., 1917—1940.
Assemblée nationale. Sénat. Débats et documents parlementaires. P., 1917—1940.
Les événements survenus en France de 1933 à 1945. Rapport de M. Ch. Serre, député au nom de la Commission d'enquête parlementaire, t. I—II; Depositions, t. I—IX. P., 1951.
Journal officiel de la République Française. Documents parlementaires... P., 1917—.
Journal officiel de la République Française. Lois et décrets, arrêtés, circulaires, avis, communications, informations et annonces. P., 1917—.

Мемуары. Переписка

François-Poncet A. De Versailles à Potsdam. P., 1949.
Gaulle Ch. de. Mémoires de guerre, t. I—III. P., 1954—1959.
Пер. двух томов: *Де Голль Ш.* Военные мемуары, т. I—II. М., 1960.

Herriot E. Jadis. D'une guerre à l'autre. 1914—1936. P., 1952.
Пер.: *Эррио Э.* Из прошлого. Между двумя войнами. 1914—1936. М., 1958.
Paul-Boncour J. Entre deux guerres. Souvenirs sur la III-e république. T. I—III. P., 1945—1946.
Reynaud P. La France a sauvé l'Europe, t. 1—2. P., 1947.
Reynaud P. Mémoires... P., 1960.
Tabouis G. Vingt ans de «suspense» diplomatique. P., 1958.
Пер.: *Табуи Ж.* Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960.
Weygand P. Mémoires. Rappelé au service. P., 1950.

Пресса

«Cahiers de l'Institut de Maurice Thorez».
«Cahiers du bolchévisme».
«Cahiers du communisme».
«La Démocratie nouvelle».
«Express».
«Le Figaro».
«L'Humanité».
«L'Information».
«La Liberté».
«Le Monde».
«Le Mouvement social».
«La Nouvelle critique».
«Nouvel Observateur».
«Le Peuple».
«Populaire de Paris».
«Le Temps».
«La Vie ouvrière».

Справочники. Библиография

Annuaire des Cabinets ministériels. P., 1947—.
Annuaire statistiques le la France. Vol. 35—76. P., 1919—1971—.
Charlot J. Répertoire des publications des partis politiques français 1944—1967. P., 1970.
Dictionnaire des parlementaires français (sous la dir. de J. Jolly...). T. 1—2. P., 1960—1962.
Répertoire de la presse française et de la publication périodique (sous la dir. de H. Raux). P., 1960—1961.

Литература

Борисов Ю. В. Новейшая история Франции. 1917—1964. М., 1966.
Борисов Ю. В. Советско-французские отношения (1924—1945). М.. 1964.
История дипломатии. Под ред. А. А. Громыко и др. Т. III. М., 1965.
Из истории Франции, вып. I—IV. Сб. статей под ред. Н. И. Киселева и И. С. Киссельгофа. Уфа, 1961—1972.
Манфред А. З. Очерки истории Франции XVIII—XX вв. М., 1961.
Манфред А. З. Традиции дружбы и сотрудничества. Из истории русско-французских и советско-французских связей. М., 1967.
Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. М., 1972.
Морозов Г., Сабсович Р. Очерки истории профсоюзного движения во Франции. М., 1961.
Очерки рабочего движения во Франции (1917—1967). Отв. ред. В. В. Любимова. М , 1968.
40 лет Французской коммунистической партии. Сборник ст. М., 1961.
50 лет Французской коммунистической партии. В борьбе за интересы трудящихся Франции. Сборник ст. (сост. Ю. Зуев). М., 1971.

СССР — Франция (Из истории политических, экономических и культурных связей). Сборник ст. М., 1960.
Шнеерсон А. Аграрный вопрос во Франции. Л., 1948.
Bardonnet D. Evolution de la structure du parti radical. P., 1960.
Baumont M. La Troisième république. Lausanne, 1968.
Bonnefous E. Histoire politique de la Troisième république. T. 3—6 (1919—1938). P., 1959—1965.
Bruhat J. et *Piolot M.* Esquisse d'une histoire de la CGT (1895—1965). P., 1967.
Пер.: *Брюа Ж.* и *Пиоло М.* Очерки истории Всеобщей конфедерации труда (1895—1965). М., 1969.
Chastenet J. Histoire de la Troisième république. T. 1—4. P., 1952—1957.
Durosella J.-B. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. P., 1962
Duroselle J.-B. Les relations franco-allemandes de 1918 à 1950. Fasc. 1—4. P., 1966—1967.
Godfrey E. D. The fate of the French non-communist left. N. Y., 1955.
Goguel F. La politique des partis sous la III-e republique. P., 1946.
Goguel F Géographie des élections françaises de 1870 à 1951. P., 1951.
Ehrmann H. W. French Labor from Popular Front to Liberation. N. Y., 1947.
Ehrmann H. W. La politique du patronat français. 1936—1955. P., 1959.
Fabre-Luce A. Le plus illustre des Français. P., 1960.
Fauvet J. Histoire du Parti communiste français. T. 1—2, P., 1964—1965.
Fohlen C. La France de l'entre-deux guerres (1917—1939). P., 1966.
Freville J. Avec Maurice Thorez. P., 1950.
Пер.: *Фревиль Ж.* Морис Торез. М., 1958.
Furnia A. The Diplomacy of appeasement: anglo-french relations and the prelud to the World War II. 1931—1938. Washington, 1960.
Histoire du Parti communiste français. Manuel. P., 1964.
Hommage à Marcel Cachin. P., 1958.
Hommage à Maurice Thorez 1900—1964 P., 1964.
Lefranc G. Essais sur les problèmes socialistes et syndicaux. P., 1970.
Ligou D. Histoire du socialisme en France (1871—1961). P., 1962.
Louis P. Histoire du mouvement syndical en France. V. 1—2. P., 1947—1948.
Louis P. Histoire du socialisme en France. P., 1950.
Madaule J. Histoire de la France. P., 1947.
Malterre J. et *Benoist P.* Les partis politiques français. P., 1956.
Milhaud A. Histoire du radicalisme. P., 1951.
Mourin M. Les relations franco-soviétiques (1917—1967). P., 1967.
Néré J. La troisième république (1914—1940). P., 1956.
Nicolet C. Le radicalisme. P., 1951.
Partis politiques et classes sociales en France (sous la direction de M. Duverger). P., 1955.
Les paysans et la politique dans la France contemporaine. (Sous la dir. de J. Fauvet.) P., 1958.
Renouvin P. Histoire des relations internationales. T. VII. De 1914 à 1929; T. VIII. De 1929 à 1945. P., 1957—1958.
Rémond P. La droite en France de la première Restauration à la V-e République. P., 1963.
Sauvy A. Histoire économique de la France entre les deux guerres (1919—1941). P., 1965.
Shirer W. The collapse of the Third Republic. An inquiry into the fall of France in 1940. L., 1970.
Siegfried A. Tableau des partis en France. P., 1930.
Siegfried A. De la III-e à la IV-e république. P., 1956.
Tarr de F. The French Radical Party from Herriot to Mendès-France. P., 1961.
Torres H. De Clémenceau à de Gaulle. P., 1958.
La vie et les combats de Marcel Cachin. P., 1949.

Werth A. France 1940—1955. L., 1956.
Пер.: *Верт А.* Франция. 1940—1955. М., 1959.
Werth A. De Gaulle. A political biography. L., 1965.
Willard Cl. Socialisme et communisme français. P., 1967.
Willard Cl. Le socialisme de la renaissance à nos jours. P., 1971.
Ziebura G. Léon Blum. Theorie und Praxis einer sozialistischen Politik. Bd. I. Berlin, 1963. Пер. на франц. яз.: *Ziebura G.* Léon Blum et le parti socialiste 1872—1934. P., 1967.

ФРАНЦИЯ 1917—1939
(ГЛ. 1—4)

Источники

Версальский мирный договор. Полн. пер. с франц. под ред. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина. М., 1925.
Документы и материалы кануна второй мировой войны. Из архива министерства иностранных дел Германии. Т. I. М., 1948.
Новые документы по истории Мюнхена. Ред. коллегия: И. Н. Земсков и др. М., 1958.
Революционное движение во французской армии в 1917 г. М., 1934.
СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 — август 1939 г.). Документы и материалы. Ред коллегия: А. А. Громыко и др. М., 1971.
Documents diplomatiques français, 1932—1939. Ministère des affaires étrangères. Commission de publ. des doc. relatifs aux origines de la guerre. Sér. I (1932—1935), t. 1—5. P., 1963—1970.
Sér. II (1936—1939), T. 1—6.
Le livre jaune français. Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques. 1938—1939. P., 1940
Le Procès de Riom par un témoin. P., 1945.

Мемуары. Переписка

Берти. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914—1919. М.—Л., 1924.
Armengaud J. Batailles politiques et militaires sur l'Europe 1932—1940. P., 1948.
Barbusse H. J'accuse... P., 1932. Пер.: *Барбюсс А.* Я обвиняю... М., 1932.
Barbusse H. Le couteau entre les dents Aux intellectuels. P., 1921. Пер.: *Барбюсс А.* С ножом в зубах. Пг., 1922.
Bonnet G. Défense de la paix. Fin d'une Europe. Genève, 1948.
Caillaux J. Mes mémoires. T III (1912—1930). P., 1947.
Clémenceau G. Grandeurs et misères d'une victoire. P, 1930.
Cot P. Le procès de la République. Vol. I—II. N. Y., 1944.
Journal d'Alexandre Ribot et correspondances inédites. 1914—1922. P., 1936.
Lebrun A. Témoignage. P., 1945.
Moch J. Rencontres avec L. Blum. P., 1970.
Poincaré R. Victoire et armistice 1918. P., 1933.
Ribot A. Lettres à un ami Souvenirs de ma vie politique. P., 1924.
Tabouis J. Ils l'ont appelée Cassandre. N. Y., 1942.
Vaillant-Couturier P. Lettres à mes amis (1918—1919). P., 1920.

Литература

Белоусова З. С. Французская дипломатия накануне Мюнхена. М., 1964.
Варфоломеева Р. С. Реакционная политика французских правых социалистов (1936—1939). М., 1949.
Гельбрас П. Внешняя и внутренняя политика Франции. М., 1939.

Гуковский А. Французская интервенция на юге России. 1918—1919 гг. М.—Л., 1928.
Джордан В. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918—1919 гг. М.. 1945.
Поповкина Р. Французские монополии в Индокитае (накануне второй мировой войны). М., 1960.
Ротштейн Э. Мюнхенский сговор. М.. 1959.
Рубинский Ю. Тревожные годы Франции. М., 1973.
Салычев С. С. Французская социалистическая партия между двумя войнами. 1921—1940. М., 1973.
Турок В. Локарно. М.—Л., 1949.
Шнеерсон А. Финансовый капитал во Франции. М., 1937.
Audry C. Léon Blum ou la politique du juste P., 1955.
Augé-Laribé M. et autres. La politique républicaine. P., 1924.
Azéma J.-P. De Munich à la libération (1938—1944). P., 1972.
Chavaroche J. L'économie et la lutte politique en France. P., 1929.
Débu-Bridel J. L'agonie de la Troisième republique. 1929—1939. P., 1948.
Dubief H Le déclin de la Troisième république (1929—1938). P., 1972.
Flandin P.-E. Politique française 1919—1940. P., 1947.
Goguel F. La politique des partis sous la III-e République. P., 1946.
Hoog G. Vingt années d'histoire politique (1906—1925). La Démocratie et la paix. P., 1928.
Ker A. Le Comité des Forges et l'occupation de la Ruhr. P., 1923.
Larmour P. The french radical party in the 1930's. Stanford, 1964.
Mancvy R. La presse de la III-e république. P., 1955.
Malrat J. Histoire des relations franco-anglaises. P., 1953
Mazé P. et *Génébrier R* Les grandes journées du procès de Riom. P., 1945.
Miquel P. La paix de Versailles et l'opinion française. P, 1972.
Monzie A. de. Discours en action. P, 1927.
Pertinax. Les fossoyeurs. T. I—II. N. Y., 1943.
Prévost J. Histoire de la France depuis la guerre. P., 1932.
Priouret R. Origines du patronat français. P., 1963.
Sémar P. Maroko. Hamburg, 1925.
Пер.: *Семар П.* Война в Марокко. Л., 1925.
Slovès A. La France et l'Union Soviétique. P. 1935.
Soulié M. La vie politique d'Edouard Herriot. P., 1962.
Werth A. The destiny of France. L., 1934.
Wormser G. La république de Clémenceau. P., 1961.
Zévaès A. Histoire de la III-e république (1870—1926). P., 1926.
Пер.: *Зеваэс А.* История Третьей республики (1870—1926). М.—Л., 1930.

Рабочее движение и Французская коммунистическая партия

Parti Socialiste, Section Française de l'Internationale ouvrière. XVIII-e Congrès national tenu à Tours les 25—30 décembre 1920. Compte rendu sténographique. P., 1921.
Parti communiste français. III-e Congrès national tenu à Lyon les 20—23 janvier 1924. Adresses et résolutions. P., 1924.
Parti communiste français. V-e Congrès national tenu à Lille les 20—26 juin 1926. Compte rendu sténographique. P., 1927.
Гурвич С. Н. Рабочее движение и левый блок во Франции (1921—1926). М., 1966.
Кожевникова Л. Рабочее и социалистическое движение во Франции в 1917—1920 гг. М., 1959.

Кузнецова Н. Великая Октябрьская социалистическая революция и подъем рабочего движения во Франции — в сб. Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции М., 1958.
Augé-Laribé M. Le paysan français après la guerre. P., 1923.
Пер.: Оже-Лярибе М. Французский крестьянин после войны. М.—Л., 1925.
Brecol J. [G. Montmousseau] La grande grève le mai 1920 P., 1920.
Cogniot G. La révolution d'Octobre et la France. P., 1966.
Пер.: Коньо Ж. Великая Октябрьская социалистическая революция и борьба трудящихся за социальный прогресс. М. 1967.
Fabre-Luce A. La Victoire. P., 1924.
Freville J. La nuit finit à Tours. P., 1951. Пер.: Фревиль Ж. Рождение Французской коммунистической партии. Съезд в Туре. М.. 1951.
Lefranc G. Le mouvement socialiste sous la troisième République (1875—1940). P., 1963.
Mordacq H. Le ministère Clémenceau. T. I—IV (1917—1920). P., 1930—1931.
Rémond R. Les catholiques, le communisme et les crises 1929—1939. P., 1960.
La révolution d'Octobre et la France (Institut M. Thorez). Cahiers. P., 1967.
Tardieu A. La paix. P., 1921. Пер.: Тардье М. Мир. М., 1943.

Народный фронт

Егоров Ю. В. Народный фронт во Франции. Внутриполитическая борьба во Франции 1934—1938 гг. Л.. 1972.
Кравченко Е. А. Народный фронт во Франции. М., 1972.
Соколов В. Печать Народного фронта и прогрессивная французская литература. Л., 1967.
Blum L. L'oeuvre. Du 6 février 1934 au Front populaire. Les lois sociales de 1936. La guerre d'Espagne. 1934—1937. P., 1964.
Bodin L et Touchard J. Front populaire 1936 P., 1961.
Bonnevay L. Les journées sanglantes de février 1934, P., 1936.
Bourdel P. La Cagoule. 30 ans des complots. P., 1970.
Chambaz J. Le Front populaire pour le pain, la liberté et la paix. P., 1961.
Chavardès M. Été 1936. La victoire du Front populaire. P., 1966.
Chavardès M. Le 6 février 1934. La République en danger. P. 1966.
Chérau G. Concorde. Le 6 février 1934. P., 1934.
Dupeux G. Le Front populaire et les élections de 1936. P., 1959.
Frachon B. Le grand capitalisme. Provocateur de crise, de désordre et de misère. Rapport. P., 1935.
Grandmougin J. Histoire vivante du Front populaire. 1934—1939. P., 1966.
Il y a 30 ans. Le Front populaire. Lille, 1966.
Larmour P. J. The french radical party in the 1930's. Stanford, 1964.
Léon Blum chef du gouvernment 1936—1937. Actes du colloque. P., 1967.
Lefranc G. Histoire du Front populaire (1934—1938). P., 1965.
Péri G. La France du Front populaire et les peuples coloniaux. P., 1937.
Péri G. Pour la paix avec l'Espagne républicaine. P., 1936.
Prost A. La C. G T. à l'époque du Front populaire 1934—1939. P., 1964.
Riedmatten L. La tragédie française. Les événements politiques du 6 février 1934 au 3 septembre 1939. P., 1946.
Suarez G. Grande peur au Palais Bourbon. P., 1934.
Tardieu A. L'heure de la décision. P., 1934.
Werth A. The twilight of France 1933—1940. L., 1942.
Willard Cl. Quelques aspects du fascisme en France avant le 6 février 1934. P., 1961.
Willard Cl., Chambaz J. e. a. Le front populaire. (La France de 1934 à 1939). P., 1972.

Роль ФКП в Народном фронте

Кашен М. Компартия Франции высоко держит знамя коммунизма. М., 1935.
Торез М. Единый и народный фронт во Франции. М., 1937.
Торез М. Современная Франция и Народный фронт. М., 1937.
Торез М. и *Коньо Ж.* Народный фронт во Франции. М., 1937.
Компартия Франции в борьбе за Народный фронт. М., 1938.
Кунина М., Маркова В. Коммунисты Франции в борьбе за Народный фронт. 1934—1936. М., 1961.
Parti communiste français. VIII-e Congrès national. Compte rendu sténographique. P., 1936.
Parti communiste français. IX-e Congrès national. Deux ans d'activité au service du peuple. Rapports du Comité Central... Arles, 1937.
Le Front populaire et l'action de Maurice Thorez. Conference scientifique internationale. Paris — Ivry, 24—29 oct. 1966.— «Cahiers de l'Institut Maurice Thorez», oct. 1966—1967. N spécial 3 et 4.
Cachin M., Thorez M. Du front unique au front populaire. Deux discours. P., 1935.
Dimitrov G. Oeuvres choisies. Préf J. Duclos P., 1972.
Thorez M. Les communistes et le front populaire. Discours prononcé à la session du comité central du Parti communiste français. P., 1934.
Thorez M. et autres. Les Communistes contre la guerre. Discours prononcés à la Chambre des députés le 15. juin 1934.
Journal Officiel, des 15 et 16 juin. Pref. de M. Cachin. P., 1934.

ФРАНЦИЯ 1939—1945
(ГЛ. 5—6)

Источники

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 1—6. М., 1960—1965.
Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы М., 1959.
La France sous l'occupation. Par P. Arnoult, J. Billing, F. Boudot. P., 1959.
Dommages subis par la France et l'Union Française du fait de la guerre et de l'occupation ennemie (1939—1945). T. I—IX. P., 1950.
La délégation française auprès le la Commission allemande d'armistice. Recueil de documents publiés par le gouvernement français. T. I—V. P., 1947.
Borwicz M. Ecrits des condamnés à mort sous l'occupation allemande (1939—1945). P., 1954.
Législation de l'occupation. Recueil des lois, décrets, ordonnances, arrêtés ou circulaires des autorités allemandes et françaises promulgués depuis l'occupation. T. I—XVI. P., 1940—1944.
Le pillage économique de la France. Crimes d'ennemis en France. P., 1945.
Les Procès de la collaboration Fernand de Brinon, Joseph Darnand, Jean Luchaire. Compte-rendu sténographique. P, 1948.
Le Procès Flandin devant la Haute Cour de Justice, 22—26 juillet 1946. P., 1946.
Le Procès Laval. Compte-rendu sténographique. P., 1946.
Le Procès du maréchal Pétain. Compte-rendu sténographique. T. I—II. P., 1945.
Recueil des ordonnances et décrets d'intérêt général. (Juin 1943 — juin 1944.) Alger, 1944.

Мемуары. Переписка

Жофр Ф. Нормандия — Неман. Воспоминания военного летчика. Пер. с франц. М., 1960.
d'Astier E. Les dieux et les hommes. 1943—1944. P., 1952. Пер.: *Д'Астье Э.* Боги и люди. 1943—1944. М., 1962.
d'Astier E. Sept fois, cept jours. P.. 1947.
Пер.: *Д'Астье Э.* Семь раз по семь дней. М., 1961.
Beau J. Dunkerque 1940. P., 1967.
Bourget P. A. De Beyrouth à Bordeaux. La guerre 1939—1940. P., 1946.
Chassen L. M. Histoire militaire de la seconde guerre mondiale. P., 1947.
Fabre-Luce A. Journal de la France. 1939—1944. Genève, 1946.
Gamelin M. G. Servir. T. I—III. P., 1946—1947.
Grenier F. C'était ainsi... (1940—1945) P., 1959.
Пер.: *Гренье Ф.* Вот как это было. М., 1960.
Herriot E. Episodes 1940—1944. P., 1950.
Пер.: *Эррио Э.* Эпизоды 1940—1944 (Мемуары). М., 1961.
Péri G. Les lendemains qui chantent. Autobiographie de G. Péri. P., 1947.

Библиография

Catalogues des périodiques clandestins diffusés en France de 1939 à 1945. P., 1954.
Michel H. Bibliographie critique de la Résistance. P., 1964.

Литература

Зильберфарб И. И. Идеи и традиции Великой французской революции в борьбе сил демократии и фашизма. М., 1971.
Исраэлян В. Л. Антигитлеровская коалиция. 1941—1945. М., 1964.
Лавров Л. П. История одной капитуляции. М., 1964.
Лукашин В. И. Против общего врага. М.. 1965.
Некрич А. М. Война, которую назвали «странной». М., 1961.
«Против общего врага. Советские люди во французском движении Сопротивления». М., 1972.
Ратиани Г. М. Конец Третьей республики во Франции. М., 1964.
Ришар Г. Депутаты-коммунисты Франции перед судом виновников ее разгрома. М., 1940.
Секистов В. А. «Странная война» в Западной Европе и в бассейне Средиземного моря (1939—1943). М., 1958.
Смирнов В. П. «Странная война» и поражение Франции. М., 1963.
Смирнов В. П. Франция во время второй мировой войны. М., 1961.
Albrecht-Carrié R. France, Europe and the second World War. Genève, 1960.
Amouroux H. La vie des Français sous l'occupation. P., 1961.
Arnoult P. (et autres). La France sous l'occupation. P., 1959.
Aron R. Histoire de Vichy 1940—1944. P., 1954.
Baumont M. La faillite de la paix. 1939—1945. P., 1950.
Bloch J.-R. De la France trahie à la France en armes. Commentaires à radio Moscou 1941—44. P., 1949.
Bourget P. Histoires secrètes de l'occupation de Paris (1940—1944). P., 1970.
Brissaud A. La dernière année de Vichy (1943—1944). P., 1965.
Chastenet J. De Pétain à de Gaulle (juillet 1940—août 1944). P., 1970.
Darcy J. Histoire de la guerre. 1939—1945. P., 1946.
Dorgelés R. La drôle de guerre. P., 1957.
Farge I. Gagner la paix. P., 1949.
Joubert J. La libération de la France. P., 1945.
Jounelle C. Le dossier Laval. P., 1969.

Martin du Gard M. La chronique de Vichy. 1940—1944. P., 1948.
Massiet R. La préparation et la bataille de Paris. P., 1945.
Michel H. La seconde guerre mondiale. P., 1971.
Plumyene J., Lasierra R. Les fascismes français. P., 1963.
Rougier L. Les accords Pétain — Churchill. Histoire d'une mission secrète. Montréal, 1945
Schmitt G. Les accords secrets franco-britanniques de novembre — décembre 1940. P., 1957.
Vanino M. Le temps de la honte. De Réthondes à l'île d'Yeu. P., 1952.
Willard G. La drôle de guerre et la trahison de Vichy. P., 1960. Пер.: *Виллар Ж.* Странная война и предательство Виши. М., 1962.
Willard G. De Munich à Vichy. P., 1969.
Wormser O. et *Michel H.* Tragédie de la déportation 1940—1945. Tragédie de survivants des camps de concentration allemands. P., 1954.

Движение Сопротивления. Роль ФКП в борьбе с фашизмом

Источники

Письма расстрелянных французских коммунистов. М., 1949.
Bonte F. Le chemin de l'honneur. P., 1949. Пер.: *Бонт Ф.* Дорога чести М., 1949.
Michel H. et *Mirkine-Guetzevitch B.* Les idées politiques et sociales de la Résistance. P., 1950.
Programme du Conseil National de la Résistance et le role de la Commission Nationale et des commissions militaires départementales. S. l., s. d.
Sept ans de luttes ardentes au service du peuple contre l'hitlérisme, pour une France libre, démocratique et indépendante. Rapports du Comité Central pour le X-e Congrès national du Parti communiste français. P., 1945.

Литература

Колосков И. А., Цирульников Н. Г. Народ Франции в борьбе против фашизма. М., 1960.
d'Astier E. De la chute à la libération de Paris 25 août 1944. P., 1965.
Aubrac L. La Résistance. Naissance et organisation. P., 1945.
Bellanger C. La presse clandestine 1940—1944. P., 1961.
Buckmaster M. J. Specially Employed. The Story of British Aid to French patriots of the Resistance. L., 1952.
Dautry J. et *Pastor L.* Histoire de la Résistance. P., 1951.
Granet M. et *Michel H.* Combat. Histoire d'un mouvement de Résistance de juillet 1940 à juillet 1943. P., 1957.
Grenier F. Ceux de Chateaubriant. L., (194—) Пер.: *Гренье Ф.* Герои Шатобриана. М., 1962.
Hostache R. Le Conseil National de la Résistance. P., 1958.
L'Insurrection parisienne 19 août—26 août 1944. Préf J. Duclos. (S. l., s. d.).
Laffitte J. Une nuit sous l'occupation. Le récit exaltant d'un voyage audacieux en compagnie de Fabien et de Marcel Cachin. P., 1972.
Michel H. Les courants de pensée de la Résistance. P., 1962.
Michel H. Histoire de la Résistance. P., 1958.
Nardain B. Les Francs-Tireurs et Partisans français et l'insurrection nationale (juin 1940— août 1944). P., 1947.
Le Parti communiste français dans la Résistance. P., 1967.
Tollet A. La classe ouvrière dans la Résistance. P., 1970.

Работы по послевоенному периоду

Варфоломеева Р. С. Борьба Французской коммунистической партии за мир, демократию, социализм. 1945—1970 гг. М., 1972.
Инкер М. Новые черты финансовой олигархии во Франции. М., 1960.
Матвеев Р. Ф. В поисках точки опоры. Политическая теория и практика французской буржуазии. М., 1965.
Салычев С. С Идеология и политика Французской социалистической партии (1944—1966). М., 1966.
Потемкин Ю. Экономическая политика Франции в странах Магриба (1945—1955). М., 1960.
Проблемы экономики и политики Франции после второй мировой войны. М., 1962.
Рубинский Ю. И. За колоннами Бурбонского дворца. (Кризис буржуазного парламентаризма во Франции после второй мировой войны.) М., 1967.
Carmoy G. de. Les politiques étrangères de la France. 1944—1966. P., 1967.
Chapsal J. La vie politique et les partis en France depuis 1940. P., 1961.
Dupeux G. La France de 1945—1965. P., 1969.
Durand P. Vingt ans. Chronique 1945—1965. P., 1965.
Frachon B. Au rythme des jours. Rétrospective sur 20 années de lutte de la C.G.T. T. 1—2. P., 1967—1968.
Girarder R. La crise militaire française, 1945—1962. P., 1964.
Lapie P.-O. De L. Blum à de Gaulle. Le caractère et le pouvoir. P., 1971.
Parodi M. L'économie et la société française de 1945 à 1970. P., 1971.
Planchais J. Une histoire politique de l'armée. De Gaulle à de Gaulle. 1940—1967. P., 1967.
Williams P. M. French politicians and elections 1951—1969. London, 1970.

ФРАНЦИЯ 1944—1958
(ГЛ. 6—8)

Источники

Assemblée consultative provisoire: textes organiques de novembre 1943 au mai 1944. Alger, 1943—1944.
Assemblée consultative provisoire (1943—1945). Annales... Documents... P., 1951.
Assemblée consultative provisoire (1943—1945) Débats... Compte-rendu analitique. P., 1944—1945.
Assemblée nationale constituante, élue le 21 octobre 1945. Annales... Débats... vol. 1—6. P., 1946.
Assemblée nationale constituante, élue le 22 juin 1946. Annales... Débats... vol. 1—3. P., 1947.
Assemblée nationale. Annales. Débats parlementaires... P., 1947—1958.
Conseil de la République. Annales... Débats... P., 1948—1950.
Conseil de la République. Annales... Documents parlementaires... P., 1949—1951.
Conseil de la République. Comptes rendus des debats... P., 1951—1958.
Assemblée nationale. Témoignages et documents requeillis par la commission d'enquête parlementaire. T. I—IX. P., 1949—1953.
Mouvement économique en France... de 1944 à 1957. P., 1958.
Les territoires d'outre-mer. La documentation française. P., 1965.
Témoignages et documents français relatifs à la colonisation française du Vietnam, Hanoi, 1955.

Мемуары. Переписка

Auriol V. Journal du septennat. 1947—1954. P., 1970
Gaulle Ch. de. Discours et messages. 1940—1946. P., 1946.
Mendès-France P. Sept mois et dix-sept jours. P., 1955.
Moch J. Rencontres avec de Gaulle... P., 1971.
Naegelen M. E. Grandeur et solitude de la France. P., 1956.
Ramadier P. Les socialistes et l'exercice du pouvoir. P., 1961.

Литература

Аваков Р. М. Французский монополистический капитал в Северной Африке. М., 1958.
Беттельхейм Ш. Экономика Франции после второй мировой войны. М., 1956.
Борисов Ю. Уроки истории Франции и современность. М., 1956.
Гаврилов Н. И. Западная Африка под гнетом Франции. 1945—1959. М., 1961.
Гаврилюк В. В. Распад французской колониальной империи. М., 1962.
Ефремов А. Французский народ в борьбе за мир и демократию. М., 1954.
Жансон К. и *Ф.* Алжир вне закона. М., 1957.
Загладин В. В. Борьба французского народа за мир и национальную независимость. М., 1955.
Крутоголов М. А. Государственный строй современной Франции (Четвертая республика). М., 1958.
Кузнецов В. И. Франция: экономика государственно-монополистического капитализма. М., 1968.
Любимова В. В. Экономика Франции и положение трудящихся масс после второй мировой войны. М., 1952.
Макаренкова Е. И. Французская социалистическая партия в годы IV республики. М., 1973.
Манусевич А. Я. Борьба за демократию во Франции. М., 1947.
Молчанов Н. Н. Внешняя политика Франции. 1944—1954. М., 1959.
Молчанов Н. Н. Саарский вопрос. М., 1958.
Молчанов Н. Н. Четвертая республика. М., 1963.
Наринский М. М. Англия и Франция в послевоенной Европе. 1945—1949. М., 1972.
Салычева Л. А. США и Франция. Проблемы империалистического союза 1945—1958 гг. М., 1970
Скоров Г. Е. Французский империализм в Западной Африке. М., 1956.
Франция и «европейская армия». — Сб. материалов. Пер. с франц. М., 1954.
Франция и тресты. М., 1955.
Черников Г. И. Экономика Франции. М., 1959.
Aymard C. Tragédie française en Afrique du Nord. Les responsables P., 1958.
Berl E. La France irréelle. P., 1957.
Billoux F. Quand nous étions ministres. P., 1972.
Bonte F. Le militarisme allemand et la France. P., 1966. Пер.: *Бонт Ф.* Германский милитаризм и Франция. М., 1967.
Barale J. La IV-e République et la guerre. P., 1961.
Barsalou G. La Mal-Aimée. Histoire de la IV-e République. P., 1964.
Bromberger M. et *S.* Les 13 complots du 13 mai. P., 1959.
Chardonnet J. L'économie française. Etude géographique d'une décadence et des possibilités de redressement. P., 1958. Пер.: *Шардонне Ж.* Экономика Франции. М., 1960.
Claude H. Les monopoles contre la nation. Dix ans de trahison nationale. 1945—1955. P.,1956.
Daner J. et *Rodet M.* Le 13 mai sans complots. P., 1959.
Deschamps H. L'Union française. P., 1952.

Duquesne J. L'Algérie et la guerre des mythes. P., 1958.
Duverger M. Les élections du 2 janvier 1956. P., 1957.
Egretaud M. Réalité de la nation algérienne. P., 1957. Пер.: *Эгрето М.* Алжирская нация существует. М., 1958.
Elgay G. La République des illusions 1945—1951 ou la vie de la IV-e République. P., 1965.
Fauvet J. La France déchirée. P., 1957.
Fauvet J. La IV-e République. P., 1959.
Ferniot J. Les idées de mai. P., 1958.
Frachon B. La Bataille de la production. Nouvelle étape du combat contre les trusts. P., 1946.
Grenier F. Poujade sans masque. P., 1956.
Grosser A. La IV-e République et sa politique extérieure. P., 1964.
Lavergne B. Problèmes africains. Afrique Noire — Algérie — Affaire de Suez. P., 1957.
Leutin P. L'Algérie des colonels. P., 1958.
Mac Rae D. Parliament, parties and Society in France. 1946—1958. N.Y., 1967.
Marabuto P. Les partis politiques et les mouvements sociaux sous la IV-e République. P., 1948.
Merle M. Les moderés. Classes sociales et partis politiques. P., 1935.
Miquel P. La IV-e République. Hommes et pouvoirs. P., 1972.
Pickles D. French politics. The first years of the Fourth Republique. L., 1953.
Planchais J. La malaise de l'armée. P., 1958. Пер.: *Планше Ж.* Недуг армии. М., 1959.
Raléa M. Visage de la France. P., 1961. Пер.: *Раля М.* Два облика Франции. М., 1962.
Rouanet P. Mendès-France au pouvoir (18 juin 1954—6 février 1955). P., 1966.
Savary A. Nationalisme algérien et grandeur française. P., 1960.
Siegfied A. De la IV-e à la V-e République au jour du jour. P., 1958.
Sirius. Le suicide de la IV-e République. P., 1958.
Werth A. The Strange history of P. Mendes-France and the Great conflict over french North Africa. L., 1957.
Williams P. M. Crisis and compromise. Politics in the fourth republic. L., 1964.

Борьба ФКП за единство левых сил в годы Четвертой республики

Французские коммунисты в борьбе за прогрессивную идеологию. Пер. с франц. М., 1953.
Parti communiste français. X-e Congrès national tenu à Paris 1945.
Thorez M. Une politique française. P., 1945.
Parti communiste français. XI-e Congrès national tenu à Strasbourg 1947.
Duclos J. La voie du salut. P., 1947.
Parti communiste français. XIV-e Congrès national. La Havre. 18—21 juillet 1956. Rapports, interventions et documents. P., 1956.
Parti communiste français et la lutte des peuples coloniaux pour leur indépendance P., 1958.
Thorez M. et *Duclos J.* Pour l'union communiste et socialiste. P., s. d.

ПЯТАЯ РЕСПУБЛИКА
(ГЛ. 9—11)

Источники

Assemblée nationale. Annales. Débats parlementaires... P., 1958—.
Assemblée nationale. Senat. Comptes rendus des débats... P., 1959—.
L'établissement de la Cinquième République. Le référendum du septembre et les élections du novembre 1958. Préf. de J. Touchard. P., 1960.
Gaulle Ch. de. Discours et messages, v. III—IV. P., 1970—1971.
Paillat C. Archives secrètes 1968—1969. Les coulisses d'une Année terrible. P., 1969.
Le Référendum d'octobre et les élections de novembre, 1962. (Sous le dir. F. Goguel). P., 1965.
Visite officielle de M. G. Pompidou, président de la République française en URSS 6—13 oct. 1970. P., 1970.

Литература

Вачнадзе Г. Н. Печать Пятой республики. 1958—1968. М., 1969.
Ветланин В. Франция и Западная Германия в «Общем рынке». М., 1962.
Волков Н.В. Франция и социалистические страны Европы. М., 1971.
Глухарев Л. И. Воздействие «Общего рынка» на экономику Франции. М., 1971.
Гончаров А. Н. Тресты Франции в «малой Европе». М., 1966.
Губенко И Г. Валютное положение Франции. М., 1960.
Загладина С. Американский капитал во Франции. М., 1962.
Колосков И. А. Внешняя политика современной Франции. М., 1964.
Крутоголов М. А. Государственный строй Франции по конституции 1958 г. М., 1960.
Манфред И. А. Париж — Бонн. Франко-западногерманские отношения во внешней политике Пятой республики. 1958—1968. М., 1970.
Молчанов Н. Н. Внешняя политика Франции (Пятая республика). М., 1961.
Момджян Х. Н. Марксизм и ренегат Гароди. М., 1973.
Покровский А. И. Практика против теории (новые явления во французской экономике и идейная борьба). М., 1965.
Рубинский Ю. Пятая республика. (Политическая борьба во Франции в 1958—1963 гг.) М., 1964.
Седых В. Н. Наследники Коммуны. М., 1968.
Солоницкий А. С Экспорт капитала в неоколониалистской стратегии бывших метрополий (на примере Франции). М., 1971.
Франция. (Экономика и политика стран современного капитализма.) Под ред. Ю. И. Рубинского. М., 1973.
Черников Г. П. Финансовая олигархия во Франции. М., 1966.
Черников Г. П. и *Черникова Д. А.* Сторонники и противники франко-советского сотрудничества. М.. 1971.
Alexandre Ph. Le duel de Gaulle — Pompidou. P., ,1968
Andrieu R. Les communistes et la Révolution. P., 1968.
Avril P. Le régime politique de la V-e République. P., 1967.
Barrillon R. La gauche française en mouvement. P., 1967.
Baumier J. Les grandes affaires françaises. P., 1967.
Bellville P. Une nouvelle classe ouvrière. P., 1965.
Brandt Ph. Les crises politiques intérieures de la V-e République. P., 1970.
Charlot J. Le phénomène Gaulliste. P., 1970.
Charlot J. U. N. R. Etude du pouvoir au sein d'un parti politique. P., 1967.
Chatelin J. La nouvelle constitution et le régime politique de la France. P., 1959.

Claude H. Caullisme et grand capital. P., 1960. Пер.: *Клод А.* Голлизм и крупный капитал. М., 1961.
Cogniot G. Laicité et réforme démocratique de l'enseignement. P., 1963.
Cohen J. S. Modern capitaliste planning. The franch Model. L., 1969.
Couve de Murville M. Une politique étrangère 1958—1969. P., 1971.
Debré M. La jeunesse qu'elle France te faut-il? Essais pour une politique nationale. P., 1965.
Debu-Bridet J. De Gaulle contestataire. P., 1970.
Duverger M. La V-e République et le régime présidentiel. P., 1961.
Estier Cl. Journal d'un fédéré. La fédération le la Gauche au jour le jour. 1965—1969. P., 1970.
Faucher J.-A. La Cinquième République. P., 1962.
Gervais G. La France face aux investissements étrangers. P., 1963.
Goguel F. L'élection présidentielle du 5 et 19 décembre 1965. Analyse des résultats. P., 1967.
Gorce P.-M. de la. La République et son armée. P., 1963.
Goux Ch. L'économie française. Diagnostique, 1969. Perspectives 1970. P., 1970.
Grosser A. La politique extérieure de la V-e République. P., 1965.
Guery L. Les maîtres de l'U.N R. P., 1959.
Hamon L. De Gaulle dans la République. P., 1964.
Hamon L. et *Mabileau A* La personnalisation du pouvoir. P., 1964.
Lacouture J. De Gaulle. P., 1969.
Mallet S. Le gaullisme et la gauche. P., 1965.
Massip R. De Gaulle et l'Europe. P., 1963.
Mendès-France P. La République moderne. P., 1962.
Mitterand F. Le coup d'Etat permanent. P., 1964.
Mollet G. 13 mai 1958—13 mai 1962. P., 1962.
Mouillaud M. La mystification (du 13 mai au 28 septembre). P., 1968.
Perroux T. Le progrès économique. P., 1968.
Reynaud P. La politique étrangère du gaullisme. P., 1964.
Reynaud P. Et après? P„ 1964.
Rueff J. L'âge de l'inflation. P., 1963.
Salini L. Mai de prolétaires. P., 1968.
Schwartzenberg. La campagne présidentielle de 1965. P., 1967.
Seguy G. Le Mai de la C.G.T. P., 1972.
Servan-Schreiber J. J. Le défi américain. P., 1967.
Servan-Schreiber J. J. Le réveil de la France. P., 1968.
Suffert G. De Defferre à Mitterand. La campagne presidentielle. P., 1966.
Ternoire L. De Gaulle et l'Algérie. P., 1964.
Tournoux J. R. Secrets d'Etat. P., 1960.
Tournoux J. R. Le tragédie du Général. P., 1967
Uri P. Pour gouverner. P., 1967.
Vallon L. Le grand dessein national. P., 1964
Viansson-Ponté P. Bilans de la V-e République. Les politiques. P., 1967.
Viansson-Ponté P. Histoire de la République Gaullienne. T. 1—2. P., 1971.
Viansson-Ponté P. Risques et chances de la V-e République. P., 1959.
Williams Ph. The french parliament. Politics in the Fifth Republic. L., 1968.
Wilson F. L. The french democratic left 1963—1969. Toward a modern party system. Stanford 1971.
Weiller J. La balance des payements. P., 1968.

Борьба ФКП за единство левых сил в годы Пятой республики

Борьба Французской коммунистической партии за единство левых сил (1958—1967 гг.). М. 1968.
Рубинский Ю. И. Рабочая Франция в борьбе. М., 1962.
Щировский Ю. Борьба Французской коммунистической партии против войны в Алжире. М., 1962.
Parti Communiste Français. XV-e Congrès national tenu à Ivry 24—28 juin 1959. Rapports, interventions et documents. P., 1959.
Parti Communste Français. XVI-e Congrès national tenu à Saint-Denis 11—14 mai 1961. Rapports, interventions et documents. P., 1961.
Parti Communiste Français. XVII-e Congrès national tenu à Paris 14—27 mai 1964. Rapports, interventions et documents. P., 1964.
Parti Communiste Français. XVIII-e Congrès national tenu à Levallois-Perret 4—8 janvier 1967. Rapports, interventions et documents. P., 1967.
Parti Communiste Français. XIX-e Congrès national tenu à Nanterre 4—8 février 1970. Rapports, interventions et documents. Salutations et messages. P., 1970.
Parti Communiste Français. XX-e Congrès national tenu à Saint-Ouen 13—17 décembre 1972. Rapport, interventions et documents. Salutations et messages. P., 1973.
La déclaration commune du Parti Communiste Français et du Parti Socialiste. Le 18 décembre 1969.— «L'Humanité», 19 décembre 1969.
Premier bilan des conversations engagées entre le Parti Communiste Français et le Parti Socialiste sur les conditions fondamentales d'un accord politique (le 22 décembre 1970).— «L'Humanité», 23 décembre 1970.
Parti communiste Français. «Changer le cap. Programme pour un gouvernement démocratique d'union populaire». P., 1971.
«Le programme commun de gouvernement établi par les délégations communiste et socialiste» (26 juin 1972).— «L'Humanité», 28 juin 1972.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдель Керим 115—117, 133
Абец Отто 203, 230, 231, 234, 245, 277
Авриль П. 419, 421
Аденауэр Конрад 91, 342, 443, 444, 446
Александр Ф. 503
Албрехт-Карье Р. 165
Альфан Шарль Эрве 174
Амон Лео 462
Амуру А. 234
Андре Пьер 347
Андриё 16
Ансар Гюстав 488
Ансельм Филипп д' 34
Антюхина-Московченко В. И. 152, 224
Аргу 438
Аржанлье Жорж Тьерри д' 242, 321
Арманд Инесса (Елизавета Федоровна) 45
Арон Р. 230, 232, 245, 246, 248, 260, 262, 274, 277—279, 364, 376, 395, 430
Арриги Паскаль 416
Астье де ла Вижери Эммануэль д' 253, 256, 268, 269, 289

Багенар Ж. 421
Бантке С. С. 24, 48
Бао Дай 345
Баранже Шарль 355
Барбе Анри 136, 144
Барбюс Анри 16, 17, 40, 48, 53, 67, 95, 143, 147
Барду Жак 150
Барийон Р. 325, 326, 480
Барсалу Ж. 312, 318
Барту Луи 77, 83, 86, 155, 157—159
Бастид Поль 347
Баш Виктор 170
Бекмастер М. 253
Белен Рене 233
Белланже Р. 263
Белогловский Е. С. 167
Белоусова З. С. 156, 167, 176
Белоф Н. 445
Бен Барка Мехди 478
Бенедикт XV 63
Бенеш Эдуард 203
Бенуа П. 289, 325, 354
Бередиа 96
Берль Эммануэль 408
Бертело 148
Берти Френсис лорд Тейм 17
Бертуэн Жан 424, 425
Бесс Ги 517
Беттанкур Андре 552
Беттельхейм Ш. 185
Бёв-Мери Юбер 343, 346
Бидо Жорж 255, 264, 288, 312, 318—320, 339, 344, 358, 361—363, 366, 369, 403, 412, 464
Бидэгаре 71
Бийотт Пьер Гастон 305
Бийу Франсуа 52, 269, 303, 319, 341, 379
Биллер Рене 390
Билли Г. 405
Бишоф Э. 91
Блок Жан Ришар 40, 196
Блок Марк 253
Блюм Леон 54—56, 90, 103, 104, 134, 161, 168, 182—185, 188, 197, 199, 200, 206, 207, 231, 246, 299, 300, 309, 313, 318, 321, 322, 326, 331, 334, 341
Блямон Э. 422
Богомолов А. Е. 247
Боден Л. 170
Бокановский Морис 444
Болл Джордж 449
Бомон М. 81
Бонне Жорж 144, 152, 186, 192, 202—204, 209—212, 214
Боннефу Ж. 6, 83, 84, 90, 115
Бонт Флоримон 52, 217, 344
Бонфус Эдуард 347
Бонье де Ла Шапель 260

Борисов Ю. В. 107, 115, 127, 148
Бофр А. 448
Браво Лопес 544
Бразийяк Робер 292
Бран Ф. 434
Брежнев Леонид Ильич 547, 548, 551, 554
Бреко Ж. см. Гастон Монмуссо
Бретт В. 48
Бриан Аристид 63, 64, 82, 113, 115, 122, 123, 125, 126, 128, 136, 144, 148
Бринон Фернан де 202
Бро Ф. 465
Бромберже М. 413, 417, 431
Бромберже С. 413, 417, 431
Брэдли Омар Нелсон 349
Брюа Ж. 197
Брюн Шарль 358
Брютель Жорж 471
Бужю М. 6
Буиссон Фернан 169, 171
Буллош Андре 424, 425
Буменджель 400
Бургиба Хабиб 360, 405
Бурде К. 265
Бурдерон Альбер 43
Бурженн Ж. 134
Буржес-Монури Морис 383, 390, 401
Буржуа Леон 30
Бюлов Вильгельм фон 149
Бютен Р. 230

Вайян-Кутюрье Мари Клод 261
Вайян-Кутюрье Поль 22, 56, 75, 86, 96, 143
Валла Ксавье 233
Валлон Луи 462, 502
Валуа Ж. 8
Вальдек-Руссо Рене 14
Вальтер Ж. 25
Ван Ко 345
Ванцетти Бартоломео 133
Варенн Александр 42
Варфоломеева Р. С. 190, 207
Вейган Максим 201, 218—220, 222, 223, 226, 231, 235, 259
Вейцзекер Эрнст фон 192
Вельчек Иоганн фон 188, 189, 209, 210
Вердье Робер Жан 397
Вернер 263
Верт А. 262, 277, 310, 344, 356
Виансон-Понтэ П. 435, 436, 441, 447, 457, 467, 484, 485, 487, 495, 498, 503, 538, 539
Видясова Л. М. 240
Вийон Пьер 250, 265, 269, 274, 278, 282, 284
Виктор А. 22
Виллар Ж. 217, 230, 234
Виллар К. 150, 208, 213
Виллен Рауль 20
Вильде Борис 240
Вильсон Вудро 9, 19, 32, 34
Винсон Фред 309
Витри д'Авокур Рауль Жозеф Мари 455
Воог Жак 245
Врангель П. Н. 40, 41
Вулян 330

Газье Альбер Пьер 390
Гайяр Феликс 401, 402, 404, 405, 412
Галифакс Эдуард Фредерик Вуд 204
Гамелен Морис Гюстав 203, 210, 216—218, 222, 223
Гарми Р. 44, 69
Гароди Роже 516, 517
Гарро Жорж 257
Гарсиа Х. 116
Гаскюэль Жак 457
Геббельс Йозеф 192
Гейдрих Рейнхард 230
Герен А. 134
Герен Д. 153
Гери Л. 411
Геринг Герман 227
Герню Анри 172
Гесс Рудольф 227
Гийом Огюстен 361, 394
Гильбо Анри 108
Гитлер Адольф 150, 157, 166, 174, 176, 178, 190, 192, 201—207, 210—214, 216, 221, 227, 234, 236, 246—248, 250, 274, 277, 382
Глухарев Л. И. 409, 488, 489
Гогель Ф. 302, 353, 434, 477
Голль Шарль де 224, 226, 229, 235, 236, 240—242, 245, 246, 254—259, 265—270, 274, 278, 284—287, 290, 292, 295, 300, 302—305, 313, 314, 318, 322, 325, 335, 336, 353, 354, 370, 383, 396, 403, 411, 412, 417, 418, 420, 422—435, 439—453, 464, 465, 475—478, 484, 487, 492, 494—496, 498—506, 510, 511, 520, 521, 527, 531—533, 535—541, 543, 544, 546, 551, 554
Гопкинс Гарри Ллойд 265
Горгулов 145
Горс П. М. де ла 289, 411, 437
Гранваль Жильбер Жиль Эдмонд 384

Гране М. 253, 268
Гренье Фернан 217, 245, 256, 264, 269, 279, 382
Гроссе А. 342, 356, 363, 364, 398, 409, 447
Грюзон К. 408
Губенко И. Г. 406
Гувер Герберт Кларк 145
Гуковский А. И. 37
Гуральский А. Я. 150
Гурвич С. Н. 117, 124
Гурдо Анри 93
Гурдон А. 381
Гуэн Феликс 306, 319
Гэ Франсиск 306
Гюйо Жан 455
Гюйо Раймон 52, 217, 249

Давид Жан Поль 298, 381
Давидсон 309, 310
Даладье Эдуард 84, 130, 135, 153, 154, 163, 185, 199—210, 212—214, 219, 223, 246
Далидо Артур 249
Даллес Аллен 254
Даллес Джон Фостер 331, 363
Дамужо-Перрон Ж. 7
Дарлан Жан Луи Ксавье Франсуа 218, 234, 236, 244, 245, 247, 248, 259—261, 265
Дарнан Жозеф 246, 274, 276, 292
Дауэс Чарлз Гейтс 129
Деа Марсель 233, 247, 274
Дебарж Шарль 243
Дебре Мишель 419, 424, 425, 458, 461, 463, 464, 478, 502, 510, 535, 536, 543
Дегут Жан Мари Жозеф 89
Дежонкер 44
Декур Жак 249
Делавиньет Р. 439
Делаттр де Тассиньи 260, 279
Делестрэи Шарль Антуан 256, 267
Делонкль Эжен 187
Дельбек 415, 426
Дельбос Ивон 189, 192—194
Деникин А. И. 6, 34, 36
Деффер Гастон 390, 401, 471—473, 507—509, 524
Джамми-Шмидт 135
Джонсон Линдон 449
Дид 477
Довгалевский Валериан Савельевич 147, 148, 149, 158, 166
Домманже М. 17
Дорио Жак 231, 233, 246, 247, 277, 382
Дортен 91
Дотри Ж. 250
Дранкур Мишель 408
Дриё ля Рошель Пьер 292
Дронн Раймон Эжен Гюстав Жозеф 394
Думенк Жозеф 212
Думер Поль 145
Думерг Гастон 81, 105, 154, 160, 161, 163, 164, 169
Дьен Раймонда 350
Дюамель Жак 502, 506, 510
Дюамель Жорж 40
Дюбуа А. 6
Дюверже М. 318, 421, 477
Дюкатель Луи 508
Дюкло Жак 28, 46, 52, 56, 97, 110, 122, 134, 163, 182, 199, 208, 220, 237, 238, 239, 249, 322, 339, 345, 355, 357, 358, 390, 394, 395, 402, 415, 418, 507—509, 518, 526
Дюмулен Жорж 43, 208
Дюпё Ж. 153, 170, 419, 440, 445, 455, 459
Дюпюи Марк 249
Дюрафур Антуан 120
Дюрозель Ж. Б. 446
Дюсеньер Эдмонд Артур 187
Дюше Роже 383, 403, 464
Дюшемен Рене 139

Егоров Ю. В. 180
Елизавета II 542
Ефремов А. 296

Жан Рено 103
Жаннен М. 28, 34
Женебрие Р. 246
Жерар Гастон 200
Жермен-Мартен см. Мартен Жермен
Жеррам Г. 22, 52
Жид Ш. 61
Жиньу Поль Фредерик Александр 455
Жиро Анри Оноре 259, 260, 265, 266, 269
Жиромский Жан 161, 190, 206, 207
Жискар д'Эстен Валери 459, 461, 468, 471, 479, 505, 513
Жобер Мишель 535
Жозеф 256
Жолио-Кюри Фредерик 250, 348, 349
Жорес Жан 20, 109, 110, 117, 162, 336
Жорж Б. 182
Жорж Пьер см. Фабьен
Жубер Ж. 231

Жув Э. 445
Жуо Леон 35, 71, 119, 154, 184, 208, 218
Жуо Эдмонд 412, 417, 434, 437
Жюкен Пьер 517
Жюэн Альфонс 259, 260, 361, 384
Жуэнвиль (Альфред Маллерэ) 268

Зак Л. М. 37
Зеваес А. 200, 201
Зеллер Мари Андре 394, 434
Зибура Г. 444
Зигфрид Андре 371, 382
Зильберфарб И. И. 239

Иден Антони 173, 398
Изорни Жак 477
Инкер М. 375

Кадра Феликс 249
Казанова Даниэль 249, 261
Кайо Жозеф 10, 108, 113, 118, 120, 123, 124
Калинин Михаил Иванович 92
Камбон В. 93
Камбон Жюль 30
Камелина́ Зефирен 73, 105
Каммерер А. 223, 259—261
Кан Ж. 510
Канс Рене 474
Капитан Рене 318, 462, 502
Карл X 67
Карно Адольф 11
Каррер Ж. 134
Кастельно Эдуард де 110
Катла Жан 245
Катру Жорж 242, 390, 393
Кашен Марсель 6, 34, 36, 40, 41, 50—52, 56, 67, 75, 77, 86, 87, 93, 143, 171, 173, 184, 219, 387
Кеваль Ж. 230
Кей Анри 125, 135, 336, 337, 353, 381
Кейзер Жак 296
Кейтель Вильгельм 227
Келлог Фрэнк Биллинг 127, 128
Кериллис Анри де 178, 201
Кёллер 95
Кёниг Мари Пьер 274, 278, 366, 383, 384
Кирей Н. И. 544
Киссельгоф И. С. 232
Клемансо Жорж 9, 11, 13, 15—17, 20, 27, 28, 30—34, 36, 38, 81
Клемантель Этьенн 112
Клодиус-Пети Эжен 289
Клоц Луи Люсьен 30
Кнохен 230
Кожевникова Л. П. 18
Кокорин М. А. 273
Коллиар Люси 53
Коллиар Пьер 21, 53
Коллине М. 61
Колосков И. А. 263, 265, 273
Колчак А. В. 6
Кольтон Ж. 301
Кон-Бендит Даниэль 483
Коньо Жорж 52, 144
Косыгин Алексей Николаевич 452, 453, 553
Кот Пьер 159, 188, 229, 296, 306, 311
Коти Рене 369, 412, 413, 418
Коти Франсуа 136, 151
Кравченко Е. А. 110, 170, 180
Красуки А. 169
Крейсель Поль 200
Кривин Ален 508
Крифф К. 444
Круаза Амбруаз 303, 319
Крутоголов М. А. 311, 315, 317, 420
Кув де Мюрвиль Морис Жак 442, 446, 448, 451, 453, 479, 499, 502, 503, 510, 552
Кузнецов В. И. 408
Кузнецова Н. В. 37
Кунина М. 154
Куно Вильгельм 92, 96, 98
Кьяпп Жан 152

Лаборд Жан де 261
Лаваль Пьер 144, 155, 159, 160, 164—167, 169, 171—174, 187, 217, 232, 234, 236, 248, 249, 261, 286, 292, 455
Лависс Эрнест 27
Лавров Л. П. 201
Лагайярд Пьер 431
Лазарев Пьер 204
Лакост Робер 337, 338, 390, 396, 399—401
Лаку Ж. 7
Лакур-Гайе Б. 6
Лакутюр Ж. 427
Ламбер-Рибо Альфред Александр Этьенн 183
Ланжевен Л. 40
Ланжевен Поль 40, 143
Ланьель Жозеф 306, 358, 359, 361, 362, 364, 365, 368
Лармина Рене Мари Эдгар де 242
Ласиера Р. 233
Лафе Бернар 383
Лафон Эрнест 35

Лашапель Ж. 135
Леба Жан 104, 161
Лебрен Альбер 145, 223, 227
Левицкий Анатолий 240
Леенарт Франсис 471
Лежандр Жан 338, 394
Лейг Жорж 15, 63, 144
Леканюэ Жан 471, 475—477, 479, 502, 506, 525
Леклерк Филипп Мари 242, 284
Лемер Морис 366
Ленин Владимир Ильич 7, 11, 14, 20, 37, 42, 45—49, 51, 52, 56, 58, 73, 79, 80, 87, 89, 99
Лентен А. П 410
Ле Пен Жан Мари 394
Ле Трокер Ив 86
Лефевр Раймон 47
Лефран Ж. 139, 151, 170
Лимон 543
Лиоте Луи Юбер 116, 117
Лисбон 172
Литвинов Максим Максимович 147, 157, 167, 204
Локкарт Роберт Гамильтон 28
Лонге Жан 42, 43, 48, 54, 56
Лора Мишель 378
Лорио Фернан 42, 43
Лорн Шарль 22
Луи Поль 18
Луцкая Н. С. 116
Луцкий В. Б. 118
Лушер Луи 30, 31, 62, 144
Любимова В. В. 308
Людовик XIV 232
Люизе Шарль 284
Люшер Жан 292
Лябурб Жанна 36, 45
Лященко П. И. 29

Мадоль Ж. 204
Мазе П. 246
Мазелен А. 263
Макдональд Джеймс Рамсей 106
Мак-Магон Мари Эдме 316
Макмиллан Гарольд 442
Мальви Жан Луи 10, 108
Мальро Андре 289, 502, 510
Мальтер А. 489
Мальтер Ж. 289, 325, 354
Мандель Жорж 226
Мантон Франсуа де 311
Манусевич А. 288, 292
Манушьян Мисак 263
Манфред А. З. 40, 84, 106, 107, 115, 167, 228
Манфред И. А. 444
Марен Луи 33, 164
Маркова В. 154
Маркс Карл 56, 299
Марран Жорж 93, 249, 319
Марсаль Франсуа 105
Мартен Анри 350
Мартен Жермен 141
Мартен дю Гар Морис 274
Марти Андре 38
Мартино-Депла Леон 298, 358, 381
Маршалл Джордж Кэтлетт 320
Марше Жорж 469, 515, 525, 526, 530, 534, 536
Марэн Луи 347
Массерон Андре 245
Массон Жан 401
Массю Жак 399, 400, 403, 412, 413, 496
Массье Р. 282, 284
Мау Ж. Ш. 421
Мейер Даниель 397, 419
Мейер Рене 334, 335, 358, 373, 381
Мендес-Франс Пьер 216, 269, 292, 293, 306, 363—367, 371—373, 381, 383, 386, 388, 390, 396, 419, 495
Мерль М. 354
Мерргейм Альфонс 43
Мерсье Андре 217
Мерсье Э. 150, 151
Мерфи Роберт 235, 259, 405
Месмер Пьер Огюст Жозеф 479, 531, 535, 554
Мессен 250
Метью Р. 299
Мидоль Люсьен 20, 23
Мильеран Александр 14, 15, 23, 38, 40, 67, 82, 94, 98, 105, 110
Минц И. И. 29
Миттеран Франсуа 344, 388, 390, 401, 419, 472, 475—477, 479, 495, 502, 524
Мишель А. 253, 254, 268, 280
Мишель Шарль 217
Мишо Виктор 238
Мовэ Леон 26, 249
Мок Жюль 327, 337, 338, 378, 390, 468
Моке Ги 245
Молле Ги 326, 334, 347, 356, 370, 388—402, 417, 465, 467, 471, 472, 479, 506, 507, 517, 518, 524
Молчанов Н. Н. 224, 319, 327, 372
Момджян Х. Н. 517
Монатт Пьер 45
Монэи Анатоль де 107

Монмуссо Гастон 15, 23, 26, 43—45, 89, 93, 220, 238, 249
Монне Жан 328, 343
Моннервиль Гастон 337
Монтарон Ж. 523
Монтгомери Бернард Лоу 349
Монтиньи Жан 200
Монтобан П. 280
Монури Морис 86
Морель Жан 27
Морис 464
Морис Андре 383, 401, 403
Морис Ж. 131
Моррас Шарль 233, 246
Моруа Пьер 524
Мохаммед бен Юсеф 361, 384
Мохаммед Милай бен Араф 361, 384
Мулен Жан 255, 256, 264
Муссолини Бенито 156, 165, 203, 204, 211, 214, 221, 224, 382
Мутон Адриен 217
Мюзеллек Р. 421
Мюзелье Эмиль 242
Мюллер Эмиль 525
Мюттер Андре 306

Наполеон I 77
Нгуен Ай Куок см. Хо Ши Мин
Нейрат Константин фон 189, 192
Николе К. 298
Никсон Ричард 538, 544—546
Новак К. 31
Ногаро Бертран 139
Ногес Шарль Огюст Поль 241, 260
Ноель Леон 203, 209
Нордлинг Рауль 284
Нуланс Жозеф 28, 64

Обуано Филипп Мари Жозеф Раймон 412, 417
Обэн 213
Оже-Ларибе М. 6, 14
Олар Альфонс 67
Олле-Ляпрюн Ж. 82
Омеран Адольф 373
Орв Этьенн д' 245
Ориоль Венсан 318, 322, 326, 329, 358, 417
Ормессон Владимир д' 176
Ортиз Жозеф 431
Осташ Р. 264
Отклок Жан Мари Франсуа де 360

Пайа 410
Палевский Гастон 383, 384
Папен Франц фон 145, 146, 192
Пароди Александр 282, 284
Пароди М. 454, 455, 457, 463
Пасси 241, 254
Паттон Джордж Смит 279
Пелленк Марсель 456
Пенлеве Поль 81, 90, 105, 113, 115, 116, 118, 120—122, 125
Пери Габриэль 52, 75, 86, 93, 175, 203, 206, 239, 246
Перика Раймон 44, 47
Перро Ж. 411
Пертинакс (Андре Жиро) 91, 203, 222
Перье Леон 135
Петен Филипп 116, 155, 201, 211, 217, 222, 226—228, 231—237, 240, 244, 246—248, 259—261, 286, 292, 477
Пети Эрнест 257
Пивер Марсо 397
Пикар Р. 8
Пиклз Д. 303
Пине Антуан 356—358, 368, 383, 384, 402, 417, 425, 426, 455, 456
Пино Кристиан 253, 256, 390, 394, 395, 398, 405
Пишон Стефан 28—30
Планше Жан 410, 434
Плевен Рене 292, 308, 343, 344, 353, 355, 356, 368, 402, 412, 506, 510
Плиссонье Гастон 510
Плюмьен Ж. 233
Покровский А. И. 294, 376, 406
Политцер Жорж 186, 239, 249
Поль Марсель 303, 319
Поль-Бонкур Жозеф 90, 157, 202
Помпиду Жорж 446, 448, 464, 465, 468, 478, 486, 493, 499, 503—505, 508, 509—511, 514, 520, 521, 535, 537, 540, 541, 544—546, 548, 552—555
Понкаррал (Де Жюсье) 268
Понсо-Шапюи 336
Понятовский Мишель Казимир 415
Попов В. И. 159
Порик Василий Васильевич 272, 275
Потемкин Владимир Петрович 166—168
Потэн Феликс 252
Поццо ди Борго 187
Поэр Ален 505, 506, 508, 509, 519
Прево Ж. 106, 111, 123, 124
Примо де Ривера Мигель 116, 117
Приуре Р. 8
Пуанкаре Раймон 30, 81—86, 89, 90, 94, 96, 98, 101, 116, 124—127, 129—131, 133—136, 455

Пуарье 213
Пужад Пьер 382, 383
Пфлимлен Пьер 383, 412, 413, 415—418
Пьетри Франсуа 144, 164, 192
Пюше Пьер 245, 261

Рабкин Е. Л. 95
Раля М. 325
Рамадье Поль 318, 319, 320, 322, 323, 326, 329, 339, 390
Раметт Артюр 171, 172, 197
Рамье Бартелеми 26
Ратиани Г. М. 223
Рафаель П. 10
Ревер Жорж 345
Редер Эрих 227
Рейно Поль 144, 165, 180, 192, 197, 200, 207, 219, 220, 222—226, 229, 246, 347, 358, 419, 465
Реми Жильбер Рено 256
Ремон Р. 153
Рен 72
Ренодель Пьер 35, 42, 122
Ренуар Жан 196
Ренувен П. 11, 114, 165
Риббентроп Иоахим фон 209, 227
Рибо А. 10
Риджуей Метью 357
Ридматтен 206
Риттер 263
Робино 111
Розенфельд Орест 397
Рок Франсуа де ля 136, 151, 171, 187
Рокар Мишель 508
Роллан Ромен 15, 40, 43, 67, 143, 144, 196
Роллен Луи 147
Роль-Танги Анри 282, 284, 285
Роммель Эрвин 236, 248
Рош Жан 483
Роше Вальдек 57, 264, 324, 377, 379, 413, 423, 435, 453, 469, 470, 473, 480, 482, 485, 495, 496, 498, 499, 504, 506, 509, 518
Рубинский Ю. И. 454, 538
Ружье Л. 236
Рузвельт Франклин Делано 234, 258 260, 265
Рэмбер 378
Рюфф Юбер 249
Рюэфф Жак 425, 455, 499

Сабатье Андре 120
Савари Ален 507, 518, 519, 524
Савинков Борис Викторович 28
Садуль Жак 15, 28, 43, 45, 47, 108
Сайян Луи 288
Сакко Никола 133
Салан Рауль Альбен Луи 412, 413, 415, 417, 434, 437
Салини Л. 486, 488, 514
Салычев С. С. 400
Самба Марсель 42, 54, 55, 56
Самне Ж. 30
Сампе Люсьен 246
Сарро Альбер 127, 135, 174, 218, 337
Сарро Морис 130
Северак Жан Батист 131
Сеги Жорж 484, 487, 493
Селор Пьер 136, 144
Семар Пьер 26, 45, 71, 89, 93, 100, 113, 123, 124, 127, 248
Сентени 321
Серван-Шрейбер Жан Жак 519, 520, 525
Сериньи Ален де 411, 412
Серр Шарль 153, 176
Серрайль 118
Симонне Морис Рене 465
Синьор Ален 238, 249
Синьяк Поль 40
Словес А. 28, 29
Смирнов В. П. 219, 236
Сови А. 101, 124, 126, 138, 140
Соломон Жак 249
Соумс К. 539
Софинский Н. Н. 372
Спинасс Шарль 233, 298
Ставиский Александр 152
Стег Теодор 116
Стиль Андре 357, 358
Стиннес Гуго 85, 98
Стручков А. А. 273
Суварин Борис 42
Сустель Жак 384, 394, 402, 403, 405, 411, 412, 416, 426, 427, 434, 477
Сюзини Жан Жак 438
Сюлие М. 84, 98
Сюффер Г. Г. 472

Табуи Ж. 167
Танги-Прижан Франсуа 390
Тардье Андре 27, 30, 32, 33, 63, 81, 122, 136, 141, 144, 145, 150, 155, 187
Тарр Ф. де 306
Таскин Василий Константинович 272
Тембо Жан Пьер 245
Тенан П. 267
Теттенже Пьер 110

Тийон Шарль 249, 303, 319
Тиксье-Виньянкур Жан Луи 475—477
Толле Андре 262, 264, 284
Тома Альбер 15, 19, 42
Томмази 44
Торез Морис 47, 57, 74, 87, 88, 100, 135, 137, 141, 144, 161, 162, 171, 184, 186, 190, 195, 197, 206—208, 213, 214, 218, 220, 221, 226, 237, 238, 265, 268, 289, 295, 297, 303, 305, 318, 319, 325, 328, 333, 348, 359, 360, 374, 379, 385, 386, 397, 404, 418, 432, 434, 435, 469, 470
Трибуле Раймон 383
Трокер Андре ле 347
Трумэн Гарри 320
Трунский Ю Г. 79, 140
Турну Ж. Р. 415, 417, 429, 432, 494
Турок В. М. 114
Тушар Ж. 170

Уалид В. 61
Уильямс Ф. М. 422, 478, 480
Уфуэ-Буаньи 440

Фабр А. 80
Фабьен 245, 247
Фажон Этьен 217
Фарж Ив 253, 263, 348
Фаршо 63
Фернио Ж. 413
Филип Андре 289, 299, 312, 378
Фланден Пьер Этьенн 144, 155, 164, 165, 167, 169, 192, 200, 201, 217, 234
Фовэ Ж. 292, 298, 301, 302, 311, 321, 327, 329, 358, 434
Фонтанэ Жозеф 506, 510
Фонтен А. 6
Фор Морис 465, 519, 527
Фор Поль 54, 55, 119, 184, 233, 298
Фор Эдгар 381, 383, 384, 386, 390
Фош Фердинанд 10, 227
Франклин-Буйон Анри 130
Франко Франсиско 188, 189
Франс Анатоль 40, 41, 66, 67
Франсуа-Понсе Андре 33, 148, 158, 174
Франше д'Эспре Луи Феликс Мари Франсуа 28
Фрашон Бенуа 26, 184, 220, 238, 308, 358, 414, 460
Фревиль Ж. 26, 52, 56, 208, 214
Френэ Анри 253, 254, 268, 269
Фроссар Луи Оскар 51, 52, 56, 74, 88, 224
Фрэ Роже 457
Фурке Мишель 551
Фурниа А. 166
Фурнье Альбер 122
Фуше Кристиан 366
Фюзье Клод 472

Хашед Ферхад 361
Хольтиц Дитрих фон 284, 285
Хор Самюэль 173
Хо Ши Мин 53, 54, 79, 321, 362, 367
Хюнтцигер Шарль 227, 228

Цеткин Клара 56, 95
Цырульников Н. Г. 263, 265, 273, 282

Чемберлен Невилл 203, 212, 222
Черников Г. П. 374, 375, 542, 550, 552
Черникова Д. А. 542, 550, 552
Черчилль Уинстон 205, 222, 223, 226, 236, 241, 258, 276
Чиано Галеаццо 203, 204, 224

Шабан-Дельмас Жак 366, 388, 390, 411, 510, 511, 514, 520, 531
Шаль Морис Проспер Феликс 434
Шамбаз Ж. 154, 182
Шамбр Ги 198
Шампетье де Риб Жорж 318
Шапсаль Ж. 325, 425
Шардонне Ж. 335
Шарло Ж. 426
Шассень Франсуа 217
Шастене Ж. 246
Шаумбург 263
Шварценберг Р. Г. 476
Шевалье Жак Жорж Мари Франсуа 364
Шенбрун Д. 303
Шеник 360
Шервуд Р. 265
Шерер 347
Шлейхер Курт фон 148
Шнеерсон А. И. 7
Шотан Камилл 90, 152, 185—187, 192, 194, 196—199, 217
Штейн Б. Е. 32
Штреземан Густав 98, 114, 128
Штюльпнагель Отто фон 230, 245
Шуман Морис 543, 552
Шуман Робер 334—337, 339, 340, 341—343, 360, 369, 402
Шури М. 268

Эбуэ Феликс 242
Эйзенхауэр Дуайт 259, 276, 285, 286, 442, 538
Эйнштейн Альберт 113
Эльжей Ж. 304, 305, 314, 326, 331, 335, 338, 352
Энафф Эжен 249
Энгельс Фридрих 56
Энрио Филипп 282
Эпштейн Жозеф (полковник Жиль) 272
Эрбетт Жан 115
Эррио Эдуард 12, 63, 82, 84, 85, 90, 93, 98, 101, 103—108, 110—115, 121, 123—125, 127, 130, 135, 145, 146, 149, 158, 159, 163, 164, 174, 175, 194, 227, 231, 306, 318, 337, 389
Эрхард Людвиг 446
Эстье Клод 475, 531

Юденич Николай Николаевич 34
Юнг Оуэн 129

Яринг Гунар 542

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

В дни забастовки железнодорожников в феврале 1920 г. 23
Выступление Хо Ши Мина на съезде в Туре 54
Анатоль Франс. Рисунок Т. Стейнлена 67
Поль Вайян-Кутюрье 75
Эдуард Эррио 85
Вступление французских войск в Эссен 91
Перенос праха Жореса в Пантеон 109
Пьер Семар 127
Ромен Роллан 145
Анри Барбюс 147
Антифашистская демонстрация 12 февраля 1934 г. в Париже 155
Убийство Луи Барту. Марсель, 9 октября 1934 г. 159
Жак Дюкло 163
Марсель Кашен выступает на VII конгрессе Коммунистического Интернационала 173
Программа Народного фронта. «Юманите», 12 января 1936 г. 177
Демонстрация Народного фронта. Париж, июль 1936 г. 181
Руководители партий Народного фронта во время демонстрации 14 июля 1936 г. 183
Рабочая демонстрация в Париже 191
Грузовые автомобили с продуктами для республиканской Испании 193
Даладье подписывает Мюнхенское соглашение 205
Марсель Кашен в качестве свидетеля на заседании военного трибунала, разбирающего «дело» депутатов-коммунистов 225
Немецко-фашистские оккупанты в Париже 225
Обращение Мориса Тореза и Жака Дюкло. «Юманите», 10 июля 1940 г. 237
Полковник Фабьен 247
«Маки» 251
Советские партизаны — участники французского Сопротивления 273
Памятник на могиле Василия Порика 275
Схема баррикадных боев в Париже 281
Призыв к вооруженному восстанию. «Юманите», 18 августа 1944 г. 283
Бой на площади Французского театра в Париже 285
Морис Торез 297

Стачечники в парижском пригороде 331
Демонстрация трудящейся молодежи в Париже против грязной войны во Вьетнаме 345
Фредерик Жолио-Кюри 349
Митинг в Марселе против ремилитаризации Западной Германии 351
Сбор подписей под Обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами 363
Выступление М. Кашена перед избирателями. 1956 г. 387
Баррикады в Алжире 414
«Нет фашизму!» Манифестация железнодорожников на парижском вокзале Сен-Лазар против ультраколониалистского мятежа в Алжире 416
Президент де Голль в Москве 451
Шахтеры 458
Май 1968 г. 485
Забастовка рабочих на заводе «Рено». Париж, июнь 1968 г. 497
Делегация ФКП на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве. Июнь 1969 г. 505
Французы приветствуют приезд Л. И. Брежнева 547

КАРТА

Военные действия в Нидерландах, Бельгии и Франции. 10 мая — 24 июня 1940 г. 224—225

ОГЛАВЛЕНИЕ

1 ФРАНЦИЯ И ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 5

Л. П. Кожевникова (раздел о внешней политике написан *М. А. Люксембургом*)

После войны 5

Классовые бои пролетариата 15

Внешняя политика французского империализма. Движение в защиту Советской России 27

Борьба течений в рабочем и социалистическом движении. Образование ФКП 42

2 НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЛОК У ВЛАСТИ 59

М. А. Люксембург

Экономическое положении Франции в 1921—1922 годах 59

Внутренняя и внешняя политика правительства Бриана. Спад рабочего движения 63

Французская коммунистическая партия после Тура 73

Пуанкаре у власти 80

Оккупация Рура и массовое антивоенное движение 89

3 ОТ ЛЕВОГО БЛОКА К «НАЦИОНАЛЬНОМУ ЕДИНЕНИЮ» 101

С. Н. Гурвич

Парламентские выборы 1924 года и образование правительства Левого блока 102

Радикалы у власти 106

Распад Левого блока 113

Борьба коммунистической партии за единый фронт рабочего класса 118

Правительство «Национального единения» 125

4 УГРОЗА ФАШИЗМА И НАРОДНЫЙ ФРОНТ 138

З. С. Белоусова

Экономический кризис и политика правящего класса 138

Фашистская угроза. Курс на сближение с Советским Союзом 150

От единого фронта к Народному фронту. Роль ФКП в сплочении антифашистских сил 160

Нарастание угрозы войны 172

Победа Народного фронта и социальные завоевания трудящихся 178

Обострение борьбы по вопросам внутренней и внешней политики 185

5 ФРАНЦИЯ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 195

Л. П. Лавров

Контрнаступление реакции 195

Кризис Народного фронта и мюнхенский сговор 200

Канун войны 206

6 ПОРАЖЕНИЕ В ВОЙНЕ И ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ 215

Л. М. Видясова

«Странная война» 215

Поражение Франции 221

Правительство Виши. Начало движения Сопротивления 229

Франция после нападения Германии на Советский Союз 244

Коренной перелом в войне и положение Франции 258

Национальное восстание и освобождение страны 271

7 ВРЕМЕННЫЙ РЕЖИМ 287

Ю. И. Рубинский

Расстановка политических сил после освобождения и борьба за социальные преобразования 287

Выработка новой конституции 300

Конституция 1946 года и кризис трехпартийной коалиции 314

8 ПОЛИТИКА АТЛАНТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ 323

Р. С. Варфоломеева

Удаление коммунистов из правительства. «Третья сила» 323

«План Маршалла». Новый подъем забастовочного движения 332

Вступление Франции в агрессивные блоки и борьба трудящихся против войны во Вьетнаме 339

Правоцентристский блок у власти 351

9 УПАДОК ЧЕТВЕРТОЙ РЕСПУБЛИКИ 365

Р. С. Варфоломеева

Конец войны в Индокитае. Борьба вокруг «Европейского оборонительного сообщества» 365

Состояние французской экономики. Подъем забастовочной борьбы 373

Война в Алжире и усиление реакционных тенденций в буржуазном лагере 380

Парламентские выборы 2 января 1956 года. Правительство Ги Молле 388

Наступление реакции и кризис Четвертой республики 400

10 ПЯТАЯ РЕСПУБЛИКА. 1958—1967 ГОДЫ 406

Ю. И. Рубинский, В. Н. Седых

Французский империализм к концу 50-х годов. Майский кризис 1958 года 406

Формирование политического механизма Пятой республики 418

Крушение колониальной империи 426

Внешняя политика Пятой республики 441

Социальная политика правящих кругов и массовое движение трудящихся 453

Внутриполитическая борьба в 1962—1967 годах 463

11 ФРАНЦИЯ НА РУБЕЖЕ 70-Х ГОДОВ (1968—1973 ГОДЫ) 482
Ю. Н. Панков

Социально-политический кризис в 1968—1969 годах 482
Пятая республика в 1970—1973 годах 510
Внешняя политика Пятой республики на рубеже 70-х годов 535

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА 556
БИБЛИОГРАФИЯ 569
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 585
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ 594

ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ
том III

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор
Л. И. Гинцберг

Редактор издательства
Ю. И. Хаинсон

Художник
Г. В. Дмитриев

Художественный редактор
Ю. П. Трапаков

Художественно-технический редактор
Т. А. Прусакова

Сдано в набор 12/II 1973 г.
Подписано к печати 13/VII 1973 г.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 37,62
Уч.-изд. л. 40,2
Тираж 77 000
Т-11740
Тип. зак. 1767
Бум. № 1

Цена 2 р. 84 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». 121099
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10